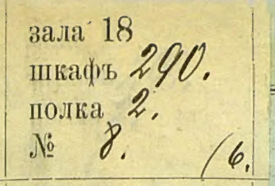

Изданіе Ф. Павленкова.

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

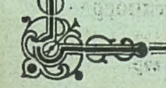
(2-ая половина).

Цѣна каждаго тома 1 рубль.

Портретъ автора и статья о его литературной дѣятельности будутъ помѣщены при шестомъ томѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-хромолитографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., д. № 12.
1894.

НЕОБХОДИМОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ.

(Audiatur et altera pars).

Нѣкоторые изъ старыхъ противниковъ Писарева, не забывшіе еще до сихъ поръ его популярности среди молодежи 60 хъ годовъ и смѣлыхъ парадоксовъ, высказанныхъ имъ въ двухъ-трехъ критическихъ статьяхъ противъ чистаго искусства, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, постоянно старались представить современному поколѣнію своего нелюбимца чѣмъ-то вродѣ лохматаго нигилиста, революціонера и всеотрицателя, толкавшаго молодежь на гибельный путь разрушенія. Для лучшаго достиженія своей цѣли, они не гнушались даже эксплоатировать, въ качествѣ вспомогательнаго аргумента, одно совершенно случайное обстоятельство изъ жизни Писарева, а именно, четырехлѣтнее заключеніе его въ крѣпости.

Но если такая завѣдомо ложная характеристика Писарева могла приниматься на вѣру людьми, незнакомыми съ его жизнью и міросозерцаніемъ, то развѣ только до появленія труда Е. А. Соловьева, автора въ высшей степени правдивой и довольно обстоятельной біографіи Писарева *), въ которой разбирается также и его литературная дѣятельность. Біографія эта фактически доказываетъ, что, какъ по своему типу и обстоятельствамъ жизни, такъ и по духу своихъ произведеній, Писаревъ представлялъ собою элементъ вполнѣ антиреволюціонный, почему на него и нападали постоянно, какъ на самаго заклятаго своего врага, всѣ представители соціальнаго броженія.

По внѣшности это былъ джентльменъ съ головы до ногъ, съ изящными манерами, всегда безукоризненно и щеголевато одѣтый, владѣвшій въ совершенствѣ иностранными языками; въ любой свѣтской гостинной его приняли-бы за своего, и онъ показался-бы человѣкомъ вполнѣ comme-il-faut самому строгому блюстителю свѣтской порядочности. Утонченно-вѣжливый по воспитанію, онъ и по натурѣ обладалъ мягкимъ, кроткимъ характеромъ, нѣжнымъ, любвеобильнымъ сердцемъ и такой прозрачной искренностью, что родные съ дѣтства прозвали его хрустальной коробочкой, въ которой трудно утаить что-бы то ни было.

Родился и получилъ воспитаніе Писаревъ въ зажиточной и образованной помѣщичьей семьѣ, а затѣмъ былъ привезенъ въ Петербургъ, помѣщенъ въ домѣ дяди, человѣка съ большими средствами и связями, и опредѣленъ въ 3-ю гимназію.

Въ гимназіи Писаревъ былъ постоянно однимъ изъ первыхъ учениковъ, кончилъ курсъ съ медалью и въ тоже время поражалъ товарищей своей изящной внѣшностью; всегда безукоризненно-чисто одѣтый, розовенькій, гладко причесанный, онъ производилъ впечатлѣніе переодѣтой дѣвочки, и таковъ-же былъ во всѣхъ своихъ привычкахъ.

Въ университетъ Писаревъ поступилъ на филологическій факультетъ, всегда отличавшійся научно-гелертерскимъ и консервативнымъ характеромъ своихъ слушателей, чуждавшихся всякихъ такъ-называемыхъ «студенческихъ вопросовъ» и безпорядковъ. Онъ попалъ въ кружокъ товарищей, которые высшимъ призваніемъ человѣка считали углубленіе въ какую-нибудь узкую научную спеціальность и съ презрѣніемъ смотрѣли на каждаго смертнаго, который позволялъ себѣ интересоваться злобами дня, читать журналы или посѣщать студенческія сходк[illegible] этого кружка и Писаревъ постоянно старался избрать себѣ какую-нибу[illegible]

Только природное призваніе могло отвлечь его отъ науки и ус[illegible] критической дѣятельности, причемъ работы рецензента такъ приш[illegible] что, по окончаніи курса въ университетѣ со степенью кандидата, Пис[illegible] въ нее, просиживая дни и ночи надъ критическими статьями и отзывами.

Въ университетѣ и послѣ него Писаревъ оставался все такой-же «хрусталь[illegible] коробочкой», какъ и въ дѣтствѣ, весь наружу; однимъ словомъ, по самому существу своему, былъ человѣкъ ни мало не способнымъ къ конспиративной дѣятельности. Попалъ же онъ въ крѣпость совершенно неожиданно и случайно... Передъ этимъ онъ испыталъ нѣсколько невзгодъ. Ему отказала въ рукѣ и сердцѣ дѣвушка, которую онъ страстно любилъ съ самаго дѣтства. Одновременно было закрыто «Русское Слово», гдѣ помѣщались его статьи и онъ остался безъ всякихъ средствъ. Все это вмѣстѣ повергало его въ такое отчаянное настроеніе, въ которомъ человѣкъ мало дорожитъ своею жизнью и судьбою. Въ апрѣлѣ 1862 года вышла брошюра Шедофероти, содержавшая въ себѣ разборъ письма Герцена къ русскому посланнику въ Лондонѣ. Брошюра, какъ крайне благонамѣренная, была допущена цензурой къ продажѣ. Писаревъ написалъ рецензію на нее для «Русскаго Слова» передъ его закрытіемъ еще, но статейка не была пропущена цензурой и валялась у автора на письменномъ столѣ.

Однажды къ нему пришелъ товарищъ по университету, Баллодъ, человѣкъ мало ему знакомый, и увидавъ рецензію, заинтересовался ею; узнавъ же, что она не была пропущена цензурой, объявилъ Писареву, что у него имѣется тайная типогра-

*) Д. И. Писаревъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Спб. 1893 г., 160 стр.

СОЧИНЕНІЯ

Д. И. ПИСАРЕВА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Цѣна каждаго тома 1 рубль.

Портретъ автора и статья о его литературной дѣятельности помѣщены при шестомъ томѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1894.

Оглавленіе третьяго тома.

1863.

1864.

конституціонная партія не ограничилась тѣмъ, что взяла себѣ исходной точкой произвольную импровизацію; она кромѣ того съумѣла поставить себя въ противорѣчіе съ этой самой импровизаціей: предполагая, что король былъ похищенъ, она однако ухитрилась наложить на него исправительную эпитимію; собраніе рѣшило, что верховная исполнительная власть отнимается у короля и сосредоточивается въ національномъ собраніи до тѣхъ поръ, пока конституція не будетъ окончена и пока король не приметъ и не утвердитъ ее своей торжественной клятвой.

Все это зданіе выдумокъ и противорѣчій было воздвигнуто трудами Дюпора, Барнава, Ламета и многихъ другихъ сотрудниковъ ихъ, втеченіи трехъ недѣль. Къ 16 іюля пренія о варенской исторіи окончились въ собраніи, но тѣ рѣшенія, которыми удовлетворялись представители, вовсе не понравились народу. Клубъ кордельеровъ весь объявилъ себя противъ королевской власти; Маратъ въ своей газетѣ совѣтовалъ народу выбрать себѣ диктатора или военнаго трибуна. Бриссо сталъ издавать газету «le Républicain»; Кондорсе написалъ республиканскій памфлетъ; Робеспьеръ въ клубѣ якобинцевъ говорилъ объ осторожности и уваженіи въ конституціи; но въ національномъ собраніи настаивалъ на томъ, что короля слѣдуетъ судить. Якобинцы старались соблюдать конституціонное благоразуміе, но когда Бриссо заговорилъ въ ихъ клубѣ противъ неприкосновенности королевской особы, тогда раздались крики неистоваго и чисто республиканскаго восторга. Бывшіе хозяева якобинскаго клуба,—Ламетъ, Дюпоръ и Барнавъ,—увидѣли по многимъ признакамъ, что твореніе ихъ рукъ уходитъ окончательно изъ-подъ ихъ вліянія. Они рѣшились сдѣлать отчаянную попытку; 10 іюля они перешли вмѣстѣ съ своими друзьями изъ монастыря якобинцевъ въ монастырь фельяновъ; за ними послѣдовали почти всѣ депутаты, бывшіе членами якобинскаго клуба; этотъ новый клубъ фельяновъ объявилъ всѣмъ провинціальнымъ якобинцамъ, что съ этого дня онъ будетъ составлять настоящее общество друзей конституціи; но большая часть провинціальныхъ клубовъ не признали этого настоящаго «общества» и попрежнему продолжали переписываться съ якобинцами, оставшимися въ якобинскомъ монастырѣ. Ни Робеспьеръ, ни Петіонъ, ни Бриссо не пошли въ новое помѣщеніе клуба. У фельяновъ стали собираться депутаты и конституціонный beau-monde, но это изысканное общество, существовавшее всего одинъ годъ, постоянно оставалось совершенно безсильнымъ.

Руководители національнаго собранія принуждены были наконецъ убѣдиться въ томъ, что ихъ время прошло и что выдвигаются впередъ новыя стремленія, которыхъ они не понимаютъ, и новые люди, въ отношеніи къ которымъ они становятся уже людьми прошедшаго. Анти-роялистское движеніе въ клубахъ и въ газетахъ служило вѣрнымъ отголоскомъ господствующаго настроенія народныхъ массъ. Въ національное собраніе приходили изъ разныхъ городовъ и департаментовъ адресы, совершенно враждебные Людовику XVI, и нескромное направленіе этихъ адресовъ ставило иногда почтенныхъ законодателей въ очень неловкое и затруднительное положеніе.

Но затрудненія сдѣлались еще гораздо существеннѣе и значительнѣе, когда рѣшеніе собранія по дѣлу короля возбудило сильное неудовольствіе въ самомъ Парижѣ. Пока продолжались еще пренія о варенской исторіи, происходили разныя частныя демонстраціи; когда пренія закончились, тогда составился планъ подать собранію петицію, подписанную многими тысячами именъ и выражающую желаніе парижскаго народа, чтобы король былъ низложенъ съ престола. Утромъ 17 іюля нѣсколько гражданъ, принадлежащихъ къ клубу кордельеровъ, собрались на Марсовомъ полѣ и положили свою петицію на алтарь отечества, построенный въ 1790 году, для праздника федераціи. Кто проходилъ мимо, тотъ читалъ и подписывалъ. Слухъ о прошеніи распространился очень быстро; люди, желающіе прочитать и подписать петицію, стали стекаться на Марсово поле со всѣхъ сторонъ; толпа привлекала толпу, и часамъ къ четыремъ по полудни вокругъ алтаря отечества собрались десятки тысячъ народа; устроилось что-то вродѣ общественнаго гулянья; тутъ были женщины и дѣти, люди всякаго званія и всякаго образа мыслей; были и сумасброды, совѣтовавшіе публикѣ взять штурмомъ собраніе и разогнать недостойныхъ представителей великаго французскаго народа; но публика разумѣется смотрѣла на этихъ бѣсноватыхъ проповѣдниковъ, какъ на забавный аксессуаръ лѣтней прогулки; между тѣмъ на петиціи набралось уже очень много подписей, и національное собраніе, знавшее непріятное направленіе этой бумаги, пожелало уничтожить ее и задавить все движеніе мѣрами спасительной строгости. Собраніе приказало парижскому мэру разогнать толпу бунтовщиковъ и злодѣевъ, собравшихся вокругъ алтаря отечества; Вальи и Лафайетъ объявили военный законъ противъ возмущенія, выставили въ окнѣ ратуши красное знамя и пошли на Марсово поле съ пѣхотой, кавалеріей и артиллеріей національной гвардіи; пѣхота дала залпъ, храбрая кавалерія бросилась въ атаку и только артиллеріи не удалось принять участіе въ пораженіи враговъ. Бунтовщики и злодѣи обращены въ позорное бѣгство; на ступеняхъ алтаря отечества осталось больше сотни убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ много женщинъ, дѣтей и стариковъ. Собраніе изъявило свою благодарность городскимъ властямъ за ихъ энергію и распорядительность. Затѣмъ дѣла пошли прежнимъ порядкомъ.

Собраніе было такъ великодушно, что не вос пользовалось своей побѣдой надъ злоумышлен

никами. Нѣкоторые депутаты совѣтовали закрыть клубы и пугнуть журналистовъ, но собраніе на это не согласилось. Якобинцы, смущенные воинственнымъ шумомъ, скоро оправились и совершенно пересилили фельяновъ, въ пользу которыхъ была одержана такая блистательная побѣда. Робеспьеръ, Маратъ, Дантонъ, Бриссо, Демуленъ, Фреронъ продолжали господствовать надъ умами народа рѣчами, брошюрами и газетами. Популярность Лафайета и Бальи осталась убитой на Марсовомъ полѣ. 14 сентября король принялъ конституцію; 30 сентября учредительное собраніе окончило свою дѣятельность и разошлось. Изъ 1800 милліоновъ ассигнацій было издержано 1323. Финансы остались въ прежнемъ положеніи.

ЦВѢТЫ НЕВИННАГО ЮМОРА.

1. Сатиры въ прозѣ. Н. Щедрина. 2. Невинные разсказы. Н. Щедрина.

I.

Плохо приходится въ наше время поэтамъ; кредитъ ихъ быстро понижается; безчувственные критики и бездушные свистуны подрываютъ въ публикѣ всякое уваженіе къ великимъ тайнамъ безсознательнаго творчества. Прежде говорили о вдохновеніи поэта, прежде поэта считали любимцемъ боговъ и интимнымъ собесѣдникомъ музъ; хотя эти миѳологическія метафоры грѣшно было принимать буквально, однакожъ за этими метафорами постоянно чувствовалось что-то хорошее и таинственное, неуловимое и непостижимое, что-то такое, что нашему брату вахлаку должно оставаться навсегда недоступнымъ; объ этомъ нашему брату позволялось узнавать только по неяснымъ разсказамъ художниковъ, которые, «какъ боги, входятъ въ зевесовы чертоги», гдѣ имъ показываютъ весьма интересныя и часто нескромныя картинки. Теперь все это перемѣнилось; нашъ братъ вахлакъ большую силу забралъ и обо всемъ разсуждать берется; и вдохновенія не признаетъ, и въ зевесовы чертоги не желаетъ забираться, несмотря на то, что поэтъ весьма наглядно разсказываетъ, какъ въ этихъ чертогахъ показывали одному художнику въ «вѣчныхъ идеалахъ» «волнистость спинки бѣлой» и вообще разныя такія вещи, который «божество открываетъ смертнымъ въ доляхъ малыхъ» (А. Майковъ). Все это нашъ братъ отрицаетъ съ свойственной ему грубостью чувствъ и дерзостью выраженій; это, говоритъ, все цвѣты фантазіи, а вы намъ вотъ что скажите: какова у поэта сила ума? и широко-ли его развитіе? и основательно-ли его образованіе? — Ну, что-жъ это за вопросы? Умѣстны-ли они? Деликатны-ли они? Позволительно-ли ставить передъ собой любимца боговъ и допрашивать его, какъ провинившагося гимназиста? Когда уже дѣло дошло до такихъ неслыханныхъ вопросовъ, когда утрачена вѣра въ божественность вдохновенія, когда журналы находятъ болѣе интереснымъ держать корреспондентовъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ, въ Саратовѣ или Иркутскѣ, чѣмъ на Парнасѣ или въ чертогахъ Зевеса, тогда конечно мирному поэту остается только повѣсить свою голубушку-лиру на гвоздикъ и поступить на дѣйствительную службу или обратиться къ мрачнымъ заботамъ сельскаго хозяйства. Если такъ пойдетъ дальше, то наступитъ современемъ драматическая минута, когда послѣдній поэтъ бросится на шею къ послѣднему эстетику и, рыдая, скажетъ ему: «другъ мой, мы съ тобой одни. Міръ прокисъ и развратился. Микроскопъ и скальпель не даютъ намъ покоя. Если мы не спрячемся или не притворимся натуралистами, то насъ съ тобой могутъ посадить за-живо въ спиртъ, чтобы сохранить въ полной цѣлости послѣдніе экземпляры исчезнувшей породы, имѣвшей удивительное внѣшнее сходство съ человѣкомъ. Другъ мой, когда мы умремъ, тогда послѣдняя калитка, ведущая въ зевесовы чертоги, будетъ заколочена и на глухо заложена не кирпичами, а всѣми нераспроданными экземплярами моихъ стихотвореній и всѣми неразрѣзанными листами твоихъ критическихъ статей». Ну, скажетъ эстетикъ, если такъ, то все кончено. Калитка навсегда сдѣлается неприступной! Сквозь мою критику и твою поэзію ни человѣкъ не пролѣзетъ, ни звѣрь не проскочитъ. И, обнявшись весьма крѣпко, какъ обнимаются люди на могилѣ всего, что имъ дорого, наши послѣдніе могиканы во весь духъ побѣгутъ въ лавку покупать себѣ микроскопъ и химическія реторты, какъ маскарадныя принадлежности, долженствующія спасти ихъ отъ преждевременнаго и непроизвольнаго погруженія въ спиртъ. Исторія переродившихся экземпляровъ исчезнувшей породы кончится тѣмъ, что оба, эстетикъ и поэтъ, женятся à la face du soleil et de la nature на двухъ дѣвушкахъ, занимающихся медицинской практикой и приводившихъ въ былое время своихъ теперешнихъ поклонниковъ въ совершенный ужасъ своимъ непостижимо-солиднымъ образованіемъ, своимъ неприлично-твердымъ образомъ мыслей и своимъ полнѣйшимъ отсутствіемъ женственной граціи, т. е. слабости, глупости и жеманства. Дѣти этихъ двухъ счастливыхъ паръ услышатъ еще кое-какіе

темные толки объ эстетикахъ и поэтахъ, а внуки и того не услышатъ. Обѣ породы сдѣлаются совершенно неизвѣстными, какъ неизвѣстны намъ теперь многіе слизняки первобытнаго міра, не оставившіе послѣ себя ни костей, ни раковинъ, ни другихъ слѣдовъ своего бреннаго существованія.

По многимъ отдѣльнымъ чертамъ, разсѣяннымъ въ моей пророческой импровизаціи, читатель можетъ замѣтить, что осуществленіе ея принадлежитъ еще весьма отдаленному будущему; по всей вѣроятности прадѣдушки и прабабушки послѣдняго эстетика и послѣдняго поэта въ настоящую минуту еще не находятся въ утробахъ своихъ матерей; но, несмотря на отдаленность рѣшительной катастрофы, зловѣщіе признаки показываются уже и въ наше время. Такъ напримѣръ Фетъ, рѣшившись посвятить всѣ свои умственныя способности неутомимому преслѣдованію хищныхъ гусей, сказалъ въ прошломъ 1863 году послѣднее прости своей литературной славѣ; онъ самъ отпѣлъ, самъ похоронилъ ее и самъ поставилъ надъ свѣжей могилой величественный памятникъ, изъ-подъ котораго покойница уже никогда не встанетъ; памятникъ этотъ состоитъ не изъ гранита и мрамора, а изъ печатной бумаги; воздвигнутъ онъ не въ обширныхъ сердцахъ благородныхъ россіянъ, а въ тѣсныхъ кладовыхъ весьма неблагодарныхъ книгопродавцевъ; монументъ этотъ будетъ конечно несокрушимѣе бронзы (aere perennius), потому что бронза продается и покупается, а стихотворенія Фета, составляющія вышеупомянутый монументъ, въ наше время уже не подвергаются этимъ не эстетическимъ операціямъ. Эта незыблемая прочность монумента весьма огорчаетъ книгопродавцевъ вообще, а издателя стихотвореній, купца Солдатенкова, въ особенности; эти господа не понимаютъ трагическаго величія этого монумента и готовы роптать на его несокрушимость; поэтому-то я и назвалъ ихъ неблагодарными; неблагодарность ихъ, мнѣ кажется, можетъ дойти до того, что они современемъ сами разобьютъ монументъ на куски и продадутъ его пудами для оклеиванія комнатъ подъ обои и для завертыванія сальныхъ свѣчей, мещерскаго сыра и копченой рыбы. Фетъ унизится такимъ образомъ до того, что въ первый разъ станетъ приносить своими произведеніями нѣкоторую долю практической пользы. Согласитесь, что для вѣчнаго поклонника чистой красоты такое «порабощеніе искусства», не снившееся даже Ахшарумову, должно казаться невыносимо обиднымъ.

Я вижу, какъ растроганы всѣ мои чувствительные читатели, и спѣшу отвратить ихъ взоры, отуманенные слезами, отъ этихъ печальныхъ и зловѣщихъ явленій, исподволь подготовляющихъ для нашего потомства окончательное паденіе чистаго искусства. Спѣшу даже утѣшить моихъ стихолюбивыхъ читателей. Мы вѣдь не потомство, мы не люди будущаго. На нашъ вѣкъ хватитъ и лирической поэзіи, и кулачныхъ подвиговъ, и темнаго суевѣрія, и бурыхъ таракановъ, и всякаго другого снадобья, въ которомъ выражаются даже до сего дня нашъ отечественный бытъ, нашъ доморощенный умъ и наше народное самосознаніе. Чтобы утѣшить читателя еще болѣе, я кромѣ того попрошу его замѣтить, что въ наше время чистое искусство еще чрезвычайно сильно и отдѣлаться отъ него почти невозможно, тѣмъ болѣе что оно до безконечности измѣняетъ свои наружныя формы и иногда появляется въ такомъ мѣстѣ и въ такомъ видѣ, въ которомъ чрезвычайно трудно вывести его на свѣжую воду. Вы не думайте, что чистое искусство проявляется только въ пѣсенкахъ «о серебрѣ и колыханіи соннаго ручья», или «о волнахъ ликующаго звука». Не думайте также, что въ одинъ разрядъ съ этими пѣсенками слѣдуетъ поставить только тѣ романы и повѣсти, которые изслѣдуютъ невысказанныя чувства и неразъясненныя недоразумѣнія, растерзавшія два нѣжныя сердца, изъ которыхъ одно принадлежало существу мужескаго пола, а другое такому же существу пола женскаго. Это самыя невинныя видоизмѣненія чистаго искусства; ихъ уже давно взяли на замѣчаніе, и кто попадется на эту удочку, тотъ обличитъ уже или крайнюю неопытность, или неисправимую закоснѣлость. Но развѣ мало другихъ видоизмѣненій, болѣе утонченныхъ? Вотъ напримѣръ исполинъ-ловецъ, неутомимо преслѣдующій въ «Русскомъ Вѣстникѣ» всякую умственную ересь, толкуетъ горячо и пространно о «плящущихъ блудницахъ», о «головкахъ и хвостикахъ недодѣланной мысли», о томъ, что онъ, московскій Немвродъ, часто превращающійся въ мычащаго Навуходоносора, всѣхъ умнѣе, честнѣе и благонадежнѣе, и что онъ всякому честному человѣку будетъ смотрѣть прямо въ глаза до тѣхъ поръ, пока тотъ отвернется, или сморгнетъ. Что долженъ думать читатель, при которомъ производятся такія конфиденціальныя бесѣды, пересыпанныя столь загадочными выраженіями и столь неожиданными эксцентричностями? Онъ долженъ думать, что читаетъ лирическую пѣсню, и долженъ жалѣть о томъ, что эта пѣсня такъ длинна и притомъ написана прозой, а не убаюкивающимъ стихомъ Фета. А вотъ напримѣръ платоническій любитель славянскихъ идей въ сотый разъ повторяетъ въ своей газеткѣ, что наша цивилизація есть ложь и что свѣдѣнія о самой настоящей правдѣ слѣдуетъ собрать въ самыхъ пыльныхъ архивахъ и въ самыхъ завалящихъ пещерахъ; и все-таки онъ не представляетъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній и не собираетъ никакихъ матеріаловъ, а только, бія себя въ перси, лепечетъ и выкликаетъ слово «ложь», какъ всесильное заклинаніе противъ всѣхъ неблагол[illegible]пій любезнаго отечес[illegible] Очевидно, что онъ изъ любви къ искусст[illegible] шетъ дифирамбъ, и читателю опять-так[illegible]

дится пожалѣть, что онъ пишетъ его не стихами; во-первыхъ — онъ въ такомъ случаѣ писалъ бы не такъ быстро и слѣдовательно не такъ много; во-вторыхъ—его читали бы еще меньше и осмѣивали бы больше, чѣмъ читаютъ и осмѣиваютъ теперь. А вотъ напримѣръ хроникеръ «Отечественныхъ Записокъ» ежемѣсячно производитъ инспекторскій смотръ прекраснымъ качествамъ своей собственной великой души, и также ежемѣсячно проливаетъ горькія слезы надъ печальными заблужденіями и чернило-пролитными ссорами своихъ журнальныхъ собратовъ. Какъ жаль, скажетъ всякій безпристрастный читатель, что этотъ добрый человѣкъ не пишетъ элегій. Его произведенія можно было бы положить на ноты, и ему сказали бы большое спасибо всѣ уѣздныя барышни, находящія, что «Черная шаль» конечно романсъ безподобный, но что въ немъ, къ сожалѣнію, недостаетъ современнаго колорита гражданской скорби. А весь легіонъ сотрудниковъ «Времени», всѣ эти Григорьевы, Страховы, Косицы и всѣ, «ихъ же имена Богъ вѣсть», развѣ можно не признать ихъ жрецами чистаго искусства и развѣ можно не поставить ихъ въ этомъ отношеніи гораздо выше Фета, Случевскаго, Майкова и Крестовскаго? Вся политика, наука и критика «Времени» составляютъ очевидно одну длинную, сладкую-пресладкую, нѣжную-пренѣжную идиллію, написанную въ прозѣ Аѳанасіемъ Ивановичемъ собственно для того, чтобы изумить и обрадовать голубушку Пульхерію Ивановну въ день ея шестьдесятъ-седьмаго *) тезоименитства. Собственно, одна Пульхерія Ивановна только и должна была бы читать эту идиллію, а если у «Времени» было, какъ оно говоритъ, 4000 подписчиковъ, то это доказываетъ только, что Пульхерія Ивановна у насъ на Руси составляетъ лицо не единоличное, а въ нѣкоторомъ смыслѣ коллегіальное. Да, чистое искусство, вытѣсненное задорными отрицателями изъ области «сладкихъ звуковъ и молитвъ», немедленно влетѣло въ міръ «корысти и битвъ» и на этой новой почвѣ разрослось съ такой силой и быстротой, какой никто не могъ-бы въ немъ предположить.

Читатель вѣроятно понимаетъ уже теперь, что я называю чистымъ искусствомъ, и посему я считаю несправедливымъ ограничивать область этого чужеяднаго растенія тѣмъ крошечнымъ палисадникомъ, въ которомъ разводятся для барской потѣхи эстетическія рецензіи, розовые романы и благоухающія стихотворенія. Какъ-бы это было хорошо, кабы чистое искусство процвѣтало въ одномъ этомъ палисадникѣ; тогда можно было-бы уговорить и упросить всѣхъ задорныхъ критиковъ, чтобъ они совсѣмъ и не заглядывали въ этотъ палисадничекъ; пускай себѣ растутъ и цвѣтутъ всѣ эти зеленыя милашки; они никого не трогаютъ, и ихъ пускай не трогаютъ. А теперь нельзя. Претъ чистое искусство во всѣ стороны, и поневолѣ приходится изъ чувства самосохраненія преслѣдовать его въ томъ самомъ убѣжищѣ, въ которомъ оно съ незапамятныхъ временъ устроило себѣ теплое гнѣздышко.

Итакъ, что же такое чистое искусство? А вотъ видите ли, человѣкъ пользуется своимъ языкомъ для того, чтобы выражать свои мысли, чувства и потребности; когда онъ дѣйствуетъ такъ, тогда разговоръ приноситъ пользу или удовольствіе ему, или его слушателю, или тому и другому вмѣстѣ. Тутъ разговоръ служитъ средствомъ, а цѣль разговора лежитъ внѣ его предѣловъ; стало-быть тутъ нельзя сказать, что разговоръ производится для разговора. Но въ большей части случаевъ человѣкъ пользуется языкомъ для того, чтобы убить время. Разговоръ самъ себѣ становится цѣлью. Французы съ гордостью говорятъ о себѣ, что они создали искусство разговора — lart de la causerie. Зато Базаровъ умоляетъ Аркадія не говорить красиво и по своей медвѣжьей грубости увѣряетъ, что говорить красиво свойственно только людямъ совершенно пустоголовымъ. Если мы припомнимъ, что искусство de la causerie процвѣтало при дворахъ Людовиковъ XIV, XV и XVI, и что оно воздѣлывалось маркизами и графинями, систематически притуплявшими свои умственныя способности съ самой ранней молодости, то мы принуждены будемъ сознаться, что нашъ грубый землякъ Базаровъ разсуждаетъ весьма непочтительно, но довольно основательно. Примѣненіе чистаго искусства къ человѣческому разговору оказывается вѣрнѣйшимъ средствомъ развратить и ослабить умственныя способности и вселить въ лукавое сердце человѣка непобѣдимую любовь къ извивающейся фразѣ и неодолимое отвращеніе ко всякому серьезному труду мысли. Вообразимъ себѣ теперь, что искусство салонной бесѣды успѣло развиться во Франціи еще сильнѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности; очевидно, могло и должно было случиться, что изъ общей массы бесѣдующихъ выдѣлились бы спеціалисты своего дѣла, художники-болтуны, которымъ стали бы платить деньги, по стольку-то за часъ или за вечеръ, какъ платятъ таперу, пѣвцу или чтецу: поговори только, отецъ родной, побесѣдуй! Этого не случилось въ отношеніи къ разговору даже во Франціи прошлаго столѣтія; но въ отношеніи къ письменному изложенію мыслей это случилось во всѣхъ образованныхъ странахъ Европы. Всякій умѣетъ говорить, но не всякій

*) Цифра 67 не имѣетъ здѣсь никакого таинственнаго значенія. Она означаетъ только, что Пульхерія Ивановна была уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда сожитель ея поднесъ ей идиллію. Старый дѣдушка писалъ эту идиллію для старой бабушки. Каждый догадливый читатель вѣроятно давно уже замѣтилъ это обстоятельство по смиренному тону изложенія и ... сладкой неопредѣленности умствованій. Такъ и ...чится въ каждой строчкѣ: „охъ-охъ-охъ! Всѣ-то ...оди, всѣ человѣки!“

умѣетъ писать; поэтому и платятъ литературѣ деньги, не только за мысль, за изслѣдованіе, за умственный трудъ, а сверхъ всего этого за то еще, что вотъ ты, дескать, соколъ ясный, съумѣлъ связать слова въ предложенія и предложенія въ періоды. И это совершенно справедливо, потому что не всѣ умѣютъ это сдѣлать; самыя хорошія и оригинальныя мысли часто становятся для общества недоступнымъ сокровищемъ единственно оттого, что онѣ разбросаны въ такомъ безпорядкѣ и покрыты такимъ туманомъ, въ которомъ безхитростный читатель не видитъ ни начала, ни конца, ни середины, а видитъ только «хаоса бытность довременну». Когда принимается за дѣло какой нибудь умный и трудолюбивый человѣкъ, не имѣющій однако ни малѣйшаго притязанія на геніальность, онъ разсѣеваетъ туманъ и превращаетъ хаосъ въ прекрасный садъ, въ которомъ растетъ древо познанія добра и зла. Онъ овладѣваетъ тѣми матеріалами, которые даны ему въ хаотическихъ твореніяхъ оригинальнаго генія; онъ перерабатываетъ чужія мысли, но если-бы онъ ихъ не переработывалъ, то онѣ остались бы мертвымъ капиталомъ и не обнаружили бы ни малѣйшаго вліянія на умственную жизнь остальныхъ людей. За подобный трудъ стоитъ платить деньги и кромѣ того стоитъ удѣлять популяризатору часть того уваженія, которое достается оригинальному генію. Но въ каждомъ обществѣ бываютъ между писателями люди неглупые и нелишенные дарованій, а между тѣмъ питающіе глубочайшее отвращеніе ко всякому упорному и тяжелому труду. Оригинальными геніями, бросающими въ міръ новыя идеи, эти люди не могутъ быть: силъ не хватаетъ. Терпѣливыми популяризаторами они не хотятъ быть: лѣнь одолѣла. Читаютъ эти люди только то, что доведено предварительной обработкой до послѣдней степени ясности мысли и взгляды свои они почерпаютъ изъ популярныхъ книгъ и статей; такимъ образомъ они учатся въ одной школѣ со всей массой читающаго общества; между тѣмъ въ этихъ господахъ бодрствуетъ безсмертный духъ Петра Ивановича Бобчинскаго; съ одной стороны, имъ хочется заявить о своемъ существованіи, а съ другой стороны, имъ желательно пріобрѣсти по больше денегъ легкой работой литературнаго перетряхиванья изъ кулька въ рогожку. Тогда они начинаютъ перефразировать мысли, полученныя ими изъ вторыхъ или третьихъ рукъ; мысль, вполнѣ разъясненная первымъ популяризаторомъ, становится для этихъ милыхъ умственныхъ паразитовъ основнымъ мотивомъ, на который разыгрываются десятки варіацій; если вы сравните варіацію съ мотивомъ, то увидите, что варіація нисколько не яснѣе самого мотива и что она не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на самостоятельную работу мысли. Вся работа паразита состоитъ въ томъ, что онъ измѣнилъ слова и обороты. Такъ какъ о мысли уже заботиться нечего, то все вниманіе паразита сосредоточивается на формѣ; онъ не убѣждаетъ читателя, онъ ничего не доказываетъ, онъ просто повторяетъ то, что уже доказано другими и что уже проведено этими другими въ сознаніе читателя; поэтому паразиту надо устроить только такъ, чтобы читатель не замѣтилъ избитости той мысли, которую ему подносятъ; надо прикрыть убожество паразитизма эффектностью внѣшней формы; надо и соловьемъ свистать, и лягушкой квакать, и въ грудь себя колотить, и слезами обливаться, и конструкціи необыкновенныя употреблять, и главное—трещать, трещать и трещать такъ, чтобъ у читателя въ ушахъ зазвенѣло. Ну, читатель и ротъ разинетъ; бѣдность и безсиліе мысли, взятой съ барскаго плеча, проскользнутъ незамѣченными, и счастливый паразитъ получитъ большія деньги и пріобрѣтетъ репутацію блестящаго писателя и полезнаго двигателя общественнаго прогресса.

II.

Литературныхъ паразитовъ чрезвычайно много, но изъ темной и жалкой толпы умственнаго пролетаріата выдвигаются только тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ усвоить себѣ гибкую и разнообразную форму выраженія. Эти блестящіе паразиты дѣйствительно доводятъ форму до невѣроятнаго совершенства. Они выдѣлываютъ на своемъ языкѣ такія-же изумительныя рулады, какія Контскій выдѣлываетъ на скрипкѣ или Рубинштейнъ на фортепьяно. Когда эта виртуозность пріобрѣтена навыкомъ и практикой, тогда разумѣется слѣдуетъ ею пользоваться: это капиталъ, съ котораго надо брать проценты. И вотъ гдѣ всякому простодушному читателю приходится только глазами хлопать и диву даваться! Приходится присутствовать при сотвореніи міра въ малыхъ размѣрахъ: все творится изъ ничего; пустота прикидывается полнотой и такъ натурально прикидывается, что остается только плечами пожимать: художникъ, артистъ, профессоръ бѣлой магіи, Воско и даже Михайла Васильевичъ! Разумѣется публика ахаетъ и восхищается, да и нельзя не восхищаться, когда чудеса во-очію совершаются!

Когда паразитъ начинаетъ брать проценты съ своего капитала, тогда онъ просто и рѣшительно творитъ для того, чтобы въ чему-нибудь прикладывать свою техническую ловкость. Онъ вовсе не имѣетъ потребности высказывать обществу какія-нибудь идеи; у него нѣтъ такого чувства, которое настоятельно искало бы себѣ выхода и проявленія; онъ вовсе не желаетъ сознательно дѣйствовать на развитіе общества въ томъ или въ другомъ направленіи; онъ не мыслитель, не общественный дѣятель и не поэтъ въ высшемъ и забытомъ теперь значеніи этого слова: онъ статейныхъ, романныхъ, или стиховныхъ дѣлъ

мастеръ, и какъ разсудительный мастеровой, онъ не хочетъ, чтобы его умѣнье пропадало даромъ. Зачѣмъ сидѣть сложа руки, когда выучился ремеслу? Отчего не отправиться на ловлю рублей и лавровыхъ вѣнковъ, когда есть добрые люди, разсыпающіе въ приличномъ изобиліи то и другое?

Разсужденіе безукоризненно вѣрно, и это разсужденіе ведетъ прямымъ путемъ къ полному торжеству и безграничному господству чистаго искусства. Одни люди пишутъ, потому что во всемъ ихъ существѣ кипитъ страстная работа мысли и чувства; ясно, что мысль и чувство ихъ, служащія причиной творческаго процесса, возбуждены впечатлѣніями, независимыми отъ этого процесса. Другіе люди пишутъ для того, чтобы дѣйствовать на общество; цѣль дѣятельности независима отъ процесса, какъ это мы видимъ у Бѣлинскаго, Добролюбова и автора «Что дѣлать?». Третьи пишутъ вслѣдствіе того, что выучились писать и могутъ писать безъ малѣйшаго труда, такъ, какъ соловей поетъ и роза благоухаетъ; у нихъ творчество безпричинно и безцѣльно; то-есть, если хотите, причина и цѣль есть, но онѣ не могутъ имѣть вліянія на направленіе творческаго процесса; положимъ, что стиходѣлателю хочется пришить къ своему теплому пальто бобровый воротникъ; вотъ побудительная причина, заставляющая его обмокнуть перо въ чернильницу; между тѣмъ онъ по всей вѣроятности станетъ писать не о бобровыхъ воротникахъ, а о превратностяхъ судьбы, постигшихъ трехъ древнихъ мудрецовъ, или о несчастіяхъ бѣдной дѣвочки, умершей весной подъ звуки отцовской скрипки, или вообще о чемъ-нибудь высокомъ и прекрасномъ, не имѣющемъ ничего общаго съ обворожительной выставкой сосѣдняго мѣховщика. Цѣль также есть, стиходѣлатель желаетъ продать свое стихотвореніе въ журналъ, да взять подороже, да прихватить, коли дадутъ, хорошій задатокъ; несмотря на то, Сенека, Луканъ и Люцій разсуждаютъ весьма горячо о безсмертіи души, а совсѣмъ не о томъ, гдѣ больше дадутъ, въ «Современникѣ» или въ «Отечественныхъ Запискахъ»; и умирающая Маня также интересуется въ свои послѣднія минуты весенней зеленью, вмѣсто того, чтобы смущать себя щекотливымъ вопросомъ: отпустятъ-ли, молъ, изъ «Русскаго Слова» рублей пятьдесятъ впередъ? Ясно стало-быть, что причина и цѣль не проникаютъ въ святилище творчества; святилище остается неоскверненнымъ, и люди, тоскующіе о бобровомъ воротникѣ и мечтающіе о плѣнительномъ задаткѣ, могутъ быть признаны достойными жрецами чистаго искусства. Вопросъ конечно нисколько не измѣнится, если вмѣсто бобровато воротника я поставлю стремленіе къ литературной славѣ, а вмѣсто задатка въ 50 рублей—рукоплесканія на публичномъ чтеніи. Жрецъ чистаго искусства въ томъ или въ другомъ случаѣ останется вѣренъ своему призванію и въ томъ или въ другомъ случаѣ останется великолѣпнѣйшимъ экземпляромъ породы паразитовъ.

Если читателю не совсѣмъ ясно, почему наши лирическіе поэты, представляющіе полное отсутствіе мысли, могутъ быть включены въ разрядъ паразитовъ, похищающихъ чужую мысль, то я немедленно разрѣшу это недоумѣніе. Лирическіе поэты наши питаютъ свое убожество тѣми мельчайшими крупицами мысли и чувства, которыя составляютъ всеобщее достояніе всѣхъ людей, глупыхъ и умныхъ, образованныхъ и необразованныхъ, честныхъ и подлыхъ. Всякій человѣкъ ощущаетъ что-нибудь, когда смотритъ на красивую женщину, и всякій знаетъ это ощущеніе и понимаетъ, что оно и другимъ извѣстно, и что стало быть о немъ разсказывать безполезно и не интересно. Но лирики, подобно птицѣ колибри, питаются цвѣточной пылью; они даже это мельчайшее и извѣстнѣйшее чувство обратили въ свою собственность и стали извлекать изъ него доходъ, благодаря своему умѣнію творить все изъ ничего и надѣвать на неосязаемую пыль легкотканныя и весьма пестрыя одежды изъ ямбовъ, хореевъ, анапестовъ, дактилей и амфибрахіевъ. Лирики, какъ мелкія пташки въ великой семьѣ паразитовъ, пробавляются тѣмъ, что уже всѣ знаютъ и чѣмъ никто кромѣ лирика не можетъ и не хочетъ пользоваться. Другіе паразиты, болѣе крупные, эксплоатируютъ въ свою пользу не крупицы чувства и не зародыши мысли, а цѣлыя большія чувства и цѣлыя развившіяся мысли. Этими жрецами чистаго искусства поглощаются замѣчательныя теоріи и величественныя міросозерцанія. Есть между этими жрецами воробьи, но есть и слоны, и такъ какъ большому кораблю и большое плаваніе, то слоны разумѣется овладѣваютъ самыми широкими и самыми смѣлыми міросозерцаніями. Они толкуютъ съ чужого голоса о самыхъ важныхъ и великихъ вопросахъ жизни; они разыгрываютъ свои варіаціи съ такимъ апломбомъ и съ такимъ оглушительнымъ трескомъ, что читатель робѣетъ и почтительно склоняетъ передъ ними голову. Но храмъ чистаго искусства одинаково отворенъ для всѣхъ своихъ настоящихъ поклонниковъ, для всѣхъ жрецовъ, чистыхъ сердцемъ и невинныхъ въ самостоятельной работѣ мысли. Благодаря этому обстоятельству, читатель, изумляясь и не вѣря глазамъ своимъ, увидитъ за однимъ и тѣмъ-же жертвенникомъ съ одной стороны—нашего маленькаго лирика, Фета, а съ другой стороны—нашего большого юмориста, Щедрина. Это съ непривычки столь удивительно, что надо начать новую главу.

III.

Да, Щедринъ, вождь нашей обличительной литературы, съ полной справедливостью можетъ быть названъ чистѣйшимъ представителемъ чистаго искусства въ его новѣйшемъ видоизмѣненіи. Щедринъ не подчиняется въ своей дѣя-

тельности ни силѣ любимой идеи, ни голосу взволнованнаго чувства; принимаясь за перо, онъ также не предлагаетъ себѣ вопроса о томъ, куда хватитъ его обличительная стрѣлка—въ своихъ или въ чужихъ, «въ титулярныхъ совѣтниковъ или въ нигилистовъ» *). Онъ пишетъ разсказы, обличаетъ неправду и смѣшитъ читателя единственно потому, что умѣетъ писать легко и игриво, обладаетъ огромнымъ запасомъ диковинныхъ матеріаловъ и очень любитъ потѣшиться надъ этими диковинками вмѣстѣ съ добродушнымъ читателемъ. Вслѣдствіе этихъ свойствъ автора его произведенія въ высшей степени безвредны, для чтенія пріятны и съ гигіенической точки зрѣнія даже полезны, потому что смѣхъ помогаетъ пищеваренію, тѣмъ болѣе, что къ смѣху Щедрина, заразительно дѣйствующему на читателя, вовсе не примѣшиваются тѣ грустныя и серьезныя ноты, которыя слышатся постоянно въ смѣхѣ Диккенса, Теккерея, Гейне, Берне, Гоголя и вообще всѣхъ не дѣйствительно статскихъ, а дѣйствительно замѣчательныхъ юмористовъ. Щедринъ всегда смѣется отъ чистаго сердца и смѣется не столько надъ тѣмъ, что онъ видитъ въ жизни, сколько надъ тѣмъ, какъ онъ самъ разсказываетъ и описываетъ событія и положенія; измѣните слегка манеру изложенія, отбросьте шалости языка и конструкціи, и вы увидите, что юмористическій букетъ окончательно выдохнется и ослабѣетъ. Чтобы разсмѣшить читателя, Щедринъ не только пускаетъ въ ходъ грамматическіе и синтаксическіе salto-mortale, но даже умышленно искажаетъ жизненную и бытовую правду своихъ разсказовъ; главное дѣло—ракету пустить и смѣхъ произвести; эта цѣль оправдываетъ всѣ средства узаконяетъ собой всякія натяжки и разумѣется, достигается, потому что все остальное безъ малѣйшаго колебанія приносится ей въ жертву.

Эта особенность въ литературной дѣятельности Щедрина объясняетъ въ значительной степени постоянный успѣхъ его произведеній. Когда мы были расположены ворковать по голубиному, тогда мы упивались Фетомъ; когда мы пожелали смѣяться, тогда мы стали обожать Щедрина; смѣхъ во всякомъ случаѣ представляетъ собой болѣе нормальное отправленіе человѣческаго организма, чѣмъ воркованіе, и потому переходъ отъ Фета къ Щедрину, обозначаетъ собой нѣкоторый прогрессъ въ нашемъ умственномъ развитіи. Но безпредметный и безцѣльный смѣхъ Щедрина самъ по себѣ приноситъ нашему общественному сознанію и нашему человѣческому совершенствованію такъ же мало пользы, какъ безпредметное и безцѣльное воркованіе Фета. Мы легко можемъ заснуть на этомъ смѣхѣ и, продолжая смѣяться, воображать себѣ, что мы дѣлаемъ дѣло, идемъ за вѣкомъ и обновляемъ нашимъ невиннымъ смѣхомъ старыя бытовыя формы. Смѣхъ Щедрина убаюкиваетъ и располагаетъ ко сну, потому что, возбуждая собой этотъ серебристый смѣхъ, все тяжелое безобразіе нашей жизни производитъ на насъ легкое и отрадное впечатлѣніе. Мы смѣемся и теряемъ силу негодовать; личность веселаго разсказчика и неистощимаго балагура заслоняетъ отъ насъ темную и трагическую сторону живыхъ явленій; мы смѣемся и склоняемъ голову на подушку и тихо засыпаемъ съ дѣтской улыбкой на губахъ. Вотъ тутъ мы и можемъ измѣрить громадное разстояніе, отдѣляющее людей, дѣйствительно чувствующихъ, отъ тѣхъ людей, которые служатъ съ безукоризненнымъ усердіемъ чистому искусству. Сравните напримѣръ Писемскаго съ Щедринымъ. Щедринъ—писатель, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ; онъ любитъ стоять въ первомъ ряду прогрессистовъ, сегодня съ «Русскимъ Вѣстникомъ», завтра съ «Современникомъ», послѣ завтра еще съ кѣмъ-нибудь, но непремѣнно въ первомъ ряду; для того, чтобы удерживать за собой это лестное положеніе, онъ осторожно производитъ въ своихъ убѣжденіяхъ разныя маленькія передвиженія, приводящія незамѣтнымъ образомъ къ полному повороту налѣво кругомъ. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, Щедринъ своимъ отрицаніемъ сооружаетъ фигуру идеальнаго чиновника Надимова; но, по свойственной ему осторожности, авторъ «Губернскихъ очерковъ» не произнесъ въ этомъ направленіи послѣдняго слова; это слово, какъ извѣстно, было произнесено графомъ Соллогубомъ, котораго наши добрые соотечественники сначала на рукахъ носили, а потомъ разумѣется осмѣяли. Когда великосвѣтскій литераторъ такимъ образомъ опростоволосился, когда идеальный чиновникъ былъ доведенъ до послѣднихъ границъ картонности трудами чувствительныхъ писателей, подобныхъ Львову, тогда г. Щедринъ, счастливо выбравшійся изъ этого кораблекрушенія, тотчасъ началъ растирать въ порошокъ фигуру Надимова и притомъ растирать ее тѣмъ же самымъ отрицаніемъ, которымъ онъ ее соорудилъ. Изъ тона Каткова онъ перешелъ въ тонъ Добролюбова. Держась постоянно хорошаго общества, то-есть общества прогрессистовъ, Щедринъ постоянно велъ себя «чинно, благопристойно и вѣжливо», соблюдая «чистоту и опрятность въ одеждѣ», то-есть онъ никогда не огорчалъ своихъ товарищей по прогрессу какой-нибудь рѣзкой выходкой, хотя случалось нерѣдко, что онъ не попадалъ въ тактъ людей, къ образу мыслей которыхъ онъ пристраивался съ боку. Формулярный списокъ Щедрина, какъ литератора, совершенно чистъ; литературная служба его безпорочна; служилъ

*) Сія послѣдняя острота, побивающая разомъ и титулярныхъ совѣтниковъ, и нигилистовъ, украшаетъ собой страницы „Современника“ (см. „Наша общественная жизнь“) 1864 г., январь.

въ «Русскомъ Вѣстникѣ», служитъ теперь въ «Современникѣ»; удовлетворялъ прежде однимъ требованіямъ, теперь также хорошо и отчетливо удовлетворяетъ другимъ; ни тогда, ни теперь онъ не произвелъ такого скандала, который-бы изумилъ читателей и привелъ въ негодованіе лучшихъ представителей нашего общественнаго сознанія. Писемскаго напротивъ того нельзя назвать даже просто пріятнымъ писателемъ; сходится онъ съ людьми самыхъ сомнительныхъ убѣжденій и ведетъ себя часто совершенно «безчинно, неблагопристойно и невѣжливо»; скандалы производитъ на каждомъ шагу, и упреки въ обскурантизмѣ сыпятся на него со всѣхъ сторонъ; онъ не развитъ и не образованъ и вполнѣ заслуживаетъ эти упреки своей грубой безтактностью. Но вотъ что любопытно замѣтить. Щедринъ, какъ дѣйствительно статскій прогрессистъ, долженъ очевидно осуждать нашу родимую безалаберщину гораздо строже и сознательнѣе, чѣмъ Писемскій, котораго образъ мыслей загроможденъ предразсудками, противорѣчіями и разлагающимися остатками котошихинской старины. Между тѣмъ на повѣрку выходитъ, что произведенія Писемскаго каждому не предубѣжденному читателю внушаютъ гораздо болѣе осмысленной ненависти и серьезнаго отвращенія къ безобразію нашей жизни, чѣмъ сатиры и разсказы Щедрина. Критикъ «Современника» въ ноябрьской книжкѣ 1863 года, разбирая «Горькую Судьбину» Писемскаго, жалуется на то, что произведенія этого писателя производятъ невыносимо тяжелое впечатлѣніе и заставляютъ читателя испытывать чувство нестерпимой духоты; причину этого обстоятельства критикъ ищетъ въ томъ, что у Писемскаго нѣтъ идеала; объясненіе это кажется мнѣ довольно страннымъ; жалоба также очень оригинальная. Проще было-бы сообразить, что романъ или драма даютъ читателю тѣ-же впечатлѣнія, какія дала автору сама жизнь. Вѣроятно «Современникъ» не рѣшится отвергать присутствіе духоты въ нашей жизни, а если она существуетъ въ жизни, то я не вижу резона, зачѣмъ ее выкуривать изъ романовъ и драмъ. Писемскому душно и больно, когда онъ берется за перо, и оттого каждый фактъ, изображаемый имъ, бьетъ читателя, какъ обухомъ по головѣ, а совокупность картины потрясаетъ всю нервную систему читателя неотразимымъ впечатлѣніемъ ужасающей дѣйствительности. А тамъ ужъ ваше дѣло осмысливать себѣ испытанное ощущеніе и отыскивать причины т й духоты и того мрака, которые охватили васъ во время чтенія. Авторъ заставилъ васъ прочувствовать то, что онъ чувствуетъ самъ, и вы можете быть на него въ претензіи только въ томъ случаѣ, если вы полагаете, что наша жизнь свѣтла, прекрасна и богата разумными наслажденіями, доступными для каждой человѣческой личности. Если-же вы этого не думаете, тогда вы должны согласиться, что романы и повѣсти непріятнаго обскуранта Писемскаго дѣйствуютъ на общественное сознаніе сильнѣе и живительнѣе, чѣмъ сатиры и разсказы пріятнаго во всѣхъ отношеніяхъ и прогрессивнаго Щедрина. Когда Писемскій начинаетъ разсуждать, тогда хоть святыхъ вонъ неси, но когда онъ даетъ сырые матеріалы, тогда читателю приходится задумываться надъ нимъ очень глубоко. Щедринъ напротивъ того очень отчетливо и благообразно разсуждаетъ по Добролюбову, очень мило смѣшитъ читателя до упаду своей простодушной веселостью; но вы можете прочитать отъ доски до доски всѣ его сатиры и разсказы, и вы ни надъ чѣмъ не задумаетесь, и впечатлѣніе останется точно такое, какъ будто-бы вы побывали въ Михайловскомъ театрѣ и посмотрѣли извѣстный французскій водевиль: «L'Amour qu'e qu'c'est qu'ça?». Писемскій способенъ написать романъ съ самыми непозволительными тенденціями, и онъ вполнѣ обнаружилъ эту способность въ своемъ послѣднемъ, отвратительномъ произведеніи, но зато онъ способенъ написать и такую вещь, которая, какъ его «Тюфякъ», характеризуетъ грязь нашего провинціальнаго общества гораздо полнѣе и ярче, чѣмъ всѣ юмористическія диссертаціи Щедрина о «нашихъ глуповскихъ дѣлахъ»; зато онъ создалъ «Горькую Судьбину» и «Батьку» и въ этихъ произведеніяхъ очертилъ трагическую сторону крѣпостного права съ такой страшной силой, которая останется навсегда недоступной для Щедрина. Писемскаго вы сегодня можете ненавидѣть и ненавидѣть за дѣло, но вчера вы его любили и любили также за дѣло; что-же касается до Щедрина, то его не за что ни любить, ни ненавидѣть; въ его книгѣ нельзя видѣть ни друга, ни врага; его книга ничто иное, какъ веселый собесѣдникъ, съ которымъ пріятно бываетъ побалагурить часъ-другой послѣ хорошаго обѣда или на сонъ грядущій.

Зная беззаботные нравы нашихъ возлюбленныхъ соотечественниковъ и принимая въ разсчетъ невинность щедринскаго юмора и заразительную веселость его добродушнаго смѣха, мы съ читателемъ въ одну минуту сообразимъ, почему Щедринъ съ перваго появленія своего на литературномъ поприщѣ вошелъ во вкусъ нашей читающей публики и преимущественно тѣхъ самыхъ классовъ общества, которые сатира его преслѣдуетъ съ неумолимымъ постоянствомъ. Конечно провинціальные чиновники съ самаго начала было переконфузились, полагая, что сатира служитъ предвѣстницей грома; но такъ какъ громъ не грянулъ, то догадливые провинціалы скоро успокоились, возлюбили веселаго Щедрина всѣмъ сердцемъ своимъ и продолжаютъ любить его вплоть до настоящаго времени. Оно и естественно. Въ томъ обществѣ, въ

которомъ «Сынъ Отечества» имѣетъ десятки тысячъ читателей, Щедринъ неизбѣжно долженъ считать десятки тысячъ поклонниковъ. Легкая наука «Сына Отечества», легкій смѣхъ Щедрина и легкая мечтательность Фета связаны между собой тѣсными узами умственнаго родства. Всѣ эти писатели пишутъ для процесса писанія, а публика всѣхъ ихъ читаетъ для процесса чтенія. Изъ этого происходитъ удовольствіе взаимное, безгрѣшное и непорочное.

IV.

Но читатель мнѣ не вѣритъ; читатель убѣжденъ, что я преувеличиваю. Я съ своей стороны совершенно одобряю недовѣріе читателя, потому что терпѣть не могу, чтобы мнѣ вѣрили на слово. Я тотчасъ выдвину впередъ доказательства; я выберу изъ сочиненій Щедрина нѣсколько смѣхотворныхъ пассажей, и мы съ читателемъ посмотримъ, въ чемъ заключается ихъ юмористическая соль. Предупреждаю, что выписокъ будетъ много, потому что коли доказывать, такъ ужъ доказывать неотразимо. Вотъ напримѣръ Щедринъ разсказываетъ, что одинъ губернаторъ имѣлъ привычку повторять по цѣлымъ днямъ какое-нибудь слово; вздумаетъ говорить: *закона нѣтъ*, такъ и пойдетъ на цѣлый день: «нѣтъ закона». До такой степени зарапортуется, что даже когда докладываютъ, что кушанье подано, онъ все-таки кричитъ: «нѣтъ закона».

— Ахъ, Nicolas, какой ты разсѣянный!—замѣтитъ бывало губернаторша.

— Ахъ, матушка!—возразитъ губернаторъ, и съ этой минуты, вмѣсто «нѣтъ закона», начинаетъ пилить: «ахъ, матушка».

«Надо сознаться, что съ непривычки это крайне затрудняетъ сношенія съ нашимъ начальникомъ края, а незнакомыхъ съ его обычаями подвергаетъ даже въ крайнее изумленіе. Я помню, одинъ эстляндскій баронъ, пріѣхавшій изъ-за двѣсти верстъ жаловаться, что у него изъ грунтового сарая двѣ вишни украли, даже страшно оскорбился, когда начальникъ губерніи, вмѣсто всякой резолюціи, сказалъ ему: «ахъ, матушка», и чуть ли даже не хотѣлъ довести объ этомъ до свѣдѣнія высшаго начальства.

— На что это похоже, — сказывалъ онъ мнѣ:—у него ищутъ правосудія, а онъ: «ахъ, матушка!»

Не правда ли, читатель что это замысловатая выдумка сатирика по своему остроумію и по своей безобидности не уступитъ лучшимъ карикатурамъ «Сына Отечества»? Это мѣсто находится въ книжкѣ «Сатиры въ прозѣ», на страницѣ 286—287; исторія о губернаторскихъ поговоркахъ этимъ еще не оканчивается, но слѣдить за ея продолженіемъ я считаю дѣломъ роскоши. Перейдемъ къ другимъ забавамъ.

Говорится напримѣръ о провинціальныхъ сплетняхъ, и сатирикъ, объятый веселымъ волненіемъ, восклицаетъ: «Какое дѣло кабаньей женѣ, что поросенковъ братъ третьяго дня съ свиньиной племянницей черезъ плетень нюхался? Анъ дѣло, потому что кабанья жена до изступленія чувствъ этимъ взволнована, потому что кабанья жена дала себѣ слово неустанно искоренять поросячью безнравственность и выводить на свѣжую воду тайные поросячьи амуры». — A la bonne heure, вотъ это сатира! Каковъ великодушный пылъ негодованія! Какова возвышенная смѣлость рѣчи! А главное, каково остроуміе и какова неистощимая веселость въ самомъ разгарѣ душевнаго волненія! Что Ювеналъ! Ему и не грезились такіе обороты. Свиньи, говоритъ, вы провинціалы! но говоритъ не просто, а съ тонкими намеками, указывая на поросячью «безнравственость» и «поросячьи амуры».

Мягко, а между тѣмъ язвительно! — Одинъ изъ героевъ Щедрина, Пьеръ Уколкинъ, цвѣтъ и надежда Глупова, говоритъ ради остроты: «съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать, наше вамъ-съ» и потомъ спрашиваетъ на счетъ своей выдумки: «joli»? Но до «тайныхъ поросячьихъ амуровъ» самъ Пьеръ Уколкинъ никогда не возвысится; зато Щедринъ постоянно мигаетъ своему читателю и, подобно Пьеру Уколкину, постоянно спрашиваетъ насчетъ своихъ остротъ: «joli»? Вопросы и миганія не выражены въ печати, но они живо чувствуются въ архитектурѣ самыхъ остротъ. Поросячье мѣсто смотри на страницѣ 372.—Разсказывается эпизодъ изъ политической исторіи Глупова: «Вотъ и созвала Минерва вѣрныхъ своихъ глуповцевъ: скажите дескать мнѣ, какая это крѣпкая дума въ васъ засѣла? Но глуповцы кланялись и потѣли; самый что называется горланъ ихній хотѣлъ было сказать, что глуповцы головой скорбны, но не осмѣлился, а только взопрѣлъ пуще прочихъ.—Скажите, что жъ вы желали бы? настаивала Минерва и даже топнула ножкой отъ нетерпѣнья. Но глуповцы продолжали кланяться и потѣть. Тогда Богъ вѣсть откуда раздался голосъ, который во всеуслышаніе произнесъ: «лихо бы теперь соснуть было»! Минерва милостиво улыбнулась; даже глуповцы не выдержали и засмѣялись тѣмъ нутрянымъ смѣхомъ, которымъ долженъ смѣяться Иванушка-дурачекъ, когда ему кукишъ показываютъ. Съ тѣхъ поръ и не тревожили глуповцевъ вопросами» (стр. 407). Это забавное мѣсто заключаетъ въ себѣ философію исторіи, популярно изложенную Щедринымъ для поросячьихъ братьевъ и для свиньиныхъ племянницъ. Изъ этого мѣста мы можемъ извлечь кое-какія поучительныя размышленія: во-первыхъ — мы усматриваемъ, что вся мудрость заключалась въ головѣ Минервы, а что глуповцы всегда умѣли только кланяться, потѣть и смѣяться нутрянымъ смѣхомъ, который вѣроятно очень значительно отличается отъ смѣха Ще-

дрина; во-вторыхъ,—мы видимъ, что Минерва отличалась безконечной благостью и отъ души готова была даровать глуповцамъ рѣшительно все, чего бы они ни попросили; этого мы до сихъ поръ не знали, но теперь будемъ знать и твердо будемъ помнить, что глуповцы сами во всемъ виноваты, что впрочемъ говоритъ уже намъ Гончаровъ, создавшій Обломова и выдумавшій Обломовщину, какъ болѣзнь, и Штольца, какъ лекарство; а въ-третьихъ—мы замѣчаемъ, что повѣствовать о губернаторскихъ поговоркахъ и разоблачать тайные поросячьи амуры легче и безопаснѣе, чѣмъ пускаться на утлой ладьѣ сатирическаго ума въ неизвѣстное и непонятное море историческихъ и политическихъ соображеній; ну, а въ-четвертыхъ и въ послѣднихъ—мы убѣждаемся въ томъ, что Добролюбовъ не всегда вывозитъ и что Щедринъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, разсуждаетъ о высокихъ матеріяхъ не столько благоразумно и основательно, сколько развязно, игриво и простодушно. Но такъ какъ поросенковы братья и свиньины племянницы хохочутъ надъ потѣющими глуповцами, то цѣль великаго сатирика очевидно достигнута. «Joli»?—спрашиваетъ онъ и мигаетъ.

Описываются глуповскія губернскія власти: «Въ то счастливое время, когда я процвѣталъ въ Глуповѣ, губернаторъ тамъ былъ плѣшивый, вице-губернаторъ плѣшивый, прокуроръ плѣшивый. У управляющаго палатой государственныхъ имуществъ хотя и были цѣлы волосы, но такая была странная физіономія, что съ перваго и даже съ послѣдняго взгляда онъ казался плѣшивымъ. Соберется бывало губернскій синклитъ этотъ, да учнетъ о судьбахъ глуповскихъ толковать—даже мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ, таково оно тошно!» (Стр. 410).—Здѣсь сатирикъ нашъ очевидно находится въ своей истинной сферѣ; здѣсь онъ опять состязается въ остроуміи и невинности съ «Сыномъ Отечества» и опять одерживаетъ блистательную побѣду надъ своимъ опаснѣйшимъ конкуррентомъ. Всѣ плѣшивые—ахъ, забавникъ! А управляющій палатой кажется плѣшивымъ—каково? и *учнетъ* толковать, и *мухи умрутъ*, и *таково оно тошно*! Ну, можно-ли въ двухъ строкахъ собрать столько аттической соли: вѣдь явно посягаетъ человѣкъ на жизнь своихъ глуповскихъ читателей; вѣдь уморить со смѣху хочетъ! Просто приходится пощады просить. А фантазія какова: «мухи умрутъ отъ рѣчей ихъ». Этого и Державинъ-бы не выдумалъ, а ужъ на что кажется былъ проказникъ. Оно, положимъ, понятно: какъ это мухи умрутъ. Оно, положимъ, и смысла нѣтъ; но развѣ Державинъ могъ-бы писать, если-бы отъ писателя всегда требовался смыслъ? Да и что такое смыслъ? Лукавый врагъ пріятныхъ и величественныхъ иллюзій. Прочь здравый смыслъ, и да здравствуютъ иллюзіи, начиная отъ державинскихъ и кончая щедринскими! «Умъ молчитъ, а сердцу ясно». Ну, значитъ милые глуповцы, понимающіе сердцемъ стихи Державина, будутъ также сердцемъ хохотать надъ сатирами Щедрина, потому что уму и здравому смыслу нечего дѣлать ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Читателя изумляетъ, почему это я вдругъ Державина потревожилъ; а вотъ видите ли, юмористическія фантазіи Щедрина на счетъ мухъ напомнили мнѣ другія фантазіи тождественнаго свойства, менѣе забавныя, но еще болѣе нелѣпыя; ну, и тутъ конечно представился мнѣ самый торжественный изъ нашихъ одописцевъ, а такъ какъ я очень люблю и уважаю Державина, то я не утерпѣлъ, чтобы не приласкать его мимоходомъ, при семъ удобномъ случаѣ. Къ тому же Щедринъ, какъ новѣйшій жрецъ чистаго искусства, болѣе или менѣе приводитъ мнѣ на память всѣхъ своихъ товарищей и предшественниковъ на поприщѣ этого великаго служенія.

Изображается сцена, характеризующая коренные обычаи Глупова: «Въ это хорошее, старое время, когда собирались гдѣ либо «хорошіе» люди, не въ рѣдкость было услышать слѣдующаго рода разговоръ:

— А ты зачѣмъ на меня, подлецъ, такъ смотришь? говорилъ одинъ «хорошій» человѣкъ другому.

— Помилуйте... отвѣчалъ другой «хорошій» человѣкъ, нравомъ посмирнѣе.

— Я тебя спрашиваю не «помилуйте», а зачѣмъ ты на меня смотришь? настаивалъ первый «хорошій» человѣкъ.

— Да помилуйте-съ...

...И бацъ въ рыло!...

— Да плюй же, плюй ему прямо въ лохань (такъ въ просторѣчіи назывались лица «хорошихъ» людей!), вмѣшивался случившійся тутъ, третій «хорошій» человѣкъ!

И выходило здѣсь нѣчто вродѣ свѣтопреставленія, во время котораго глазамъ сражающихся, и вдругъ, и поочередно, представлялись всевозможныя свѣтила небесныя... (Стр. 418).

Вы смѣетесь, читатель, и я тоже смѣюсь, потому что нельзя не смѣяться. Ужъ очень большой артистъ Щедринъ въ своемъ дѣлѣ! Ужъ такъ онъ умѣетъ слова подбирать; вѣдь сцена-то сама по себѣ вовсе не смѣшная, а глупая, безобразная и отвратительная; а между тѣмъ впечатлѣніе остается у васъ самое легкое и пріятное, потому что вы видите передъ собой только смѣшныя слова, а не грязные поступки; вы думаете только о затѣяхъ Щедрина и совершенно забываете глуповскіе нравы. Я знаю, что эстетическіе критики называютъ это просвѣтляющимъ и примиряющимъ дѣйствіемъ искусства, но я въ этомъ просвѣтленіи и примиреніи не вижу ничего, кромѣ одуряющаго. Разсказъ долженъ производить на насъ то-же впечатлѣніе, какое производитъ живое явленіе; если же жизнь тя-

жела и безобразна, а разсказъ заставляетъ насъ смѣяться пріятнѣйшимъ и добродушнымъ смѣхомъ, то это значитъ, что литература превращается въ щекотаніе пятокъ и перестаетъ быть серьезнымъ общественнымъ дѣломъ. Чтобы предлагать людямъ такое чтеніе, не стоитъ отрывать ихъ отъ карточныхъ столовъ. Здѣсь я опять укажу на Писемскаго. «Взбаломученное море» при при всей затхлости своихъ тенденцій представляетъ нѣсколько замѣчательныхъ эпизодовъ. Припомните напримѣръ дѣянія Іоны-циника; тутъ ужъ не засмѣетесь; тутъ за человѣка страшно дѣлается, а между тѣмъ Іона-циникъ вовсе не хуже щедринскихъ героевъ; среда та-же самая, и порожденія ея одинаковы; да маперы-то у писателей бываютъ различныя: одинъ чувствуетъ, что калѣки и изверги нашей общественной жизни все-таки люди, которыхъ можно ненавидѣть, презирать, отвергать, но къ которымъ невозможно относиться, какъ къ маріонеткамъ, созданнымъ нашими руками для нашей забавы; а другой ищетъ только случая посмѣяться, водитъ передъ читателями своихъ глуповцевъ, какъ медвѣдей на цѣпи, и заставляетъ ихъ показывать почтеннѣйшей публикѣ, «какъ малые ребята горохъ воруютъ» и «какъ старыя бабы на барщину ходятъ». Если Писемскій своими грубыми ухватками оскорбляетъ наши временныя симпатіи, то Щедринъ своимъ юмористическимъ добродушіемъ обнаруживаетъ непониманіе вѣчныхъ интересовъ человѣческой природы. Есть язвы народной жизни, надъ которыми мыслящій человѣкъ можетъ смѣяться только желчнымъ и саркастическимъ смѣхомъ; кто въ подобныхъ случаяхъ смѣется ради пищеваренія, тотъ сбиваетъ съ толку общественное сознаніе, тотъ усыпляетъ общественное негодованіе, тотъ ругается надъ священной личностью человѣка и, стоя въ первыхъ рядахъ прогрессистовъ, юродствуетъ хуже всякаго обскуранта. Но зато выходитъ joli, и даже três-joli.

Гегемоніевъ преподаетъ наставленіе Потапчикову: «А я тебѣ скажу, что все это одна только видимость, что и Потапчиковъ, и Овчинниковъ тутъ только на прикладъ даны, въ существѣ же веществъ становой есть, ни мало ни много, невещественныхъ отношеній вещественное изображеніе... шутка!» (Невинные разсказы. Стр. 8). Ну, объ этомъ распространяться нечего; это очевидно «съ пальцемъ девять, съ огурцомъ пятнадцать, наше вамъ-съ»; шутка эта даже не отличается самостоятельностью; она заимствована изъ «Обыкновенной исторіи» Гончарова, гдѣ Александръ Адуевъ говоритъ о «вещественныхъ знакахъ невещественныхъ отношеній»; тамъ это выраженіе умѣстно, а здѣсь поставлено ни къ селу, ни къ городу; конечно Щедринъ можетъ сказать, что онъ не заимствовалъ и что геніальные умы, идя самостоятельными путями, часто встрѣчаются между собой на одномъ и томъ же открытіи, но это возраженіе мало поможетъ нашему балагуру, потому что открытіе все-таки приписывается обыкновенно тому, кто первый его обнародовалъ; стало-быть въ этомъ случаѣ честь изобрѣтенія останется неотъемлемой принадлежностью Гончарова. А вѣдь много есть добродушныхъ и довѣрчивыхъ читателей, которые, зная Щедрина, какъ весьма передового прогрессиста, будутъ искать въ его шуткахъ какого-нибудь высшаго и таинственнаго смысла; они даже не повѣрятъ заглавію книжки: «Невинные разсказы». Скажутъ: знаемъ мы тебя, какой ты невинный, и все-таки будутъ искать, и разумѣется каждый найдетъ все, что захочетъ найти. Въ безсмыслицѣ всегда можно увидать какой угодно смыслъ, именно потому, что нѣтъ въ ней своего собственнаго, яснаго и опредѣленнаго смысла. И когда каждый найдетъ все, что захочетъ найти, то конечно слава Щедрина, какъ передового прогрессиста, соединяющаго глубокомысліе съ остроуміемъ, упрочится и распространится пуще прежняго. Тутъ весь секретъ тактики состоитъ въ томъ, чтобы говорить неясно и игриво, не договаривая до конца и давая чувствовать, что и радъ-бы, да нельзя, потому что не время, потому что не поймутъ. Это была всегдашняя тактика всѣхъ дипломатовъ, но такъ какъ наша читающая публика до сихъ поръ еще особенно довѣрчива, то морочить ее и дразнить ея ребяческое любопытство гіероглифическими шутками несравненно легче, чѣмъ водить за носъ ту европейскую публику, передъ которой Талейранъ и Меттернихъ умѣли прикидываться міровыми геніями. Для этого не надо обладать даже той дозой дешеваго ума, которой обладали Меттернихъ и Талейранъ; для этого достаточно усвоить себѣ извѣстнаго рода снаровку и жаргонъ. Какъ простодушна и довѣрчива наша публика, это можно видѣть на самомъ Щедринѣ; нашъ сатирикъ ухитрился самого себя обморочить жаргономъ и снаровкой своего собственнаго изобрѣтенія; онъ не шутя принимаетъ себя за глубокомысленнаго прогрессиста, соединяющаго кротость голубя съ мудростью змія; въ своемъ заглавіи «Невинные разсказы» онъ думалъ затаить глубокую и горькую иронію; онъ думалъ, что невинность будетъ только внѣшнимъ лакомъ, сообщающимъ его разсказамъ необходимое благообразіе; но соскоблите этотъ лакъ, и подъ нимъ вы опять увидите невинность; скоблите дальше, скоблите до самой сердцевины, и вездѣ одно и то-же, невинность да невинность, можетъ быть угнетенная, но угнетенная чисто по недоразумѣнію, угнетенная потому, что угнетатели также обморочены таинственностью жаргона и снаровки. А то и угнетать было-бы нечего.

Во всѣхъ сочиненіяхъ Щедрина безъ исключенія нѣтъ ни одной идеи, которая-бы въ наше время не была извѣстна и переизвѣстна каждому

пятнадцатилѣтнему гимназисту и кадету; но такъ какъ эта идея показывается изъ-подъ полы, съ таинственными предосторожностями и лукавыми миганіями, то публика и хватаетъ ее, какъ самую новѣйшую диковинку и какъ вѣрнѣйшій талисманъ противъ всякаго умственнаго недуга. Конечно публика разочаровалась-бы, увидавши, что ей всучили мѣдную копѣечку вмѣсто червонца, но ей не даютъ всмотрѣться въ дѣло; ее смѣшатъ до упаду, и она остается совершенно довольной, закрывая книгу въ полной увѣренности, что она и либерализмомъ побаловалась, и душу свою натѣшила. Ну, значитъ сдѣлала дѣло, и спать ложись. Тактика хорошая и плоды приноситъ обильные. Публикѣ весело, а Щедрину и подавно.

Приведу еще три примѣра; въ нихъ обнаружится до послѣдней степени ясности глубокая невинность и несложность тѣхъ пружинъ, которыми Щедринъ надрываетъ животики почтеннѣйшей публикѣ. Его Сивушество Князь Полугаровъ (смѣйтесь-же, добрые люди!) всѣхъ кабаковъ, выставокъ и штофныхъ лавочекъ всерадостный обладатель и повелитель, говоритъ рѣчь: «отъ опредѣленія обращусь къ самому дѣлу, т. е. къ откупамъ. Тутъ, господа, ужъ не то, что «плевъ сто рублевъ», тутъ пахнетъ милліонами, а запахъ милліоновъ — сильный, острый, всѣмъ любезный, совсѣмъ не то, что запахъ теорій; чѣмъ замѣнить эти милліоны? Какой новой затыкаемостью заткнуть эту старую поглощаемость»? Что можетъ сказать читатель, прочитавши это удивительное мѣсто? Можетъ сказать совершенно справедливо: «Кого ты своими благоглупостями благоудивить хочешь»? Эта фраза будетъ заимствована читателемъ у самого Щедрина, и нашъ неистощимый сатирикъ погибаетъ такимъ образомъ подъ ударами своего собственнаго остроумія. Замѣтьте еще, что исторія о князѣ Полугаровѣ, растянутая на нѣсколько страницъ, предлагается публикѣ въ то время, когда откупа уже не существуетъ; замѣтьте, что, по разсказамъ самого Щедрина, шалимовскій гимназистъ, процвѣтающій въ городѣ Глуповѣ, уже отвертывается съ презрѣніемъ отъ администратора, желающаго поддержать откупную систему; сообразите-ка эти обстоятельства и поставьте себѣ тогда вопросъ: не есть-ли смѣхъ Щедрина безплодное проявленіе чистаго искусства, подобное лирическимъ воздыханіямъ Фета, Крестовскаго и Майкова? Посмотримъ, какъ-то вы на этотъ вопросъ отвѣтите. Положимъ, Щедринъ можетъ возразить, что онъ писалъ тогда, когда откупа еще существовали, и что въ 1863 году выходятъ только въ свѣтъ отдѣльной книжкой тѣ сатирическіе разсказы, которые печатались прежде въ журналѣ и имѣли нѣкогда животрепещущій интересъ современности. Но это возраженіе ни къ чему не ведетъ, потому что тутъ возникаетъ тотчасъ новый вопросъ: съ какой-же стати вторично угощать публику объѣдками? Она, наша матушка, разумѣется все съѣстъ, да еще и второго изданія попроситъ, но не мѣшаетъ нашему брату, писателю, и честь знать, особенно когда писатель стоитъ въ первомъ ряду прогрессистовъ. Тутъ не дурно было-бы и самому писателю относиться къ себѣ критически и до нѣкоторой степени оберегать публику отъ ея собственной довѣрчивости и неразборчивости. Воззрѣнія на публику, какъ на дойную корову, надо предоставить въ нераздѣльную собственность юродствующему лагерю обскурантовъ. Идеи наши только тогда будутъ дѣйствительно сильны, когда отношенія наши къ обществу будутъ строго безкорыстны и до послѣдней степени деликатны. Кто думаетъ и поступаетъ въ этомъ случаѣ иначе, тотъ не прогрессистъ, а эксплоататоръ прогрессивной идеи, паразитъ и откупщикъ умственнаго міра. Если-же Щедринъ погрѣшилъ здѣсь по необдуманности, то онъ можетъ принести покаяніе и позаботиться объ исправленіи.

Въ слѣдующихъ двухъ примѣрахъ невинность смѣхотворныхъ пружинъ доходитъ до такого великаго совершенства, что она должна даже возбуждать умиленіе читателя.

Ходитъ по комнатамъ Кондратій Тихонычъ, «и ходитъ, и ходитъ по своимъ сараямъ, ходитъ до того, что и полъ-то словно жалуется и стонетъ подъ ногами его: да сядь-же ты, ради Христа»! Читатель смѣется, а чему тутъ смѣяться?

Чиновникъ играетъ въ ералашъ противъ своего начальника; вслѣдствіе этого обстоятельства онъ вовсе не радуется своимъ хорошимъ картамъ, которыя заставляютъ его волей-неволей обыгрывать и огорчать великаго патрона. Положеніе дѣйствительно характеристическое и комизма въ немъ много; но Щедринъ здѣсь, какъ и вездѣ, вызываетъ смѣхъ читателя не самымъ положеніемъ, а неожиданно брошенной эксцентричностью. «Поэтому онъ всячески старался оправдаться; разбирая карты, пожималъ плечами, какъ-бы говоря: вѣдь лѣзетъ-же такое дурацкое счастье! дѣлая ходы, не клалъ карту на столъ, а какъ-то презрительно швырялъ ее, какъ-бы говоря: вотъ и еще сукинъ сынъ тузъ!» Еще-бы тутъ читатель не расхохотался; но ясно, что онъ будетъ смѣяться надъ «сукинымъ сыномъ тузомъ», а не надъ мелочными слабостями начальника и подчиненнаго. Смѣхъ будетъ безгрѣшный.

Щедринъ, самъ того не замѣчая, въ одной изъ глуповскихъ сценъ превосходно охарактеризовалъ типическія особенности своего собственнаго юмора. Играютъ глуповцы въ карты:

— Греческій человѣкъ Трефандосъ!—восклицаетъ онъ (пѣхотный командиръ), выходя съ трефъ. Мы всѣ хохочемъ, хотя Трефандосъ этотъ является на сцену аккуратно каждый разъ, какъ мы садимся играть въ карты, а это случается едва-ли не всякій вечеръ.

— Фики! продолжаетъ командиръ, — выходя съ пиковой масти.

— Ой, да перестань-же, пострѣлъ!—говоритъ генералъ Голубчиковъ, покатываясь со смѣху:— вѣдь этакъ я всю игру съ тобой перепутаю».

Не кажется-ли вамъ, любезный читатель, послѣ всего, что вы прочитали выше, что Щедринъ говоритъ вамъ: «Трефандосъ» и «Фики», а вы, подобно генералу Голубчикову, отмахиваетесь руками и, покатываясь со смѣху, кричите безсильнымъ голосомъ: «ой, да перестань-же, пострѣлъ! Всю игру перепутаю»... Но неумолимый острякъ не перестаетъ, и вы дѣйствительно путаете игру, то-есть сбиваетесь съ толку и принимаете глуповскаго балагура за русскаго сатирика. Конечно «тайные поросячьи амуры», «новая затыкаемость старой поглощаемости» и особенно «сукинъ сынъ тузъ» не чета «греческому человѣку Трефандосу». Остроты Щедрина смѣлѣе, неожиданнѣе и замысловатѣе шутокъ пѣхотнаго командира, но зато и смѣется надъ остротами Щедрина не одинъ глуповскiй генералъ Голубчиковъ, а вся наша читающая публика, и въ томъ числѣ даже наша умная, свѣжая и дѣятельная молодежь. А ужъ это дѣло пора-бы и бросить. Развращать умъ нашей молодежи «нутрянымъ смѣхомъ Иванушки-дурачка» такъ-же предосудительно, какъ щекотать ея нервы звучными безсмыслицами лирической поэзiи. Первое опаснѣе послѣдняго: надъ лириками молодежь уже смѣется, а сатирикамъ она еще довѣряетъ, особенно тѣмъ изъ сатириковъ, которымъ удалось прикрыться почтенной фирмой замѣчательнаго журнала, который еще долго будетъ представляться высокой силой его прошлаго дѣятеля. Какъ эти патентованные сатирики пользуются выгодами своего положенiя, какъ они эксплоатируютъ довѣрiе публики вообще и молодежи въ особенности—это мы съ читателемъ уже отчасти видѣли и увидимъ еще впереди.

V.

Щедрину приходится иногда изображать трагическiя происшествiя: у него въ разсказахъ встрѣчаются два сумасшествiя и одно самоубiйство. Но Щедринъ твердо убѣжденъ въ томъ, что глуповскаго чиновника всегда слѣдуетъ обличать и осмѣивать; поэтому онъ не разсказываетъ о помѣшательствѣ Зубатова и Голубчикова, а язвительно обличаетъ того и другого въ этомъ непрогрессивномъ поступкѣ. Трагическiя происшествiя передаются такимъ образомъ читателю весело и игриво, а читатель разумѣется принимаетъ ихъ съ благодарностью, какъ новую юмористическую интермедiю. Что касается до самоубiйства, то тутъ дѣло совсѣмъ другое; такъ какъ дѣйствующими лицами являются въ этомъ случаѣ два крѣпостныхъ мальчика, то Щедринъ, желая разыграть самымъ блистательнымъ образомъ роль гуманнаго прогрессиста, натягиваетъ трагическiя струны своего повѣствовательнаго таланта такъ туго, что онѣ обрываются до конца разсказа; видя, что эпическая сила измѣняетъ ему и что изъ нея ужъ не выжмешь больше никакого раздирательнаго эффекта, Щедринъ смѣло кидается въ лирическое юродство и буквально начинаетъ голосить и выкликать надъ несчастными ребятами, которымъ и безъ того тошно на свѣтѣ жить. Дѣло доходитъ до того, что юмористъ нашъ обращается съ воззванiемъ сначала къ жестокой помѣщицѣ, Катеринѣ Афанасьевнѣ, а потомъ къ нашей планетѣ. Не вѣрите, такъ читайте: «Катерина Афанасьевна! если-бы вы могли подозрѣвать, что дѣлается въ этомъ оврагѣ, покуда вы безмятежно почиваете съ налѣпленными на носу и на щекахъ пластырями, вы съ ужасомъ вскочили-бы съ постели, вы выбѣжали-бы безъ кофты на улицу и огласили-бы ее неслыханными, раздирающими душу воплями».

«Земля мать! Если-бы ты знала, какое страшное дѣло совершается въ этомъ оврагѣ, ты застонала-бы, ты всколыхалась-бы всѣми твоими морями, ты заговорила-бы всѣми твоими рѣками, ты закипѣла-бы всѣми твоими ручьями, ты зашумѣла-бы всѣми твоими лѣсами, ты задрожала-бы всѣми твоими горами! («Невинные разсказы», стр. 168—169).

Ахъ, мои батюшки! Страсти какiя! Не жирно-ли будетъ, если земля-мать станетъ производить всѣ предписанныя ей эволюцiи по поводу каждаго страшнаго дѣла, совершающагося въ оврагѣ. Вѣдь ее, я думаю, трудно удивить; видала она на своемъ вѣку всякiе виды; не осталось на ней ни одного квадратнаго аршина, на которомъ ея возлюбленный сынъ не совершилъ-бы надъ собой или надъ другими какой-нибудь невообразимой гадости; такъ ужъ гдѣ ей, старухѣ, возмущаться такимъ дѣломъ, которое даже въ слабомъ человѣкѣ, въ гуманномъ русскомъ прогрессистѣ, въ самомъ Щедринѣ не можетъ возбудить ни одной искры неподдѣльнаго чувства. Вѣдь не выражается-же въ самомъ дѣлѣ истинное чувство въ этомъ завыванiи, въ которомъ такъ мало смысла и такъ много риторства. Вѣдь это все подделка съ начала до конца; вѣдь это плаксивая гримаса, это слезы, извлеченныя изъ глазъ посредствомъ нюханiя хрѣна; это какая-то плохо-устроенная мистификацiя, которая была-бы возмутительна, если-бы она не была такъ плоско смѣшна. «И кого ты своими благоглупостями удивить хочешь?» въ раздумьи повторяетъ читатель и потомъ усмѣхается, пожимая плечами, но на этотъ разъ усмѣхается конечно не шуткамъ сатирика, а тому печально-комическому положенiю, въ которое попалъ самъ сатирикъ. Но допустимъ невозможное предположенiе: положимъ, что Щедринъ былъ потрясенъ дѣйствительно сильнымъ приливомъ чувства въ ту минуту, когда онъ создавалъ свое воззванiе къ землѣ и

къ Катеринѣ Ѳоанасьевнѣ; тогда тѣмъ хуже для него; въ такомъ случаѣ онъ несетъ заслуженное наказаніе за хроническую невинность своего безплоднаго смѣха; это значитъ, что человѣкъ можетъ превратить себя въ вертлявую куклу; это значитъ, что вся нервная система человѣка можетъ быть безвозвратно исковеркана постояннымъ и одностороннимъ употребленіемъ умственныхъ способностей на мелкое и пустое увеселеніе публики; когда приходится выразить истинное чувство, тогда истасканные нервы отказываются служить и подъ перомъ писателя не оказывается ни одного образа, ни одного выраженія, соотвѣтствующаго этой непривычной потребности. И выходитъ вслѣдствіе этого такая неестественная кислятина, что читатель не знаетъ, что ему дѣлать: жалѣть-ли бѣднаго художника, продавшаго свой душевный жаръ въ мелочную лавочку, смѣяться-ли надъ его тщетными усиліями, или просто отвернуться и плюнуть отъ негодованія.

Но это еще не все. Желая во весь духъ ударить кулакомъ по лирическимъ струнамъ, Щедринъ не только риторствуетъ, но даже совершаетъ надъ самимъ собой нѣчто вродѣ литературнаго самоубійства; онъ умышленно искажаетъ въ своемъ воззваніи къ Катеринѣ Афанасьевнѣ тотъ характеръ, который онъ самъ очертилъ довольно тщательно на предыдущихъ страницахъ. Если-бы Катерина Ѳоанасьевна зимой выбѣжала изъ дому «безъ кофты», не боясь простуды, и стала-бы оглашать улицы города «неслыханными воплями», не боясь скандала и всѣхъ его непріятныхъ послѣдствій, тогда это значило-бы, что она женщина взбалмошная, вспыльчивая, но при всемъ томъ способная почувствовать себя виноватой, способная подъ вліяніемъ сильнаго потрясенія придти въ себя и отбросить въ сторону систему своего хозяйственнаго терроризма. Между тѣмъ предыдущія страницы говорятъ намъ совсѣмъ другое; изъ нихъ мы видимъ, что Катерина Ѳоанасьевна совершаетъ свои жестокости очень хладнокровно и съ значительной примѣсью рабовладѣльческаго остроумія; мы видимъ, что строй нравственныхъ понятій, вытекающихъ изъ крѣпостного права, ограждаетъ ее самымъ надежнымъ и непроницаемымъ оплотомъ противъ всякихъ непослѣдовательныхъ припадковъ состраданія и человѣколюбія. Мы узнаемъ кромѣ того, что Катерина Ѳоанасьевна—стрѣляная ворона: ей уже не въ первый разъ приходится переживать, что люди по ея милости рѣшаются на самоубійство; сестра одного изъ мальчиковъ утопилась вслѣдствіе жестокаго обращенія, а стоицизмъ помѣщицы не поколебался; помѣщица увѣрила себя и другихъ, что «поганка-Ольгушка» утопилась «для того, чтобы скрыть свой стыдъ», то-есть беременность. Потомъ, когда тѣло не было найдено и когда исправникъ укрѣпилъ естественный стоицизмъ помѣщицы своей дѣловой опытностью, тогда Катерина Ѳоанасьевна смѣло стала отрицать самый фактъ самоубійства и подала объявленіе о побѣгѣ «дѣвки Ольги Никандровой», которая не только бѣжала сама, но, усугубляя свою вину воровствомъ, «унесла съ собой данное ей помѣщикомъ пестрядинное платье, въ которое и была въ тотъ день одѣта». Возьмите въ разсчетъ, что наша бойкая помѣщица—женщина необразованная и суевѣрная, и тогда вы поймете, какую силу характера обнаружила Катерина Ѳоанасьевна, взводя поклепъ въ побѣгѣ и въ воровствѣ на такую покойницу, которую она, Катерина Ѳоанасьевна, почти собственноручно спровадила на тотъ свѣтъ. Правда, «поганка Ольгушка» явилась своей барынѣ во снѣ, и барыня выскочила изъ спальни, какъ полоумная; но во-первыхъ—это видѣла только ключница Матрена, а во-вторыхъ—что-же изъ этого слѣдуетъ? Помѣщица набивала свой желудокъ особенно плотно, потому что больше и дѣлать нечего было; а извѣстно, что переполненный желудокъ награждаетъ человѣка разнообразными и эксцентрическими сновидѣніями; это и случилось съ Катериной Ѳоанасьевной; привидѣлась ей «поганка Ольгушка», но могъ привидѣться и чертъ съ рогами; тутъ не было-бы ничего удивительнаго, и оба сновидѣнія заставили-бы ее выскочить изъ спальни съ одинаковой стремительностью. Гораздо характернѣе то обстоятельство, что на глазахъ Катерины Ѳоанасьевны росъ маленькій братъ утопившейся дѣвушки и что барынѣ не только не было тяжело смотрѣть на этого ребенка, который долженъ былъ ежеминутно напоминать ей совершившееся преступленіе, но что напротивъ того барыня имѣла даже храбрость мучить этого мальчика наравнѣ съ другими домочадцами и ежедневными мученіями постоянно толкать его къ тому оврагу, въ которомъ должно было произойти новое самоубійство. И вдругъ эта практическая женщина станетъ бѣгать по улицамъ въ одной рубашкѣ и раздирать уши городскихъ обывателей неслыханными воплями. И отчего? Оттого, что мальчишки, которыхъ она вѣроятно иначе и не называла, какъ «мерзавцами» и «паршивыми», вздумали полоснуть себя ножемъ по горлу. Да ей-то какое дѣло? Она постарается схоронить концы въ воду, она подаритъ кому слѣдуетъ, сколько будетъ необходимо, и потомъ попрежнему будетъ наѣдаться до отвалу и въ случаѣ переполненія желудка будетъ видѣть во снѣ не одну Ольгу, а цѣлую компанію знакомыхъ мертвецовъ. Велика важность—нечего сказать! Ѳедору Бергу или неизвѣстному поэту, воспѣвавшему въ «Отечественныхъ Запискахъ» «Слезы кукушки», позволительно не знать этихъ особенностей человѣческаго организма, а со стороны Щедрина такое незнаніе не только неприлично, но и невѣроятно. Всякій здравомыслящій читатель хорошо понимаетъ, что это игнорированіе

такъ-же искусственно, какъ и самое чувство, породившее лирическое обращеніе къ землѣ и къ помѣщицѣ. Надъ подобной искусственностью всегда слѣдуетъ смѣяться, и чѣмъ дороже вамъ тотъ предметъ, по поводу котораго она пускается въ ходъ, тѣмъ громче и рѣзче долженъ быть вашъ карающій смѣхъ, потому что искусственность унижаетъ и опошляетъ все то, къ чему она прикасается.

Но и это еще не все. У читателя давно уже вертится на языкѣ вопросъ: да развѣ есть теперь крѣпостные мальчики? — Нѣтъ, нѣту. — Такъ какъ-же это они себя убивать могутъ?— Да они убиваютъ себя не теперь, а прежде, давно, во время оно.— А если прежде, во время *оно*, то съ какой-же стати повѣствуется объ этомъ событіи теперь, во время *сіе?* — Не знаю. Должно быть Щедринъ позавидовалъ литературной славѣ нашего Вальтеръ-Скотта, графа А. Толстого, описавшаго съ такой наглядностью всѣ кушанья, подававшіяся на столъ Ивана Грознаго? Или онъ хотѣлъ состязаться съ нашимъ Шекспиромъ, Островскимъ, изобразившимъ съ такимъ счастливымъ успѣхомъ Козьму Минина и всѣ его видѣнія? Или онъ боялся, что вновь возстановится крѣпостное право, и пожелалъ противодѣйствовать такому пассажу кроткими мѣрами литературнаго увѣщанія? Или-же онъ постарался поразить своимъ перомъ прошедшее, чтобы сдѣлать пріятный и любезный сюрпризъ настоящему? Послѣднее предположеніе кажется мнѣ всего болѣе правдоподобнымъ, потому что всякому жрецу чистаго искусства должно быть чрезвычайно лестно соединить въ своей особѣ блестящую репутацію русскаго Аристофана съ полезными достоинствами современнаго Державина, который, какъ извѣстно, говорилъ истину съ улыбкой самого обезоруживающаго и обворожительнаго свойства.

Щедринъ прекрасно сдѣлаетъ, если пойдетъ впередъ по этому пути, но, становясь на чисто эстетическую точку зрѣнія и заботясь о чистотѣ нашего литературнаго вкуса, я позволю себѣ выразить желаніе, чтобы на будущее время Щедринъ, слагая свои оды, построже придерживался литературныхъ преданій и пріемовъ чисто-классической школы. Я возьму для примѣра отношеніе литературы къ нашему молодому поколѣнію, на сторонѣ котораго находятся всѣ мои личныя симпатіи, тѣмъ болѣе, что и самъ я принадлежу къ нему тѣломъ и душой. Лучшіе органы нашей періодической литературы начали защищать умственные интересы молодого поколѣнія противъ нападеній дряхлой и озлобленной бездарности, съ той самой минуты, какъ только въ нашемъ обществѣ обнаружился тотъ повсемѣстный разладъ, который всегда бываетъ неразлученъ съ поступательнымъ движеніемъ впередъ. Междуусобная борьба въ литературѣ по поводу молодежи продолжается до сихъ поръ и вѣроятно протянется еще довольно долго, хотя строгіе обличители юношества уже значительно посбавили тону. Мыслящіе представители свѣжаго направленія въ нашей литературѣ защищаютъ до сихъ поръ молодыхъ людей противъ медоточивой клеветы и противъ грубаго непониманія. Защищеніе это вовсе не панегирикъ и оно еще необходимо, во-первыхъ—потому что нельзя же оставлять общество въ печальномъ заблужденіи, а во-вторыхъ—потому что человѣкъ все-таки не камень и что самаго хладнокровнаго писателя все таки нѣтъ, нѣтъ, да и взбѣситъ, когда онъ услышитъ черезъ-чуръ нелѣпую исторію вродѣ «Взбаламученнаго моря». А между тѣмъ, несмотря на полную законность и разумность этого защищенія, надо сказать правду, что для молодежи всего безплоднѣе именно тѣ страницы нашихъ журналовъ, въ которыхъ всего больше толкуютъ о ней и всего сильнѣе выражаютъ ей сочувствіе. Эти горячія и благородныя страницы не даютъ ей никакого новаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ, что узнаютъ изъ нихъ молодые люди? Что они — хорошіе люди? Это они сами знаютъ. Что имъ сочувствуетъ честное меньшинство литературы? Экое, подумаешь, благодѣяніе оно имъ оказываетъ. Да и потомъ, само собою разумѣется. Какъ бы ухитрилось это меньшинство, оставаясь честнымъ, не сочувствовать тому, что также честно? Что они, молодые люди, думаютъ такъ и такъ? Да ужъ навѣрное сами-то молодые люди знаютъ это еще лучше, чѣмъ тѣ литераторы, которые объ этомъ пишутъ.

Такимъ образомъ всего безполезнѣе для молодого поколѣнія оказывается именно то, что всего ближе подходитъ къ восхваленію этого самого молодого поколѣнія. Чѣмъ больше вы хотите приносить пользы молодымъ людямъ, тѣмъ меньше толкуйте объ ихъ достоинствахъ и тѣмъ больше думайте объ ихъ умственныхъ потребностяхъ. Старайтесь помогать вашими статьями ихъ развитію, старайтесь давать имъ матеріалы для размышленія, старайтесь, чтобы молодой человѣкъ, берущій въ руки журнальную книжку для развлеченія, постоянно находилъ бы въ ней вмѣстѣ съ развлеченіемъ полезныя и основательныя знанія, свѣжія и живыя идеи, разумную ширину взглядовъ и сознательную гуманность направленія; дѣлайте все это, посвящайте вашу жизнь этому дѣлу и вы увидите, что молодежь будетъ считать васъ своимъ истиннымъ другомъ, хотя бы вамъ ни разу не пришлось сказать ни одного слова въ ея похвалу. Такимъ образомъ гораздо лучше выражать свою любовь полезнымъ дѣломъ, чѣмъ пріятной похвалой.

Въ настоящее время чисто отрицательныя отношенія литературы къ молодежи еще невозможны, потому что молодежь находится еще въ пассивномъ положеніи. Литература не можетъ поставить себѣ задачей постоянно указывать на недостатки и ошибки такого элемента, который

еще въ значительной степени неизвѣстенъ и во всякомъ случаѣ только что начинаетъ заявлять о своемъ существованіи. Но и теперь уже возможны нѣкоторыя частныя попытки въ отрицательномъ родѣ, попытки, которыя разумѣется *не могутъ имѣть ни малѣйшаго сходства съ слѣпымъ и ожесточеннымъ отрицаніемъ нѣкоторыхъ свирѣпствующихъ старцевъ.* Мнѣ кажется, что эти попытки принесутъ молодежи гораздо больше пользы, чѣмъ защитительныя статьи ея частныхъ адвокатовъ. Къ числу подобныхъ попытокъ въ отрицательномъ родѣ я отношу мою теперешнюю рецензію. Я знаю, что Щедринъ принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, которые до поры до времени пользуются сочувствіемъ молодежи, но съ которой у нихъ нѣтъ ничего общаго; мнѣ кажется, что сочувствіе это не обдумано и не провѣрено критическимъ анализомъ; молодежь смѣется, читая Щедрина, молодежь привыкла встрѣчать имя этого писателя на страницахъ лучшаго изъ нашихъ журналовъ и молодежь поддается веселымъ впечатлѣніямъ, потому что ей не приходитъ въ голову отнестись къ этимъ впечатлѣніямъ съ недовѣріемъ и съ вопросительнымъ знакомъ. Но мнѣ кажется, что вліяніе Щедрина на молодежь можетъ быть только вредно, и на этомъ основаніи я стараюсь разрушить пьедестальчикъ этого маленькаго кумира и произвожу эту отрицательную работу съ особеннымъ усердіемъ, именно потому, что тутъ дѣло идетъ о симпатіяхъ молодежи. Я хочу уничтожить эти симпатіи, и если онѣ дѣйствительно приносятъ молодымъ людямъ только вредъ, то уничтоженіе ихъ и слѣдовательно попытка въ отрицательномъ родѣ будетъ полезнѣе для нашего поколѣнія, чѣмъ самая горячая похвала Базарову и Лопухову и самая ѣдкая полемика противъ Каткова. Такимъ образомъ, разсмотрѣвши отношенія журналистики къ молодежи, я показалъ на этомъ примѣрѣ, какимъ образомъ дѣльное отрицаніе приноситъ обществу гораздо больше пользы, чѣмъ справедливая похвала, воздаваемая существующимъ фактамъ. Щедринъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ.

VI.

Если мы съ высоты птичьяго полета бросимъ общій взглядъ на разсказы Щедрина, то намъ придется изумляться бѣдности, мелочности и однообразію ихъ основныхъ мотивовъ. Все вниманіе сатирика направлено на вчерашній день и на переходъ къ нынѣшнему дню; хотя этотъ переходъ совершился очень недавно, но онъ очевидно составляетъ для насъ прошедшее, совершенно законченное и имѣющее чисто историческій интересъ; а исторію эту писать еще слишкомъ рано, да и совсѣмъ это не щедринское дѣло. Конечно крѣпостное право такъ глубоко отравило всѣ отправленія нашей народной жизни, что тяжелая старина долго еще будетъ давать себя чувствовать въ разныхъ воспоминательныхъ ощущеніяхъ весьма непріятнаго свойства; конечно и чиновничество долго еще будетъ жить стариннными преданіями классической школы, перекроенными и перекрашенными сообразно съ требованіями новѣйшей моды; все это такъ, но всѣ эти отпрыски срубленныхъ деревьевъ надо изучать именно въ ихъ теперешнихъ видоизмѣненіяхъ; и чтобы изучать ихъ, нѣтъ никакой необходимости восходить ни къ тѣмъ вѣкамъ, когда деревья стояли на корню, ни къ тѣмъ минутамъ, когда деревья стали трещать подъ топоромъ. Прошедшее само по себѣ, переходъ самъ по себѣ, а настоящее тоже само по себѣ. Въ исторіи всѣ эти моменты разумѣется связаны между собой и объясняютъ другъ друга, какъ необходимое сцѣпленіе причинъ и слѣдствій, но опять-таки никому въ голову не приходитъ требовать и ожидать отъ Щедрина исторіи, а сатира хороша только тогда, когда она современна. Что мнѣ за охота и за интересъ смѣяться надъ тѣмъ, что не только осмѣяно, но даже уничтожено законодательнымъ распоряженіемъ правительства. «Довлѣетъ дневи злоба его», и «пускай мертвецы сами хоронятъ своихъ мертвецовъ».

Но Щедринъ игнорируетъ это простое требованіе здраваго смысла, и потому почти всѣ дѣйствующія лица его разсказовъ смотрятъ мертвецами, выкопанными изъ могилъ, нарочно для того, чтобы повеселить читателя. Ретрограды, перепуганные зловѣщими слухами, чиновники, перепуганные невиданными предписаніями, и кромѣ того глуповцы, плюющіе другъ другу въ лохань, выпивающіе «по маленькой» и каждый вечеръ потѣшающіеся «Трефондосами»—вотъ и все содержаніе сатирическихъ разсказовъ. Глуповъ, блаженствующій въ своемъ нетронутомъ спокойствіи, и Глуповъ, только что взбудораженный слухами о преобразованіяхъ—вотъ и все: а вѣдь кажется пора бы это бросить, потому что вся наша журналистика молотила, молотила эту тощую копну плохой ржи, да и молотить устала. Всѣмъ надоѣло— и писателямъ и читателямъ; да и наконецъ, кромѣ соломы, тутъ ничего больше и не осталось. Такъ ужъ это избито, что можно измѣнять только слова, а новой, нетронутой черты не отыщетъ самый проницательный сатирикъ. Поэтому бросьте прошедшее, ищите въ настоящемъ, а если настоящее еще не выработало себѣ особенной физіономіи, если вы не умѣете уловить того процесса броженія, которымъ выработываются эти новыя черты, то бросьте сатиру, бросьте совсѣмъ нашу истрепавшуюся беллетристику, обратившуюся съ нѣкотораго времени для нашихъ писателей въ какую-то казенную или барщинную работу.—Эти слова обращены не къ Щедрину, а вообще ко всѣмъ нашимъ второстепеннымъ беллетристамъ. А кто же теперь не второ-

степенный? Чернышевскій, Тургеневъ, можетъ быть Островскій—и только. Разъ, два — да и обчелся. Но ясно, что сила Чернышевскаго заключается не въ самородномъ художественномъ талантѣ, а въ широкомъ умственномъ развитіи; ясно, что Тургеневъ и Островскій приближаются къ концу своей литературной карьеры; ясно, что разстроенная печень Писемскаго будетъ портить каждое новое произведеніе этого сильнаго таланта и превращать каждый новый романъ его въ «Взбаломученное море» авторской желчи. Ну, стало быть

И полѣзли изъ щелей
Мошки да букашки.

Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь этому увяданію нашей беллетристики и вижу въ ней очень хорошіе симптомы для будущей судьбы нашего умственнаго развитія. Поэзія, въ смыслѣ стиходѣланія, стала клониться въ упадку со временъ Пушкина; при Гоголѣ романисты или вообще прозаики заняли въ литературѣ то высшее мѣсто, которое занимали поэты; съ этого времени стихотворцы сдѣлались чѣмъ-то вродѣ литературныхъ башибузуковъ, плохо вооруженныхъ, безсильныхъ и неспособныхъ оказать регулярному войску никакого серьезнаго содѣйствія; теперь стиходѣланіе находится при послѣднемъ издыханіи, и конечно этому слѣдуетъ радоваться, потому что есть надежда, что ужъ ни одинъ дѣйствительно умный и даровитый человѣкъ нашего поколѣнія не истратитъ своей жизни на пронизываніе чувствительныхъ сердецъ убійственными ямбами и анапестами. А кто знаетъ, какое великое дѣло—экономія человѣческихъ силъ, тотъ пойметъ, какъ важно для благосостоянія всего общества, чтобы всѣ его умные люди сберегли себя въ цѣлости и пристроили всѣ свои прекрасныя способности къ полезной работѣ. Но, одержавши побѣду надъ стиходѣланіемъ, беллетристика сама начала утрачивать свое исключительное господство въ литературѣ; первый ударъ нанесъ этому господству Бѣлинскій; глядя на него, Русь православная начала понимать, что можно быть знаменитымъ писателемъ, не сочинивши ни поэмы, ни романа, ни драмы. Это было великимъ шагомъ впередъ, потому что добрые земляки наши выучились читать критическія статьи и понемногу приготовились такимъ образомъ понимать разсужденія по вопросамъ науки и общественной жизни. Когда эти разсужденія сдѣлались возможными, тогда Добролюбовъ и Чернышевскій стали продолжать дѣло Бѣлинскаго; въ это же время «Русскій Вѣстникъ» проторилъ себѣ свою особенную дорожку, на которой онъ до сихъ поръ съ большимъ успѣхомъ виляетъ; но какъ ни предосудительна его дѣятельность съ гражданской точки зрѣнія, однако надо отдать ему справедливость; своими статьями объ Англіи и своими политическими обозрѣніями онъ также содѣйствовалъ тому общему движенію мысли, которое постепенно оттѣсняло на задній планъ беллетристику и искусство вообще. Теперь это оттѣсненіе произведено: въ послѣднее пятилѣтіе не было рѣшительно ни одного чисто литературнаго успѣха; чтобы не упасть, беллетристика принуждена была прислониться къ текущимъ интересамъ дня, часа и минуты; всѣ беллетристическія произведенія, обращавшія на себя вниманіе общества, возбуждали говоръ единственно потому, что касались какихъ нибудь интересныхъ вопросовъ дѣйствительной жизни. Вотъ вамъ примѣръ: «Подводный Камень» романъ, стоящій по своему литературному достоинству ниже всякой критики, имѣетъ громкій успѣхъ, а «Дѣтство, отрочество и юность» графа Л. Толстого, вещь замѣчательно хорошая по тонкости и вѣрности психологическаго анализа, читается холодно и проходитъ почти незамѣченной.

Теперь пора бы сдѣлать еще шагъ впередъ: недурно было бы понять, что серьезное изслѣдованіе, написанное ясно и увлекательно, освѣщаетъ всякій интересный вопросъ гораздо лучше и полнѣе, чѣмъ разсказъ, придуманный на эту тему и обставленный ненужными подробностями и неизбѣжными уклоненіями отъ главнаго сюжета. Впрочемъ этотъ шагъ сдѣлается самъ собой, и можетъ быть онъ уже наполовину сдѣланъ. Разумѣется здѣсь, какъ и вездѣ, не слѣдуетъ увлекаться педантическимъ ригоризмомъ: если въ самомъ дѣлѣ есть такіе человѣческіе организмы, для которыхъ легче и удобнѣе выражать свои мысли въ образахъ, если въ романѣ или въ поэмѣ они умѣютъ выразить новую идею, которую они не съумѣли бы развить съ надлежащей полнотой и ясностью въ теоретической статьѣ, тогда пусть дѣлаютъ такъ, какъ имъ удобнѣе; критика съумѣетъ отыскать, а общество съумѣетъ принять и оцѣнить плодотворную идею, въ какой бы формѣ она не была выражена. Если Некрасовъ можетъ высказываться только въ стихахъ, пусть пишетъ стихи; если Тургеневъ умѣетъ только изобразить, а не объяснить Базарова, пусть изображаетъ; если Чернышевскому удобно писать романъ, а не трактатъ по физіологіи общества, пусть пишетъ романъ; этимъ людямъ есть что высказать, и потому общество слушаетъ ихъ со вниманіемъ и не остается въ накладѣ. Это даже хорошо, если такіе люди излагаютъ свои идеи въ беллетристической формѣ, потому что окончательный шагъ все-таки еще не сдѣланъ, и искусство для нѣкоторыхъ читателей, и особенно читательницъ, все еще сохраняетъ кое-какіе блѣдные лучи своего ложнаго ореола.

Но если въ рукахъ писателей, имѣющихъ свои собственныя идеи, беллетристическая форма можетъ еще приносить обществу пользу, то напротивъ того, попадая въ руки писателей, ни-

щихъ духомъ, эта форма становится положительно вредной. Она превосходно маскируетъ ихъ бѣдность, вводитъ читателей въ ошибку и, что всего хуже, возбуждаетъ въ рядахъ молодежи охоту подражать такимъ произведеніямъ, которыя составляютъ пустоцвѣтъ и сорную траву нашей умственной жизни. Щедринъ взялъ изъ Добролюбовскаго «Свистка» манеру относиться недовѣрчиво къ нашему оффиціальному прогрессу; естественный, живой и глубоко-сознательный скептицизмъ Добролюбова превратился у его подражателя въ пустой знакъ, къ кокарду, которую онъ пришпиливаетъ къ своимъ разсказамъ для того, чтобы сообщить имъ колоритъ безукоризненной прогрессивности. Если-бы Щедринъ писалъ не разсказы, а научныя или критическія статьи, то эта форменная безукоризненность очень скоро надоѣла бы всѣмъ читателямъ, и Щедринъ не былъ бы метеоромъ, а занялъ бы ту скромную роль, которую занимаетъ напримѣръ нашъ почтенный и возлюбленный сотрудникъ, В. П. Поповъ. Тогда онъ поневолѣ былъ бы полезенъ, потому что ему уже нельзя было бы ограничивать свою дѣятельность производствомъ безконечныхъ варіацій на весьма извѣстныя темы. Ему пришлось бы за неимѣніемъ своихъ оригинальныхъ идей популяризировать чужія идеи, еще неизвѣстныя русской публикѣ, переводить, извлекать, компилировать, давать не мудрствованія, а дѣйствительные факты. Ему пришлось бы побольше читать, а это принесло бы ему не малую пользу, потому что тогда бы онъ не сталъ намъ разсказывать миѳы о Минервѣ и постарался бы пооснователънѣе обдумать вопросъ, отчего эти глуповцы спятъ такимъ глубокимъ сномъ и показываютъ другъ другу «всевозможныя свѣтила небесныя». Теперь онъ повидимому убѣжденъ въ томъ, что рыться въ глуповскомъ навозѣ полезно, что *молодое поколѣніе* ради своего умственнаго совершенствованія *должно* внимательно вглядываться въ каждую частичку этого вещества, каждую изъ нихъ должно *осмѣивать* и спасительнымъ смѣхомъ своимъ должно ограждать себя отъ опошленія и отъ возвращенія къ глуповской старинѣ. Если-бы Щедринъ не былъ блестящимъ беллетристомъ и если-бы вслѣдствіе этого онъ былъ принужденъ побольше читать и размышлять, тогда онъ не питалъ бы вышеозначеннаго убѣжденія и понималъ бы нѣкоторыя вещи, которыхъ онъ теперь не понимаетъ и которыя поэтому я постараюсь ему объяснить.

Смѣяться надъ безобразіемъ глуповца все равно, что смѣяться надъ уродствомъ калѣки, или надъ дикостью дикаря, или надъ неопытностью ребенка; всѣ эти смѣхи не даютъ рѣшительно ничего ни тому, кто смѣется, ни тому, кого осмѣиваютъ. Смѣяться полезно только надъ идеей, потому что въ этомъ случаѣ смѣхъ есть самъ по себѣ новая идея, отрицающая старую и становящаяся на ея мѣстѣ. Осмѣивать идею значитъ доводить ее до абсурда и показывать такимъ образомъ ея несостоятельность, но показывать такъ живо и такъ ясно, чтобы аргументація не утомляла читающую массу, чтобы эта аргументація иногда сосредоточивалась вся въ одномъ эпитетѣ, въ одномъ намекѣ, въ одной веселой шуткѣ; такой смѣхъ дѣйствительно способенъ выворачивать на изнанку цѣлыя тысячелѣтнія міросозерцанія; стоитъ назвать только два имени, Вольтеръ и Гейне. Не всякій—Вольтеръ и Гейне, но всякій человѣкъ, обладающій свѣтлымъ умомъ и сатирическимъ талантомъ, можетъ и долженъ пристраивать свой смѣхъ туда, гдѣ онъ имѣетъ какой-нибудь смыслъ. А если онъ не умѣетъ этого сдѣлать, то вѣдь его никто и не принуждаетъ смѣяться публично. Пусть смѣется надъ глуповскими «Трефандосами» съ добрыми пріятелями въ тиши своего уютнаго кабинета. Что же касается до огражденія молодежи отъ возвращенія къ старинѣ, то и тутъ смѣхъ Щедрина равняется нулю. Насъ ограждаетъ отъ пошлости не смѣхъ надъ пошлостью, а то внутреннее содержаніе, которое даетъ намъ чтеніе и размышленіе. Чтобы человѣкъ не ѣлъ испорченной пищи, надо дать ему свѣжую пищу; а если вы ему не дадите свѣжей, онъ будетъ ѣсть испорченную, потому что не умирать-же ему съ голоду изъ любви къ свѣжести. У насъ есть теперь это содержаніе, и есть основаніе думать, что оно у насъ съ каждымъ годомъ будетъ увеличиваться; это содержаніе заключается въ изученіи природы и въ изученіи человѣка, какъ послѣдняго звена длинной цѣпи органическихъ существъ. Мыслящіе европейцы собрали и привели въ порядокъ необозримую груду фактовъ, относящихся ко всѣмъ отраслямъ естествознанія; въ настоящее время исторія и политическая экономія прислоняются къ изученію природы и постоянно очищаются отъ примѣси тѣхъ фразъ, гипотезъ и такъ называемыхъ законовъ, которые не имѣютъ для себя основанія въ видимыхъ и осязаемыхъ свойствахъ предметовъ. Умозрительная философія скончалась вмѣстѣ съ Гегелемъ, и пріемы опытныхъ наукъ проникли и продолжаютъ проникать до сихъ поръ во всѣ отрасли человѣческаго мышленія. Отрѣшаясь отъ школьныхъ фантазій, наука, въ высшемъ и всеобъемлющемъ значеніи этого слова, получаетъ наконецъ въ мірѣ свое полное право гражданства, она формируетъ не спеціальнаго изслѣдователя, а человѣка; она закаляетъ умъ, она пріучаетъ его дѣйствовать этимъ умомъ во всѣхъ обстоятельствахъ вседневной его жизни; она входитъ въ общество и въ семейство; она помогаетъ людямъ, подобнымъ Лопухову, разрѣшать посредствомъ строгаго анализа всѣ запутанные и щекотливые вопросы, которые прежде рѣшались наудачу слѣпыми движеніями чувства; она входитъ въ кровь че-

ловѣка и перерабатываетъ его темпераментъ; она создаетъ величайшихъ поэтовъ, тѣхъ людей, у которыхъ живая мысль проникнута насквозь горячей струей чувства; тѣхъ людей, которые способны дрожать и плакать отъ восторга и созерцанія великой истины; тѣхъ людей, которые дышатъ одной жизнью съ природой и человѣчествомъ и у которыхъ полнѣйшій эгоизмъ имѣетъ равносильное значеніе съ всеобъемлющей любовью. *Я* исчезаетъ, потому что для этого *я* жить и любить есть одно и то-же; а если оно живетъ и любитъ, то оно стало-быть живетъ милліонами жизней, живетъ въ себѣ и въ другихъ, наслаждаясь процессомъ и цѣлью той всемірной работы ума, которая облегчаетъ или облегчитъ страданія всемірныя.

И всѣ эти непостижимыя, но очень естественныя чудеса дѣлаетъ наука, раскрывающая предъ человѣкомъ жизнь клѣточки, жизнь человѣческаго организма и историческую жизнь человѣческихъ обществъ. Все это она совершаетъ не тѣмъ, что открываетъ человѣку интересныя тайны, а тѣмъ, что, вовлекая его въ преслѣдованіе этихъ тайнъ, усиливаетъ и регулируетъ дѣятельность необходимую для его счастья и затѣмъ, когда дѣятельность эта доведена до сильной степени возбужденія и обратилась въ привычное отправленіе организма, позволяетъ ему (человѣку) обратить ее (дѣятельность) на ежедневное обсуживаніе и совершенствованіе всѣхъ междучеловѣческихъ отношеній. Словомъ, наука создаетъ мыслящихъ людей; если она такимъ образамъ перевоспитываетъ человѣческую личность, если ея вліяніе неотступно слѣдуетъ за человѣкомъ въ семейство и въ общество, и въ судъ, и въ лагерь, въ купеческую контору и на профессорскую каѳедру, на фабрику и къ постели больного, въ степную деревню и въ уѣздный городъ, то безъ сомнѣнія скромное изученіе химическихъ силъ и органической клѣточки составляетъ такую двигательную силу общественнаго прогресса, которая рано или поздно — и даже скорѣй рано, чѣмъ поздно — должна подчинить себѣ и переработать по своему всѣ остальныя силы. Это уже и теперь замѣтно. Скромное изученіе началось настоящимъ образомъ съ прошедшаго столѣтія, съ тѣхъ поръ, какъ Лавуазье создалъ химическій анализъ; когда оно началось, метафизика смотрѣла на него покровительственнымъ окомъ. А гдѣ теперь метафизика? И кто ее тихимъ манеромъ отправилъ въ архивъ? И гдѣ теперь та наука, которая бы не подольщалась къ естествознанію и не отчаявалась бы въ своемъ существованіи, если естествознаніе не оказываетъ ей покровительства?

Наша русская цивилизація находится въ особенно благопріятномъ положеніи для того, чтобы принять въ себя эти обновляющія начала; ей благопріятствуетъ въ этомъ отношеніи именно то обстоятельство, что она находится еще въ колыбели или даже въ утробѣ матери; у ней нѣтъ укоренившихся преданій школы; нѣтъ въ каждомъ городкѣ легіона филистеровъ; нѣтъ фантастической рутины средневѣковой науки; передъ нами лежитъ вся европейская наука: переводи, читай и учись! Не будемъ же мы въ самомъ дѣлѣ такими дураками, чтобы брать у другихъ то, что они выкидываютъ за негодностью? Нѣтъ, не будемъ. Это мы доказываемъ каждый день, потому что постоянно переводимъ книги по естественнымъ наукамъ и выбираемъ все, что поновѣе и получше. Если-бы Добролюбовъ былъ живъ, то можно поручиться за то, что онъ бы первый понялъ и оцѣнилъ это явленіе. Говоря проще, онъ посвятилъ бы лучшую часть своего таланта на популяризированіе европейскихъ идей естествознанія и антропологіи. Въ его время интересъ еще не былъ пробужденъ, и такія статьи рисковали остаться непрочитанными; теперь дѣло пошло на ладъ, и сообразно съ обстоятельствами должна измѣняться задача прогрессивнаго литератора; но Щедринъ разумѣется этого не понимаетъ и все тянетъ попрежнему старую ноту, завѣщанную ему его молодымъ учителемъ; и не замѣчаетъ онъ того, что его однообразное и невинное хихиканье отвлекаетъ только отъ настоящаго дѣла нѣкоторую часть нашей свѣжей и умной молодежи.

Можетъ быть мое благоговѣніе передъ естествознаніемъ покажется читателю преувеличеннымъ; можетъ быть онъ возразитъ мнѣ, что и естествознаніе будетъ приносить пользу и удовольствіе только тѣмъ классамъ нашего общества, которымъ и безъ того не слишкомъ дурно живется на свѣтѣ. Книги по естественнымъ наукамъ, скажетъ онъ, издаются не для народа, и всѣ сокровища, заключающіяся въ нихъ, все-таки останутся для народа мертвымъ капиталомъ. На это я отвѣчу, что изданіе этихъ книгъ и вообще акклиматизація естествознанія въ нашемъ обществѣ неизмѣримо полезнѣе для нашего народа, чѣмъ изданіе книгъ, предназначенныхъ собственно для него, и чѣмъ всякіе добродѣтельные толки о необходимости сблизиться съ народомъ и любить народъ.

Если естествознаніе обогатитъ наше общество мыслящими людьми, если наши агрономы, фабриканты и всякаго рода капиталисты выучатся мыслить, то эти люди вмѣстѣ съ тѣмъ выучатся понимать какъ свою собственную пользу, такъ и потребности того міра, который ихъ окружаетъ. Тогда они поймутъ, что эта польза и эти потребности совершенно сливаются между собой; поймутъ, что выгоднѣе и пріятнѣе увеличивать общее богатство страны, чѣмъ выманивать или выдавливать послѣдніе гроши изъ худыхъ кармановъ производителей и потребителей. Тогда капиталы наши не будутъ уходить за границу, не будутъ тратиться на безумную роскошь, не будутъ ухлопываться на безполезныя сооруже-

нія, а будутъ прилагаться именно къ тѣмъ отраслямъ народной промышленности, которыя нуждаются въ ихъ содѣйствіи. Это будетъ дѣлаться такъ потому, что капиталисты во-первыхъ будутъ правильно понимать свою выгоду, а во-вторыхъ будутъ находить наслажденія въ полезной работѣ. Это предположеніе можетъ показаться идиллическимъ, но утверждать, что оно неосуществимо, значитъ утверждать, что капиталистъ не человѣкъ и даже никогда не можетъ дѣлаться человѣкомъ. Что касается до меня, то я рѣшительно не вижу резона, почему сынъ капиталиста не могъ бы сдѣлаться Базаровымъ или Лопуховымъ точно такъ же, какъ сынъ богатаго помѣщика сдѣлался Рахметовымъ. Для того, чтобы подобныя превращенія были возможны и даже обыкновенны, необходимо только, чтобы въ нашемъ обществѣ постоянно поддерживалась та свѣжая струя живой мысли, которую вноситъ къ намъ зарождающееся естествознаніе. Если всѣ наши капиталы, если всѣ умственныя силы нашихъ образованныхъ людей обратятся на тѣ отрасли производства, которыя полезны для общаго дѣла, тогда разумѣется дѣятельность нашего народа усилится чрезвычайно, богатство его будетъ возрастать постоянно, и качество его мозга будетъ улучшаться съ каждымъ десятилѣтіемъ. А если народъ будетъ дѣятеленъ, богатъ и уменъ, то что же можетъ помѣшать ему сдѣлаться счастливымъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Конечная цѣль лежитъ очень далеко, и путь тяжелъ во многихъ отношеніяхъ; быстраго успѣха ожидать невозможно; но если этотъ путь къ счастію, путь умственнаго развитія, оказывается необходимымъ, единственно вѣрнымъ путемъ, то это вовсе не значитъ, чтобы слѣдовало исключить изъ исторіи всѣ двигатели событій кромѣ опытной науки. Народное чувство, народный энтузіазмъ остаются при всѣхъ своихъ правахъ; если они могутъ привести къ цѣли быстро, пускай приводятъ. Но литература тутъ ни при чемъ: она ничего не можетъ сдѣлать ни для охлажденія, ни для разогрѣванія народнаго чувства и энтузіазма; тутъ дѣйствуютъ только историческія обстоятельства; журналистика старается обыкновенно попадать въ тонъ общаго настроенія, но это попаданіе содѣйствуетъ только успѣху журнала, но вовсе не приноситъ пользы важному и общему дѣлу. Литература можетъ приносить пользу только посредствомъ новыхъ идей; это ея настоящее дѣло, и въ этомъ отношеніи она не имѣетъ соперниковъ. Если даже чувство и энтузіазмъ приводутъ къ какому-нибудь результату, то упрочить этотъ результатъ могутъ только люди, умѣющіе мыслить. Стало-быть размножать мыслящихъ людей—вотъ альфа и омега всякаго разумнаго общественнаго развитія. Стало-быть естествознаніе составляетъ въ настоящее время самую животрепещущую потребность нашего общества. Кто отвлекаетъ молодежь отъ этого дѣла, тотъ вредитъ общественному развитію. И потому еще разъ скажу Щедрину: пусть читаетъ, размышляетъ, переводитъ, компилируетъ, и тогда онъ будетъ дѣйствительно полезнымъ писателемъ. При его умѣньи владѣть русскимъ языкомъ и писать живо и весело, онъ можетъ быть очень хорошимъ популяризаторомъ. А Глуповъ давно пора бросить.

1864 г. Февраль.

МОТИВЫ РУССКОЙ ДРАМЫ.

I.

Основываясь на драматическихъ произведеніяхъ Островскаго, Добролюбовъ показалъ намъ въ русской семьѣ то «темное царство», въ которомъ вянутъ умственныя способности и истощаются свѣжія силы нашихъ молодыхъ поколѣній. Статью прочли, похвалили и потомъ отложили всторону. Любители патріотическихъ иллюзій, не съумѣвшіе сдѣлать Добролюбову ни одного основательнаго возраженія, продолжали упиваться своими иллюзіями и вѣроятно будутъ продолжать это занятіе до тѣхъ поръ, пока будутъ находить себѣ читателей. Глядя на эти постоянныя колѣнопреклоненія передъ народной мудростью и передъ народной правдой, замѣчая, что довѣрчивые читатели принимаютъ за чистую монету ходячія фразы, лишенныя всякаго содержанія, и зная, что народная мудрость и народная правда выразились всего полнѣе въ сооруженіи нашего семейнаго быта,—добросовѣстная критика поставлена въ печальную необходимость повторять по нѣскольку разъ тѣ положенія, которыя давно уже были высказаны и доказаны. Пока будутъ существовать явленія «темнаго царства» и пока патріотическая мечтательность будетъ смотрѣть на нихъ сквозь пальцы, до тѣхъ поръ намъ постоянно придется напоминать

читающему обществу вѣрныя и живыя идеи Добролюбова о нашей семейной жизни. Но при этомъ намъ придется быть строже и послѣдовательнѣе Добролюбова; намъ необходимо будетъ защищать его идеи противъ его собственныхъ увлеченій; тамъ, гдѣ Добролюбовъ поддался порыву эстетическаго чувства, мы постараемся разсуждать хладнокровно и увидимъ, что наша семейная патріархальность подавляетъ всякое здоровое развитіе. Драма Островскаго «Гроза» вызвала со стороны Добролюбова критическую статью подъ заглавіемъ: «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». Эта статья была ошибкой со стороны Добролюбова; онъ увлекся симпатіей къ характеру Катерины и принялъ ея личность за свѣтлое явленіе. Подробный анализъ этого характера покажетъ нашимъ читателямъ, что взглядъ Добролюбова въ этомъ случаѣ невѣренъ и что ни одно свѣтлое явленіе не можетъ ни возникнуть, ни сложиться въ «темномъ царствѣ» патріархальной русской семьи, выведенной на сцену въ драмѣ Островскаго.

II.

Катерина, жена молодого купца, Тихона Кабанова, живетъ съ мужемъ въ домѣ своей свекрови, которая постоянно ворчитъ на всѣхъ домашнихъ. Дѣти старой Кабанихи, Тихонъ и Варвара, давно прислушались къ этому брюзжанію и умѣютъ его «мимо ушей пропущать» на томъ основаніи, что «ей вѣдь что-нибудь надожъ говорить». Но Катерина никакъ не можетъ привыкнуть къ манерамъ своей свекрови и постоянно страдаетъ отъ ея разговоровъ. Въ томъ же городѣ, въ которомъ живутъ Кабановы, находится молодой человѣкъ, Борисъ Григорьевичъ, получившій порядочное образованіе. Онъ заглядывается на Катерину въ церкви и на бульварѣ, а Катерина съ своей стороны влюбляется въ него, но желаетъ сохранить въ цѣлости свою добродѣтель. Тихонъ уѣзжаетъ куда-то на двѣ недѣли; Варвара по добродушію помогаетъ Борису видѣться съ Катериной, и влюбленная чета наслаждается полнымъ счастьемъ впродолженіи десяти лѣтнихъ ночей. Пріѣзжаетъ Тихонъ; Катерина терзается угрызеніями совѣсти, худѣетъ и блѣднѣетъ; потомъ ее пугаетъ гроза, которую она принимаетъ за выраженіе небеснаго гнѣва; въ это же время смущаютъ ее слова полоумной барыни о гееннѣ огненной; все это она принимаетъ на свой счетъ; на улицѣ при народѣ она бросается передъ мужемъ на колѣни и признается ему въ своей винѣ. Мужъ, по приказанію своей матери, «побилъ ее немножко», послѣ того какъ они воротились домой; старая Кабаниха съ удвоеннымъ усердіемъ принялась точить покаявшуюся грѣшницу упреками и правоученіями; къ Катеринѣ приставили крѣпкій домашній караулъ, однако ей удалось убѣжать изъ дома: она встрѣтилась съ своимъ любовникомъ и узнала отъ него, что онъ, по приказанію дяди, уѣзжаетъ въ Кяхту;—потомъ тотчасъ послѣ этого свиданія она бросилась въ Волгу и утонула. Вотъ тѣ данныя, на основаніи которыхъ мы должны составить себѣ понятіе о характерѣ Катерины. Я далъ моему читателю голый перечень такихъ фактовъ, которые въ моемъ разсказѣ могутъ показаться слишкомъ рѣзкими, безсвязными и въ общей совокупности даже неправдоподобными. Что это за любовь, возникающая отъ обмѣна нѣсколькихъ взглядовъ? Что это за суровая добродѣтель, сдающаяся при первомъ удобномъ случаѣ? Наконецъ что это за самоубійство, вызванное такими мелкими непріятностями, которыя переносятся совершенно благополучно всѣми членами всѣхъ русскихъ семействъ.

Я передалъ факты совершенно вѣрно, но разумѣется я не могъ передать въ нѣсколькихъ строкахъ тѣ оттѣнки въ развитіи дѣйствія, которые, смягчая внѣшнюю рѣзкость очертаній, заставляютъ читателя или зрителя видѣть въ Катеринѣ не выдумку автора, а живое лицо, дѣйствительно способное сдѣлать всѣ вышеозначенныя эксцентричности. Читая «Грозу», или смотря ее на сценѣ, вы ни разу не усомнитесь въ томъ, что Катерина должна была поступать въ дѣйствительности именно такъ, какъ она поступаетъ въ драмѣ. Вы увидите передъ собою и поймете Катерину, но разумѣется поймете ее такъ или иначе, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія вы на нее посмотрите. Всякое живое явленіе отличается отъ мертвой отвлеченности именно тѣмъ, что его можно разсматривать съ разныхъ сторонъ, и, выходя изъ однихъ и тѣхъ же основныхъ фактовъ, можно приходить къ различнымъ и даже къ противуположнымъ заключеніямъ. Катерина испытала на себѣ много разнородныхъ приговоровъ; нашлись моралисты, которые обличили ее въ безнравственности; это было всего легче сдѣлать: стоило только сличить каждый поступокъ Катерины съ предписаніями положительнаго закона и подвести итоги: на эту работу не требовалось ни остроумія, ни глубокомыслія, и поэтому ее дѣйствительно исполнили съ блестящимъ успѣхомъ писатели, не отличающіеся ни тѣмъ, ни другимъ изъ этихъ достоинствъ; потомъ явились эстетики и рѣшили, что Катерина—свѣтлое явленіе; эстетики разумѣется стояли неизмѣримо выше неумолимыхъ поборниковъ благочинія, и поэтому первыхъ выслушали съ уваженіемъ, между тѣмъ какъ послѣднихъ тотчасъ же осмѣяли. Во главѣ эстетиковъ стоялъ Добролюбовъ, постоянно преслѣдовавшій эстетическихъ критиковъ своими мѣткими и справедливыми насмѣшками. Въ приговорѣ надъ Катериной онъ сошелся съ своими всегдашними противниками и сошелся потому, что, подобно имъ, сталъ восхищаться общимъ впечатлѣніемъ вмѣсто того, чтобы подвергнуть

это впечатлѣніе спокойному анализу. Въ каждомъ изъ поступковъ Катерины можно отыскать привлекательную сторону; Добролюбовъ отыскалъ эти стороны, сложилъ ихъ вмѣстѣ, составилъ изъ нихъ идеальный образъ, увидалъ вслѣдствіе этого «лучъ свѣта въ темномъ царствѣ» и, какъ человѣкъ, полный любви, обрадовался этому лучу чистой и святой радостью гражданина и поэта. Если-бы онъ не поддался этой радости, если-бы онъ на одну минуту попробовалъ взглянуть спокойно и внимательно на свою драгоцѣнную находку, то въ его умѣ тотчасъ родился бы самый простой вопросъ, который немедленно привелъ бы за собой полное разрушеніе привлекательной иллюзіи. Добролюбовъ спросилъ бы самаго себя: какъ могъ сложиться этотъ свѣтлый образъ? Чтобы отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ, онъ прослѣдилъ бы жизнь Катерины съ самаго дѣтства, тѣмъ болѣе, что Островскій даетъ на это нѣкоторые матеріалы; онъ увидѣлъ бы, что воспитаніе и жизнь не могли дать Катеринѣ ни твердаго характера, ни развитого ума; тогда онъ еще разъ взглянулъ бы на тѣ факты, въ которыхъ ему бросилась въ глаза одна привлекательная сторона, и тутъ вся личность Катерины представилась бы ему въ совершенно другомъ свѣтѣ. Грустно разставаться съ свѣтлой иллюзіей, а дѣлать нечего; пришлось бы и на этотъ разъ удовлетвориться темной дѣйствительностью.

III.

Во всѣхъ поступкахъ и ощущеніяхъ Катерины замѣтна прежде всего рѣзкая несоразмѣрность между причинами и слѣдствіями. Каждое внѣшнее впечатлѣніе потрясаетъ весь ея организмъ; самое ничтожное событіе, самый пустой разговоръ производятъ въ ея мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ цѣлые перевороты. Кабаниха ворчитъ—Катерина отъ этого изнываетъ; Борисъ Григорьевичъ бросаетъ нѣжные взгляды—Катерина влюбляется; Варвара говоритъ мимоходомъ нѣсколько словъ о Борисѣ—Катерина заранѣе считаетъ себя погибшей женщиной, хотя она до тѣхъ поръ даже не разговаривала съ своимъ будущимъ любовникомъ; Тихонъ отлучается изъ дома на нѣсколько дней—Катерина падаетъ передъ нимъ на колѣни и хочетъ, чтобы онъ взялъ съ нея страшную клятву въ супружеской вѣрности. Варвара даетъ Катеринѣ ключъ отъ калитки,—Катерина, подержавшись за этотъ ключъ впродолженіи пяти минутъ, рѣшаетъ, что она непремѣнно увидитъ Бориса, и кончаетъ свой монологъ словами: «ахъ, какъ-бы ночь поскорѣе!» А между тѣмъ даже и ключъ-то былъ данъ ей преимущественно для любовныхъ интересовъ самой Варвары, и въ началѣ своего монолога Катерина находила даже, что ключъ жжетъ ей руки и что его непремѣнно слѣдуетъ бросить. При свиданіи съ Борисомъ конечно повторяется та-же исторія; сначала «поди прочь, окаянный человѣкъ», а вслѣдъ затѣмъ на шею кидается. Пока продолжаются свиданія Катерина думаетъ только о томъ, что «погуляемъ»; какъ только пріѣзжаетъ Тихонъ и вслѣдствіе этого ночныя прогулки прекращаются, Катерина начинаетъ терзаться угрызеніями совѣсти и доходитъ въ этомъ направленіи до полусумасшествія; а между тѣмъ Борисъ живетъ въ томъ-же городѣ, все идетъ по-старому, и, прибѣгая къ маленькимъ хитростямъ и предосторожностямъ, можно было-бы кое-когда видѣться и наслаждаться жизнью. Но Катерина ходитъ, какъ потерянная, и Варвара очень основательно боится, что она бухнется мужу въ ноги, да и разскажетъ ему все по порядку. Такъ оно и выходитъ, и катастрофу эту производитъ стеченіе самыхъ пустыхъ обстоятельствъ. Грянулъ громъ, Катерина потеряла послѣдній остатокъ своего ума, а тутъ еще прошла по сценѣ полоумная барыня съ двумя лакеями и произнесла всенародную проповѣдь о вѣчныхъ мученіяхъ; а тутъ еще на стѣнѣ въ крытой галереѣ нарисовано адское пламя и все это одно къ одному—ну, посудите сами, какъ-же въ самомъ дѣлѣ Катеринѣ не разсказать мужу тутъ-же при Кабанихѣ и при всей городской публикѣ, какъ она провела во время отсутствія Тихона всѣ десять ночей. Окончательная катастрофа, самоубійство, точно также происходитъ экспромтомъ. Катерина убѣгаетъ изъ дому съ неопредѣленной надеждой увидать своего Бориса; она еще не думаетъ о самоубійствѣ; она жалѣетъ о томъ, что прежде убивали, а теперь не убиваютъ; она спрашиваетъ: «долго-ли еще мнѣ мучиться?» Она находитъ неудобнымъ, что смерть не является; «ты, говоритъ, ее кличешь а она не приходитъ». Ясно стало-быть, что рѣшенія на самоубійство еще нѣтъ, потому что въ противномъ случаѣ не о чемъ было-бы и толковать. Но вотъ, пока Катерина разсуждаетъ такимъ образомъ, является Борисъ; происходитъ нѣжное свиданіе. Борисъ говоритъ: «ѣду».—Катерина спрашиваетъ: куда ѣдешь? — Ей отвѣчаютъ: «далеко, Катя, въ Сибирь».—Возьми меня съ собой отсюда! — «Нельзя мнѣ, Катя». Послѣ этого разговоръ становится уже менѣе интереснымъ и переходитъ въ обмѣнъ взаимныхъ нѣжностей. Потомъ, когда Катерина остается одна, она спрашиваетъ себя: «куда теперь? домой идти?» и отвѣчаетъ: «нѣтъ, мнѣ что домой, что въ могилу—все равно». Потомъ слово «могила» наводитъ ее на новый рядъ мыслей, и она начинаетъ разсматривать могилу съ чисто-эстетической точки зрѣнія, съ которой впрочемъ людямъ до сихъ поръ удавалось смотрѣть только на чужія могилы. «Въ могилѣ, говоритъ, лучше... Подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо!.. Солнышко ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочитъ... весной на ней травка выростаетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть,

дѣтей выведутъ, цвѣточки расцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе, всякіе». Это поэтическое описаніе могилы совершенно очаровываетъ Катерину, и она объявляетъ, что «объ жизни и думать не хочется». При этомъ, увлекаясь эстетическимъ чувствомъ, она даже совершенно упускаетъ изъ виду геену огненную, а между тѣмъ она вовсе неравнодушна къ этой послѣдней мысли, потому что въ противномъ случаѣ не было-бы сцены публичнаго покаянія въ грѣхахъ, не было-бы отъѣзда Бориса въ Сибирь, и вся исторія о ночныхъ прогулкахъ оставалась-бы шитой и крытой. Но въ послѣднія свои минуты Катерина до такой степени забываетъ о загробной жизни, что даже складываетъ руки крестъ на крестъ, какъ въ гробу складываютъ, и, дѣлая это движеніе руками, она даже тутъ не сближаетъ идеи о самоубійствѣ съ идеей о геенѣ огненной. Такимъ образомъ дѣлается прыжокъ въ Волгу, и драма оканчивается.

IV.

Вся жизнь Катерины состоитъ изъ постоянныхъ внутреннихъ противорѣчій; она ежеминутно кидается изъ одной крайности въ другую; она сегодня раскаявается въ томъ, что дѣлала вчера, и между тѣмъ сама не знаетъ, что будетъ дѣлать завтра; она на каждомъ шагу путаетъ и свою собственную жизнь и жизнь другихъ людей; наконецъ, перепутавши все, что было у нея подъ руками, она разрубаетъ затянувшіеся узлы самымъ глупымъ средствомъ, самоубійствомъ, да еще такимъ самоубійствомъ, которое является совершенно неожиданно для нея самой. Эстетики не могли не замѣтить того, что бросается въ глаза во всемъ поведеніи Катерины; противорѣчія и нелѣпости слишкомъ очевидны, но зато ихъ можно назвать красивымъ именемъ: можно сказать, что въ нихъ выражается страстная, нѣжная и искренняя натура. Страстность, нѣжность, искренность—все это очень хорошія свойства, по крайней мѣрѣ все это очень красивыя слова, а такъ какъ главное дѣло заключается въ словахъ, то и нѣтъ резона, чтобы не объявить Катерину свѣтлымъ явленіемъ и не придти отъ нея въ восторгъ. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что всѣ противорѣчія и нелѣпости ея поведенія объясняются именно этими свойствами. Но что-же это значитъ? Значитъ, что поле моего анализа слѣдуетъ расширить; разбирая личность Катерины, слѣдуетъ имѣть въ виду страстность, нѣжность и искренность вообще и кромѣ того тѣ понятія, которыя господствуютъ въ обществѣ и въ литературѣ на счетъ этихъ свойствъ человѣческаго организма. Если-бы я не зналъ заранѣе, что задача моя расширится такимъ образомъ, то я и не принялся-бы за эту статью. Очень нужно въ самомъ дѣлѣ драму, написанную слишкомъ три года тому назадъ, разбирать для того, чтобы доказать публикѣ, какимъ образомъ Добролюбовъ ошибся въ оцѣнкѣ одного женскаго характера. Но тутъ дѣло идетъ объ общихъ вопросахъ нашей жизни, а о такихъ вопросахъ говорить всегда удобно, потому что они всегда стоятъ на очереди и всегда рѣшаются только на время. Эстетики подводятъ Катерину подъ извѣстную мѣрку, и я вовсе не намѣренъ доказывать, что Катерина не подходитъ подъ эту мѣрку; Катерина-то подходитъ, да мѣрка-то никуда не годится, и всѣ основанія, на которыхъ стоитъ эта мѣрка, тоже никуда не годятся; все это должно быть совершенно передѣлано, и хотя разумѣется я не справлюсь одинъ съ этой задачей, однако лепту свою внесу.

Мы до сихъ поръ при оцѣнкѣ явленій нравственнаго міра ходимъ ощупью и дѣйствуемъ наугадъ; по привычкѣ мы знаемъ, что такое грѣхъ; по уложенію о наказаніяхъ мы знаемъ, что такое преступленіе; но когда намъ приходится оріентироваться въ безконечныхъ лѣсахъ тѣхъ явленій, которыя не составляютъ ни грѣха, ни преступленія, когда намъ приходится разсматривать напримѣръ качества человѣческой природы, составляющія задатки и основанія будущихъ поступковъ, тогда мы идемъ всѣ въ разсыпную и аукаемся изъ разныхъ угловъ этой дубравы, т. е. сообщаемъ другъ другу наши личные вкусы, которые чрезвычайно рѣдко могутъ имѣть какой-нибудь общій интересъ. Каждое человѣческое свойство имѣетъ на всѣхъ языкахъ по крайней мѣрѣ по два названія, изъ которыхъ одно порицательное, а другое хвалительное,—скупость и бережливость, трусость и осторожность, жестокость и твердость, глупость и невинность, вранье и поэзія, дряблость и нѣжность, взбалмошность и страстность и такъ далѣе до безконечности. У каждаго отдѣльнаго человѣка есть въ отношеніи къ нравственнымъ качествамъ свой особенный лексиконъ, который почти никогда не сходится вполнѣ съ лексиконами другихъ людей. Когда вы напримѣръ одного человѣка называете благороднымъ энтузіастомъ, а другого безумнымъ фанатикомъ, то вы сами конечно понимаете вполнѣ, что вы хотите сказать, но другіе люди понимаютъ васъ только приблизительно, а иногда могутъ и совсѣмъ не понимать. Есть вѣдь такіе озорники, для которыхъ коммунистъ Бабефъ былъ благороднымъ энтузіастомъ, но зато есть и такіе мудрецы, которые австрійскаго министра Шмерлинга назовутъ безумнымъ фанатикомъ. И тѣ, и другіе будутъ употреблять одни и тѣ-же слова, и тѣми-же самыми словами будутъ пользоваться всѣ люди безчисленныхъ промежуточныхъ оттѣнковъ. Какъ вы тутъ поступите, чтобы открыть живое явленіе изъ-подъ груды набросанныхъ словъ, которыя на языкѣ каждаго отдѣльнаго человѣка имѣютъ свой особенный смыслъ? Что такое благородный энтузіазмъ? Что такое безумный фанатикъ? Это пустые звуки, не соотвѣтствующіе никакому опредѣленному пред-

ставленію. Эти звуки выражаютъ отношеніе говорящаго лица къ неизвѣстному предмету, который остается совершенно неизвѣстнымъ во все время разговора и послѣ его окончанія. Чтобы узнать, что за человѣкъ былъ коммунистъ Бабефъ и что за человѣкъ Шмерлингъ, надо разумѣется отодвинуть въ сторону всѣ приговоры, произнесенные надъ этими двумя личностями различными людьми, выражавшими въ этомъ случаѣ свои личные вкусы и свои политическія симпатіи. Надо взять сырые факты во всей ихъ сырости, и чѣмъ они сырѣе, чѣмъ меньше они замаскированы хвалительными или порицательными словами, тѣмъ больше мы имѣемъ шансовъ уловить и понять живое явленіе, а не безцвѣтную фразу. Такъ поступаетъ мыслящій историкъ. Если онъ, располагая обширными свѣдѣніями, будетъ избѣгать увлеченія фразами, если онъ къ человѣку и ко всѣмъ отраслямъ его дѣятельности будетъ относиться не какъ патріотъ, не какъ либералъ, не какъ энтузіастъ, не какъ эстетикъ, а просто какъ натуралистъ, то онъ навѣрное съумѣетъ дать опредѣленные и объективные отвѣты на многіе вопросы, рѣшавшіеся обыкновенно красивымъ волненіемъ возвышенныхъ чувствъ. Обиды для человѣческаго достоинства тутъ не произойдетъ никакой, а польза будетъ большая, потому что вмѣсто ста возовъ вранья получится одна горсть настоящаго знанія. А одна остроумная поговорка утверждаетъ совершенно справедливо, что лучше получить маленькій деревянный домъ, чѣмъ большую каменную болѣзнь.

V.

Мыслящій историкъ трудится и размышляетъ конечно не для того, чтобы приклеить тотъ или другой ярлыкъ къ тому или другому историческому имени. Стоитъ-ли въ самомъ дѣлѣ тратить трудъ и время для того, чтобы съ полнымъ убѣжденіемъ назвать Сидора мошенникомъ, а Филимона добродѣтельнымъ отцомъ семейства? Историческія личности любопытны только, какъ крупные образчики нашей породы, очень удобные для изученія и очень способные служить матеріалами для общихъ выводовъ антропологіи. Разсматривая ихъ дѣятельность, измѣряя ихъ вліяніе на современниковъ, изучая тѣ обстоятельства, которыя помогали или мѣшали исполненію ихъ намѣреній, мы изъ множества отдѣльныхъ и разнообразныхъ фактовъ выводимъ неопровержимыя заключенія объ общихъ свойствахъ человѣческой природы, о степени ея измѣняемости, о вліяніи климатическихъ и бытовыхъ условій, о различныхъ проявленіяхъ національныхъ характеровъ, о зарожденіи и распространеніи идей и вѣрованій и наконецъ, что всего важнѣе, мы подходимъ къ рѣшенію того вопроса, который въ послѣднее время блистательнымъ образомъ поставилъ знаменитый Бокль. Вотъ въ чемъ состоитъ этотъ вопросъ: какая сила или какой элементъ служитъ основаніемъ и важнѣйшимъ двигателемъ человѣческаго прогресса? Бокль отвѣчаетъ на этотъ вопросъ просто и рѣшительно. Онъ говоритъ: чѣмъ больше реальныхъ знаній, тѣмъ сильнѣе прогрессъ; чѣмъ больше человѣкъ изучаетъ видимыя явленія и чѣмъ меньше предается фантазіямъ, тѣмъ удобнѣе онъ устраиваетъ свою жизнь и тѣмъ быстрѣе одно усовершенствованіе быта смѣняется другимъ.—Ясно, смѣло и просто! Такимъ образомъ дѣльные историки путемъ терпѣливаго изученія идутъ къ той-же цѣли, которую должны имѣть въ виду всѣ люди, рѣшающіеся заявлять въ литературѣ свои сужденія о различныхъ явленіяхъ нравственной и умственной жизни человѣчества.

Каждый критикъ, разбирающій какой-нибудь литературный типъ, долженъ въ своей ограниченной сферѣ дѣятельности прикладывать къ дѣлу тѣ самые пріемы, которыми пользуется мыслящій историкъ, разсматривая міровыя событія и разставляя по мѣстамъ великихъ и сильныхъ людей. Историкъ не восхищается, не умиляется, не негодуетъ, не фразерствуетъ, и всѣ эти патологическія отправленія также неприличны въ критикѣ, какъ и въ историкѣ. Историкъ разлагаетъ каждое явленіе на его составныя части и изучаетъ каждую часть отдѣльно, и потомъ, когда извѣстны всѣ составные элементы, тогда и общій результатъ оказывается понятнымъ и неизбѣжнымъ; что казалось раньше анализа ужаснымъ преступленіемъ или непостижимымъ подвигомъ, то оказывается, послѣ анализа простымъ и необходимымъ слѣдствіемъ данныхъ условій. Точно такъ-же слѣдуетъ поступать критику; вмѣсто того, чтобы плакать надъ несчастіями героевъ и героинь, вмѣсто того, чтобы сочувствовать одному, негодовать противъ другого, восхищаться третьимъ, лѣзть на стѣны по поводу четвертаго, критикъ долженъ сначала проплакаться и пробѣсноваться про себя, а потомъ, вступая въ разговоръ съ публикой, долженъ обстоятельно и разсудительно сообщить ей свои размышленія о причинахъ тѣхъ явленій, которыя вызываютъ въ жизни слезы, сочувствіе, негодованіе или восторги. Онъ долженъ объяснять явленія, а не воспѣвать ихъ; онъ долженъ анализировать, а не лицедѣйствовать. Это будетъ болѣе полезно и менѣе раздирательно.

Если историкъ и критикъ пойдутъ оба по одному пути, если оба они будутъ не болтать, а размышлять, то оба придутъ къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Между частной жизнью человѣка и исторической жизнью человѣчества есть только количественная разница. Одни и тѣ же законы управляютъ обоими порядками явленій точно такъ-же, какъ одни и тѣ же химическіе и физическіе законы управляютъ и развитіемъ простой клѣточки, и развитіемъ человѣческаго

организма. Прежде господствовало мнѣніе, будто общественный дѣятель долженъ вести себя совсѣмъ не такъ, какъ частный человѣкъ. Что въ частномъ человѣкѣ считалось мошенничествомъ, то въ общественномъ дѣятелѣ называлось политической мудростью. Съ другой стороны то, что въ общественномъ дѣятелѣ считалось предосудительной слабостью, то въ частномъ человѣкѣ называлось трогательной мягкостью души. Существовало такимъ образомъ для однихъ и тѣхъ же людей два рода справедливости, два рода благоразумія,—всего по два. Теперь дуализмъ, вытѣсняемый изъ всѣхъ своихъ убѣжищъ, не можетъ удержаться и въ этомъ мѣстѣ, въ которомъ нелѣпость его особенно очевидна и въ которомъ онъ надѣлалъ очень много практическихъ гадостей. Теперь умные люди начинаютъ понимать, что простая справедливость составляетъ всегда самую мудрую и самую выгодную политику; съ другой стороны они понимаютъ, что и частная жизнь не требуетъ ничего кромѣ простой справедливости; потоки слезъ и конвульсіи самоистязанія такъ же безобразны въ самой скромной частной жизни, какъ и на сценѣ всемірной исторіи; и безобразны они въ томъ и другомъ случаѣ единственно потому, что вредны, то-есть доставляютъ одному человѣку или многимъ людямъ боль, невыкупаемую никакимъ наслажденіемъ.

Искусственная грань, поставленная человѣческимъ невѣжествомъ между исторіей и частной жизнью, разрушается по мѣрѣ того, какъ исчезаетъ невѣжество со всѣми своими предразсудками и нелѣпыми убѣжденіями. Въ сознаніи мыслящихъ людей эта грань уже разрушена, и на этомъ основаніи критикъ и историкъ могутъ и должны приходить къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Историческія личности и простые люди должны быть измѣряемы одной мѣркой. Въ исторіи явленіе можетъ быть названо свѣтлымъ или темнымъ не потому, что оно нравится или не нравится историку, а потому, что оно ускоряетъ или задерживаетъ развитіе человѣческаго благосостоянія. Въ исторіи нѣтъ безплодно-свѣтлыхъ явленій; что безплодно, то не свѣтло,—на то не стоитъ совсѣмъ обращать вниманія; въ исторіи есть очень много услужливыхъ медвѣдей, которые очень усердно били мухъ на лбу спящаго человѣчества увѣсистыми булыжниками; однако смѣшонъ и жалокъ былъ бы тотъ историкъ, который сталъ бы благодарить этихъ добросовѣстныхъ медвѣдей за чистоту ихъ намѣреній. Встрѣчаясь съ примѣромъ медвѣжьей нравственности, историкъ долженъ только замѣтить, что лобъ человѣчества оказался раскроеннымъ, и долженъ описать, глубока ли была рана и скоро ли зажила, и какъ подѣйствовало это убіеніе мухи на весь организмъ паціента, и какъ обрисовались вслѣдствіе этого дальнѣйшія отношенія между пустынникомъ и медвѣдемъ. Ну, а что такое медвѣдь? Медвѣдь ничего; онъ свое дѣло сдѣлалъ. Хватилъ камнемъ по лбу — и успокоился. Съ него взятки гладки. Ругать его не слѣдуетъ— во-первыхъ потому, что это ни къ чему не ведетъ; а во-вторыхъ, не за что: потому—глупъ. Ну, а хвалить его за непорочность сердца и подавно не резонъ; во-первыхъ,—не стоитъ благодарности: вѣдь лобъ-то все-таки разбитъ; а во-вторыхъ—опять-таки онъ глупъ, такъ на какого же чорта годится его непорочность сердца.

Такъ какъ я случайно напалъ на басню Крылова, то мимоходомъ любопытно будетъ замѣтить, какъ простой здравый смыслъ сходится иногда въ своихъ сужденіяхъ съ тѣми выводами, которые даютъ основательное научное изслѣдованіе и широкое философское мышленіе. Три басни Крылова, о медвѣдѣ, о музыкантахъ, которые «немножечко дерутъ, зато ужъ въ ротъ хмѣльного не берутъ», и о судьѣ, который попадетъ въ рай за глупость,—три эти басни, говорю я, написаны на ту мысль, что сила ума важнѣе, чѣмъ безукоризненная нравственность. Видно, что эта мысль была особенно мила Крылову, который разумѣется могъ замѣчать вѣрность этой мысли только въ явленіяхъ частной жизни. И эту же самую мысль Бокль возводитъ въ міровой историческій законъ. Русскій баснописецъ образовавшійся на мѣдныя деньги и навѣрное считавшій Карамзина величайшимъ историкомъ XIX вѣка, говоритъ по своему то-же самое, что высказалъ передовой мыслитель Англіи, вооруженный наукой. Это я замѣчаю не для того, чтобы похвастаться русской смѣтливостью, а для того, чтобы показать, до какой степени результаты разумной и положительной науки соотвѣтствуютъ естественнымъ требованіямъ неиспорченнаго и незасореннаго человѣческаго ума. Кромѣ того эта неожиданная встрѣча Бокля съ Крыловымъ можетъ служить примѣромъ того согласія, которое можетъ и должно существовать, во-первыхъ—между частной жизнью и исторіей, а вслѣдствіе этого, во-вторыхъ—между историкомъ и критикомъ. Если добродушный дѣдушка Крыловъ могъ сойтись съ Боклемъ, то критикамъ, живущимъ во второй половинѣ XIX вѣка и обнаруживающимъ притязанія на смѣлость мысли и на широкое развитіе ума, такимъ критикамъ, говорю я, и подавно слѣдуетъ держаться съ непоколебимой послѣдовательностью за тѣ пріемы и идеи, которые въ наше время сближаютъ историческое изученіе съ естествознаніемъ. Наконецъ, если Бокль слишкомъ уменъ и головоломенъ для нашихъ критиковъ, пусть они держатся за дѣдушку Крылова, пусть проводятъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о нравственныхъ достоинствахъ человѣка простую мысль, выраженную такими незатѣйливыми словами: «услужливый дуракъ опаснѣе врага». Если бы только одна эта мысль, понятная пятилѣтнему

ребенку, была проведена въ нашей критикѣ съ надлежащей послѣдовательностью, то во всѣхъ нашихъ воззрѣніяхъ на нравственныя достоинства произошелъ бы радикальный переворотъ, и престарѣлая эстетика давнымъ-давно отправилась-бы туда-же, куда отправились алхимія и метафизика.

VI.

Наша частная жизнь запружена до нельзя красивыми чувствами и высокими достоинствами, которыми всякій порядочный человѣкъ старается запастись для своего домашняго обихода и которымъ всякій свидѣтельствуетъ свое вниманіе, хотя никто не можетъ сказать, чтобы они когда-нибудь кому-бы то ни было доставили малѣйшее удовольствіе. Было время, когда лучшими атрибутами физической красоты считалась въ женщинѣ интересная блѣдность лица и непостижимая тонкость таліи; барышни пили уксусъ и перетягивались такъ, что у нихъ трещали ребра и спиралось дыханіе; много здоровья было уничтожено по милости этой эстетики и по всей вѣроятности эти своеобразныя понятія о красотѣ еще не вполнѣ уничтожились и теперь, потому что Льюисъ возстаетъ противъ корсетовъ въ своей физіологіи, а Чернышевскій заставляетъ Вѣру Павловну упомянуть о томъ, что она, сдѣлавшись умной женщиной, перестала шнуроваться. Такимъ образомъ физическая эстетика очень часто идетъ въ разрѣзъ съ требованіями здраваго смысла, съ предписаніями элементарной гигіены и даже съ инстинктивнымъ стремленіемъ человѣка къ удобству и комфорту. «Il faut souffrir pour être belle», говорила въ былое время молодая дѣвушка, и всѣ находили, что она говоритъ святую истину, потому что красота должна существовать сама по себѣ ради красоты, совершенно независимо отъ условій, необходимыхъ для здоровья, для удобства и наслажденія жизнью. Критики, не освободившіеся отъ вліянія эстетики, сходятся съ обожателями интересной блѣдности и тонкихъ талій вмѣсто того, чтобы сходиться съ естествоиспытателями и мыслящими историками. Надо сознаться, что даже лучшіе изъ нашихъ критиковъ, Бѣлинскій и Добролюбовъ, не могли оторваться окончательно отъ эстетическихъ традицій. Осуждать ихъ за это было-бы нелѣпо, потому что надо-же помнить, какъ много они сдѣлали для уясненія всѣхъ нашихъ понятій, и надо-же понимать, что не могутъ два человѣка отработать за насъ всю нашу работу мысли. Но, не осуждая ихъ, надо видѣть ихъ ошибки и прокладывать новые пути въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ старыя тропинки уклоняются въ глушь и въ болото.

Относительно анализа «свѣтлыхъ явленій» насъ не удовлетворяетъ эстетика ни своимъ красивымъ негодованіемъ, ни своимъ искусственно подогрѣтымъ восторгомъ. Ея бѣлила и румяна тутъ остаются не при чемъ. Натуралистъ, говоря о человѣкѣ, назоветъ свѣтлымъ явленіемъ нормально развитый организмъ; историкъ дастъ это названіе умной личности, понимающей свои выгоды, знающей требованія своего времени и вслѣдствіе этого работающей всѣми силами для развитія общаго благосостоянія; критикъ имѣетъ право видѣть свѣтлое явленіе только въ томъ человѣкѣ, который умѣетъ быть счастливымъ, т. е. приносить пользу себѣ и другимъ, и, умѣя жить и дѣйствовать при неблагопріятныхъ условіяхъ, понимаетъ въ то же время ихъ неблагопріятность и по мѣрѣ силъ своихъ старается переработать эти условія къ лучшему. И натуралистъ, и историкъ, и критикъ согласятся между собой въ томъ пунктѣ, что необходимымъ свойствомъ такого свѣтлаго явленія долженъ быть сильный и развитый умъ; тамъ, гдѣ нѣтъ этого свойства, тамъ не можетъ быть и свѣтлыхъ явленій. Натуралистъ скажетъ вамъ, что нормально развитый человѣческій организмъ необходимо долженъ быть одаренъ здоровымъ мозгомъ, а здоровый мозгъ также неизбѣжно долженъ мыслить правильно, какъ здоровый желудокъ долженъ переваривать пищу; если-же этотъ мозгъ разслабленъ отсутствіемъ упражненія и если такимъ образомъ человѣкъ, умный отъ природы, притупленъ обстоятельствами жизни, то весь разсматриваемый субъектъ уже не можетъ считаться нормально развитымъ организмомъ, точно такъ-же, какъ не можетъ имъ считаться человѣкъ, ослабившій свой слухъ или свое зрѣніе. Такого человѣка натуралистъ не назоветъ свѣтлымъ явленіемъ, хотя-бы этотъ человѣкъ пользовался желѣзнымъ здоровьемъ и лошадиной силой. Историкъ скажетъ вамъ... но вы и сами знаете, что онъ вамъ скажетъ; ясное дѣло, что умъ для исторической личности такъ-же необходимъ, какъ жабры и плавательныя перья для рыбы; ума тутъ не замѣнить никакими эстетическими ингредіентами; это можетъ быть единственная истина, неопровержимо доказанная всѣмъ историческимъ опытомъ нашей породы. Критикъ докажетъ вамъ, что только умный и развитой человѣкъ можетъ оберегать себя и другихъ отъ страданій при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ жизни, при которыхъ существуетъ огромное большинство людей на земномъ шарѣ; кто не умѣетъ сдѣлать ничего для облегченія своихъ и чужихъ страданій, тотъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названъ свѣтлымъ явленіемъ; тотъ — трутень, можетъ быть очень милый, очень граціозный, симпатичный, но все это такія неосязаемыя и невѣсомыя качества, которыя доступны только вниманію людей, обожающихъ интересную блѣдность и тонкія таліи. Облегчая жизнь себѣ и другимъ, умный и развитой человѣкъ не ограничивается этимъ; онъ кромѣ того въ большей или меньшей степени, сознательно или невольно перерабатываетъ эту жизнь и приготовляетъ переходъ къ лучшимъ условіямъ существованія. Умная и раз-

витая личность, сама того не замѣчая, дѣйствуетъ на все, что къ ней прикасается; ея мысли, ея занятія, ея гуманное обращеніе, ея спокойная твердость,—все это шевелитъ вокругъ нея стоячую воду человѣческой рутины; кто уже не въ силахъ развиваться, тотъ по крайней мѣрѣ уважаетъ въ умной и развитой личности хорошаго человѣка, а людямъ очень полезно уважать то, что дѣйствительно заслуживаетъ уваженія; но кто молодъ, кто способенъ полюбить идею, кто ищетъ возможности развернуть силы своего свѣжаго ума, тотъ, сблизившись съ умной и развитой личностью, можетъ быть начнетъ новую жизнь, полную обаятельнаго труда и неистощимаго наслажденія. Если предполагаемая свѣтлая личность дастъ такимъ образомъ обществу двухъ-трехъ молодыхъ работниковъ, если она внушитъ двумъ-тремъ старикамъ невольное уваженіе къ тому, что они прежде осмѣивали и притѣсняли, то неужели вы скажете, что такая личность ровно ничего не сдѣлала для облегченія перехода къ лучшимъ идеямъ и къ болѣе сноснымъ условіямъ жизни? Мнѣ кажется, что она сдѣлала въ малыхъ размѣрахъ то, что дѣлаютъ въ большихъ размѣрахъ величайшія историческія личности. Разница между ними заключается только въ количествѣ силъ, и потому оцѣнивать ихъ дѣятельность можно и должно посредствомъ одинаковыхъ пріемовъ. Такъ вотъ какіе должны быть «лучи свѣта»—не Катеринѣ чета.

VII.

«Яйца курицу не учатъ», — говоритъ нашъ народъ,—и такъ эта поговорка ему по душѣ пришлась, что онъ твердитъ ее съ утра до вечера, словами и поступками, отъ моря и до моря. И передаетъ онъ ее потомству, какъ священное наслѣдство, и благодарное потомство, пользуясь ею, въ свою очередь созидаетъ на ней величественное зданіе семейнаго чинопочитанія. И поговорка эта не теряетъ своей силы, потому что она всегда употребляется кстати; а кстати потому, что ее употребляютъ только старшіе члены семейства, которые не могутъ ошибаться, которые всегда оказываются правыми и которые слѣдовательно всегда дѣйствуютъ благодѣтельно и разсуждаютъ поучительно. Ты—яйцо безсознательное и долженъ пребывать въ своей безотвѣтной невинности до тѣхъ поръ, пока самъ не сдѣлаешься курицей. Такимъ образомъ пятидесятилѣтнія куры разсуждаютъ съ тридцатилѣтними яйцами, которыя съ пеленокъ выучились понимать и чувствовать все, что такъ коротко и такъ величественно внушаетъ имъ безсмертная поговорка. Великое изреченіе народной мудрости дѣйствительно выражаетъ въ четырехъ словахъ весь принципъ нашей семейной жизни. Принципъ этотъ дѣйствуетъ еще съ полной силой въ тѣхъ слояхъ нашего народа, которые считаются чисто-русскими.

Только въ молодости человѣкъ можетъ развернуть и воспитать тѣ силы своего ума, которыя потомъ будутъ служить ему въ зрѣломъ возрастѣ; что не развилось въ молодости, то остается неразвитымъ на всю жизнь; слѣдовательно если молодость проводится подъ скорлупой, то и умъ, и воля человѣка остаются навсегда въ положеніи замореннаго зародыша; и наблюдателю, смотрящему со стороны на этотъ курятникъ, остается только изучать различныя проявленія человѣческаго уродства. Каждый новорожденный ребенокъ втискивается въ одну и ту же готовую форму, а разнообразіе результатовъ происходитъ, во-первыхъ отъ того, что не всѣ дѣти родятся одинаковыми, а во-вторыхъ отъ того, что для втискиванія употребляются различные пріемы. Одинъ ребенокъ ложится въ форму тихо и благоправно, а другой барахтается и кричитъ благимъ матомъ; одного ребенка бросаютъ въ форму со всего размаху, да еще потомъ держатъ въ формѣ за вихоръ; а другого кладутъ помаленьку, полегоньку и при этомъ поглаживаютъ по головкѣ и пряникомъ обольщаютъ. Но форма все-таки одна и та же, и не въ укоръ будь сказано искателямъ свѣтлыхъ явленій—уродованіе идетъ всегда надлежащимъ порядкомъ; такъ какъ жизнь не шевелитъ и не развиваетъ ума, то человѣческія способности глохнутъ и искажаются какъ при воспитаніи палкой, такъ и при воспитаніи лаской. Въ первомъ случаѣ получается типъ, который я для краткости назову карликами, во второмъ получаются также уроды, которыхъ можно назвать вѣчными дѣтьми. Когда ребенка ругаютъ, порятъ и всячески огорчаютъ, тогда онъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ начинаетъ чувствовать себя одинокимъ. Какъ только ребенокъ начинаетъ понимать себя, такъ онъ пріучается надѣяться только на свои собственныя силы; онъ находится въ постоянной войнѣ со всѣмъ, что его окружаетъ; ему дремать нельзя; чуть оплошаешь, тотчасъ лишишься всякаго удовольствія, да еще налетятъ на тебя со всѣхъ сторонъ ругательства, затрещины и даже весьма серьезныя непріятности въ видѣ многочисленныхъ и полновѣсныхъ ударовъ розгами. Гимнастика для дѣтскаго ума представляется постоянная, и каждый безграмотный мальчишка, выдержанный въ ежевыхъ рукавицахъ свирѣпымъ родителемъ, удивитъ своими дипломатическими талантами любого благовоспитаннаго мальчика, способнаго уже восхищаться, по Корнелію Непоту, доблестями Аристида и непреклоннымъ характеромъ Катона. Умъ разовьется на столько, на сколько это необходимо для того, чтобы обдѣлывать практическія дѣлишки: тамъ надуть, тутъ поклониться въ поясъ, здѣсь прижать, въ другомъ мѣстѣ въ амбицію вломиться, въ третьемъ—добрымъ малымъ прикинуться, — все это будетъ исполнено самымъ отчетливымъ манеромъ, по-

тому что вся эта механика усвоена во времена нѣжнаго дѣтства. Но выйти изъ колеи этой механики умъ уже не можетъ; надуетъ онъ десять разъ, проведетъ и выведетъ, будетъ лгать и вывертываться, будетъ постоянно обходить препятствія, на которыя постоянно будетъ натыкаться; но обдумать заранѣе планъ дѣйствій, разсчитать вѣроятности успѣха, предусмотрѣть и устранить препятствія заблаговременно, словомъ, связать въ головѣ длинный рядъ мыслей, логически вытекающихъ одна изъ другой,—этого вы отъ нашего субъекта не ждите. Умственнаго творчества вы въ немъ также не найдете; практическое изобрѣтеніе, созданіе новой машины или новой отрасли промышленности возможно только тогда, когда у человѣка есть знанія, а знаній у нашего карлика нѣтъ никакихъ; онъ не знаетъ ни свойствъ того матеріала, который онъ обработываетъ, ни потребностей тѣхъ людей, для которыхъ онъ работаетъ. Шьетъ онъ, положимъ, чемоданъ изъ кожи; кожа скверно выдѣлана и трескается; ну, значитъ чемоданъ надо вычернить, чтобы подъ краской трещины были незамѣтны; и рѣшительно ни одному карлику въ голову не придетъ: а нельзя-ли какъ-нибудь такъ выдѣлывать кожу, чтобъ она не трескалась? Да и не можетъ придти; чтобы замазать трещину черной краской, не нужно ровно никакихъ знаній и почти никакого труда мысли; а для того, чтобы сдѣлать малѣйшее усовершенствованіе въ выдѣлкѣ кожъ, надо по крайней мѣрѣ всматриваться въ то, что имѣешь подъ руками, и обдумывать то, что видишь. Но мы никогда не были заражены такими мыслительными слабостями; поэтому мы разработали у себя барышничество и надувательство до высокой степени художественности, а всѣ науки мы принуждены привозить къ себѣ изъ-за границы; другими словами, мы постоянно обирали удобства жизни другъ у друга, но производительность нашей земли мы не съумѣли увеличить ни на одинъ мѣдный грошъ. Не зная свойствъ предметовъ, карликъ не знаетъ и самого себя: онъ не знаетъ ни своихъ силъ, ни своихъ наклонностей, ни своихъ желаній; поэтому онъ цѣнитъ себя только по внѣшнему успѣху своихъ предпріятій; онъ мѣняется въ своихъ собственныхъ глазахъ, какъ акція сомнительнаго достоинства, которой курсъ колеблется на биржѣ; штука удалась, барышъ въ карманѣ,—тогда онъ великій человѣкъ, тогда онъ возносится выше нарицательной цѣны и даже выше облака ходячаго; штука лопнула, капиталъ улетучился, — тогда онъ червь, подлецъ, поношеніе человѣковъ; тогда онъ умоляетъ васъ, чтобъ вы на него плюнули, да только оказали-бы ему участіе. И хоть-бы это было по крайней мѣрѣ притворство, хоть бы онъ прикидывался несчастнымъ для того, чтобы разжалобить васъ, все было бы легче; а то вѣдь нѣтъ—дѣйствительно раздавленъ и уничтоженъ, дѣйствительно палъ въ своихъ собственныхъ глазахъ оттого, что потерпѣлъ убытокъ или другую неудачу; немудрено, что карликъ отвертывается отъ друзей своихъ, когда они въ несчастіи; онъ и отъ самого себя радъ былъ-бы отвернуться, да жаль, некуда.

Все это понятно; только сознательное уваженіе человѣка къ самому себѣ даетъ ему возможность спокойно и весело переносить всѣ мелкія и крупныя непріятности, которыя не сопровождаются сильной физической болью; а чтобы сознательно уважать самого себя и чтобы находить въ этомъ чувствѣ высшее наслажденіе, человѣку надо предварительно поработать надъ собой, очистить свой мозгъ отъ разнаго мусора, сдѣлаться полнымъ хозяиномъ своего внутренняго міра, обогатить этотъ міръ кое-какими знаніями и идеями и наконецъ, изучивши самого себя, найти себѣ въ жизни разумную, полезную и пріятную дѣятельность. Когда все это будетъ сдѣлано, тогда человѣку будетъ понятно удовольствіе быть самимъ собой, удовольствіе класть на каждый поступокъ печать своей просвѣтленной и облагороженной личности, удовольствіе жить въ своемъ внутреннемъ мірѣ и постоянно увеличивать богатство и разнообразіе этого міра. Тогда человѣкъ почувствуетъ, что это высшее удовольствіе можетъ быть отнято у него только сумасшествіемъ или постояннымъ физическимъ мученіемъ; и это величественное сознаніе полной независимости отъ мелкихъ огорченій въ свою очередь сдѣлается причиной гордой и мужественной радости, которую опять-таки ничто не можетъ ни отнять, ни отравить. Сколько минутъ чистѣйшаго счастья пережилъ Лопуховъ въ то время, когда, отрываясь отъ любимой женщины, онъ собственноручно устроивалъ ей счастье съ другимъ человѣкомъ? Тутъ была обаятельная смѣсь тихой грусти и самаго высокаго наслажденія, но наслажденіе далеко перевѣшивало грусть, такъ что это время напряженной работы ума и чувства навѣрное оставило послѣ себя въ жизни Лопухова неизгладимую полосу самаго яркаго свѣта. А между тѣмъ какъ все это кажется непонятнымъ и неестественнымъ для тѣхъ людей, которые никогда не испытали наслажденія мыслить и жить въ своемъ внутреннемъ мірѣ. Эти люди убѣждены самымъ добросовѣстнымъ образомъ, что Лопуховъ — невозможная и неправдоподобная выдумка, что авторъ романа «Что дѣлать?» только прикидывается, будто понимаетъ ощущенія своего героя, и что всѣ пустозвоны, сочувствующіе Лопухову, морочатъ себя и стараются обморочить другихъ совершенно безсмысленными потоками словъ. И это совершенно естественно. Кто способенъ понимать Лопухова и сочувствующихъ ему пустозвоновъ, тотъ самъ — и Лопуховъ, и пустозвонъ, потому что рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше.

Замѣчательно, что высокое удовольствіе самоуваженія въ большей или меньшей степени доступно и понятно всѣмъ людямъ, развившимъ въ себѣ способность мыслить, хотя бы эта способность привела ихъ потомъ къ чистымъ и простымъ истинамъ естествознанія; или напротивъ того къ туманнымъ и произвольнымъ фантазіямъ философскаго мистицизма. Матеріалисты и идеалисты, скептики и догматики, эпикурейцы и стоики, раціоналисты и мистики—всѣ сходятся между собой, когда идетъ рѣчь о высшемъ благѣ, доступномъ человѣку на землѣ и независимомъ отъ внѣшнихъ и случайныхъ условій. Всѣ говорятъ объ этомъ благѣ въ различныхъ выраженіяхъ, всѣ подходятъ къ нему съ разныхъ сторонъ, всѣ называютъ его разными именами, но отодвиньте въ сторону слова и метафоры и вы вездѣ увидите одно и то же содержаніе. Одни говорятъ, что человѣкъ долженъ убить въ себѣ страсти, другіе — что онъ долженъ управлять ими, третьи — что онъ долженъ облагородить ихъ, четвертые—что онъ долженъ развить свой умъ и что тогда все пойдетъ, какъ по маслу. Пути различные, но цѣль вездѣ одна и та же,— чтобы человѣкъ пользовался душевнымъ миромъ, какъ говорятъ одни, — чтобы въ его существѣ зацарствовала внутренняя гармонія, какъ говорятъ другіе, чтобы совѣсть его была спокойна, какъ говорятъ третьи, — или наконецъ, если взять самыя простыя слова,—чтобы человѣкъ постоянно былъ доволенъ самимъ собой, чтобы онъ могъ сознательно любить и уважать самого себя, чтобы онъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни могъ положиться на самого себя, какъ на своего лучшаго друга, всегда неизмѣннаго и всегда правдиваго.

Если всѣ мыслители понимаютъ и цѣнятъ чувство самоуваженія, то мы въ этомъ отношеніи никакъ не должны считать мыслителями всѣхъ людей, читающихъ и пишущихъ философскія сочиненія. Рутинеръ, буквоѣдъ и филистеръ, къ какой-бы школѣ онъ ни принадлежалъ и какой-бы наукой онъ ни занимался, всегда будетъ работать по обязанности службы, никогда не почувствуетъ наслажденія въ процессѣ мысли и поэтому никогда не составитъ себѣ понятія о чарующей прелести самоуваженія. Дѣло въ томъ, что все можно обратить въ механику. У насъ обращено въ механику искусство надувательства, а въ Западной Европѣ со временъ средневѣковой схоластики въ механику превратилось искусство писать ученые трактаты, рыться въ фоліантахъ и получать самымъ добросовѣстнымъ образомъ докторскіе дипломы, не переставая вѣрить въ колдовство или въ алхимію. Закваска рутины такъ сильна, что многіе нѣмцы и англичане находятъ возможнымъ заниматься естественными науками, не переставая быть по своему міросозерцанію чисто средневѣковыми субъектами. Отъ этого выходятъ презабавные эпизоды. Напримѣръ знаменитый англійскій анатомъ Ричардъ Оуэнъ (прошу не смѣшивать съ соціалистомъ Робертомъ Оуэномъ) упорно не желаетъ видѣть въ мозгу обезьяны одну особенную штучку (аммоніевы рога), потому что существованіе этой штучки у обезьяны кажется ему оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. Ему показываютъ, Гексли изъ себя выходитъ, а тотъ такъ и остается при своемъ. Не вижу, да и только. Любопытно также послушать, какъ Карлъ Фохтъ бесѣдуетъ съ Рудольфомъ Вагнеромъ, чрезвычайно замѣчательнымъ физіологомъ и въ то же время еще болѣе замѣчательнымъ филистеромъ. Но Оуэнъ и Вагнеръ во всякомъ случаѣ превосходные изслѣдователи; они смотрятъ во всѣ глаза и сильно работаютъ мозгомъ, когда вопросъ не слишкомъ близко подходитъ къ ихъ сердечнымъ симпатіямъ. Напряженное вниманіе и размышленіе все-таки могутъ расшевелить и развить умъ настолько, что чувство самоуваженія сдѣлается понятнымъ и драгоцѣннымъ. А есть и второстепенные Оуэны и Вагнеры; во всѣхъ философскихъ и научныхъ лагеряхъ есть мародеры и паразиты, которые не только не создаютъ мыслей сами, но даже не передумываютъ чужихъ мыслей, а только затверживаютъ ихъ, чтобы потомъ разбавлять готовыя темы ушатами воды и составлять такимъ образомъ статьи или книги. Этимъ людямъ чувство самоуваженія разумѣется останется навсегда неизвѣстнымъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что мыслители всѣхъ школъ понимаютъ одинаково высшее и неотъемлемое благо человѣка; мы видимъ кромѣ того, что это благо дѣйствительно доступно только тѣмъ изъ мыслителей, которые въ самомъ дѣлѣ работаютъ умомъ, а не тѣмъ, которые повторяютъ съ тупымъ уваженіемъ слѣпыхъ адептовъ великія мысли учителей. Выводъ простъ и ясенъ. Не школа, не философскій догматъ, не буква системы, не истина дѣлаютъ человѣка существомъ разумнымъ, свободнымъ и счастливымъ. Его облагороживаетъ, его ведетъ къ наслажденію только самостоятельная умственная дѣятельность, посвященная безкорыстному исканію истины и неподчиненная рутиннымъ и мелочнымъ интересамъ вседневной жизни. Чѣмъ-бы не пробудили вы эту самостоятельную дѣятельность, чѣмъ-бы вы ни занимались—геометріей, филологіей, ботаникой, все равно—лишь-бы только вы начали мыслить. Въ результатѣ все-таки получится расширеніе внутренняго міра, любовь къ этому міру, стремленіе очистить его отъ всякой грязи и наконецъ незамѣнимое счастье самоуваженія. Значитъ, все-таки умъ дороже всего, или вѣрнѣе умъ—все. Я съ разныхъ сторонъ доказывалъ эту мысль и можетъ быть надоѣлъ читателю повтореніями, но вѣдь мысль-то ужъ больно драгоцѣнная. Ничего въ ней нѣтъ новаго, но если бы

только мы провели ее въ нашу жизнь, то мы всѣ могли-бы быть очень счастливыми людьми. А то вѣдь мы всѣ куда какъ не далеко ушли отъ тѣхъ карликовъ, отъ которыхъ совершенно отвлекло меня это длинное отступленіе.

VIII.

По тѣмъ немногимъ чертамъ, которыми я обрисовалъ карликовъ, читатель видитъ уже, что они вполнѣ заслуживаютъ свое названіе. Всѣ способности ихъ развиты довольно равномѣрно: у нихъ есть и умишко, и кое-какая волишка, и миніатюрная энергія, но все это чрезвычайно мелко и прилагается конечно только къ тѣмъ микроскопическимъ цѣлямъ, которыя могутъ представиться въ ограниченномъ и бѣдномъ мірѣ нашей вседневной жизни. Карлики радуются, огорчаются, приходятъ въ восторгъ, приходятъ въ негодованіе, борятся съ искушеніями, одерживаютъ побѣды, терпятъ пораженія, влюбляются, женятся, спорятъ, горячатся, интригуютъ, мирятся, словомъ все дѣлаютъ точно настоящіе люди, а между тѣмъ ни одинъ настоящій человѣкъ не съумѣетъ имъ сочувствовать, потому что это невозможно; ихъ радости, ихъ страданія, ихъ волненія, искушенія, побѣды, страсти, споры и разсужденія — все это такъ ничтожно, такъ неуловимо мелко, что только карликъ можетъ ихъ понять, оцѣнить и принять къ сердцу. Типъ карликовъ или, что то-же, типъ практическихъ людей чрезвычайно распространенъ и видоизмѣняется сообразно съ особенностями различныхъ слоевъ общества: этотъ типъ господствуетъ и торжествуетъ; онъ составляетъ себѣ блестящія карьеры, наживаетъ большія деньги и самовластно распоряжается въ семействахъ; онъ дѣлаетъ всѣмъ окружающимъ людямъ много непріятностей, а самъ не получаетъ отъ этого никакого удовольствія; онъ дѣятеленъ, но дѣятельность его похожа на бѣганіе бѣлки въ колесѣ.

Литература наша давно уже относится къ этому типу безъ всякой особенной нѣжности и давно уже осуждаетъ съ полнымъ единодушіемъ то воспитаніе палкой, которое выработываетъ и формируетъ плотоядныхъ карликовъ. Одинъ только Гончаровъ пожелалъ возвести типъ карлика въ перлъ созданія; вслѣдствіе этого онъ произвелъ на свѣтъ Петра Ивановича Адуева и Андрея Ивановича Штольца; но эта попытка во всѣхъ отношеніяхъ похожа на поползновеніе Гоголя представить идеальнаго помѣщика Костанжогло и идеальнаго откупщика Муразова. Типъ карликовъ повидимому уже не опасенъ для нашего сознанія; онъ не прельщаетъ насъ больше, и отвращеніе къ этому типу заставляетъ даже нашу литературу и критику бросаться въ противоположную крайность, отъ которой также не мѣшаетъ поостеречься; не умѣя остановиться на чистомъ отрицаніи карликовъ, наши писатели стараются противупоставить торжествующей силѣ угнетенную невинность; они хотятъ доказать, что торжествующая сила нехороша, а угнетенная невинность напротивъ того прекрасна; въ этомъ они ошибаются; и сила глупа, и невинность глупа, и только отъ того, что онѣ обѣ глупы, сила стремится угнетать, а невинность погружается въ тупое терпѣніе; свѣту нѣтъ и оттого люди, не видя и не понимая другъ друга, дерутся въ темнотѣ; и хотя у поражаемыхъ субъектовъ часто сыпятся искры изъ глазъ, однако это освѣщеніе, какъ извѣстно по опыту, совершенно не способно разсѣять окружающій мракъ; и какъ-бы ни были многочисленны и разноцвѣтны подставляемые фонари, но всѣ они въ совокупности не замѣняютъ самаго жалкаго сальнаго огарка.

Когда человѣкъ страдаетъ, онъ всегда дѣлается трогательнымъ; вокругъ него разливается особенная мягкая прелесть, которая дѣйствуетъ на васъ съ неотразимой силой; не сопротивляйтесь этому впечатлѣнію, когда оно побуждаетъ васъ въ сферѣ практической дѣятельности заступиться за несчастнаго или облегчить его страданіе; но если вы въ области теоретической мысли разсуждаете объ общихъ причинахъ разныхъ специфическихъ страданій, то вы непремѣнно должны относиться къ страдальцамъ такъ же равнодушно, какъ и къ мучителямъ, вы не должны сочувствовать ни Катеринѣ, ни Кабанихѣ, потому что въ противномъ случаѣ въ вашъ анализъ ворвется лирическій элементъ, который перепутаетъ все ваше разсужденіе. Вы должны считать свѣтлымъ явленіемъ только то, что въ большей или меньшей степени можетъ содѣйствовать прекращенію или облегченію страданія, а если вы расчувствуетесь, то вы назовете лучемъ свѣта—или самую способность страдать, или ослиную кротость страдальца, или нелѣпые порывы его безсильнаго отчаянія, или вообще что-нибудь такое, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ образумить плотоядныхъ карликовъ. И выйдетъ изъ этого, что вы не скажете ни одного дѣльнаго слова, а только обольсте читателя ароматомъ вашей чувствительности; читателю это можетъ быть и понравится; онъ скажетъ, что вы человѣкъ отмѣнно хорошій; но я съ своей стороны, рискуя прогнѣвать и читателя, и васъ, замѣчу только, что вы принимаете синія пятна, называемыя фонарями, за настоящее освѣщеніе.

Страдательныя личности нашихъ семействъ, тѣ личности, которымъ порывается посочувствовать наша критика, болѣе или менѣе подходятъ подъ общій типъ вѣчныхъ дѣтей, которыхъ формируетъ ласковое воспитаніе нашей безтолковой жизни. Нашъ народъ говоритъ, что «за битаго двухъ не битыхъ даютъ». Имѣя понятіе о дикости семейныхъ отношеній въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего общества, мы должны сознаться, что это изреченіе совершенно справедливо и проникнуто

глубокой практической мудростью. Пока въ нашу жизнь не проникнетъ настоящій лучъ свѣта, пока въ массахъ народа не разовьется производительная дѣятельность, разнообразіе занятій, довольство и образованіе, до тѣхъ поръ битый непремѣнно будетъ дороже двухъ небитыхъ, и до тѣхъ поръ родители въ простомъ быту постоянно будутъ принуждены бить своихъ дѣтей для ихъ же пользы. И польза эта вовсе не воображаемая. Даже въ наше просвѣщенное время дѣтямъ простолюдина полезно и необходимо быть битыми, иначе они будутъ современемъ несчастнѣйшими людьми. Дѣло въ томъ, что жизнь сильнѣе воспитанія, и если послѣднее не подчиняется добровольно требованіямъ первой, то жизнь насильно схватываетъ продуктъ воспитанія и спокойно ломаетъ его по своему, не спрашивая о томъ, во что обходится эта ломка живому организму. Съ молодымъ человѣкомъ обращаются такъ же, какъ и со всѣми его сверстниками; другихъ ругаютъ, и его ругаютъ,—другихъ бьютъ, и его бьютъ. Привыкъ или не привыкъ онъ къ этому обращенію—кому до этого дѣло? Привыкъ—хорошо, значитъ выдержитъ; не привыкъ—тѣмъ хуже для него, пусть привыкаетъ. Вотъ какъ разсуждаетъ жизнь, и отъ нея невозможно ни ожидать, ни требовать, чтобы она дѣлала какія-нибудь исключенія въ пользу деликатныхъ комплекцій или нѣжно-воспитанныхъ личностей. Но такъ какъ всякая привычка пріобрѣтается всего легче въ дѣтствѣ, то ясно, что люди воспитанные лаской, будутъ страдать въ своей жизни отъ одинаково-дурного обращенія гораздо сильнѣе, чѣмъ люди, воспитанные палкой. Воспитаніе палкой нехорошо, какъ нехорошо напримѣръ повсемѣстное развитіе пьянства въ нашемъ отечествѣ; но оба эти явленія составляютъ только невинные и необходимые аксессуары нашей бѣдности и нашей дикости; когда мы сдѣлаемся богаче и образованнѣе, тогда закроется по крайней мѣрѣ половина нашихъ кабаковъ, и тогда родители не будутъ бить своихъ дѣтей. Но теперь, когда мужикъ дѣйствительно нуждается въ самозабвеніи и когда водка составляетъ его единственную отраду, было-бы нелѣпо требовать, чтобы онъ не ходилъ въ кабакъ; съ тоски онъ могъ-бы придумать что-нибудь еще болѣе безобразное; вѣдь есть и такія племена, которыя ѣдятъ мухоморъ. Теперь и палка приноситъ свою пользу, какъ приготовленіе къ жизни; уничтожьте палку въ воспитаніи, и вы приготовите только для нашей жизни огромное количество безсильныхъ мучениковъ, которые, натерпѣвшись на своемъ вѣку, или помрутъ отъ чахотки, или превратятся понемногу въ ожесточенныхъ мучителей. Въ настоящее время вы имѣете въ каждомъ русскомъ семействѣ два воспитательные элемента: родительскую палку и родительскую ласку; и то, и другой безъ малѣйшей примѣси разумной идеи. И то, и другое изъ рукъ вонъ скверно, но родительская палка все-таки лучше родительской ласки.

Я знаю, чѣмъ я рискую; меня назовутъ обскурантомъ, а заслужить въ наше время это названіе почти то же самое, что было въ средніе вѣка прослыть еретикомъ и колдуномъ. Я очень желаю сохранить за собой честное имя прогрессиста, но, разсчитывая на благоразуміе читателя, надѣюсь, что онъ понимаетъ общее направленіе моей мысли, и, вооружившись этимъ упованіемъ, осмѣливаюсь уклоняться отъ общепринятой рутины нашего дешеваго либерализма. Палка дѣйствительно развиваетъ до нѣкоторой степени дѣтскій умъ, но только не такъ, какъ думаютъ суровые воспитатели; они думаютъ, что коли посѣчь ребенка, такъ онъ запомнитъ и приметъ къ сердцу спасительные совѣты, раскается въ своемъ легкомысліи, пойметъ заблужденіе и исправитъ свою грѣховную волю; для большей вразумительности воспитатели даже сѣкутъ и приговариваютъ, а ребенокъ кричитъ: «никогда не буду!» и значитъ изъявляетъ раскаяніе. Эти соображенія добрыхъ родителей и педагоговъ неосновательны; но въ высѣченномъ субъектѣ дѣйствительно происходитъ процессъ мысли, вызванный именно ощущеніемъ боли. Въ немъ изощряется чувство самосохраненія, которое обыкновенно дремлетъ въ дѣтяхъ, окруженныхъ нѣжными заботами и постоянными ласками. Но чувство самосохраненія составляетъ первую причину всякаго человѣческаго прогресса; это чувство, и только оно одно, заставляетъ дикаря переходить отъ охоты къ скотоводству и земледѣлію; оно кладетъ основаніе всѣмъ техническимъ изобрѣтеніямъ, всякому комфорту, всѣмъ промысламъ, наукамъ и искусствамъ. Стремленіе къ удобству, любовь къ изящному и даже чистая любознательность, которую мы въ простотѣ души считаемъ безкорыстнымъ порывомъ человѣческаго ума къ истинѣ, составляютъ только частныя проявленія и тончайшія видоизмѣненія того самаго чувства, которое побуждаетъ насъ избѣгать боли и опасности. Мы чувствуемъ, что нѣкоторыя ощущенія освѣжаютъ и укрѣпляютъ нашу нервную систему; когда мы долго не получаемъ этихъ ощущеній, тогда организмъ нашъ разстраивается, сначала очень легко, однако такъ, что это разстройство заставляетъ насъ испытать какое-то особенное ощущеніе, извѣстное подъ названіемъ скуки или тоски. Если мы не хотимъ или не можемъ прекратить это непріятное чувство, т. е. если мы не даемъ организму того, что онъ требуетъ, тогда онъ разстроивается сильнѣе, и чувство дѣлается еще непріятнѣе и томительнѣе. Для того, чтобы постоянно чѣмъ-нибудь затыкать ротъ нашему организму, когда онъ такимъ образомъ начинаетъ скрипѣть и пищать, мы, т. е. люди вообще, стали смотрѣть вокругъ себя, стали вглядываться и прислушиваться, стали двигать са-

мымъ усиленнымъ образомъ и руками, и ногами, и мозгами. Разнообразное движеніе совершенно соотвѣтствовало самымъ прихотливымъ требованіямъ неугомонной нервной системы; это движеніе такъ завлекло насъ и такъ полюбилось намъ, что мы занимаемся имъ теперь съ самымъ страстнымъ усердіемъ, совершенно теряя изъ виду исходную точку этого процесса. Мы серьезно думаемъ, что любимъ изящное, любимъ науку, любимъ истину, а на самомъ дѣлѣ мы любимъ только цѣлость нашего хрупкаго организма; да и не любимъ даже, а просто повинуемся слѣпо и невольно закону необходимости, дѣйствующему во всей цѣпи органическихъ созданій, начиная отъ какого-нибудь гриба и кончая какимъ-нибудь Гейне или Дарвиномъ.

IX.

Если чувство самосохраненія, дѣйствуя въ нашей породѣ, вызвало на свѣтъ всѣ чудеса цивилизаціи, то разумѣется это чувство, возбужденное въ ребенкѣ, будетъ въ малыхъ размѣрахъ дѣйствовать въ немъ въ томъ-же направленіи. Чтобы привести въ движеніе мыслительныя способности ребенка, необходимо возбудить и развить въ немъ ту или другую форму чувства самосохраненія. Ребенокъ начнетъ работать мозгомъ только тогда, когда въ немъ проснется какое-нибудь стремленіе, которому онъ пожелаетъ удовлетворить, а всѣ стремленія безъ исключенія вытекаютъ изъ одного общаго источника, именно изъ чувства самосохраненія. Воспитателю предстоитъ только выборъ той формы этого чувства, которую онъ пожелаетъ возбудить и развить въ своемъ воспитанникѣ. Образованный воспитатель выберетъ тонкую и положительную форму, т. е. стремленіе къ наслажденію; а воспитатель полудикій поневолѣ возьметъ грубую и отрицательную форму, т. е. отвращеніе къ страданію; второму воспитателю нѣтъ выбора; стало-быть очевидно надо или сѣчь ребенка, или помириться съ той мыслью, что въ немъ всѣ стремленія останутся непробужденными и что умъ его будетъ дремать до тѣхъ поръ, пока жизнь не начнетъ толкать и швырять его по своему. Ласковое воспитаніе хорошо и полезно только тогда, когда воспитатель умѣетъ возбудить въ ребенкѣ высшія и положительныя формы чувства самосохраненія, т. е. любовь къ полезному и къ истинному, стремленіе къ умственнымъ занятіямъ и страстное влеченіе къ труду и къ знанію. У тѣхъ людей, для которыхъ эти хорошія вещи не существуютъ, ласковое воспитаніе есть не что иное, какъ медленное развращеніе ума посредствомъ бездѣйствія. Умъ спитъ годъ, два, десять лѣтъ и наконецъ доспится до того, что даже толчки дѣйствительной жизни перестаютъ возбуждать его. Человѣку не все равно, когда начать развиваться съ пятилѣтія или съ двадцати лѣтъ. Въ двадцать лѣтъ и обстоятельства встрѣчаются не тѣ, да и самъ человѣкъ уже не тотъ. Не имѣя возможности справиться съ обстоятельствами, двадцатилѣтній ребенокъ поневолѣ подчиняется имъ, и жизнь начнетъ кидать это пассивное существо изъ стороны въ сторону, а ужъ тутъ плохо развиваться, потому что когда на охоту ѣдутъ, тогда собакъ поздно кормить. И выйдетъ изъ человѣка ротозѣй и тряпка, интересный страдалецъ и невинная жертва. Когда ребенокъ не затронутъ никакими стремленіями, когда дѣйствительная жизнь не подходитъ къ нему ни въ видѣ угрожающей розги, ни въ видѣ тѣхъ обаятельныхъ и серьезныхъ вопросовъ, которые она задастъ человѣческому уму,—тогда мозгъ не работаетъ, а постоянно играетъ разными представленіями и впечатлѣніями. Эта безцѣльная игра мозга называется фантазіей и кажется даже считается въ психологіи особенной силой души. На самомъ-же дѣлѣ эта игра есть просто проявленіе мозговой силы, непристроенной къ дѣлу. Когда человѣкъ думаетъ, тогда силы его мозга сосредоточиваются на опредѣленномъ предметѣ и слѣдовательно регулируются единствомъ цѣли; а когда нѣтъ цѣли, тогда готовой мозговой силѣ все-таки надо-же куда-нибудь дѣваться; ну, и начинается въ мозгу такое движеніе представленій и впечатлѣній, которое относится къ мыслительной дѣятельности такъ, какъ насвистываніе какого-нибудь мотива относится къ оперному пѣнію передъ многочисленной и взыскательной публикой. Размышленіе есть трудъ, требующій участія воли, трудъ невозможный безъ опредѣленной цѣли, а фантазія есть совершенно невольное отправленіе, возможное только при отсутствіи цѣли. Фантазія—сонъ на яву; поэтому и существуютъ на всѣхъ языкахъ для обозначенія этого понятія такія слова, которыя самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ понятіемъ о снѣ; по-русски—греза, по-французски—rêverie, по-нѣмецки—Träumerei, по-англійски—day dream. Очень понятно, что спать днемъ и притомъ спать на яву можетъ только такой человѣкъ, которому нечего дѣлать и который не умѣетъ употребить свое время ни на то, чтобы улучшить свое положеніе, ни на то, чтобы освѣжить свои нервы дѣятельнымъ наслажденіемъ. Чтобы быть фантазеромъ, вовсе не нужно имѣть темпераментъ особеннаго устройства; всякій ребенокъ, у котораго нѣтъ никакихъ заботъ и у котораго очень много досуга непремѣнно сдѣлается фантазеромъ; фантазія родится тогда, когда жизнь пуста и когда нѣтъ никакихъ дѣйствительныхъ интересовъ; эта мысль оправдывается какъ въ жизни цѣлыхъ народовъ, такъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей. Если эстетики будутъ превозносить развитіе фантазіи, какъ свѣтлое и отрадное явленіе, то этимъ они обнаружатъ только свою привязанность къ пустотѣ и свое отвращеніе къ тому, что дѣйствительно возвышаетъ человѣка; или еще проще, они докажутъ

намъ, что они чрезвычайно лѣнивы и что умъ ихъ уже не переноситъ серьезной работы. Впрочемъ это обстоятельство уже ни для кого не составляетъ тайны.

X.

Наша жизнь, предоставленная своимъ собственнымъ принципамъ, вырабатываетъ карликовъ и вѣчныхъ дѣтей. Первые дѣлаютъ зло активное, вторые—пассивное; первые больше мучаютъ другихъ, чѣмъ страдаютъ сами, вторые больше страдаютъ сами, чѣмъ мучаютъ другихъ. Впрочемъ съ одной стороны карлики вовсе не наслаждаются безмятежнымъ счастьемъ, а съ другой стороны вѣчные дѣти причиняютъ часто другимъ очень значительныя страданія; только дѣлаютъ они это не нарочно по трогательной невинности или, что тоже, по непроходимой глупости. Карлики страдаютъ узкостью и мелкостью ума, а вѣчные дѣти—умственной спячкой, и вслѣдствіе этого совершеннымъ отсутствіемъ здраваго смысла. По милости карликовъ наша жизнь изобилуетъ грязными и глупыми комедіями, которыя разыгрываются каждый день, въ каждомъ семействѣ, при всѣхъ сдѣлкахъ и отношеніяхъ между людьми; по милости вѣчныхъ дѣтей, эти грязныя комедіи иногда заканчиваются глупыми трагическими развязками. Карликъ ругается и дерется, но соблюдаетъ при этихъ дѣйствіяхъ благоразумную разсчетливость, чтобы не надѣлать себѣ скандала и чтобы не вынести сора изъ избы. Вѣчный ребенокъ все терпитъ и все печалится, а потомъ, какъ прорветъ его, онъ и хватитъ заразъ, да ужъ такъ хватитъ, что или самого себя, или своего собесѣдника уложитъ на мѣстѣ. Послѣ этого завѣтный соръ разумѣется не можетъ оставаться въ избѣ и препровождается въ уголовную палату. Простая драка превратилась въ драку съ убійствомъ, и трагедія вышла такая же глупая, какая была предшествовавшая ей комедія.

Но эстетики понимаютъ дѣло иначе; въ ихъ головы засѣла очень глубоко старая піитика, предписывающая писать трагедіи высокимъ слогомъ, а комедіи—среднимъ и, смотря по обстоятельствамъ, даже низкимъ; эстетики помнятъ что герой умираетъ въ трагедіи насильственной смертью; они знаютъ, что трагедія непремѣнно должна производить впечатлѣніе возвышенное, что она можетъ возбуждать ужасъ, но не презрѣніе, и что несчастный герой долженъ приковывать къ себѣ вниманіе и сочувствіе зрителей. Вотъ эти-то предписанія піитики они и прикладываютъ къ обсужденію тѣхъ словесныхъ и рукопашныхъ схватокъ, которыя составляютъ мотивы и сюжеты нашихъ драматическихъ произведеній. Эстетики открещиваются и отплевываются отъ преданій старой піитики; они не упускаютъ ни одного случая посмѣяться надъ Аристотелемъ и Буало и заявить свое собственное превосходство надъ ложно-классическими теоріями, а между тѣмъ именно эти одряхлѣвшія преданія составляютъ до сихъ поръ все содержаніе эстетическихъ приговоровъ. Эстетикамъ и въ голову не приходитъ, что трагическое происшествіе почти всегда бываетъ такъ же глупо, какъ и комическое, и что глупость можетъ составлять единственную пружину разнообразнѣйшихъ драматическихъ коллизій. Какъ только дѣло переходитъ отъ простой бесѣды къ уголовному преступленію, такъ эстетики тотчасъ приходятъ въ смущеніе и спрашиваютъ себя, кому-жъ они будутъ сочувствовать, и какое выраженіе изобразятъ они на своихъ физіономіяхъ—ужасъ или негодованіе, или глубокую задумчивость, или торжественную грусть? Но вообще надо имъ найти, во-первыхъ, предметъ для сочувствія, а во-вторыхъ,—возвышенное выраженіе для собственной физіономіи. Иначе нельзя и говорить о трагическомъ происшествіи.

Однако, что же въ самомъ дѣлѣ, думаетъ читатель, вѣдь не смѣяться-же, когда люди лишаютъ себя живота или перегрызаютъ другъ другу горло? О, мой читатель, кто васъ заставляетъ смѣяться? Я такъ-же мало понимаю смѣхъ при видѣ нашихъ комическихъ глупостей, какъ и возвышенныя чувства при видѣ нашихъ трагическихъ пошлостей; совсѣмъ не мое дѣло, и вообще не дѣло критика предписывать читателю, что онъ долженъ чувствовать; не мое дѣло говорить вамъ: позвольте, сударь, улыбнуться,—потрудитесь, сударыня, вздохнуть и возвести очи къ небу. Я беру все, что пишется нашими хорошими писателями,—романы, драмы, комедіи, что угодно,—я беру все это, какъ сырые матеріалы, какъ образчики нашихъ нравовъ; я стараюсь анализировать всѣ эти разнообразныя явленія, я замѣчаю въ нихъ общія черты, я отыскиваю связь между причинами и слѣдствіями, и прихожу такимъ путемъ къ тому заключенію, что всѣ наши треволненія и драматическія коллизіи обусловливаются исключительно слабостью нашей мысли и отсутствіемъ самыхъ необходимыхъ знаній, то есть, говоря короче, глупостью и невѣжествомъ. Жестокость семейнаго деспота, фанатизмъ старой ханжи, несчастная любовь дѣвушки къ негодяю, кротость терпѣливой жертвы семейнаго самовластія, порывы отчаянія, ревность, корыстолюбіе, мошенничество, буйный разгулъ, воспитательная розга, воспитательная ласка, тихая мечтательность, восторженная чувствительность—вся эта пестрая смѣсь чувствъ, качествъ и поступковъ, возбуждающихъ въ груди пламеннаго эстетика цѣлую бурю высокихъ ощущеній, вся эта смѣсь сводится, по моему мнѣнію, къ одному общему источнику, который, сколько мнѣ кажется, не можетъ возбуждать въ насъ ровно никакихъ ощущеній, ни высокихъ, ни низкихъ. Все это различныя проявленія неисчерпаемой глупости.

Добрые люди будутъ горячо спорить между собою о томъ, что въ этой смѣси хорошо и что дурно; вотъ это, скажутъ, добродѣтель, а вотъ это порокъ; но безплоденъ будетъ весь споръ добрыхъ людей: нѣтъ тутъ ни добродѣтелей, ни пороковъ; нѣтъ ни звѣрей, ни ангеловъ. Есть только хаосъ и темнота, есть непониманіе и неумѣнье понимать. Надъ чѣмъ-же тутъ смѣяться, противъ чего тутъ негодовать, чему тутъ сочувствовать? Что тутъ долженъ дѣлать критикъ? Онъ долженъ говорить обществу и сегодня, и завтра, и послѣзавтра, и десять лѣтъ подрядъ, и сколько хватитъ его силъ и его жизни, — говорить, не боясь повтореній, говорить такъ, чтобы его понимали, говорить постоянно, что народъ нуждается только въ одной вещи, въ которой заключаются уже всѣ остальныя блага человѣческой жизни. Нуждается онъ въ движеніи мысли, а это движеніе возбуждается и поддерживается пріобрѣтеніемъ знаній. Пусть общество не сбивается съ этой прямой и единственной дороги къ прогрессу, пусть не думаетъ, что ему надо пріобрѣсти какія-нибудь добродѣтели, привить къ себѣ какія-нибудь похвальныя чувства, запастись тонкостью вкуса, или вытвердить кодексъ либеральныхъ убѣжденій. Все это мыльные пузыри, все это дешевая поддѣлка настоящаго прогресса, все это болотные огоньки, заводящіе насъ въ трясину возвышеннаго краснорѣчія, все это бесѣды о честности зипуна и о необходимости почвы, и ото всего этого мы не дождемся ни одного луча настоящаго свѣта. Только живая и самостоятельная дѣятельность мысли, только прочныя и положительныя знанія обновляютъ жизнь, разгоняютъ темноту, уничтожаютъ глупые пороки и глупыя добродѣтели и такимъ образомъ выметаютъ соръ изъ избы, не перенося его въ уголовную палату. Но не думайте пожалуйста, что народъ найдетъ свое спасеніе въ тѣхъ знаніяхъ, которыми обладаетъ наше общество и которыя разсыпаютъ щедрой рукой книжки, продающіяся теперь для блага младшихъ братьевъ по пятаку и по гривнѣ. Если вмѣсто такого просвѣщенія мужикъ купитъ себѣ калачъ, то онъ докажетъ этимъ поступкомъ, что онъ гораздо умнѣе составителя книжки и самъ могъ-бы многому научить послѣдняго.

Дерзость наша равняется только нашей глупости, и только глупостью нашей можетъ быть объяснена и оправдана. Мы — просвѣтители народа?!.. Что это — невинная шутка, или ядовитая насмѣшка? Да сами-то мы что̀ такое? Неправда-ли, какъ мы много знаемъ, какъ мы основательно мыслимъ, какъ превосходно мы наслаждаемся жизнью, какъ умно мы установили наши отношенія къ женщинѣ, какъ глубоко мы поняли необходимость работать на пользу общую? Да можно-ли перечислить всѣ наши достоинства? Вѣдь мы такъ безподобны, что, когда намъ покажутъ издали, въ романѣ, поступки и размышленія умнаго и развитого человѣка, тогда мы сейчасъ въ ужасъ придемъ и глаза зажмуримъ, потому что примемъ неискаженный человѣческій образъ за чудовищное явленіе. Вѣдь мы такъ человѣколюбивы, что, великодушно забывая свою собственную неумытость, лѣземъ непремѣнно умывать нашими грязными руками младшихъ братьевъ, о которыхъ болитъ наша нѣжная душа и которые, само собою разумѣется, вымачканы также до помраченія человѣческаго образа. И усердно мажемъ мы грязными руками по грязнымъ лицамъ, и велики наши труды, и пламенна наша любовь, во-первыхъ — къ чумазымъ братьямъ, а во-вторыхъ — къ ихъ пятакамъ и гривнамъ, и человѣколюбивые подвиги темныхъ просвѣтителей могутъ съ величайшимъ удобствомъ продолжаться вплоть до второго пришествія не нанося ни малѣйшаго ущерба тому надежному слою грязи, который съ полнымъ безпристрастіемъ украшаетъ какъ хлопотливыя руки учителей, такъ и неподвижныя лица учениковъ. Глядя на чудеса нашего народолюбія, поневолѣ прибѣгнешь къ языку боговъ и произнесешь стихъ Полонскаго:

> Тебѣ ли съ рыломъ
> Суконнымъ да въ гостиный рядъ.

Лучшіе наши писатели очень хорошо чувствуютъ, что рыло у насъ дѣйствительно суконное и что въ гостиный рядъ намъ покуда ходить не зачѣмъ. Они понимаютъ, что имъ самимъ слѣдуетъ учиться и развиваться и что вмѣстѣ съ ними должно учиться то русское общество, которое для красоты слога называетъ себя образованнымъ. Они видятъ очень ясно двѣ вещи: первое — то, что наше общество, при теперешнемъ уровнѣ своего образованія, совершенно безсильно и слѣдовательно неспособно произвести въ понятіяхъ и нравахъ народа ни малѣйшаго измѣненія ни въ дурную, ни въ хорошую сторону, а второе — то, что еслибы даже, по какому-нибудь необъяснимому стеченію случайностей, теперешнему обществу удалось переработать народъ по своему образу и подобію, то это было-бы для народа истиннымъ несчастіемъ.

Чувствуя, понимая и видя все это, лучшіе наши писатели, люди, дѣйствительно мыслящіе, обращаются до сихъ поръ исключительно къ обществу, а книжки для народа пишутся тѣми литературными промышленниками, которые въ другое время стали-бы издавать сонники и новыя собранія пѣсенъ московскихъ цыганъ. Даже такое чистое и святое дѣло, какъ воскресныя школы, оказывается еще сомнительнымъ. Тургеневъ совершенно справедливо замѣчаетъ въ своемъ послѣднемъ романѣ, что мужикъ говорилъ съ Базаровымъ, какъ съ немыслящимъ ребенкомъ, и смотрѣлъ на него, какъ на шута гороховаго. Пока на сто квадратныхъ миль будетъ приходиться по одному Базарову, да и то врядъ ли, до тѣхъ поръ всѣ, и сермяжники, и

джентльмэны, будутъ считать Базаровыхъ вздорными мальчишками и смѣшными чудаками. Пока одинъ Базаровъ окруженъ тысячами людей, неспособныхъ его понимать, до тѣхъ поръ Базарову слѣдуетъ сидѣть за микроскопомъ и рѣзать лягушекъ, и печатать книги и статьи съ анатомическими рисунками. Микроскопъ и лягушка—вещи невинныя и занимательныя, а молодежь—народъ любопытный; ужъ если Павелъ Петровичъ Кирсановъ не утерпѣлъ, чтобы не взглянуть на инфузорію, глотавшую зеленую пылинку, то молодежь и подавно не утерпитъ, и не только взглянетъ, а постарается завести себѣ свой микроскопъ и незамѣтно для самой себя проникнется глубочайшимъ уваженіемъ и пламенной любовью къ распластанной лягушкѣ. А только это и нужно. Тутъ-то именно, въ самой лягушкѣ-то, и заключаются спасеніе и обновленіе русскаго народа. Ей-Богу, читатель, я не шучу и не потѣшаю васъ парадоксами. Я выражаю только безъ торжественности такую истину, въ которой я глубоко убѣжденъ и въ которой гораздо раньше меня убѣдились самыя свѣтлыя головы въ Европѣ и слѣдовательно во всемъ подлунномъ мірѣ. Вся сила здѣсь въ томъ, что по поводу разрѣзанной лягушки чрезвычайно мудрено приходить въ восторгъ и говорить такія фразы, въ которыхъ понимаешь одну десятую часть, а иногда и еще того меньше. Пока мы, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, спали невиннымъ сномъ грудного ребенка, до тѣхъ поръ фразерство не было для насъ опасно; теперь, когда наша слабая мысль начинаетъ понемногу шевелиться, фразы могутъ на долго задержать и изуродовать наше развитіе. Стало быть, если наша молодежь съумѣетъ вооружиться непримиримой ненавистью противъ всякой фразы, кѣмъ-бы она ни была произнесена, Шатобріаномъ или Прудономъ, если она выучится отыскивать вездѣ живое явленіе, а не ложное отраженіе этого явленія въ чужомъ сознаніи, то мы будемъ имѣть полное основаніе разсчитывать на довольно нормальное и быстрое улучшеніе нашихъ мозговъ. Конечно эти разсчеты могутъ быть совершенно перепутаны историческими обстоятельствами, но объ этомъ я не говорю, потому что тутъ голосъ критики совершенно безсиленъ. Но придетъ время,—и оно уже вовсе недалеко,— когда вся умная часть молодежи, безъ различія сословія и состоянія, будетъ жить полной умственной жизнью и смотрѣть на вещи разсудительно и серьезно. Тогда молодой землевладѣлецъ поставитъ свое хозяйство на европейскую ногу; тогда молодой капиталистъ заведетъ тѣ фабрики, которыя намъ необходимы, и устроитъ ихъ такъ, какъ того требуютъ общіе интересы хозяина и работниковъ; и этого довольно; хорошая ферма и хорошая фабрика, при раціональной организаціи труда, составляютъ лучшую и единственную возможную школу для народа, во-первыхъ потому, что эта школа кормитъ своихъ учениковъ и учителей, а во-вторыхъ потому, что она сообщаетъ знаніе не по книгѣ, а по явленіямъ живой дѣйствительности. Книга придетъ въ свое время, устроить школы при фабрикахъ и при фермахъ будетъ такъ легко, что это уже сдѣлается само собою.

Вопросъ о народномъ трудѣ заключаетъ въ себѣ всѣ остальные вопросы и самъ не заключается ни въ одномъ изъ нихъ; поэтому надо постоянно имѣть въ виду именно этотъ вопросъ и не развлекаться тѣми второстепенными подробностями, которыя всѣ будутъ устроены, какъ только подвинется впередъ главное дѣло. Не даромъ Вѣра Павловна заводитъ мастерскую, а не школу, и не даромъ тотъ романъ, въ которомъ описывается это событіе, носитъ заглавіе: «Что дѣлать?» Тутъ дѣйствительно дается нашимъ прогрессистамъ самая вѣрная и вполнѣ осуществимая программа дѣятельности. Много-ли, мало-ли времени придется намъ идти къ нашей цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы обогатить и просвѣтить нашъ народъ,—объ этомъ безполезно спрашивать. Это—вѣрная дорога, и другой вѣрной дороги нѣтъ. Русская жизнь, въ самыхъ глубокихъ своихъ нѣдрахъ, не заключаетъ рѣшительно никакихъ задатковъ самостоятельнаго обновленія; въ ней лежатъ только сырые матеріалы, которые должны быть оплодотворены и переработаны вліяніемъ общечеловѣческихъ идей; русскій человѣкъ принадлежитъ къ высшей, кавказской расѣ; стало-быть, всѣ милліоны русскихъ дѣтей, неискалѣченныхъ элементами нашей народной жизни, могутъ сдѣлаться и мыслящими людьми, и здоровыми членами цивилизованнаго общества. Разумѣется, такой колоссальный умственный переворотъ требуетъ времени. Онъ начался въ кругу самыхъ дѣльныхъ студентовъ и самыхъ просвѣщенныхъ журналистовъ. Сначала были свѣтлыя личности, стоявшія совершенно одиноко; было время, когда Бѣлинскій воплощалъ въ себѣ всю сумму свѣтоносныхъ идей, находившихся въ нашемъ отечествѣ; теперь, испытавши по дорогѣ много видоизмѣненій, одинокая личность русскаго прогрессиста разрослась въ цѣлый типъ, который нашелъ уже себѣ свое выраженіе въ литературѣ и который называется или Базаровымъ, или Лопуховымъ. Дальнѣйшее развитіе умственнаго переворота должно идти такъ-же, какъ шло его начало; оно можетъ идти скорѣе или медленнѣе, смотря по обстоятельствамъ, но оно должно идти все одной и той-же дорогой.

XI.

Не ждите и не требуйте отъ меня, читатель, чтобы я теперь сталъ продолжать начатый анализъ характера Катерины. Я такъ откровенно и такъ подробно высказалъ вамъ свое мнѣніе о

цѣломъ порядкѣ явленій «темнаго царства» или, говоря проще, семейнаго курятника,—что мнѣ теперь осталось-бы только прикладывать общія мысли къ отдѣльнымъ лицамъ и положеніямъ; мнѣ пришлось-бы повторять то, что я уже высказалъ, а это была-бы работа очень не головоломная, и вслѣдствіе этого очень скучная и совершенно безполезная. Если читатель находитъ идеи этой статьи справедливыми, то онъ вѣроятно согласится съ тѣмъ, что всѣ новые характеры, выводимые въ нашихъ романахъ и драмахъ, могутъ относиться или къ базаровскому типу, или къ разряду карликовъ и вѣчныхъ дѣтей. Отъ карликовъ и отъ вѣчныхъ дѣтей ждать нечего; новаго они ничего не произведутъ; если вамъ покажется, что въ ихъ мірѣ появился новый характеръ, то вы смѣло можете утверждать, что это—оптическій обманъ. То, что вы въ первую минуту примите за новое, скоро окажется очень старымъ; это просто—новая помѣсь карлика съ вѣчнымъ ребенкомъ, а какъ ни смѣшивайте эти два элемента, какъ ни разбавляйте одинъ видъ тупоумія другимъ видомъ тупоумія, въ результатѣ все-таки получите новый видъ стараго тупоумія.

Эта мысль совершенно подтверждается двумя послѣдними драмами Островскаго: «Гроза» и «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Въ первой—русская Офелія, Катерина, совершивъ множество глупостей, бросается въ воду и дѣлаетъ такимъ образомъ послѣднюю и величайшую нелѣпость. Во второй — русскій Отелло, Красновъ, во все время драмы ведетъ себя довольно сносно, а потомъ сдуру зарѣзываетъ свою жену, очень ничтожную бабенку, на которую и сердиться не стоило. Можетъ-быть русская Офелія ничѣмъ не хуже настоящей и можетъ-быть Красновъ ни въ чемъ не уступитъ венеціанскому мавру, но это ничего не доказываетъ: глупости могли такъ-же удобно совершаться въ Даніи и въ Италіи, какъ и въ Россіи; а что въ средніе вѣка онѣ совершались гораздо чаще и были гораздо крупнѣе, чѣмъ въ наше время, это уже не подлежитъ никакому сомнѣнію; но средневѣковымъ людямъ, и даже Шекспиру, было еще извинительно принимать большія человѣческія глупости за великія явленія природы, а намъ, людямъ XIX столѣтія, пора же называть вещи ихъ настоящими именами. Есть правда и у насъ средневѣковые люди, которые увидятъ въ подобномъ требованіи оскорбленіе искусства и человѣческой природы, но вѣдь на всѣ вкусы мудрено угодить; такъ пускай ужъ эти люди гнѣваются на меня, если это необходимо для ихъ здоровья.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о двухъ другихъ произведеніяхъ Островскаго, о драматической хроникѣ «Козьма Мининъ» и о сценахъ «Тяжелые дни». По правдѣ сказать, я хорошенько не вижу, чѣмъ «Козьма Мининъ» отличается отъ драмы Кукольника: «Рука Всевышняго отечество спасла». И Кукольникъ, и Островскій рисуютъ историческія событія такъ, какъ наши доморощенные живописцы и граверы рисуютъ доблестныхъ генераловъ; на первомъ планѣ огромный генералъ сидитъ на лошади и машетъ какимъ-нибудь дрекольемъ; потомъ—клубы пыли или дыма—что именно не разберешь; потомъ—за клубами крошечные солдатики, поставленные на картину только для того, чтобы показать наглядно, какъ великъ полковой командиръ и какъ малы въ сравненіи съ нимъ нижніе чины. Такъ, у Островскаго на первомъ планѣ—колоссальный Мининъ, за нимъ—его страданія на яву и видѣнія во снѣ, а совсѣмъ назади два-три карапузика изображаютъ русскій народъ, спасающій отечество. По настоящему слѣдовало-бы всю картину перевернуть, потому что въ нашей исторіи Мининъ, а во французской—Іоанна д'Аркъ понятны только какъ продукты сильнѣйшаго народнаго воодушевленія. Но наши художники разсуждаютъ по своему, и урезонить ихъ мудрено. Что касается до «Тяжелыхъ дней», то это ужъ и Богъ знаетъ что за произведеніе. Остается пожалѣть, что Островскій не украсилъ его куплетами и переодѣваніями, вышелъ-бы премиленькій водевиль, который съ большимъ успѣхомъ можно было-бы давать на сценѣ для съѣзда и для разъѣзда театральной публики. Сюжетъ заключается въ томъ, что добродѣтельный и остроумный чиновникъ съ безкорыстіемъ, достойнымъ самаго идеальнаго станового, устраиваетъ счастье купеческаго сына Андрея Брускова и купеческой дочери Александры Кругловой. Дѣйствующія лица пьютъ шампанское, занавѣсъ опускается, и статья моя оканчивается.

1864 г. Мартъ.

Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растеній.

I.

Введеніе.

Человѣкъ, совершенно незнакомый съ естественными науками, не можетъ даже приблизительно представить себѣ, до какой степени разнообразны произведенія природы. Натуралисты до сихъ поръ не могутъ справиться съ этимъ разнообразіемъ и до сихъ поръ постоянно строятъ различныя классификаціи, которыя постоянно приходится передѣлывать то въ самомъ основаніи, то въ многочисленныхъ подробностяхъ.

Во-первыхъ, всю природу нашей планеты дѣлятъ на три царства: минеральное, растительное и животное; но съ одной стороны, Жоффруа-Сентъ-Илеръ и Катрфажъ желаютъ, чтобы для человѣка было отведено четвертое царство, а съ другой стороны, нѣкоторые ученые утверждаютъ, что между растеніями и животными нельзя провести рѣзкую границу, потому что между ними существуютъ множество переходныхъ формъ. Разногласіе начинается такимъ образомъ съ перваго шага; затѣмъ царства раздѣляются на отдѣлы; царство животныхъ, которое я постоянно буду имѣть въ виду въ этомъ очеркѣ, раздѣляется на два *отдѣла*—позвоночныя и безпозвоночныя. Къ первому принадлежатъ четыре класса: млекопитающія, птицы, земноводныя и рыбы; ко второму—четырнадцать различныхъ классовъ, изъ которыхъ я назову здѣсь насѣкомыхъ, моллюсковъ, полиповъ и микроскопическихъ инфузорій. Потомъ классы распадаются на *порядки*, порядки—на *группы*, группы—на *семейства*, семейства—на *роды*, роды—на *виды*, и наконецъ въ каждомъ видѣ различается по нѣскольку породъ, расъ или разновидностей. Вотъ тутъ-то въ самомъ концѣ классификаціи натуралисты-систематики испытываютъ постоянныя огорченія. Возьмемъ, напримѣръ, барана. Принадлежитъ онъ, по учебнику Григорьева, къ царству животныхъ, къ отдѣлу позвоночныхъ, къ классу млекопитающихъ, къ порядку двукопытныхъ, къ семейству полороговыхъ, къ роду — ovis, видъ — ovis aries.

Пока идетъ дѣло о высшихъ инстанціяхъ, отъ царства до порядка и даже до семейства, до тѣхъ поръ все обстоитъ благополучно; что баранъ—животное, что у него есть позвоночный хребетъ, что его самка питаетъ дѣтей молокомъ, что у него раздвоенныя копыта и полые рога — все это неопровержимыя истины. Но произносится родовое названіе ovis и начинается рядъ недоразумѣній; вы не знаете, на что указываетъ это названіе—на сходство признаковъ или на единство происхожденія. Что за слово ovis? Похоже-ли оно на слово *блондинъ* или *брюнетъ*, или, напротивъ того, фамилію *Петровъ* или *Ивановъ?* Вы предлагаете этотъ вопросъ натуралисту, и онъ вамъ отвѣчаетъ, что различные члены одного рода соединены между собою только сходствомъ признаковъ. А члены одного вида? спрашиваете вы дальше. Это другое дѣло, отвѣчаетъ натуралистъ, тѣ связаны между собой единствомъ происхожденія. «Тѣ животныя,—говоритъ вамъ учебникъ,—которыя сходны между собой во всѣхъ своихъ признакахъ (въ строеніи своихъ органовъ, въ наружной формѣ тѣла, въ образѣ жизни и проч.) и которыя *происходятъ отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей*,—соединяются при описаніяхъ вмѣстѣ въ одинъ *видъ*.»

Чудесно, думаете вы. Вотъ у меня ovis aries; стало быть, и сынъ его будетъ ovis aries, и внукъ, и правнукъ, и такъ далѣе до свѣтопреставленія. Если-же я обращу взоръ свой въ прошедшее, то увижу за своимъ ovis aries необозримо длинный рядъ предковъ, которые всѣ точь-въ-точь похожи другъ на друга и на своего общаго родоначальника, на перваго ovis aries, явившагося на свѣтъ безъ отца и безъ матери. Понимаю. Успокоившись такимъ образомъ, вы продолжаете читать исторію о баранѣ, но вдругъ оказывается, что вы совсѣмъ ничего не понимаете. Вамъ объявляютъ, что баранъ «представляетъ множество разновидностей, какъ-то: мериносы изъ Испаніи,

съ тонкой курчавой шерстью; англійская овца, безрогая, съ тонкой шерстью; венгерскій баранъ со спирально закрученными рогами и грубой шерстью; курдючныя и жирнохвостыя овцы, замѣчательныя скопленіемъ жира въ хвостѣ и въ задней части тѣла, съ хвостомъ длиннымъ, толстымъ и съ повислыми ушами». А куда же дѣвался настоящій представитель вида? Гдѣ вашъ неизмѣнный ovis aries, на котораго вы надѣялись, какъ на каменную гору, и который долженъ былъ происходить *«отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей»*? Онъ васъ обманулъ, онъ растаялъ у насъ въ рукахъ и превратился во «множество разновидностей», съ которыми вы опять не знаете, что̀ дѣлать. Вамъ представляются два возможныя объясненія, и оба они одинаково губительны для вида ovis aries. Во-первыхъ, вы можете держаться того принципа, что каждое животное происходитъ «отъ совершенно подобныхъ себѣ родителей». Тогда вы должны будете допустить, что всѣ мериносы происходятъ отъ мериноса, венгерскіе бараны — отъ венгерскаго барана, курдючныя овцы — отъ курдючной овцы, и такъ далѣе. Но вѣдь разновидностей дѣйствительно существуетъ великое множество. Въ одной Англіи разводится столько различныхъ породъ барановъ, что одинъ натуралистъ печатно высказалъ предположеніе, будто эти породы должны происходить отъ одиннадцати сортовъ дикихъ барановъ. Стало быть, вамъ придется вмѣсто одной формы ovis aries представить себѣ безчисленное множество самостоятельныхъ формъ, вышедшихъ изъ нѣдръ земли въ полномъ всеоружіи своихъ оттѣнковъ и аттрибутовъ, точно такъ, какъ Минерва вышла изъ головы Зевеса. Очевидно, что понятіе ovis aries окажется совершенно неуловимымъ миѳомъ. Во-вторыхъ, вы можете отбросить въ сторону тотъ принципъ, что дѣти совершенно подобны родителямъ. Тогда вы увидите, что и мериносы, и венгерскіе бараны, и англійскіе, и курдючные могли произойти отъ одной общей формы, которую пожалуй можно будетъ назвать ovis aries. Но если эта общая форма расползлась такимъ образомъ въ разныя стороны и испытала на себѣ множество превращеній, то какая-же она послѣ этого неизмѣнная? А если ovis aries измѣнялся и вчера, и третьяго дня, и въ прошломъ столѣтіи и въ запрошломъ, то гдѣ же основаніе думать, что онъ когда-нибудь былъ совершенно неизмѣннымъ? Если мериносы, курдючные, венгерскіе, англійскіе составляютъ развѣтвленія одной общей формы, то эта общая форма въ свою очередь представляется отросткомъ другой формы, еще болѣе общей напримѣръ такой, которая въ глубинѣ вѣковъ соединяла въ себѣ всѣхъ теперешнихъ представителей рода ovis. Еслибы вмѣсто барана мы взяли какое-нибудь другое животное, то намъ во всякомъ случаѣ представились-бы то-же самое затрудненіе и та-же дилемма; встрѣчаясь съ разновидностями, намъ пришлось-бы или предположить, что онѣ существуютъ отъ начала вѣковъ, или допустить, что онѣ выработались изъ одной общей формы, способной измѣняться.

Большинство натуралистовъ постоянно уклонялось отъ прямого разрѣшенія этого неизбѣжнаго вопроса. Они отвѣчали такъ, что въ отвѣтѣ ихъ всегда заключалось глухое внутреннее противорѣчіе, котораго они сами не хотѣли почувствовать. Они говорили, что земля испытала во время своего существованія нѣсколько такихъ геологическихъ переворотовъ, которые всякій разъ истребляли до-тла всю органическую жизнь. Вся наша планета перепахивалась такимъ образомъ за-ново и послѣ каждаго подобнаго пахапія засѣвалась совершенно новыми и небывалыми видами растеній и животныхъ. Эти новые виды являлись совершенно готовыми и тотчасъ принимались за свойственныя имъ занятія. Дубъ покрывался зелеными листьями и въ надлежащее время ронялъ свои жолуди, которые въ значительномъ количествѣ истребляла дикая свинья; баранъ щипалъ траву и пережевывалъ жвачку; волкъ съѣдалъ барана; щука глотала карасей; кукушка клала свои яица въ чужія гнѣзда; словомъ, послѣ послѣдняго геологическаго переворота все пошло тотчасъ тѣмъ самымъ порядкомъ, какимъ оно идетъ въ настоящее время. Но натуралисты никакъ не рѣшались утверждать, что изъ нѣдръ земли вышли готовыми не виды, а разновидности. Идеальный баранъ могъ выдти готовымъ; на то онъ идеальный, на то онъ представитель неизмѣннаго типа, на то онъ родоначальникъ всей бараньей породы; но крымскій баранъ, рѣшетиловскій, калмыцкій, одиннадцать англійскихъ, мериносъ, и такъ далѣе — все это мелкія и частныя явленія, и о нихъ никакъ не могло быть рѣчи послѣ такого великаго событія, какъ геологическій переворотъ. Это — разновидности, представляющія большія или меньшія уклоненія отъ оригинальнаго и неизмѣннаго типа. Это — игра природы, это — случайное явленіе, а типъ все-таки сохраняется, и баранъ все-таки остается бараномъ, и всегда былъ таковымъ, съ той самой минуты, какъ онъ вышелъ изъ нѣдръ земли. Тутъ натуралисты попадали очевидно въ безвыходное противорѣчіе, и такія слова, какъ игра природы или случайное уклоненіе, разумѣется, ничего не объясняли и даже не представляли рѣшительно никакого ручательства въ пользу неизмѣнности основного типа. Поэтому уже въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія нѣкоторые натуралисты стали догадываться, что виды могутъ перерождаться, и что во всей органической природѣ по всей вѣроятности нѣтъ ничего неизмѣннаго, кромѣ тѣхъ общихъ законовъ, которыми управляется вся матерія.

Однимъ изъ первыхъ выразилъ эту мысль поэтъ Гёте, который, какъ извѣстно, былъ очень

замѣчательнымъ естествоиспытателемъ. Но пока господствовала теорія геологическихъ переворотовъ, до тѣхъ поръ должна была держаться вѣра въ самостоятельное значеніе видовыхъ типовъ. Когда натуралисты думали, что земля нѣсколько разъ заселялась за-ново, тогда трудно было допустить предположеніе, что органическая жизнь всякій разъ начинала свое развитіе съ самыхъ простыхъ формъ и всякій разъ путемъ медленнаго и естественнаго совершенствованія доходила до болѣе сложныхъ явленій. Если стихіи могли производить геологическіе перевороты, подобные перемѣнамъ декорацій въ волшебномъ балетѣ, то и всѣ остальные процессы природы могли также совершаться необъяснимымъ путемъ мгновенныхъ возникновеній, исчезаній и превращеній. При такомъ взглядѣ на прошедшую жизнь нашей планеты прямыя наблюденія надъ законами природы, какъ они обнаруживаются въ настоящее время, оказывались почти безполезными для объясненія тѣхъ явленій, которыя совершались въ далекія геологическія эпохи. Почему вы знаете, какъ дѣйствовали эти законы тогда? — можно было сказать такому наблюдателю. Теперь жизнь природы идетъ такъ, а тогда шла совсѣмъ иначе. Теперь въ природѣ нѣтъ скачковъ, а тогда были. Разсуждая такимъ образомъ, можно было писать великолѣпнѣйшіе геологическіе романы, и прошедшая жизнь нашей планеты долго казалась намъ длиннымъ рядомъ чудесъ и колоссальной борьбой такихъ титаническихъ силъ природы, которыя теперь улеглись и успокоились на время или навсегда. Но понемногу въ нѣкоторыхъ пытливыхъ умахъ стало возникать сомнѣніе: нельзя ли, думали они, объяснить всѣ явленія различныхъ геологическихъ эпохъ постояннымъ дѣйствіемъ тѣхъ самыхъ причинъ, которыя до сихъ поръ медленно, но безостановочно, каждый день и каждую минуту, измѣняютъ видъ земной поверхности. Оказалось, что можно. Теорія волшебныхъ переворотовъ стала ослабѣвать и клониться къ упадку. Наконецъ знаменитый англійскій геологъ, Чарльзъ Ляйелль, окончательно уложилъ въ могилу эту старую теорію и доказалъ, что законы, управляющіе матеріей теперь, управляли ею, безъ малѣйшаго перерыва, втеченіи тѣхъ длинныхъ періодовъ, которыхъ неизмѣримый рядъ называется прошедшей жизнью нашей планеты. Море медленно разрушаетъ берега свои; рѣка медленно наноситъ илъ въ своемъ устьѣ; атмосфера медленно разъѣдаетъ гранитныя вершины горныхъ хребтовъ; остатки мертвыхъ растеній и животныхъ медленно разлагаются и еще медленнѣе образуютъ на землѣ новые слои почвы; полипы медленно строятъ коралловые рифы; подземныя вулканическія силы дѣйствуютъ правда мгновенно, но дѣйствіе ихъ всегда частично и никогда не производитъ такого переворота, который могъ бы распространиться на всю поверхность нашей планеты. Такимъ образомъ измѣняется видъ земли теперь; такимъ образомъ формируются новыя напластованія и точно такимъ же образомъ совершалось это дѣло тогда, когда на землѣ жили только колоссальные ящеры, и тогда, когда существовали только низшія формы моллюсковъ. Съ тѣхъ поръ, какъ расплавленное ядро земли покрылось твердой корой, съ тѣхъ поръ, какъ образовались на нашей планетѣ вода и атмосфера,—словомъ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось возможнымъ существованіе растительныхъ и животныхъ организмовъ,—съ этихъ поръ земля не испытала ни одного такого переворота, который разомъ взбудоражилъ бы всю ея поверхность и слѣдовательно истребилъ-бы на ней всѣ проявленія органической жизни. Когда перевороты удалились такимъ образомъ въ область поэтическаго творчества, тогда натуралистамъ представилась необходимость задуматься надъ рѣшеніемъ громаднѣйшаго вопроса.

Если разные трилабиты, белемниты, ихтіозавры, мастодонты и тому подобныя исчезнувшія животныя не были истреблены мгновенной перемѣной декорацій, то почему же они исчезли? Если хвощи и папоротники каменноугольной эпохи не были выворочены съ корнями дѣйствіемъ разыгравшихся стихій, то почему же они уступили мѣсто другимъ растительнымъ формамъ, которыя потомъ въ свою очередь были вытѣснены новой флорой? Если идеальный баранъ не вышелъ изъ нѣдръ земли послѣ послѣдняго геологическаго переворота, то откуда же взялись крымскіе, венгерскіе, англійскіе и всякіе другіе бараны? Если органическая жизнь не обрывалась на землѣ съ той самой минуты, какъ она возникла, то, стало быть, нѣтъ никакой необходимости предполагать въ ея исторіи существованіе необъяснимыхъ скачковъ; если нѣтъ скачковъ,— стало быть, есть послѣдовательное развитіе; если есть послѣдовательное развитіе, стало быть, есть постоянные законы; а если есть законы, то надобно до нихъ добраться, не удовлетворяя своей любознательности такими удобными выраженіями, какъ игра природы или случайное уклоненіе отъ неизмѣннаго типа. Если природа играетъ сегодня, то она, значитъ, играла и вчера; стало быть, она имѣетъ свойство играть, и натуралистамъ надо изучить это свойство, какъ и всякое другое. Случая въ природѣ нѣтъ, потому что все совершается по законамъ и всякое дѣйствіе имѣетъ свою причину; когда мы не знаемъ закона и когда мы не видимъ причины, тогда мы произносимъ слово «случай», и произносимъ его всегда некстати, потому что это слово никогда не выражаетъ ничего, кромѣ нашего незнанія, и притомъ такого незнанія, котораго мы сами не сознаемъ.

Ляйелль очистилъ науку отъ геологическихъ чудесъ; другимъ натуралистамъ надо было сдѣ-

лать то-же самое въ отношеніи къ исторіи органической жизни; надо было, чтобы идеальный баранъ не изображалъ собою Венеру, выходящую изъ морской пѣны въ полномъ сіяніи развитой красоты, и надо было, чтобы простые бараны не дѣлались венгерскими или курдючными вслѣдствіе случайной игры природы. Словомъ, надо было понять существующіе законы и такимъ образомъ устранить, по мѣрѣ слабыхъ человѣческихъ силъ, случай. Исходная точка, самое возникновеніе органической жизни до сихъ поръ остается неразгаданнымъ, потому что до сихъ поръ ни одному натуралисту не удалось приготовить въ своей лабораторіи изъ неорганическихъ или органическихъ веществъ ни одного, даже самаго простѣйшаго живого организма; но процессъ развитія и перерожденія органическихъ формъ разъясненъ въ значительной степени англійскимъ натуралистомъ Чарльзомъ Дарвиномъ, издавшимъ въ 1859 году знаменитое сочиненіе: «On the origin of species» («О происхожденіи видовъ»). Этотъ геніальный мыслитель, обладающій колоссальными знаніями, взглянулъ на всю жизнь природы такимъ широкимъ взглядомъ и такъ глубоко вдумался во всѣ ея разрозненныя явленія, что онъ сдѣлалъ открытіе, которое быть можетъ не имѣло себѣ подобнаго во всей исторіи естественныхъ наукъ. Онъ открываетъ не единичный фактъ, не железку, не жилку, не отправленіе того или другого нерва,— онъ открываетъ цѣлый рядъ тѣхъ законовъ, которыми управляется и видоизмѣняется вся органическая жизнь нашей планеты. И разсказываетъ онъ ихъ такъ просто, и доказываетъ такъ неопровержимо, и выходитъ при своихъ разсужденіяхъ изъ такихъ очевидныхъ фактовъ, что вы, простой человѣкъ, профанъ въ естественныхъ наукахъ, удивляетесь постоянно только тому, какъ это вы сами давнымъ давно не додумались до тѣхъ же самыхъ выводовъ.

Да, не велика мудрость Америку открыть, однако все-таки, кромѣ Колумба, никто не догадался, какъ это сдѣлать. Великое открытіе и умная загадка всегда просты, когда первое сдѣлано, а вторая разгадана; но чтобы разгадать загадку, надо обладать извѣстной дозой остроумія, а чтобы сдѣлать великое открытіе, надо быть геніальнымъ человѣкомъ. Для насъ, для простыхъ и темныхъ людей, открытія Дарвина драгоцѣнны и важны именно тѣмъ, что они такъ обаятельно просты и понятны; они не только обогащаютъ насъ новымъ знаніемъ, но они освѣжаютъ весь строй нашихъ идей и раздвигаютъ во всѣ стороны нашъ умственный горизонтъ. Благодаря имъ, мы понимаемъ связь такихъ явленій, которыя мы видѣли каждый день, на которыя мы смотрѣли безсмысленными глазами и которыя однако такъ легко было понять и объяснить себѣ. Почти во всѣхъ отрасляхъ естествознанія идеи Дарвина производятъ совершенный переворотъ; ботаника, зоологія, антропологія, палеонтологія, сравнительная анатомія и физіологія, и даже опытная психологія получаютъ въ его открытіяхъ ту общую руководящую нить, которая свяжетъ между собою множество сдѣланныхъ наблюденій и направитъ умы изслѣдователей къ новымъ плодотворнымъ открытіямъ.

Значеніе идей Дарвина такъ обширно, что въ настоящее время даже невозможно предусмотрѣть и вычислить тѣ послѣдствія, которыя разовьются изъ нихъ, когда онѣ будутъ приложены къ различнымъ областямъ научнаго изслѣдованія. Лучшіе европейскіе натуралисты давно поняли ихъ важность, и весь ученый міръ раздѣлился на двѣ партіи; съ одной стороны стоятъ глубоко убѣжденные защитники новой теоріи: съ другой стороны—ея противники, научные предразсудки которыхъ ожидаютъ себѣ неизбѣжной погибели.

Старыя методы и старыя классификаціи непремѣнно должны будутъ сойти со сцены, а такъ какъ человѣку больно разставаться съ заблужденіями цѣлой жизни, то, разумѣется, противники Дарвина всѣми силами будутъ защищать свои разбитыя позиціи. Но свѣтлые умы тотчасъ становятся горячими приверженцами истины, въ какомъ бы рѣзкомъ противорѣчіи она ни находилась съ ихъ прежними понятіями. Карлъ Фохтъ въ лекціяхъ своихъ о человѣкѣ *), изданныхъ въ 1863 г., объявляетъ себя послѣдователемъ Дарвина и признается, что онъ въ молодости своей держался теоріи геологическихъ переворотовъ, съ которой, какъ мы видѣли, была связана теорія неизмѣнныхъ типовъ.

Книга Дарвина переведена уже въ настоящее время на нѣмецкій, французскій и на русскій языки; каждому образованному человѣку необходимо познакомиться съ идеями этого мыслителя, и поэтому я считаю умѣстнымъ и полезнымъ дать нашимъ читателямъ ясное и довольно подробное изложеніе новой теоріи. Въ этой теоріи читатели найдутъ и строгую опредѣленность точной науки, и безпредѣльную ширину философскаго обобщенія, и наконецъ ту высшую и незамѣнимую красоту, которая кладетъ свою печать на всѣ великія проявленія сильной и здоровой человѣческой мысли. Когда читатели познакомятся съ идеями Дарвина, даже по моему слабому и блѣдному очерку, тогда я спрошу у нихъ, хорошо или дурно мы поступали, отрицая метафизику, осмѣивая нашу поэзію и выражая полное презрѣніе къ нашей казенной эстетикѣ. Дарвинъ, Ляйелль и подобные имъ мыслители— вотъ философы, вотъ поэты, вотъ эстетики нашего времени. Когда человѣческій умъ, въ лицѣ своихъ геніальныхъ представителей, съумѣлъ подняться на такую высоту, съ которой онъ обо-

*) «Человѣкъ и мѣсто его въ природѣ», лекціи К. Фохта (переведены на русскій языкъ).

зрѣваетъ основные законы міровой жизни, тогда мы, обыкновенные люди, неспособные быть творцами въ области мысли, обязаны передъ своимъ собственнымъ человѣческимъ достоинствомъ возвыситься по крайней мѣрѣ на столько, чтобы понимать передовыхъ геніевъ, чтобы цѣнить ихъ великіе подвиги, чтобы любить ихъ, какъ украшеніе и гордость нашей породы, чтобы жить нашей мыслью въ той свѣтлой и безграничной области, которую геніи открываютъ для каждаго мыслящаго существа. Мы богаты и сильны трудами этихъ великихъ людей, но мы не знаемъ нашего богатства и нашей силы, мы ими не пользуемся, мы не умѣемъ даже пересчитать и измѣрить ихъ, и поэтому, проводя нашу жалкую жизнь въ бѣдности, въ глупости и въ слабости, мы потѣшаемъ свое младенческое невѣдѣніе разными золочеными грошами, вродѣ діалектическихъ мудрствованій, лирическихъ воздыханій и эстетическихъ умиленій. И живутъ люди, и умираютъ люди, и считаютъ себя развитыми и образованными, и толкуютъ о музыкѣ и о поэзіи, и ни разу, вѣдь ни одного разу не удается этимъ людямъ даже мелькомъ взглянуть на то, что̀ составляетъ и богатство, и силу, и высшее изящество человѣческой личности. А то и взглянутъ, да не поймутъ. Нечего дѣлать, надо объяснять, разбавлять мысль водой, вдаваться въ лирическіе восторги, чтобы показать, что вещь дѣйствительно хорошая, и что ею въ самомъ дѣлѣ можно и должно любоваться. По настоящему, идеи Дарвина слѣдовало-бы передавать просто, ровно, спокойно, такъ, какъ излагаетъ ихъ самъ Дарвинъ, но для насъ это еще не годится, потому что нашу публику слѣдуетъ заманивать, ее слѣдуетъ покуда подкупать въ пользу дѣльныхъ мыслей разными фокусами то комическаго, то лирическаго свойства. Поэтому, если кому нибудь изъ моихъ читателей не понравится что нибудь въ изложеніи моей статьи, то я умоляю его обратить все его негодованіе исключительно противъ меня, а никакъ не противъ Дарвина. Я именно того и хочу, чтобы моя статья возбудила въ читателѣ любознательность, но не удовлетворила бы ее вполнѣ; пусть онъ увидитъ, какъ уменъ Дарвинъ, пусть почувствуетъ, что я не въ силахъ передать то впечатлѣніе, которое производитъ чтеніе самой книги великаго натуралиста, и пусть вслѣдствіе этого обругаетъ меня и возьмется за сочиненіе самого Дарвина. Цѣль моя будетъ въ такомъ случаѣ вполнѣ достигнута. Для того, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о личномъ характерѣ Дарвина, я приведу здѣсь нѣсколько строкъ изъ его введенія.

«Я находился,—говоритъ онъ,—въ качествѣ натуралиста на кораблѣ ея британскаго величества — «Бигль», когда меня въ первый разъ сильно поразили нѣкоторые факты въ распредѣленіи органическихъ существъ, населяющихъ южную Америку, и геологическія отношенія, существующія между прежними и теперешними обитателями этого материка. Эти факты, какъ видно будетъ въ послѣднихъ главахъ этого сочиненія, бросаютъ повидимому нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе видовъ, «эту тайну тайнъ», какъ выражается одинъ изъ величайшихъ нашихъ философовъ (Гумбольдтъ въ «Космосѣ»). Послѣ моего возвращенія, въ 1837 году, мнѣ пришло въ голову, что можетъ-быть есть возможность подвинуть впередъ этотъ вопросъ, если собирать и обдумывать всѣ различныя наблюденія, которыя такъ или иначе могутъ содѣйствовать разрѣшенію задачи. Только послѣ пятилѣтняго труда я позволилъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя наведенія и составилъ краткія замѣтки. Не раньше какъ въ 1844 году я набросалъ тѣ заключенія, которыя казались мнѣ наиболѣе правдоподобными. Съ этого времени до нынѣшняго дня (т. е. до конца 1859 года) я постоянно занимался тѣмъ же самымъ предметомъ. Мнѣ извинятъ эти личныя подробности, въ которыя я пускаюсь только для того, чтобы доказать, что у меня не было излишней поспѣшности въ разрѣшеніи вопросовъ. Моя работа уже далеко подвинулась впередъ; однако мнѣ понадобится еще года два или три для ея окончанія, а такъ какъ здоровье мое вовсе не отличается крѣпостью, то я и поторопился выпустить въ свѣтъ это извлеченіе. Меня преимущественно побудило поступить такимъ образомъ то обстоятельство, что мистеръ Уэллесъ, изучающій въ настоящее время природу Малайскаго архипелага, почти совершенно сошелся со мною въ своихъ заключеніяхъ о происхожденіи видовъ. Въ 1858 году онъ прислалъ мнѣ мемуаръ по этому предмету, съ просьбой сообщить его сэру Чарльзу Ляйеллю, который послалъ его Линнеевскому обществу (Linnean Society). Онъ напечатанъ въ третьемъ томѣ журнала этого общества. Сэръ Чарльзъ Ляйелль и докторъ Гукеръ, знавшіе мои работы, сдѣлали мнѣ честь подумать, что было бы хорошо издать въ одно время съ превосходнымъ мемуаромъ мистера Уэллеса нѣкоторые отрывки изъ моихъ рукописей. Это извлеченіе, которое я издаю теперь, необходимо оказывается неполнымъ. Я принужденъ излагать въ немъ мои идеи, не подкрѣпляя ихъ обильнымъ запасомъ фактовъ или цитатами писателей, и я поставленъ въ необходимость разсчитывать на то довѣріе, которое читателямъ угодно будетъ питать къ вѣрности моихъ сужденій».

Приведенное мною мѣсто заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній и характерныхъ подробностей. Во-первыхъ, мы видимъ, что Дарвинъ посвятилъ всю свою жизнь разрѣшенію того вопроса, который заинтересовалъ его во время кругосвѣтнаго плаванія на кораблѣ «Бигль»; онъ работаетъ надъ этимъ вопросомъ болѣе 25 лѣтъ (съ 1837 по 1864) и все еще не считаетъ свой трудъ оконченнымъ; когда геніальный умъ со-

единяется съ такимъ упорствомъ въ преслѣдованіи цѣли и съ такой требовательностью и строгостью въ отношеніи къ собственному труду, тогда дѣйствительно человѣкъ совершаетъ чудеса въ области мысли и тогда онъ смѣло можетъ приниматься за разрѣшеніе такой задачи, которая до него считалась «тайною тайнъ». Во-вторыхъ, Дарвинъ называетъ свою теперешнюю книгу извлеченіемъ и очень скромно и добродушно извиняется передъ читателемъ, говоря, что онъ принужденъ былъ поторопиться, и что извлеченіе конечно вышло очень не полное, потому что настоящая книга, капитальная часть труда, еще впереди. До такой изумительной и совершенно безъискусственной скромности могутъ возвышаться только очень замѣчательные люди; поторопился — а работалъ двадцать два года (до 1859 года); извлеченіе — а въ немъ больше пятисотъ страницъ; не полное — а весь ученый міръ приходитъ отъ него въ волненіе; извиняется передъ читателями — а самъ производитъ небывалый переворотъ почти во всѣхъ отрасляхъ естествознанія. Это было бы просто смѣшно, это было бы даже неприлично со стороны Дарвина, еслибы въ этой скромности можно было предположить хоть малѣйшую тѣнь искусственности. Но такъ какъ вся книга Дарвина носитъ на себѣ печать глубочайшей искренности и добросовѣстности, и такъ какъ отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ, то эта скромность, которая при другихъ условіяхъ могла бы сдѣлаться смѣшной, въ настоящемъ случаѣ остается цѣликомъ въ предѣлахъ великаго. Въ-третьихъ, любопытно замѣтить, какъ равнодушно Дарвинъ относится къ своему собственному здоровью; ему остается до окончанія громаднаго труда всего два, три года, но онъ предвидитъ тотъ шансъ, что ему можетъ-быть и неудастся дожить до этого времени; и возможность близкой смерти вовсе не смущаетъ его, а только побуждаетъ его выпустить въ свѣтъ извлеченіе, въ которомъ заключались бы добытые имъ результаты. Это спокойствіе, это умѣнье умирать безъ жалобы и безъ боязни, это высшее проявленіе человѣческаго героизма совершенно понятны со стороны тѣхъ людей, которые умѣли наполнить свою жизнь разумнымъ наслажденіемъ, то-есть умѣли полюбить полезную дѣятельность больше собственнаго существованія. Дарвинъ такъ слился съ своей двадцатипятилѣтней работой, онъ такъ постоянно жилъ высшими интересами всего человѣчества, что ему некогда и незачѣмъ думать и горевать объ упадкѣ собственныхъ силъ. Лишь бы работу кончить, лишь бы отдать людямъ съ рукъ на руки добытыя сокровища, а тамъ и умереть не бѣда. Кто не понимаетъ такого обожанія идеи и такой любви къ людямъ, тотъ говоритъ, что личности, подобныя Дарвину, совершаютъ подвиги самоотверженія, а кто понимаетъ, тотъ скажетъ, что это — вполнѣ практическіе люди и что они превосходно умѣютъ наслаждаться жизнью. Ихъ разсчетъ оказывается вѣрнымъ во всякомъ случаѣ и во всякую данную минуту; какъ ни прожить жизнь, а умирать все равно надо; ну, стало-быть, всего лучше жить такъ, чтобы въ минуту смерти не было больно и совѣстно оглянуться назадъ; пріятно подумать передъ смертью, что жизнь прожита не даромъ и что она цѣликомъ положена въ тотъ капиталъ, съ котораго человѣчество будетъ постоянно брать проценты; а если пріятно, то и слѣдуетъ жить въ томъ мірѣ мысли и труда, въ которомъ распоряжаются Дарвинъ, Ляйелль, Фохтъ, Бокль и другіе люди такого же разбора. Наконецъ, въ-четвертыхъ и въ послѣднихъ, не мѣшаетъ обратить вниманіе на тѣ честныя, дружескія отношенія, которыя существуютъ между лучшими изъ современныхъ ученыхъ. Ляйелль и Гукеръ постоянно слѣдятъ за процессомъ работы Дарвина; Дарвинъ совѣтуется съ ними, и они ему помогаютъ; Гукеръ впродолженіи пятнадцати лѣтъ постоянно сообщаетъ ему то новые факты, то свои критическія замѣчанія. Уэллесъ, близко подошедшій къ самымъ выводамъ Дарвина, съ полнымъ довѣріемъ присылаетъ послѣднему свой мемуаръ, а Дарвинъ съ своей стороны отзывается объ этомъ мемуарѣ съ полнымъ уваженіемъ. Видно, однимъ словомъ, что всѣ эти люди заботятся объ успѣхѣ общаго дѣла, а совсѣмъ не о томъ, чтобы высунуть впередъ собственную личность и подставить ногу опасному сопернику. Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, ихъ общее дѣло идетъ хорошо, а во-вторыхъ, каждому изъ нихъ достается на долю столько ученой знаменитости, сколько они не могли бы пріобрѣсти, еслибы работали въ разсыпную, завистливо скрывая другъ отъ друга добываемые факты и не обмѣниваясь между собою мыслями и замѣчаніями.

Широкое умственное развитіе этихъ превосходныхъ людей дѣлаетъ ихъ особенно способными къ свободной ассоціаціи, а ассоціація съ своей стороны придаетъ имъ новыя силы и еще болѣе расширяетъ горизонтъ ихъ мысли. До сихъ поръ добровольная и совершенно естественная ассоціація нашла себѣ приложеніе только въ высшихъ сферахъ научной дѣятельности. Тамъ нѣтъ истребительной войны между конкурентами; тамъ всѣ честные люди идутъ къ одной цѣли и дружелюбно опираются другъ на друга; зато мы и видимъ, что высшія сферы научной дѣятельности до сихъ поръ представляютъ единственное мѣсто, въ которомъ человѣкъ можетъ развернуть, сохранить и облагородить всѣ свои истинно-человѣческія качества и способности; зато мы видимъ также, что наука, въ настоящемъ значеніи этого слова, развивается съ невѣроятной быстротой и оставляетъ далеко позади себя всѣ остальныя отрасли человѣческой дѣятельности. Но если люди, развернувшіе, сохранившіе и облагородившіе свои человѣческія

способности, оказываются особенно расположенными къ коллективному труду, если у нихъ образуется ассоціація совершенно естественно, помимо всякихъ предвзятыхъ теорій, то, мнѣ кажется, не трудно понять, что добровольная ассоціація и развитіе индивидуальности не только не представляютъ собою двухъ непримиримыхъ крайностей, а, напротивъ того, совершенно необходимы другъ для друга и не могутъ существовать безъ взаимной поддержки. А теперь пора кончить это длинное введеніе и отъ личности мыслителя перейдти къ его теоріи.

II.

Домашнія животныя.

Многія растенія, размножающіяся быстро и успѣшно въ естественномъ состояніи, перестаютъ приносить сѣмена, какъ только начинаютъ испытывать на себѣ заботливыя попеченія человѣка; они повидимому благоденствуютъ, покрываются свѣжими листьями и цвѣтами, но ихъ цвѣточная пыль совершенно теряетъ свою оплодотворящую силу; многія животныя также не могутъ размножаться подъ властью человѣка; они иногда совокупляются, но не производятъ дѣтей; такъ напримѣръ, хищныя птицы, находясь въ неволѣ, кладутъ иногда яйца; но изъ этихъ яицъ почти никогда не выводятся птицы. Тѣ животныя и растенія, которыя съ незапамятныхъ временъ подчинились нашему господству, представляютъ также замѣчательную особенность въ своемъ размноженіи: дѣти ручныхъ животныхъ больше отличаются отъ своихъ родителей и больше отличаются другъ отъ друга, чѣмъ дѣти дикихъ животныхъ; то-же самое можно сказать и о растеніяхъ; поэтому напримѣръ пшеница до сихъ поръ производитъ еще новыя разновидности; поэтому георгины, тюльпаны, гвоздики до сихъ поръ даютъ садовникамъ небывалыя формы, разрисованныя самыми блестящими красками; поэтому также лошади, бараны, быки, свиньи постоянно совершенствуются и крупнѣютъ или мельчаютъ и портятся, то-есть вообще обнаруживаютъ способность и стремленіе измѣняться, и дѣйствительно измѣняются въ ту или въ другую сторону, смотря по тому, умѣетъ или не умѣетъ человѣкъ пользоваться этой измѣнчивостью сообразно съ своими выгодами. Безплодіе однихъ растеній и животныхъ и измѣнчивость другихъ органическихъ существъ выходятъ изъ одного общаго источника. Когда растеніе или животное попадаетъ въ руки человѣка, и когда человѣкъ, сознательно или невольно, измѣняетъ въ большей или въ меньшей степени тѣ условія, при которыхъ это растеніе или животное существовало на свободѣ, — тогда эта перемѣна въ образѣ жизни производитъ особенно сильное вліяніе на всю систему половыхъ отправленій. Если вліяніе это очень сильно, то половая система совершенно отказывается дѣйствовать, и животныя даже не совокупляются; если оно менѣе сильно—совокупляются, но не рождаютъ дѣтей; еще менѣе сильно — рождаютъ уродовъ; еще менѣе сильно—рождаютъ здоровыхъ дѣтей, но такихъ, у которыхъ индивидуальныя уклоненія отъ фигуры родителей оказываются болѣе значительными, чѣмъ это могло бы произойти въ дикомъ состояніи. Такимъ образомъ дѣти выходятъ не совсѣмъ похожими на своихъ родителей; внуки также получаютъ свои личныя особенности; правнуки также, и такъ далѣе; измѣнчивость и индивидуальное разнообразіе становятся прочными свойствами цѣлой породы, и это случилось именно съ большей частью нашихъ домашнихъ животныхъ. Корова не такъ похожа на свою родную сестру и жеребецъ не такъ похожъ на своего папеньку, какъ напримѣръ медвѣдь—на посторонняго медвѣдя или заяцъ—на совершенно неродственнаго зайца. Существованіе этихъ индивидуальныхъ особенностей никакъ не можетъ быть приписано прямому дѣйствію образа жизни; двѣ коровы, принадлежащія одному хозяину, съ самаго своего рожденія живутъ на одномъ скотномъ дворѣ, пасутся на одномъ лугу, получаютъ одинаковое количество сѣна, муки, соли и всякаго другого снадобья; напротивъ того, два медвѣдя, не принадлежащіе никому, живутъ въ двухъ различныхъ берлогахъ, ѣдятъ, что Богъ пошлетъ, иногда голодаютъ, иногда пируютъ, но дѣлаютъ и то, и другое не вмѣстѣ, а порознь, въ различное время, съ различнымъ успѣхомъ, такъ что тутъ очевидно представляется гораздо больше разнообразія, чѣмъ въ жизни коровъ или лошадей. Ясно, стало-быть, что индивидуальныя особенности послѣднихъ могутъ быть объяснены только тѣми измѣненіями, которыя испытала въ глубинѣ вѣковъ половая система домашнихъ животныхъ; эти измѣненія съ тѣхъ поръ уже постоянно переходятъ по наслѣдству отъ одного поколѣнія къ другому и такимъ образомъ постоянно даютъ каждому зародышу возможность довольно замѣтно отклоняться въ своемъ развитіи отъ фигуры родителей. Но если каждая корова или лошадь получаетъ свою индивидуальную физіономію, то изъ этого никакъ не должно заключать, что она не наслѣдуетъ отъ своихъ родителей многихъ важнѣйшихъ особенностей ихъ организаціи. Въ человѣческомъ семействѣ сынъ обыкновенно бываетъ похожъ и на отца, и на мать, и въ то-же время у него есть свои личныя свойства какъ въ чертахъ лица, такъ и въ складѣ тѣла, такъ и въ устройствѣ темперамента, ума и характера.

Совершенно подобныя явленія мы замѣчаемъ и въ домашнихъ животныхъ. Поэтому, если образъ жизни подѣйствовалъ въ томъ или въ другомъ направленіи на здоровье или на тѣлосложеніе

животнаго, то произведенная такимъ образомъ перемѣна передается обыкновенно дѣтямъ и становится болѣе или менѣе прочнымъ свойствомъ породы. Напримѣръ, если свѣсить скелетъ дикой утки и скелетъ домашней утки и если потомъ сравнить въ обоихъ случаяхъ вѣсъ костей крыла и вѣсъ костей ноги съ вѣсомъ цѣлаго скелета, то окажется, что у домашней утки кости крыла сравнительно легче, а кости ноги сравнительно тяжелѣе, чѣмъ у дикой. Происхожденіе домашней утки отъ дикой не подлежитъ сомнѣнію; слѣдовательно, измѣненіе въ вѣсѣ и величинѣ костей объясняется именно тѣмъ обстоятельствомъ, что домашняя утка постоянно ходитъ и почти совсѣмъ не летаетъ. Нога укрѣпляется, а крыло слабѣетъ; эта особенность, сначала незамѣтная, передается отъ матери къ дѣтямъ, и у дѣтей становится сильнѣе, потому что продолжается дѣйствіе тѣхъ-же самыхъ причинъ, которыя дѣйствовали на мать; у внуковъ еще сильнѣе, и такъ далѣе; наконецъ, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе и постоянно усиливаясь, эта перемѣна организаціи доходитъ до такихъ значительныхъ размѣровъ, что выражается уже не въ однихъ мускулахъ крыла и ноги, а даже въ соотвѣтствующихъ частяхъ самаго скелета. Такимъ образомъ превращеніе дикой утки въ домашнюю оказывается конченнымъ, и пріобрѣтенныя особенности дѣлаются прочнымъ и наслѣдственнымъ достояніемъ новой породы. Огромное вымя дойныхъ коровъ образовалось также вслѣдствіе особенныхъ условій жизни и также передается по наслѣдству. Многія домашнія животныя отличаются отъ своихъ дикихъ сродниковъ висячими ушами, и это обстоятельство, по мнѣнію дѣльныхъ наблюдателей, объясняется тѣмъ, что домашнее животное рѣже дикаго чувствуетъ себя въ опасности и слѣдовательно рѣже навостряетъ уши, такъ что мускулы уха, оставаясь въ бездѣйствіи, слабѣютъ и ухо отвисаетъ.

Но тѣ законы, по которымъ развивается живой организмъ, отличаются такой сложностью, что они до сихъ поръ остаются почти совершенно неизвѣстными. Къ области этихъ неизслѣдованныхъ законовъ относится то обстоятельство, что если въ организмѣ проявляется какая-нибудь особенность, то она обыкновенно не ограничивается одной частью организма, а производитъ перемѣны въ нѣсколькихъ органахъ, и притомъ часто въ такихъ, которые *повидимому* не имѣютъ между собой тѣсной анатомической связи. Такъ напримѣръ, у голубей величина клюва находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ величиной ногъ. Чѣмъ меньше клювъ, тѣмъ меньше нога. Голубоглазыя кошки обыкновенно бываютъ глухи. Лысыя собаки отличаются неполнымъ развитіемъ зубовъ. Бѣлые бараны и бѣлыя свиньи страдаютъ отъ нѣкоторыхъ растеній, которыя не приносятъ никакого вреда баранамъ и свиньямъ другого цвѣта. Въ Флоридѣ растетъ въ большомъ изобиліи растеніе lachnanthes; черныя свиньи ѣдятъ его совершенно безнаказанно; но какъ только поѣстъ его свинья другого цвѣта, такъ у нея краснѣютъ кости и отваливаются копыта. Тамошніе сельскіе хозяева знаютъ очень хорошо это обстоятельство и потому держатъ у себя только черныхъ свиней, а остальныхъ постоянно убиваютъ, чтобы онѣ не пропадали даромъ. Эти изумительныя соотношенія между развитіемъ отдѣльныхъ частей организма до сихъ поръ еще мало изслѣдованы, и причины ихъ остаются совершенно неизвѣстными, но необходимо имѣть постоянно въ виду эти соотношенія, когда дѣло идетъ о различныхъ перерожденіяхъ органическихъ формъ. Если у цѣлой породы животныхъ измѣняется такой органъ, на который внѣшнія условія жизни не имѣютъ непосредственнаго вліянія, то такое измѣненіе можетъ быть объяснено соотношеніемъ развитія. Условія жизни измѣнили, положимъ, клювъ голубя, а измѣненіе этого органа уже потянуло за собой перемѣну въ формѣ и въ величинѣ ногъ, на которыя жизнь не оказывала прямого дѣйствія.

Изъ всего, что было говорено съ самаго начала этой главы, мы можемъ вывести то заключеніе, что наши домашнія животныя и растенія измѣняютъ свою организацію подъ вліяніемъ очень многихъ и очень сложныхъ причинъ; между этими причинами особенно замѣчательны слѣдующія: во-первыхъ, то измѣненіе въ половой системѣ, которое усиливаетъ индивидуальное разнообразіе дѣтей; во-вторыхъ, прямое вліяніе условій жизни на различные органы животныхъ и растеній; въ-третьихъ, соотношеніе развитія, то-есть то свойство живого организма, вслѣдствіе котораго измѣненіе, происшедшее въ одномъ органѣ, ведетъ за собою, при развитіи зародыша, измѣненіе въ другихъ частяхъ тѣла. Наконецъ, въ-четвертыхъ, чрезвычайно важно то обстоятельство, что особенности родителей передаются дѣтямъ и что вслѣдствіе этого закона наслѣдственности разныя, едва замѣтныя уклоненія отъ прежнихъ свойствъ породы могутъ упрочиваться и усиливаться въ прямомъ нисходящемъ потомствѣ. Безъ этого закона наслѣдственности происхожденіе новыхъ разновидностей и породъ было бы совершенно невозможно, потому что индивидуальныя особенности, прирожденныя и благопріобрѣтенныя, погибали бы тогда вмѣстѣ съ тѣмъ субъектомъ, у котораго онѣ проявились.

Дѣйствіемъ этихъ четырехъ главныхъ причинъ объясняются въ общихъ чертахъ всѣ измѣненія животныхъ и растеній, попавшихъ въ руки человѣка. Какъ ни разнообразны различія породы лошадей, куръ, утокъ или кроликовъ, но есть основаніе думать, что все это разнообразіе выработалось уже подъ вліяніемъ человѣка, и что всѣ наши лошади произошли отъ одной дикой породы, всѣ наши куры, утки и кролики—также.

Чтобы доказать возможность такихъ обширныхъ развѣтвленій, Дарвинъ беретъ отдѣльный примѣръ; онъ изучаетъ всѣ различныя породы голубей и приходитъ къ тому заключенію, что всѣ эти породы произошли отъ дикаго голубя (Columba livia) и переродились въ разныя стороны уже подъ руками человѣка.

III.

О голубяхъ.

«Чтобы разрѣшить какой-нибудь вопросъ по естественной исторіи, — говоритъ Дарвинъ,— лучше всего изучить какую-нибудь отдѣльную группу. Обдумавъ основательно это дѣло, я выбралъ группу голубей и сдѣлалъ ее спеціальнымъ предметомъ моихъ наблюденій. Я собралъ всѣ породы, какія только могъ достать. Кромѣ того мнѣ помогали самымъ любезнымъ образомъ господа Эллiотъ и Мёррей (Murray), присылавшіе мнѣ чучела изъ разныхъ странъ земного шара, а преимущественно изъ Персіи и изъ Индіи. Сверхъ того я досталъ себѣ большое число сочиненій, написанныхъ о голубяхъ на разныхъ языкахъ, и нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій имѣютъ большое значеніе по своей древности. Наконецъ я вступилъ въ сношеніе со многими знаменитыми любителями голубей и приписался къ двумъ голубинымъ клубамъ (pigeons-clubs) въ Лондонѣ.

Что вы скажете о такомъ изслѣдователѣ, мой читатель? Кажется, онъ шутить не любитъ, когда принимается за какое-нибудь изученіе; придется потратить на голубей пять лѣтъ жизни—онъ такъ и сдѣлаетъ; понадобится десять—онъ и десять положитъ; а вѣдь не только голуби, но даже и всѣ домашнія животныя составляютъ только крошечный уголокъ того громаднаго міра явленій, который охваченъ и въ значительной степени разъясненъ свѣтлыми идеями Дарвина. Но сила этого геніальнаго человѣка заключается именно въ томъ, что, обобщая явленія, онъ не теряется въ отвлеченностяхъ, не впадаетъ въ дилетантизмъ, а постоянно упирается ногой въ твердую почву собственныхъ наблюденій и такого изслѣдованія, которое своей основательностью и усидчивостью привело бы въ трепетъ любого изъ нашихъ буквоѣдовъ. Широкихъ-то теоретиковъ много найдется, но зато теоріи ихъ подбиты вѣтромъ и лопаются, какъ мыльные пузыри. А кто такимъ образомъ изучаетъ голубей, тотъ ужъ ни одного слова не говоритъ на вѣтеръ.

Разнообразіе голубиныхъ породъ оказалось изумительнымъ. Не говоря уже о томъ, что этихъ породъ чрезвычайно много, мы должны замѣтить, что многія изъ нихъ отличаются другъ отъ друга необыкновенно рѣзкими и очень своеобразными признаками и особенностями. Напримѣръ у *англійскаго гонца* (english carrier, Columba tabellaria) длинный клювъ съ широкими ноздрями, у *курносаго турмана* клювъ такой, какъ у воробья, у *римскаго голубя*, при значительной величинѣ всего тѣла, клювъ толстый и ноги большія, а у *варварійскаго голубя*, похожаго по фигурѣ на *гонца*, клювъ очень короткій и очень широкій. *Обыкновенный турманъ* (C. gyratrix) имѣетъ привычку взлетать цѣлой толпой на значительную высоту и потомъ, спускаясь внизъ, по три или по два раза кувыркаться на воздухѣ. *Толстогорлый голубь* (C. gutturosa) изъ гордости или по какому нибудь другому неизвѣстному побужденію постоянно раздуваетъ свой зобъ и доводитъ его до такихъ размѣровъ, что, по словамъ Дарвина, «даже смѣшно смотрѣть». А Columba turbita такимъ же образомъ раздуваетъ заднюю часть своего пищевода. *Якобинецъ* (C. cucullata) замѣчателенъ тѣмъ, что у него на шеѣ перья заворочены кверху и образуютъ надъ его головой что-то вродѣ капюшона; поэтому онъ и названъ якобинцемъ, въ честь тѣхъ монаховъ, которые носили капюшоны и которые подарили свое имя не только кроткимъ голубямъ, но и лукавымъ членамъ знаменитаго революціоннаго клуба. *Голубь-павлинъ* (C. laticauda) отличается необыкновенно широкимъ хвостомъ; у него въ хвостѣ отъ тридцати до сорока перьевъ, между тѣмъ какъ у другихъ голубей бываетъ ихъ отъ 12 до 14; и эти тридцать или сорокъ перьевъ всѣ торчатъ кверху вѣеромъ и даже наклоняются впередъ, такъ что у нѣкоторыхъ субъектовъ хвостъ сходится съ головой.

Этихъ примѣровъ разнообразія будетъ достаточно; къ этому можно прибавить, что въ самомъ скелетѣ обнаруживаются очень важныя различія; вмѣстѣ съ формой и размѣромъ клюва измѣняется все строеніе черепа, число позвонковъ въ хвостѣ и къ крестцѣ, и число реберъ у различныхъ породъ бываетъ не одинаково; длина крыльевъ и хвоста сравнительно съ величиной тѣла и относительная величина различныхъ частей ноги подвергаются очень сильнымъ измѣненіямъ. Форма и размѣры яицъ, полетъ, голосъ и инстинкты—все это расходится въ разныя стороны. Наконецъ въ нѣкоторыхъ породахъ самецъ и самка значительно отличаются другъ отъ друга. Можно подобрать такую коллекцію голубей, что орнитологъ, спеціалистъ въ дѣлѣ изученія птицъ, непремѣнно отнесетъ ихъ къ различнымъ видамъ, и даже посовѣстится назвать ихъ представителями одного рода. А между тѣмъ всѣ эти разнокалиберныя птицы произошли отъ одного вида, который подъ названіемъ *дикаго голубя* (rock-pigeon, Columba livia) до сихъ поръ живетъ и размножается во многихъ странахъ земного шара. Если мы предположимъ, что различныя породы нашихъ домашнихъ голубей произошли отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ, то, чтобы согласить это предположеніе съ суще-

ствующими фактами, намъ придется запутаться въ безвыходную сѣть самыхъ рискованныхъ и несостоятельныхъ гипотезъ. Если мы не захотимъ допустить, что особенности различныхъ голубиныхъ породъ выработались медленнымъ путемъ постепенныхъ измѣненій, то намъ придется предположить, что въ дикомъ состояніи существовало по крайней мѣрѣ семь или восемь отдѣльныхъ видовъ, изъ которыхъ одинъ отличался напримѣръ воробьинымъ клювомъ курносаго турмана, другой — стоячимъ хвостомъ голубя-павлина, третій — колоссальнымъ зобомъ толстогорлаго голубя, и такъ далѣе. Отчего не предположить? Предположимъ.. Но спрашивается, существуютъ-ли теперь эти виды въ дикомъ состояніи? Нѣтъ, не существуютъ. А куда же они дѣвались? Отвѣтъ: изчезли, вымерли. Это уже начинаетъ быть неправдоподобнымъ. Голубь гнѣздится на скалистыхъ обрывахъ и обладаетъ очень сильнымъ полетомъ; эти два обстоятельства такъ хорошо ограждаютъ его отъ естественныхъ враговъ, что полное истребленіе восьми голубиныхъ видовъ представляется дѣломъ чрезвычайно сомнительнымъ. Естественная исторія не знаетъ ни одного примѣра, который доказывалъ бы, что дикій голубь былъ истребленъ въ такой странѣ, гдѣ онъ прежде водился. Голуби сдѣлались домашними птицами въ глубокой древности; о нихъ упоминается въ исторіи Египта слишкомъ за 3000 лѣтъ до Р. Х.; слѣдовательно, намъ придется предположить, что полудикіе люди съумѣли приручить нѣсколько породъ голубей, что они съумѣли соблюсти всѣ условія, необходимыя для того, чтобы эти различныя породы плодились въ неволѣ, что они выбрали для прирученія самыя странныя и причудливыя формы этихъ птицъ, и наконецъ, что всѣ выбранныя ими породы вымерли и исчезли съ лица земли, оставляя на бѣломъ свѣтѣ только свое ручное потомство. Каждое изъ этихъ предположеній порознь оказывается неправдоподобнымъ, но когда мы собираемъ всѣ эти предположенія въ одинъ букетъ, тогда неправдоподобіе доходитъ до такихъ размѣровъ, что превращается въ очевидную невозможность и нелѣпость. А между тѣмъ именно весь букетъ этихъ предположеній необходимъ для того, чтобы произвести различныя породы домашнихъ голубей отъ нѣсколькихъ дикихъ видовъ.

Но кромѣ отрицательныхъ доказательствъ есть и положительныя. Во-первыхъ, голубиныя породы, отличающіяся рѣзкими особенностями, нигдѣ и никогда не обращались въ дикое состояніе, несмотря на то, что европейцы перевозили ихъ за собой во всѣ части свѣта; напротивъ того, простой домашній голубь, очень похожій на дикаго, довольно часто возвращается къ образу жизни своихъ предковъ и умѣетъ обходиться безъ попеченій человѣка. Это доказываетъ, что рѣзкія особенности этихъ птицъ выработались подъ вліяніемъ людей, потому что въ противномъ случаѣ эти особенности не отнимали бы у данныхъ субъектовъ возможности жить на свободѣ. Попадая въ свое отечество, курносый турманъ или голубь-павлинъ долженъ былъ бы почувствовать себя дома и при первомъ удобномъ случаѣ устроить себѣ самостоятельное житье. Но если онъ до сихъ поръ никогда не попадалъ въ свое отечество, то слѣдуетъ думать, что у него и у всей его породы нѣтъ и не было другого отечества, кромѣ голубятника. Во-вторыхъ, случается часто, что помѣсь двухъ отдѣльныхъ голубиныхъ породъ принимаетъ цвѣтъ дикаго голубя, хотя этого цвѣта не было ни у отца, ни у матери. Дарвинъ скрестилъ бѣлаго голубя-павлина съ чернымъ *барбомъ* (варварійскимъ голубемъ); метисы получились черные, коричневые и пестрые. Скрестилъ онъ другого чернаго барба съ *спотомъ* *) (Spot); метисы вышли пестрые. Тогда онъ скрестилъ двухъ метисовъ, т. е. барбо-павлина съ барбо-спотомъ, и родился голубь прекраснаго сизаго цвѣта, съ бѣлымъ зобомъ, съ черными полосками на крыльяхъ и на хвостѣ и съ бѣлымъ окаймленіемъ перьевъ на этихъ двухъ частяхъ тѣла. Словомъ, по цвѣту эта помѣсь двухъ метисовъ оказалась совершенно похожей на чистую Columba livia.

Во всей цѣпи органическихъ существъ случаются такія возвращенія къ характеру предковъ; въ человѣческихъ семействахъ замѣчаютъ очень часто, что ребенокъ похожъ не на отца или на мать, а на дѣда или на бабку; вѣроятно случается часто, что онъ бываетъ похожъ на болѣе отдаленныхъ предковъ, но это обстоятельство, разумѣется, можетъ быть замѣчено только въ тѣхъ немногихъ семействахъ, въ которыхъ сохраняются фамильные портреты. Что касается до голубей, то случай, подмѣченный Дарвиномъ, очень знаменателенъ. И барбъ, и спотъ, и павлинъ были очень чистой породы; ни у кого изъ нихъ не было ни одной крапинки сизаго цвѣта: слѣдовательно, откуда же этотъ цвѣтъ взялся у метисовъ второго поколѣнія? Если вы хотите во что бы то ни стало произвести домашнихъ голубей отъ нѣсколькихъ дикихъ породъ, то вамъ придется еще предположить, что всѣ эти разныя породы были окрашены, какъ дикій голубь, потому что только этимъ предположеніемъ объяснится стремленіе метисовъ къ сизому цвѣту. Но такъ какъ съ васъ должно быть довольно и тѣхъ неправдоподобныхъ предположеній, которыя я вамъ представилъ выше, то вы вѣроятно кладете оружіе, миритесь съ единствомъ происхожденія всѣхъ голубиныхъ породъ и требуете только, чтобы я вамъ объяснилъ въ общихъ чертахъ, какъ выработалось теперешнее разнообра-

*) Spot значитъ пятно. Этимъ именемъ называется бѣлая порода голубей съ краснымъ пятномъ на головѣ и съ краснымъ хвостомъ.

зіе, и какимъ манеромъ потомки дикаго голубя пріобрѣли различныя уродливыя особенности. Объясненіе будетъ представлено, какъ для голубей, такъ и для другихъ животныхъ, покорившихся человѣку.

IV.

Сознательное вліяніе человѣка.

Я уже замѣтилъ выше, что голуби съ незапамятныхъ временъ сдѣлались домашними птицами. По многимъ историческимъ свидѣтельствамъ видно, что они постоянно пользовались благосклоннымъ расположеніемъ человѣка, а иногда дѣлались предметомъ особеннаго вниманія. Являлась мода на голубей, являлось множество любителей, и между ними завязывалось горячее соперничество. Римскій натуралистъ Плиній говоритъ, что въ его время голуби были въ большомъ почетѣ; за иныя породы платились большія деньги, и чистота такихъ любимыхъ породъ хранилась такъ тщательно, что каждый голубь имѣлъ свое генеалогическое древо. Въ Индіи великій моголъ Акбаръ-Ханъ, около 1600 года, былъ великимъ охотникомъ и спеціалистомъ по части голубей. Властители Ирана и Турана присылали къ нему самыхъ рѣдкихъ и отличныхъ птицъ голубиной породы. У него было до двадцати тысячъ штукъ голубей, и придворный лѣтописецъ замѣчаетъ съ благоговѣніемъ, что его величество изволили изобрѣсти особую методу скрещиванія, посредствомъ которой породы голубей улучшились изумительнымъ образомъ. Въ то время, какъ Акбаръ-Ханъ предавался своимъ невиннымъ забавамъ, страсть къ голубямъ свирѣпствовала также на другой оконечности стараго свѣта; голландцы, которымъ впослѣдствіи суждено было предаться обожанію тюльпановъ, бредили въ то время голубями. Конечно въ исторіи встрѣчается много другихъ примѣровъ голубеманіи, и, разумѣется, во всякое время существовало еще больше такихъ любителей, о которыхъ никогда не упомянетъ никакая исторія. Мы видѣли выше, что и теперь есть въ Англіи знаменитые любители голубей, составляющіе голубиные клубы.

Этихъ условій совершенно достаточно, чтобы объяснить самое пестрое разнообразіе и самыя эксцентрическія особенности въ различныхъ породахъ домашнихъ голубей. Голубей человѣкъ измѣнялъ по своему капризу, а другихъ домашнихъ животныхъ онъ измѣнялъ и до сихъ поръ измѣняетъ сообразно съ своими выгодами. Это дѣлается вотъ какъ: рождается напримѣръ голубь, у котораго зобъ немного больше, чѣмъ у его сродниковъ; любителю эта особенность кажется оригинальной и прелестной; мудренаго тутъ ничего нѣтъ, потому что человѣческіе вкусы гораздо болѣе разнообразны и эксцентричны, чѣмъ голубиныя породы; любитель подыскиваетъ зобастому голубю подругу, у которой зобъ также побольше, чѣмъ у другихъ; посмотримъ, думаетъ онъ, что выйдетъ. Выходятъ зобастые птенцы. Онъ выбираетъ изъ нихъ самыхъ зобастыхъ и спариваетъ ихъ съ другими зобастыми; ну, и является наконецъ, послѣ многихъ систематическихъ спариваній и послѣ тщательнаго избранія самыхъ характерныхъ субъектовъ, такая птица, на которую смѣшно смотрѣть и для которой надо выдумать особенное названіе columba gutturasa, а по англійски pouter.

Такія особенности, которыми отличаются многія породы голубей и которыя не доставляютъ никакой пользы ни человѣку, ни самому животному, дѣйствительно могли развиться только тѣмъ путемъ, который показанъ въ предыдущихъ строкахъ. Только прихоть любителей произвела эти особенности, и только та-же самая прихоть поддерживаетъ ихъ. Можно сказать навѣрное, что каждая очень эксцентричная порода голубей очень немногочисленна сравнительно съ какой-нибудь простой породой; люди, держащіе голубей для стола, не станутъ выбирать нарочно голубей съ стоячими хвостами или съ якобинскими капюшонами, а если имъ попадутся такіе голуби, то никто не станетъ заботиться о сохраненіи этихъ характеристическихъ признаковъ; птицы будутъ совокупляться по собственному благоусмотрѣнію; вся генеалогія перепутается, и черезъ нѣсколько поколѣній стоячіе хвосты и капюшоны совершенно пропадутъ, потому что эти эксцентрическія особенности очень непрочны. Гораздо прочнѣе тѣ особенности въ складѣ животныхъ, которыя приносятъ человѣку дѣйствительную пользу, и прочнѣе онѣ именно потому, что объ ихъ поддержаніи и совершенствованіи заботятся сознательно или невольно всѣ люди, и не двѣ, три дюжины прихотливыхъ знатоковъ любителей. Наконецъ всего прочнѣе тѣ особенности, которыя полезны самому животному; эти особенности поддерживаются и развиваются постояннымъ вліяніемъ всей природы, неудержимымъ дѣйствіемъ той общей и роковой силы вещей, которая всегда и вездѣ оказывается неизмѣримо сильнѣе всякихъ человѣческихъ сознательностей.

Но объ этихъ послѣднихъ особенностяхъ и объ этой силѣ вещей у насъ будетъ рѣчь впереди,— тогда, когда мы отъ домашнихъ животныхъ перейдемъ къ дикимъ, то-есть изъ скотнаго двора выйдемъ въ лѣсъ, въ степь, въ море, въ различныя части свѣта и въ глубину геологическаго прошедшаго. Покуда потолкуемъ о скотномъ дворѣ и объ огородѣ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ скромныхъ областяхъ сельскаго хозяйства мы найдемъ чрезвычайно много поучительнаго и интереснаго. Дарвинъ не даромъ началъ свою книгу съ домашнихъ животныхъ; ему было необходимо разсмотрѣть и изучить сначала дѣйствіе законовъ природы въ малыхъ размѣрахъ, въ

упрощенныхъ формахъ и въ ограниченныхъ сферахъ. Превращенія домашнихъ породъ относятся къ превращеніямъ дикихъ породъ, какъ искры электрической машины относятся къ ударамъ настоящаго грома. Изучать различныя свойства электричества гораздо удобнѣе въ физическомъ кабинетѣ, чѣмъ подъ открытымъ небомъ, во-первыхъ потому, что не мокнешь подъ дождемъ, а во-вторыхъ потому, что не рискуешь подвергнуться участи профессора Рихмана, который, какъ извѣстно, былъ убитъ громомъ въ прошломъ столѣтіи во время своихъ наблюденій надъ атмосфернымъ электричествомъ. Такъ точно и въ дѣлѣ Дарвина. Тутъ даже нѣтъ никакой возможности дѣлать прямыя наблюденія надъ дикими породами. Надо имѣть постоянно передъ глазами изучаемую породу, надо слѣдить за ея видоизмѣненіями втеченіи нѣсколькихъ и даже многихъ поколѣній; а какъ только вы поставите дикое животное въ такое положеніе, въ которомъ можете постоянно слѣдить за нимъ, такъ оно очевидно перестанетъ быть дикимъ и сдѣлается или плѣннымъ животнымъ, или ручнымъ. Левъ въ клѣткѣ — что-жъ это за левъ? И какіе-же общіе выводы можно основать на такихъ наблюденіяхъ, при которыхъ наблюдаемый предметъ насильственно вырванъ изъ своей естественной сферы и поставленъ въ совершенно ненормальное положеніе? Да еслибы даже вы и захотѣли дѣлать тутъ какіе-нибудь выводы, такъ и дѣлать-то ихъ не изъ чего, потому что запасъ фактовъ будетъ очень скуденъ. Поэтому, если натуралистъ хочетъ изучать вопросъ о типахъ, о разновидностяхъ, о законахъ наслѣдственности, о возможныхъ размѣрахъ индивидуальнаго разнообразія, то онъ долженъ съ полнымъ смиреніемъ обратиться къ тому богатому запасу практическаго опыта, который собранъ у скотоводовъ, у заводчиковъ, у садовниковъ, у огородниковъ и у разныхъ другихъ скромныхъ двигателей матеріальнаго благосостоянія. У этихъ людей нѣтъ обобщающаго взгляда, но сырыхъ фактовъ пропасть, и умѣнье ихъ обращаться съ живымъ матеріаломъ доходитъ до изумительнаго совершенства, конечно только въ тѣхъ странахъ, гдѣ сельское населеніе не задавлено бѣдностью и гдѣ различныя отрасли сельскаго хозяйства не ведутся на авось. Въ Англіи и въ Германіи есть знаменитые скотоводы, которые втеченіи одной человѣческой жизни, произвели очень обширныя измѣненія въ нѣкоторыхъ породахъ быковъ и барановъ. «Можно подумать,—говоритъ лордъ Сомервиль,— что они нарисовали идеальную форму и потомъ дали ей жизнь». Они дѣйствительно смотрятъ на животное, какъ на кусокъ глины, изъ которой, при нѣкоторомъ умѣньи, можно вылѣпить самую красивую, самую полезную или самую уродливую статую. И этотъ взглядъ основанъ цѣликомъ на практическомъ опытѣ, потому что, какъ только эти господа пускаются въ теоріи, такъ они становятся чрезвычайно робкими. Они сами измѣняютъ фигуру своихъ животныхъ, но въ то-же время они рѣшительно отказываются вѣрить, что напримѣръ короткорогіе быки произошли отъ длиннорогихъ. Они видятъ и понимаютъ только то, что сами дѣлаютъ; поэтому когда эти невѣрующіе практики говорятъ о превращеніяхъ, то имъ уже можно вѣрить безусловно. Одинъ изъ этихъ практиковъ, Джонъ Себрайтъ, говоритъ, что онъ въ три года берется создать для голубя какой угодно цвѣтъ перьевъ; а въ шесть лѣтъ онъ можетъ переработать голову и клювъ. Вся хитрость состоитъ тутъ въ томъ, чтобы умѣть выбрать самца и самку и чтобы повторять эту операцію съ одинаковымъ искусствомъ для второго, для третьяго поколѣнія, и такъ далѣе.

Этотъ принципъ систематическаго выбора произвелъ и до сихъ поръ производитъ всѣ превращенія нашихъ домашнихъ животныхъ и хозяйственныхъ растеній. Но выбирать вовсе не такъ легко, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Вѣдь тутъ дѣло не въ томъ, чтобы распознать и отдѣлить одну отъ другой, двѣ явственно обозначенныя породы; и не въ томъ, чтобы отстранить отъ завода уродливыхъ субъектовъ; это только самая простая и чисто отрицательная часть задачи, и Дарвинъ, не имѣющій понятія о тайнахъ нашего русскаго скотоводства, утверждаетъ, даже съ полнымъ убѣжденіемъ, что не существуетъ такихъ безалаберныхъ людей, которые позволили-бы размножаться самымъ плохимъ экземплярамъ своего стада. Но положительная сторона дѣла оказывается несравненно болѣе трудной. Глазъ скотовода долженъ подмѣтить каждую зарождающуюся особенность, чтобы уничтожить ее въ самомъ началѣ, если она можетъ сдѣлаться вредной, или чтобы развить и воспитать ее въ будущихъ поколѣніяхъ, если она можетъ принести пользу. Въ Саксоніи, гдѣ процвѣтаетъ тонкорунное овцеводство, умѣнье изучать и разсматривать барановъ превратилось въ науку и въ искусство. Есть тамъ такіе спеціалисты по части барановѣдѣнія, которыхъ владѣльцы стадъ приглашаютъ на консультаціи и которымъ платятъ за совѣты очень порядочныя деньги. Три раза въ годъ каждаго барана ставятъ на столъ, барановѣдъ изучаетъ его во всѣхъ подробностяхъ, какъ картину, отмѣчаетъ и записываетъ его въ особенную категорію, и затѣмъ только самые безукоризненные бараны признаются достойными наслаждаться счастьемъ взаимной любви. Несмотря на всѣ эти хлопоты и издержки, хозяинъ остается въ большомъ барышѣ, потому что бараны дѣйствительно воплощаютъ въ себѣ идеалъ бараньяго совершенства, а всякое совершенство, при умѣньи имъ пользоваться, даетъ значительный доходъ. Но не всякій желающій можетъ сдѣлаться барановѣдомъ или быковѣдомъ; Дарвинъ всѣми силами старался разсмотрѣть

такія особенности, о которыхъ разсуждали и спорили спеціалисты, и ничего не могъ увидать. «Врядъ-ли, — говоритъ онъ, — одинъ человѣкъ изъ тысячи обладаетъ той вѣрностью глаза и сужденія, которыя необходимы для того, чтобы сдѣлаться искуснымъ скотоводомъ». «Немногіе люди повѣрятъ, — говоритъ онъ далѣе, — сколько требуется природныхъ способностей и опытности для того, чтобы сдѣлаться искуснымъ любителемъ голубей». Впрочемъ, повѣрить этому вовсе не трудно; индивидуальныя особенности обыкновенно бываютъ едва замѣтны, а только постоянное накопленіе этихъ незамѣтныхъ особенностей въ извѣстномъ направленіи можетъ современемъ повести къ замѣтному совершенствованію породы, или къ образованію новой разновидности. Если вы побываете въ хорошемъ цвѣтникѣ, въ хорошемъ огородѣ, и въ хорошемъ фруктовомъ саду, то вы непремѣнно замѣтите очень любопытное явленіе; въ цвѣтникѣ вы увидите положимъ множество различныхъ георгинъ; разнообразіе будетъ заключаться въ цвѣтахъ, между тѣмъ какъ стебель и листья этихъ растеній будутъ очень похожи другъ на друга; въ огородѣ вы увидите много сортовъ капусты; здѣсь листья будутъ разнообразны, а цвѣты почти одинаковы; въ фруктовомъ саду вы увидите всевозможные виды крыжовника; на одномъ кустѣ будутъ крупныя ягоды, на другомъ мелкія, на третьемъ зеленыя, на четвертомъ желтыя, на пятомъ — красныя, здѣсь — мохнатыя, тамъ — гладкія, здѣсь — продолговатыя, тамъ — круглыя; но посмотрите на самые кусты, на листья, на цвѣты, и вы едва отличите одинъ сортъ отъ другого. Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ, разнообразіе, какъ видите, проявляется именно въ тѣхъ частяхъ растенія, на которыя обращено вниманіе человѣка. Понятно почему. Занимаясь георгинами, садовникъ выбираетъ сѣмяна тѣхъ растеній, которыя даютъ особенно яркіе и красивые цвѣты; если какая нибудь новая форма проявится въ цвѣтахъ этихъ растеній, то садовникъ замѣтитъ и воспитаетъ ее; если же эта новая форма обнаружится въ стеблѣ или въ листьяхъ, то на нее даже никто и не посмотритъ. Цвѣты георгины измѣняются такимъ образомъ подъ вліяніемъ человѣка, а стебли и листья измѣняются уже только вслѣдъ за цвѣтами по соотношенію въ развитіи, и эти второстепенныя измѣненія бываютъ обыкновенно незначительны. Въ капустѣ и въ крыжовникѣ дѣло устраивается точно также, съ той только разницей, что вниманіе человѣка обращается тутъ, въ первомъ случаѣ, на листья, а во второмъ, — на ягоды. То же самое явленіе можно замѣтить и въ тѣхъ измѣненіяхъ, которыя человѣкъ производитъ надъ животными. Что онъ измѣняетъ, напримѣръ, въ баранѣ? Ростъ, фигуру тѣла, рога, шерсть, величину ногъ — вообще то, что бросается въ глаза, или что можно, по крайней мѣрѣ, разсмотрѣть. Никому въ голову не приходило измѣнить желудокъ или печень барана да и никому бы не удалось сдѣлать такую штуку, потому что, въ большей части случаевъ, нѣтъ возможности подмѣтить у живаго существа, въ устройствѣ внутренняго органа, такую индивидуальную особенность, которую можно было бы развить посредствомъ систематическаго выбора Но, когда устройство внутренняго органа проявляется въ какомъ нибудь внѣшнемъ признакѣ, тогда человѣкъ можетъ измѣнить и внутренній органъ. Напримѣръ, величина зоба выразилась у голубя въ привычкѣ раздувать эту часть тѣла; человѣкъ замѣтилъ и развилъ какъ зобъ, такъ и привычку. У свиней особое устройство пищеварительнаго канала или особыя химическія свойства крови выражаются внѣшнимъ образомъ въ черномъ цвѣтѣ; обитатель Флориды замѣтилъ это обстоятельство, и, выбирая постоянно черныхъ свиней, упрочилъ за своими свиньями тѣ особенности, которыя позволяютъ имъ ѣсть корень lachnanthes, не расплачиваясь за это удовольствіе своими копытами. Наконецъ, коннозаводство, выбирая постоянно для своихъ заводовъ самыхъ быстрыхъ скакуновъ, несомнѣнно упрочиваетъ за своими лошадьми, кромѣ крѣпости ногъ, особое устройство легкихъ, потому что простая лошадь задохнется отъ того быстраго движенія, которое безъ малѣйшаго труда вынесетъ англійскій рысакъ. Такимъ образомъ человѣкъ, посредствомъ цѣлесообразнаго выбора производителей, можетъ измѣнить всю организацію животныхъ и растеній; но обыкновенно, онъ измѣняетъ только внѣшніе органы, или какую нибудь отдѣльную группу органовъ, а внутренніе или вообще другіе органы, не интересующіе человѣка, измѣняются уже помимо его воли, въ менѣе значительныхъ размѣрахъ, по неизслѣдованнымъ законамъ соотношенія въ развитіи.

V.

Невольное вліяніе человѣка.

Не прошло еще ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ скотоводы стали обращать серьезное вниманіе на улучшеніе породъ посредствомъ систематическаго выбора производителей. До сихъ поръ скотоводство обращено въ науку и въ искусство только въ немногихъ странахъ Европы; гдѣ существуетъ національное скотоводство, тамъ оно съ изумительной быстротой доставило уже блистательные результаты, но результаты эти не могутъ имѣть обширнаго значенія по той простой причинѣ, что всякое раціональное занятіе еще надолго будетъ оставаться доступнымъ только для самаго незначительнаго меньшинства нашей великой и прославленной породы. Большинство людей, вслѣдствіе печальной необходимости, живетъ и дѣйствуетъ ощупью, по силѣ

инерціи, безъ всякаго плана жизни и безъ всякой цѣли. Какъ оно живетъ вообще, такъ точно оно дѣйствуетъ и на тотъ міръ животныхъ и растеній, отъ котораго оно зависитъ съ своемъ пропитаніи. Вліяніе этого безсознательнаго большинства обнаруживается медленно, неясно и безтолково, но зато кругъ дѣйствій этого большинства чрезвычайно обширенъ. Во-первыхъ, большинство есть все-таки стихійная сила, и въ сравненіи съ нею всякіе индивидуальные труды оказываются крошечными песчинками; во-вторыхъ, это большинство дѣйствуетъ не какихъ нибудь восемьдесятъ лѣтъ, какъ просвѣщенные скотоводы, а нѣсколько десятковъ тысячелѣтій. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что большинство, или человѣчество вообще, съ начала своего существованія невольно и безсознательно произвело въ животныхъ и въ растеніяхъ множество чрезвычайно важныхъ и обширныхъ измѣненій. Всякій разъ, какъ только человѣкъ имѣлъ возможность выбрать изъ нѣсколькихъ предметовъ одинъ, онъ выбиралъ непремѣнно тотъ, который доставлялъ ему больше пользы или удовольствія. Если онъ напримѣръ могъ прокормить только одну собаку, то онъ конечно пришибалъ не ту, которая отличалась особенной вѣрностью и смышленостью. Если у него была одна кобыла, то онъ, разумѣется, не отыскивалъ для нея нарочно самаго уродливаго и дряхлаго жеребца. Когда арабы, застигнутые голодомъ въ пустынѣ, бываютъ принуждены зарѣзать и съѣсть верблюда, то они никакъ не распорядятся такимъ образомъ съ самымъ лучшимъ и съ самымъ крѣпкимъ верблюдомъ. Дикіе обитатели Огненной Земли такъ дорожатъ своими собаками, что во время голодныхъ мѣсяцевъ или годовъ, которые для всякихъ дикарей вообще повторяются очень часто, — они убиваютъ и съѣдаютъ своихъ старухъ, а собакъ не трогаютъ, потому, говорятъ они, что собака полезнѣе. Когда людямъ, не питающимся въ обыкновенное время человѣческимъ мясомъ, приходится поѣдать своихъ близкихъ родственницъ, тогда, разумѣется, бываетъ уже съѣдено все, что только можно было съѣсть. Собаку можно съѣсть, а если ея не съѣсть, то ее надо кормить, а это очень мудрено сдѣлать въ такое время, когда люди ѣдятъ другъ друга, и все-таки умираютъ съ голоду. Понятно, что послѣ такой передряги уцѣлѣютъ только тѣ собаки, которыя, во-первыхъ, особенно драгоцѣнны для своихъ владѣльцевъ какими нибудь отмѣнными достоинствами и, во-вторыхъ, умѣютъ переносить голодъ лучше другихъ. Выборъ будетъ сдѣланъ такимъ образомъ не по раціональной методѣ, но зато чрезвычайно строго.

И въ древности, и во время среднихъ вѣковъ люди голодали очень часто, нисколько не хуже теперешнихъ обитателей Огненной Земли или Гренландіи. А что въ доисторическія времена такія голодныя полосы находили на людей еще гораздо чаще и поражали ихъ гораздо сильнѣе, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; чѣмъ дальше въ прошедшее, тѣмъ мрачнѣе становится картина человѣческаго существованія или прозябанія. Голодъ обрушивался и на людей, и на домашнихъ животныхъ; животныя травоядныя могли-бы прокормиться сами, но ихъ съѣдали голодные люди, и конечно оставалось въ живыхъ только то, что было всего крѣпче, всего лучше и всего необходимѣе. Эти періодическія посѣщенія голода сдѣлались гораздо рѣже или совершенно прекратились только тогда, когда люди, размножавшись, стали вести образъ жизни вполнѣ приличный осѣдлому и земледѣльческому племени. Тутъ уже «табуны его коней» не могли пастись «вольны, нехранимы», потому что это возможно только тогда, когда «его луга необозримы», а необозримость луговъ существуетъ тогда, когда народъ находится въ переходномъ состояніи отъ кочевой жизни къ осѣдлой. Когда же кони и всякій другой скотъ стали обитать въ покрытыхъ строеніяхъ, тогда вмѣсто вліянія періодическаго голода домашнія животныя стали испытывать на себѣ видоизмѣняющее дѣйствіе хозяйственныхъ распоряженій. Всякій крестьянинъ, вовсе не разсчитывая усовершенствовать породу и вовсе не зная, что такія усовершенствованія возможны, старался по крайней мѣрѣ, чтобы его корова или кобыла не производила на свѣтъ уродовъ. Для этого онъ напримѣръ держалъ молодыхъ самцовъ отдѣльно отъ молодыхъ самокъ. Если представлялась возможность случить корову съ хорошимъ быкомъ, или кобылу съ хорошимъ жеребцомъ, то крестьянинъ, разумѣется, пользовался этой возможностью, потому что важное значеніе хорошей породы понятно самымъ необразованнымъ людямъ и было имъ извѣстно съ незапамятныхъ временъ. Они не умѣли ни произвести, ни даже поддержать въ полной чистотѣ хорошую породу, но все-таки, по мѣрѣ своихъ силъ и своей сообразительности, они старались сдѣлать получше, а не похуже. То, что было очевидно дурно,—отбрасывалось въ сторону; то, что было очевидно хорошо,—сохранялось; и такъ какъ въ этомъ направленіи дѣйствовали не десятки людей, а милліоны, то и результаты получились очень значительные, хотя въ большей части случаевъ никакое научное изслѣдованіе не можетъ показать намъ, каковы были первобытныя формы домашнихъ животныхъ, и чрезъ какія постепенныя видоизмѣненія они должны были пройти, прежде чѣмъ достигли своего теперешняго положенія.

Исторія разныхъ животныхъ и хозяйственныхъ растеній не сохранилась и не могла сохраниться по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, начало земледѣлія и скотоводства относится къ такому далекому прошедшему, о которомъ говорятъ не лѣтописи и даже не преданія, а только кое-какіе,

самые скудные геологическіе остатки; жили люди, были у нихъ прирученныя животныя, остались отъ тѣхъ и другихъ кое-какія кости,—вотъ и все, что можно узнать о доисторическихъ тысячелѣтіяхъ, да и эти небогатыя свѣдѣнія мы стали пріобрѣтать только въ самое новѣйшее время. Стало быть, возстановить типъ домашнихъ животныхъ и растеній, какъ они были въ минуту перваго своего соприкосновенія съ человѣкомъ, и потомъ сравнить этотъ типъ съ тѣми формами, которыя живутъ теперь подъ нашей властью,—это такая работа, которую изслѣдователи наши по всей вѣроятности никогда не будутъ въ состояніи выполнить.

Не зная исходной точки, мы точно также не знаемъ и тѣхъ переходныхъ ступеней, через которыя прошли наши животныя и растенія. Теперь, когда на этотъ предметъ обращено вниманіе мыслящихъ людей, теперь, когда существуютъ выставки сельско-хозяйственныхъ произведеній, когда о скотѣ, объ огородахъ и о поляхъ пишутся научныя сочиненія съ самыми отчетливыми рисунками, чертежами и таблицами, теперь, разумѣется, можно замѣтить всякую перемѣну въ быкахъ, въ баранахъ, въ капустѣ, въ пшеницѣ, въ георгинахъ или въ крыжовникѣ. Но въ былое время, въ то время, которое собственно для насъ не составляетъ даже прошедшаго,—никто не обращалъ вниманія на эти перемѣны, никому не приходило въ голову рисовать портретъ съ капусты или измѣрять быка вдоль и поперекъ. Теперь въ образованныхъ государствахъ измѣненія органическихъ формъ рѣзче бросаются въ глаза, потому что, благодаря трудамъ дѣльныхъ спеціалистовъ, они совершаются очень быстро, то есть втеченіи нѣсколькихъ десятилѣтій, на глазахъ одного поколѣнія. Въ былое время они совершались чрезвычайно медленно, и людямъ было такъ же невозможно замѣтить эти измѣненія, какъ невозможно напримѣръ замѣтить глазами движеніе часовой стрѣлки. О движеніи часовой стрѣлки человѣкъ, незнающій внутренняго устройства часовъ, заключаетъ потому, что помнитъ, на какомъ мѣстѣ она стояла нѣсколько времени тому назадъ, и видитъ, гдѣ она очутилась въ данную минуту. Въ вопросѣ объ органическихъ формахъ мы обыкновенно не знаемъ, гдѣ стояла стрѣлка лѣтъ пятьсотъ или семьсотъ тому назадъ; но въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ у насъ есть указанія на прошедшее положеніе стрѣлки, мы постоянно видимъ, что она съ тѣхъ поръ подвинулась впередъ. Напримѣръ, англійская лягавая собака привезена въ Англію изъ Испаніи; между тѣмъ въ Испаніи новѣйшіе путешественники ни разу не видали ни одной собаки, похожей на теперешнюю англійскую; испанскія лягавыя собаки хуже теперешнихъ англійскихъ, и послѣднія были усовершенствованы тѣмъ, что каждый охотникъ старался пріобрѣсти себѣ собаку какъ можно получше, хотя ни одинъ охотникъ не заботился положительно о томъ, чтобы реформировать всю породу. Англійскія лошади происходятъ отъ арабскихъ, но онѣ теперь настолько лучше послѣднихъ, что на нѣкоторыхъ скачкахъ существуютъ постоянныя правила, по которымъ арабскіе скакуны во время состязаній должны нести на себѣ меньше тяжести, чѣмъ англійскіе. По описаніямъ Плинія можно заключить, что груши у древнихъ римлянъ были очень дурного качества, а между тѣмъ вѣдь никто-же не рѣшится предположить, что лучшіе сорта нашихъ теперешнихъ грушъ найдены готовыми гдѣ-нибудь въ лѣсу во время среднихъ вѣковъ. Въ лѣсу, разумѣется, находились всегда только такія яблоки и груши, которыя мы и теперь называемъ дикими и которыми никто не пожелаетъ лакомиться. Теперешнія груши произошли прямымъ путемъ отъ дрянныхъ грушъ временъ Плинія и усовершенствовались постепенно вліяніемъ тщательной обработки; а главнымъ средствомъ улучшенія былъ выборъ сѣмянъ; всякій садовникъ, какъ-бы онъ ни былъ неразвитъ, все-таки старается посѣять самыя крупныя, самыя зрѣлыя сѣмена, происходящія изъ тѣхъ плодовъ, которые отличались особенной сочностью и особенно хорошимъ вкусомъ. Даже гоголевскій Иванъ Никифоровичъ, и тотъ навѣрное собиралъ въ бумажку сѣмена тѣхъ только дынь, которыя ему нравились. А если такимъ образомъ втеченіе другихъ столѣтій постоянно накопляются только самыя легкія и незамѣтныя индивидуальныя особенности, то въ общемъ итогѣ непремѣнно получаются наконецъ новыя породы и цѣлые новые виды. Пока эти разновидности, породы и виды вырабатываются, ихъ никто не замѣчаетъ; когда-же они окончательно готовы и когда нельзя ихъ не замѣтить, тогда никто не знаетъ, откуда они взялись и какъ они сформировались. Отсюда и возникаетъ мнѣніе, что они, дескать, всегда существовали. Если человѣкъ чего-нибудь не знаетъ, то онъ въ одну минуту или выдумаетъ что-нибудь, или увѣритъ себя, что тутъ и знать нечего. Не знаетъ происхожденія породы, значитъ и не было никакого происхожденія: всегда была порода съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ; не знаетъ развитія породы, значитъ и нѣтъ никакого развитія: всѣ породы неизмѣнны и неподвижны. А живая-то жизнь сейчасъ тутъ-же и прихлопнетъ человѣка и уличитъ его въ безтолковомъ и самонадѣянномъ враньѣ неопровержимыми фактами. Окажется напримѣръ, что породы чрезвычайно подвижны, и что онѣ часто измѣняются передъ самыми глазами человѣка, помимо и даже вопреки его воли. Жили-были два англичанина, Берджесъ и Беклей; завели они себѣ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ по стаду лейстерскихъ барановъ съ бекуэлевскаго завода; заводъ этотъ знаменитый, и оба англичанина старались только о томъ, чтобы сохранить въ

чистотѣ породу своихъ стадъ и всѣ ихъ превосходныя качества. Бараны какъ были отличные, такъ и остались отличными. Но какъ ни строги были консервативныя тенденціи господъ Берджеса и Беклея, однако въ результатѣ все-таки получился прогрессъ, а если не прогрессъ, такъ во всякомъ случаѣ перемѣна. У Берджеса—одни бараны, а у Беклея—другіе, точно двѣ разныя породы, и обѣ породы отличаются отъ чистыхъ бекуэлевскихъ барановъ. И жили оба стада въ одномъ климатѣ, и мѣстоположеніе одинаковое, и пища та-же самая, и хозяева оба консерваторы, а все-таки такой грѣхъ случился. Чѣмъ-же это объяснить? Все-таки выборомъ производителей. Берджесъ и Беклей хотѣли придти къ одной цѣли, или, вѣрнѣе, оба хотѣли стоять на одномъ мѣстѣ, но такъ какъ одинъ человѣческій взглядъ никогда не сходился вполнѣ съ другимъ, то и наши англичане навѣрное чуть-чуть, но расходились между собой въ манерѣ прикладывать общую методу къ дѣлу. Берджесъ обращалъ напримѣръ немножко больше вниманія на одну сторону бараньяго идеала, а Беклей на другую. И изъ этого «немножко», и изъ этого «чуть - чуть» втеченіи пятидесяти лѣтъ, при полномъ сходствѣ важнѣйшихъ условій жизни, выработалась очень замѣтная разница въ результатахъ.

Послѣ этого надо быть очень яростнымъ классификаторомъ и очень непреклоннымъ обожателемъ неуловимаго понятія ovis aries, чтобы отрицать измѣняемость органическихъ формъ и чтобы не видѣть въ каждомъ измѣненіи исключительное дѣйствіе человѣческаго искусства. Если человѣкъ не хочетъ измѣнять, а между тѣмъ все-таки измѣняетъ, то очевидно, что его самого увлекаетъ непобѣдимая и роковая сила вещей. А эта сила вездѣ одна и та-же; она дѣйствуетъ и на скотномъ дворѣ англійскаго сквайра, и въ дѣвственномъ лѣсу тропической Америки, и въ развалившейся клѣтушкѣ русскаго мужика, и въ холодной глубинѣ полярнаго океана. Законъ тяготѣнія управляетъ движеніемъ тѣхъ частицъ жира, которыя поднимаются на поверхность вашего супа, и тотъ-же законъ господствуетъ надъ тѣми тысячами міровъ, которые представляются нашимъ сильнѣйшимъ телескопамъ въ видѣ неясныхъ туманныхъ пятенъ. А законъ тяготѣнія отличается отъ тѣхъ законовъ, по которымъ совершается развитіе органической жизни, только тѣмъ, что послѣдніе гораздо сложнѣе перваго и гораздо менѣе изслѣдованы. Но всѣ законы природы, простые и сложные, изслѣдованные и неизслѣдованные, физическіе и психологическіе, одинаково непоколебимы, одинаково обширны и одинаково не терпятъ исключеній, потому что всѣ они одинаково вытекаютъ изъ необходимыхъ и вѣчныхъ свойствъ безпредѣльнаго мірового вещества.

VI.

Борьба за жизнь.

Каждое растеніе производитъ втеченіи своей жизни нѣсколько зеренъ; каждая самка, къ какому-бы классу животнаго царства она ни принадлежала, производитъ, при нормальныхъ условіяхъ, нѣсколько яицъ или нѣсколько живыхъ дѣтенышей. Каждая порода органическихъ существъ стремится такимъ образомъ размножаться по геометрической прогрессіи, которая возростаетъ болѣе или менѣе быстро, смотря по тому, много или мало птенцовъ рождаетъ самка. Если мы возьмемъ ту геометрическую прогрессію, которая возростаетъ въ такомъ видѣ: 1, 2, 4, 8, 16, 32..., то и тутъ получатся изумительные результаты. Линней предположилъ, что какое-нибудь однолѣтнее растеніе даетъ втеченіи своей годовой жизни только два зерна, и что эти два зерна на будущій годъ взойдутъ благотворно, и въ свою очередь принесутъ по два зерна; продолжая этотъ разсчетъ съ тѣми же предположеніями, онъ нашелъ, что на двадцать-первый годъ получится больше милліона растеній. Но такихъ растеній, которыя приносили бы въ годъ по два зерна, не существуетъ; всѣ приносятъ больше; а у нѣкоторыхъ органическихъ существъ быстрота размноженія доходитъ до чудовищныхъ размѣровъ. Самка налима кладетъ въ годъ до 130 тысячъ яичекъ; самка окуня—до 300,000; треска—до 4 милліоновъ; если приложить разсчетъ Линнея къ трескѣ, то есть, если предположить, что каждое изъ 4 милліоновъ яичекъ благополучно разовьется и произведетъ также 4 милліона яичекъ, и если продолжать этотъ разсчетъ до двадцать-перваго поколѣнія, то, разумѣется, получится такой рядъ цифръ и нулей, котораго никто не съумѣетъ произнести, а треска такъ сопрется въ морѣ, что ей негдѣ будетъ повернуться и уже во всякомъ случаѣ нечѣмъ будетъ питаться. Но такое несчастье возможно только въ теоретическомъ разсчетѣ; въ природѣ оно невозможно, именно потому, что всѣ органическія формы размножаются не по геометрической прогрессіи; всѣ онѣ производятъ столько дѣтей, яицъ или сѣмянъ, что еслибы всѣ дѣти, яица и сѣмена, произведенныя только втеченіи одного года, достигли полнаго своего развитія, то всѣ эти ровесники не могли-бы умѣститься на всей поверхности земного шара. Но это предположеніе опять-таки не только неосуществимо въ дѣйствительности, а даже немыслимо въ теоріи, то есть, оно заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Если вы предположите, что всѣ сѣмена растеній достигнутъ полнаго своего развитія, то вы осудите на вѣрную смерть весь животный міръ безъ исключенія, потому что нѣтъ ни одного животнаго, которое питалось-бы неорганическими веществами. Если вы захотите,

чтобы группа травоядныхъ животныхъ развилась совершенно безпрепятственно, то вы до нѣкоторой степени обидите растительный міръ и совершенно погубите плотоядныхъ.

Словомъ, органическая жизнь немыслима безъ постояннаго и ежеминутнаго истребленія живыхъ существъ; органическая жизнь есть вѣчная борьба между живыми существами, и каждая органическая форма стѣсняется въ своемъ размноженіи всѣми остальными формами. Борьба эта не можетъ прекратиться ни на одно мгновеніе, потому что каждый шагъ въ жизни есть актъ борьбы. Бороться приходится за все: за пищу, за пространство, за горсть земли, за глотокъ воздуха, за частицу воды, за лучъ свѣта, за неприкосновенность собственнаго тѣла, короче сказать,—за жизнь, въ самомъ обширномъ и всеобъемлющемъ смыслѣ этого страшнаго слова. Кто оплошалъ въ этой борьбѣ, тотъ погибъ, того тотчасъ отдаютъ въ ломъ, какъ серьги или булавку стараго фасона; онъ умираетъ и его немедленно самымъ веселымъ и добродушнѣйшимъ образомъ поѣдаютъ другія растенія и животныя; то растеніе или животное, которому удалось оторвать себѣ кусокъ мертваго тѣла, одержало побѣду надъ тѣми, кому это не удалось; кто часто одерживаетъ такія побѣды, тотъ усиливается и получаетъ возможность еще съ бо́льшимъ успѣхомъ одолѣвать своихъ конкурентовъ; кто часто терпитъ такія пораженія, тотъ, напротивъ того, слабѣетъ, умираетъ и своей смертью открываетъ поле для новыхъ схватокъ, которыя кончаются новыми побѣдами однихъ и новыми пораженіями другихъ. Если напримѣръ ястребъ поймалъ и задушилъ голубя, то онъ одержалъ побѣду не только надъ голубемъ, но и надъ другими ястребами. Какъ ни могучъ полетъ ястреба и какъ ни многочисленны тѣ птицы, которыя могутъ служить ему добычей, однако число этихъ послѣднихъ не можетъ считаться неограниченнымъ на томъ пространствѣ земли, которое ястребъ можетъ облетѣть, не отдыхая. Стало быть, всякій голубь, съѣденный однимъ ястребомъ, есть кусокъ пищи, отнятый имъ у другихъ хищныхъ птицъ. Слѣдовательно, между этими птицами происходитъ постоянная борьба даже тогда, когда у нихъ и не доходитъ дѣло до открытой драки. Если люди ищутъ грибовъ въ одномъ лѣсу, то они очевидно борятся между собою, хотя и не наносятъ другъ другу ударовъ. Если растеніе производитъ въ годъ сотню зеренъ, изъ которыхъ среднимъ числомъ только одно успѣваетъ пустить корень, то, разумѣется это растеніе борется со всѣми своими сосѣдями за кусокъ земли и за необходимую порцію воздуха и солнечнаго свѣта. Или оно должно задушить кого-нибудь изъ сосѣдей, или сосѣди его задушатъ. Середины нѣтъ и нейтралитетъ невозможенъ. На дубѣ, на яблонѣ и на нѣкоторыхъ другихъ деревьяхъ растетъ чужеядное растеніе viscum aucuparium; оно борется за жизнь, какъ съ другими подобными себѣ растеніями, такъ и съ тѣми деревьями, изъ которыхъ оно тянетъ питательные соки; если этихъ растеній на одномъ деревѣ разведется слишкомъ много, то дерево зачахнетъ и умретъ, а вслѣдъ за нимъ умрутъ и его паразиты. Птицы клюютъ ягоды этого растенія и потомъ разсѣваютъ его сѣмена въ своихъ испражненіяхъ; для viscum выгодно, чтобы птицы клевали его плоды; для другихъ растеній того-же вида или другихъ видовъ и родовъ—это также выгодно, по тѣмъ-же самымъ причинамъ; стало быть, и здѣсь завязывается борьба въ самой своеобразной формѣ; одна ягода говоритъ птицѣ: «съѣшь меня!» и другая тоже проситъ: «пожалуйста, съѣшь меня!» Очевидно, побѣда остается за тѣмъ сортомъ ягодъ и за тѣми отдѣльными ягодами каждаго сорта, которыя оказываются самыми вкусными для приглашаемой птицы. Результатъ борьбы здѣсь, какъ и вездѣ, выразится въ томъ, что число побѣдителей увеличится, а число побѣжденныхъ уменьшится.

Жить на бѣломъ свѣтѣ значитъ постоянно бороться и постоянно побѣждать; растеніе борется съ растеніемъ, травоядное животное борется съ растеніемъ и съ травоядными, плотоядное—съ травояднымъ и съ плотояднымъ, крупныя животныя—съ мелкими, напримѣръ: быкъ съ какой-нибудь мухой, которая кладетъ ему свои яйца въ ноздри и разводитъ у него въ носу цѣлую губительную колонію, или человѣкъ съ крошечной американской блохой, которая поселяется вмѣстѣ съ своимъ потомствомъ подъ ногтемъ его ноги и производитъ такимъ образомъ смертельное воспаленіе, или вообще всѣ высшія животныя—съ мельчайшими паразитами, живущими въ ихъ внутренностяхъ и причиняющими очень часто опасныя болѣзни. Оттѣнки этой всемірной борьбы безконечно разнообразны; каждому недѣлимому приходится постоянно и нападать, и защищаться; и только тотъ, кто отстоялъ свое тѣло отъ гастрономическихъ покушеній разнокалиберныхъ враговъ и кто самъ поѣлъ достаточное количество другихъ враговъ, только тотъ, говорю я, можетъ оставить послѣ себя потомство, которому предстоитъ тотчасъ-же послѣ рожденія начать ту же самую истребительную борьбу.

Родиться на свѣтъ — самая простая штука, но прожить на свѣтѣ—это уже очень мудрено; огромное большинство органическихъ существъ вступаетъ въ міръ, какъ въ громадную кухню, гдѣ повара ежеминутно рубятъ, потрошатъ, варятъ и поджариваютъ другъ друга; попавши въ такое странное общество, юное существо прямо изъ утробы матери переходитъ въ какой-нибудь котелъ и поглощается однимъ изъ поваровъ; но не успѣлъ еще поваръ проглотить свой обѣдъ, какъ онъ уже самъ, съ недожеваннымъ кускомъ во рту, сидитъ въ котлѣ и обнаруживаетъ уже чисто пассивныя достоинства, свойственныя хо-

рошей котлетѣ. И идетъ эта удивительная работа день и ночь безъ малѣйшаго перерыва съ тѣхъ поръ, какъ «солнце свѣтитъ и весь міръ стоитъ». Сколько милліоновъ птицъ питается напримѣръ зернами и насѣкомыми! Каждой птицѣ надо съѣсть въ день сотни мошекъ или сѣмячекъ, и слѣдовательно каждый разъ, какъ она разѣваетъ свой клювъ, одинмъ органическимъ существомъ становится меньше.

Сила размноженія у всѣхъ органическихъ существъ очень велика, но конечный результатъ зависитъ не отъ этой силы, а отъ величины препятствій, лежащихъ на пути этого размноженія, и отъ могущества тѣхъ средствъ, которыми располагаетъ размножающаяся порода для борьбы съ этими препятствіями. Препятствія заключаются въ напорѣ другихъ органическихъ существъ, которыя также размножаются, а оборонительныя и наступательныя средства заключаются въ условіяхъ организаціи той породы, о которой идетъ рѣчь. Когда выгодное устройство этой организаціи перевѣшиваетъ препятствія, тогда порода размножается, и если перевѣсъ очень значителенъ, то и размноженіе идетъ очень быстро. Напримѣръ, въ Южной Америкѣ и въ Австраліи лошади и быки, привезенные европейцами, возвратились къ дикому состоянію и размножились съ невѣроятной быстротой. Сила размноженія не увеличилась, потому что складъ коровъ и кобылъ не измѣнился, но уменьшились препятствія, существовавшія въ Европѣ; человѣкъ уже не рѣзалъ телятъ и быковъ для своего стола и не отвлекалъ лошадей отъ дѣторожденія своими хозяйственными распоряженіями; а еще важнѣе было то обстоятельство, что въ своемъ новомъ отечествѣ эти одичавшія животныя не встрѣтили себѣ ни многочисленныхъ и опасныхъ враговъ между плотоядными звѣрями и чужеядными насѣкомыми, ни многочисленныхъ и опасныхъ конкурентовъ между туземными формами травоядныхъ. Въ обширныхъ луговыхъ равнинахъ Ла-Платы цѣлыя квадратныя мили почти исключительно покрыты однимъ видомъ репейника, завезеннаго изъ Европы, слѣдовательно попавшаго въ Америку послѣ Колумба. Въ Остъ-Индіи живутъ нѣкоторыя растенія, привезенныя изъ Америки, и эти растенія въ большомъ изобиліи распространены отъ Гималайскихъ горъ до мыса Коморина, то-есть до самой южной оконечности полуострова. Ясно, что европейскій репейникъ, завоевавшій Ла-Плату, и американское растеніе, водворившееся въ Индіи, покрыли такія обширныя пространства въ такое короткое время не потому, что они размножаются особенно быстро, а потому, что они по своей организаціи оказались сильнѣе представителей туземной флоры. Кондоръ кладетъ пару яицъ, а страусъ—штукъ двадцать, но въ нѣкоторыхъ странахъ кондоровъ больше, чѣмъ страусовъ, и тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: страусъ кладетъ свои яйца въ землю, гдѣ ихъ расхищаютъ и люди, и животныя, а кондоръ устраиваетъ свое гнѣздо на неприступныхъ скалахъ, куда никому не захочется отправляться за добычей; затѣмъ важно то обстоятельство, что у страуса нѣтъ того страшнаго оборонительнаго и наступательнаго оружія, которымъ обладаетъ кондоръ; наконецъ можно замѣтить, что страусу вредятъ его красивыя перья, изъ за которыхъ онъ терпитъ постоянныя преслѣдованія отъ неугомонныхъ людей. Буревѣстникъ кладетъ только по одному яйцу, а между тѣмъ это самая многочисленная порода птицъ. И немудрено. Это единственное яйцо кладется на скалѣ, у самаго моря; буревѣстникъ постоянно летаетъ надъ океаномъ, очень далеко отъ берега; крылья у него сильныя, питается онъ рыбою, и не полетитъ за нимъ въ открытое море никакая хищная птица, ни для того, чтобы съѣсть его самого, ни для того, чтобы отбивать у него добычу. Но конечно тѣ породы органическихъ существъ, которыя не имѣютъ возможности защитить свое потомство противъ многочисленныхъ враговъ, ограждаютъ себя отъ совершеннаго истребленія только своей непомѣрной плодовитостью, напримѣръ: рыбы большей частью бросаютъ свою икру въ воду, не принимая никакихъ предосторожностей; животныя истребляютъ ежегодно билліоны яичекъ и маленькихъ рыбокъ, только что выглянувшихъ на свѣтъ; люди ежегодно ловятъ и съѣдаютъ милліоны рыбъ всякой породы и всякаго возраста; разумѣется, всѣ рыбы давно были-бы истреблены, если-бы онѣ не размножались съ непостижимой быстротой; если изъ 4 милліоновъ яичекъ трески выведутся только 40 рыбокъ, если изъ этихъ сорока доживутъ до зрѣлаго возраста только двѣ рыбы, и если этотъ процессъ будетъ повторяться каждый годъ, то и тогда треска будетъ размножаться, потому что она живетъ гораздо больше одного года, и слѣдовательно втеченіи своей жизни самецъ и самка успѣютъ произвести себѣ на смѣну больше одной пары. Стало-быть, для того, чтобы количество трески не увеличивалось и не уменьшалось, надо можетъ-быть, чтобы изъ десятка милліоновъ яичекъ выводилась и доживала до совершеннолѣтія только одна рыба; и конечно трудно себѣ представить, чтобы изъ десяти милліоновъ случаевъ не выдалось ни одного совершенно счастливаго. Почти то-же самое мы видимъ въ нашихъ хлѣбныхъ растеніяхъ, которыя спасаются отъ совершеннаго истребленія единственно тѣмъ, что огромное количество отдѣльныхъ растеній собрано на одномъ мѣстѣ. Если-бы мы захотѣли посѣять не сотни десятинъ ржи или пшеницы, а одну грядку, то птицы небесныя съѣли-бы все до послѣдняго зерна; но такъ какъ количество хлѣбныхъ колосьевъ, созрѣвающихъ въ одномъ околоткѣ, несоразмѣрно велико въ сравненіи съ количествомъ зерноядныхъ птицъ, водящихся въ томъ-же околоткѣ, то кое-что

остается и на долю людей. Птицы наѣдаются до отвалу, жирѣютъ, портятъ еще больше хлѣба, чѣмъ сколько съѣдаютъ, и все-таки не могутъ уничтожить всего, потому что на такой подвигъ способна только саранча, да и то на очень ограниченномъ пространствѣ.

VII.

Сложныя отношенія между органическими существами.

Такъ какъ органическія существа или поѣдаютъ другъ друга, или отбиваютъ другъ у друга пищу, или борятся между собою за порцію земли, воздуха, воды и солнечнаго свѣта, то, разумѣется, они всѣ связаны между собою самыми сложными и перепутанными отношеніями. Нѣтъ и не можетъ быть ни одного органическаго существа, которое не зависѣло-бы въ своемъ существованіи отъ множества различныхъ животныхъ и растеній, и притомъ часто отъ такихъ, съ которыми оно даже не имѣетъ ни малѣйшихъ непосредственныхъ отношеній. При теперешнемъ положеніи нашихъ знаній мы ни въ одномъ отдѣльномъ случаѣ, ни для одного животнаго или растенія не можемъ указать точно и подробно на всѣ нити, связывающія его по разнымъ направленіямъ со всей цѣпью другихъ созданій. Важно и превосходно уже то, что современные натуралисты поняли сложность этихъ взаимныхъ отношеній между органическими существами; убѣдившись въ этой сложности и въ своемъ собственномъ невѣдѣніи, натуралисты поставили себя лицомъ къ лицу со своей настоящей задачей; они вглядѣлись въ ея трудности и сообразили также, что эти трудности, которыя вовсе не могутъ считаться непобѣдимыми, преодолѣваются только терпѣливымъ, внимательнымъ и совершенно непредубѣжденнымъ наблюденіемъ мельчайшихъ подробностей органической жизни. Чѣмъ больше фактическихъ наблюденій, тѣмъ ближе рѣшеніе великихъ задачъ; а для мыслящаго натуралиста поводы къ наблюденіямъ представляются на каждомъ шагу, и манера осмысливать эти наблюденія съ каждымъ годомъ становится болѣе раціональной и болѣе свободной отъ теоретическихъ предубѣжденій. Будущее разрѣшитъ множество великихъ вопросовъ, но въ настоящее время можно только сказать, что между самыми разнородными формами органическаго міра существуютъ чрезвычайно сложныя и совершенно неизслѣдованныя отношенія. Кромѣ того можно представить два, три примѣра, которые покажутъ читателю, какое множество еще неразрѣшимыхъ вопросовъ задаетъ мыслящему человѣку самый простой и обыкновенный эпизодъ изъ жизни природы.

Въ Англіи, въ одномъ помѣстьѣ графства Стаффордъ, лежитъ большой пустырь, поросшій бурьяномъ. Лѣтъ двадцать-пять тому назадъ часть этого пустыря, въ нѣсколько сотъ акровъ величиной, обнесли заборомъ и засадили шотландскими соснами. Появленіе сосенъ произвело совершенный переворотъ въ природѣ засаженнаго участка; количество бурьяна значительно убавилось, и въ молодой сосновой рощѣ поселилось двѣнадцать сортовъ растеній, не встрѣчающихся на всемъ остальномъ пространствѣ пустыря; на этихъ растеніяхъ завелись тѣ насѣкомыя, которыя живутъ на нихъ обыкновенно, а вслѣдъ за насѣкомыми появились такія насѣкомоядныя птицы, которымъ прежде не за чѣмъ было залетать въ голый пустырь. Изъ этого примѣра мы видимъ, что, во-первыхъ, растенія тѣсно связаны между собой и что, во-вторыхъ, каждое растеніе связано съ тѣми группами животныхъ, которымъ оно служитъ пищей. А такъ какъ одинъ сортъ животныхъ идетъ на пропитаніе другого сорта, то растеніе, черезъ группу травоядныхъ или зерноядныхъ, связывается также съ опредѣленной группой хищныхъ животныхъ, которыя въ свою очередь тянутъ за собой какихънибудь паразитовъ, и наконецъ, рано или поздно, эта цѣпь запутанныхъ отношеній обрывается въ рукахъ изслѣдователя, но онъ никакъ не имѣетъ права утверждать, что прослѣдилъ ее до конца, и что она дѣйствительно оборвалась въ живой природѣ. Какимъ образомъ связываются между собой отдѣльныя кольца этой огромной цѣпи, этого изслѣдователь также не знаетъ въ большей части случаевъ. Въ приведенномъ примѣрѣ мы даже не можемъ сказать положительно, что̀ именно произвело перемѣну въ растительности: сосна или заборъ. Заборъ могъ имѣть очень сильное вліяніе: онъ ограждалъ растительность отъ скота, а скотъ обыкновенно производитъ въ распредѣленіи растеній самыя значительныя перемѣны. Положимъ напримѣръ, что скотъ постоянно пасется на какой нибудь лужайкѣ, на которой растетъ двадцать сортовъ различныхъ травъ; если вы удалите скотъ, то можетъ случиться, что изъ этихъ двадцати сортовъ девять совершенно пропадутъ; скотъ, пощипывая траву, постоянно держитъ всѣ сорта ея на одномъ уровнѣ, такъ что всѣмъ достается и свѣтъ, и воздухъ; какъ только прекращаются эти уравнительныя распоряженія скота, такъ немедленно поднимаются кверху тѣ травы, которыя посильнѣе; остальнымъ становится темно и душно, и онѣ понемногу умираютъ. Но если скотъ является невольнымъ покровителемъ слабыхъ, то онъ оказывается также опаснѣйшимъ врагомъ сильныхъ растеній, которыхъ развитіе онъ обыкновенно дѣлаетъ совершенно невозможнымъ.

Въ графствѣ Сёррей тянутся на большое пространство сухіе пустыри, покрытые бурьяномъ; кое-гдѣ разбросаны по этимъ пустырямъ небольшія группы старыхъ шотландскихъ сосенъ; втеченіи послѣдняго десятилѣтія

значительная часть этихъ пустырей обнесена заборами, и всѣ обнесенныя мѣста поросли сами собой такимъ густымъ соснякомъ, что множество молодыхъ деревьевъ задохнулись въ чащѣ отъ тѣсноты и темноты. Въ это же время на открытыхъ мѣстахъ не видно было ни одного дерева, кромѣ тѣхъ вѣковыхъ соcенъ, которыя стояли кое-гдѣ отдѣльными кучками. Но Дарвинъ сталъ всматриваться внимательнѣе, и раздвигая верхушки бурьяна, замѣтилъ возлѣ самой земли множество соссенокъ, которыя были до-чиста объѣдены скотомъ; на одномъ изъ этихъ несчастныхъ деревьевъ Дарвинъ насчиталъ двадцать-шесть годовыхъ колецъ; втеченіи двадцати-шести лѣтъ эта сосенка старалась подняться выше бурьяна, и всякій разъ какое нибудь животное отгрызало ея молодой побѣгъ. Какъ только прекратились нашествія четвероногихъ распорядителей, такъ и поднялись сосновыя рощи, и если присутствіе этихъ деревьевъ дѣйствительно ведетъ за собой рядъ существенныхъ измѣненій въ группированіи растительныхъ и животныхъ формъ, то, разумѣется, на серрейскихъ пустыряхъ должны были повториться тѣ же самыя явленія, которыя мы видѣли въ графствѣ Стаффордъ. А исходной точкой всѣхъ этихъ переворотовъ оказывается такой простой и ничтожный фактъ, какъ удаленіе нѣсколькихъ головъ рогатаго или безрогаго скота.

Но я опять долженъ напомнить читателю, что мы здѣсь видимъ только, въ какомъ порядкѣ крупныя явленія слѣдуютъ одно за другимъ. Какъ связываются между собой эти явленія, и какіе мелкіе и мельчайшіе факты образуютъ между ними эту связь—объ этомъ мы еще ничего не можемъ сказать. Сосна измѣняетъ вокругъ себя растительность—хорошо!—но какимъ же образомъ это дѣлается? Дѣйствуетъ-ли сосна своей тѣнью, какъ всякое другое дерево, или своимъ хвоемъ, который она каждый годъ роняетъ на землю, или своими корнями, которыми она разрыхляетъ почву, или своими смолистыми испареніями, которыми наполняется окружающій воздухъ? Вѣроятно всѣ эти свойства сосны ведутъ за собой какія нибудь послѣдствія, вѣроятно эти послѣдствія перекрещиваются между собой и взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, а мы видимъ только отдаленные и послѣдніе результаты, которыхъ внутренняя и необходимая связь до поры до времени ускользаетъ отъ нашего пониманія. Травоядный скотъ дѣйствуетъ на растительность, но самъ онъ въ свою очередь подчиняется вліянію насѣкомыхъ. Въ Парагваѣ ни быкъ, ни лошадь не могутъ жить въ дикомъ состояніи, потому что тамъ водится особая порода мухъ, которая губитъ телятъ и жеребятъ, устраивая въ ихъ ноздряхъ гнѣздо для своихъ яичекъ. Муху эту истребляютъ хищныя насѣкомыя другого рода; этихъ хищныхъ насѣкомыхъ поѣдаютъ птицы; положимъ теперь, что по какой нибудь причинѣ число насѣкомоядныхъ птицъ уменьшилось въ Парагваѣ; тогда число хищныхъ насѣкомыхъ быстро увеличится; эти насѣкомыя будутъ поѣдать большее количество вредныхъ мухъ; мухи, становясь менѣе многочисленными, не будутъ въ состояніи истреблять все молодое поколѣніе травоядныхъ породъ; быкъ и лошадь разведутся въ Парагваѣ; ихъ вліяніе произведетъ кое-какія перемѣны въ растительномъ мірѣ; эти перемѣны отзовутся на распредѣленіи насѣкомыхъ, а насѣкомыя подѣйствуютъ на тѣхъ птицъ, которымъ они служатъ пищей. Какъ только въ какой нибудь странѣ происходитъ перемѣна въ числѣ или свойствахъ одной группы, такъ эта перемѣна тотчасъ даетъ себя чувствовать по всѣмъ направленіямъ. До этой перемѣны различныя группы держали другъ друга въ равновѣсіи, то есть каждая группа отстаивала свое собственное существованіе и каждая, по мѣрѣ силъ своихъ, мѣшала своимъ сосѣдямъ, родственникамъ, конкурентамъ или врагамъ размножаться далѣе извѣстнаго предѣла. Когда происходитъ перемѣна, то это равновѣсіе въ одномъ мѣстѣ оказывается нарушеннымъ и тотчасъ начинается во всей необозримой цѣпи органическихъ формъ волнообразное колебаніе, которое черезъ нѣсколько времени приводитъ къ новому равновѣсію. Но будетъ-ли новое равновѣсіе совершенно похоже на старое — это невозможно сказать заранѣе. Самая незначительная перемѣна можетъ доставить нѣкоторымъ породамъ перевѣсъ надъ противниками; однѣ породы сдѣлаются многочисленнѣе, а другія начнутъ ослабѣвать; борьба между этими породами будетъ продолжаться, но ослабѣвшая сторона уже будетъ не въ состояніи выдерживать натискъ размножившихся враговъ или конкурентовъ; ослабѣвая болѣе и болѣе, она наконецъ можетъ совершенно исчезнуть, а замѣтное уменьшеніе или окончательное истребленіе цѣлой породы тотчасъ поведетъ за собою новыя колебанія, которыя могутъ опять уничтожить новыя породы животныхъ или растеній Словомъ въ экономіи природы, каждое нарушніе установившагося равновѣсія можетъ повести за собой такія-же передвиженія и перевороты, какіе напримѣръ производитъ въ коммерческомъ мірѣ банкротство какого нибудь одного незначительнаго банкирскаго дома. Здѣсь также банкротство одной породы потрясаетъ существованіе многихъ другихъ, и никто не можетъ предвидѣть, куда распространится это потрясеніе и въ какихъ предѣлахъ оно разыграется. Но потрясенія въ экономіи природы совершаются обыкновенно медленно и безъ шума; породы не даютъ другъ другу генеральныхъ сраженій; нѣтъ ни громкой радости со стороны побѣдителей, ни стоновъ отчаянія со стороны побѣжденныхъ; породы торжествуютъ или вымираютъ, сами того не сознавая, и даже для мыслящаго наблюдателя это торжество или вымираніе становятся

замѣтными не въ исходной своей точкѣ, а уже тогда, когда они почти совершились. Переворотъ тянется цѣлыми вѣками, и наблюдатель никогда не можетъ сказать рѣшительно или даже приблизительно, что переворотъ закончился и что вотъ въ эту минуту всѣ породы извѣстной страны держатъ другъ друга въ равновѣсіи.

Въ природѣ ежеминутно совершаются или могутъ совершаться тысячи мельчайшихъ явленій, которыя то здѣсь, то тамъ доставляютъ одной изъ сражающихся сторонъ перевѣсъ надъ другой; многія изъ этихъ явленій, по тѣмъ или другимъ неизвѣстнымъ причинамъ, могутъ остаться безъ значительныхъ послѣдствій, но зато нѣкоторыя изъ этихъ явленій могутъ сдѣлаться первыми звеньями такой цѣпи событій, которая потянется черезъ длинный рядъ столѣтій, уничтожитъ множество существующихъ породъ и создастъ на ихъ мѣсто множество видоизмѣненій. Геологъ, разсматривающій окаменѣлые остатки животныхъ и растеній, видитъ въ нихъ разрозненные листы изъ архива органической природы за цѣлые милліоны вѣковъ; онъ видитъ, что жила порода и что она исчезла, но онъ не можетъ ни видѣть, ни возсоздать силой своего научнаго анализа ту безконечно длинную вереницу мелкихъ причинъ и мелкихъ послѣдствій, которая незамѣтно измѣнила всѣ условія существованія данной природы и понемногу довела данную органическую форму до совершеннаго исчезновенія. Геологъ этого не можетъ видѣть, потому что этого не видитъ даже натуралистъ, изучающій живую природу; но такъ какъ очень немногіе люди, и притомъ только самые замѣчательные, способны просто и откровенно сказать: «не знаю», и такъ какъ эта превосходная способность начала развиваться у мыслящихъ людей только въ самое недавнее время, то геологи былыхъ годовъ, видя уничтоженіе органическихъ породъ, немедленно пускались въ геологическую философію и въ геологическую беллетристику, то-есть строили системы и писали романы, въ которыхъ являлись катастрофы, катаклизмы, кризисы, перевороты, разыгравшіяся волны шаловливыхъ морей и оглушительный грохотъ совершенно неумѣстныхъ порывовъ центральнаго огня. И вся эта роскошь научнаго романтизма тратилась на то, чтобы стереть съ лица земли какую нибудь дюжину, или сотню, или тысячу ящеровъ, птицъ или звѣрей, которые, правда, были очень велики, но у которыхъ было все-таки множество мелкихъ враговъ и крупныхъ конкурентовъ, множество мелкихъ преслѣдователей и паразитовъ, и которые вообще могли сойти со сцены такъ-же тихо, благопристойно и вѣжливо, какъ сошла напримѣръ въ половинѣ прошлаго столѣтія толстая и глупая птица додо, или какъ сошелъ-бы зубръ, если-бы его не берегли ради рѣдкости въ Бѣловѣжской пущѣ.

Историческая память человѣчества простирается всего на какія-нибудь пять тысячъ лѣтъ, да и то врядъ-ли, потому что кто-же рѣшится сказать, что мы знаемъ хорошо все, что̀ дѣлалось на земномъ шарѣ за 3000 лѣтъ до начала нашей эры. Если-бы даже мы могли утверждать, что втеченіи этихъ пяти тысячъ лѣтъ вымерли только двѣ породы животныхъ—додо и зубръ, то и тогда мы совершенно смѣло могли-бы предполагать, что всѣ животныя и растенія геологическихъ эпохъ вымерли такимъ-же естественнымъ и неэффектнымъ образомъ, какъ толстая птица и теперешній обитатель Бѣловѣжской пущи. Стало-быть, сколько-бы тысячъ породъ ни отыскалось въ различныхъ пластахъ земной коры, для всѣхъ найдется достаточно времени; всѣ онѣ могли развиваться, бороться между собой, побѣждать противниковъ, и потомъ въ свою очередь ослабѣвать, уменьшаться въ числѣ и вымирать, уступая натиску другихъ, болѣе развитыхъ враговъ, которые по всей вѣроятности находились съ ними въ болѣе или менѣе тѣсномъ, кровномъ родствѣ. Всѣ эти процессы должны были продолжаться для каждой породы десятки и сотни вѣковъ, и все-таки природа ни разу не была принуждена и не могла поторопиться прибавить шагу—произвести мгновенную перемѣну декорацій или вообще какимъ-нибудь образомъ отступить отъ того рокового и необходимаго хода событій, который изучаютъ современные натуралисты путемъ непосредственнаго наблюденія.

Въ природѣ нѣтъ и никогда не было цѣльныхъ и крупныхъ явленій. Громаднѣйшіе результаты достигаются всегда совокупнымъ или послѣдовательнымъ дѣйствіемъ милліоновъ мельчайшихъ силъ и причинъ, точно такъ, какъ громаднѣйшій организмъ весь состоитъ изъ накопленія микроскопическихъ клѣточекъ. Мы обыкновенно видимъ громадные результаты и не видимъ мелкихъ причинъ, но величайшая заслуга современнаго естествознанія состоитъ именно въ томъ, что лучшіе изслѣдователи постигли вполнѣ несуществованіе крупныхъ явленій и всеобъемлющую важность мелкихъ. Микроскопъ и химическій анализъ проникли въ самое мышленіе натуралистовъ, и поэтому всякій крупный результатъ или разложенъ уже на мелкія составныя части, или будетъ разложенъ тогда, когда усовершенствуются орудія изслѣдованія и увеличится запасъ собранныхъ наблюденій. То, что представляется крупнымъ и цѣльнымъ, все-таки не признается мыслящими натуралистами за крупное и цѣльное явленіе; оно считается только неразложеннымъ и неизслѣдованнымъ и до поры до времени отодвигается въ сторону, въ ту груду нетронутаго матеріала, которая еще ожидаетъ себѣ мыслящихъ работниковъ и архитекторовъ. Для вопроса объ органическихъ породахъ наступаетъ, кажется, рѣшительная минута. Если изслѣдователи обратятъ все свое вниманіе на разнообразныя проявленія

того процесса, который называется у Дарвина борьбой за жизнь (struggle for life), и если они посвятятъ всѣ свои силы на изученіе той безконечно запутанной сѣти отношеній, которая развивается изъ этой борьбы и охватываетъ собой весь органическій міръ, то они навѣрное, рано или поздно, разъяснятъ фактическими наблюденіями всѣ причины, видоизмѣненія, колебанія и вымиранія органическихъ породъ.

Можно утверждать рѣшительно, что для каждаго органическаго существа его отношенія къ другимъ органическимъ существамъ составляютъ самый важный элементъ жизни, безусловно подчиняющій себѣ всѣ остальные. Даже климатическія условія всего сильнѣе дѣйствуютъ на растенія и на животныхъ не прямымъ и непосредственнымъ образомъ, а черезъ посредство другихъ растеній и животныхъ.

Въ этихъ словахъ заключаются повидимому неясность и противорѣчіе, но я сейчасъ объясню, въ чемъ дѣло. Если вы, переходя изъ холодной страны въ умѣренную, будете замѣчать, что какая-нибудь порода животныхъ или растеній становится рѣдкой и наконецъ исчезаетъ, то вы никакъ не должны думать, что эта органическая форма исчезла оттого, что ей въ этомъ мѣстѣ было-бы слишкомъ тепло жить. Климатъ подѣйствовалъ преимущественно тѣмъ, что онъ измѣнилъ условія борьбы за жизнь. Положимъ, что растеніе *A* успѣшно выдерживаетъ легкіе морозы, а растеніе *B*, неспособное переносить морозы, растетъ гораздо быстрѣе и роскошнѣе предыдущаго. Легкіе морозы не составляютъ для *A* необходимости и ничѣмъ не содѣйствуютъ его благосостоянію, но они убиваютъ или ослабляютъ опаснаго конкурента *B*. Стало быть, въ нашемъ полушаріи, къ сѣверу отъ извѣстнаго градуса широты, перевѣсъ въ борьбѣ будетъ постоянно на сторонѣ *A*; можетъ быть морозы такъ легки, что *B* не умираетъ отъ нихъ, а только теряетъ извѣстную долю своей растительной силы; если-бы надо было бороться съ однимъ климатомъ, то *B* могло-бы передвинуться немного за извѣстный градусъ широты, но такъ какъ за этимъ предѣломъ его ждетъ не одинъ морозъ, а морозъ + конкурентъ *A*, то борьба уже становится не подъ силу, и *B* удаляется въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ морозовъ. *A*, какъ самонадѣянный побѣдитель, пускается догонять своего врага, но тутъ дѣло принимаетъ совершенно новый оборотъ. Растеніе *B*, не ослабленное морозомъ, сильнѣе растенія *A*, и потому побиваетъ его на каждомъ шагу. Съ одной стороны *B* могло-бы подвинуться немного къ сѣверу, а съ другой стороны *A* навѣрное могло-бы подвинуться довольно далеко къ югу; климатъ самъ по себѣ не помѣшалъ-бы ни тому, ни другому, и во второмъ случаѣ онъ можетъ еще менѣе помѣшать, чѣмъ въ первомъ; да конкуренты помѣшаютъ, и вслѣдствіе этого растенія *A* и *B* остаются каждое въ своей области, несмотря на постоянныя попытки выйти за ея предѣлы. Если мы еще возьмемъ въ разсчетъ, что и *A*, и *B* терпятъ горькія обиды отъ разныхъ грызуновъ, насѣкомыхъ, травоядныхъ и зерноядныхъ, и если мы сообразимъ, что всѣ эти животныя также измѣняются вмѣстѣ съ градусомъ широты, то мы вполнѣ поймемъ, что прямое дѣйствіе климата на *A* и на *B* играетъ очень незначительную роль въ массѣ тѣхъ причинъ, которыя привязываютъ эти два растенія къ опредѣленному мѣсту.

Безъ непосредственнаго наблюденія надъ жизнью каждой отдѣльной органической формы нѣтъ никакой возможности опредѣлить, что̀ именно благопріятствуетъ ей въ одномъ мѣстѣ и мѣшаетъ ей жить въ другомъ. Произнести въ этомъ случаѣ «климатъ» очень легко; сказать «климатъ мѣшаетъ», «климатъ содѣйствуетъ» — тоже не велика хитрость; но климатъ — это огромное явленіе, которое кажется цѣльнымъ только до тѣхъ поръ, пока вы его не разложите на части. Нѣтъ, вы намъ покажите, что̀ именно дѣйствуетъ, морозъ, сырость, вѣтеръ, непостоянство погоды, и т. д., да потомъ покажите, какъ именно дѣйствуетъ, прямо или черезъ другія существа. Вѣдь пожалуй можно сказать, что климатъ мѣшаетъ быку развестись въ Парагваѣ, и это, строго говоря, не будетъ ошибкой. Положимъ, что быкъ живетъ и къ югу, и къ сѣверу отъ Парагвая; положимъ, что ему не мѣшаютъ жить въ Парагваѣ ни морозы, ни жары, ни дожди, ни вѣтры; все это такъ; но вѣдь та муха, которая заводитъ у него колоніи въ ноздряхъ, живетъ въ Парагваѣ потому, что климатъ позволяетъ ей жить тамъ; вѣдь если-бы ее пристукнулъ морозъ, такъ не жила бы она въ Парагваѣ, ну, стало-быть, и можно сказать, что климатъ виноватъ. Но читатель конечно понимаетъ, что если мы скажемъ: «климатъ мѣшаетъ быку развестись въ Парагваѣ», то мы этими словами ровно ничего не выразимъ, а только повторимъ уже извѣстный фактъ: «быкъ не живетъ въ Парагваѣ», — фактъ, которому мы должны были искать объясненіе. Если же мы скажемъ: «быку мѣшаетъ жить такая-то муха, и мѣшаетъ именно вотъ чѣмъ», то мы дѣйствительно объяснимъ разсматриваемый фактъ, и докажемъ такимъ образомъ еще разъ, что объяснить — значитъ именно разлагать крупное, сложное явленіе на мелкія и простыя составныя части. А какъ только начинается разложеніе или анализъ, такъ непосредственное наблюденіе и прямой опытъ являются единственными возможными орудіями изслѣдованія. Никакой человѣческій умъ не выдумаетъ тѣхъ неожиданныхъ изворотовъ и перепутанныхъ комбинацій, которые обнаруживаются на каждомъ шагу въ отношеніяхъ между органическими существами. Вотъ вамъ примѣръ. Пчелы, бабочки и разныя другія насѣкомыя, добывая себѣ изъ цвѣтовъ сладкіе соки, постоянно уносятъ на своемъ тѣлѣ

частицы цвѣточной пыли; перелетая съ одного цвѣтка на другой, они совершенно невольно и безсознательно переносятъ эту пыль съ тычинокъ, или мужскихъ половыхъ органовъ, на пестики, или женскіе половые органы; такимъ образомъ насѣкомыя содѣйствуютъ оплодотворенію цвѣтовъ, и для нѣкоторыхъ растеній это содѣйствіе такъ необходимо, что для нихъ оплодотвореніе становится невозможнымъ безъ вмѣшательства той или другой группы насѣкомыхъ. Къ числу такихъ зависимыхъ растеній относятся viola tricolor и различные виды trifolium. Двадцать цвѣтковъ trifolium repens, при содѣйствіи насѣкомыхъ, дали 2250 сѣмянъ, а двадцать такихъ же цвѣтковъ, защищенныхъ отъ всякихъ посѣтителей, не дали ни одного сѣмячка. Сто цвѣтковъ trifolium pratense, посѣщаемыхъ насѣкомыми, произвели 2700 сѣмянъ, а сто защищенныхъ цвѣтковъ того же сорта не произвели ни одного сѣмячка. Но не всѣ крылатыя насѣкомыя могутъ быть полезными посредниками для trifolium pratense. Бабочка такъ легка, что не можетъ расправить своей тяжестью листки вѣнчика, и поэтому она не прикасается своимъ тѣломъ къ тѣмъ мѣстамъ цвѣтка, въ которыхъ находится цвѣточная пыль. Пчела не посѣщаетъ этого цвѣтка, потому что сладкій сокъ его лежитъ слишкомъ глубоко внутри вѣнчика, такъ что пчела не можетъ добраться до него своимъ хоботкомъ. Только шмели, пользуясь сладкимъ сокомъ этого цвѣтка, помогаютъ его оплодотворенію. Если-бы какая-нибудь причина уменьшила въ извѣстной странѣ количество шмелей, то это обстоятельство непремѣнно повело бы за собой уменьшеніе въ количествѣ растеній trifolium pratense. Шмелей преслѣдуютъ съ особеннымъ ожесточеніемъ полевыя мыши, разоряющія ихъ гнѣзда и питающіяся ихъ медомъ. Полевыхъ мышей истребляютъ кошки, стало-быть, цѣпь отношеній между этими органическими формами представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ: чѣмъ больше кошекъ, тѣмъ меньше полевыхъ мышей, тѣмъ больше шмелей и тѣмъ больше цвѣтовъ trifolium pratense. Читатель конечно не воображалъ никогда, что кошка имѣетъ значительное вліяніе на судьбу шмелей и помогаетъ оплодотворенію цвѣтовъ. Въ этомъ случаѣ непосредственное наблюденіе показало намъ, какимъ образомъ связываются между собой кошка, мышь, шмель и trifolium pratense. Тысячи и милліоны другихъ сложныхъ отношеній остаются до сихъ поръ неразъясненными, но мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности сомнѣваться въ существованіи этихъ отношеній или отрицать ихъ громадную важность.

Растенія и животныя размножаются въ геометрической прогрессіи; растенія и животныя постоянно истребляютъ и поѣдаютъ другъ друга; эти два ряда фактовъ очевидны для всякаго ребенка и для всякаго дикаря; изъ этихъ очевидныхъ и общеизвѣстныхъ фактовъ вытекаетъ необходимость всемірной борьбы; а если тысячи и милліоны организмовъ ежеминутно борятся между собою, то, разумѣется, между ними должны существовать самыя сложныя и запутанныя отношенія. Объ этихъ отношеніяхъ мы въ настоящее время не имѣемъ почти никакого понятія, но безъ этихъ отношеній вся органическая жизнь была бы невозможна и даже немыслима. Каждый организмъ живетъ только потому, что самъ поѣдаетъ что нибудь, и только до тѣхъ поръ, пока его самого не съѣстъ какой-нибудь другой организмъ. Стало-быть, каждый организмъ зависитъ, во-первыхъ—отъ того, что̀ ему служитъ пищей, и во-вторыхъ—отъ того, что̀ его самого можетъ обратить въ пищу. Внѣ этой зависимости мы не можемъ себѣ представить ни одного организма, и поэтому очевидно благосостояніе и размноженіе той или другой породы организмовъ зависятъ отъ того, какъ будутъ расположены ея отношенія, во-первыхъ, — къ пищѣ, а во-вторыхъ—къ врагамъ. Чѣмъ больше пищи, тѣмъ лучше; чѣмъ больше враговъ, тѣмъ хуже. Но эти два ряда отношеній зависятъ отъ устройства самаго организма. Если организмъ требуетъ мало пищи, то у него больше шансовъ быть постоянно сытымъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда бы онъ требовалъ много пищи; если организмъ одаренъ въ значительной степени оборонительнымъ оружіемъ, то для него не страшны враги. Можно было бы представить еще много другихъ условій, но достаточно и этого, чтобы показать читателю, какимъ образомъ устройство организма можетъ быть и дѣйствительно бываетъ то помѣхой, то содѣйствіемъ въ общей борьбѣ за существованіе. Не трудно понять, что всего дольше долженъ продержаться въ борьбѣ тотъ организмъ, который устроенъ всего удобнѣе для борьбы. Это положеніе совершенно очевидно, и на этомъ-то очевидномъ положеніи основывается весь прогрессъ животныхъ и растеній и вся теорія Дарвина.

VIII.

Естественный выборъ.

Индивидуальное разнообразіе бываетъ особенно сильно у домашнихъ животныхъ и у тѣхъ растеній, которыя подчинены вліянію человѣка. У дикихъ животныхъ и растеній это разнообразіе также существуетъ, хотя выражается обыкновенно менѣе рѣзко. Нѣкоторыя индивидуальныя особенности могутъ быть вредны для животнаго или для растенія, другія могутъ быть ему полезны, третьи наконецъ могутъ быть безразличны. Напримѣръ, одинъ волкъ одаренъ особенно острымъ обоняніемъ, другой отличается слабымъ развитіемъ мускуловъ, а у третьяго цвѣтъ шерсти немного потемнѣе или посвѣтлѣе,

чѣмъ у товарищей. Первому волку острое обоняніе будетъ въ жизни большой подмогой; оно дастъ ему возможность съ особеннымъ успѣхомъ охотиться за разной добычей и во-время убѣгать отъ всякихъ преслѣдователей. Второй волкъ, отличающійся слабыми мускулами, будетъ особенно часто подвергаться голоду и разнымъ опасностямъ; захочетъ онъ утащить къ себѣ въ лѣсъ овцу и не одолѣетъ этого дѣла — его застигнутъ люди на мѣстѣ преступленія, и онъ или будетъ убитъ, или будетъ принужденъ бросить свою добычу и бѣжать въ лѣсъ съ пустымъ желудкомъ. Наконецъ третій волкъ будетъ жить счастливо или несчастливо, смотря по обстоятельствамъ, но цвѣтъ его шерсти по всей вѣроятности не будетъ для него ни помѣхой, ни пособіемъ въ жизни. Первый волкъ вѣроятно проживетъ дольше своихъ сверстниковъ и слѣдовательно оставитъ послѣ себя болѣе многочисленное потомство. Второй волкъ вѣроятно погибнетъ раньше своихъ сверстниковъ и слѣдовательно или умретъ безъ потомства, или оставитъ послѣ себя немногихъ дѣтей. Нѣкоторыя изъ дѣтей перваго волка получатъ отъ отца его острое обоняніе; эти субъекты будутъ имѣть шансы пережить своихъ братьевъ и передать свою наслѣдственную особенность своимъ потомкамъ. Нѣкоторые изъ немногихъ дѣтей второго волка получатъ отъ отца его слабую мускулатуру, но каждый изъ нихъ будетъ имѣть очень мало шансовъ прожить долго и передать свой наслѣдственный порокъ будущимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ острое обоняніе будетъ постоянно укореняться въ волчьей породѣ сильнѣе и сильнѣе, а ненормальная слабость мускуловъ будетъ постоянно выбрасываться вонъ. Что же касается до темныхъ или свѣтлыхъ оттѣнковъ шерсти, то они, какъ безразличныя качества, будутъ постоянно подвергаться колебаніямъ и измѣненіямъ.

То, что̀ мы видѣли на отдѣльномъ примѣрѣ, можетъ быть обобщено и распространено на весь органическій міръ. Всякая полезная особенность прививается къ породѣ и удерживается въ ней, переходя отъ одного поколѣнія къ другому. Всякая вредная особенность уничтожается. Безразличныя особенности колеблются и мѣняются. Если мы вдумаемся только въ смыслъ словъ «полезный» и «вредный», и если мы припомнимъ, что, по закону наслѣдственности, качества родителей обыкновенно передаются или всѣмъ дѣтямъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ, то мы немедленно убѣдимся въ томъ, что наше обобщеніе не заключаетъ въ себѣ рѣшительно ничего натянутаго или произвольнаго. Полезно то, что̀ дастъ организму возможность одолѣвать противниковъ въ борьбѣ за жизнь; вредно то, что̀ отнимаетъ у него эту возможность; слѣдовательно, полезная особенность, по самой сущности своей, придаетъ отдѣльному организму прочность, а вредная, также по самой сущности своей, сообщаетъ ему хрупкость. Прочный организмъ живетъ долго и, стало-быть, успѣваетъ породить много другихъ организмовъ, также прочныхъ; а хрупкій организмъ ломается скоро и стало-быть не успѣваетъ населить міръ новыми хрупкими организмами. Поэтому прочность организма и все, что̀ содѣйствуетъ этой прочности, принимаетъ характеръ устойчивости и долговѣчности; а хрупкость и всѣ ея отдѣльные аттрибуты, то-есть всѣ вредныя особенности, непремѣнно должны быть явленіями временными и мимолетными.

Природа ежеминутно въ громадныхъ размѣрахъ производитъ надъ всѣми органическими существами ту операцію выбора, которую опытные заводчики производятъ надъ своими ручными животными. Но человѣкъ выбираетъ въ животныхъ и въ растеніяхъ тѣ особенности, которыя нравятся или приносятъ пользу ему, человѣку, а природа, то-есть совокупность естественныхъ законовъ, выбираетъ и упрочиваетъ только то, что̀ полезно самому животному или растенію; заводчикъ обыкновенно обращаетъ вниманіе только на то, что̀ бросается въ глаза, а для природы не существуетъ никакого различія между внѣшними и внутренними органами; если проявилась у животнаго индивидуальная особенность въ печени или въ легкихъ, и если эта особенность полезна, то она будетъ сохранена и упрочена, точно такъ же, какъ могла бы сохраниться и упрочиться совершенно очевидная особенность, проявившаяся въ устройствѣ ногъ, роговъ или ушей. Человѣкъ не позволяетъ быкамъ или жеребцамъ драться между собою за обладаніе самками, а въ природѣ самцы дерутся, побѣда остается за самыми сильными, и слѣдовательно качества сильныхъ побѣдителей упрочиваются въ потомствѣ. Жизнь человѣка коротка и вкусы его измѣнчивы, а природа дѣйствуетъ на органическій міръ впродолженіи безконечнаго ряда вѣковъ и постоянно дѣйствуетъ по одному направленію, то-есть уничтожаетъ все, что̀ слабо и хрупко, и поддерживаетъ все, что̀ крѣпко и прочно.

Этотъ законъ, по которому уничтожаются вредныя особенности и сохраняются полезныя, называется у Дарвина закономъ естественнаго выбора. Вопросъ о томъ, что̀ полезно, что̀ вредно и что̀ безразлично, рѣшается для каждаго отдѣльнаго случая прямымъ опытомъ жизни; тутъ не можетъ быть никакихъ общихъ правилъ; все зависитъ отъ того, при какихъ условіяхъ живетъ данный организмъ, какую пищу ему приходится добывать и отъ какихъ враговъ онъ терпитъ преслѣдованія. Для волка цвѣтъ шерсти не составляетъ никакой важности. Его преслѣдуютъ люди, которымъ обыкновенно помогаютъ собаки; собаки отыскиваютъ волка чутьемъ, а не зрѣніемъ, стало-быть, какъ-бы цвѣтъ волка

ни сливался съ цвѣтомъ окружающихъ предметовъ, его все-таки отыщутъ и затравятъ; но для многихъ птицъ цвѣтъ перьевъ можетъ быть чрезвычайно полезенъ. Соколы, ястребы и другіе хищники съ высоты своего полета высматриваютъ себѣ добычу, и конечно имъ бросаются въ глаза преимущественно тѣ птицы, которыя своимъ цвѣтомъ рѣзко отдѣляются отъ окружающихъ предметовъ. Бѣлые голуби такъ часто дѣлаются жертвой хищныхъ птицъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ любители или хозяева совсѣмъ не держатъ бѣлыхъ голубей. Многимъ породамъ дикихъ птицъ чрезвычайно полезно то обстоятельство, что онѣ по цвѣту своихъ перьевъ совершенно сливаются съ цвѣтомъ тѣхъ предметовъ, среди которыхъ онѣ постоянно живутъ. Альпійская куропатка зимой становится совершенно бѣлой, и этотъ цвѣтъ приноситъ ей пользу, потому что она постоянно держится на снѣжныхъ вершинахъ. Шотландскій тетеревъ, живущій среди бурьяна, отличается тѣмъ буроватымъ цвѣтомъ, который свойственъ этимъ растеніямъ. Другая порода тетерева держится на торфяникахъ и сливается съ ними черпымъ цвѣтомъ своихъ перьевъ. Многія насѣкомыя, живущія на листьяхъ, отличаются зеленымъ цвѣтомъ; другія, живущія на древесной корѣ, принимаютъ бурый или сѣрый цвѣтъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ цвѣтъ составляетъ для животнаго одно изъ важнѣйшихъ оборонительныхъ средствъ, и чѣмъ онъ важнѣе для животнаго, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на него естественный выборъ. По всей вѣроятности было время, когда черный и бурый тетерева не составляли двухъ отдѣльныхъ породъ; тогда тетерева рождались и черные, и бурые, и пестрые, и быть можетъ даже бѣлые; водились они и на торфяникахъ, и въ бурьянѣ, и въ другихъ мѣстахъ. Но на торфяникахъ хищныя птицы истребляли почти всѣхъ тетеревовъ, кромѣ черныхъ, а въ бурьянѣ—почти всѣхъ, кромѣ бурыхъ; такимъ образомъ случайное и легкое индивидуальное свойство, заключавшееся въ цвѣтѣ перьевъ, сдѣлалось, путемъ естественнаго выбора, постояннымъ отличительнымъ признакомъ цѣлой породы. И такимъ образомъ изъ одной породы выработались двѣ, три или больше, смотря по обстоятельствамъ жизни. Когда за нѣсколькими породами птицъ окончательно упрочился цвѣтъ тѣхъ предметовъ, среди которыхъ онѣ проводятъ свою жизнь, тогда это обстоятельство должно было въ свою очередь подѣйствовать на зрѣніе хищниковъ, также посредствомъ естественнаго выбора. Бураго тетерева труднѣе разглядѣть въ бурьянѣ, чѣмъ чернаго, или пестраго, или бѣлаго; поэтому, когда остались въ бурьянѣ только одни бурые тетерева, тогда стали находить себѣ добычу только тѣ соколы или ястребы, у которыхъ зрѣніе было особенно сильно. Остальнымъ хищникамъ приходилось часто голодать; ну, стало-быть понятно, что особенно зоркіе хищники получили перевѣсъ надъ менѣе зоркими, оставили послѣ себя болѣе многочисленное потомство, передали нѣкоторымъ изъ своихъ потомковъ свое исключительно острое зрѣніе и наконецъ мало-по-малу обратили эту высшую степень зоркости въ постоянное свойство цѣлыхъ видовъ и родовъ.

Такъ могли воспитываться, и дѣйствительно воспитывались втеченія вѣковъ и тысячелѣтій всѣ органы и всѣ способности всѣхъ организмовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что свойства родителей обыкновенно наслѣдуются дѣтьми именно въ томъ возрастѣ, въ какомъ эти свойства обнаружились у родителей. Если въ какомъ-нибудь семействѣ существуетъ наслѣдственная болѣзнь, напримѣръ сумасшествіе, или падучая, или подагра и т. п., то эта болѣзнь проявляется обыкновенно у всѣхъ членовъ семейства въ одномъ и томъ-же возрастѣ. То-же самое замѣчается во всемъ органическомъ мірѣ. Если у насѣкомаго проявляется какая-нибудь особенность въ личинкѣ, въ куколкѣ или въ бабочкѣ, то и у дѣтей этого насѣкомаго особенность эта проявится въ той-же самой фазѣ развитія. Если у птицы обнаружилась особенность въ формѣ яицъ или въ цвѣтѣ того пуха, которымъ покрываются птенцы, то особенность эта такъ и будетъ обнаруживаться у слѣдующихъ поколѣній въ тѣ-же самые періоды жизни.

Когда я говорилъ о домашнихъ животныхъ и растеніяхъ, то я обратилъ вниманіе читателя на то обстоятельство, какимъ образомъ проявляется разнообразіе въ различныхъ сортахъ георгины, капусты и крыжовника. Мы видѣли тамъ, что систематическій выборъ человѣка можетъ дѣйствовать или на цвѣты растенія, или на его листья, или на его плоды. То же самое можно сказать и объ естественномъ выборѣ. Если для растенія полезно имѣть напримѣръ такія сѣмена, которыя вѣтеръ уносилъ бы на далекія разстоянія и которыя вслѣдствіе этого имѣли бы больше шансовъ упасть на незанятой клочокъ земли, то именно такія сѣмена и выработаются путемъ естественнаго выбора. Это и случилось съ сѣменами тѣхъ желтыхъ цвѣтовъ, которые называются одуванчиками и которые дѣйствительно обдуваются вѣтромъ въ концѣ лѣта и въ началѣ осени.

Такъ какъ процессъ естественнаго выбора вездѣ, во всемъ органическомъ мірѣ, совершается точь въ точь такъ, какъ я объяснилъ его въ трехъ примѣрахъ, — о волкѣ, о тетеревѣ и о хищныхъ птицахъ, — то я ужъ больше не буду распространяться объ этомъ процессѣ по поводу каждаго отдѣльнаго примѣра. Я просто буду говорить: «путемъ естественнаго выбора», и надѣюсь, что читатель не будетъ затрудняться этими словами, которыя теперь уже должны быть для него совершенно понятны.

У нѣкоторыхъ животныхъ есть такіе органы, которые бываютъ имъ необходимы только одинъ разъ въ жизни. У молодыхъ птицъ клювъ оканчивается твердой роговой частицей, которой птица продавливаетъ скорлупу своего яйца и которая впослѣдствіи отваливается прочь. У нѣкоторыхъ насѣкомыхъ остаются на всю жизнь большія и крѣпкія челюсти, которыми насѣкомое разорвало свой коконъ и которыя послѣ этого не приносятъ уже никакой пользы. Хотя эти органы дѣйствуютъ только одинъ разъ въ жизни, однако они также подчиняются естественному выбору, потому что тотъ моментъ, когда они дѣйствуютъ, рѣшаетъ всю судьбу животнаго, то-есть даетъ ему возможность жить или осуждаетъ его на смерть. Птичка съ мягкимъ клювомъ не можетъ пробить скорлупу своего яйца, а насѣкомое, лишенное крѣпкихъ челюстей, не можетъ прогрызть свой коконъ; такая птичка и такое насѣкомое непремѣнно погибаютъ до выхода своего на свѣтъ, и слѣдовательно они никакъ не могутъ передать свою индивидуальную особенность слѣдующимъ поколѣніямъ.

Здѣсь представляется намъ любопытный примѣръ того главнаго различія, которое существуетъ между вліяніемъ природы и дѣйствіемъ человѣка. Курносый турманъ, отличающійся отъ другихъ голубей своимъ воробьинымъ клювомъ, цѣнится тѣмъ выше, чѣмъ короче его клювъ. Выбирая постоянно самыхъ курносыхъ субъектовъ, любители довели эту породу до такой крайности, что нѣкоторые изъ самыхъ чистѣйшихъ ея представителей уже не могутъ вылупливаться изъ яйца. Клювъ такъ коротокъ и его роговая частица такъ слаба, что курносой птичкѣ нечѣмъ продавить яичную скорлупу. Птицѣ пришлось бы погибать, и природа очень быстро уничтожила бы неумѣренную курносость, но любители этого не допускаютъ. Они стерегутъ ту минуту, когда птица должна выходить изъ яйца, и потомъ сами осторожно продавливаютъ скорлупу. Дѣйствуя такимъ образомъ, любители сформируютъ современемъ такую породу птицъ, которая уже ни въ какомъ случаѣ не будетъ вылѣзать изъ яйца безъ посторонней помощи. Разумѣется, такая порода животныхъ безъ вмѣшательства человѣка не могла бы образоваться; какъ только вліяніе человѣка прекратилось бы, такъ чистѣйшіе представители этой породы погибли бы немедленно, и характерная особенность утратилась бы черезъ нѣсколько поколѣній, потому что эта особенность не могла бы поддерживаться естественнымъ выборомъ. Естественный выборъ можетъ развить и сохранить только тѣ особенности, которыя полезны самой породѣ, а никакъ не тѣ, которыя приносятъ выгоду или удовольствіе другому разряду животныхъ. Въ естественномъ состояніи только тотъ организмъ живетъ долго и размножается сильно, который самъ по себѣ здоровъ и крѣпокъ, а вовсе не тотъ, который одаренъ вкуснымъ мясомъ, тонкой шерстью, звучнымъ голосомъ или пріятной наружностью. Но когда организмъ попадаетъ подъ власть человѣка, тогда конечно выдвигаются на первый планъ и получаютъ первостепенную важность именно тѣ впечатлѣнія, которыя этотъ организмъ производитъ на своего владѣльца. Оставляется на заводъ не тотъ баранъ, который всѣхъ крѣпче, а тотъ, у котораго шерсть особенно тонка. Оставляется на заводъ не тотъ голубь, который всѣхъ нормальнѣе, а напротивъ того, часто именно тотъ, который всѣхъ уродливѣе. Оттого-то мы и видимъ почти во всѣхъ породахъ нашихъ животныхъ и растеній разныя приспособленія къ выгодамъ и прихотямъ человѣка. Эти приспособленія не могли возникнуть и развиться во время дикой жизни нашихъ домашнихъ породъ; они сформированы уже послѣ ихъ прирученія, сформированы путемъ систематическаго или безсознательнаго вліянія человѣка, а это вліяніе часто расходится съ естественнымъ выборомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ идетъ ему наперекоръ, какъ мы это видѣли въ дѣлѣ курносыхъ турмановъ.

Этимъ разладомъ между частными интересами человѣка и общими интересами всей органической жизни объясняется тотъ замѣчательный фактъ, что ни въ Австраліи, ни на мысѣ Доброй Надежды не нашлось ни одного растенія, которое стоило бы обрабатывать въ огородѣ или въ фруктовомъ саду. Дѣло въ томъ, что наши домашнія растенія испытываютъ на себѣ вліяніе человѣка впродолженіи многихъ тысячелѣтій; поэтому они значительно уклонились отъ своего первоначальнаго типа, и уклонились именно въ ту сторону, въ которую гнулъ ихъ выборъ человѣка. Что же касается до туземныхъ растеній Австраліи и Капской Земли, то они постоянно подчинялись только естественному выбору; дикари, жившіе въ этихъ земляхъ, не имѣли на нихъ никакого вліянія, и поэтому въ нихъ не существуетъ тѣхъ приспособленій, которыми мы дорожимъ въ нашихъ овощахъ или садовыхъ ягодахъ. Эти приспособленія могли бы выработаться черезъ нѣсколько столѣтій, но кому же охота начинать работу съ начала, когда мы имѣемъ уже готовые продукты, то-есть хорошую капусту, морковь, горохъ, землянику, малину, крыжовникъ, и вообще все, что въ этомъ отношеніи доставляетъ намъ пользу или удовольствіе?

Выводъ тотъ, что каждая порода дѣйствуетъ постоянно только сама для себя, и что полнѣйшій эгоизмъ составляетъ основной законъ жизни для всего органическаго міра. Человѣкъ можетъ передѣлать капусту для себя, но сама капуста ни подъ какимъ видомъ не будетъ передѣлывать себя для человѣка. Сохраняться и размножаться въ естественномъ состояніи будутъ тѣ экземпляры, которые особенно хорошо защищены своей организаціей отъ враждебныхъ вліяній, а не тѣ, которые особенно сочны и вкусны для человѣка.

IX.

Половыя отношенія.

Случается иногда, что какая нибудь особенность проявляется и становится наслѣдственной у однихъ самцовъ или у однѣхъ самокъ. Если такая особенность помогаетъ акту дѣторожденія, или вообще доставляетъ данному субъекту какой нибудь перевѣсъ надъ другими животными той же породы, то она можетъ быть сохранена и усовершенствована вліяніемъ естественнаго выбора. Сохраненіе и усовершенствованіе такихъ полезныхъ половыхъ особенностей объясняетъ намъ то обстоятельство, что во многихъ породахъ животныхъ самцы одарены такимъ спеціальнымъ оружіемъ, котораго нѣтъ у самокъ. Самцы обыкновенно дерутся между собой за обладаніе самками, и въ этой дракѣ одерживаютъ побѣду тѣ субъекты, которые вооружены лучше другихъ. Для этой борьбы такое оружіе, какъ рогъ оленя или крючковатая челюсть самца семги, или шпора пѣтуха, оказывается полезнѣе, чѣмъ общая крѣпость тѣлосложенія. Крѣпкій и здоровый субъектъ имѣетъ шансы пережить своихъ сверстниковъ, но, чтобы оставить послѣ себя потомство и передать этому потомству свои личныя особенности, этому субъекту необходимо еще обладать хорошимъ оружіемъ, неукротимой храбростью и задорнымъ характеромъ. Такимъ образомъ борьба за самокъ вводитъ въ дѣло естественнаго выбора новый элементъ, который никакъ нельзя считать маловажнымъ, потому что эта борьба существуетъ, какъ постоянное правило, почти во всѣхъ высшихъ областяхъ животнаго царства.

У млекопитающихъ задоръ самцовъ такъ великъ, что, при малѣйшемъ недосмотрѣ со стороны человѣка, быки, бараны или жеребцы вступаютъ между собой въ сраженіе, хотя повидимому спокойная и однообразная жизнь скотнаго двора или конюшни должна была бы значительно ослабить у нашихъ домашнихъ животныхъ первобытную пылкость характера. Драки между самцами домашнихъ птицъ также случаются каждый день, и при этомъ любопытно замѣтить напримѣръ разительную противоположность между смиреннымъ нравомъ курицы и неукротимой свирѣпостью пѣтуха. Это свойство характера такъ же точно выработалось путемъ естественнаго выбора, какъ фигура и оружіе пѣтуха, потому что храбрый и задорный пѣтухъ имѣлъ значительные шансы побѣдить и отогнать прочь отъ самокъ своего трусливаго или уступчиваго противника. Изъ пресмыкающихся, аллигаторы сильно дерутся между собой за самокъ; при этомъ они мычатъ и кружатся съ возрастающей быстротой, какъ индѣйцы, танцующіе свою военную пляску. Изъ рыбъ, семги дерутся по цѣлымъ днямъ. Даже многія насѣкомыя придерживаются этого обычая. Нѣкоторыя породы птицъ вносятъ въ эту борьбу мирный элементъ артистическихъ состязаній. Самцы стараются привлечь къ себѣ самокъ мелодическимъ пѣніемъ, и это имъ удается, потому что въ противномъ случаѣ не за чѣмъ было бы соловью, канарейкѣ и многимъ другимъ пѣвчимъ птицамъ надсаживать себѣ горло именно въ то время, когда наступаетъ для нихъ пора любви. Здѣсь побѣда достается лучшему пѣвцу; естественный выборъ дѣйствуетъ на музыкальныя способности птицъ, и его дѣйствіемъ, продолжающимся цѣлыя тысячелѣтія, объясняется, во-первыхъ, необыкновенное развитіе голоса у нѣкоторыхъ породъ, а во-вторыхъ—то обстоятельство, что поютъ преимущественно, а можетъ быть даже исключительно, одни самцы. Другія птицы обольщаютъ легкомысленныхъ самокъ красотой своего оперенія. *Каменные пѣтушки*, живущіе въ Гвіанѣ, и райскія птицы производятъ даже въ присутствіи самокъ что-то вродѣ бала или турнира, единственно для того, чтобы показать своимъ дамамъ всю свою ловкость и всю блестящую красоту своихъ перьевъ. Они распускаютъ поочереди хвостъ и крылья, принимаютъ самыя необыкновенныя позы, вертятся, пляшутъ и наконецъ, очаровавши присутствующихъ зрительницъ, предоставляютъ имъ выбирать того или тѣхъ, кто умѣлъ имъ понравиться сильнѣе прочихъ. Здѣсь естественный выборъ очевидно направляется на цвѣтъ и пестроту перьевъ, и его постоянное дѣйствіе объясняетъ намъ также, почему у самцовъ опереніе бываетъ обыкновенно красивѣе и ярче, чѣмъ у самокъ той же породы.

Въ мірѣ растеній конечно не можетъ быть ни борьбы между самцами, ни выбора со стороны самки; у очень многихъ растеній женскіе и мужскіе органы соединены въ одномъ цвѣткѣ; мужскіе органы вырабатываютъ цвѣточную пыль, роняютъ ее на женскій органъ и совершаютъ такимъ образомъ актъ оплодотворенія, послѣ котораго цвѣтокъ оканчиваетъ свое существованіе и превращается въ плодъ, заключающій въ себѣ сѣмена. Здѣсь половыя отношенія, разумѣется, гораздо проще, чѣмъ въ мірѣ высшихъ животныхъ. У простѣйшихъ животныхъ и у тайнобрачныхъ растеній они еще проще, но объ нихъ намъ не за чѣмъ говорить. У многихъ изъ высшихъ растеній половые органы находятся на разныхъ цвѣткахъ, такъ что одинъ цвѣтокъ имѣетъ въ себѣ только пестикъ, или женскій половой органъ, а другой — только тычинки, или мужскіе органы, вырабатывающіе цвѣточную пыль. Такое раздѣленіе органовъ выгодно для растенія, несмотря на то, что оплодотвореніе при этихъ условіяхъ не можетъ совершаться безъ посторонней помощи. Обыкновенно помогаютъ вѣтеръ и насѣкомыя. Выгода для растенія заключается тутъ въ томъ, что всѣ силы каждаго отдѣльнаго цвѣтка устремляются на одно отправленіе, вмѣсто того чтобы дробиться между двумя различ-

ными занятіями. Здѣсь дѣйствуетъ тотъ великій принципъ раздѣленія труда, который сохраняетъ всю свою силу во всѣхъ отдѣлахъ растительнаго и животнаго царства, начиная отъ экономической дѣятельности человѣка и кончая прозябаніемъ грибовъ и водорослей. Современные натуралисты признали важное значеніе этого принципа и, приложивъ его къ объясненію многихъ явленій органической жизни, назвали его *раздѣленіемъ физіологическаго труда*. У растеній, соединяющихъ оба пола въ одномъ цвѣткѣ, случается иногда, что нѣкоторые субъекты представляютъ одностороннее развитіе, то-есть одинъ изъ половыхъ органовъ развивается въ ущербъ другому. Такой цвѣтокъ очевидно не можетъ оплодотворять самого себя, но зато въ своей спеціальности онъ сильнѣе своихъ нормально сложившихся сверстниковъ, то-есть или его тычинки развиты особенно хорошо и вырабатываютъ цвѣточную пыль отличнаго качества, въ необыкновенномъ изобиліи, или его пестикъ отличается особенно крѣпкой организаціей. Въ первомъ случаѣ нашъ субъектъ съ большимъ успѣхомъ можетъ оплодотворить другой цвѣтокъ; во второмъ случаѣ онъ съ такимъ же успѣхомъ можетъ принять отъ другого оплодотворяющую пыль; въ обоихъ случаяхъ нашъ ненормальный цвѣтокъ, именно вслѣдствіе своей ненормальности, исполнитъ свое спеціальное дѣло отлично; онъ оставитъ послѣ себя многочисленное и крѣпкое потомство, то-есть произведетъ много сѣмянъ, а изъ этихъ сѣмянъ выростутъ при благопріятныхъ условіяхъ здоровыя растенія, и между этими растеніями нѣкоторыя наслѣдуютъ по всей вѣроятности ту односторонность, которою отличался папаша или отличалась мамаша. Эти растенія опять произведутъ здоровое и многочисленное потомство; дѣло пойдетъ вообще обыкновеннымъ путемъ естественнаго выбора, и такимъ образомъ рядомъ съ растеніями, соединяющими въ одномъ цвѣткѣ оба половые органа, возникнетъ и упрочится новая порода такихъ растеній того же сорта, у которыхъ мужской и женскій органы будутъ находиться отдѣльно, на разныхъ цвѣткахъ. Ботаника дѣйствительно знаетъ довольно много такихъ примѣровъ. Помѣщеніе половыхъ органовъ на двухъ различныхъ цвѣткахъ выгодно для растеній въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, вслѣдствіе раздѣленія физіологическаго труда, а во-вторыхъ—потому, что на весь органическій міръ распространяется одинъ общій законъ, который повидимому также находится въ связи съ принципомъ раздѣленія труда. Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что для поддержанія плодовитости необходимо совокупленіе двухъ различныхъ индивидуумовъ. У высшихъ животныхъ и у тѣхъ растеній, у которыхъ половые органы раздѣлены, совокупленіе необходимо предъ каждымъ дѣторожденіемъ. Напротивъ того, у гермафродитовъ животнаго и растительнаго царства, то-есть у тѣхъ породъ, у которыхъ оба органа принадлежатъ одному субъекту, дѣторожденіе производится обыкновенно безъ совокупленія. Каждый субъектъ самъ себя оплодотворяетъ и самъ родитъ. Но если этотъ процессъ продолжается черезъ нѣсколько поколѣній гермафродитовъ, то наконецъ ихъ производительная сила слабѣетъ и истощается, такъ что для возстановленія этой силы необходимо, чтобы два гермафродита одной породы взаимно оплодотворили другъ друга. Послѣ этого гермафродитъ опять можетъ втеченіи нѣсколькихъ поколѣній обходиться безъ посторонней помощи. Такъ это и дѣлается. Гермафродиты изъ класса моллюсковъ иногда совокупляются, а гермафродиты растительнаго царства оплодотворяютъ другъ друга при содѣйствіи вѣтра и насѣкомыхъ, которые переносятъ цвѣточную пыль съ одного цвѣтка на другой и даже очень часто производятъ помѣси между различными породами растеній, находящихся между собой въ близкомъ родствѣ. Если два растенія принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ семействамъ, то цвѣточная пыль одного вовсе не подѣйствуетъ на женскій органъ другого. Если два растенія принадлежатъ къ одному роду, но къ двумъ различнымъ видамъ, тогда они произведутъ помѣсь, которая называется *гибридомъ* и которая будетъ такъ же безплодна, какъ напримѣръ безплодны въ животномъ царствѣ мулы и лошаки, составляющіе помѣсь лошади съ осломъ. Если два растенія принадлежатъ къ одному виду, но къ двумъ различнымъ породамъ или разновидностямъ, то помѣсь ихъ будетъ называться *метисомъ* и будетъ способна размножаться. Наконецъ, если два растенія принадлежатъ къ одной породѣ, то они, оплодотворивши другъ друга, произведутъ такое потомство, которое будетъ здоровѣе и сильнѣе, чѣмъ потомство гермафродита, оплодотворившаго себя своей собственной цвѣточной пылью. Короче сказать, для успѣшнаго дѣторожденія *) необходимо различіе между содѣйствующими сторонами, но только до извѣстныхъ предѣловъ. Когда различіе слишкомъ мало или совсѣмъ не существуетъ, тогда производительная сила слабѣетъ и исчезаетъ. Когда различіе слишкомъ велико, тогда производительная сила тоже слабѣетъ и исчезаетъ. Если мы взглянемъ на высшихъ животныхъ, то увидимъ тутъ съ одной стороны, что совокупленія между очень близкими родственниками портятъ породу, а съ другой стороны, что совокупленія между различными видами или совершенно невозможны, или даютъ безплодное потомство. Теперь понятно почему для растенія выгодно раздѣленіе поло-

*) Я употребляю для краткости это выраженіе въ самомъ обширномъ смыслѣ, прилагая его и къ моллюскамъ, и къ растеніямъ, и къ высшимъ животнымъ, и вообще ко всему органическому міру.

выхъ органовъ:—потому, что такое раздѣленіе непремѣнно требуетъ для дѣторожденія совокупнаго дѣйствія двухъ отдѣльныхъ субъектовъ, а это совокупное дѣйствіе ведетъ за собой улучшеніе и укрѣпленіе породы. Почему именно существуетъ этотъ общій законъ, и изъ какихъ основныхъ свойствъ органической жизни онъ вытекаетъ, этого натуралисты еще не знаютъ, и, стало быть, до поры, до времени намъ приходится только отмѣтить здѣсь его дѣйствительное существованіе, доказанное множествомъ отдѣльныхъ наблюденій.

У нѣкоторыхъ растеній-гермафродитовъ половые органы, соединенные на одномъ цвѣткѣ, устроены такъ, что цвѣтокъ самъ себя оплодотворять не можетъ, и слѣдовательно или умираетъ безъ потомства, или обмѣнивается услугами со своими сверстниками и сосѣдями. Такъ напримѣръ у lobelia fulgens тычинки цвѣтка созрѣваютъ и выдѣляютъ цвѣточную пыль тогда, когда пестикъ того же цвѣтка еще не созрѣлъ и не можетъ воспользоваться оплодотвореніемъ. Ясно, стало-быть, что выработанная пыль или пропадаетъ даромъ, или достается пестику другого цвѣтка, развившагося раньше перваго. Когда же разовьется въ свою очередь пестикъ перваго цвѣтка, тогда оказывается, что тычинки уже отжили и прекратили свою дѣятельность. Тутъ, значитъ, пестику приходится или увядать безъ потомства, или принимать цвѣточную пыль отъ другого, младшаго цвѣтка. Такимъ образомъ выходитъ, что lobelia fulgens въ молодости своей бываетъ мужчиной, а подъ старость становится женщиной. Настоящимъ же гермафродитомъ, то-есть мужчино-женщиной, она никогда не бываетъ. Тутъ очевидно есть противорѣчіе между конструкціей цвѣтка и его дѣятельностью. По конструкціи—онъ настоящій гермафродитъ, а по дѣятельности — однополое растеніе. Это противорѣчіе было бы необъяснимо, если-бы мы предположили, что lobelia fulgens вышла изъ земли съ готовой конструкціей и съ готовой дѣятельностью, подобно тому, какъ нашъ давнишній знакомый, идеальный баранъ, неизмѣнный ovis aries (смотри *введеніе*), вышелъ изъ земли во всеоружіи своихъ аттрибутовъ. Но противорѣчіе объяснится, если мы предположимъ, что естественный выборъ уже переработалъ дѣятельность цвѣтка и еще не успѣлъ переработать его конструкцію.

Вотъ какъ было дѣло. У нѣкоторыхъ экземпляровъ lobelia fulgens тычинки созрѣли чуть чуть пораньше пестика; это индивидуальное уклоненіе такъ же возможно, какъ и всякое другое: оно было выгодно для цвѣтка, потому что вся масса его цвѣточной пыли устремлялась по необходимости на другіе цвѣты, то-есть туда, гдѣ она могла принести величайшее количество пользы; ни одна частица этой пыли не тратилась а свой пестикъ, и, стало-быть, пестикъ, не засоренный своей собственной пылью, былъ въ высшей степени способенъ принять ту пыль, которая вызывала къ дѣятельности всѣ его производительныя силы. Значитъ, и пыль, и пестикъ этихъ цвѣтковъ дѣлали свое дѣло лучше, чѣмъ тѣ же органы другихъ, совершенно нормальныхъ субъектовъ. Ну, а послѣдствія давно извѣстны читателю: крѣпкое потомство, сохраненіе выгодной особенности, сохраненіе тѣхъ субъектовъ, у которыхъ эта особенность сильнѣе развита, чѣмъ у другихъ, усиленіе особенности посредствомъ постояннаго выбора, превращеніе особенности въ постоянное и коренное свойство, образованіе новой видоизмѣненной породы рядомъ со старой и наконецъ совершенная побѣда новой породы надъ старой,—побѣда, приводящая за собой медленное и полное вымираніе старой породы—черезъ эти фазы проходитъ всегда естественный выборъ и черезъ эти же фазы прошелъ онъ тогда, когда измѣнилъ дѣятельность цвѣтка lobelia fulgens. Точно также совершилось бы измѣненіе его конструкціи, лишь бы только представились такія индивидуальныя уклоненія, которыя полезны для цвѣтка и которыми вслѣдствіе этого можетъ овладѣть естественный выборъ. Пусть читатель твердо запомнитъ, что безъ индивидуальныхъ уклоненій естественный выборъ ничего не можетъ сдѣлать. Онъ не производитъ этихъ уклоненій; онъ только сохраняетъ ихъ, а производятся эти уклоненія совершенно другими причинами, и притомъ такими, которыя до сихъ поръ очень мало изслѣдованы.

X.

Образованіе разновидностей, видовъ и родовъ.

Борьба за жизнь, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста, то усиливается и становится болѣе ожесточенной, то ослабѣваетъ и принимаетъ болѣе спокойное теченіе. Если напримѣръ лѣтняя засуха уменьшила въ какой-нибудь степной странѣ количество травы, то, разумѣется, борьба между травоядными сдѣлается особенно сильной. Если въ страну врывается новая порода животныхъ или растеній, то борьба, происходившая обыкновенно между туземными формами, тотчасъ оживляется, потому что пришельцы вносятъ въ эту борьбу еще новый элементъ и еще болѣе перепутываютъ своимъ появленіемъ сложную сѣть прежнихъ отношеній между животными и растеніями. Если какая-нибудь туземная форма животныхъ или растеній испытываетъ то или другое измѣненіе, тотчасъ это измѣненіе отражается на общемъ колоритѣ борьбы, и борьба на время усиливается, потому что остальнымъ формамъ приходится припаровиться къ этому измѣненію, чтобы не потерпѣть отъ него существеннаго ущерба. Чѣмъ обширнѣе страна, чѣмъ она доступнѣе для чужеземныхъ растеній и живот-

ныхъ, чѣмъ разнообразнѣе ея собственное населеніе, тѣмъ ожесточеннѣе кипитъ въ ней борьба за жизнь, тѣмъ чаще происходятъ періодическія усиленія этой борьбы и тѣмъ прихотливѣе и пестрѣе перепутываются отношенія между различными органическими породами. Но чѣмъ ожесточеннѣе борьба, тѣмъ труднѣе побѣда, а такъ какъ живутъ и размножаются только побѣдители, то тѣмъ строже естественный выборъ. Та порода, которая измѣняется въ свою пользу медленнѣе, чѣмъ ея конкурренты, терпитъ рѣшительное пораженіе, теряетъ средства къ существованію и становится малочисленной. А какъ только она начинаетъ убывать, такъ окончательное истребленіе ея становится почти несомнѣннымъ. Во-первыхъ, на малочисленную породу всякія неблагопріятныя обстоятельства, вродѣ холодной зимы, жаркаго лѣта, голоднаго года, дѣйствуютъ гораздо разрушительнѣе, чѣмъ на многочисленную. Малочисленная порода можетъ при такихъ условіяхъ вымерсть безъ остатка, а для многочисленной породы такой трагическій случай представляется въ высшей степени неправдоподобнымъ. Во-вторыхъ, чѣмъ малочисленнѣе порода, тѣмъ меньше существуетъ вѣроятій, что въ этой породѣ обнаружатся такія полезныя индивидуальныя особенности, которыя строгій естественный выборъ могъ-бы сохранить, развить и упрочить. Стало-быть, если не будетъ даже никакихъ неблагопріятностей со стороны климата, то все-таки на убывающую породу будутъ постоянно дѣйствовать съ возрастающей силой тѣ самыя причины, которыя уже попятили ее назадъ. Конкурренты уже опередили ее, конкурренты продолжаютъ измѣняться въ свою пользу быстрѣе, чѣмъ эта отсталая порода, конкурренты съ каждымъ днемъ сильнѣе отбиваютъ у нея насущный хлѣбъ, и все это продолжается до тѣхъ поръ, пока побѣжденная порода не исчезаетъ окончательно. На большихъ материкахъ борьба за жизнь особенно сильна, разнообразіе органическихъ формъ особенно значительно, естественный выборъ особенно строгъ, и слѣдовательно однѣ породы исчезаютъ, а другія совершенствуются гораздо быстрѣе, чѣмъ это дѣлается на островахъ или на такихъ небольшихъ материкахъ, какъ Австралія.

При ожесточенной борьбѣ и при строгости естественнаго выбора побѣда и жизнь достаются только тѣмъ породамъ, которыя одарены чрезвычайно крѣпкой, гибкой и измѣнчивой организаціей. Когда эти породы, выработавшія свои превосходныя свойства цѣлыми тысячелѣтіями самой напряженной борьбы, врываются въ такое мѣсто, гдѣ борьба была слаба и гдѣ естественный выборъ вслѣдствіе этого не отличался строгостью, — тогда въ этомъ уголкѣ земного шара происходитъ что-то похожее на вторженіе гунновъ въ Римскую имперію. Туземные конкурренты разступаются во всѣ стороны, а пришельцы, сдѣлавшись въ самое короткое время полными хозяевами страны, размножаются съ небывалой быстротой, и размноженіемъ своимъ истребляютъ тѣ слабыя и неразвитыя породы, которыя не могутъ выдержать ихъ натиска.

Такимъ образомъ европейскія растенія и животныя, въ томъ числѣ и европейскіе люди, утвердились въ Австраліи и на многихъ островахъ Тихаго Океана, быстро принаровились къ природѣ своего новаго отечества и истребили въ этой природѣ то, что̀ стояло поперекъ ихъ дороги. Растительность острова Мадеры похожа, по словамъ натуралиста Освальда Гира (Heer), на ту флору, которая жила въ Европѣ во время третичнаго геологическаго періода. Въ Австраліи живетъ до сихъ поръ безобразнѣйшее и нелѣпѣйшее млекопитающее съ утинымъ клювомъ, орниторинксъ или утконосъ, которому повидимому давно-бы слѣдовало лежать въ какомъ-нибудь напластованіи земной коры и принадлежать къ разряду ископаемыхъ, или такъ называемыхъ допотопныхъ животныхъ. Эти два факта объясняются тѣмъ, что на Мадерѣ и въ Австраліи борьба за жизнь была слабѣе, чѣмъ на громадномъ материкѣ Стараго Свѣта; поэтому тѣ формы, которыя давно истреблены въ Европѣ, до сихъ поръ могли продержаться тамъ, гдѣ естественный выборъ дѣйствовалъ съ меньшей строгостью. Къ этимъ двумъ фактамъ можно прибавить еще два факта того-же самаго разряда. Во-первыхъ, можно замѣтить, что почти всѣ австралійскія млекопитающія принадлежатъ къ низшему порядку этого класса, именно къ порядку сумчатыхъ, которыя когда-то жили и въ Европѣ, но уже въ далекомъ геологическомъ прошедшемъ сошли со сцены и обратились въ ископаемыхъ. Во-вторыхъ, птица дожила до половины прошлаго столѣтія не на материкѣ, а на островѣ Мадагаскарѣ; на материкѣ, при множествѣ враговъ и конкуррентовъ, эта неуклюжая и беззащитная птица никакъ не продержалась-бы такъ долго.

Стало быть, вотъ въ какой связи представляются намъ явленія органической жизни: на большихъ материкахъ живутъ разнообразныя формы животныхъ и растеній; разнообразіе формъ порождаетъ разнообразіе отношеній и напряженность борьбы; а напряженная борьба ведетъ за собою строгій естественный выборъ, уничтоженіе однѣхъ породъ, совершенствованіе другихъ, движеніе и колебаніе въ органическихъ формахъ, и наконецъ, въ общемъ результатѣ, возвышеніе всего уровня мѣстной органической жизни. Но это еще не все. Если разнообразіе формъ является причиной сильной борьбы и строгаго выбора, то спрашивается, откуда же взялось это самое разнообразіе? Если сказать, что это разнообразіе такъ всегда и было разнообразіемъ, то въ такомъ случаѣ зачѣмъ-же было представлять въ смѣшномъ видѣ мысль объ идеальномъ

баранѣ, выходящемъ изъ нѣдръ земли, подобно Венерѣ, родящейся изъ морской пѣны? Но теперь намъ не зачѣмъ смотрѣть на это разнообразіе, какъ на первобытный и безпричинный фактъ.

Всѣ разновидности, виды, роды, семейства, порядки и такъ далѣе, развились изъ одной общей формы посредствомъ той самой борьбы и того самаго выбора, которые въ настоящее время кажутся намъ слѣдствіями существующаго разнообразія. Какая была общая первобытная форма организма—этого никто никогда не узнаетъ, потому что та эпоха, когда зарождалась на нашей планетѣ органическая жизнь, не оставила, да и не могла оставить намъ рѣшительно никакихъ геологическихъ документовъ. Въ пластахъ земной коры могли сохраниться только твердыя части организма, кости, раковины, дерево, а такой организмъ, который состоитъ изъ твердыхъ и мягкихъ частей, представляетъ уже очень развитое и сложное явленіе. Такое явленіе никакъ не можетъ быть принято за исходную точку органической жизни, во-первыхъ потому, что всѣ организмы безъ исключенія начинаютъ свое развитіе съ простой клѣточки, въ которой, разумѣется, нѣтъ ни костей, ни раковинъ, ни дерева, а есть только слизь, да тоненькая оболочка. Стало быть, о первобытныхъ формахъ и объ исходной точкѣ органической жизни нечего и толковать, потому что гдѣ нѣтъ фактовъ, тамъ не можетъ быть ни научнаго изслѣдованія, ни даже серьезнаго разговора. Тамъ ужъ пускай дѣйствуютъ поэзія и метафизика. Но чтобы объяснить, какимъ образомъ виды, роды, семейства и порядки могли возникнуть и развиться посредствомъ борьбы за жизнь и посредствомъ естественнаго выбора, намъ даже нѣтъ никакой надобности забираться въ такую древность, о которой молчитъ даже геологія. Если намъ удастся только показать, что изъ одного вида могутъ развиться два вида, что такія явленія дѣйствительно встрѣчаются въ природѣ, и что они имѣютъ себѣ основаніе въ самыхъ существенныхъ свойствахъ органической жизни, то цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута. Въ самомъ дѣлѣ, если только дробленіе видовъ на новые виды совершается и должно совершаться въ органической природѣ, то этому дробленію не можетъ быть никакихъ опредѣленныхъ границъ ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Если виды дробятся сегодня, если мы видимъ причину, почему они должны дробиться, и если мы можемъ доказать, что причина эта составляетъ необходимое свойство органической жизни, то не трудно понять, что виды дробились вчера и будутъ дробиться завтра; если-же они дробились въ прежнія времена, то стало быть теперешніе виды составляютъ результатъ прошедшаго дробленія; стало быть, группы близкихъ между собою видовъ составляли въ былое время одну общую форму; а эта общая форма образовала въ прошедшемъ одинъ видъ и связывалась съ другими видами въ родовыя и семейныя группы, которыя всѣ вмѣстѣ въ болѣе отдаленную эпоху имѣли своимъ родоначальникомъ также одну форму, еще болѣе общую; и такимъ образомъ, переходя постоянно отъ частнаго къ общему, къ болѣе общему и къ еще болѣе общему, мы дойдемъ наконецъ до того предѣла, гдѣ кончаются геологическіе документы, и гдѣ слѣдовательно начинается *темное царство* поэзіи и метафизики. Туда мы ужъ не пойдемъ, а вмѣсто того воротимся къ тому вопросу, который составляетъ фундаментъ всего строенія.

Итакъ, я повторяю вопросъ: какимъ образомъ одинъ видъ можетъ раздѣлиться на два вида? Или точнѣе: почему одному виду можетъ быть выгодно и полезно раздѣлиться на два или вообще на нѣсколько видовъ? Отвѣтъ будетъ довольно длиненъ и начнется издалека. Борьба за средства къ существованію происходитъ съ особенной ожесточенностью между существами одной породы или между очень близкими породами. Причина очевидна. Что ѣстъ одинъ баранъ, то ѣстъ и другой баранъ; что нравится одному, то нравится и другому; чего не терпитъ одинъ, того не терпитъ и другой. Быкъ и баранъ оба питаются травою и слѣдовательно также борятся между собою, но быкъ можетъ предпочитать одинъ сортъ травы, а барану можетъ нравиться другой; стало-быть, въ обыкновенное время, когда нѣтъ засухи, борьба быка съ бараномъ слабѣе, чѣмъ междуусобная борьба въ самой породѣ быковъ или барановъ. Съ лошадью баранъ борется еще слабѣе, чѣмъ съ быкомъ, и чѣмъ значительнѣе становится различіе въ организаціи двухъ животныхъ, тѣмъ слабѣе дѣлается ихъ борьба между собой. Съ собакой или съ курицей баранъ уже совсѣмъ не находится въ прямомъ соперничествѣ, хотя онъ можетъ-быть и связанъ съ ними какой нибудь запутанной сѣтью сложныхъ отношеній, вродѣ того, какъ кошка связана съ шмелемъ и съ растеніемъ trifolium pratense. Но до какой степени сильна и истребительна можетъ быть борьба между очень близкими породами и между отдѣльными существами одной породы,—это доказывается многими любопытными наблюденіями. Если перемѣшать сѣмена нѣсколькихъ разновидностей пшеницы, если посѣять ихъ въ одномъ полѣ и потомъ послѣ каждой уборки сѣять опять полученныя сѣмена, не разбирая ихъ по сортамъ, то черезъ нѣсколько лѣтъ нѣкоторыя изъ посѣянныхъ разновидностей совершенно вытѣснятся другими, болѣе крѣпкими, болѣе плодовитыми и болѣе соотвѣтствующими данному климату и данной почвѣ. То-же самое произойдетъ, если вы будете сѣять вмѣстѣ разновидности душистаго горошка, отличающіяся другъ отъ друга только красками цвѣтовъ. Сильные въ нѣсколько лѣтъ совершенно

уничтожатъ слабыхъ. Если пустить нѣкоторыя породы горныхъ барановъ въ одно пастбище съ другими, то этимъ другимъ придется терпѣть голодъ, между тѣмъ какъ первые будутъ постоянно наѣдаться и благоденствовать. То-же самое случится между различными сортами медицинскихъ піявокъ, если вы будете кормить ихъ въ одномъ резервуарѣ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ берутся отношенія между отдѣльными разновидностями, потому что въ такихъ случаяхъ результатъ борьбы выражается особенно наглядпымъ образомъ; но само собой разумѣется, что внутри каждой разновидности идетъ еще болѣе ожесточенная борьба между отдѣльными субъектами, потому что чѣмъ значительнѣе сходство, тѣмъ чаще должны быть столкновенія и тѣмъ ежеминутнѣе должно быть соперничество; вѣдь и въ приведенныхъ примѣрахъ не разновидность идетъ на разновидность, а просто каждый отдѣльный организмъ стоитъ за самого себя, сколько хватитъ его силъ, и при этомъ совершенно неумышленно и безпристрастно отбиваетъ хлѣбъ, какъ у того, кто похожъ на него какъ двѣ капли воды, такъ и у того, кто немного отличается отъ него складомъ тѣла или цвѣтомъ шерсти. Результатъ, то-есть торжество одной разновидности надъ другой, получается не вслѣдствіе генеральнаго сраженія, а вслѣдствіе множества ежеминутныхъ и мельчайшихъ дуэлей; да и дуэли-то большей частью такія, въ которыхъ противники не видятъ и не знаютъ другъ друга въ глаза; весь поединокъ состоитъ въ томъ, что каждый миролюбивѣйшимъ образомъ набиваетъ себѣ желудокъ какъ можно полнѣе и стало-быть другимъ оставляетъ какъ можно меньше съѣстного матеріала.

Представимъ себѣ теперь, что въ странѣ *A* порода *B* размножилась до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Когда этотъ крайній предѣлъ достигнутъ, тогда все-таки половыя отправленія породы не прекращаются. Самцы попрежнему оплодотворяютъ самокъ, а самки попрежнему рождаютъ дѣтей. Порода *B* не знаетъ политической экономіи и не имѣетъ понятія о томъ «моральномъ самовоздержаніи», которое Мальтусъ и Милль такъ остроумно рекомендуютъ англійскимъ работникамъ. Что же изъ этого можетъ выйти? Подъ именемъ страны я понимаю здѣсь пространство земли, окаймленное естественными границами; съ одной стороны напримѣръ цѣпь горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами, съ другой — песчаная пустыня, а съ остальныхъ сторонъ — море; значитъ, выхода нѣтъ; выселеній быть не можетъ; стало-быть, если порода *B* размножилась до maximum'а, то каждый годъ извѣстному числу этихъ животныхъ приходится умирать голодной смертью. Оно конечно приходится; но вѣдь умирать съ голоду до такой степени непріятно, что каждое животное, какъ бы оно ни было глупо, будетъ все-таки подниматься на всѣ доступныя ему хитрости, чтобы поставить вопросъ какъ нибудь иначе. Если ужъ никакъ нельзя прожить на бѣломъ свѣтѣ, такъ оно постарается по крайней мѣрѣ умереть какой-нибудь другой смертью. Вѣдь мы видимъ напримѣръ, что голодный волкъ бросается на человѣка, котораго онъ не трогаетъ во времена своего благоденствія, хотя повидимому сытый организмъ долженъ быть сильнѣе и стало-быть смѣлѣе голоднаго. Видимъ мы также, что и люди во время голода набиваютъ себѣ желудокъ разными негодными веществами и вслѣдствіе этого умираютъ отъ болѣзней, что̀ все-таки какъ-то легче, чѣмъ умереть отъ чистаго голода. Такого же рода явленія обнаружатся и въ нашей породѣ *B*. Прежде всего отложена будетъ въ сторону всякая прихотливость и брезгливость. Положимъ, что порода *B* плотоядна; стало-быть, главная часть ея задачи состоитъ не въ томъ, чтобы переварить съѣденное вещество, а въ томъ, чтобы найти это вещество, которое и бѣгаетъ, и летаетъ, и плаваетъ. Надо пронюхать, высмотрѣть, подкараулить, догнать, перехитрить и одолѣть живую добычу. Тутъ требуются и сила, и ловкость, и острота чувствъ, и смышленость, и навыкъ; открывается, какъ видите, очень обширное поле для индивидуальныхъ способностей, и мы легко можемъ себѣ представить безчисленное множество оттѣнковъ въ развитіи каждой изъ этихъ способностей и въ распредѣленіи ихъ между отдѣльными животными одной и той же породы. Глядя на двухъ животныхъ этой породы, поставленныхъ рядомъ, мы конечно не замѣтимъ этихъ оттѣнковъ; и тотъ — волкъ, и этотъ — волкъ, да если еще притомъ они одного роста и одного цвѣта, то мы и рѣшаемъ, что они совершенно равны между собой; но разница выразится въ результатахъ; если одинъ съумѣетъ кормиться лучше другого, то, значитъ, у него есть какое-нибудь преимущество, незамѣтное для нашихъ глазъ, но очень важное для его жизни. Само собой разумѣется, что въ нашей породѣ *B* будутъ одни субъекты очень даровитые, другіе — посредственные, а третьи — ужъ гораздо поплоше. Если порода *B* до своего крайняго размноженія имѣла привычку питаться исключительно мясомъ тѣхъ животныхъ, которыхъ сами они только что растерзали, то послѣ размноженія эта привычка превратится уже въ роскошь, доступную только для геніевъ первой величины. Непросвѣщенная толпа принуждена будетъ привыкать понемногу къ падали, и даже къ очень несвѣжей падали, потому что все-таки гнилое мясо лучше, чѣмъ голодная смерть. А самымъ плохимъ субъектамъ по всей вѣроятности и лизнуть не придется свѣжей пищи. Разумѣется, этотъ процессъ привыканія будетъ доставаться туго и окупаться цѣной многихъ пожертвованій. Желудки, устроенные для свѣжей пищи, не будутъ переносить падали, и многія

животныя переколѣютъ отъ разлагающагося мяса. Но нѣкоторыя переживутъ; борьба за жизнь завяжется между самыми плохими субъектами, и естественный выборъ, начавши дѣйствовать въ этомъ направленіи, будетъ постоянно сохранять тѣ желудки, которые успѣшнѣе прочихъ переваривають несвѣжую пищу. Подъ вліяніемъ этой пищи и при содѣйствіи тѣхъ привычекъ и способностей, которыхъ требуетъ ея отыскиваніе, сформируется изъ самыхъ плохихъ субъектовъ породы B отдѣльная разновидность, у которой проявятся современемъ очень замѣтныя отличія отъ организаціи лучшихъ представителей кореннаго типа. Естественный выборъ будетъ постоянно увеличивать эти отличія, и не трудно понять, почему это будетъ дѣлаться такимъ образомъ. Между чистымъ стервятникомъ (извините за выраженіе; оно впрочемъ употребляется въ учебникахъ зоологіи) и чистымъ хищникомъ будетъ существовать сначала промежуточная категорія животныхъ той же породы B. Эти — *ни-то*, *ни-се* будутъ самыми обиженными созданіями. У нихъ меньше талантовъ, чѣмъ у передовыхъ геніевъ породы, и больше желудочной требовательности, чѣмъ у самой крайней сволочи той же породы. Пойдутъ они за живой добычей — въ дуракахъ останутся, и притомъ въ голодныхъ дуракахъ, потому что настоящіе, первоклассные хищники вездѣ ужъ успѣли побывать раньше ихъ; наѣдятся наши горемыки падали, опять бѣда выйдетъ; на нѣсколько дней животъ разболится, а то и совсѣмъ ноги протянуть придется. Ясно стало-быть, что передъ хищниками лежитъ одинъ путь развитія, а передъ стервятниками—совсѣмъ другой, и чѣмъ дальше они будутъ расходиться между собой, тѣмъ лучше будетъ для тѣхъ и для другихъ. Хищнику надо работать мозгомъ, нервами чувствъ и мускулами произвольнаго движенія, а стервятнику—преимущественно желудкомъ, да еще пожалуй нервами обонянія. Естественный выборъ такъ и будетъ дѣйствовать по этимъ двумъ направленіямъ, и постоянно будетъ сохранять лучшихъ представителей обѣихъ разновидностей; а такъ какъ самый лучшій хищникъ всего менѣе похожъ на самаго лучшаго стервятника, то ясно, что разстояніе между ними подъ вліяніемъ естественнаго выбора будетъ незамѣтно увеличиваться въ каждомъ новомъ поколѣніи. Связь между этими двумя крайними формами будутъ составлять съ одной стороны плохіе хищники, а съ другой стороны—плохіе стервятники, между которыми невозможно будетъ провести ясную пограничную черту; но мы уже видѣли, что этимъ плохимъ формамъ приходится круто; естественный выборъ постоянно направляется противъ нихъ и производится на ихъ счетъ, то-есть онъ именно и состоитъ въ ихъ постоянномъ истребленіи; если эти *ни-то*, *ни-се* будутъ мыкаться между двумя ясно очерченными разновидностями, то ихъ попремѣнно сотрутъ съ лица земли; чтобы не уничтожиться, имъ надо броситься куда-нибудь въ сторону, то-есть выйти изъ своей безцвѣтной промежуточности, найти себѣ собственную спеціальность и превратиться въ новую разновидность. Кто можетъ это сдѣлать, то-есть, у кого есть зародышъ оригинальной способности, тотъ такъ и сдѣлаетъ; а кто не можетъ, тотъ будетъ раздавленъ между двумя опредѣлившимися разновидностями.

Такъ какъ мы предположили, что порода B очень многочисленна, то мы можемъ и должны допустить, что у ея отдѣльныхъ представителей найдутся зародыши многихъ разнообразныхъ способностей; чѣмъ больше въ какой-нибудь породѣ отдѣльныхъ животныхъ, тѣмъ больше индивидуальныхъ особенностей, и стало-быть тѣмъ больше шансовъ, что найдутся и такія особенности, которыя разовьются въ разныя стороны подъ вліяніемъ естественнаго выбора. Если порода B размножилась въ странѣ A до maximum'а, то она, разумѣется, одержала побѣду надъ разными другими породами, жившими въ томъ же мѣстѣ и составлявшими ей конкуренцію. Побѣда одерживается той породой, которая обладаетъ особенно гибкой организаціей и вслѣдствіе этого способна измѣняться въ свою пользу скорѣе, чѣмъ ея соперники. Гибкость организаціи заключается именно въ томъ, что каждое нарождающееся поколѣніе представляетъ множество легкихъ, но очень разнообразныхъ индивидуальныхъ оттѣнковъ. Стало-быть, предположеніе наше, что въ породѣ B найдутся зародыши многихъ оригинальныхъ способностей, не только не заключаетъ въ себѣ никакой натяжки, но даже составляетъ необходимое слѣдствіе того основнаго предположенія, что порода B размножилась до крайнихъ предѣловъ.

Въ чемъ-же могутъ состоять эти способности?—Да мало-ли въ чемъ!—Замѣчено напримѣръ, что однѣ изъ нашихъ домашнихъ кошекъ занимаются преимущественно ловлею мышей; другія—охотятся больше за крысами; третьи—ловятъ молодыхъ птицъ и разоряютъ гнѣзда; четвертыя — добываютъ кроликовъ и зайцевъ; бываютъ и такія, которыя каждую ночь отправляются на болото и подкарауливаютъ тамъ куликовъ и бекасовъ. Всѣ эти вещи кошка дѣлаетъ безо всякой особенной надобности, потому что хозяева не дали-бы ей умереть съ голода, еслибы даже она совершенно спокойно сидѣла дома; дѣлаетъ она это потому, что всякому животному свойственно стремленіе упражнять ту способность, которая въ немъ существуетъ; но, когда ловля добычи перестаетъ быть развлеченіемъ и становится дѣломъ жизни, тогда, разумѣется, каждая существующая способность совершенно выясняется и доводится до послѣдней степени напряженія. Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ гористой мѣстности Кэтскилль, живутъ двѣ разновидности волковъ, которые замѣтно отли-

чаются другъ отъ друга, какъ складомъ тѣла, такъ и спеціальностью занятій. Одни—похожи на борзую собаку и преслѣдуютъ дикихъ животныхъ. Другіе—помассивнѣе и посильнѣе—занимаются домашними животными. Особенности этихъ двухъ типовъ выработаны конечно естественнымъ выборомъ, который дѣйствовалъ на одну и ту-же породу по двумъ различнымъ направленіямъ, выбирая въ первомъ случаѣ самыхъ быстрыхъ, а во второмъ—самыхъ сильныхъ волковъ. Быстрому волку было удобнѣе охотиться за дикимъ животнымъ, потому что тутъ главное дѣло состояло въ томъ, чтобы догнать; чтобы справиться съ зайцемъ или даже съ ланью немного требуется силы; а догнавши и справившись, волкъ могъ преспокойно расположиться на мѣстѣ и обѣдать, потому что дѣло происходило въ лѣсу, или вообще въ какомъ-нибудь уединенномъ и тихомъ убѣжищѣ. Напротивъ того, волку, пускающемуся на охоту за домашними животными, необходима сила, не для того, чтобы одолѣть овцу или свинью, а для того, чтобы унести ее въ безмятежное пристанище. Такъ стало быть и произошло раздѣленіе одной породы на двѣ разновидности, потому что естественный выборъ здѣсь, какъ и вездѣ, благопріятствовалъ крайностямъ и истреблялъ промежуточные оттѣнки.

Такого же рода особенности могли проявиться въ породѣ *B*. Напримѣръ нѣкоторые субъекты могли быть по росту гораздо меньше своихъ сверстниковъ. Это обстоятельство могло быть для нихъ полезно, потому что при маломъ ростѣ они могли поддерживать свою жизнь меньшимъ количествомъ пищи. Если только малорослость была полезна, то естественный выборъ могъ образовать очень мелкую разновидность, которая, вмѣсто того чтобы преслѣдовать зайцевъ или ланей, обратила свою дѣятельность на крысъ и мышей. Такъ какъ для этой мелкой охоты требуются свои спеціальныя качества, то естественный выборъ сохранилъ и развилъ-бы зародыши этихъ качествъ, такъ что рядомъ съ крупными хищниками и съ стервятниками образовалась-бы отдѣльная порода мышатниковъ или крысятниковъ. Нѣкоторые субъекты могли отличатся особенною гибкостью членовъ и цѣпкостью когтей; такіе стали бы взлѣзать на деревья и поѣдать птичьи яйца или молодыхъ птенцовъ, или медъ дикихъ пчелъ, какъ то дѣлаетъ медвѣдь, или-же, подобно рыси, они могли-бы караулить свою добычу, сидя на деревѣ, и потомъ бросаться на нее сверху; опять естественный выборъ крайнихъ представителей и опять новая разновидность, или пожалуй порода. Потомъ нашлись-бы такіе, которые плаваютъ легче другихъ и держатся охотно по близости воды; эти стали-бы донимать болотныхъ птицъ, или лягушекъ, или, поусовершенствовавшись въ плаваніи и нырянія, рыбъ, раковъ и моллюсковъ. Опять новая порода, похожая напримѣръ на выдру. Могли-бы быть такіе субъекты, которые немного лучше видятъ подъ вечеръ, чѣмъ въ серединѣ дня. Имъ было-бы выгодно выходить на промыселъ тогда, когда конкуренты отдыхаютъ. Естественный выборъ благопріятствовалъ-бы тѣмъ, которые выходятъ попозднѣе, то есть тѣмъ, у которыхъ глаза всего лучше приспособлены къ полумраку. Разовьется такимъ образомъ особенное устройство зрительнаго аппарата и образуется порода ночныхъ хищниковъ.

Если нѣкоторые субъекты могли привыкнуть къ падали, то другіе могли понемногу помириться съ плодами, съ зернами, съ кореньями и съ разными другими видами растительной пищи. Опять новая порода. Я насчиталъ семь породъ, и читатель конечно согласится, что, раздробившись такимъ образомъ, порода *B* имѣетъ въ своемъ распоряженіи гораздо больше пищи, и слѣдовательно можетъ размножаться гораздо сильнѣе, чѣмъ тогда, когда она предоставляла одинъ нераздѣленный видъ. Въ растительномъ мірѣ мы видимъ совершенно такія-же явленія. Цѣлый рядъ опытовъ доказалъ, что если напримѣръ на одной десятинѣ посѣять траву одного сорта, а на другой десятинѣ такой-же земли посѣять травы нѣсколькихъ очень различныхъ сортовъ, то со второй десятины получится больше сѣна, чѣмъ съ первой. Это понятно. Тѣло травы (если можно такъ выразиться) выработывается изъ составныхъ частей почвы и изъ тѣхъ газовъ, которые плаваютъ въ атмосферномъ воздухѣ. Одна трава тянетъ изъ почвы преимущественно одно вещество, а другая—другое. Гдѣ цѣлая десятина засѣяна однимъ сортомъ травы, тамъ будетъ вытянуто только одно вещество, а другое, третье, четвертое, которыя были-бы вытянуты другими травами, такъ и останутся въ почвѣ. А гдѣ земля засѣяна разными травами, тамъ многія составныя части почвы пойдутъ въ дѣло и превратятся въ траву.

Читатель конечно ясно видитъ сходство этого примѣра съ исторіей нашей возлюбленной породы *B*. Тамъ тоже, пока всѣ питались одной пищей, до тѣхъ поръ былъ голодъ; какъ стали питаться разною пищей, такъ явилась возможность размножаться и благоденствовать. Въ акклиматизаціи животныхъ и растеній замѣчены также многіе факты, представляющіе собою отдѣльныя проявленія того-же самаго принципа. На первый взглядъ можетъ показаться, что въ какой-нибудь странѣ должны расплодиться особенно успѣшно тѣ формы животныхъ и растеній, которыя очень близки къ туземнымъ формамъ. Процессъ мысли тутъ такой: если туземцамъ тутъ хорошо жить, то должно быть хорошо и тѣмъ пришельцамъ, которые требуютъ себѣ совершенно одинаковыхъ условій жизни. На видъ такое разсужденіе довольно благообразно, но все-таки я на моего читателя надѣюсь, что ужъ

онъ такимъ образомъ разсуждать не будетъ. Онъ уже понимаетъ, что борьба за жизнь и отношенія между организмами важнѣе простыхъ климатическихъ вліяній. Если травоядное вступаетъ въ такую страну, гдѣ очень много своихъ травоядныхъ, то ему предстоитъ побѣдить конкурентовъ или умереть, а побѣда будетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше конкурентовъ и чѣмъ значительнѣе ихъ сходство съ новымъ пришельцемъ. Если это чужеземное животное имѣетъ въ своей организаціи очень сильное преимущество надъ туземцами, то, значитъ, оно на нихъ непохоже и утверждается въ странѣ, именно благодаря этому несходству. Если-же у пришлой породы нѣтъ этого счастливаго несходства, то ей по всей вѣроятности предстоитъ полное пораженіе, потому что туземцы обыкновенно бываютъ многочисленнѣе пришельцевъ, а ужъ я говорилъ о томъ, какія огромныя преимущества доставляетъ какой-нибудь породѣ ея многочисленность. Но пустимъ плотояднаго звѣря въ такую страну, гдѣ живутъ только травоядныя, и мы конечно увидимъ, что новый гость очень скоро сдѣлается хозяиномъ и будетъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ. Пустимъ насѣкомоядную птицу туда, гдѣ очень много насѣкомыхъ и гдѣ нѣтъ на нихъ никакой грозы, и произойдетъ таже самая исторія. Пустимъ наконецъ растеніе въ такую страну, гдѣ нѣтъ ни одного представителя этого рода растеній, и тогда растеніе это расплодится, если только не встрѣтится непреодолимыхъ препятствій со стороны климата и почвы. Въ Соединенныхъ Штатахъ акклиматизировано 260 растеній, которыя принадлежатъ къ 162 отдѣльнымъ родамъ, и изъ этого послѣдняго числа 100 родовъ не имѣютъ во всей странѣ ни одного туземнаго представителя. Стало быть, привились именно такія формы, которыя представляютъ чрезвычайно мало сходства съ туземной флорой.

Общій выводъ тотъ, что полнота жизни и разнообразіе формъ всегда должны идти рядомъ. Если-бы весь земной шаръ былъ заселенъ только одной формой животныхъ и одной формой растеній, то, какъ-бы ни были эти животныя и растенія мелки, все-таки на нашей планетѣ помѣщалось-бы тогда меньшее число организмовъ, чѣмъ теперь, несмотря на то, что теперь есть организмы довольно крупные. Всѣ организмы стремятся къ безграничному размноженію; стремленіе это никогда не ослабѣваетъ и никогда не удовлетворяется вполнѣ, потому что всѣ организмы стараются заселить собою всю землю, и слѣдовательно всѣ тѣснятъ и сдерживаютъ другъ друга; но всего полнѣе стремленіе къ размноженію можетъ удовлетвориться при крайнемъ развитіи разнообразія. Стало быть, дробленіе формъ на новыя формы составляетъ въ жизни природы необходимое явленіе. Когда дробленіе началось, тогда крайнія формы одерживаютъ перевѣсъ надъ промежуточными и стремятся сдѣлаться еще болѣе крайними. Такимъ образомъ легкія и индивидуальныя особенности даютъ начало прочнымъ разновидностямъ; разновидности, постоянно удаляясь другъ отъ друга, превращаются въ отдѣльные виды; виды дробятся и становятся родовыми группами; въ родовой группѣ крайніе виды развиваются обыкновенно лучше среднихъ; средніе уничтожаются; изъ одной родовой группы вслѣдствіе этого выпаденія среднихъ видовъ образуются двѣ отдѣльныя группы, которыя вмѣстѣ составляютъ семейство. И этотъ процессъ развѣтвленія идетъ все дальше и дальше; проходятъ милліоны лѣтъ, милліоны вѣковъ, милліоны тысячелѣтій; одни отдѣлы разростаются и дробятся, другіе слабѣютъ и уничтожаются; исчезаютъ незамѣтно цѣлыя семейства, порядки и классы и наконецъ получаются тѣ безконечно разнообразныя и рѣзко очерченныя формы, съ которыми въ настоящее время никакъ не умѣютъ справиться классификаторы.

Читателю много кажется тутъ неяснымъ, но, во-первыхъ, идеи Дарвина только что входятъ въ науку и до сихъ поръ еще не были приложены къ разъясненію подробностей; а во-вторыхъ, если читатель думаетъ, что журнальная статья можетъ раскрыть передъ нимъ «тайну тайнъ» и показать ему все естествознаніе, какъ на ладони, то онъ сильно ошибается. Если читатель уловилъ до сихъ поръ только самыя существенныя черты дарвиновскихъ идей, если онъ только заинтересовался такимъ вопросомъ, который прежде даже не былъ для него вопросомъ, то этого на первый разъ уже черезъ-чуръ достаточно.

XI.

Различныя видоизмѣненія.

Въ предыдущихъ главахъ мы видѣли, что всѣ животныя и всѣ растенія постоянно борятся между собою за средства къ существованію. Побѣждаютъ въ этой борьбѣ тѣ животныя и тѣ растенія каждой породы, которыя отличаются какими-нибудь выгодными, хотя быть-можетъ и незамѣтными особенностями своей организаціи. Побѣдители переживаютъ своихъ побѣжденныхъ единоплеменниковъ и оставляютъ послѣ себя многочисленное потомство, а изъ этого потомства живутъ долго и размножаются сильно тѣ субъекты, которые получили въ особенно значительной степени выгодныя качества родительской комплекціи. Такимъ образомъ выгодныя особенности тѣлосложенія сохраняются въ породѣ, и этотъ процессъ сохраненія называется, какъ мы видѣли, естественнымъ выборомъ. Если-бы всѣ животныя и всѣ растенія рождались всегда совершенно похожими на своихъ родите-

лей, т. е. еслибы не было никакого индивидуальнаго разнообразія, тогда не могло-бы быть и естественнаго выбора, потому что тогда не было-бы никакихъ выгодныхъ особенностей, и стало быть нечего было-бы сохранять. Естественный выборъ составляетъ такимъ образомъ прямое слѣдствіе тѣхъ видоизмѣненій, которыя проявляются въ каждой породѣ животныхъ и растеній. Когда видоизмѣненіе представилось, тогда естественный выборъ или сохраняетъ, или отбрасываетъ его, т. е., говоря другими словами, видоизмѣненный организмъ или переживаетъ своихъ сверстниковъ, или умираетъ раньше ихъ. Но чтобы видоизмѣненный организмъ могъ сдѣлать то или другое, ему очевидно сначала надо родиться видоизмѣненнымъ. Видоизмѣненіе должно уже существовать прежде, чѣмъ оно подвергнется дѣйствію естественнаго выбора. Какія же причины производятъ эти видоизмѣненія и по какимъ законамъ они совершаются? Дать на этотъ вопросъ полный и удовлетворительный отвѣтъ современная наука еще не въ состояніи; но кое-какіе факты уже собраны, и нѣкоторыя общія заключенія могутъ быть сдѣланы уже въ настоящее время.

Климатическія условія, т. е. воздухъ, свѣтъ, теплота, влажность, производятъ въ организмахъ нѣкоторыя измѣненія и дѣйствуютъ обыкновенно на растительное царство сильнѣе, чѣмъ на животное. Замѣчено, что многія растенія, живущія на берегу моря, имѣютъ мясистые листья; насѣкомыя, водящіяся по берегамъ, отличаются металлическимъ блескомъ крыльевъ и тѣла; моллюски, живущіе въ тропическихъ моряхъ и на незначительной глубинѣ, яркостью своихъ красокъ превосходятъ тѣхъ моллюсковъ, которые держатся въ глубокихъ и холодныхъ водахъ; птицы, обитающія внутри материковъ, носятъ болѣе пестрое и блестящее опереніе, чѣмъ тѣ птицы, которыя водятся на островахъ и на берегахъ. Всѣ эти особенности не только свойственны тѣмъ породамъ, которыя составляютъ коренное населеніе этихъ мѣстностей, но онѣ даже пріобрѣтаются многими пришлыми породами; такимъ образомъ, если наблюдатель постепенно переходитъ отъ болѣе холодныхъ морей къ болѣе теплымъ, или отъ болѣе глубокихъ водъ къ болѣе мелкимъ, то онъ замѣчаетъ, что одна и та-же порода моллюсковъ постепенно окрашивается болѣе яркими оттѣнками. Точно также птицы одной породы становятся болѣе или менѣе яркими, смотря по тому, гдѣ онѣ живутъ, въ сухой или жаркой странѣ материка, или подъ сѣрымъ небомъ острововъ и приморскихъ земель. То-же самое происходитъ со многими растеніями и насѣкомыми, т. е., приближаясь къ морю, первыя пріобрѣтаютъ мясистые листья, а вторыя — металлическій блескъ, несмотря на то, что ихъ порода не отличалась этими особенностями, когда жила вдали отъ береговъ. Извѣстно, что у животныхъ одной породы мѣхъ бываетъ тѣмъ гуще, чѣмъ холоднѣе мѣсто ихъ жительства. Но здѣсь вмѣшивается въ дѣло естественный выборъ, и поэтому результатъ не можетъ быть приписанъ исключительно прямому дѣйствію климата. Если напримѣръ пара медвѣдей, по какому нибудь случаю будетъ принуждена переселиться изъ умѣреннаго климата въ холодный то мы никакъ не можемъ утверждать, что медвѣдица въ новомъ своемъ отечествѣ родитъ всѣхъ дѣтей съ болѣе густымъ мѣхомъ, чѣмъ еслибы они родились на прежнемъ мѣстѣ жительства; но тѣ медвѣжата, у которыхъ мѣхъ будетъ погуще, получатъ преимущество надъ своими жидкошерстными братьями; первые вѣроятно переживутъ послѣднихъ, и такъ какъ естественный выборъ будетъ дѣйствовать такимъ-же образомъ на всѣ слѣдующія поколѣнія, то потомство медвѣдей умѣреннаго пояса рано или поздно пріобрѣтетъ себѣ тотъ густой мѣхъ, который необходимъ для обитателей холодной страны. Если это пріобрѣтеніе дѣйствительно совершится, то мы никакъ не будемъ въ состояніи рѣшить, какую долю вліянія тутъ надо приписать прямому дѣйствію климата, и какую — естественному выбору, т. е., потому-ли мѣхъ сдѣлался густымъ, что холодный воздухъ особеннымъ образомъ дѣйствуетъ на кожу и поощряетъ произрастаніе волосъ, или потому, что медвѣди постоянно рождались отъ густошерстныхъ родителей, которые, благодаря своему теплому мѣху, постоянно переживали своихъ сверстниковъ, плохо защищенныхъ отъ холода? То же безвыходное затрудненіе представляется каждый разъ, когда какое-нибудь видоизмѣненіе приноситъ животному или растенію малѣйшую долю пользы. Гдѣ польза, тамъ непремѣнно дѣйствуетъ естественный выборъ, и отдѣлить его вліяніе отъ прямого дѣйствія климатическихъ условій нѣтъ никакой возможности.

Если какой-нибудь органъ животнаго часто упражняется, то онъ развивается и усиливается; если же онъ находится въ бездѣйствіи, то онъ слабѣетъ и атрофируется, т. е. увядаетъ отъ недостатка питанія. Эти пріобрѣтенныя свойства органа, т. е. его сила или его слабость, передаются по наслѣдству, и если дѣти ведутъ жизнь, сходную съ жизнью родителей, то эта сила или эта слабость увеличиваются и въ такомъ увеличенномъ видѣ переходятъ къ слѣдующему поколѣнію. Говоря о домашнихъ животныхъ, я указывалъ читателю на сильное развитіе вымени у дойныхъ коровъ и на слабость крыльевъ у нашихъ утокъ. Подобные факты встрѣчаются и у дикихъ животныхъ, съ той только неизбѣжной разницей, что какъ чрезмѣрное развитіе, такъ и атрофія органа непремѣнно должны быть въ какомъ-нибудь отношеніи полезны для самаго животнаго, потому что еслибы

они не были полезны, то они были-бы немедленно уничтожены дѣйствіемъ естественнаго выбора и слѣдовательно не могли-бы превратиться въ постоянныя свойства отдѣльной разновидности или цѣлаго вида. Если животное поставлено въ такія условія жизни, при которыхъ тотъ или другой органъ перестаетъ быть для него необходимымъ, то для этого животнаго положительно полезно, чтобы этотъ ненужный органъ атрофировался. Атрофія безполезнаго органа дастъ животному возможность усилить и увеличить необходимые органы.

Читателю извѣстно, что вся масса питательнаго вещества, которое нашъ желудокъ и кишечный каналъ извлекаетъ изъ того, что мы ѣдимъ и пьемъ, — постоянно употребляется на возстановленіе нашего организма, который ежеминутно разрушается процессами дыханія, потѣнія, испражненія и разныхъ другихъ выдѣленій. Для организма выгодно, чтобы каждая частица питательнаго вещества приносила какъ можно больше пользы, т. е., чтобы она употреблялась именно туда, гдѣ она всего болѣе необходима, именно на тѣ органы, которые всего болѣе содѣйствуютъ общему благосостоянію всего организма. Такой органъ, который постоянно находится въ бездѣйствіи, не можетъ приносить организму существенной пользы; стало быть, организму невыгодно кормить такого дармоѣда; организму удобнѣе или перенести въ другое мѣсто то количество пищи, которое пошло бы на питаніе безполезнаго органа или совершенно сберечь это количество, то-есть покрыть свои неизбѣжные расходы меньшей массой питательнаго вещества. Это послѣднее обстоятельство, то-есть возможность сводить концы съ концами при меньшемъ количествѣ пищи, особенно важно для дикихъ животныхъ, которыя принуждены брать себѣ съ бою каждый кусокъ питательнаго вещества. Бездѣйствующій органъ атрофируется, а такъ какъ эта атрофія полезна для животнаго, то естественный выборъ поощряетъ ее и во многихъ случаяхъ успѣлъ уже обратить ее въ постоянное свойство цѣлыхъ породъ.

Такимъ путемъ образовались породы дикихъ птицъ, неспособныхъ летать, напримѣръ страусы, казуары, пингвины, малокрылыя утки (anas brachyptera). Такимъ же образомъ произошло то, что многіе навозные жуки или совершенно лишены передней пары ногъ, или имѣютъ эти органы въ зачаточномъ, то-есть совершенно неразвитомъ состояніи. По той же причинѣ глаза кротовъ и другихъ животныхъ, постоянно копающихся въ землѣ, остаются навсегда совершенно неразвитыми, а иногда покрываются даже кожей и заростаютъ шерстью; чѣмъ меньше глазъ и чѣмъ плотнѣе онъ защищенъ кожей и волосами, тѣмъ это удобнѣе для такихъ животныхъ, которыя никогда не выходятъ на свѣтъ; смотрѣть кроту нечего, потому что онъ постоянно держится въ темнотѣ, а большой и открытый глазъ во время ежедневныхъ подземныхъ странствованій крота долженъ былъ-бы часто засоряться и подвергаться воспаленію. Отсутствіе упражненія ослабляло такимъ образомъ глазъ, а естественный выворъ сохранялъ тѣхъ кротовъ, которые всего менѣе страдали отъ глазныхъ воспаленій, и вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ глазъ кротовъ дошелъ до своего теперешняго зачаточнаго состояніе. Въ огромныхъ пещерахъ австрійской провинціи Карнеоліи и американскаго штата Кентукки живутъ цѣлыя особенныя породы крысъ, насѣкомыхъ, лягушекъ, раковъ и даже рыбъ, такъ какъ въ этихъ пещерахъ находятся подземныя озера и рѣки. Всѣ эти животныя, принадлежащія къ самымъ различнымъ отдѣламъ и классамъ, сходятся между собой въ томъ отношеніи, что всѣ они совершенно слѣпы. У тѣхъ, которыя живутъ поближе къ самому входу въ пещеру, глаза существуютъ, но ничего не видятъ; а у многихъ другихъ, живущихъ въ самой глубинѣ, совершенно нѣтъ органовъ зрѣнія, но зато сильно развиты усики, щупальцъ и разные другіе органы осязанія. Климатъ Карнеоліи очень сходенъ съ климатомъ Кентукки; пещеры той и другой страны составились изъ известковыхъ формацій и находятся на одинаковой глубинѣ; стало быть, условія жизни въ обѣихъ пещерахъ совершенно сходны между собой; если мы предположимъ, что породы слѣпыхъ животныхъ были созданы спеціально для того, чтобы жить въ глубокихъ и темныхъ пещерахъ, то, разсуждая послѣдовательно, мы придемъ къ тому убѣжденію, что животныя, созданныя для одинаковыхъ условій, должны быть одинаковы или по крайней мѣрѣ очень сходны между собой, и что стало-быть обитатели американскихъ пещеръ должны быть очень похожи на европейскихъ. Но факты разобьютъ это убѣжденіе. Оказывается на самомъ дѣлѣ, что американскія и европейскія слѣпыя животныя не похожи другъ на друга; но зато существуетъ родственная связь между обитателями пещеры и тѣми зрячими животными, которыя водятся въ ея окрестностяхъ, то-есть подземный карнеоліецъ похожъ на земного карнеолійца, и то же самое явленіе замѣчено также въ Кентукки. Кромѣ того между жителями самой темной глубины и обитателями совершенно свѣтлыхъ окрестностей существуетъ нѣсколько переходныхъ степеней и оттѣнковъ, которые вполнѣ соотвѣтствуютъ постепенному переходу отъ дневного свѣта къ вѣчной темнотѣ и по своей организаціи превосходно приспособлены къ различнымъ степенямъ полусвѣта или полумрака.

Существованіе этой родственной связи и этихъ промежуточныхъ оттѣнковъ ясно указы-

ваетъ намъ на тотъ процессъ, посредствомъ котораго населились обѣ пещеры. Обыкновенныя животныя, съ нормальнымъ устройствомъ глазъ и органовъ осязанія, подошли сначала къ отверстію пещеры и устроили свое жилище подъ вѣчной тѣнью нависшихъ утесовъ. Эта легкая тѣнь могла содѣйствовать ихъ размноженію, потому что она спасала ихъ отъ разныхъ хищниковъ; размножившееся потомство этихъ животныхъ, выросшее въ тѣни, подвинулось немного дальше, въ царство вѣчнаго сумрака. Привыкнувъ къ сумраку, новыя поколѣнія стали подвигаться еще дальше,—туда, гдѣ господствуетъ вѣчная ночь, и наконецъ дошли до той крайней глубины, гдѣ постоянно бываетъ такъ темно, какъ на поверхности земли не бываетъ темно ни въ какую ночь. Разумѣется, эти переходы совершались чрезвычайно медленно; въ каждомъ новомъ поколѣніи были вѣроятно субъекты съ разными легкими особенностями въ устройствѣ глазъ; однимъ было удобно оставаться тамъ, гдѣ они родились; другимъ было удобно подняться къ отверстію пещеры,—туда, гдѣ посвѣтлѣе; наконецъ третьимъ было удобно спуститься дальше въ глубину, чтобы уйти отъ болѣе зоркихъ враговъ и конкурентовъ. Естественный выборъ дѣйствовалъ на всѣхъ этихъ колонистовъ, постоянно сохраняя тѣхъ, которые всего лучше были приспособлены къ мѣсту своего жительства, а такъ какъ мѣста жительства пользовались освѣщеніемъ въ очень различной степени, то глаза жильцовъ атрофировались, а ихъ органы осязанія развивались— также въ очень различной степени. Такимъ образомъ отъ совершенно зрячихъ родоначальниковъ произошли втеченіи многихъ тысячелѣтій, сообразно съ требованіями мѣстныхъ условій, подслѣповатые, полуслѣпые, слѣпые и наконецъ совершенно безглазые потомки, у которыхъ органы осязанія становились все лучше и лучше, по мѣрѣ того какъ утрачивалось зрѣніе.

Если такимъ образомъ вліяніе мѣстныхъ условій, бездѣйствіе органа и естественный выборъ, тѣсно связанные между собой и дѣйствующіе постоянно въ одномъ направленіи, могутъ превратить зрячую породу животныхъ въ слѣпую и даже въ безглазую, если они могутъ замѣнить чувство зрѣнія чувствомъ осязанія, и если наконецъ они могутъ произвести эти метаморфозы надъ самыми различными классами животныхъ— надъ крысами, раками, рыбами, лягушками и насѣкомыми, то, мнѣ кажется, трудно себѣ представить какую нибудь возможную границу для дѣятельности и могущества этихъ элементовъ.

Всѣ разнообразныя формы организмовъ, существующія на земномъ шарѣ, порождены вліяніемъ условій жизни и естественнаго выбора. Современная наука не можетъ показать намъ, какъ это произошло въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, потому что знанія нашихъ натуралистовъ до сихъ поръ еще очень неудовлетворительны; но зато современная наука не можетъ также представить ни одного такого случая, котораго нельзя было-бы объяснить вліяніемъ условій жизни и естественнаго выбора. Если-бы одинъ такой случай былъ извѣстенъ въ настоящее время, или если-бы будущія изслѣдованія и наблюденія натуралистовъ привели со временемъ къ открытію такого случая, то вся теорія Дарвина тотчасъ взлетѣла-бы на воздухъ, несмотря на то, что она объясняетъ совершенно удовлетворительно тысячи другихъ случаевъ. Эта теорія или объясняетъ всю исторію органической жизни, или не объясняетъ ровно ничего и даже не можетъ существовать; исключеній тутъ никакихъ не допускается; если будетъ доказано, что въ природѣ былъ хоть одинъ скачекъ, то это будетъ значить, что скачки возможны, и тогда вся теорія медленныхъ видоизмѣненій и естественнаго прогресса рухнетъ въ ту же минуту. Но сила теоріи Дарвина заключается именно въ томъ, что до сихъ поръ невозможно было найти ни одного несомнѣннаго скачка. Разумѣется, ни одинъ дѣльный натуралистъ, при всемъ своемъ уваженіи къ Дарвину, не станетъ слѣпо вѣровать въ его теорію и не допуститъ, чтобы эта теорія стѣсняла его во время непосредственныхъ наблюденій. Живой фактъ всегда важенъ самъ по себѣ, а теорія хороша только до тѣхъ поръ, пока она вполнѣ согласна съ фактами и объясняетъ ихъ совершенно удовлетворительно и безъ малѣйшаго насилія.

На островѣ Мадерѣ водится до 550 различныхъ видовъ жесткокрылыхъ насѣкомыхъ, или, проще, жуковъ; изъ этого числа 200 видовъ отличаются совершенно неразвитыми крыльями и не могутъ летать. Изъ 29 родовъ, свойственныхъ исключительно этому острову, до 23-хъ находятся въ такомъ положеніи. Напротивъ того, чешуекрылыя насѣкомыя острова Мадеры, или бабочки, и тѣ виды жуковъ, которые питаются цвѣточнымъ сокомъ и цвѣточной пылью, одарены очень крѣпкими и особенно хорошо развитыми крыльями. Эти два противоположныя явленія произведены вліяніемъ одинаковыхъ условій жизни и дѣйствіемъ естественнаго выбора. Вотъ какъ это сдѣлалось. На островѣ Мадерѣ дуютъ очень сильные вѣтры, и особенно на той сторонѣ острова, которая обращена къ африканскому берегу; именно на этой сторонѣ живетъ большая часть жуковъ, лишенныхъ способности летать. Втеченіи многихъ тысячелѣтій вѣтеръ постоянно подхватывалъ на лету и уносилъ въ море тѣхъ жесткокрылыхъ смѣльчаковъ, которые рѣшались распустить свои крылья и подняться на воздухъ; такимъ образомъ вмѣстѣ съ ними, по словамъ Дарвина, тонула въ морѣ будущность ихъ расы. Для тѣхъ жуковъ, которые питались навозомъ, или корнями растеній, или древесной, или личинками другихъ насѣкомыхъ, ле-

таніе составляло пустую прихоть, что-то вродѣ прогулки для моціона; одни изъ нихъ могли любить подобныя прогулки, другіе могли быть къ нимъ совершенно равнодушны, потому что эти прогулки не имѣютъ для нихъ ничего общаго съ настоящей цѣлью жизни, то-есть съ отыскиваніемъ пищи. Естественный выборъ выражался здѣсь въ томъ, что вѣтеръ постоянно истреблялъ тѣхъ, которые летали, и постоянно оставлялъ въ покоѣ тѣхъ, которые вели исключительно сидячую и ходячую жизнь. Крылья, остававшіяся въ бездѣйствіи у многихъ тысячъ поколѣній, ослабѣли и атрофировались, а у многихъ породъ жесткія надкрылья срослись даже совершенно на-глухо. Напротивъ, для бабочекъ и для жуковъ, питающихся цвѣтами, летаніе было необходимымъ условіемъ жизни; для нихъ не летать значило положить зубы на полку, потому что если на каждый цвѣтокъ вползать, да потомъ спускаться съ него внизъ, да потомъ переползать на другой цвѣтокъ по густой травѣ, которая для насѣкомаго должна казаться гуще, выше и страшнѣе, чѣмъ кажется человѣку непроходимый дѣвственный лѣсъ, наполненный змѣями и тиграми, если, говорю я, производить по поводу каждаго цвѣтка всѣ эти длинныя церемоніи, то конечно придется насѣкомому умереть съ голоду. Слѣдовательно, такъ или иначе, опасно или не опасно подниматься на воздухъ, а бабочки и цвѣтоядные жуки должны летать во что бы то ни стало; и они дѣйствительно летали всегда, и не перестали летать на Мадерѣ; и вѣтеръ уносилъ въ море очень многихъ, и можетъ-быть погубилъ такимъ образомъ цѣлыя породы, но сохраниться могли тутъ не тѣ субъекты, которые мало летали, а напротивъ тѣ, которые летали больше всѣхъ и у которыхъ вслѣдствіе этого крылья были особенно крѣпки и способны противиться вѣтру. У жуковъ, летающихъ рѣдко и по прихоти, крылья по всей вѣроятности всегда были слабѣе, чѣмъ у тѣхъ насѣкомыхъ, которыя летаютъ постоянно и по необходимости. Поэтому для первыхъ было возможно и необходимо отсиживаться отъ вѣтра, а для вторыхъ также возможно и необходимо было бороться съ вѣтромъ и иногда побѣждать его. Поэтому естественный выборъ, дѣйствуя въ обоихъ случаяхъ посредствомъ того же самаго вѣтра, уничтожилъ крылья первыхъ и укрѣпилъ крылья вторыхъ.

XII.

Тѣлосложеніе и привычки.

Животныя, которыхъ мы видимъ каждый день, большей частью такъ хорошо приспособлены устройствомъ своего тѣла къ своему теперешнему образу жизни, что, глядя на нихъ, мы съ трудомъ рѣшаемся допустить то предположеніе, что они приспособились къ этому образу жизни постепенно. Мы видимъ напримѣръ, что дикая утка постоянно плаваетъ по водѣ, и видимъ, что у нея между пальцами ногъ протянута перепонка, которая помогаетъ ей плавать. Мы видимъ, что летучая мышь питается насѣкомыми, и видимъ, что между передними и задними оконечностями ея тѣла протянута перепонка, которая даетъ ей возможность летать и слѣдовательно съ особеннымъ успѣхомъ преслѣдовать крылатую добычу. Мы видимъ, что цапля отыскиваетъ свою пищу въ болотахъ, и видимъ, что у нея ноги высокія, тонкія, сухія и непокрытыя перьями, то есть какъ разъ приспособленныя къ тому, чтобы шагать по вязкому и илистому грунту. Мы видимъ и всегда видѣли очень много подобныхъ вещей, и существующія приспособленія стали бросаться людямъ въ глаза съ той самой минуты, какъ только люди начали обращать вниманіе на то, что̀ происходитъ вокругъ нихъ, въ мірѣ животныхъ и растеній.

Добродушные натуралисты или, вѣрнѣе, натурфилософы старой школы, по свойственной имъ чистотѣ сердца, умилялись надъ этими приспособленіями и утверждали, что природа, заботливо охраняющая всякую тварь, одарила цаплю длинными ногами для того, чтобы цапля могла ходить по болотамъ. Ну, что въ самомъ дѣлѣ, кабы у цапли, да не было-бы длинныхъ ногъ? Какъ-бы она стала ходить по болотамъ? Пропадать-бы пришлось бѣдной цаплѣ. Стремленіе къ болоту есть, а сунуться въ болото нельзя: увязнешь. А природа заботится, ну, и одарила: на, молъ, тебѣ, цаплюшка! Живи въ свое удовольствіе. Другіе натуралисты, похитрѣе первыхъ, очень остроумно смѣялись надъ этими соображеніями и говорили, что все это вздоръ: не ноги даны цаплѣ для того, чтобы ходить по болотамъ, а совсѣмъ напротивъ: цапля отъ того именно и стремится къ болоту, что у нея такъ, а не иначе, устроены и ноги, и желудокъ, и весь складъ тѣла. Будь у нея другой складъ тѣла, ее и не потянуло-бы къ болоту, и жила-бы она совсѣмъ не по теперешнему, и всѣ привычки были-бы у нея совсѣмъ другія, а вы, добродушные натурфилософы, и тогда стали-бы восхищаться заботливостью природы, что, молъ, вотъ какъ отмѣнно хорошо пристроена цапля къ надлежащему мѣсту.

Если смотрѣть на тѣхъ и другихъ натуралистовъ, какъ на представителей философской доктрины, то конечно между первыми и вторыми можно замѣтить существенное различіе. По мнѣнію первыхъ выходитъ такъ, что сначала существовало только отвлеченное стремленіе цапли къ болоту, а потомъ къ этому невещественному стремленію придѣлана цапля, то-есть соотвѣтствующій желудокъ, и ноги, и голова, и клювъ, и все, какъ быть должно. Вѣдь если мы отъ имени цапли должны благодарить природу

за удобныя ноги, то мы точно также должны благодарить и за крылья, и за весь скелетъ, и за каждую частицу тѣла, потому что все это подобрано одно къ одному и все соотвѣтствуетъ стремленіямъ цапли. Ну, стало быть и выходитъ, что стремленія цапли существовали тогда, когда еще не было ни ногъ, ни головы, ни крыльевъ, ни желудка, и вообще ни одной частицы цаплинаго тѣла. Другіе, тѣ, что похитрѣе, осмѣливаются предполагать, что, напротивъ того, цапля начала стремиться къ болоту только тогда, когда она начала существовать, то-есть, когда у нея оказались уже и ноги, и крылья, и всѣ прочіе необходимые аттрибуты. Стало быть, съ философской точки зрѣнія разница есть, но зато, какъ естествоиспытатели, обѣ враждующія стороны стоятъ между собой на одномъ уровнѣ, и остроумные хитрецы ничѣмъ не превосходятъ умиляющихся чистосердечниковъ. Хитрецы говорятъ: «природа дала цаплѣ длинныя ноги, и вслѣдствіе этого цапля... и т. д.»; противники ихъ говорятъ: «природа дала цаплѣ длинныя ноги для того, чтобы цапля... и т. д.» Значитъ, и тѣ, и другіе говорятъ: «природа дала», и стало быть единственная существенная часть вопроса остается въ сторонѣ. Не было ногъ, и вдругъ явились ноги, а откуда онѣ взялись, и какъ онѣ развивались, и почему онѣ приняли именно эту, а не другую форму—объ этомъ и разговора нѣтъ: кто-жъ ихъ знаетъ, какъ, откуда и почему? Читатель, разумѣется, понимаетъ, что «природа дала» и «кто-жъ ихъ знаетъ?»—въ сущности совершенно одно и то же. Понять это не трудно, и почти всѣ натуралисты понимали это очень давно, но одни считали вопросъ неразрѣшимымъ, а другіе и пробовали разрѣшить его, да только не умѣли.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія французскій натуралистъ Ламаркъ построилъ цѣлую теорію, но въ этой теоріи все выходило какъ-то неосязательно и невразумительно: съ одной стороны—цапля, съ другой—болото, съ третьей—упражненіе органовъ, съ четвертой—законъ прогрессивнаго развитія, а со всѣхъ сторонъ оказывается, что у цапли ноги длинныя выросли. Ламаркъ чувствовалъ, что есть связь между цаплей, болотомъ и упражненіемъ органовъ, и что есть тутъ какой-то законъ развитія, но разобрать по ниточкамъ эту связь и разъяснить пообстоятельнѣе дѣйствіе этого закона Ламаркъ былъ не въ силахъ. Во-первыхъ, онъ и по даровитости-то былъ не чета Дарвину, а во-вторыхъ, и время его было еще не то, что теперь. Восемнадцатый вѣкъ, золотой вѣкъ великой философіи, незабвенная заря чистаго человѣческаго самосознанія, вмѣстѣ съ своими громадными достоинствами имѣлъ свою неисправимую и неизбѣжную философскую слабость: любилъ покойникъ рѣшать всякіе вопросы свысока и вообще, т. е. именно такъ, какъ при изученіи природы невозможно рѣшить ни одного вопроса. Поэтому-то настоящее господство естествознанія началось именно тогда, когда послѣдній выродившійся представитель великой философіи, Гегель, сошелъ въ могилу вмѣстѣ съ своей системой.

Послѣ Ламарка другой французскій натуралистъ, Этьеннъ Жоффруа-Сентъ-Илеръ, много толковалъ о вліяніи окружающей среды (le milieu ambiant), но всѣ эти разсужденія были только какими-то предчувствіями и гаданіями, такъ что можно было сказать:

Недуренъ слогъ; писать умѣетъ;

но съ вещественной стороны теорія оказывалась и неуловимой, и несостоятельной. Непоколебимые скептики, Базаровы самаго высшаго разбора, очень спокойно разрушали всѣ эти словесныя построенія чрезвычайно простыми вопросами и чрезвычайно законными требованіями. «Покажите, докажите, говорили они, объясните вотъ этотъ случай, разрѣшите такое-то затрудненіе», и при этихъ нехитрыхъ словахъ теоріи немедленно разлетались, какъ дымъ.

Теоретическихъ попытокъ въ такомъ родѣ было довольно много, и всѣ онѣ кончались неудачно, и этотъ рядъ постоянныхъ неудачъ объясняетъ намъ, почему теорія Дарвина при первомъ своемъ появленіи была встрѣчена довольно недовѣрчиво и засыпана со всѣхъ сторонъ очень скороспѣлыми возраженіями. Дарвинъ въ первый разъ прочелъ мемуаръ о естественномъ выборѣ въ іюлѣ 1858 года въ засѣданіи Линнеевскаго Общества (Linnean Society). Основательнѣйшіе скептики по всей вѣроятности задумались надъ этимъ мемуаромъ, а Базаровы средней руки тотчасъ бросились впередъ съ твердымъ намѣреніемъ немедленно растрепать въ куски новую теорію и уложить ее на мѣстѣ рядомъ со всѣми ея предшественницами. Но тутъ обнаружилось, что Дарвинъ зиждетъ свою храмину не на пескѣ, а на камени, такъ что никакія ухищренія современныхъ человѣческихъ умовъ поколебать ее не въ состояніи. Издавая свою книгу или, какъ онъ выражается, свое извлеченіе, онъ принимаетъ въ отношеніи къ возражателямъ такую оригинальную тактику, какой послѣдніе никогда еще не видывали и никакъ не могли ожидать. Сначала онъ отвѣчаетъ на возраженіе, а потомъ, покончивши съ нимъ дѣло, говоритъ: «нѣтъ, постойте; вы-бы лучше мнѣ вотъ что возразили», и дѣйствительно собственными своими руками ставитъ себѣ такую запятую, которая будетъ вдесятеро посильнѣе чужого возраже-женія, и начинаетъ полегоньку своравичвать это препятствіе въ сторону, и все дѣйствуетъ яснѣйшими доводами, все выдвигаетъ впередъ осязательные факты; посмотришь, и нѣтъ препятствія, и передъ великимъ мыслителемъ опять открывается гладкая дорога. А мыслитель еще при этомъ, въ невинности души своей, на каждой страницѣ сознается, что разсужденія его очень

голословны, но что дѣлать нечего, вѣдь это легкое извлеченіе, стало-быть подождите, господа, пока выйдетъ настоящій трудъ въ полномъ объемѣ. Факты всѣ собраны, только помѣстить-то ихъ въ книгу покуда еще нельзя. Понятно, что возражатели должны онѣмѣть отъ изумленія и положить оружіе задолго до ужаснаго выхода въ свѣтъ того невиннаго левіафана, который лежитъ теперь въ портфелѣ Дарвина.

Эта оборонительная часть книги «О происхожденіи видовъ» заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много интереснѣйшихъ подробностей и составляетъ собой лучшее ручательство за прочность всей теоріи. Передать всю сущность этой части я не могу: журнальная статья должна-же имѣть разумные предѣлы, а Дарвинъ излагаетъ свой предметъ такъ коротко, что сокращать его еще больше—значило-бы предлагать публикѣ совершенно непонятныя и слѣдовательно очень незанимательныя загадки. Поэтому я предупреждаю читателя, что съ этой минуты и вплоть до самаго конца моей статьи я не гонюсь за строгой систематичностью изложенія и совершенно отказываюсь отъ невозможной задачи представить публикѣ миніатюрный фотографическій снимокъ съ книги Дарвина. Я буду выбирать только то, что̀ особенно занимательно, и что̀ я съумѣю представить по возможности подробно, ясно и наглядно. Въ первыхъ десяти главахъ читатель получилъ общее понятіе о теоріи естественнаго выбора; теперь онъ увидитъ приложеніе этой теоріи къ объясненію многихъ отдѣльныхъ и разнообразныхъ явленій; увидитъ онъ нѣсколько эпизодовъ изъ борьбы этой теоріи съ возраженіями и препятствіями; и наконецъ увидитъ оправданіе этой теоріи въ геологіи, въ географіи, въ сравнительной анатоміи и въ эмбріологіи. Все это будутъ только легкіе и бѣглые очерки, но я постараюсь, чтобы легкость и бѣглость нисколько не вредили ясности. А за вѣрность ручается Дарвинъ, и этого, я думаю, достаточно. Ну, и съ Богомъ! Значитъ, такъ и пойдутъ теперь:

«Легкіе и бѣглые очерки», безъ отдѣльныхъ заглавій.

I.

Теорія Дарвина утверждаетъ, что всѣ приспособленія животныхъ къ ихъ теперешнему образу жизни выработались понемногу, путемъ постепенныхъ и незамѣтныхъ видоизмѣненій. Водяное животное могло превратиться въ земное, ходячее—въ летучее, дневное—въ ночное, и такъ далѣе; причемъ, разумѣется, всѣ эти превращенія могли совершиться и наоборотъ. Спрашивается, какимъ-же образомъ могло существовать животное во время переходной эпохи, когда оно не было вполнѣ приспособлено и когда оно по своей организаціи колебалось между двумя комплексами занятій и привычекъ? Какимъ образомъ напримѣръ плотоядное сухопутное животное могло сдѣлаться водянымъ?

Этотъ вопросъ поставили противники дарвиновской теоріи, а Дарвинъ нашелъ на него отвѣтъ въ явленіяхъ живой природы. Въ Сѣверной Америкѣ существуетъ напримѣръ животное mustela vison, принадлежащее къ семейству куницъ; пальцы этого vison соединены плавательной перепонкой; по своему мѣху, по короткимъ ногамъ и по формѣ хвоста онъ приближается къ рѣчной выдрѣ (lutra vulgaris), которая постоянно питается раками и рыбой. Лѣтомъ визонъ живетъ какъ выдра, т. е. ныряетъ, плаваетъ и преслѣдуетъ рыбу; но такъ какъ въ отечествѣ визона зима продолжается очень долго, то на зиму визонъ по своему образу жизни становится настоящей земной куницей, т. е. кормится крысами и другими мелкими земными звѣрьками, несмотря на свою плавательную перепонку и на свою способность нырять. Когда негдѣ плавать и нырять, тогда поневолѣ приходится дѣйствовать сухопутными средствами и пробавляться тѣмъ, что̀ попадается. Если визонъ, совершенно приспособленный къ водяной жизни, можетъ однако существовать на сушѣ во время продолжительной сѣверной зимы, то, разумѣется, ничто не мѣшало ему поступить точно такимъ-же образомъ, когда онъ былъ менѣе приспособленъ къ плаванію и нырянью. Теперь рыбная ловля составляетъ его любимое и спеціальное занятіе, и онъ пробавляется этимъ занятіемъ всегда, когда есть возможность плавать и нырять; а прежде, когда приспособленіе только-что начинало вырабатываться, предки визона смотрѣли на рыбную ловлю, какъ на побочное и чисто-вспомогательное ремесло. Между прежнимъ и теперешнимъ состояніемъ визона можно себѣ вообразить безчисленное множество промежуточныхъ переходныхъ оттѣнковъ, и какую-бы фазу этой переходной эпохи мы ни выбрали для изученія, все-таки намъ никогда не представится такой моментъ, въ которомъ визонъ будетъ оторванъ и отъ земли, и отъ воды, и въ которомъ слѣдовательно существованіе визона сдѣлается невозможнымъ.

Теперешній визонъ, балансирующій между водой и сушей, служитъ живымъ образчикомъ переходнаго состоянія; стало-быть, самый фактъ его существованія составляетъ разительное подтвержденіе той идеи, что всѣ переходы возможны. Но если переходы возможны, то это вовсе не значитъ, что всѣ переходы непремѣнно должны совершаться успѣшно. Очень многіе переходы оканчиваются въ природѣ совершенными неудачами, т. е. полнымъ истребленіемъ того вида животныхъ, который поставленъ въ необходимость сдѣлать какой-нибудь переходъ. Но отчего происходятъ тутъ неудачи

и истребленіе? Совсѣмъ не отъ того, что переходъ самъ по себѣ невозможенъ, и не отъ того, что животное остается въ висячемъ положеніи между двумя стихіями, а просто отъ того, что обѣ стихіи уже заняты вполнѣ приспособленными конкурентами, т. е. такими животными, которыя сдѣлали переходъ раньше и быстрѣе другихъ. Если-бы визона тѣснили съ обѣихъ сторонъ, съ воды и съ земли, очень опасные конкуренты, то порода визона навѣрное исчезла-бы съ лица земли, и этотъ фактъ исчезновенія вовсе не могъ-бы служить доказательствомъ противъ возможности переходовъ. Если я приду въ садъ раньше васъ, да оборву всѣ яблоки, то вамъ конечно ничего не достанется, но вѣдь это не значитъ, что вы неспособны рвать и ѣсть яблоки, а значитъ только, что васъ опередили. Такъ и тутъ, въ дѣлѣ между визономъ и его конкурентами. Не свойства воды и земли мѣшаютъ переходу и не свойства той пищи, которую визонъ долженъ добывать себѣ на водѣ и на землѣ, а количества и качество тѣхъ родственниковъ визона, съ которыми ему приходится вступать въ соперничество. Много ихъ и сильны они—визонъ погибаетъ; мало ихъ и слабы они—визонъ торжествуетъ, и переходъ совершается благополучно.

Но та-же самая исторія произошла-бы и тогда, когда не было бы никакого перехода. Законъ постоянной борьбы господствуетъ надъ всѣми животными и растеніями во всякую данную минуту ихъ существованія. Чѣмъ больше конкурентовъ, тѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ строже естественный выборъ и тѣмъ быстрѣе исчезаютъ породы, смѣняясь новыми усовершенствованными формами. Всѣ переходы совершаются точно также подъ вліяніемъ того же общаго закона борьбы. Отчего сухопутное животное начинаетъ питаться лягушками или рыбой? Да отъ того, что не достаетъ пищи на сушѣ, то-есть отъ того, что число конкурентовъ несоразмѣрно велико въ сравненіи съ существующимъ количествомъ съѣстнаго матеріала. Ну, и лѣзетъ животное въ воду, и упражняется, а естественный выборъ тотчасъ начинаетъ покровительствовать тѣмъ, которые бойчѣе другихъ распоряжаются въ новой стихіи. Но когда животное ступило въ воду, то вѣдь это не значитъ, что оно такъ сразу и отказалось отъ суши. Водяная охота служитъ только подспорьемъ и пріобрѣтаетъ для животнаго важное самостоятельное значеніе только гораздо позднѣе, по прошествіи многихъ и многихъ поколѣній, воспитанныхъ постояннымъ упражненіемъ и очищенныхъ безпрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго выбора.

Отвѣтивъ на возраженіе противниковъ, Дарвинъ, по своему обыкновенію, говоритъ имъ: «а вы-бы лучше у меня вотъ что спросили: какимъ образомъ четвероногое животное, питающееся насѣкомыми, могло превратиться въ летучую мышь? Эта штука будетъ гораздо похитрѣе. А между тѣмъ и тутъ можно отыскать переходныя формы, хотя и не въ самомъ порядкѣ рукокрылыхъ, или летучихъ мышей, но зато въ семействѣ бѣлокъ, въ которомъ также развито умѣнье летать или по крайней мѣрѣ порхать. Обыкновенная бѣлка обладаетъ только способностью прыгать, и ея широкій, пушистый хвостъ, развѣваясь по воздуху, помогаетъ ей во время прыганія. За обыкновенной бѣлкой слѣдуютъ такія породы бѣлокъ, у которыхъ задняя часть тѣла расширена и кожа не совсѣмъ плотно прилегаетъ къ бокамъ. Широкое основаніе хвоста и кожистые мѣшки по бокамъ слегка поддерживаютъ эту бѣлку на воздухѣ и позволяютъ ей дѣлать болѣе значительные прыжки, чѣмъ дѣлаетъ простая бѣлка. Это расширеніе хвоста и эта мѣшковатость кожи увеличиваются въ различныхъ бѣличьихъ породахъ съ такою полною постепенностью, что простая бѣлка связывается съ летучей бѣлкой непрерывною цѣпью промежуточныхъ экземпляровъ, которые отличаются другъ отъ друга только самыми незначительными особенностями. Крайнее звено этой цѣпи бѣлокъ называется по-русски *летягой*, а по-латыни—Sciuropterus, что̀ значитъ, въ буквальномъ переводѣ, бѣлокрылъ или крылатая бѣлка. Эти два названія показываютъ довольно ясно, что̀ это за животное. Его переднія ноги соединены съ задними и даже съ основаніемъ хвоста широкой перепонкой, покрытой волосами и образовавшейся посредствомъ постепеннаго отвисанія боковой кожи. Эта перепонка въ минуту прыжка вытягивается, превращается въ парашютъ и, поддерживая бѣлку на воздухѣ, даетъ ей возможность перелетать съ дерева на дерево на изумительныя разстоянія. Всѣ эти породы бѣлокъ, одаренныя въ различной степени способностью прыгать и порхать, могли сохраниться въ живыхъ до нашего времени, только благодаря тому обстоятельству, что всѣ онѣ живутъ отдѣльно, въ различныхъ мѣстахъ земного шара. Если-бы мы могли свести всѣ эти породы въ одну страну, то между ними началась-бы самая ожесточенная борьба за пропитаніе, и, разумѣется, перевѣсъ остался бы за тѣми, которыя проворнѣе и расторопнѣе другихъ. Летяга, дѣлающая колоссальные прыжки, по всей вѣроятности перещеголяла-бы всѣхъ своихъ соперниковъ и рано или поздно размножилась-бы такъ, что заморила-бы ихъ всѣхъ голодной смертью. Кромѣ того летательный снарядъ доставилъ-бы летягѣ еще другія преимущества, которыя также имѣли-бы вліяніе на результатъ борьбы. Летяга лучше другихъ бѣлокъ могла-бы отдѣлываться отъ преслѣдованій разныхъ хищниковъ, и она меньше другихъ была-бы подвержена опасности падать на землю и расшибаться при неудачномъ или плохо разсчитанномъ прыжкѣ. Перепонка ея, дѣйствуя какъ парашютъ, смягчаетъ всякое

паденіе, а для животнаго, которое постоянно лазитъ и прыгаетъ по деревьямъ, это обстоятельство конечно не можетъ считаться маловажнымъ. По всѣмъ этимъ причинамъ можно предположить, что только одна летяга сохранила и размножила-бы свою породу, а всѣ остальныя породы бѣлокъ исчезли-бы съ лица земли, и тогда летяга осталась-бы для насъ живой загадкой, къ которой намъ пришлось-бы придѣлывать ключъ посредствомъ разныхъ предположеній, очень неубѣдительныхъ для непреклонныхъ скептиковъ и для завзятыхъ гонителей всякой теоріи.

Такого рода живыя загадки встрѣчаются намъ на каждомъ шагу, и ихъ существованіе вовсе не должно насъ удивлять, потому что мы знаемъ, что уничтоженіе промежуточныхъ степеней составляетъ въ природѣ обыкновенное правило, прямо вытекающее изъ самаго принципа естественнаго выбора, а сохраненіе этихъ степеней возможно только въ немногихъ случаяхъ, при исключительныхъ и слѣдовательно рѣдко встрѣчающихся обстоятельствахъ. Есть напримѣръ одно животное, которое называется шерстокрыломъ (galeopithecus rufus); его обыкновенно причисляли къ летучимъ мышамъ. Но въ новѣйшее время нашли, что его слѣдуетъ перевести въ порядокъ четверорукихъ, или обезьянъ, и въ семейство лемуровъ. Его теперь такъ и называютъ галеопитекомъ или летучимъ лемуромъ, и Дарвинъ также держится этого мнѣнія. Летательная перепонка галеопитека протягивается отъ угла челюсти до хвоста и охватываетъ собою какъ переднія, такъ и заднія оконечности; но у галеопитека она покрыта волосами, а у настоящихъ летучихъ мышей она совершенно голая. Кромѣ того—и это гораздо важнѣе—перепонка не захватываетъ пальцевъ галеопитека, и эти пальцы, оставаясь свободными на рукахъ и ногахъ, вооружены когтями; напротивъ того, у летучихъ мышей остаются свободными и вооружаются когтями только пальцы заднихъ оконечностей и большой палецъ переднихъ. Остальные же пальцы переднихъ оконечностей даже совсѣмъ непохожи на настоящіе пальцы: они ничѣмъ не вооружены, непомѣрно вытянуты въ длину и наглухо вдѣланы въ летательную перепонку; по своей фигурѣ и по своему значенію они напоминаютъ тѣ прутики, на которые натягивается матерія зонтика. Когда летучая мышь разставляетъ руки и ноги и растопыриваетъ свои длинные пальцы, тогда весь летательный снарядъ развертывается, и животное можетъ начать свое воздушное путешествіе. Когда же руки и ноги опущены, и пальцы сложены, тогда летательная перепонка, какъ широкая и длинная мантія, облегаетъ все тѣло. Что же касается до галеопитека, то его перепонка растягивается безъ содѣйствія пальцевъ посредствомъ особаго мускула, заключеннаго въ самой перепонкѣ.

Во всемъ семействѣ лемуровъ, кромѣ галеопитека, нѣтъ ни одного животнаго, которое могло-бы хоть кое-какъ поддерживаться на воздухѣ. Переходныхъ степеней не сохранилось никакихъ, но это ровно ничего не доказываетъ. Значитъ, были да сплыли. Во-первыхъ, самъ галеопитекъ—не что иное, какъ переходная степень между настоящими лемурами и настоящими летучими мышами; это обстоятельство выразилось даже въ томъ недоумѣніи, по которому натуралисты принуждены были перетаскивать его изъ одной категоріи въ другую. А во-вторыхъ, галеопитекъ не живетъ, подобно бѣлкѣ, почти на всемъ пространствѣ земного шара; стало быть, живя въ ограниченной области, онъ могъ выработать себѣ летательную способность до высокой степени совершенства только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы всѣ низшія промежуточныя степени постоянно уничтожались; въ противномъ случаѣ, т. е., если-бы плохіе и посредственные прыгуны не истреблялись вліяніемъ ежеминутной борьбы, тогда отличные прыгуны постоянно совокуплялись-бы съ ними и такимъ образомъ постоянно портили-бы свою породу. А если-бы порода портилась, то прыгуны никогда не могли-бы сдѣлаться летунами.

Требовать отъ теоріи естественнаго выбора, чтобы она во всѣхъ случаяхъ представляла живые образчики переходныхъ инстанцій, значитъ требовать отъ нея самоуничтоженія. Не станете же вы требовать отъ вѣялки, чтобы она оставляла мякину рядомъ съ зернами. Тогда она не будетъ вѣялкой, или будетъ находиться въ бездѣйствіи. А естественный выборъ—та-же вѣялка: что̀ онъ сохраняетъ—то живетъ и плодится: что̀ онъ выбрасываетъ,—то умираетъ; и мякиной оказываются постоянно всякіе промежуточные типы. Вѣдь и бѣлки, образующія непрерывную цѣпь градацій, не могутъ быть названы промежуточными типами; каждая изъ нихъ въ своемъ отечествѣ составляетъ торжествующій, крайній и передовой типъ, который живетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе только потому, что не встрѣчаетъ себѣ болѣе крайнихъ соперниковъ; въ сравненіи съ чужеземцами, этотъ типъ можетъ стоять на очень низкой степени развитія; но это ничего не значитъ; у себя дома онъ впереди всѣхъ, и въ этомъ заключаются его сила и причина его существованія. А если онъ ниже чужеземцевъ, то это зависитъ отъ мѣстныхъ условій жизни и отъ силы мѣстной борьбы; естественный выборъ не вездѣ же дѣйствуетъ одинаково; вѣдь и вѣялки бываютъ разныя; одна очищаетъ зерна самымъ строгимъ образомъ, а другая валитъ пополамъ съ мякиной. Стало-быть, переходъ отъ четвероногаго животнаго къ летучей мыши возможенъ и даже не подлежитъ сомнѣнію, а несуществованіе переходныхъ формъ не только не противорѣчитъ идеямъ теоріи, но даже, напротивъ того, составляетъ прямое слѣдствіе ея основныхъ принциповъ. Впрочемъ, кому угодно

думать, что летучая мышь свалилась на землю, подобно аэролиту или подобно крупному граду, тому, разумѣется, никакая теорія препятствовать не можетъ, не смѣетъ и не должна.

II.

Понятія наши о привычкахъ и нравахъ животныхъ чрезвычайно смутны; изъ какихъ источниковъ почерпаются зоологическія свѣдѣнія, бродящія въ массѣ грамотнаго общества,—это даже и вообразить себѣ мудрено. Какъ ни удивительно такое предположеніе, а все-таки я осмѣлюсь замѣтить, что басни добродушнаго Лафонтена и почтеннаго дѣдушки Крылова оказываютъ очень значительное вліяніе на то понятіе, которое мы составляемъ себѣ о характерѣ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ извѣстныхъ птицъ и звѣрей. Въ самомъ дѣлѣ, откуда явились у насъ идеи о царственномъ величіи льва и орла, объ умственной неповоротливости медвѣдя, о коварствѣ лисицы, о кротости овцы и о многихъ другихъ курьезахъ животной психологіи. Вглядитесь въ эти идеи, и вы увидите, что въ основаніи ихъ лежитъ Крыловъ, Лафонтенъ, или какой-нибудь другой источникъ равносильнаго достоинства. Разумѣется, вы при этомъ зрѣлищѣ улыбнетесь и даже отчасти сконфузитесь; но вмѣстѣ съ вами и сильнѣе васъ должны сконфузиться наши просвѣщенные журналисты, которые такъ долго и такъ безтолково удобряли и засѣвали своими издѣліями наши умственныя нивы. Они-то, сердечные, чего смотрѣли? Вѣдь о скотахъ безсловесныхъ всегда писать было возможно; вѣдь тутъ даже и обстоятельствами нельзя отговориться. Они пожалуй иногда и писали, но никто не знаетъ, для кого они писали, и сами они этого не знаютъ, и по всей вѣроятности даже никогда объ этомъ не думали. Русская публика благополучно изучаетъ природу по баснямъ Крылова и по сборникамъ анекдотовъ о смышлености кошекъ и собакъ, а русскій журналъ (это вы, «Отечественныя Записки»!) вдругъ бацъ двѣ статьи о томъ, что французскій профессоръ Мильнъ-Эдвардсъ совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ, излагаетъ сравнительную анатомію. Или вдругъ выхватятъ статью изъ «Westminster Review» и подносятъ нашимъ читателямъ. Все равно, молъ, сойдетъ: что они, сиволапые, смыслятъ? Человѣку простого хлѣба хочется, человѣкъ голоденъ, а ему предлагаютъ: не хочешь-ли, ангелъ мой, зельтерской воды съ лимономъ? И «ангелъ мой» морщится, а все-таки сидитъ голодный, потому что откуда же взять? Люди, изучающіе природу путемъ непосредственныхъ наблюденій, разумѣется, не вѣруютъ въ непогрѣшимость такихъ авторитетовъ, какъ Крыловъ, Лафонтенъ, сказаніе о лисѣ Рейнеке, или повѣствованіе Шехерезады; но человѣческій умъ устроенъ до такой степени оригинально, что даже очень дѣльные и знающіе люди часто совершенно невольно и безсознательно подчиняются въ своихъ теоретическихъ разсужденіяхъ господству тѣхъ понятій, которыя носятся въ обществѣ, какъ умственныя міазмы, и которыя попали туда богъ знаетъ откуда и когда и укоренились въ немъ богъ знаетъ по какой причинѣ и на какихъ основаніяхъ. Какъ понять напримѣръ такое соображеніе Изидора Жоффруа Сентъ-Илера? Онъ говоритъ самымъ догматическимъ тономъ, что *растеніе живетъ; животное живетъ и ощущаетъ, а человѣкъ живетъ, ощущаетъ и мыслитъ.* Выходитъ стало-быть, что животное не мыслитъ; и такую феноменальную нелѣпость говоритъ ученый, пользующійся европейской извѣстностью и дѣйствительно заслужившій эту извѣстность очень многими добросовѣстными и дѣльными фактическими наблюденіями. Очевидно Сентъ-Илеръ этотъ не могъ изловить такое открытіе въ своихъ непосредственныхъ наблюденіяхъ; онъ заразился этимъ открытіемъ со стороны, какъ заражаются люди сибирской язвой или тифозной горячкой.

У многихъ другихъ натуралистовъ встрѣчаются также очень разнообразные признаки умственнаго зараженія, иногда довольно легкаго, а иногда совершенно безнадежнаго. Къ числу самыхъ упорныхъ міазматическихъ поврежденій принадлежитъ та повсемѣстно распространенная идея, что животныя рѣшительно неспособны развиваться и совершенствоваться въ умственномъ отношеніи. Всякій разсуждающій человѣкъ, ученый и неученый, скажетъ вамъ, не запинаясь, точно математическую аксіому произноситъ, что и обезьяны, и собаки, и журавли, и лягушки, и муравьи, и всякая тварь жили пять тысячъ лѣтъ тому назадъ точь въ точь такъ, какъ они живутъ сегодня. Если вы спросите: а почему же вы такъ, милостивый государь, думаете?—то «милостивый государь» даже засмѣется: вотъ прекрасно! Почему? Да это ясно, какъ день! Это само собой разумѣется. А по вашему-то какъ же: у нихъ стало-быть есть исторія, существуетъ собачья цивилизація, журавлиный прогрессъ, лягушечьи революціи!

Когда міазматическая идея вооружается насмѣшкой, то удары ея становятся неотразимыми, потому что такая насмѣшка всякому по плечу и всякому доставляетъ удовольствіе. Всякій понимаетъ соль этой насмѣшки, сочувствуетъ вашему остроумному собесѣднику и хохочетъ надъ вами, какъ надъ пошлымъ дуракомъ. Если-же вы, не боясь насмѣшки, все-таки остаетесь на вашей позиціи и продолжаете спрашивать: почему? и если вашъ собесѣдникъ, кромѣ остроумія, располагаетъ еще кое-какими знаніями, то онъ выдвинетъ противъ васъ слѣдующіе аргументы, которые изумятъ васъ своей бѣдностью и неубѣдительностью. Во-первыхъ—египетскіе памятники, во-вторыхъ—Аристотель, въ треть-

ихъ—Плиній старшій. Это вотъ что значитъ: на разныхъ египетскихъ памятникахъ вырѣзаны изображенія животныхъ, совершенно сходныхъ съ тѣми породами, которыя существуютъ въ настоящее время. Аристотель, современникъ Александра Македонскаго, написалъ естественную исторію, въ которой говоритъ о внѣшнемъ видѣ многихъ животныхъ и сообщаетъ кое-что о ихъ образѣ жизни. Плиній написалъ такое же сочиненіе, только гораздо похуже, въ первомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова. И это все. И на этомъ фундаментѣ покоится наше твердое убѣжденіе о неподвижности умственныхъ способностей въ мірѣ животныхъ.

Но вѣдь что же это въ самомъ дѣлѣ такое? На памятникахъ не могутъ же быть изображены всѣ животныя земного шара, и памятники не могутъ дать намъ ни малѣйшаго понятія ни объ образѣ жизни изображенныхъ животныхъ, ни объ ихъ умственномъ развитіи. Это разъ. А второе то, что на памятникахъ представлены также люди, и нѣкоторыя изъ этихъ человѣческихъ фигуръ совершенно похожи на теперешнихъ негровъ, а другія — на евреевъ. Надо, стало-быть, выводить заключеніе, что люди остаются неподвижными. Положимъ однако, что мы достовѣрно знаемъ, какимъ образомъ извѣстное племя негровъ жило во времена какого нибудь египетскаго царя Менеса или Мерида; положимъ, что оно живетъ теперь совершенно такъ, какъ жило тогда. Красиво-ли будетъ, если мы выведемъ заключеніе, что обычаи человѣчества не измѣняются? А если некрасиво и если нельзя заключать отъ части къ цѣлому, то-есть отъ одной расы къ цѣлому виду или роду, то на какомъ же основаніи мы кладемъ этотъ логическій законъ подъ столъ, когда заходитъ рѣчь о мірѣ животныхъ, который однако неизмѣримо обширнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ человѣчество?

Значитъ, памятники въ сторону. Аристотель и Плиній на первый взглядъ могутъ показаться посущественнѣе памятниковъ, потому что ихъ сочиненія охватываютъ большое количество животныхъ формъ и сообщаютъ кое-какія свѣдѣнія о нравахъ и объ умственныхъ способностяхъ. Но какъ только мы посмотримъ на дѣло чуть-чуть повнимательнѣе, мы тотчасъ убѣдимся въ полной несостоятельности обоихъ мудрецовъ классической древности. Новѣйшіе писатели, напримѣръ Александръ Гумбольдтъ въ «Космосѣ» и уже знакомый намъ Изидоръ во введеніи къ своей «Общей біологіи» («Histoire naturelle générale des règnes organiques»), хвалятъ Аристотеля за то, что онъ не вѣритъ тѣмъ баснословнымъ разсказамъ о природѣ, которые въ его время были въ ходу между его легкомысленными земляками. Эти похвалы губительнѣе всякаго порицанія. Если приходится говорить человѣку большое спасибо за то, что онъ отвергаетъ существованіе сиренъ, фениксовъ или пигмеевъ, то какъ же требовать или ожидать отъ этого же самаго человѣка такихъ тщательныхъ и усидчивыхъ наблюденій, которыя могли бы послужить надежнымъ матеріаломъ для исторіи умственныхъ отправленій животнаго царства? О Плиніѣ и говорить нечего, потому что его даже и за то нельзя похвалить, за что хвалятъ Аристотеля. Теперешніе натуралисты проводятъ по цѣлымъ часамъ надъ какимъ нибудь муравейникомъ и повторяютъ такіе сеансы каждый божій день, втеченіи многихъ и очень многихъ лѣтнихъ сезоновъ, и все-таки при этомъ страшномъ напряженіи вниманія считаютъ себя школьниками въ дѣлѣ изученія природы и сознаются въ томъ, что психологическіе вопросы животнаго царства до сихъ поръ даже не могутъ быть поставлены надлежащимъ образомъ. Во времена Аристотеля задача была такъ же громадна и запутана, какъ и теперь, а между тѣмъ великій Аристотель никогда не углублялся въ изученіе муравейниковъ; онъ писалъ и о политикѣ, и о логикѣ, и о риторикѣ, и между прочимъ о естественной исторіи; онъ воспитывалъ Александра Македонскаго, и онъ же основалъ цѣлую громадную философскую школу перипатетиковъ. Положимъ, что онъ очень великъ; его величіе пускай при немъ и остается на вѣчныя времена; но если мы вздумаемъ обращаться къ такому всеобъемлющему генію за свѣдѣніями о нравахъ мелкой твари, то наша довѣрчивость приведетъ насъ къ очень неутѣшительнымъ результатамъ. Недурно также припомнить, что Америка и Австралія были совершенно неизвѣстны Аристотелю, а Индія, Китай, Сибирь, почти вся Африка и весь сѣверъ Европы были извѣстны только по нелѣпѣйшимъ сказкамъ. Каковы были пробѣлы въ зоологическихъ свѣдѣніяхъ классической древности, это достаточно видно изъ того факта, что ни греки, ни римляне не знали ни одного вида высшихъ обезьянъ,—ни орангъ-утанга, ни гиббона, ни шимпанзе, ни гориллы. Наконецъ надо же взять въ толкъ разъ навсегда, что какихъ-нибудь пять тысячъ лѣтъ ровно ничего не значатъ въ томъ неизмѣримомъ океанѣ тысячелѣтій, который отдѣляетъ нашу эпоху отъ зарожденія органической жизни на земномъ шарѣ. Представьте себѣ, что вы разстались на мѣсяцъ съ любимой женщиной; вы изучили всѣ черты ея лица, вы замѣтили-бы въ немъ малѣйшую перемѣну, а между тѣмъ вы возвращаетесь черезъ мѣсяцъ, всматриваетесь и не замѣчаете ровно ничего. Попробуйте утверждать на этомъ основаніи, что время не измѣняетъ человѣка. А въ жизни органической природы пять тысячъ лѣтъ навѣрное значатъ меньше, чѣмъ одинъ мѣсяцъ въ жизни человѣка. Стало-быть, историческія свидѣтельства по очень многимъ причинамъ не могутъ дать намъ никакихъ матеріаловъ для рѣшенія во-

проса о движеніи умственныхъ способностей въ мірѣ животныхъ. Геологія также молчитъ, потому что никакой скелетъ не можетъ намъ разсказать, какъ жилъ и мыслилъ его обладатель. Гдѣ же искать отвѣта? Да все тамъ же, въ осмысленномъ наблюденіи живой природы. Живая природа въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь, даетъ намъ очень много указаній на тотъ процессъ развитія, посредствомъ котораго она возвысилась до своего теперешняго положенія. Надо только смотрѣть и понимать.

III.

Утѣшимъ въ первый и послѣдній разъ обожателей Аристотеля и научнаго благоправія; откажемся отъ дарвиновскаго лукавства; допустимъ, что лягушечій прогрессъ и собачья цивилизація не существуютъ и не могутъ существовать. Посмотримъ, что̀ изъ этого выйдетъ. Если переходы отъ одного рода привычекъ къ другому совершенно невозможны въ царствѣ животныхъ, если необозримый рядъ предковъ каждаго животнаго жилъ всегда точь въ точь такъ, какъ въ настоящее время живетъ ихъ потомокъ, то это значитъ, что извѣстный комплектъ привычекъ связанъ на вѣчныя времена роковыми и необходимыми узами съ извѣстнымъ устройствомъ организма. Утѣшать, такъ утѣшать! Положимъ, что и устройство организма неизмѣнно и непоколебимо. Если существуетъ неразрушимая связь между устройствомъ организма и всѣми привычками, то, разумѣется, всѣ животныя одного вида должны имѣть совершенно одинаковыя привычки, отъ которыхъ они не могутъ отклоняться ни на волосъ, ни подъ какимъ видомъ и ни при какихъ условіяхъ. Если вы только допустите, что животное въ минуту сильнаго голода можетъ взять въ ротъ кусокъ такой пищи, которую не ѣли его отцы, дѣды и прадѣды, то весь принципъ неизмѣнныхъ привычекъ будетъ потрясенъ въ самомъ основаніи. Если гнетъ сильной необходимости можетъ произвесть въ привычкахъ малѣйшее уклоненіе, то рѣшительно никто не можетъ поручиться, что этотъ гнетъ не дѣйствовалъ на каждое поколѣніе, и что изъ множества мелкихъ уклоненій не составилось въ концѣ концовъ совершенное превращеніе. Стало-быть, для поддержанія любезнаго принципа надо твердо стоять на томъ, что всѣ теперешнія ласточки одного вида живутъ—какъ одна ласточка, всѣ медвѣди — какъ одинъ медвѣдь, всѣ лягушки — какъ одна лягушка, и такъ далѣе, распространяя это правило: «всѣ, какъ одинъ», на всѣ отдѣльные виды безсловесной твари. Хорошо, будемъ стоять. Кромѣ того животныя, близкія другъ къ другу по тѣлосложенію, должны имѣть сходныя привычки. Это условіе такъ же необходимо для поддержанія принципа, который весь держится на томъ основномъ положеніи, что привычки составляютъ роковой и неизмѣнный результатъ организаціи. А если организація составляетъ единственную причину привычекъ, то невозможно допустить, чтобы сходныя причины привели за собой несходныя слѣдствія. Стало-быть, мы получили два закона:

I. Всѣ животныя одного вида живутъ, какъ одно животное.

II. Сходные виды имѣютъ сходныя привычки.

Изъ этихъ двухъ законовъ не можетъ быть ни одного исключенія, и если такое исключеніе встрѣтится, то весь принципъ неизмѣнныхъ привычекъ окажется миѳомъ. Посмотримъ теперь на живую природу. Она одна можетъ рѣшить споръ между научнымъ благоправіемъ и дарвиновскимъ лукавствомъ. Если не найдется исключенія, то мы навсегда откажемся отъ собачьяго прогресса. Въ противномъ случаѣ великій принципъ принужденъ будетъ сложить оружіе и признать себя нелѣпостью. Долго разсуждать тутъ нечего. Исключеній пропасть, и оба основные закона трещатъ по всѣмъ направленіямъ.

Животныя всевозможныхъ породъ на каждомъ шагу позволяютъ себѣ такія выходки, которыя очень рѣзко отличаются отъ обыкновенныхъ и постоянныхъ привычекъ цѣлаго вида. Одинъ разъ наблюдателю удастся подмѣтить такую выходку, но придется ли ему во второй разъ сдѣлать то же наблюденіе, этого никакъ нельзя сказать заранѣе, потому что выходка эта можетъ-быть совсѣмъ не повторится по прошествіи значительнаго промежутка времени, а можетъ-быть повторится тотчасъ же, или на другой день. Все зависитъ отъ того, какъ сложатся для животнаго разныя мелкія обстоятельства его вседневной жизни. Напримѣръ въ Сѣверной Америкѣ натуралистъ Гирнъ видѣлъ, какъ черный медвѣдь плавалъ по рѣкѣ съ разинутой пастью и глоталъ водяныхъ насѣкомыхъ. Это упражненіе продолжалось нѣсколько часовъ, но какой же благоразумный человѣкъ рѣшится утверждать, что такія занятія свойственны медвѣдю, что они находятся въ строгой зависимости отъ его организаціи, и что всѣ предки этого оригинала всегда занимались подобными промыслами. Китъ постоянно поступаетъ такимъ образомъ, и киту очень удобно это дѣлать: у него пасть усажена роговыми пластинками, въ которыхъ насѣкомыя и всякая мелюзга задерживаются для съѣденія; а въ верхней части головы у него продѣланы отверстія, черезъ которыя онъ выбрасываетъ воду, набранную въ ротъ вмѣстѣ съ мелкими животными. Не мѣшаетъ также замѣтить, что китъ во время такой охоты чувствуетъ себя совершенно дома, между тѣмъ какъ медвѣдю приходится въ этомъ случаѣ отправляться въ чужую стихію за очень мелкой и неудобной добычей. Можно себѣ представить, сколько онъ во время этого занятія проглотилъ

воды безъ всякой надобности и безъ малѣйшаго желанія, сколько разъ вода захлестывала ему ноздри и сколько разъ пойманныя насѣкомыя ускользали изъ его пасти въ то время, когда онъ фыркалъ и отплевывался. Повторитъ-ли онъ свое плаваніе,—это конечно зависитъ отъ того, понравилась-ли ему первая попытка; но если животное можетъ дѣлать попытки и въ случаѣ удачи повторять ихъ, то куда же послѣ этого укроется принципъ неизмѣнныхъ привычекъ? Разныя птицы очень часто дѣлаютъ то, что несвойственно ихъ породѣ, и что совершенно свойственно какой нибудь другой породѣ, вовсе на нихъ непохожей. Мухоловка (Muscicapa) обыкновенно прыгаетъ по деревьямъ и питается насѣкомыми; но Дарвинъ видѣлъ не разъ, какъ одна изъ птицъ этого рода Saurophagus sulphuratus, подобно коршуну, держалась въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ съ распростертыми крыльями, потомъ дѣлала быстрый поворотъ и вслѣдъ затѣмъ останавливалась такимъ же образомъ надъ другой точкой. Коршуну, какъ хищнику, очень удобно такимъ образомъ высматривать себѣ съ высоты добычу, состоящую изъ птицъ и мелкихъ звѣрьковъ; но для мухоловки, питающейся насѣкомыми, такой способъ вовсе не можетъ быть полезенъ; стало-быть, тѣ субъекты, за которыми Дарвинъ подмѣтилъ эту замашку, руководствовались какими нибудь особенными соображеніями, неимѣющими тѣсной связи съ обыкновенными потребностями и привычками всей породы. Дарвину случалось также видѣть, что Saurophagus sulphuratus стоитъ надъ водой, караулитъ мелкую рыбу и потомъ вдругъ кидается на нее, выбравъ удобную минуту; а между тѣмъ мухоловка нисколько не приспособлена къ водяной охотѣ. Стало-быть, она сама себя приспособляетъ; а принципъ опять-таки страдаетъ по случаю ея нескромности. Синица (Parus major) также позволяетъ себѣ разныя непослѣдовательности; обыкновенно она прыгаетъ по вѣткамъ деревьевъ и питается ягодами, зернами и насѣкомыми; но иногда она лазитъ, какъ пищуха; иногда она своимъ клювомъ бьетъ мелкихъ птичекъ по головѣ до смерти и вполнѣ подражаетъ въ этомъ отношеніи хищному сорокопуту (Lanius), который однако вовсе не похожъ на нее и принадлежитъ даже къ совершенно другому семейству. Иногда та же самая беззаконная синица разбиваетъ мелкіе орѣхи, ударяя ихъ по нѣскольку разъ объ дерево, и въ этомъ случаѣ она беретъ примѣръ съ орѣховки (Nucifraga), которая также принадлежитъ къ другому семейству.

Принципъ, принципъ! Каково ты себя, другъ мой, чувствуешь? Но это еще все цвѣточки, а настоящія-то ягоды заключаются въ томъ фактѣ, что цѣлыя породы, находящіяся между собой въ самомъ близкомъ родствѣ и очень похожія другъ на друга по складу тѣла, имѣютъ такія *постоянныя* привычки, въ которыхъ самый усердный обожатель принципа не усмотритъ даже ни малѣйшаго сходства. Дятелъ (Picus) всѣмъ устройствомъ своего тѣла превосходно приспособленъ къ тому, чтобы лазить по деревьямъ, выстукивать насѣкомыхъ изъ-подъ коры ударами клюва и ловить ихъ языкомъ въ узкихъ трещинахъ и углубленіяхъ. Вотъ какъ описываетъ его учебникъ зоологіи: «Клювъ прямой, коническій; языкъ длинный, заостренный, роговой, прикрѣпленный къ подвижнымъ язычнымъ костямъ, можетъ съ быстротой выдвигаться изо рта. Хвостъ съ жесткими перьями, служащими опорой при лазаніи». Къ этому описанію можно прибавить, что и нога этой птицы по устройству пальцевъ и когтей превосходно приноровлена къ обыкновеннымъ привычкамъ огромнаго большинства дятловъ, которые дѣйствительно постоянно карабкаются по стволамъ и толстымъ сучьямъ деревьевъ, стучатъ въ нихъ клювомъ и вылизываютъ изъ нихъ разныхъ насѣкомыхъ. Но и между дятлами встрѣчаются неблагодарные вольнодумцы, для которыхъ всѣ эти милости заботливой природы остаются мертвымъ капиталомъ. Въ Сѣверной Америкѣ одна порода дятловъ питается преимущественно плодами, а другая, одаренная длинными крыльями, летаетъ вслѣдъ за насѣкомыми и ловитъ ихъ на воздухѣ, вмѣсто того чтобы выстукивать ихъ изъ-подъ древесной коры.

Ага!—скажетъ защитникъ принципа,—длинныя крылья! Оттого-то они и летаютъ за насѣкомыми, что у нихъ длинныя крылья. На это восклицаніе можно отвѣтить, что защитникъ принципа, какъ утопающій, хватается за соломинку, которая такъ и остается у него въ рукахъ. Во-первыхъ, длинныя крылья вовсе не мѣшаютъ этимъ дятламъ карабкаться по деревьямъ; а во-вторыхъ, крылья обыкновенныхъ дятловъ вовсе не коротки и не слабы, такъ что обыкновенный дятелъ очень легко и удобно могъ-бы ловить насѣкомыхъ на лету, если-бы того требовали мѣстныя обстоятельства. А почему именно крылья длиннѣе у того дятла, который больше другихъ летаетъ, на этотъ вопросъ теорія лукаваго Дарвина даетъ, кажется, совершенно удовлетворительный отвѣтъ. Она произноситъ въ этомъ случаѣ только двѣ пары словъ: «упражненіе органовъ» и «естественный выборъ». Читатель долженъ понимать, что этого вполнѣ достаточно.

Дятелъ Colaptes, живущій въ Мексикѣ и описанный Соссюромъ, самымъ необыкновеннымъ образомъ извращаетъ свои естественныя дарованія. Онъ выдалбливаетъ своимъ крѣпкимъ клювомъ углубленія въ стволахъ очень твердыхъ деревьевъ и складываетъ въ эти углубленія запасы зеренъ, обезпечивающіе его продовольствіе. Colaptes—дятелъ, и нашъ европейскій Picus—также дятелъ; у одного крѣпкій клювъ, и у другого также крѣпкій клювъ. Спрашивается, по-

чему же одинъ устраиваетъ себѣ амбары, а другой выстукиваетъ насѣкомыхъ? Отвѣчать не трудно, но только отвѣтъ будетъ губителенъ для принципа неизмѣнныхъ привычекъ. Александръ Гумбольдтъ былъ человѣкъ, и Наполеонъ I былъ также человѣкъ. У одного былъ здоровый мозгъ, и у другого былъ также здоровый мозгъ. Почему же одинъ написалъ «Космосъ», а другой соорудилъ 18-е брюмера, разстрѣлялъ герцога Ангіенскаго, выигралъ нѣсколько десятковъ сраженій, очень упорно преслѣдовалъ идеалогію и наконецъ, какъ малолѣтній ребенокъ, отдался въ руки сначала негодяю Фуше, а потомъ—англійской олигархіи? Не потому-ли, что обстоятельства были не одинаковы? Вліянія, дѣйствовавшія на этихъ двухъ людей, окружавшія ихъ съ самой минуты рожденія и направлявшія каждый ихъ шагъ и каждую ихъ мысль въ ту или въ другую сторону, были различны, и отъ того выработались два различные характера, а въ общемъ выводѣ получились уже совершенно несходные результаты. На молодого Бонапарта и на молодого Гумбольдта дѣйствовали идеи вѣка, политическія событія, отношеніе этихъ событій къ ихъ отечеству, семейныя обстоятельства, денежное положеніе того и другого,—словомъ, огромная масса такихъ условій, которыя не имѣли ровно ничего общаго съ внутреннимъ строеніемъ ихъ мозга и всего ихъ организма. Если-бы какой нибудь великій анатомъ изучилъ во всѣхъ подробностяхъ мозгъ покойнаго Гумбольдта и покойнаго Наполеона, и если-бы оказалось, что вѣсъ, химическій составъ, устройство всѣхъ извилинъ, величина всѣхъ внутреннихъ желудочковъ, словомъ, всѣ мельчайшія особенности совершенно сходны въ обоихъ мозгахъ, то я не думаю, чтобы какой нибудь здравомыслящій человѣкъ нашелъ это обстоятельство особенно удивительнымъ, несмотря на то, что эти двѣ даровитыя личности занимались въ жизни совершенно различными предметами. Было-бы даже гораздо удивительнѣе, если-бы мозгъ Мюрата былъ въ такой же значительной степени похожъ на мозгъ Наполеона или если-бы въ черепѣ профессора Креозотова заключался совершенно такой мозгъ, какимъ обладалъ Александръ Гумбольдтъ. А между тѣмъ Мюратъ сдѣлалъ вмѣстѣ съ Наполеономъ почти всѣ его кампаніи и даже считался въ свое время великимъ кавалерійскимъ генераломъ. А Креозотовъ, подобно Гумбольдту, постоянно предавался ученымъ занятіямъ.

Возьмемъ другой примѣръ. Передъ вами лежатъ на столѣ двѣ бритвы; одна настоящая англійская, другая—чисто отечественная, и притомъ изъ самыхъ плохихъ. Какъ той, такъ и другой бритвой вы можете сдѣлать множество разнообразнѣйшихъ эволюцій: выбрить себѣ бороду, или перерѣзать себѣ горло, или срѣзать себѣ мозоль, или разрѣзать лимонъ, или очинить карандашъ. И все это можетъ быть произведено обѣими бритвами почти съ одинаковымъ успѣхомъ, потому что трудно себѣ вообразить такую дрянную бритву, которая съ перваго-же раза оказалась-бы несостоятельной. Если вашъ родственникъ хватитъ себя по горлу вашей англійской бритвой, а вы будете употреблять свою русскую бритву какимъ-нибудь другимъ, менѣе кровопролитнымъ образомъ, то я не думаю, чтобы изъ этихъ двухъ фактовъ можно было вывести хоть малѣйшія заключенія о сравнительномъ достоинствѣ обоихъ инструментовъ. Оба эти факта зависятъ отъ той обстановки, въ которой находились обѣ бритвы, и отдѣльные элементы этой обстановки не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ качествами русской и англійской стали, или русской и англійской фабрикаціи бритвъ. Но, разумѣется, никакая обстановка не можетъ приноровить бритву къ такому употребленію, которое совершенно несовмѣстно съ ея фигурой или съ свойствами ея матеріала. Если вамъ понадобится написать письмо, вы никакъ не напишите его бритвой. Хоть-бы вамъ до-зарѣзу необходимы были сапоги, вы ни за какія блага не ухитритесь надѣть бритву на ногу. Вы можете умирать съ голоду въ комнатѣ, переполненной бритвами, и все таки вамъ не удастся разжевать, проглотить и переварить хоть одну бритву. То же самое можно сказать о Наполеонѣ и о Гумбольдтѣ. Если-бы Наполеонъ захотѣлъ снести яйцо, то по всей вѣроятности вся его геніальность не доставила-бы ему желаннаго успѣха. Простая курица перещеголяла-бы въ этомъ отношеніи великаго завоевателя. А Гумбольдту легче было-бы написать другую книгу,—подобную «Космосу», чѣмъ собственными средствами своего организма выработать одинъ квадратный вершокъ паутины или одинъ золотникъ воска. Глупѣйшій изъ пауковъ и лѣнивѣйшая изъ рабочихъ пчелъ превзошли-бы въ этихъ дѣлахъ одного изъ даровитѣйшихъ работниковъ нашего столѣтія.

Между простымъ и безжизненнымъ орудіемъ, подобнымъ бритвѣ, и тѣмъ удивительно-сложнымъ органомъ, который называется человѣческимъ мозгомъ, лежитъ громадное разстояніе. Можно сказать, что вся природа помѣщается въ этомъ промежуткѣ. Однако, не смотря на эту громадность разстоянія, можно замѣтить по крайней мѣрѣ одну общую черту въ дѣятельности бритвы и въ дѣятельности мозга. Именно, результатъ дѣятельности въ обоихъ случаяхъ не зависитъ вполнѣ и исключительно отъ собственныхъ качествъ бритвы и мозга. Результатъ этотъ складывается изъ двухъ элементовъ: изъ качествъ самаго орудія и изъ качествъ всѣхъ окружающихъ предметовъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, съ которыми данное орудіе соприкасается во время своей дѣятельности. Каждый кусокъ неодушевленной матеріи подчиняется этому общему закону наравнѣ съ организмомъ человѣка. Орга-

низмъ животнаго ближе къ организму человѣка, чѣмъ кусокъ неорганическаго вещества, а между тѣмъ защитники неизмѣнныхъ привычекъ ухитрились выдумать, что весь міръ животныхъ составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила. Они думаютъ, что если ужъ дятлу даны способности лазить и долбить, то онъ такъ и будетъ поступать всегда и вездѣ, хотя-бы онъ даже попалъ въ такое мѣсто, гдѣ нѣтъ деревьевъ и гдѣ очень мало насѣкомыхъ. Бороться съ такими идеями даже какъ-то неловко и совѣстно, и я прошу читателя извинить мое длинное отступленіе отъ настоящаго дѣла. Мнѣ хотѣлось только показать, какимъ образомъ многія изъ нашихъ обиходныхъ понятій рѣшительно противорѣчатъ не только осязательнымъ фактамъ живой природы, но даже основнымъ законамъ здороваго человѣческаго мышленія. Если въ нелѣпостяхъ могутъ быть какія-нибудь градаціи, то надо будетъ сознаться, что идея о неизмѣнности животныхъ привычекъ составляетъ болѣе значительную и несообразную нелѣпость, чѣмъ извѣстная русская теорія о трехъ китахъ, поддерживающихъ нашу планету.

Когда мы всматриваемся въ дѣло, тогда мы ясно видимъ, гдѣ смыслъ и гдѣ безсмыслица. Но въ томъ-то и горе наше великое, что намъ очень рѣдко приходится всматриваться въ наши идеи и выбивать пріемами строгой критики ту пыль и моль, которыя завелись въ нашей умственной рухляди и перепортили все естественное богатство нашего превосходнаго кавказскаго мозга. Мозгъ-то хорошъ, да дряни въ немъ много. Чтобы покончить исторію о дятлахъ, я сообщу читателю, что въ безлѣсныхъ равнинахъ Ла-Платы живетъ дятелъ Colaptes campestris, который никогда не взлѣзаетъ на деревья по той простой причинѣ, что не на что взлѣзать. Клювъ его не такъ твердъ и прямъ, какъ у простого дятла, во-первыхъ—по недостатку упражненія, а во-вторыхъ—потому, что естественный выборъ перестал поддерживать спеціальныя качества этого орудія. Въ безлѣсной странѣ, гдѣ нечего долбить, дятлу безполезенъ твердый и прямой клювъ, и поэтому строгость естественнаго выбора въ этомъ отношеніи ослабѣла.

Здѣсь мы можемъ проститься съ неизмѣнными привычками и съ ихъ остроумными защитниками, опирающимися на египетскіе памятники и на сочиненія классическихъ мудрецовъ. Возиться съ ними очень скучно, и я увѣренъ, что они уже давно опротивѣли моему возлюбленному читателю, свободному отъ всякихъ предразсудковъ или по крайней мѣрѣ искренно желающему отъ нихъ освободиться. Чтобы окончательно сразить противниковъ Дарвина, достаточно произнести одно слово, указывающее на цѣлый, длинный рядъ неопровержимыхъ фактовъ. Это слово: *акклиматизація* животныхъ. Объ ней я однако распространяться не буду.

IV.

Привычки животныхъ измѣняются вмѣстѣ съ условіями жизни, а для того, чтобы условія жизни измѣнились, вовсе не нужно накликать на землю какіе-нибудь ужасы вродѣ наводненія или землетрясенія. Если порода благоденствуетъ и размножается, то самая эта безмятежность, самое это довольство, рано или поздно, приведутъ за собой перемѣну; порода размножится такъ, что явится несоразмѣрность между количествомъ пищи и числомъ потребителей; многимъ субъектамъ придется искать новой пищи и приспособляться къ новымъ промысламъ; вотъ вамъ и перемѣна. Пока искатели новой пищи не выработаютъ себѣ новыхъ приспособленій, до тѣхъ поръ мы будемъ замѣчать разладъ между тѣлосложеніемъ животнаго и его образомъ жизни. Разладъ этотъ во всякомъ случаѣ будетъ продолжаться очень долго, потому что всѣ видоизмѣненія совершаются въ органическомъ мірѣ чрезвычайно медленно и незамѣтно. А большая или меньшая продолжительность этого разлада будетъ зависѣть отъ большей или меньшей гибкости даннаго организма, отъ большей или меньшей напряженности борьбы и отъ большей или меньшей строгости естественнаго выбора. Т. е. здѣсь, какъ и вездѣ, результатъ будетъ обусловливаться свойствами субъекта и особенностями всѣхъ окружающихъ обстоятельствъ.

Если это разсужденіе вѣрно, то оно должно оправдываться фактами дѣйствительной жизни. Если оно вѣрно, то есть основаніе думать, что нѣкоторыя породы животныхъ въ настоящую минуту должны представлять живой образчикъ такого разлада между устройствомъ тѣла и свойствами привычекъ. Слѣдовательно, если мы найдемъ, что такія породы дѣйствительно существуютъ, то мы будемъ имѣть полное основаніе сказать, что разсужденіе было построено вѣрно— Дятлы, летающіе за насѣкомыми, питающіеся плодами и живущіе въ совершенно безлѣсныхъ равнинахъ, показываютъ уже довольно замѣтный разладъ между тѣлосложеніемъ и привычками. Но есть и другіе примѣры, гораздо болѣе поразительные. Буревѣстники проводятъ большую часть своей жизни на лету, между небомъ и моремъ, вдали отъ береговъ. У всего этого семейства птицъ крылья превосходно развиты. Между тѣмъ въ тихомъ проливѣ Огненной Земли живетъ буревѣстникъ Puffinuria Berardi, который превосходно плаваетъ и ныряетъ, но чрезвычайно рѣдко и повидимому неохотно подымается на воздухъ. По привычкамъ своимъ онъ очень похожъ на пингвина или на чистика, т. е. на такихъ птицъ, которыя совершенно лишены способности летать и употребляютъ свои крылья на водѣ вмѣсто веселъ, а на сушѣ—вмѣсто переднихъ ногъ. Особенности его образа жизни произвели уже довольно значительныя измѣненія въ устрой-

ствѣ его тѣла, но въ немъ еще легко узнать типъ настоящаго буревѣстника. Оляпка (Cinclus aquaticus) постоянно добываетъ себѣ пищу подъ водой, ныряетъ, цѣпляется ногами за камни и бѣгаетъ по дну рѣки, разгребая воду крыльями. Между тѣмъ оляпка принадлежитъ къ земному семейству дроздовъ, и, разсматривая ея трупъ, самый опытный наблюдатель не отыщетъ въ немъ ни малѣйшаго намека на ея своеобразныя привычки. Стало-быть разладъ существуетъ во всей своей силѣ. У гусей перепонка между пальцами приспособлена для плаванія, и мы, разумѣется, привыкли считать гуся совершенно водяной птицей; а между тѣмъ есть нѣсколько породъ дикихъ гусей, которыя, сохраняя перепонку, никогда не входятъ въ воду. Фрегатъ (Tachypetes aquila) постоянно летаетъ надъ моремъ, удаляется отъ береговъ на огромныя разстоянія и, несмотря на то, почти никогда не опускается на воду. Изъ всѣхъ натуралистовъ, только одинъ Одюбонъ видѣлъ, что фрегатъ опустился на воду, а между тѣмъ у фрегата четыре пальца соединены перепонкой. Но въ этой перепонкѣ, которая отлично годится для плаванія, есть глубокія выемки, указывающія на то, что нога фрегата начала измѣняться, сообразно съ его образомъ жизни. У гагаръ и у лысухъ пальцы только оторочены перепонкой, хотя эти пальцы постоянно держатся на водѣ. Опять разладъ и противорѣчіе. Длинныя ноги голенастыхъ птицъ такъ отлично приноровлены къ путешествіямъ по болоту, что ничего лучше желать не остается и требовать нельзя; между тѣмъ съ одной стороны водяная курочка, принадлежащая къ этому порядку, постоянно плаваетъ по водѣ, вмѣсто того чтобы бродить по вязкому берегу; а съ другой стороны коростель, принадлежащій къ одному семейству съ водяной курочкой и даже поставленный съ ней рядомъ въ учебникѣ зоологіи, также презираетъ болото и держится обыкновенно въ хлѣбныхъ посѣвахъ и въ высокой травѣ вмѣстѣ съ перепелками и куропатками.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ мы видимъ, что организація животнаго вовсе не связана наглухо именно съ однимъ, тѣсно опредѣленнымъ образомъ жизни. Конечно организація ставитъ нѣкоторыя границы для дѣятельности животныхъ, но эти границы оставляютъ животному очень широкій просторъ, и со временемъ могутъ быть раздвинуты еще шире, если представится настоятельная необходимость и если окружающія обстоятельства дадутъ на то малѣйшую возможность. Разумѣется, рыба не можетъ построить себѣ гнѣзда на деревѣ; воробей не можетъ вырыть въ землѣ тѣ норы и галлереи, которыя сооружаетъ кротъ; тигръ не можетъ питаться травой, какъ баранъ; а страусъ не можетъ гоняться за голубями, какъ ястребъ. Между рыбой и птицей, между воробьемъ и кротомъ, между тигромъ и бараномъ, между страусомъ и ястребомъ существуютъ очень глубокія различія въ организаціи; однако нѣтъ никакого основанія думать, чтобы между этими очень различными организаціями лежала непроходимая бездна, чрезъ которую природа, то-есть постоянное дѣйствіе разнородныхъ и очень сложныхъ обстоятельствъ, не была бы въ состояніи проложить узкую тропинку или широкую дорогу. Въ природѣ возможны самыя полныя превращенія и самые удивительные переходы, но только эти превращенія и переходы никогда и ни подъ какимъ видомъ не могутъ совершиться круто и внезапно. Вся исторія органической жизни состоитъ въ томъ, что различныя формы животныхъ и растеній постоянно обособлялись и съ каждымъ тысячелѣтіемъ, дробясь на новыя разновидности, все сильнѣе и рѣзче удалялись другъ отъ друга; вслѣдствіе этого въ настоящую минуту различные отдѣлы, классы и порядки животнаго царства гораздо дальше отстоятъ другъ отъ друга и гораздо глубже и явственнѣе разграничены между собой, чѣмъ это было въ прошедшія геологическія эпохи. Однако, несмотря на эти глубокія границы, несмотря на то, что всякія промежуточныя формы постоянно вытѣсняются крайними представителями отдѣловъ, классовъ и порядковъ, мы и теперь можемъ указать на тѣ пути, по которымъ могли-бы совершиться самые далекіе и неожиданные переходы; во многихъ случаяхъ мы встрѣчаемся даже съ живыми формами, которыя, какъ верстовые столбы, стоятъ по серединѣ этихъ путей и ясно говорятъ намъ самымъ фактомъ своего существованія, что было время, когда эти заброшенные пути были бойкими столбовыми дорогами, и когда органическая жизнь, направляясь къ своему теперешнему положенію, медленно и величественно совершала по этимъ путямъ свое безпредѣльное развитіе. Такимъ образомъ цѣлые два порядка животныхъ связываютъ классъ млекопитающихъ съ классомъ рыбъ; во-первыхъ — ластоногія (Pinnipedia), то-есть моржи, тюлени, морскіе львы и морскіе коты; а во-вторыхъ — китовыя (Cetacea), то есть киты и дельфины. Летучая рыба намекаетъ на возможность перехода отъ рыбы къ птицѣ и напоминаетъ о тѣхъ странно далекихъ временахъ, когда вся наша планета была покрыта водой, когда главнѣйшими представителями органической жизни были моллюски и хрящевыя рыбы, и когда эти рыбы, самыя совершенныя изъ тогдашнихъ живыхъ существъ, подъ вліяніемъ борьбы за жизнь и естественнаго выбора стали постепенно перерождаться въ крылатыхъ гадовъ и въ птицеобразныхъ животныхъ или, вѣрнѣе, въ рыбообразныхъ птицъ. Австралійскій утконосъ стоитъ на границѣ между млекопитающими и птицами; а сумчатыя животныя, изъ которыхъ одни по устройству своихъ зубовъ приближаются къ жвачнымъ (кенгуру), другія — къ грызунамъ (вомбатъ), а третьи — къ плотояднымъ (двуутробка).

показываютъ намъ, какъ развивалось въ прошедшемъ то глубокое различіе, которое существуетъ теперь между этими тремя, рѣзко разграниченными порядками млекопитающихъ.

Все животное царство распадается на два громадные отдѣла, на позвоночныхъ и безпозвоночныхъ. Различіе между этими двумя отдѣлами до такой степени глубоко, что между животными этихъ двухъ отдѣловъ даже нельзя производить никакихъ сравненій; невозможно сказать и безполезно было-бы спрашивать, какое животное стоитъ выше въ цѣпи созданій: какая-нибудь рыба или пчела? Типы ихъ не имѣютъ между собой ни одной точки соприкосновенія и развились совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Эти два отдѣла животнаго царства обозначились по всей вѣроятности въ самой глубокой древности, недоступной даже для геологіи; какія формы предшествовали этому раздѣленію — этого мы никогда не узнаемъ, хотя конечно можно предполагать, что жили тогда животныя, до нѣкоторой степени похожія на теперешнихъ инфузорій, если не по своей величинѣ, то по крайней мѣрѣ по простотѣ своей организаціи. Однако, несмотря на то, что различіе между позвоночными и безпозвоночными такъ глубоко и такъ сильно упрочено своей неизмѣримой древностью, — несмотря на это, существуютъ и теперь нѣкоторыя формы, служащія живымъ намекомъ на прежнее, уже совершенно утратившееся родство между этими двумя отдѣлами. Амфіоксъ или ланцетная рыба принадлежитъ къ позвоночнымъ животнымъ, а между тѣмъ ее очень долго принимали за моллюска; у нея нельзя отличить головы и головного мозга; поэтому, когда ее причисляли къ моллюскамъ, то ее ставили ниже головоногихъ и брюхоногихъ моллюсковъ, у которыхъ ясно обозначена голова. Даже между царствами животнымъ и растительнымъ, которыя должны были отдѣлиться другъ отъ друга еще раньше, существуютъ нѣкоторыя промежуточныя формы, которыя никакъ не могли возникнуть послѣ того, какъ это раздѣленіе уже совершилось. Полипы очень долго считались растеніями и только въ половинѣ прошлаго столѣтія окончательно перечислены въ категорію животныхъ, несмотря на то, что у большей части полиповъ до сихъ поръ не доказано существованіе нервной системы. Губки очень недавно включались въ растительное царство, а теперь ихъ также перевели въ разрядъ животныхъ, хотя тутъ и рѣчи не можетъ быть о нервной системѣ. Любопытно замѣтить, что эти промежуточныя формы, занимающія теперь самое низшее мѣсто въ царствѣ животныхъ, занимали также одно изъ низшихъ мѣстъ въ ряду растеній. Это — живые остатки того далекаго прошедшаго, когда органическая жизнь находилась въ зачаточномъ состояніи, и когда всѣ зародыши и всѣ родоначальники теперешнихъ, безконечно разнообразныхъ типовъ были похожи другъ на друга и сливались между собой въ общемъ хаотическомъ броженіи безцвѣтности и безформенности. Это—выкидыши органической природы, оставшіеся въ живыхъ, несмотря на свою недодѣланность. Очень понятно, что выкидышъ самаго высшаго животнаго менѣе развитъ въ своей организаціи, чѣмъ вполнѣ сложившееся животное низшаго разряда. Поэтому и не трудно понять, что такія формы, какъ полипы и губки, всегда будутъ занимать послѣднее мѣсто въ цѣпи органическихъ существъ, къ какому бы царству ни относили ихъ классификаторы.

Всю эту экскурсію по различнымъ областямъ органическаго міра я веду къ тому, чтобы выразить нѣсколько мыслей, имѣющихъ самое прямое и непосредственное отношеніе къ нашему главному предмету. Развиваясь по разнымъ направленіямъ изъ одного общаго источника и подчиняясь въ своемъ разностороннемъ развитіи господству одинаковыхъ законовъ, до сихъ поръ еще мало изслѣдованныхъ, органическая природа сохранила, и по всей вѣроятности сохранитъ навсегда, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ ту гибкость, измѣнчивость и подвижность, которыя привели ее къ ея теперешнему роскошному и цвѣтущему разнообразію. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія думать, что щука, тигръ, воробей, страусъ и всѣ вообще современные намъ организмы составляютъ собой тотъ окончательный результатъ, къ которому направлялось все развитіе живой природы. Множество подмѣченныхъ фактовъ доказываетъ намъ, напротивъ того, что въ органической природѣ все идетъ по старому, и что формы передѣлываются или до поры до времени остаются неподвижными, смотря по тому, какъ дѣйствуютъ на нихъ всѣ остальныя формы, съ которыми имъ такъ или иначе приходится вести борьбу за существованіе. Есть-ли въ органическомъ мірѣ такія формы, которыя были-бы совершенно неизмѣнны и неподвижны по самой своей природѣ,—этого мы не знаемъ; но если такія формы существуютъ, то онѣ при первой встрѣчѣ съ неблагопріятными обстоятельствами будутъ непремѣнно истреблены, потому что онѣ вслѣдствіе своей неподвижности не будутъ въ состояніи выдержать случившуюся перемѣну и приноровиться къ новымъ условіямъ жизни. Очень многія, а можетъ-быть и всѣ, погибшія формы погибли именно оттого, что тѣ или другія измѣнившіяся обстоятельства потребовали отъ нихъ такого быстраго и значительнаго измѣненія въ привычкахъ и въ организаціи, которое въ данную минуту было для нихъ невозможно. А такъ какъ сила вещей неотразима и не даетъ никакихъ отсрочекъ, то она ихъ и скрутила до совершеннаго уничтоженія. Если-бы тигру предстояла альтернатива—питаться травой или умереть съ голоду, онъ-бы умеръ, но это вовсе не доказываетъ,

что между плотояднымъ и травояднымъ лежитъ непроходимая бездна. Можетъ-быть переходъ возможенъ, но только никакъ не вдругъ. Наша домашняя кошка приходится тигру очень близкой родственницей; до своего знакомства съ человѣкомъ она питалась исключительно мясомъ, а теперь всякій знаетъ, что ее можно кормить молокомъ и хлѣбомъ. Молешотъ, писавшій свое «Ученіе о пищѣ» въ то время, когда о теоріи Дарвина не было ни слуху, ни духу, говоритъ положительно во введеніи къ этой книгѣ, что у дикой кошки кишечный каналъ короче, чѣмъ у домашней, и что это измѣненіе, приближающее домашнюю кошку къ травояднымъ, произошло въ ея организмѣ подъ вліяніемъ растительной пищи. Воробей также долженъ былъ-бы погибнуть, если-бы ему для спасенія жизни необходимо было приняться за подземныя работы крота; но и тутъ существуетъ возможность перехода и сближенія въ привычкахъ. Воробей питается ягодами, зернами и насѣкомыми; смотря по обстоятельствамъ, онъ можетъ питаться или исключительно однимъ изъ этихъ кушаній, или всѣми тремя заразъ. Положимъ, что обстоятельства принуждаютъ его питаться насѣкомыми; положимъ, что воробьевъ очень много; тогда каждое насѣкомое пріобрѣтаетъ въ ихъ глазахъ значительную цѣну; тогда воробей очень охотно будетъ клевать земляныхъ червей и очень тщательно будетъ заботиться о ихъ добываніи; онъ будетъ разрывать землю лапками и по всей вѣроятности это упражненіе, соединенное съ дѣйствіемъ естественнаго выбора, укрѣпитъ его когти и вообще приспособитъ его члены къ этому новому занятію. Очень можетъ быть, что воробьи, постоянно копающіеся въ землѣ, утратятъ въ значительной степени юркость своихъ движеній и крѣпость своихъ крыльевъ, но, разумѣется, это можетъ произойти только въ томъ случаѣ, если этихъ воробьевъ не будутъ преслѣдовать опасные враги. Если-же найдутся такіе враги, то они вѣроятно будутъ постоянно истреблять неповоротливыхъ воробьевъ, и тогда юркость и способность летать, поддерживаясь естественнымъ выборомъ, останутся попрежнему постоянными свойствами этой породы. Сдѣлаются-ли эти воробьи когда-нибудь подземными животными, этого я, ей Богу, не знаю, и мнѣ очень боязно и неловко высказать такое предположеніе, но моя робость происходитъ по всей вѣроятности отъ недостатка твердыхъ знаній и научнаго развитія. Дарвинъ разсуждаетъ гораздо смѣлѣе, хотя обыкновенно бываетъ наоборотъ; то-есть, обыкновенно ученики и адепты преувеличиваютъ идеи учителя и доводятъ ихъ иногда до уродливыхъ крайностей. Здѣсь-же ученикъ остается позади учителя, даже въ дѣлѣ умственной храбрости. Вотъ что говоритъ Дарвинъ по поводу медвѣдя, подражавшаго киту. «Даже въ такомъ исключительномъ случаѣ я не вижу ничего невозможнаго въ томъ, что, если-бы насѣкомыхъ было постоянно вдоволь и если-бы въ той-же сторонѣ не находилось уже лучше приспособленныхъ соискателей, отдѣльная порода медвѣдей могла-бы сдѣлаться черезъ естественный выборъ все болѣе и болѣе водной, ихъ пасть все болѣе и болѣе увеличиваться, пока не сложилось-бы существо такое-же уродливое, какъ китъ.» Если Дарвинъ позволяетъ медвѣдю превратиться почти въ кита, то, пожалуй, почему-бы и моему воробью не превратиться, не говорю «въ крота»,—а въ подземное и, разумѣется, совершенно не летающее и не совсѣмъ зоркое животное? Pourquoi pas? Однако я все-таки не рѣшусь этого сказать. Дарвину хорошо храбриться: онъ знаетъ, что не навретъ. А я на этотъ счетъ, при сильной наклонности моей къ широкимъ умозрѣніямъ, побаиваюсь за себя ежеминутно.

Можетъ-быть, примѣръ мой о воробьѣ выбранъ очень неудачно, но я за него и не держусь. Дѣло не въ примѣрѣ, а въ основной идеѣ, которая во всякомъ случаѣ остается неприкосновенной. Дѣло въ томъ, что окружающія обстоятельства совершенно полновластно господствуютъ надъ привычками животныхъ, а черезъ ихъ привычки—надъ ихъ тѣлосложеніемъ. Когда животное получаетъ при рожденіи извѣстный запасъ способностей и орудій, то какія именно изъ данныхъ способностей оно разовьетъ въ себѣ преимущественно и къ чему именно пристроитъ оно свои орудія—это будетъ зависѣть вполнѣ отъ чисто внѣшнихъ условій жизни. Привычки животныхъ составляютъ именно приложеніе къ дѣлу жизни врожденныхъ способностей и орудій; а каково будетъ приложеніе, — это, разумѣется, зависитъ отъ того, къ чему станешь прикладывать. Въ настоящее время очень рѣзкіе переходы по всей вѣроятности не могутъ совершаться даже постепенно; напримѣръ, рыба въ птицу, медвѣдь въ кита, страусъ въ орла превратиться не могутъ даже въ цѣлыя сотни тысячелѣтій; но это происходитъ не отъ какихъ-нибудь непреодолимыхъ препятствій въ организаціи рыбы, медвѣдя или страуса, а преимущественно, или даже исключительно, отъ того, что и рыба, и медвѣдь, и страусъ съ самыхъ первыхъ шаговъ своего превращенія встрѣтятъ непреодолимое препятствіе со стороны отлично приспособленныхъ конкурентовъ, то-есть со стороны настоящихъ птицъ, настоящихъ китовъ и настоящихъ орловъ. Поэтому прогрессъ медвѣдей, рыбъ и страусовъ будетъ вѣроятно состоять только въ томъ, что они постоянно будутъ становиться все болѣе и болѣе медвѣдями, рыбами и страусами, то-есть, подчиняясь естественному выбору, будутъ постоянно развивать въ своей породѣ тѣ спеціальныя орудія и способности, которыя до сихъ поръ доставляли имъ побѣду надъ конкурентами и врагами въ борьбѣ

за существованіе. Но никто не можетъ сказать заранѣе, что это прогрессивное развитіе будетъ постоянно упрочивать существованіе этихъ породъ и постоянно одерживать побѣду надъ всѣми враждебными обстоятельствами способными повредить этимъ породамъ или даже совершенно стереть ихъ съ лица земли. Никто не можетъ поручиться и за то, что отъ чистаго типа медвѣдей, щукъ или страусовъ не отдѣлится подъ вліяніемъ обстоятельствъ, какой-нибудь боковой отростокъ, который проложитъ себѣ совершенно своеобразный путь для своего дальнѣйшаго развитія. Наконецъ и то можетъ случиться, что какія-нибудь внѣшнія условія заставятъ медвѣдя, страуса или рыбу отказаться отъ употребленія того или другого органа и такимъ образомъ попятятъ ихъ назадъ, вмѣсто того чтобы подвигать ихъ впередъ. Регрессивное развитіе такъ же возможно въ природѣ, какъ и прогрессивное, лишь-бы только оно въ данномъ случаѣ было выгодно для данной породы, то есть лишь бы только было возможно вмѣшательство естественнаго выбора: безкрылые жуки, слѣпые обитатели пещеръ и самъ страусъ, лишенный способности летать, являются живыми продуктами такого регрессивнаго развитія.

Въ природѣ нѣтъ ни малѣйшаго стремленія къ идеальному совершенству, и направленіе развитія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляется только вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ. Одни органы доводятся до изумительнаго совершенства, напримѣръ глазъ у всѣхъ высшихъ животныхъ другіе органы атрофируются до совершеннаго безсилія, напримѣръ крылья у многихъ птицъ; однѣ породы торжествуютъ и улучшаются, другія отступаютъ назадъ, третьи совсѣмъ вымираютъ; на каждомъ шагу сложныя отношенія между организмами запутываются въ самые неразрѣшимые гордіевы узлы, и на каждомъ шагу эти узлы развязываются или разрубаются, смотря по обстоятельствамъ. И привычки, и органы, и типы, все подвержено измѣненію, все можетъ быть перестроено или разрѣшено. И эта вѣчная, тихая и безпристрастная ломка составляетъ собою всю исторію органической жизни. Намъ очень трудно понять, до какой степени значительны и сложны могутъ быть результаты этой незамѣтной ломки; нашъ умъ отказывается вѣрить тому, чтобы напримѣръ глазъ хищной птицы или мозгъ европейца могъ выработаться путемъ медленныхъ измѣненій изъ какого нибудь безформеннаго накопленія органическихъ клѣточекъ. Но недовѣрчивость нашего ума ровно ничего не значитъ. Умъ нашихъ прапрадѣдовъ также отказывался вѣрить тому, что солнце стоитъ на одномъ мѣстѣ, а земля вокругъ него бѣгаетъ. Наши умственныя привычки такъ же подвижны и измѣнчивы, какъ и всякія другія привычки живыхъ организмовъ. Вотъ что говоритъ Дарвинъ о происхожденіи глаза: «Предположеніе, чтобы глазъ, со всѣми его неподражаемыми аппаратами для приспособленія къ разнымъ разстояніямъ, къ разнымъ количествамъ свѣта, для поправленія сферической и хроматической аберраціи, могъ сложиться въ силу естественнаго выбора — такое предположеніе, сознаюсь, можетъ показаться въ высшей степени нелѣпымъ. Но если можно доказать, что существуютъ многочисленныя постепенности между совершеннымъ, сложнымъ глазомъ и глазомъ несовершеннымъ и простымъ, причемъ каждая степень совершенства полезна организму, ею одаренному; если далѣе глазъ хоть сколько-нибудь подверженъ видоизмѣненіямъ, и эти видоизмѣненія наслѣдственны, въ чемъ нельзя сомнѣваться; и если какое-либо видоизмѣненіе этого органа можетъ сдѣлаться полезнымъ организму при измѣняющихся жизненныхъ условіяхъ, — то, по законамъ логики, возможность образованія совершеннаго, сложнаго глаза путемъ естественнаго выбора, какъ ни безсильно сладить съ нею наше воображеніе, не можетъ быть отвергнута.» И дѣйствительно оказывается, что въ живой природѣ существуетъ безконечное разнообразіе зрительныхъ аппаратовъ; въ отдѣлѣ позвоночныхъ животныхъ замѣтно очень немного степеней; но зато у безпозвоночныхъ, въ отрядѣ членистыхъ животныхъ, то есть у насѣкомыхъ, червей, пауковъ и раковъ, зрительный аппаратъ проходитъ по всѣмъ фазамъ своего развитія. Лѣстница эта начинается съ зачаточныхъ глазъ, которые способны только различать свѣтъ отъ темноты; отсюда отправляются въ одну сторону простые глаза, состоящіе изъ хрусталика и роговой оболочки; а въ другую сторону идутъ сложные или граненые глаза. Эти сложные глаза такъ разнообразны, что натуралистъ Мюллеръ нашелъ необходимымъ распредѣлить ихъ на три главные класса и на семь подраздѣленій. Наконецъ эти двѣ системы, то есть сложные и простые глаза, соединяются между собою и образуютъ еще новыя формы. Кажется, трудно даже требовать, чтобы было соблюдено еще больше постепенности въ развитіи, и чтобы каждая ступенька этого развитія была отмѣчена еще нагляднѣе. То же самое можно сказать и о мозгѣ. У птицъ онъ еще совершенно гладокъ; у млекопитающихъ начинаются извилины и углубленія; у обезьянъ они особенно сильно развиты; у шимпанзе, у орангъ-утанга, у гориллы они болѣе значительны и разнообразны, чѣмъ у низшихъ обезьянъ; у негровъ болѣе, чѣмъ у высшихъ обезьянъ; у европейцевъ еще болѣе, чѣмъ у негровъ. Постепенность соблюдена вполнѣ. Кромѣ того, если мы посмотримъ на исторію человѣчества, то мы и въ ней увидимъ сквозь безконечную сѣть перепутанныхъ событій очень медленное совершенствованіе человѣческаго мозга, какъ того спеціальнаго орудія, которое доставляетъ человѣку

побѣду въ общей борьбѣ за существованіе. Налагая свою печать на человѣческую дѣятельность каждаго отдѣльнаго поколѣнія и каждаго историческаго періода, это совершенствованіе измѣняетъ также форму самаго органа и величину его вмѣстилища; тщательныя измѣренія многихъ череповъ доказали, что въ общемъ результатѣ объемъ этого костяного ящика замѣтно увеличился у обитателей Парижа съ XII столѣтія по XIX. Если мы припомнимъ, что XII столѣтіе было цвѣтущей эпохой феодализма, крестовыхъ походовъ, папскихъ экскоммуникацій и разныхъ другихъ неподражаемыхъ проявленій человѣческаго остроумія, то мы конечно согласимся, что результатъ этихъ тщательныхъ измѣреній не долженъ казаться намъ особенно неожиданнымъ. Если же масса и достоинство человѣческаго мозга совершенствуются до настоящаго времени, то мы имѣемъ полное право заключать по аналогіи, что этотъ процессъ совершенствованія производился также въ до-историческомъ и доміоценскомъ прошедшемъ.

V.

На языкѣ всѣхъ образованныхъ народовъ существуютъ такія слова, которыя каждый здравомыслящій человѣкъ долженъ употреблять всегда съ крайней осмотрительностью. А еще гораздо лучше было-бы совсѣмъ не употреблять ихъ; но къ сожалѣнію это почти невозможно. *Умъ*, *чувство*, *инстинктъ*, *талантъ*, *геній*, *темпераментъ*, *характеръ* и разныя другія выраженія, относящіяся къ психической жизни животныхъ организмовъ,— все это очень опасныя и неудобныя слова. Они заслоняютъ собою живые факты, и никто не знаетъ навѣрное, что̀ именно подъ ними скрывается, хотя каждый ежеминутно произноситъ эти слова и притомъ всегда старается этими непонятными словами что-то такое выразить и что-то такое объяснить. Вопросъ объ умственныхъ способностяхъ всѣхъ животныхъ, стоящихъ ниже человѣка, совершенно затемненъ разными непонятными словами, которыя приносятъ особенно много вреда, потому что всѣ къ нимъ прислушались и привыкли, и всѣ воображаютъ, будто въ этихъ знакомыхъ словахъ заключается очень опредѣленный смыслъ. Вамъ ежеминутно случается слышать что собака любитъ хозяина по инстинкту, кошка преслѣдуетъ мышей по инстинкту, ласточка вьетъ гнѣздо по инстинкту, пчела устраиваетъ восковую ячейку по инстинкту. Куда какъ это хорошо и удобно! Все по инстинкту! А что такое инстинктъ — это всякій понимаетъ; это вотъ—когда собака любитъ хозяина, кошка преслѣдуетъ мышей, ласточка и т. д.; вотъ это и есть инстинктъ. Поняли вы теперь, почему собака любитъ хозяина, почему кошка и т. д.? Ну, какъ-же не понять? Вы знаете Петра?—Нѣтъ, не знаю.—Да это тотъ, что̀ женатъ на Авдотьѣ.—Да я и Авдотью не знаю.—Ахъ, Боже мой, да это та, что замужемъ за Петромъ.—А! Ну, теперь знаю и Петра, и Авдотью. Давно-бы вы мнѣ такъ объяснили. Благодарю васъ покорно за то, что научили меня уму-разуму! Мы почти всегда разсуждаемъ такимъ манеромъ, т. е. неизвѣстнаго Петра объясняемъ неизвѣстной Авдотьей, а потомъ, когда прислушаемся во время объяснительнаго разговора къ обоимъ неизвѣстнымъ именамъ, то начинаемъ считать ихъ извѣстными, и вопросъ оказывается рѣшеннымъ. Насколько подобное рѣшеніе вопросовъ можетъ быть полезно для нашего умственнаго развитія, — объ этомъ пусть разсуждаетъ мой просвѣщенный читатель, какъ ему самому будетъ угодно. Я-же съ своей стороны перейду къ изображенію нѣкоторыхъ фактовъ изъ той дѣятельности животныхъ, которую мы такъ превосходно объяснили словомъ *инстинктъ*.

Извѣстно, что наша европейская кукушка кладетъ свои яйца въ гнѣзда другихъ птицъ; эта другая птица очень добросовѣстно высиживаетъ подкидышей наравнѣ со своими собственными дѣтьми, а высиженный подкидышъ при первой возможности выживаетъ, т. е. просто выбрасываетъ изъ гнѣзда своихъ благопріобрѣтенныхъ братцевъ и сестрицъ. Подобная исторія повторяется каждый годъ, и порода кукушекъ постоянно процвѣтаетъ, благодаря своей догадливости и безцеремонности. Если мы предположимъ, что этотъ инстинктъ кукушки возникъ въ ея породѣ мгновенно, то одно это предположеніе повалитъ всю теорію медленнаго развитія, потому что одинъ скачекъ, какъ-бы ни былъ онъ самъ по себѣ незначителенъ, будетъ доказывать возможность скачковъ, а эта возможность находится въ радикальной и непримиримой враждѣ со всякимъ простымъ и естественнымъ объясненіемъ существующихъ явленій. Поэтому необходимо отыскать въ живой природѣ причины этого инстинкта и тотъ путь постепенныхъ измѣненій, по которому онъ долженъ былъ пройти къ своему теперешнему положенію. Причины дѣйствительно найдены, и путь развитія можетъ быть указанъ съ приблизительной вѣрностью. Кукушка несетъ яйца не каждый день, а черезъ два и черезъ три дня; если-бы она сама высиживала ихъ въ собственномъ гнѣздѣ, то старшія яйца уже превратились-бы въ птенцовъ въ то время, какъ младшія находились-бы еще въ своемъ первобытномъ состояніи. Это было-бы очень неудобно во многихъ отношеніяхъ. Живые птенцы своими движеніями могли-бы помѣшать развитію младшихъ братьевъ, пожалуй, даже могли-бы продавить скорлупки ихъ яицъ; для птенцовъ требуется пища, а между тѣмъ мать не можетъ отлетѣть отъ яицъ, которыя постоянно нуждаются въ ея теплотѣ; такимъ образомъ всѣ заботы о прокормленіи старшихъ дѣтей должны упасть

на отца, а, кажется, самцы во всемъ мірѣ животныхъ управляются съ такими дѣлами не такъ удачно, какъ самки. Но эти неудобства не составляютъ еще непреодолимаго препятствія, и американская кукушка, которая также кладетъ яйца не ежедневно, свиваетъ свое собственное гнѣздо и сама заботится о своемъ потомствѣ, несмотря на эти неудобства. Гораздо важнѣе то, что европейской кукушкѣ приходится очень рано отлетать въ теплый климатъ; это неудобство уже не можетъ быть устранено, и вслѣдствіе этого обстоятельства кукушка, свившая свое собственное гнѣздо, была-бы принуждена оставить большую часть своихъ дѣтей въ самомъ безпомощномъ состояніи. Стало-быть, подкидываніе яицъ въ чужія гнѣзда дѣлается вовсе не по беззаботности, а напротивъ—именно по любви къ дѣтямъ и вслѣдствіе желанія устроить ихъ судьбу какъ можно благополучнѣе. Положимъ теперь, что древняя прародительница нынѣшней европейской кукушки устраивала свои дѣла такъ, какъ устраиваетъ ихъ теперешняя американская кукушка; высидѣвъ своихъ дѣтей, она собирается летѣть въ теплый климатъ; въ это время она чувствуетъ потребность снести яйцо, и въ это-же время она видитъ чужое гнѣздо. О высиживаніи этого запоздалаго яйца ей нельзя и подумать; она находится на отлетѣ, ей уже становится холодно, или,—что все равно,—та пища, которая для нея необходима, дѣлается уже очень рѣдкой въ это время года; стало-быть, ей предстоитъ альтернатива: или уронить яйцо на полъ, или положить его въ то гнѣздо, которое она видитъ. Въ этомъ случаѣ та естественная, или инстинктивная, или какая вамъ угодно заботливость, которую всѣ матери обнаруживаютъ къ своему потомству, должна склонить запоздавшую кукушку къ тому, чтобы бережно положить свое послѣднее яйцо въ чужое гнѣздо, вмѣсто того, чтобы совершенно небрежно бросить его на землю. Очень правдоподобно, что это подкинутое яйцо будетъ счастливѣе и разовьется лучше своихъ братьевъ, высиженныхъ самой матерью, которая принуждена была во время высиживанія возиться постоянно съ голодными птенцами разныхъ возрастовъ. Если подкидыши будутъ постоянно превосходить другихъ птенцовъ кукушки здоровьемъ и крѣпостью, то они постоянно будутъ ихъ переживать и расплодятся сильнѣе ихъ. Вѣроятно эти подкидыши или по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ получатъ по наслѣдству отъ своей матери ту догадливость, которая побудила ее воспользоваться чужимъ гнѣздомъ. Та кукушка, въ которой эта догадливость будетъ особенно развита, сообразитъ, что, если можно положить въ чужое гнѣздо одно яйцо, то отчего-же не распорядиться такимъ-же образомъ и со всѣми остальными; сообразитъ она это тѣмъ скорѣе, чѣмъ неудобнѣе ей будетъ нянчиться съ птенцами разныхъ возрастовъ и съ недосиженными яйцами; а такъ какъ неудобство это довольно значительно, то и соображеніе по всей вѣроятности явится на выручку довольно быстро. Соображающая кукушка будетъ имѣть преимущество передъ несоображающей, потому что потомство первой, благодаря добросовѣстнымъ стараніямъ разныхъ обманутыхъ матерей изъ другихъ птичьихъ породъ, будетъ развиваться и выкармливаться лучше, чѣмъ потомство второй кукушки, болѣе усердной, но менѣе остроумной. Но мы уже давно знаемъ, что преимущество, какъ-бы оно ни было незамѣтно, всегда доставляетъ со временемъ своему обладателю полную побѣду въ истребительной борьбѣ за существованіе. Поэтому мы можемъ сказать навѣрное, что черезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ вѣковъ типъ добродѣтельной кукушки будетъ совершенно вытѣсненъ типомъ кукушки практической. Можетъ-быть инстинктъ подкидыванія найдетъ себѣ поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что подкидывающая мать сама выросла въ чужомъ гнѣздѣ и поэтому считаетъ именно эти гнѣзда естественнымъ пріютомъ молодой кукушки. Можетъ-быть тутъ дѣйствуютъ воспоминанія дѣтства. У Дарвина есть одно мѣсто, которое повидимому намекаетъ на возможность такихъ воспоминаній. «Аналогія,—говоритъ онъ,—побуждаетъ насъ заключить, что птенцы, *высиженные и вскормленные такимъ образомъ чужими родителями*, наслѣдуютъ въ большей или меньшей степени ту ненормальность инстинкта, вслѣдствіе которой ихъ мать отказала имъ въ своихъ попеченіяхъ». Я подчеркнулъ тѣ слова, въ которыхъ вижу возможность намека, но такъ какъ этотъ намекъ выраженъ очень легко и не совсѣмъ ясно, то я и не рѣшаюсь настаивать на своемъ предположеніи о возможности кукушкиныхъ воспоминаній.

Не думаю однако, чтобы мы имѣли основаніе совершенно отвергать существованіе этихъ и многихъ другихъ проявленій умственной жизни въ мірѣ животныхъ. Когда мы видимъ со стороны какого-нибудь животнаго рядъ поступковъ, направленныхъ къ извѣстной цѣли и вполнѣ достигающихъ этой цѣли, то мы обыкновенно, по нашей всеобъемлющей мудрости, утверждаемъ сплеча, что животное не знаетъ, къ чему именно клонятся его поступки, что оно дѣйствуетъ совершенно безсознательно подобно тому, какъ шарманка выпускаетъ изъ себя одну ноту за другою, не имѣя ни малѣйшей возможности слѣдить за развитіемъ мелодіи. Можетъ-быть это сравненіе животнаго съ шарманкой въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно вѣрно; можетъ-быть даже это сравненіе прилагается также удачно къ нѣкоторымъ дѣйствіямъ человѣка. Напримѣръ половое влеченіе клонится къ размноженію породы; а между тѣмъ влюбленный юноша всего менѣе думаетъ о предстоящихъ обязанностяхъ отца; каждый его поступокъ, каждое сло-

во, каждое помышленіе ежеминутно стремятся къ этой неизбѣжной развязкѣ, а въ то-же время самая развязка быть-можетъ даже пугаетъ его, какъ значительное приращеніе заботъ и непосильныхъ расходовъ. Здѣсь человѣкъ очевидно изображаетъ собою шарманку. Но когда молодая женщина, чувствуя приближеніе срока своей беременности, старается приготовить для будущаго ребенка пеленки и рубашечки, тогда никто не скажетъ, что она поступаетъ безсознательно, по неизвѣстному ей импульсу. Можетъ-быть жизнь кукушки представляетъ намъ такія-же явленія, отчасти шарманочныя, отчасти не-шарманочныя. Но какое явленіе отнести къ одной категоріи, какое — къ другой? — это, мнѣ кажется, вопросъ чрезвычайно затруднительный и даже не всегда разрѣшимый. Когда юная и дѣвственная кукушка въ первый разъ въ жизни отдаетъ любимому самцу лапку и сердце, то знаетъ-ли она, что за актомъ любви послѣдуетъ кладка яицъ? Можно-ли дать на этотъ вопросъ опредѣленный отвѣтъ? И возможенъ-ли тутъ вообще такой отвѣтъ, который отвѣчалъ-бы разомъ на всѣ отдѣльные случаи этого вопроса? Можетъ-быть одна кукушка знаетъ, а другая не знаетъ, смотря по тому, какъ великъ или какъ малъ запасъ ея житейской опытности. Но мы видимъ, что американская кукушка, подобно всѣмъ другимъ птицамъ, свиваетъ себѣ гнѣздо тотчасъ послѣ того, какъ началась нормальная дѣятельность ея половой системы. Дѣйствуетъ-ли она въ этомъ случаѣ, какъ шарманка или нѣтъ? Что̀ побуждаетъ ее къ этому дѣйствію? Тутъ можно выразить только два предположенія: или ей пріятно строить гнѣздо, то-есть, удовлетворивъ своему половому влеченію, она чувствуетъ потребность успокоиться, усѣсться на мѣстѣ, какъ можно комфортабельнѣе, и поэтому старается окружить себя тѣми удобствами, которыя ей можетъ доставить ея кукушечья ловкость и смѣтливость. Или-же она устраиваетъ гнѣздо съ опредѣленной цѣлью, т. е. поступаетъ такъ-же сознательно, какъ поступаетъ молодая женщина, заготовляющая колыбель и пеленки. Никакого третьяго предположенія допустить нельзя. Найдите мнѣ хоть одинъ примѣръ, чтобы какое-нибудь животное, находящееся въ совершенно здоровомъ состояніи, добровольно принимало на себя безъ всякой опредѣленной цѣли трудъ, не доставляющій ему въ данную минуту ни малѣйшаго наслажденія. Но первое предположеніе наше оказывается несостоятельнымъ. Еслибы птица чувствовала потребность устроить удобный пріютъ лично для себя, то европейская кукушка, находящаяся въ самомъ ближайшемъ родствѣ съ американской, также свивала-бы себѣ гнѣздо; мы знаемъ, напротивъ того, что она этого не дѣлаетъ, и что она устраиваетъ свои дѣла такъ, какъ это удобно для ея будущихъ дѣтей. Это значитъ, что шарманка, смотря по обстоятельствамъ, играетъ то «la donna e mobile», то «Marlborough s'en va-t-en guerre», и сама оцѣниваетъ обстоятельства и выбираетъ именно ту пьесу, которая всего болѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ времени и мѣста. Согласитесь, что такая дипломатизирующая шарманка въ значительной степени похожа напримѣръ на опытнаго редактора, выбирающаго для своей книжки именно тѣ статьи, которыя въ данную минуту могутъ понравиться большинству читающаго общества. Согласитесь также, что, имѣя дѣло съ такой благовоспитанной шарманкой, мы не имѣемъ никакого разумнаго основанія утверждать сплеча, что въ ней не совершается никакого особеннаго процесса, или что въ ней совершается такой процессъ, который не имѣетъ ничего общаго съ размышленіемъ. Произнести слово *инстинктъ* очень не трудно, но вѣдь мы уже давно знаемъ эту исторію: Петръ женатъ на Авдотьѣ, а Авдотья замужемъ за Петромъ. Отъ этого дѣло не подвигается дальше, ни взадъ, ни впередъ.

Много другихъ вопросовъ приходится задавать себѣ по поводу кукушкиныхъ поступковъ. Если она неслась въ нынѣшнемъ году, то запомнитъ ли она до будущаго года тотъ рядъ причинъ и слѣдствій, который составляетъ собою актъ дѣторожденія во всей его сложности и во всѣхъ различныхъ фазахъ его развитія? Этотъ вопросъ сводится на другой вопросъ, болѣе общій: способна-ли вообще кукушка или какая-нибудь другая близкая къ ней птица накоплять въ своемъ умѣ прямыя указанія своего личнаго опыта? Если мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ: «способна», то мы этимъ отвѣтомъ окончательно допустимъ возможность птичьяго прогресса въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Мы допустимъ не только прогрессъ породы, совершающійся втеченіи тысячелѣтій посредствомъ естественнаго выбора, но и прогрессъ отдѣльнаго субъекта, совершающійся втеченіи дней и мѣсяцевъ посредствомъ разнообразныхъ впечатлѣній, словомъ, — тотъ прогрессъ, который называется воспитаніемъ и который достается на долю каждому изъ насъ въ родительскомъ домѣ, въ школѣ и въ жизни. Если-же мы отвѣтимъ: «неспособна», то я рѣшительно не знаю, какимъ образомъ мы объяснимъ напримѣръ слѣдующій общій фактъ, извѣстный каждому ружейному охотнику безъ исключенія. Когда вы приходите съ ружьемъ въ такую мѣстность, въ которой не было сдѣлано ни одного выстрѣла втеченіи многихъ лѣтъ, то вы можете смѣло идти прямо къ птицѣ, останавливаться въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея и совершенно открыто прицѣливаться; птица не полетитъ и даже будетъ смотрѣть на васъ съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Когда-же вы, пользуясь этой первобытной невинностью птицъ, пострѣляете въ этой благословенной мѣстности недѣли двѣ, три, тогда птицы сдѣлаются гораздо болѣе осторожными, и вамъ при-

дется подкрадываться и употреблять различныя хитрости. Вамъ тогда всякій мужикъ скажетъ, что птица напугана, и вы вѣроятно не найдете въ этихъ простыхъ словахъ ровно ничего удивительнаго, а между тѣмъ что̀ значитъ «напугана»? Значитъ—составила себѣ понятіе объ опасности, которая прежде была ей неизвѣстна; значитъ—присоединила новый опытъ къ своему прежнему запасу житейскихъ опытовъ. Если это не прогрессъ, то я послѣ этого рѣшительно не знаю, что̀ такое прогрессъ. Но если кукушка можетъ пріобрѣтать себѣ опытность посредствомъ личныхъ впечатлѣній, то не можетъ-ли она также кое-чему научиться, глядя на старшихъ кукушекъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно мы не можемъ. Если-же такая передача опыта изъ поколѣнія въ поколѣніе дѣйствительно существуетъ, то намъ необходимо будетъ въ каждомъ поступкѣ кукушки отдѣлять элементъ врожденности отъ элемента воспитанія.

То-же самое можно сказать о каждомъ поступкѣ каждаго другого животнаго. Пока намъ не удастся ясно разграничить эти два элемента, до тѣхъ поръ всѣ наши понятія объ умственныхъ отправленіяхъ животныхъ будутъ въ высшей степени сбивчивы и неудовлетворительны. Въ самомъ рельефномъ фактѣ, который извѣстенъ намъ изъ обычаевъ кукушки, въ инстинктѣ подкидыванія, намъ, или по крайней мѣрѣ мнѣ, представляется очень много неясныхъ сторонъ, требующихъ значительнаго количества изслѣдованій и наблюденій. Напримѣръ, кладетъ-ли кукушка свои яйца въ первое попавшееся гнѣздо, или она обнаруживаетъ предпочтеніе къ гнѣздамъ извѣстныхъ породъ? Если это предпочтеніе существуетъ, то какимъ именно образомъ оно выражается? Выбираетъ-ли кукушка то или другое гнѣздо, смотря по его формѣ? Или она кладетъ свои яйца къ такимъ птицамъ, которыхъ яйца до нѣкоторой степени похожи на кукушечьи? Вѣдь еслибы кукушка подкинула ихъ напримѣръ къ курицѣ, то врядъ-ли это было-бы особенно удобно для кукушечьяго потомства, потому что насѣдка при всемъ своемъ добродушіи никакъ не могла-бы принять кукушечье яйцо за свое собственное. Конечно къ курицѣ кукушка не можетъ подкинуть, но вѣдь есть и между лѣсными птицами такія, которыхъ яйца очень рѣзко отличаются отъ кукушечьихъ. Или наконецъ кукушка выбираетъ гнѣзда тѣхъ птицъ, которыя помельче и послабѣе и которыхъ слѣдовательно подкинутый птенецъ можетъ современемъ вышвырнуть изъ родительскаго пріюта? Все это вопросы въ высшей степени интересные, и еслибы они были удовлетворительно разрѣшены прямыми наблюденіями, то умственная жизнь кукушки разъяснилась-бы для насъ въ значительной степени.

Я не ручаюсь за то, что эти вопросы вполнѣ удачно поставлены, но, мнѣ кажется, насъ не должно смущать то обстоятельство, что они повидимому предполагаютъ въ кукушкѣ очень обширное развитіе мыслительной дѣятельности. Наслѣдственная сообразительность, личный опытъ, вліяніе старшихъ птицъ, а главное—постоянный контроль естественнаго выбора, сохраняющаго только самые полезные инстинкты, все это вмѣстѣ можетъ дать намъ самые изумительные результаты. Грей и нѣкоторые другіе наблюдатели доказали, что европейская кукушка не совсѣмъ утратила свою материнскую нѣжность и свою заботливость о птенцахъ. Въ какой спеціальной формѣ проявляются эти свойства и какимъ образомъ они уживаются съ инстинктомъ подкидыванія—если только не примемъ самаго подкидыванія за вынужденное видоизмѣненіе материнской любви,—этого Дарвинъ не сообщаетъ; а такъ какъ мои личныя зоологическія свѣдѣнія совершенно ничтожны, то и я ровно ничего не могу сообщить читателю о материнской нѣжности кукушки.

Можетъ-быть и даже вѣроятно, всѣ вопросы, на которые навели меня поступки этой птицы, давнымъ-давно поставлены и разрѣшены различными натуралистами, но наше читающее общество объ этомъ ровно ничего не знаетъ, и я также ровно ничего не знаю. Выписалъ же я всѣ эти вопросы, пришедшіе мнѣ въ голову, конечно не для того, чтобы принести пользу естествознанію; такая претензія была-бы смѣшна и глупа до послѣдней степени; а для того, чтобы показать подобнымъ мнѣ профанамъ, какая бездна непонятныхъ для насъ подробностей заключается въ каждомъ мельчайшемъ фактѣ, совершающемся ежеминутно передъ нашими глазами, въ каждомъ изъ тѣхъ безчисленныхъ фактовъ, которые мы по своей крайней неразвитости считаемъ совершенно простыми и незаслуживающими нашего просвѣщеннаго вниманія.

VI.

Самка американскаго страуса (Rhea americana), подобно кукушкѣ, несетъ яйца не каждый день, а черезъ два и черезъ три дня. Вслѣдствіе этого, нѣсколько самокъ составляютъ между собою ассоціацію и общими силами устраиваютъ на землѣ нѣсколько гнѣздъ; затѣмъ каждая изъ участвующихъ самокъ кладетъ въ первое гнѣздо по нѣскольку яицъ, и когда гнѣздо такимъ образомъ наполнится, то высиживаніе поручается одному изъ самцовъ. Черезъ два или черезъ три дня такимъ-же образомъ наполняется второе гнѣздо, затѣмъ третье, и такъ далѣе, до самаго конца носки. Повидимому этотъ инстинктъ въ настоящее время еще не успѣлъ окончательно сформироваться и установиться; многіе страусы роняютъ свои яйца, гдѣ случится, такъ что Дарвинъ, находясь на охотѣ, въ одинъ день видѣлъ на равнинѣ штукъ двадцать брошенныхъ и испорченныхъ яицъ этой породы. Инстинктъ ассоціаціи вырабатывается именно посредствомъ истре-

бленія этихъ яицъ. Та самка, которая постоянно будетъ усыпать своими яйцами равнины Южной Америки, разумѣется, не оставитъ послѣ себя ни одного потомка и слѣдовательно никому не передастъ по наслѣдству свои безпорядочныя привычки. Напротивъ того, тѣ самки, которыя всего болѣе расположены къ составленію полезныхъ ассоціацій, выкормятъ себѣ самое многочисленное потомство, и въ этомъ новомъ поколѣніи повторится та-же самая исторія. Такимъ образомъ число безпечныхъ самокъ будетъ постоянно уменьшаться, а число самокъ, одаренныхъ общественными инстинктами, будетъ также постоянно возрастать до тѣхъ поръ, пока стремленіе къ ассоціаціи не сдѣлается непремѣннымъ свойствомъ каждаго отдѣльнаго страуса подобно тому, какъ оно сдѣлалось свойствомъ пчелы и муравья.

Нѣкоторыя насѣкомыя поступаютъ совершенно такъ, какъ европейскія кукушки. Въ семействѣ пчелъ есть много паразитовъ, которые всегда кладутъ свои яички въ гнѣзда другихъ пчелиныхъ породъ, и это извращеніе инстинктовъ связано у нихъ съ измѣненіемъ въ организаціи. У этихъ чужеядныхъ пчелъ нѣтъ на ногахъ того снаряда, посредствомъ котораго самостоятельныя пчелы собираютъ цвѣточную пыль, необходимую для пропитанія вылупившихся личинокъ. Многія породы осъ также воспитываютъ свое потомство на чужой счетъ. Въ этомъ отношеніи оса Tachytes nigra особенно замѣчательна потому, что у нея инстинктъ паразитизма въ настоящее время только-что развивается и до сихъ поръ находится еще въ неустановившемся состояніи. Обыкновенно она сама трудится для своего потомства, но при удобномъ случаѣ она воруетъ. Это насѣкомое принадлежитъ къ многочисленной группѣ тѣхъ осъ, которыя ведутъ одинокую жизнь и устраиваютъ въ землѣ гнѣздо для своихъ личинокъ; когда гнѣздо готово, тогда оса наполняетъ его съѣстными припасами; для этого она отправляется на охоту за разными насѣкомыми, которыхъ она побѣждаетъ большей частью посредствомъ нечаяннаго нападенія. Оса внезапно кидается на свою добычу и, пользуясь первой минутой ея испуга, схватываетъ ее своими острыми челюстями за голову; потомъ направляетъ заднюю часть своего тѣла подъ ея животъ и наноситъ ей рану своимъ жаломъ, находящимся въ связи съ ядовитой желѣзкой. Ядъ осы дѣйствуетъ на раненое насѣкомое мгновенно, но не убиваетъ его, а только погружаетъ въ совершенное оцѣпенѣніе, такъ что оно теряетъ способность стоять, ходить или вообще дѣлать какое-бы-то ни было произвольное движеніе. Оса переноситъ побѣжденное насѣкомое въ свое гнѣздо и продолжаетъ совершать такіе-же подвиги до тѣхъ поръ, пока не наберется достаточный запасъ парализованной добычи. Тогда она кладетъ свои яички и затѣмъ перестаетъ заботиться объ ихъ дальнѣйшей участи. Изъ яичекъ выходятъ личинки — маленькіе, безногіе червячки, которые тотчасъ принимаются за истребленіе съѣстныхъ припасовъ: съѣстные припасы эти свѣжи и мягки, потому что пораженныя насѣкомыя живы и могутъ прожить въ гнѣздѣ осы нѣсколько недѣль или даже нѣсколько мѣсяцевъ. Они вѣроятно чувствуютъ, какъ личинка въѣдается въ ихъ тѣло, но не могутъ оказать ни малѣйшаго сопротивленія своему слабому и ничтожному врагу. Въ гнѣздо осы попадаютъ такимъ образомъ для продовольствія ея потомства личинки или гусеницы разныхъ бабочекъ, мухи, мелкіе кузнечики, а иногда даже пчелы, пауки и тараканы, которыхъ оса побѣждаетъ послѣ упорной и опасной борьбы. Оса Tachytes nigra обыкновенно поступаетъ точно такъ же, но если ей случается найти гнѣздо, вырытое и уже наполненное трудами другой осы, то она кладетъ свои яички, и ея личинки поѣдаютъ то, что̀ было назначено для потомства законной хозяйки. Tachytes nigra находится стало-быть въ переходномъ состояніи и балансируетъ въ настоящее время между двумя различными складами привычекъ. Во многихъ другихъ семействахъ осъ чужеядные инстинкты окончательно установились и проявляются въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ. Однѣ, напримѣръ хризиды или золотыя осы, тайкомъ кладутъ свои яички въ гнѣзда пчелъ или другихъ осъ. Другія, напримѣръ ихневмониды, прокалываютъ кожу живыхъ гусеницъ или даже взрослыхъ насѣкомыхъ и кладутъ яички прямо въ ихъ тѣло, такъ что личинки этихъ осъ ѣдятъ живое существо, которое вмѣстѣ съ ними ходитъ, бѣгаетъ и летаетъ, до тѣхъ поръ, пока непрошенные гости не заберутся слишкомъ глубоко и не положатъ конецъ всякому бѣганію и летанію. Наконецъ третьи, напримѣръ Hemiteles и Chrysolampus, очень маленькія насѣкомыя, распоряжаются еще хитрѣе: они кладутъ свои яйца въ такую чужеядную личинку, которая сама сидитъ подъ кожей живого насѣкомаго. Такимъ образомъ личинка осы Bracon наѣдается жиромъ гусеницы, а въ это самое время ея собственный жиръ истребляется личинкой Hemiteles; точно такъ-же личинка Aphidius ѣстъ живую тлю и сама съѣдается заживо личинкою Chrysolampus. При этомъ надо замѣтить, что Hemiteles и Chrysolampus никогда не воспитываются иначе, а такъ какъ эти насѣкомыя очень многочисленны, то само собою разумѣется, что въ природѣ должны встрѣчаться на каждомъ шагу трехъэтажныя строенія самой оригинальной архитектуры. Первый этажъ — гусеница или тля второй — личинка Bracon или Aphidius, и третій — личинка Hemiteles или Chrysolampus.

Карамзинъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» сообщаетъ читателямъ, что онъ однажды написалъ въ своемъ дневникѣ: «Любезная природа!» и заплакалъ отъ сладостнаго волненія.

Еслибы Карамзину случалось иногда созерцать въ природѣ трехъ-этажныя зданія вышеописанной конструкціи, то по всей вѣроятности волненіе его было-бы менѣе сладостно, и можетъ-быть ему удалось-бы понять, что любезность природы совсѣмъ не такъ велика, какъ это можетъ показаться русскому путешественнику, одаренному чувствительнымъ сердцемъ и не обременившему свой умъ полезными знаніями. Впрочемъ человѣческое остроуміе такъ неистощимо, знакомство человѣка съ природой такъ неудовлетворительно, и замѣчательные умы, способные обнять и осмыслить всю совокупность собранныхъ наблюденій, такъ рѣдки, что, кажется, нельзя выдумать той идиллической нелѣпости, которая не нашла-бы себѣ глубокомысленныхъ защитниковъ даже между современными европейскими натуралистами. Дарвину приходится иногда сталкиваться съ такими соображеніями, которыя смѣло могутъ стать рядомъ съ «любезной природой» Карамзина.

«Предыдущія замѣчанія, — говоритъ онъ, — даютъ мнѣ поводъ сказать нѣсколько словъ о протестѣ, поднятомъ въ послѣднее время нѣкоторыми натуралистами противъ утилитарнаго ученія, по которому каждая подробность строенія сложилась для блага одареннаго ею организма. Эти натуралисты полагаютъ, что многія черты строенія созданы лишь для того, чтобы прельщать глазъ человѣка, или просто для разнообразія.»

Совершенно справедливо разсуждаютъ эти остроумные натуралисты. Bracon вноситъ драматическое «*разнообразіе*» въ безцвѣтную жизнь гусеницы, а Hemiteles «*прельщаетъ глазъ человѣка*» поучительнымъ зрѣлищемъ правосуднаго наказанія. А теперь мы снова обратимся къ менѣе философическимъ соображеніямъ. Хризиды и другія осы, воспитывающія свое потомство въ чужихъ гнѣздахъ, обыкновенно дѣйствуютъ очень осторожно, подкрадываются къ гнѣзду во время отсутствія хозяйки и стараются положить свои яички такъ, чтобы хозяйка не замѣтила ихъ послѣ своего возвращенія. Но та пчела или оса, которой принадлежитъ гнѣздо, также держитъ ухо востро, твердо помнитъ наружность и обычаи чужеядныхъ породъ и при всякомъ удобномъ случаѣ расправляется съ ними очень круто. Вслѣдствіе этого происходятъ часто самыя драматическія столкновенія между двумя чадолюбивыми матерями, изъ которыхъ одна трудится для своихъ дѣтей, а другая — также для своихъ дѣтей рѣшается на воровство, сопряженное съ опасностью жизни.

«Золотая оса Hedychrum regium, — говоритъ Карлъ Фохтъ въ своихъ «Зоологическихъ письмахъ», — кладетъ свои яйца въ гнѣзда обыкновенной стѣнной пчелы (Osmia muraria). Эти гнѣзда устраиваются на старыхъ стѣнахъ, часто на значительной высотѣ, и строительница наполняетъ ихъ запасомъ меда и цвѣточной пыли. Эта пища, собранная пчелой для ея собственной личинки, съѣдается заблаговременно чужеядными личинками золотой осы, если только послѣдней удастся подкинуть свои яички въ гнѣздо. Одна золотая оса высмотрѣла гнѣздо такой стѣнной пчелы и, оборотившись задомъ къ этому гнѣзду, только что хотѣла просунуть заднюю часть своего тѣла въ отверстіе ячейки, чтобы положить въ нее свое яичко, какъ вдругъ стѣнная пчела прилетѣла домой съ грузомъ цвѣточной пыли, бросилась на своего врага съ особеннымъ жужжаніемъ и схватила осу своими острыми челюстями. Золотая оса, по обыкновенію своей породы, въ ту-же минуту свернулась въ клубокъ. Пчела напрасно пыталась нанести ей рану сквозь твердый панцырь, и когда ея усилія въ этомъ отношеніи остались безплодными, тогда она наконецъ откусила у нея всѣ четыре крыла у самаго корня и потомъ бросила ее на землю; послѣ этого пчела съ замѣтнымъ безпокойствомъ обыскала свое гнѣздо и, убѣдившись, что яичка нѣтъ, улетѣла опять на промыселъ. Стѣнная пчела полагала безъ сомнѣнія, что, откусивъ у золотой осы крылья, она отняла у нея возможность снова добраться до гнѣзда. Но разсчетъ этотъ былъ невѣренъ. Какъ только стѣнная пчела оставила свое гнѣздо, золотая оса, лежавшая на землѣ, развернулась, прямо по стѣнѣ поползла къ гнѣзду и положила въ него свое яичко.» («Зоологическія письма» Карла Фохта).

Осторожность, хитрость, неустрашимая твердость характера, умѣніе свертываться въ клубокъ и чужеядный инстинктъ — все это идетъ одно къ одному и все это должно было развиваться въ одно время. Всѣ эти особенности ума и тѣлосложенія порождены гнетущей необходимостью, усовершенствованы постояннымъ упражненіемъ и упрочены безпрерывнымъ дѣйствіемъ естественнаго выбора. Каждое отдѣльное существо такой чужеядной породы живетъ на свѣтѣ только вслѣдствіе удачнаго обмана, совершеннаго его матерью надъ какимъ-нибудь другимъ насѣкомымъ. Понятно, стало быть, что только самыя хитрыя осы успѣваютъ пристроить своихъ личинокъ, и что искусство обманывать должно постоянно совершенствоваться, потому что бдительность обираемыхъ породъ также развивается посредствомъ естественнаго выбора. Золотая оса постоянно совершенствуетъ стѣнную пчелу, подобно тому, какъ Карлъ XII усовершенствовалъ стратегическія способности Петра Великаго. Здѣсь, какъ и вездѣ, прогрессъ составляетъ прямое слѣдствіе борьбы и соперничества.

VII.

Инстинкты кукушки, американскаго страуса и чужеядныхъ насѣкомыхъ могутъ быть названы очень простыми, если мы сравнимъ ихъ съ тѣми сложными проявленіями умственной дѣя-

тельности, которыя представляются намъ въ общественной жизни пчелъ и муравьевъ. Но мы уже видѣли, что происхожденіе самыхъ сложныхъ и совершенныхъ органовъ объясняется теоріей естественнаго выбора такъ же удовлетворительно, какъ и происхожденіе самыхъ простыхъ особенностей тѣлосложенія. Глазъ животнаго гораздо сложнѣе, чѣмъ нога или хвостъ, а между тѣмъ и глазъ, и нога, и хвостъ, и всѣ другіе органы совершенствовались постепенно, и притомъ такъ, что каждое улучшеніе или усложненіе органа было полезно тому существу или, вѣрнѣе, той породѣ, у которой это усложненіе или улучшеніе проявлялось и упрочивалось. Вся разница между исторіей глаза и исторіей какого-нибудь другого, болѣе простого органа заключается только въ томъ, что глазъ испыталъ большее количество видоизмѣненій, и что слѣдовательно на его формированіе потратилось больше времени, то есть болѣе значительное число животныхъ поколѣній.

То-же самое можно сказать и объ инстинктахъ: чѣмъ проще инстинктъ, тѣмъ скорѣе онъ могъ выработаться; чѣмъ сложнѣе инстинктъ, тѣмъ дольше ему надо было вырабатываться. Но какъ-бы ни былъ усложненъ какой-нибудь инстинктъ, никогда его сложность не можетъ служить убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу необъяснимыхъ скачковъ и противъ теоріи медленныхъ видоизмѣненій. Отказаться отъ этой теоріи при встрѣчѣ съ очень сложнымъ явленіемъ органической жизни —значитъ вообще отказаться отъ всякой попытки объяснить и понять происхожденіе этого явленія, или, другими словами, значитъ отрѣзать въ данномъ направленіи всякій дальнѣйшій путь научнаго изслѣдованія. Когда вамъ говорятъ, что первый муравей произошелъ на свѣтъ со всѣми своими лапками, челюстями, усиками и инстинктами, словомъ, совершенно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его потомки являются передъ вами въ настоящую минуту, тогда, разумѣется, у васъ заранѣе отнимаютъ навсегда всякую надежду узнать что-бы ни было о томъ, какимъ образомъ муравей возникалъ и развивался. Теорія Дарвина не посягаетъ такимъ образомъ на будущіе успѣхи науки; она открываетъ передъ мыслителемъ тотъ единственный путь, который можетъ современемъ ввести человѣческій умъ въ самыя таинственныя и недоступныя лабораторіи природы; но еслибы мы стали требовать отъ этой теоріи, чтобы она теперь, тотчасъ-же, объяснила намъ все то, чего мы не понимаемъ, и чтобы она кромѣ того подкрѣпила всѣ свои объясненія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, осязательными фактами, то такія требованія обнаружили-бы только крайнее ребячество нашей мысли, которая все ожидаетъ, что когда-нибудь жареные рябчики сами собою свалятся къ ней въ ротъ. Встрѣчаясь съ инстинктами или умственными способностями животнаго царства, теорія Дарвина болѣе чѣмъ гдѣ-либо принуждена ограничиваться совершенно общими и чисто гипотетическими объясненіями не потому, что она не въ силахъ справиться съ фактами, а напротивъ потому, что фактовъ собрано слишкомъ мало, и еще потому, что для прошедшихъ временъ не существуетъ совсѣмъ никакихъ фактическихъ данныхъ. Мы можемъ дѣлать очень много предположеній на счетъ того, что сложные инстинкты развивались такъ и такъ и проходили черезъ такія-то и такія-то фазы, но показать эти фазы въ живой природѣ не всегда бываетъ возможно; а отыскать въ геологическихъ остаткахъ какіе-нибудь намеки на минувшее существованіе этихъ фазъ мы рѣшительно не въ состояніи. Объ умственныхъ способностяхъ исчезнувшихъ породъ мы не можемъ имѣть ни малѣйшаго понятія; мы также не можемъ знать, каковы были инстинкты теперешнихъ животныхъ за нѣсколько тысячелѣтій до нашего времени; и наконецъ совершенно неосновательно было-бы ожидать, что живая природа представитъ намъ въ настоящую минуту такой непрерывный рядъ родственныхъ животныхъ породъ, по которому мы могли-бы прослѣдить всѣ переходныя фазы въ развитіи всѣхъ существующихъ инстинктовъ, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными. Мы уже знаемъ давно, что усовершенствованная порода всегда вытѣсняетъ и истребляетъ неусовершенствованную, а для сохраненія породы развитые инстинкты имѣютъ такое-же важное значеніе, какъ напримѣръ крѣпкіе мускулы, острые когти или зоркіе глаза. Здѣсь, какъ и вездѣ, органическая природа идетъ впередъ и самымъ процессомъ своего движенія заметаетъ за собою свой слѣдъ. Въ дѣлѣ развитія инстинктовъ это заметаніе производится еще гораздо полнѣе, чѣмъ въ дѣлѣ развитія органовъ. Въ большей части случаевъ слѣдъ заметенъ вполнѣ, и тогда, разумѣется, никакой Дарвинъ не можетъ доказать, что тутъ дѣйствительно совершалось движеніе и что оно проходило именно черезъ точки A, B, C, D и такъ далѣе. Но зато ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не можетъ также доказать, что движеніе въ этомъ мѣстѣ не существовало. На этомъ основаніи Дарвинъ, говоря о простыхъ и сложныхъ инстинктахъ, принимаетъ строго-оборонительное положеніе и не ищетъ здѣсь никакихъ новыхъ подтвержденій для своей теоріи. Онъ доказываетъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, его теорія не встрѣчаетъ себѣ непобѣдимыхъ и необъяснимыхъ препятствій.

VIII.

Если вы посмотрите на восковой сотъ обыкновенной пчелы, то правильность и изящество его архитектуры приведутъ васъ въ изумленіе, и вы еще болѣе удивитесь, когда узнаете, какъ превосходно это восковое строеніе приспособлено къ своей цѣли.

«По свидѣтельству математиковъ,—говоритъ

Дарвинъ,—пчелы практически разрѣшили трудную геометрическую задачу и придали своимъ ячейкамъ ту форму, при которой съ крайнимъ сбереженіемъ драгоцѣннаго воска онѣ могутъ вмѣстить наибольшее количество меда. Было высказано мнѣніе, что искусный работникъ, снабженный приличными орудіями для работы и измѣренія, лишь съ большимъ трудомъ могъ-бы построить восковыя ячейки надлежащей формы, между тѣмъ какъ это дѣлается въ совершенствѣ толпой пчелъ, трудящихся въ темномъ ульѣ.»

Теорія естественнаго выбора задаетъ себѣ въ этомъ случаѣ вопросъ: какимъ путемъ строительное искусство пчелы пришло къ своему теперешнему совершенству? Противники всякихъ раціональныхъ объясненій немедленно возражаютъ, что вопросъ этотъ самъ по себѣ неумѣстенъ, потому что никакого пути тутъ не было, и пчела, какъ есть пчела, такъ и была всегда пчелой, со всѣмъ своимъ строительнымъ искусствомъ и съ полнымъ его совершенствомъ. Переспорить этихъ господъ нельзя и разсуждать съ ними безполезно. Но мы посмотримъ теперь, какія условія необходимы для того, чтобы въ строительномъ инстинктѣ пчелы можно было допустить возможность развитія. Прежде всего надо замѣтить, что по самой сущности дѣла теорія естественнаго выбора въ настоящемъ случаѣ не можетъ представить никакихъ фактическихъ доказательствъ. Если мы скажемъ защитнику этой теоріи: «покажите намъ рядъ восковыхъ сотовъ, принадлежащихъ къ разнымъ геологическимъ эпохамъ и представляющихъ въ своемъ строеніи различныя степени совершенства», то подобное требованіе трудно будетъ назвать вполнѣ законнымъ и благоразумнымъ, и отъ насъ въ такомъ случаѣ можно будетъ ожидать, что мы вдругъ прикажемъ антикварію представить намъ въ подлинникѣ супъ или соусъ, приготовленный поваромъ Лукулла или пожалуй Сарданапала. Если мы пожелаемъ видѣть передъ собою сотни видовъ различныхъ живыхъ пчелъ, которыя всѣ строили-бы свои ячейки различнымъ образомъ, такъ, чтобы различная архитектура этихъ ячеекъ показала намъ, какимъ образомъ совершенствовался строительный инстинктъ пчелы, то желаніе это будетъ очень замысловато, но по всей вѣроятности неисполнимо. Люди во время оно шили себѣ платье изъ древесныхъ листьевъ, а потомъ—изъ звѣриныхъ шкуръ и пользовались жилами животныхъ вмѣсто нитокъ, а рыбьими костями—вмѣсто иголокъ, но въ настоящее время трудно найти живыхъ портныхъ такого сорта не только въ Петербургѣ, но даже въ Москвѣ. Еслибы даже и народился такой художникъ, то прожилъ-бы онъ по всей вѣроятности недолго, потому что сильная конкуренція болѣе лукавыхъ товарищей подорвала-бы его торговлю и уморила-бы его голодной смертью. Породы недоучившихся или отсталыхъ пчелъ постоянно должны были испытывать на себѣ тѣ бѣдствія, которыя постигли-бы въ наше время ископаемаго портного. Поэтому и сохраниться до нашихъ временъ имъ было несовсѣмъ удобно. Но мы знаемъ, что естественный выборъ можетъ дѣйствовать только на тѣ органы или инстинкты, которыхъ совершенствованіе полезно для данной породы. Слѣдовательно, мы можемъ спросить: въ какомъ отношеніи изящная и правильная архитектура ячеекъ приноситъ пчеламъ дѣйствительную пользу? Ну вотъ, слава Богу! договорились мы наконецъ до настоящаго дѣла. На этотъ вопросъ защитникъ теоріи обязанъ найти отвѣтъ *рано или поздно*, потому что врядъ-ли пчела стала-бы учиться и развиваться для того, чтобы вносить въ природу элементъ *разнообразія*, или для того, чтобы *прельщать глазъ человѣка* красивой формой шестигранныхъ ячеекъ. Но и здѣсь я поставилъ слово *рано или поздно* потому, что мы при теперешнемъ состояніи нашихъ фактическихъ знаній даже на дѣльные вопросы не имѣемъ права требовать отъ натуралиста немедленнаго отвѣта.

Что инстинктъ долженъ быть полезенъ — это ясно; но чѣмъ именно полезенъ — это во многихъ случаяхъ остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ, потому что животныхъ очень много, а натуралистовъ очень мало. Впрочемъ въ вопросѣ о строительномъ инстинктѣ пчелъ намъ нѣтъ надобности откладывать рѣшеніе въ долгій ящикъ. Извѣстно, что восковой сотъ необходимъ для пчелы, какъ колыбель молодого поколѣнія и какъ кладовая для сбереженія меда. Извѣстно также, что пчелы выдѣляютъ воскъ изъ своего организма очень медленно и въ незначительномъ количествѣ; чтобы выдѣлить одинъ фунтъ воска, улей пчелъ долженъ съѣсть отъ двѣнадцати до пятнадцати фунтовъ сухого сахара; а такъ какъ пчелы, вмѣсто сухого сахара, ѣдятъ обыкновенно жидкій сахарный сиропъ, заключающійся въ цвѣтахъ, то имъ для выдѣленія одного фунта воска надо съѣсть несравненно больше пятнадцати фунтовъ цвѣточнаго сиропа, или нектара. Воскъ достается пчелѣ очень дорого, тѣмъ болѣе, что пчелы, занимающіяся выдѣленіемъ этого вещества, вмѣсто того чтобы вылетать изъ улья за добычей, должны втеченіи многихъ дней сидѣть на одномъ мѣстѣ и ѣсть готовую пищу. Стало-быть, чѣмъ больше потребуется воска на сооруженіе ячеекъ, тѣмъ меньше будетъ приготовлено меда, а для пропитанія пчелъ во время зимы необходимъ очень значительный запасъ этой пищи, и если запасъ окажется недостаточнымъ, то улей погибнетъ. Ясно стало-быть, что бережливость въ обращеніи съ воскомъ прямо рѣшаетъ для колоніи пчелъ вопросъ о ея дальнѣйшемъ существованіи. Пчеламъ, подъ страхомъ голодной смерти, необходимо было разрѣшить на практикѣ ту мудреную геометрическую задачу, о которой говоритъ Дарвинъ, то есть имъ необходимо было отыскать для своихъ ячеекъ такую

форму, при которой наименьшее количество воска вмѣщало-бы въ себя наибольшее количество меда. Вѣроятно, пчелы, втеченіе многихъ и многихъ тысячелѣтій, медленно и ощупью подвигались впередъ къ рѣшенію этой задачи ихъ жизни; а въ это время естественный выборъ, дѣйствуя здѣсь на коллективныя единицы, постоянно сохранялъ только тѣ общины пчелъ, которыя въ этомъ отношеніи имѣли какое-нибудь, хотя малѣйшее, преимущество надъ другими. Такимъ образомъ польза строительнаго инстинкта пчелы доказана и слѣдовательно отыскапъ тотъ путь, по которому этотъ инстинктъ, подъ вліяніемъ естественнаго выбора, долженъ былъ подвигаться впередъ къ своему теперешнему совершенству.

Кромѣ того теорія Дарвина можетъ здѣсь выдвинуть въ свою пользу такія пояснительныя подтвержденія, которыхъ мы по настоящему даже не имѣемъ права отъ нея требовать. Въ настоящее время существуютъ еще насѣкомыя, у которыхъ строительное искусство находится въ различныхъ, менѣе совершенныхъ фазахъ своего развитія. Шмели употребляютъ для храненія меда свои старые коконы—это низшая степень архитектурной техники. Иногда они придѣлываютъ къ коконамъ короткія восковыя трубочки—вторая степень. Иногда они строятъ изъ воска отдѣльныя ячейки, округлыя и очень неправильныя—третья степень. Въ Мексикѣ живетъ насѣкомое Melipona domestica, которое по строенію своего тѣла занимаетъ средину между шмелемъ и пчелою.

«Она строитъ, — говоритъ Дарвинъ, — почти правильный восковой сотъ изъ цилиндрическихъ ячеекъ, въ которыхъ развиваются личинки, и кромѣ того нѣсколько крупныхъ восковыхъ ячеекъ для храненія меда. Эти послѣдніе ячейки почти шарообразны, приблизительно одинаковой величины и скучены въ неправильную массу».

Между шмелемъ и мелипоною съ одной стороны и между мелипоною и пчелою съ другой стороны, недостаетъ очень многихъ переходныхъ степеней. Кромѣ того, ни шмель, ни мелипона ни въ какомъ отношеніи не могутъ считаться прямыми предками пчелы; они могутъ быть названы только ея боковыми родственниками, остановившимися на низшихъ степеняхъ развитія. Несмотря на то, читатель конечно согласится, что простые инстинкты шмеля и усложняющіеся инстинкты мелипоны въ значительной степени помогаютъ намъ понять, какимъ образомъ могло сформироваться сложное и вполнѣ развитое архитектурное искусство обыкновенной пчелы. Готтентоты или алеуты также не могутъ считаться прямыми предками современныхъ англичанъ; а между тѣмъ образъ жизни существующихъ дикарей въ значительной степени разъясняетъ намъ многія подробности изъ далекаго прошедшаго цивилизованныхъ народовъ. Но еслибы какія-нибудь обстоятельства погубили весь родъ шмелей и мелипонъ, или всѣхъ дикарей, живущихъ на земномъ шарѣ, то и тогда мы едва-ли-бы имѣли разумное основаніе думать, что пчела всегда была отличнымъ архитекторомъ, или что англичане всегда пользовались неприкосновенностью жилища. Хотя шмель и мелипона очень интересны для натуралиста, а дикари—для антрополога, однако они ничѣмъ не застрахованы противъ уничтоженія и во всякое время могли исчезнуть съ лица земли такъ-же легко, какъ и всякая другая порода. Исчезновеніе ихъ очевидно нисколько не могло-бы подорвать теорію Дарвина и не имѣло-бы ничего общаго съ постановкою вопроса объ инстинктѣ пчелы, или объ исторіи англійской конституціи.

Муравьи.

I.

Все рабочее населеніе ульевъ и муравейниковъ состоитъ изъ безплодныхъ самокъ, которыя значительно отличаются отъ своихъ родителей по устройству тѣла, и еще сильнѣе расходятся съ ними въ направленіи инстинктовъ и въ образѣ жизни. Родители, или вообще самцы и плодовитыя самки, совсѣмъ не работаютъ, а безплодныя самки напротивъ того трудятся постоянно, и при этомъ далеко превосходятъ самцовъ и плодовитыхъ самокъ своей породы развитіемъ умственныхъ способностей и спеціальной технической ловкостью. Спрашивается, какимъ-же образомъ могли выработаться эти свойства рабочихъ пчелъ и рабочихъ муравьевъ? — Ни одно изъ этихъ насѣкомыхъ не можетъ имѣть потомства и слѣдовательно никому не можетъ передавать по наслѣдству особенности своего тѣлосложенія и своего инстинкта. Всѣ счастливыя индивидуальныя уклоненія, всѣ результаты упражненія и развитія, все это умираетъ вмѣстѣ съ каждымъ отдѣльнымъ субъектомъ и не можетъ обратиться въ постоянное качество всей породы. Каждый рабочій муравей, отличающійся отъ своихъ сверстниковъ особенною ловкостью, или силою, или догадливостью, имѣетъ конечно преимущество надъ другими субъектами; въ силу этого преимущества онъ можетъ ихъ пережить; надъ его личностью обнаружится такимъ образомъ дѣйствіе естественнаго выбора. Но во всякомъ случаѣ, дальше его личности это дѣйствіе не пойдетъ, потому что этотъ муравей все-таки умретъ безъ потомства, хотя-бы онъ прожилъ сто лѣтъ, и хотя-бы онъ былъ геніемъ первой величины. На породу муравьевъ это долголѣтіе и эта геніальность не могутъ имѣть никакого вліянія, потому что муравьи слѣдующаго поколѣнія родятся не отъ этихъ дѣятельныхъ и даровитыхъ субъектовъ, а отъ обыкновенныхъ и постоянно праздныхъ самцовъ и самокъ. Повидимому, тутъ представляется

для теоріи естественнаго выбора неопредѣлимое затрудненіе; повидимому, тутъ не можетъ быть постепеннаго улучшенія или очищенія породы, потому что отдѣльныя поколѣнія этой породы разъобщены между собою, то-есть не происходятъ другъ отъ друга; а между тѣмъ только постоянное накопленіе мелкихъ усовершенствованій, передаваемыхъ изъ одного поколѣнія въ другое, могло-бы объяснить намъ то громадное и своеобразное развитіе умственныхъ способностей, до котораго дошли въ настоящее время рабочія пчелы и рабочіе муравьи. Если-же намъ придется допустить, что эти способности возникли мгновенно, безо всякаго подготовленія и историческаго развитія, то теорія Дарвина можетъ считать свое дѣло окончательно проиграннымъ, потому что здѣсь повидимому живой фактъ возмущается противъ теоріи и самымъ своимъ существованіемъ уличаетъ ее въ несостоятельности.

Дарвинъ сознается въ своей книгѣ, что инстинкты безполыхъ насѣкомыхъ долго казались ему неопровержимымъ возраженіемъ, окончательно гибельнымъ для теоріи естественнаго выбора и медленныхъ видоизмѣненій. Однако онъ не отчаялся въ успѣхѣ и дѣйствительно отыскалъ ключъ къ пониманію этой живой загадки.

Рабочій муравей не можетъ имѣть дѣтей—это несомнѣнно; но у этого рабочаго муравья есть отецъ и мать, которые могутъ имѣть очень многочисленное потомство; стало-быть, у рабочаго муравья будетъ много братьевъ и сестеръ; братья всѣ будутъ способны къ половой дѣятельности, а изъ сестеръ однѣ будутъ безплодны, подобно нашему рабочему, а другія будутъ плодовиты, подобно своей родной матери. Если всѣ эти братья и сестры, плодовитые и безплодные, разбредутся въ разныя стороны, какъ только сдѣлаются способными добывать себѣ пищу безъ помощи родителей,—то произойдетъ очень простая исторія. Безплодныя самки умрутъ безъ потомства, плодовитыя—народятъ кучу дѣтей; въ этомъ второмъ поколѣніи повторится та-же простая исторія: безплодныя умрутъ, плодовитыя обзаведутся семействами. То-же самое случится и въ третьемъ, и въ четвертомъ поколѣніи, и въ двадцатомъ, до тѣхъ поръ, пока безплодныя самки совершенно переведутся. Съ каждымъ поколѣніемъ безплодныя самки будутъ становиться рѣже, потому что естественный выборъ будетъ постоянно направляться противъ ихъ матерей. Положимъ напримѣръ, что самка A родитъ постоянно безплодныхъ дочерей; ясно, что потомство этой самки въ слѣдующемъ-же поколѣніи совершенно прекратится, и что способность рождать *исключительно* безплодныхъ дѣтей рѣшительно, по самой сущности своей, не можетъ сдѣлаться наслѣдственной. Другая самка B родитъ и безплодныхъ, и плодовитыхъ, а третья C—исключительно плодовитыхъ. Ясно, что у C окажется болѣе многочисленное потомство, чѣмъ у B. Число дѣтей будетъ пожалуй одинаково у обѣихъ, но число внучатъ будетъ уже различно, и съ каждымъ новымъ поколѣніемъ различіе будетъ увеличиваться въ пользу C, если только обѣ самки, и B, и C, передадутъ свои личныя особенности всему плодовитому потомству. Но при одинаковыхъ условіяхъ быстро размножающаяся порода должна непремѣнно, рано или поздно, вытѣснить и истребить породу, размножающуюся медленно. Такимъ образомъ самки, подобныя своей прародительницѣ B, то-есть имѣющія способность рождать иногда безплодныхъ, уничтожатся, и вслѣдствіе этого безплодіе перестанетъ существовать, если только оно не будетъ поддерживаться какими-нибудь искусственными средствами. Все это произойдетъ въ томъ случаѣ, когда плодовитые и безплодные братья и сестры будутъ расходиться въ разныя стороны и жить совершенно независимо другъ отъ друга. Но въ дѣйствительности дѣло приняло совершенно другой оборотъ, потому что въ породѣ муравьевъ проявилось стремленіе къ общественной жизни за много тысячелѣтій до тѣхъ временъ, когда въ младенческихъ обществахъ человѣка начали формироваться первые очерки миѳическихъ сказаній. Когда это стремленіе проявилось, то-есть, когда молодые члены семейства рѣшились оставаться на всю жизнь вмѣстѣ съ родителями и общими силами стали заботиться объ удовлетвореніи своихъ общихъ потребностей, тогда одинокіе муравьи должны были уничтожиться, потому что борьба и соперничество съ обществами во всѣхъ отношеніяхъ оказались имъ не по силамъ. Если шло дѣло на драку, то одинокаго колотили или убивали; если приходилось заготовлять запасъ пищи, то десять членовъ ассоціаціи, помогая другъ другу, добывали больше пищи, сохраняли ее лучше и съ большимъ успѣхомъ защищали ее противъ внѣшнихъ враговъ, чѣмъ пятнадцать одинокихъ личностей, дѣйствовавшихъ въ разсыпную; когда надо было нянчить и кормить молодое поколѣніе, то и въ этомъ дѣлѣ общество обнаруживало свое превосходство надъ разрозненными единицами. Принципъ раздѣленія труда и соединенія силъ даетъ себя знать вездѣ, гдѣ составляется общество и гдѣ появляется коллективный трудъ. Кто составляетъ общество и кто трудится—люди или муравьи—это рѣшительно все равно. Законы труда и свойства ассоціаціи остаются неизмѣнными при всѣхъ условіяхъ. Когда общежительные инстинкты муравья окончательно упрочились, тогда въ положеніи безплодныхъ самокъ произошла существенная перемѣна *).

*) Легко можетъ быть, что безплодіе совершенно не существовало во время одинокой жизни муравья и порождено именно складомъ его общественной жизни; но объ этомъ я поговорю впослѣдствіи, а теперь я излагаю дѣло такимъ образомъ, чтобы рельефнѣе выставить противуположность между одинокимъ и общежительнымъ періодомъ муравьиной исторіи.

Надо замѣтить, что въ мірѣ животныхъ безплодіе часто соединяется съ самыми разнообразными измѣненіями въ тѣлосложеніи. «Намъ даже извѣстны,—говоритъ Дарвинъ—въ разныхъ породахъ скота особенности въ рогахъ, сопряженныя съ искусственнымъ несовершенствомъ мужескаго пола: волы извѣстныхъ породъ имѣютъ рога болѣе длинные, чѣмъ коровы и быки тѣхъ-же породъ.» Извѣстно также, что оскопленіе человѣка ведетъ за собою измѣненія въ голосѣ, въ развитіи волосъ на бородѣ, въ цвѣтѣ лица и во всемъ складѣ характера. Если-же безплодіе производится не насильственнымъ истребленіемъ половыхъ частей, а медленнымъ и глубокимъ вліяніемъ развитія и воспитанія даннаго субъекта, то, разумѣется, надо ожидать, что различіе между безплоднымъ и плодовитымъ животнымъ окажется гораздо значительнѣе, чѣмъ различіе между воломъ и быкомъ, или между евнухомъ и мужчиной. Замѣчено вообще, что напряженная дѣятельность мозга рѣдко уживается съ напряженной дѣятельностью половой системы. Люди, сильно работающіе умомъ, рѣдко оставляютъ послѣ себя многочисленное потомство, и Джонъ-Стюартъ Милль весьма усердно и настоятельно совѣтуетъ женщинамъ побольше размышлять, чтобы поменьше предаваться пагубному занятію дѣторожденія. Во всемъ мірѣ животныхъ можно также замѣтить то общее явленіе, что животное размножаетъ свою породу тѣмъ быстрѣе, чѣмъ несовершеннѣе строеніе его мозга. У безплодныхъ муравьевъ половые органы остаются на всю жизнь въ томъ зачаточномъ положеніи, въ какомъ они находились у муравьиной личинки, только что вылупившейся изъ яйца. Стало-быть, есть основаніе думать, что мозгъ безплодной самки развивается въ ущербъ половой системѣ, и что вслѣдствіе этого безплодное насѣкомое всегда становилось немного умнѣе плодовитаго, безъ всякаго содѣйствія естественнаго выбора. Когда у муравьевъ и у пчелъ укоренились общежительныя привычки, тогда это легкое умственное превосходство безплодныхъ субъектовъ получило очень важное значеніе для благосостоянія каждаго отдѣльнаго общества.

II.

Представимъ себѣ, что въ какой-нибудь мѣстности существуетъ нѣсколько сотенъ или нѣсколько тысячъ муравейниковъ, населенныхъ самцами, самками и безплодными субъектами. Эти муравейники конечно ведутъ между собою такую-же ожесточенную и разнообразную борьбу, какую до составленія обществъ вели между собою отдѣльные муравьи.

Муравейники нападаютъ другъ на друга, отбиваютъ другъ у друга пищу, похищаютъ другъ у друга куколки, и во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, прямыхъ или косвенныхъ, то-есть выражающихся въ видѣ открытой драки или въ видѣ глухой борьбы за средства къ существованію,—во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, говорю я, побѣда остается на сторонѣ сильнѣйшаго муравейника, точно такъ, какъ она прежде оставалась на сторонѣ сильнѣйшаго муравья. Побѣжденные муравейники погибаютъ, и причины ихъ погибели такъ-же разнообразны, какъ въ свое время были разнообразны причины погибели отдѣльныхъ муравьевъ. Одинъ муравейникъ погибаетъ подъ ударами сосѣдняго общества, заключающаго въ себѣ большое количество сильныхъ, храбрыхъ или хитрыхъ насѣкомыхъ. Другой ослабѣваетъ отъ голода, потому что его жители уступаютъ сосѣдямъ въ умѣньи добывать себѣ пищу. Третій размывается дождемъ, потому что жители не умѣютъ строить такіе своды и крыши, которые могли-бы устоять противъ дѣйствія водяныхъ капель. Въ четвертомъ число жителей постоянно убавляется отъ плохого воспитанія личинокъ или отъ того, что самки слишкомъ ревностно исполняютъ спасительный совѣтъ Джона-Стюарта Милля. Въ то-же время рядомъ съ этими слабыми, голодными и угнетенными обществами существуютъ общества сильныя, сытыя и угнетающія другихъ. Спрашивается, на чемъ-же основано различіе между первыми и вторыми? Очевидно на томъ, что вторыя располагаютъ большей массой сильныхъ мускуловъ и дѣятельныхъ мозговъ. Для благосостоянія муравейника необходимо, чтобы число его жителей не уменьшалось, чтобы эти жители умѣли добывать себѣ много пищи, чтобы они умѣли построить себѣ удобное и прочное жилище, чтобы они заботливо ухаживали за своими личинками, и наконецъ чтобы они во всякое время могли встрѣтить и отразить нападеніе своихъ враждебныхъ единоплеменниковъ и сосѣдей. Если въ муравейникѣ слишкомъ много безплодныхъ самокъ, то число жителей уменьшается; вслѣдствіе этого общество, рано или поздно, погибаетъ естественной или насильственной смертью. Если въ муравейникѣ совсѣмъ нѣтъ безплодныхъ самокъ, или если ихъ слишкомъ мало, то оказывается недостатокъ въ умственныхъ силахъ и въ технической ловкости; вслѣдствіе этого сосѣдніе муравейники пріобрѣтаютъ перевѣсъ и со временемъ губятъ это отстающее общество. Такимъ образомъ естественный выборъ постоянно сохраняетъ тѣ общества, которыя строже своихъ соперниковъ поддерживаютъ у себя должное равновѣсіе между дѣятельностью мозга и дѣятельностью половой системы, то-есть между количествомъ безплодныхъ и количествомъ плодовитыхъ жителей. Но отчего-же зависитъ поддержаніе этого должнаго равновѣсія?

Дарвинъ говоритъ, что оно зависитъ отъ различныхъ особенностей въ тѣлосложеніи плодовитыхъ субъектовъ. Если самка муравья рождаетъ безплодныхъ дѣтей, то конечно причина этого

явленія заключается въ томъ или другомъ свойствѣ ея организма; это свойство, подобно всякому другому, подвержено индивидуальнымъ колебаніямъ, то-есть у одной самки развито сильнѣе, у другой—слабѣе, и нѣкоторыя изъ этихъ колебаній выгодны для муравейника, а другія невыгодны. Какое это свойство и какія въ немъ могутъ быть колебанія—этого мы не знаемъ, но наше незнаніе нисколько не должно насъ смущать или изумлять. Мы также не знаемъ напримѣръ, почему у одной четы супруговъ родятся постоянно мальчики, у другой — дѣвочки, а у третьей—и дѣвочки, и мальчики. Однако не остроумно было-бы утверждать, что это дѣлается безъ причины, и еще неостроумнѣе было-бы произносить по этому поводу безсмысленное слово «случай», выражающее то, что въ дѣйствительности не существуетъ нигдѣ и не существовало никогда. Не трудно понять, что причина должна заключаться въ тѣлосложеніи родителей или въ обстоятельствахъ ихъ жизни и ихъ взаимныхъ отношеній.

Уничтожая одни муравейники и сохраняя другіе, естественный выборъ черезъ это уничтожаетъ вредныя и сохраняетъ полезныя колебанія, проявляющіяся въ тѣлосложеніи плодовитыхъ субъектовъ. Рано или поздно полезныя колебанія упрочиваются, и вслѣдствіе этого плодовитыя самки будутъ постоянно рождать плодовитыхъ и безплодныхъ дѣтей въ надлежащей пропорціи. Точно такимъ-же образомъ естественный выборъ постоянно благопріятствуетъ тѣмъ муравейникамъ, въ которыхъ живутъ самые умные, самые дѣятельные и самые ловкіе работники. Такіе муравейники процвѣтаютъ и отличаются особенной долговѣчностью, а вмѣстѣ съ этими муравейниками сохраняются и упрочиваются тѣ половыя особенности самцовъ и самокъ, которыя сообщаютъ безплодному потомству умъ, дѣятельность и ловкость.

Итакъ, естественный выборъ дѣйствуетъ не на тѣхъ животныхъ, которыя сами обладаютъ умомъ, дѣятельностью и ловкостью, а на тѣхъ, которыя составляютъ причину этихъ свойствъ, то-есть—на родителей рабочихъ насѣкомыхъ, и вообще на все плодовитое населеніе муравейника или улья. Такимъ образомъ развитіе и совершенствованіе становятся возможными и даже неизбѣжными.

«Моя вѣра,—говоритъ Дарвинъ,—въ могущество выбора простирается до того, что я не сомнѣваюсь, что можно было-бы постепенно образовать породу, въ которой волы имѣли-бы постоянно необыкновенно длинные рога, лишь тщательно наблюдая, какіе быки и коровы производятъ самыхъ длиннорогихъ воловъ, несмотря на то, что ни одинъ волъ не могъ-бы передать своихъ признаковъ породѣ.»

Такъ, полагаю я, было и съ общественными насѣкомыми; легкое видоизмѣненіе въ строеніи, въ инстинктѣ, сопряженное съ безплодіемъ нѣкоторыхъ изъ членовъ общины, было для нея выгодно; слѣдственно, плодовитые самцы и самки той-же общины благоденствовали и передавали своему плодовитому потомству расположеніе къ произведенію безплодныхъ членовъ, видоизмѣненныхъ подобнымъ образомъ. И я полагаю, что этотъ процессъ повторялся, пока не обозначилось между плодовитыми и безплодными самками одного вида то разительное различіе, которое представляютъ многія *общественныя* насѣкомыя. Я подчеркнулъ слово *общественныя*, потому что въ немъ заключаются весь смыслъ этого явленія и единственный ключъ къ его пониманію. Если-бы нормальное безплодіе и связанное съ этимъ безплодіемъ развитіе особенныхъ инстинктовъ существовало въ такой породѣ животныхъ, которая ведетъ одинокую жизнь, то подобное явленіе оказалось-бы совершенно необъяснимымъ, и одного такого примѣра было-бы достаточно, чтобы навсегда погубить теорію Дарвина. Но такихъ явленій не подмѣтилъ до сихъ поръ ни одинъ натуралистъ, и слѣдовательно теорія естественнаго выбора остается неприкосновенной и непобѣдимой.

III.

Теперь уже намъ не трудно будетъ прослѣдить въ общихъ чертахъ дальнѣйшее развитіе муравьиной породы. Въ общественной жизни муравьевъ встрѣчается много замѣчательныхъ явленій, и всѣ эти явленія нисколько не противорѣчатъ теоріи естественнаго выбора.

«Во многихъ видахъ муравья,—говоритъ Дарвинъ,—безполыя особи разнятся не только отъ плодовитыхъ самцовъ и самокъ, но и между собою, распадаясь такимъ образомъ на двѣ или даже на три касты. Эти касты сверхъ того обыкновенно не представляютъ переходовъ между собою, но такъ-же рѣзко разграничены, какъ любые виды одного рода или, точнѣе, роды одного семейства. Такъ, у Eciton есть безполые рабочіе и воины съ чрезвычайно разнородными челюстями и инстинктами; Gryptoerus рабочіе лишь одной касты снабжены очень страннымъ щитомъ на головѣ, употребленіе котораго совершенно неизвѣстно; у мексиканскаго Myrmecocystus рабочіе одной касты никогда не оставляютъ гнѣздо; ихъ кормятъ рабочіе другой касты и у нихъ безмѣрно развитое брюхо, выдѣляющее родъ меда, замѣняющаго выдѣленіе тлей или дойнаго скота, содержимаго *) нашими европейскими муравьями.»

Факты эти не представляютъ никакихъ серьезныхъ затрудненій для теоріи естественнаго вы-

*) Ухитрился-же г. переводчикъ написать три причастія и три придаточныя предложенія одно на другое»: 1) «выдѣляющее... 2) «замѣняющаго»..... и 3) «содержимаго»!....

бора и доказываютъ только, что тѣлосложеніе муравья отличается вообще замѣчательной гибкостью и измѣнчивостью. Раздѣленіе рабочаго населенія на касты объясняется очень просто.—Положимъ, что существуютъ въ близкомъ сосѣдствѣ между собою нѣсколько муравейниковъ вида Ecitou. Дѣйствіе происходитъ въ глубокой древности. У Ecitou еще не успѣли образоваться двѣ касты рабочихъ и воиновъ, а существуетъ только одна каста безплодныхъ самокъ, которыя немного умнѣе и дѣятельнѣе своихъ родителей и плодовитыхъ сестеръ. Въ это время въ муравейникѣ A обнаруживается въ тѣлосложеніи нѣсколькихъ безплодныхъ самокъ легкое уклоненіе, вслѣдствіе котораго челюсти ихъ становятся немного покрѣпче, а характеръ немного позадорнѣе, чѣмъ у другихъ муравьевъ того-же вида. Эти задорные и зубастые муравьи заводятъ драку съ сосѣднимъ муравейникомъ B и, благодаря своимъ челюстямъ и своей храбрости, одерживаютъ рѣшительную побѣду. Муравейникъ B окончательно разоряется; часть жителей погибаетъ въ сраженіи и поѣдается побѣдителями; остальные разбѣгаются по окрестностямъ и умираютъ отъ голода и отъ разныхъ лишеній, потому что они уже разучились вести ту одинокую жизнь, которую въ былое время вели ихъ предки. Та-же жестокая участь постигаетъ общества C, D и E. Муравейникъ A торжествуетъ и процвѣтаетъ, свирѣпствуетъ въ своемъ околоткѣ и постоянно обжирается трупами и куколками побѣжденныхъ враговъ. Но въ одинъ прекрасный день онъ сталкивается съ муравейникомъ F и, къ своему крайнему изумленію, встрѣчаетъ такой энергическій отпоръ, какого ему до той минуты не случалось испытывать нигдѣ; оказывается, что самки муравейника F также произвели на свѣтъ храбрыхъ и зубастыхъ дѣтей, которыя уже успѣли показать свою удаль муравейникамъ G, H и K. Такимъ образомъ муравейники A и F остаются неразоренными и въ случаѣ войны отражаютъ другъ друга съ одинаковымъ успѣхомъ. Но равновѣсіе между ними продолжается только до тѣхъ поръ, пока въ одномъ изъ нихъ не обнаружится дальнѣйшее развитіе храбрости и зубастости *). Кто обогналъ противника въ этомъ отношеніи, тотъ и побѣдилъ. Малѣйшее выгодное измѣненіе въ тѣлосложеніи воинственныхъ рабочихъ рѣшитъ вопросъ, кому изъ этихъ завоевательныхъ республикъ жить и кому умирать. Борьба можетъ тянуться десятки лѣтъ, потому что общества муравьевъ, подобно обществамъ пчелъ и государствамъ людей, существуютъ постоянно до тѣхъ поръ, пока ихъ не разрушитъ стеченіе какихъ-нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Муравейники A и F разростаются и основываютъ множество колоній, потому что старое помѣщеніе становится слишкомъ тѣснымъ для увеличившагося числа жителей. Гдѣ жили прежде общества B, C, D, E, G, H и K, тамъ поселяются потомки зубастыхъ и воинственныхъ муравьевъ A и F. Эти потомки—всѣ зубасты и воинственны, но въ одномъ изъ этихъ новыхъ обществъ, въ какомъ-нибудь муравейникѣ Z, обнаруживается особенное развитіе этихъ героическихъ качествъ. Тогда Z истребляетъ всѣ колоніи A и F вмѣстѣ съ обѣими метрополіями и, разросшись въ свою очередь, на ихъ развалинахъ самъ основываетъ свои колоніи, еще болѣе храбрыя и зубастыя. Черезъ нѣсколько времени таже самая исторія повторяется въ потомствѣ муравейника Z. Тотъ, кто сильнѣе, постоянно торжествуетъ, и такимъ образомъ общій уровень муравьинаго могущества постоянно возвышается, потому что все, что̀ стоитъ ниже этого уровня, ежедневно и ежеминутно уничтожается, то оружіемъ враговъ, то голодомъ, то разными другими причинами. Сами герои или, вѣрнѣе, героини не могутъ передать свои достоинства потомству, но у героинь есть родители и плодовитыя сестры, которыя, живя съ героинями въ одномъ муравейникѣ и пользуясь плодами ихъ побѣдъ, благоденствуютъ и постоянно производятъ на свѣтъ новыя поколѣнія завоевателей.

Теперь намъ надо еще объяснить, почему и какимъ образомъ рядомъ съ кастой воиновъ сохранилась и развилась каста работниковъ. Отвѣчать на этотъ вопросъ очень не трудно. Работники были такъ-же необходимы для существованія общества, какъ воины были необходимы для отраженія враговъ. Пока герои совершали чудеса храбрости, личинки могли умереть съ голоду и куколки могли измокнуть подъ дождемъ, еслибы въ муравейникѣ не было дѣятельныхъ и расторопныхъ субъектовъ, воспитывающихъ молодое поколѣніе и предохраняющихъ его отъ всякой напасти. Положимъ, что въ муравейникѣ M *всѣ* безплодныя самки одарены воинственными наклонностями и соотвѣтствующимъ тѣлосложеніемъ; въ муравейникѣ N, напротивъ того, *всѣ* безплодныя самки относятся къ кастѣ мирныхъ работниковъ, а въ третьемъ муравейникѣ O есть и воины, и работники. Ясно, что послѣдній муравейникъ переживетъ своихъ одностороннихъ сосѣдей; N по всей вѣроятности будетъ завоеванъ и разоренъ, а M ослабѣетъ и погибнетъ отъ того, что некому будетъ заботиться о личинкахъ и куколкахъ. Мы видѣли выше, какимъ образомъ естественный выборъ можетъ привести дѣло къ тому результату, что въ каждомъ муравейникѣ будетъ находиться именно столько безплодныхъ и столько плодовитыхъ самокъ, сколько того требуетъ благосостояніе общества. Когда этотъ результатъ будетъ достигнутъ, тогда естественный выборъ, продолжая дѣйствовать по-

*) У муравьевъ нѣтъ зубовъ, и читатель конечно понимаетъ, что выраженія: «зубастый» и «зубастость» употребляются для большей краткости вмѣсто словъ: «одаренный сильными челюстями» и «сильное развитіе челюстей».

прежнему, тѣмъ-же самымъ способомъ устроитъ такъ, что изъ числа безплодныхъ одна часть будетъ одарена однимъ тѣлосложеніемъ, а другая—другимъ. Сначала разница между этими двумя типами будетъ очень невелика, но если для общества выгодно, чтобы эта разница увеличилась, то понемногу она и увеличится, потому что долговѣчнѣе другихъ будутъ оказываться тѣ муравейники, въ которыхъ работники и воины сильнѣе отличаются другъ отъ друга. Можетъ случиться, что эти двѣ касты въ свою очередь раздробятся на новыя касты, и эти подраздѣленія также сдѣлаются постоянными, если только они окажутся полезными для муравейника въ данную минуту и при данныхъ условіяхъ мѣстности. Такимъ путемъ произошли—щитъ на головѣ у Gryptocrus и медоточивое брюхо у Myrmecocystus.

IV.

Естественный выборъ постоянно сохраняетъ всякое видоизмѣненіе въ организаціи рабочаго муравья. Но спрашивается, какія именно причины производятъ эти видоизмѣненія? Зависятъ-ли они вполнѣ отъ тѣлосложенія родителей, или-же тутъ дѣйствуютъ какія-нибудь другія вліянія? Попробую отвѣтить на этотъ вопросъ, но предупреждаю читателя, что отвѣтъ мой будетъ выраженъ въ формѣ догадокъ, сомнѣній и предположеній.

Какъ у пчелъ, такъ и у муравьевъ, каждая самка кладетъ яйца трехъ родовъ—сначала для будущихъ рабочихъ, потомъ для самцовъ и наконецъ для плодовитыхъ самокъ. Изъ этихъ яицъ выходятъ личинки, и въ первое время своего существованія личинки рабочихъ нисколько не отличаются отъ личинокъ плодовитыхъ самокъ. Существуетъ-ли въ личинкѣ расположеніе сдѣлаться со временемъ безплоднымъ или плодовитымъ насѣкомымъ, этого мы не знаемъ, но достовѣрно извѣстно, что это расположеніе, если оно существуетъ, можетъ быть переработано воспитаніемъ. Воспитаніе имѣетъ въ этомъ случаѣ огромное значеніе. Это доказывается тѣмъ, что муравьи и пчелы содержатъ будущихъ рабочихъ совсѣмъ не такъ, какъ будущихъ самокъ: пища, помѣщеніе, уходъ—все совершенно различно. Пчелы, всегда соблюдающія въ расходованіи воска крайнюю бережливость, строятъ для будущихъ самокъ или матокъ отъ шести до десяти ячеекъ такой величины, что на каждую изъ нихъ тратится во сто разъ больше воску, чѣмъ на ячейку простой рабочей. Разумѣется, пчелы не стали-бы этого дѣлать безъ надобности. Кромѣ того извѣстно, что, въ случаѣ необходимости, пчелы могутъ сформировать себѣ новую матку изъ такой личинки, которой сначала назначено было сдѣлаться рабочей.

«Если на бѣду,—говоритъ Карлъ Фохтъ,—старая матка останется въ живыхъ до тѣхъ поръ, пока молодыя матки начнутъ выходить изъ куколокъ, то она ихъ умертвитъ безъ милосердія, и рабочія не будутъ сопротивляться этому поступку. Но такъ какъ старая царица *) въ это время уже неспособна класть яйца, то общество разсѣевается послѣ ея смерти; или-же рабочіе формируютъ себѣ новую царицу, то-есть переносятъ рабочую личинку, которой еще не минуло трехъ дней, въ царскую ячейку и кормятъ ее царской пищей; при такихъ условіяхъ ея половыя части развиваются, а при простомъ рабочемъ содержаніи онѣ остаются въ зачаточномъ состояніи.» («Зоологическія письма».)

Муравейникъ никогда не терпитъ недостатка въ плодовитыхъ самкахъ, и поэтому муравьямъ нѣтъ никакой надобности формировать себѣ самку изъ рабочей личинки. Но зато случается довольно часто, что плодовитая самка муравья работаетъ сама надъ построеніемъ ячеекъ и, это обстоятельство доказываетъ, что разстояніе между инстинктами плодовитыхъ и безплодныхъ муравьевъ не такъ громадно, какъ можно было-бы подумать, глядя на обыкновенный образъ жизни тѣхъ и другихъ.

«Основаніе новыхъ муравьиныхъ обществъ,—говоритъ Фохтъ,—происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ августѣ, послѣ полудня, громадные рои крылатыхъ самцовъ и самокъ оставляютъ гнѣзда и совокупляются на воздухѣ. Самцы умираютъ почти тотчасъ послѣ совокупленія; большую часть самокъ рабочіе ловятъ и уводятъ назадъ въ муравейникъ, гдѣ самки кладутъ яйца преимущественно во время весны будущаго года. Оплодотворенныя самки, не пойманныя рабочими, прежде всего сами обрываютъ себѣ крылья, слабо прикрѣпленныя къ ихъ тѣлу, а потомъ устраиваютъ въ землѣ галлерею и присоединяютъ къ ней компатки, въ которыя онѣ кладутъ яйца для рабочихъ. Какъ только эти рабочія разовьются, такъ онѣ начинаютъ помогать матери въ ея работахъ, проводятъ вмѣстѣ съ нею зиму и съ весны ведутъ хозяйство дальше, между тѣмъ какъ самка, подобно пчелиной маткѣ, занимается съ этого времени исключительно кладкой яицъ и соблюдаетъ при этомъ ту-же очередь, то-есть, кладетъ сначала рабочія яйца, потомъ мужскія и наконецъ женскія.» («Зоологическія письма»).

Оказывается такимъ образомъ, что воспитаніе можетъ сдѣлать изъ рабочей личинки пчелиную матку, и что обстоятельства жизни могутъ на время превратить праздную самку муравья въ очень усердную работницу. Рожденіе, воспитаніе и обстоятельства жизни—вотъ тѣ три элемента, которые создаютъ тѣлосложеніе и весь характеръ

*) Извѣстно, что пчелиная матка называется также царицей; по-нѣмецки ее даже всегда называютъ Königin—королева.

взрослаго насѣкомаго. Но рѣшить, *что* именно вложено самкой въ яичко и *что* дано впослѣдствіи воспитаніемъ личинки—это такая задача, которая въ настоящее время превышаетъ силы естествоиспытателей. Дарвинъ повидимому расположенъ думать, что вліяніе матери очень значительно, то-есть, что почти всѣ свойства и особенности будущаго насѣкомаго заключены въ яичкѣ и находятся въ немъ въ ту минуту, когда это яичко отдѣляется отъ тѣла матери. Склонность Дарвина къ этому мнѣнію выражается въ томъ, что онъ, говоря объ инстинктахъ и тѣлосложеніи безплодныхъ насѣкомыхъ, постоянно напираетъ на половую систему ихъ родителей и совершенно оставляетъ въ сторонѣ воспитаніе личинокъ. Но противорѣча идеямъ великаго натуралиста, я въ этомъ случаѣ позволю себѣ обратить вниманіе читателя на ту сторону дѣла, которую Дарвинъ отодвинулъ на второй планъ.

Половыя части личинки,—по словамъ Карла Фохта,—«находятся въ совершенно зачаточномъ положеніи и выражаются преимущественно во внутреннихъ органахъ, приготовляющихъ сѣмя или яички, но эти органы чрезвычайно малы и съ трудомъ могутъ быть отысканы.» («Зоологическія письма».) «Во время кукольнаго періода,—говоритъ онъ далѣе,—формируются изъ жирнаго тѣла личинки преимущественно половыя части, такъ что бо̀льшая часть насѣкомыхъ способна къ оплодотворенію тотчасъ послѣ своего выхода изъ кокона.»

«Червовидныя личинки бабочекъ, мухъ, жуковъ и т. д.,—говоритъ Дарвинъ,—гораздо ближе схожи между собою, чѣмъ полныя насѣкомыя, хотя личинки, какъ зародыши дѣятельные, приспособлены къ разнымъ образамъ жизни.» «Въ силу такихъ особыхъ приспособленій,—говоритъ онъ далѣе,—сходство между личинками или дѣятельными зародышами сродныхъ животныхъ значительно затемняется.»

Мы видимъ изъ этихъ двухъ мѣстъ, что Дарвинъ считаетъ *личинки* дѣятельнымъ *зародышемъ* насѣкомаго, то-есть *зародышемъ*, ведущимъ свою самостоятельную жизнь и развивающимся на свободѣ, а не въ тѣлѣ своей матери. А на страницѣ 7-й Дарвинъ говоритъ такъ: «опыты Жоффруа-Сентъ-Илера доказываютъ, что вліяніе неестественныхъ условій на *зародышъ* производитъ уродливости, и между уродливостями и уклоненіями нельзя провести рѣзкой границы. Теперь, читатель мой, потрудитесь вывести общія заключенія изъ всѣхъ этихъ выписокъ. *У личинки половыя части находятся въ зачаточномъ состояніи*—стало-быть, разовьются-ли эти части, или останутся онѣ навсегда неразвитыми—это такой вопросъ, который рѣшается во время жизни личинки, а не въ ту минуту, когда самка кладетъ яичко. *Половыя части насѣкомаго вырабатываются изъ жирнаго тѣла личинки* въ то время, когда личинка находится уже въ состояніи куколки; стало-быть, для того чтобы эти части выработались, необходимо извѣстное количество жирнаго вещества, а это жирное вещество, разумѣется, добывается личинкой изъ пищи, и личинка обыкновенно бываетъ очень прожорлива именно потому, что ей надо накопить матеріалы для будущихъ видоизмѣненій. Но если личинку будутъ кормить скупо, то она конечно ничего не накопитъ, и половымъ частямъ не изъ чего будетъ сформироваться. У животныхъ, ведущихъ одинокую жизнь, личинка всегда ѣстъ столько, сколько сама пожелаетъ, а у общежительныхъ животныхъ личинку держатъ въ заперти и ее кормятъ взрослыя насѣкомыя, руководствуясь при этомъ своими особенными соображеніями. Въ этомъ обстоятельствѣ можно видѣть одну изъ причинъ, почему безплодіе проявляется постоянно только у общежительныхъ насѣкомыхъ. Если *личинка есть дѣятельный зародышъ* и если *вліяніе неестественныхъ условій производитъ въ зародышѣ уродливости или уклоненія*, то, мнѣ кажется, трудно сомнѣваться въ томъ, что воспитаніе личинки можетъ произвести въ тѣлосложеніи будущаго насѣкомаго самыя обширныя и глубокія измѣненія. Припомните наконецъ, какимъ образомъ пчелы формируютъ себѣ новую матку изъ рабочей личинки, и тогда вы вѣроятно не найдете слишкомъ смѣлымъ мое предположеніе, что безплодіе рабочихъ пчелъ и рабочихъ муравьевъ есть явленіе чисто искусственное, выработанное складомъ ихъ общественной жизни и постоянно поддерживаемое тѣмъ воспитаніемъ, которое старыя насѣкомыя даютъ огромному большинству новорожденныхъ личинокъ. Послѣдователи Мальтуса желаютъ, чтобы въ человѣческихъ обществахъ рабочіе также были до нѣкоторой степени безплодны, и это обстоятельство доказываетъ, что общественная жизнь, дойдя до извѣстной степени развитія, обыкновенно сталкивается съ роковымъ вопросомъ: куда дѣвать избытокъ населенія? Муравьи и пчелы отвѣтили на этотъ вопросъ тѣмъ, что нашли возможность постоянно убивать производительныя способности у огромнаго большинства своей породы. Муравьямъ и пчеламъ это извинительно потому, что у нихъ нѣтъ ни паровыхъ машинъ, ни химическаго анализа, ни раціональной агрономіи, а главное—нѣтъ такихъ мыслителей, какъ Ньютонъ, Либихъ или Дарвинъ. Люди могли-бы рѣшить вопросъ иначе, но мало-ли что они могли-бы сдѣлать. Si vieillesse savait, si jeunesse pouvait!..

V.

Дѣйствія естественнаго выбора нисколько не стѣсняются моимъ предположеніемъ на счетъ искусственнаго происхожденія безплодія. Естественный выборъ во всякомъ случаѣ истребляетъ или сохраняетъ весь муравейникъ съ родителя-

ми и воспитателями; стало-быть, отъ кого-бы ни зависѣло тѣлосложеніе молодого поколѣнія, отъ родителей или отъ педагоговъ, причина этого тѣлосложенія все-таки будетъ истреблена или сохранена, смотря потому, вредно или полезно это тѣлосложеніе для даннаго общества. Теорія естественнаго выбора остается такимъ образомъ въ полной безопасности, но высказанное мною предположеніе интересно для насъ въ другомъ отношеніи.

Прогрессъ въ органическомъ мірѣ дѣйствительно существуетъ. Этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Но совершается-ли этотъ прогрессъ совершенно независимо отъ воли и сознанія отдѣльныхъ животныхъ, или-же, напротивъ того, нѣкоторыя животныя своими сознательными усиліями содѣйствуютъ тѣмъ измѣненіямъ, которыя переживаетъ ихъ порода? Этотъ вопросъ вѣроятно кажется читателю очень страннымъ, а между тѣмъ онъ возникаетъ въ нашемъ умѣ совершенно естественно, когда мы вглядываемся въ жизнь высшихъ насѣкомыхъ, подобныхъ пчелѣ и муравью. Читатель все-таки смѣется и никакъ не хочетъ вѣритъ, чтобы муравей могъ сознательно участвовать въ прогрессѣ своей породы; но мнѣ кажется, что читатель въ этомъ случаѣ ошибается. Если безплодіе рабочихъ и раздѣленіе ихъ на различныя касты производятся исключительно различными особенностями въ тѣлосложеніи плодовитыхъ самокъ, то видоизмѣненія муравьиной породы или ея прогрессъ происходятъ совершенно независимо отъ воли и сознанія самыхъ муравьевъ. Если-же, напротивъ того, безплодіе и касты составляютъ въ большей или въ меньшей степени результатъ воспитанія, то прогрессъ находится въ рукахъ самихъ муравьевъ или, другими словами, *муравьи сами дѣлаютъ свой прогрессъ*. Если судьба личинокъ зависитъ отъ воспитателей, если воспитатели могутъ произвести значительныя измѣненія въ комплекціи будущаго насѣкомаго, если отъ нихъ зависитъ поворотить развитіе личинки въ ту или въ другую сторону, сдѣлать изъ личинки плодовитую самку или воина, простого рабочаго или дойную корову (Myrmecocystus), то разумѣется все будущее благосостояніе муравейника во всякую данную минуту зависитъ цѣликомъ отъ его взрослаго населенія. Въ такомъ случаѣ умъ и опытность рабочаго муравья не умираютъ вмѣстѣ съ нимъ. Все, что онъ получилъ отъ природы, все, что онъ пріобрѣлъ воспитаніемъ, все, что ему передали старшіе муравьи, все, что онъ видѣлъ и испыталъ въ своей собственной жизни,—все это прилагается къ дѣлу воспитанія личинокъ, все это передается потомъ молодому муравью и все это становится навсегда двигательнымъ элементомъ въ прогрессѣ породы. Каждое поколѣніе собираетъ свой запасъ опытности, каждая личность вноситъ въ этотъ запасъ свою крупинку, и все это вмѣстѣ присоединяется къ общему капиталу и производитъ прочное приращеніе въ умственномъ и матеріальномъ богатствѣ общества и породы. Читатель сердится или смѣется. Онъ увѣренъ въ томъ, что я зафантазировался и что критическія способности моего ума перестали слѣдить за движеніями моего пера. Читатель хочетъ напомнить мнѣ, что я все-таки говорю о муравьяхъ, а не о людяхъ; но я самъ твердо помню это обстоятельство и внимательнымъ взоромъ наблюдаю за шалостями моего легкомысленнаго (о, даже слишкомъ легкомысленнаго!) пера. Но что-же васъ, читатель мой, смущаетъ? Вы вѣроятно думаете, что у муравья не можетъ быть индивидуальныхъ мыслей, что онъ не способенъ накопить запасъ личной опытности и что онъ не въ состояніи дѣлиться съ своими согражданами своими ощущеніями, соображеніями и воспоминаніями. Да, муравей конечно — животное маленькое и невзрачное. Неловко какъ-то приписывать такому ничтожеству разныя высшія способности и отправленія. А между тѣмъ вы, мой читатель, все-таки потрудитесь преодолѣть ваше замѣшательство и прочтите слѣдующій простой разсказъ Карла Фохта,—человѣка, совершенно нерасположеннаго фантазировать и умиляться.

«Одинъ изъ моихъ друзей,—говоритъ Фохтъ,—сдѣлалъ слѣдующее наблюденіе. Муравьи объѣдали у него вишни съ одного дерева. Чтобы отвадить ихъ, онъ вымазалъ стволъ дерева кругомъ на вершокъ въ ширину густымъ табачнымъ нагаромъ изъ трубки, собраннымъ нарочно для этой цѣли. Муравьи, взбиравшіеся на дерево толпами, поворотили назадъ, когда дошли до этого клейкаго и вонючаго кольца. Тѣ, которые были на деревѣ и хотѣли спуститься внизъ, не осмѣлились перешагнуть черезъ кольцо; они взлѣзли опять наверхъ и съ вѣтокъ свалились на землю. Дерево скоро освободилось отъ своихъ посѣтителей. Но черезъ нѣсколько времени муравьи полѣзли толпами вверхъ по стволу. Каждый изъ нихъ несъ въ челюстяхъ кусочекъ земли и съ величайшей осторожностью начали они накладывать на табачный нагаръ одинъ комокъ возлѣ другого, такъ что мало-по-малу образовалась настоящая мощенная дорога, которую они укрѣпили и расширили съ величайшей старательностью. Потомъ, когда составилась полоска шириною въ полвершка, колонна муравьевъ съ полной безопасностью могла снова взбираться на дерево, которое дѣйствительно покрылось немедленно толпами опустошителей.» («Зоологическія письма».)

Если животныя дѣйствуютъ постоянно по инстинкту, и если всѣ инстинкты представляютъ только рядъ машинальныхъ привычекъ, полученныхъ каждымъ животнымъ при самомъ рожденіи по наслѣдству отъ предковъ, то надо предположить, что всѣ муравьи, посѣщающіе вишневыя деревья, имѣютъ наслѣдственную

привычку хватать въ челюсти кусочки земли, какъ только они увидятъ или обнюхаютъ на деревѣ какую нибудь гадость. Можно было-бы возразить на это остроумное предположеніе, что цѣлыя сотни или тысячи поколѣній муравьевъ могли прожить на бѣломъ свѣтѣ, не встрѣтивши ни на одномъ деревѣ клейкаго кольца изъ табачнаго нагара, но если мы уже рѣшились объяснять все наслѣдственными привычками, то насъ не должно смущать это выраженіе. Мы скажемъ, что у тысячи поколѣній этотъ инстинктъ существовалъ, но не проявлялся, а потомъ, когда другъ Фохта сдѣлалъ муравьямъ непріятность, этотъ скрытый инстинктъ тотчасъ и развернулся. Намъ отвѣтятъ, что такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, каждому муравью приходится таскать съ собою милліарды разныхъ скрытыхъ инстинктовъ, потому что на каждый отдѣльный случай должно существовать въ этой ходячей аптекѣ особенное, готовое лекарство. Но мы и тутъ нисколько не струсимъ: ну, и пускай таскаютъ милліарды инстинктовъ! Инстинктъ есть нѣчто невѣсомое, и, стало быть, для муравья такая обуза не можетъ быть обременительной. Если-же у моего читателя не достанетъ храбрости, чтобы побѣждать всѣ препятствія подобными соображеніями, то онъ непремѣнно долженъ будетъ допустить, что у муравьевъ рождаются индивидуальныя мысли, которыя отъ одной личности переходятъ въ массу и потомъ приводятся въ исполненіе соединенными усиліями всѣхъ муравьевъ, усвоившихъ себѣ новую идею. Въ самомъ дѣлѣ, трудно-же предположить, чтобы всѣмъ муравьямъ, наткнувшимся на табачную трясину, въ одну минуту пришла въ голову одна и та-же мысль, и чтобы всѣ они, не сговариваясь между собою, тотчасъ побѣжали за комками земли. Тутъ, мнѣ кажется, можно допустить только два предположенія: или какой-нибудь особенно умный муравей самостоятельно выдумалъ эту уловку въ ту самую минуту, когда встрѣтилось затрудненіе, или-же онъ припомнилъ сходный эпизодъ изъ своей жизни и пустилъ въ ходъ свою опытность, примѣняя ее къ мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ личный умъ или личная опытность обогатили общество муравьевъ новымъ знаніемъ или новой идеей, а такой прогрессъ, мнѣ кажется, было-бы очень несправедливо называть невольнымъ и безсознательнымъ. Но если мы только допустимъ, что муравей можетъ что-нибудь придумать и сообщить свою выдумку своимъ товарищамъ, то намъ придется совершенно отказаться отъ нашихъ нелѣпыхъ предвзятыхъ идей о машинальности тѣхъ сложныхъ и вполнѣ цѣлесообразныхъ поступковъ, которые совершаются муравьями и другими животными для блага общества и для сохраненія породы. Когда мы, оставивъ въ сторонѣ наши предубѣжденія, посмотримъ на нѣкоторыя явленія общественной жизни муравьевъ, тогда передъ нами раскроется замѣчательный смыслъ этихъ явленій и тогда мы поймемъ, что сознательный прогрессъ и чисто историческое развитіе составляютъ неотъемлемое достояніе всѣхъ высшихъ породъ животнаго царства. Надо только видѣть въ каждомъ явленіи то, что̀ въ немъ дѣйствительно заключается, а не то, что̀ вложено въ наши бѣдныя головы добродушными руководителями нашего счастливаго младенчества и нашей довѣрчивой юности.

VI.

Въ муравейникахъ мексиканскаго Myrmecocystus живутъ въ особенныхъ ячейкахъ толстобрюхіе рабочіе, выдѣляющіе на пользу общества сладкій сокъ, подобный меду. Спеціально развитое брюхо этой касты, подобно всѣмъ органамъ всевозможныхъ животныхъ, произошло не вдругъ; оно выработалось постепенно, посредствомъ медленныхъ видоизмѣненій, происшедшихъ въ организаціи обыкновеннаго Myrmecocystus. Какъ и по какой причинѣ проявился первый зародышъ такого видоизмѣненія—этого мы не знаемъ, потому что вообще причины и законы всѣхъ видоизмѣненій до сихъ поръ почти совсѣмъ не изслѣдованы. Когда выгодное видоизмѣненіе проявилось, тогда началось дѣйствіе естественнаго выбора и произошла та обыкновенная исторія, которую читатель знаетъ уже наизусть. Но мнѣ кажется, что, кромѣ естественнаго выбора, тутъ дѣйствуетъ еще одинъ элементъ, именно сознательное вліяніе самихъ рабочихъ муравьевъ на тѣлосложеніе воспитываемыхъ личинокъ. Личинка, какъ *«дѣятельный зародышъ»*, одарена чрезвычайной гибкостью тѣлосложенія, а рабочіе муравьи, занимающіеся воспитаніемъ молодого поколѣнія, какъ важнѣйшимъ дѣломъ всей своей жизни, навѣрное довели до изумительнаго совершенства свое умѣнье пользоваться этой гибкостью. Они навѣрное умѣютъ распознавать всѣ мельчайшія личныя особенности въ организаціи личинки; они знаютъ, какъ развить эти особенности или какъ остановить ихъ развитіе; они знаютъ во всѣхъ подробностяхъ, какъ дѣйствуетъ та или другая температура, то или другое помѣщеніе; и всѣми этими знаніями, которыя непремѣнно должны были накопиться у нихъ втеченіи тысячелѣтій, они пользуются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ такой напряженной внимательностью, какой не можетъ похвалиться ни одинъ изъ педагоговъ самолюбиваго человѣчества. Поэтому, когда въ муравейникахъ Myrmecocystus проявились задатки медоточиваго брюха, рабочіе пустили въ ходъ всѣ свои знанія и всю свою старательность, чтобы развить до крайнихъ предѣловъ эту полезную особенность. Естественный

выборъ сдѣлалъ также свое дѣло, но приписывать ему одному весь получившійся результатъ было-бы не совсѣмъ основательно. Медоточивое брюхо не составляетъ для муравейника крайней необходимости, такъ что въ этомъ случаѣ естественный выборъ не могъ отличиться особенной строгостью. У огромнаго большинства муравьиныхъ породъ нѣтъ толстобрюхихъ рабочихъ, выдѣляющихъ сладкій сокъ, и однако-же эти муравьи живутъ очень благополучно и пользуются сокомъ тлей, или травяныхъ вшей, которыя совершенно справедливо могутъ быть названы дойными коровами муравьевъ.

Когда мы видимъ, что человѣкъ подчинилъ своему господству то или другое животное, тогда мы говоримъ, что это подчиненіе произведено силой человѣческаго ума. Если мы отложимъ въ сторону наши предубѣжденія, то мы должны будемъ высказать то-же самое сужденіе, когда увидимъ, что муравей подчинилъ своему господству тлю. А что это подчиненіе дѣйствительно существуетъ, въ этомъ читатель убѣдится изъ слѣдующихъ свидѣтельствъ Карла Фохта и Дарвина.

«У настоящихъ тлей, — говоритъ Карлъ Фохтъ,—находятся на задней части тѣла двѣ прямыя трубочки, изъ которыхъ вытекаетъ сладкій сахарный сокъ, съ жадностью пожираемый муравьями. Каждый муравейникъ имѣетъ нѣкоторымъ образомъ свою область деревьевъ, кустовъ и травъ, на которыхъ сидятъ по листьямъ и по стволамъ колоніи тлей. Муравьи заботливо ухаживаютъ за этими колоніями и даже иногда перетаскиваютъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Можно видѣть, какъ муравьи ласкаютъ этотъ дойный скотъ, тихо гладятъ и постукиваютъ его своими щупальцами до тѣхъ поръ, пока не выступитъ изъ трубочекъ медовый сокъ, который съ жадностью поглощается муравьями». («Зоологическія письма»).

Въ концѣ той-же книги отношенія между тлями и муравьями описаны еще подробнѣе: «Лѣтомъ, — говоритъ Фохтъ, — рабочіе муравьи добываютъ пищу не только для самихъ себя, но и для личинокъ, для самокъ и для самцовъ, которые всѣ ничего не дѣлаютъ. Они кормятъ ихъ всевозможными органическими веществами, но преимущественно сладкими растительными соками, которые доставляютъ имъ тли... Муравьи обращаются съ тлями крайне заботливо, пересаживаютъ ихъ съ засохшихъ вѣтвей и побѣговъ на свѣжіе, живые листья и до тѣхъ поръ ласкаютъ ихъ щупальцами, пока онѣ не выпустятъ медоваго сока. Большая часть муравьиныхъ породъ строитъ отъ своего гнѣзда крытые проходы, настоящія искусственныя дороги, къ тѣмъ деревьямъ и кустамъ, на которыхъ находятся колоніи ихъ дойнаго скота; другіе даже приносятъ въ свои гнѣзда такихъ тлей, которыя питаются корнями растеній, и эти тли проводятъ зиму въ муравейникѣ.»

А вотъ личное наблюденіе другого натуралиста, доказывающее, что тли дѣйствительно могутъ быть названы въ отношеніи къ муравьямъ ручными животными. «Я—удалилъ, говоритъ Дарвинъ, —всѣхъ муравьевъ отъ группы изъ дюжины тлей, сидѣвшихъ на щавелѣ, и не допускалъ къ нимъ муравьевъ втеченіи нѣсколькихъ часовъ. По прошествіи этого времени я былъ убѣжденъ, что тлямъ уже хочется выдѣлять свой сокъ. Я нѣсколько времени смотрѣлъ на нихъ въ лупу, но ни одна изъ нихъ не выдѣляла сока. Затѣмъ я принялся трогать и щекотать ихъ волоскомъ по возможности тѣмъ-же способомъ, какъ щекочутъ ихъ муравьи своими усиками; но ни одна изъ нихъ не выпустила соку. Вслѣдъ затѣмъ я допустилъ къ нимъ муравья, и по дѣятельности, съ которой онъ забѣгалъ вокругъ нихъ, было очевидно, что онъ тотчасъ замѣтилъ, на какое богатое стадо онъ напалъ. Онъ тотчасъ принялся щекотать усиками брюшко сперва одной тли, потомъ другой, и каждая тля, какъ только ощущала прикосновеніе усиковъ, тотчасъ подымала свое брюшко и выдѣляла прозрачную каплю сладкаго сока, которую жадно глоталъ муравей. Даже самыя молодыя тли поступали такъ-же, доказывая тѣмъ, что это—дѣйствіе инстинктивное, но не слѣдствіе опыта. Но такъ какъ выдѣленіе чрезвычайно липко, то тлямъ вѣроятно полезно отдѣлываться отъ него, и поэтому тля вѣроятно выдѣляетъ сокъ инстинктивно не для одного блага муравьевъ».

Къ этому можно прибавить, что тлямъ вообще очень полезно находиться подъ покровительствомъ муравьевъ, и что именно вслѣдствіе этого самыя молодыя тли, по наслѣдственному инстинкту, обращаются съ своими покровителями такъ довѣрчиво, какъ напримѣръ щенокъ или теленокъ обращается съ человѣкомъ.

Если мы сравнимъ обычаи породы Myrmecocystus съ дѣйствіями другихъ муравьевъ, покорившихъ тлей, то мы увидимъ, какъ это даровитое насѣкомое (муравей, а не тля) умѣетъ соображаться съ обстоятельствами. Гдѣ представилось внутри самой породы выгодное видоизмѣненіе, тамъ муравьи довели его до крайнихъ предѣловъ и извлекли изъ него всевозможную пользу для своего общества. Гдѣ такого видоизмѣненія не случилось, тамъ муравьи устроили свои дѣла иначе и доставили себѣ удобства жизни силой собственной изобрѣтательности. Изъ того, что сообщаетъ Фохтъ, можно вывести заключеніе, что муравьи ведутъ свое скотоводство гораздо раціональнѣе, чѣмъ какіе-нибудь киргизы или лапландцы, у которыхъ скотъ—у первыхъ лошади, у вторыхъ сѣверные олени — зимуетъ подъ открытымъ небомъ и кормится чѣмъ Богъ пошлетъ. Разумѣется, это скотоводство муравьевъ развивалось такъ-же послѣдовательно и постепенно, какъ и всѣ остальныя отрасли ихъ общественнаго быта; и навѣрное опыты и соображе-

нія отдѣльныхъ личностей, понемногу входившіе въ сознаніе массъ и превращавшіеся въ прочную привычку, составляютъ единственное основаніе теперешняго господства муравьевъ надъ тлями. Кому-нибудь изъ муравьевъ надо-же было *открыть* тотъ фактъ, что тля даетъ сладкій сокъ; потомъ это *открытіе* должно было распространиться и обобщиться. Прогрессъ совершился вполнѣ сознательно, и если вы съ этимъ не согласитесь, то вы должны будете предположить, что сама природа, создавая муравья, вложила въ его мозгъ понятіе о тлѣ и о ея сокѣ. Отчего-бы не сказать въ такомъ случаѣ, что и въ нашего мужика вложено самой природой понятіе о яровомъ и озимомъ хлѣбѣ?

VII.

У Eciton и у многихъ другихъ муравьевъ личинки, осуждаемыя на безплодіе природой или воспитаніемъ, развиваются по двумъ различнымъ направленіямъ: однѣ становятся воинственными амазонками, а другія—заботливыми и трудолюбивыми хозяйками. Еслибы одна изъ этихъ кастъ развилась въ ущербъ другой, то-есть, еслибы появилось слишкомъ много работниковъ или слишкомъ много воиновъ, то благосостояніе общества пострадало-бы отъ такой перемѣны, потому что въ первомъ случаѣ муравейнику стала-бы угрожать опасность со стороны внѣшнихъ враговъ, а во второмъ случаѣ домашнія работы и воспитаніе дѣтей пришли-бы въ упадокъ. Еслибы это нарушеніе равновѣсія между кастами проявилось въ очень значительныхъ размѣрахъ, то оно могло-бы окончательно погубить общество или породу. Вѣроятно очень многіе муравейники или даже цѣлые виды муравьевъ погибли вслѣдствіе этого обстоятельства. Но натуралистамъ извѣстны двѣ породы, у которыхъ это равновѣсіе совершенно нарушено и которыя, несмотря на то, существуютъ и размножаются; въ основаніи ихъ общественной жизни лежитъ чисто искусственное учрежденіе, играющее очень важную роль въ исторіи человѣчества. Эти двѣ породы сдѣлались совершенно воинственными, *завели себѣ рабовъ* и на нихъ сложили значительную часть хозяйственныхъ и педагогическихъ заботъ. Рабство находится у этихъ двухъ породъ на двухъ различныхъ ступеняхъ развитія. У кровавого муравья (Formica Sangvinea), порабощающаго черныхъ, господа работаютъ вмѣстѣ съ рабами; напротивъ того, у рыжеватаго (Formica Rufescens), захватывающаго бурыхъ, господа ровно ничего не дѣлаютъ и даже разучились ѣсть безъ помощи рабовъ. Всѣ эти факты доказаны прямыми опытами и самыми тщательными наблюденіями Петра Губера, Смита, Дарвина и другихъ первоклассныхъ натуралистовъ. Безплодныя самки рыжеватаго муравья умѣютъ только вести войну, разорять чужіе муравейники и захватывать рабовъ.

«Безполые субъекты кроваваго и рыжеватаго муравьевъ,—говоритъ Карлъ Фохтъ,—встрѣчающихся въ нашихъ мѣстахъ, сами не работаютъ, но предпринимаютъ настоящіе военные походы, нападаютъ на гнѣзда другихъ муравьевъ и похищаютъ оттуда куколки рабочихъ. Большей частью тактика ихъ состоитъ въ томъ, что они внезапно бросаются на сосѣдній муравейникъ, и, когда его обитатели начинаютъ обороняться, тогда главная масса нападающихъ даетъ формальное сраженіе, между тѣмъ какъ отдѣльные отряды обходятъ крылья непріятеля и опустошаютъ его гнѣздо. Послѣ такой борьбы поле сраженія бываетъ покрыто трупами; обѣ стороны кусаютъ другъ друга съ величайшимъ ожесточеніемъ; раненые и неспособные къ борьбѣ подъ прикрытіемъ друзей удаляются изъ свалки въ безопасное мѣсто. Похищенныя куколки развиваются впослѣдствіи въ жилищѣ похитителей и исправляютъ тамъ рабскія обязанности, т. е. принимаютъ на себя всѣ хозяйственныя работы, кормятъ своихъ праздныхъ господъ и ухаживаютъ за ихъ личинками. Такимъ образомъ возникаютъ тѣ смѣшанныя общества муравьевъ, въ которыхъ существуютъ четыре разряда обитателей: самцы, самки и воины (такъ-называемыя амазонки) одного вида и трудящіеся рабы другого вида.» («Зоологическія письма».)

Дарвинъ объясняетъ происхожденіе рабовладѣльческихъ учрежденій тѣмъ, что куколки, захваченныя для съѣденія, случайно развились въ муравейникѣ своихъ похитителей. Муравьи, вышедшіе изъ этихъ куколокъ, по влеченію своего врожденнаго инстинкта, принялись за работу. Это обстоятельство оказалось выгоднымъ для общества, и затѣмъ началось обыкновенное дѣйствіе естественнаго выбора. Эта гипотеза Дарвина очень правдоподобна, но нельзя не замѣтить, что Дарвинъ здѣсь, какъ и вездѣ, оставляетъ совершенно въ сторонѣ сознательную дѣятельность самихъ муравьевъ. Почему дѣлаетъ это Дарвинъ—этого я не знаю. Можетъ-быть потому, что онъ не хочетъ входить въ подробности, неимѣющія прямого отношенія къ его теоріи; а можетъ-быть и потому, что онъ пишетъ для англійскаго общества, которое любитъ, чтобы «всякій сверчокъ зналъ свой шестокъ», и которое слѣдовательно не желаетъ, чтобы ничтожный муравей осмѣливался пускаться въ слишкомъ остроумныя размышленія. Какъ-бы то ни было, я считаю нелишнимъ постоянно выдвигать эту сторону дѣла впередъ и освѣщать ее, какъ можно ярче. Похищенныя куколки развились и новорожденные муравьи начали работать;—прекрасно; но вѣдь эти муравьи по фигурѣ и по цвѣту были совершенно не похожи на воинственныхъ владѣльцевъ муравейника; почему-же хозяева оставили ихъ въ живыхъ, между тѣмъ какъ тѣ-же хозяева имѣли обыкновеніе убивать на войнѣ и съѣдать послѣ побѣды соот-

чественниковъ этихъ муравьевъ? Стало быть, кому-нибудь изъ хозяевъ пришло въ голову, что эти плѣнники своей работой могутъ принести больше пользы, чѣмъ своей смертью. Потомъ еще кому-нибудь пришло въ голову, что можно захватить нѣсколько куколокъ нарочно для того, чтобы сформировать изъ нихъ плѣнныхъ работниковъ. Потомъ, когда эти двѣ мысли распространились и обобщились, воинственные муравьи быстро сообразили, что можно сложить на плѣнниковъ значительную долю тѣхъ домашнихъ работъ, которыми до того времени, по необходимости и съ крайней неохотой, занимались сами хозяева. Тогда одно занятіе за другимъ стало переходить въ руки рабовъ. Хозяева отдали всѣ свои помышленія войнѣ и грабежу и наконецъ избаловались до такой невѣроятной степени, что рабы принуждены въ настоящее время кормить своихъ взрослыхъ и воинственныхъ повелителей, какъ маленькихъ личинокъ.

Рыжеватые муравьи, подобно людямъ, постоянно стремились совершенно сознательно къ тому, что въ каждую данную минуту казалось имъ выгодой или удобствомъ, и, подобно людямъ, они не умѣли смотрѣть вдаль, и потому, въ общемъ результатѣ, эти стремленія къ близкой выгодѣ и къ близкому удобству привели ихъ къ окончательной и неисправимой деморализаціи. Если мы сравнимъ исторію рыжеватаго муравья съ исторіей многихъ рабовладѣльческихъ государствъ, то мы увидимъ поразительное сходство въ расположеніи причинъ и слѣдствій. И здѣсь, и тамъ—сначала война, потомъ рабство и наконецъ деморализація. Это доказываетъ намъ, что какъ только образуется общество, такъ начинается немедленно неотразимое господство соціальныхъ законовъ, которые, подобно всѣмъ остальнымъ законамъ природы, дѣйствуютъ совершенно безстрастно и не допускаютъ никакихъ исключеній.

Отношенія между рыжеватыми муравьями и ихъ бурыми рабами доказываютъ намъ кромѣ того, что инстинкты муравья чрезвычайно гибки не только въ цѣлой породѣ, но и въ каждой отдѣльной личности. Въ самомъ дѣлѣ, всмотритесь въ это обстоятельство: рабы всѣ безплодны, и каждое новое поколѣніе рабовъ набирается посредствомъ новаго похищенія куколокъ. Каждая похищенная куколка родилась въ свободномъ муравейникѣ и провела въ немъ весь личиночный періодъ своей жизни. Стало быть, ни отъ своихъ родителей, ни отъ своихъ первыхъ воспитателей куколка не могла получить ни одной частицы тѣхъ специальныхъ инстинктовъ, которые потребуются отъ нея въ рабовладѣльческомъ муравейникѣ. Изъ куколки выходитъ взрослое насѣкомое и принимается за работу; это конечно наслѣдственный инстинктъ, усиленный воспитаніемъ личинки. Но кормить взрослыхъ муравьевъ—развѣ это наслѣдственный инстинктъ и развѣ онъ могъ быть привитъ личинкѣ такими воспитателями, которые, оставаясь свободными, сами кормятъ только личинокъ? При переселеніяхъ изъ одного муравейника въ другой бурые рабы рыжеватаго муравья берутъ своихъ господъ въ челюсти и переносятъ ихъ на новоселье. Этотъ обычай также не существуетъ въ свободномъ муравейникѣ, и слѣдовательно тутъ также не можетъ быть рѣчи о наслѣдственности. Какимъ-же образомъ эти особенные обычаи сформировались и поддерживаются? Тутъ можетъ быть только одинъ отвѣтъ. Когда первыя поколѣнія бурыхъ рабовъ вышли изъ похищенныхъ куколокъ, тогда рыжеватые рабовладѣльцы сами принялись за воспитаніе этихъ новорожденныхъ муравьевъ и переработали ихъ естественныя наклонности сообразно съ своими собственными требованіями. Потомъ взрослые и вышколенные рабы стали помогать своимъ господамъ въ воспитаніи новичковъ, съ которыми эти старые рабы были связаны какъ единствомъ происхожденія, такъ и одинаковостью общественнаго положенія. Наконецъ, когда господа совсѣмъ облѣнились, рабы приняли на себя всю эту заботу вмѣстѣ со всѣми остальными хозяйственными распоряженіями. Это доказываетъ намъ, что муравей можетъ воспитать другого муравья, не только въ физическомъ смыслѣ кормленія, какъ рабочіе воспитываютъ личинокъ, но и... но и... въ умственномъ и соціальномъ.

Между первымъ поколѣніемъ господъ и первымъ поколѣніемъ рабовъ не могли существовать тѣ отношенія, которыя существуютъ теперь между этими двумя классами въ рабовладѣльческихъ обществахъ. До появленія первыхъ рабовъ рыжеватый муравей самъ работалъ; не могъ же онъ тотчасъ послѣ ихъ появленія вдругъ выдумать, что онъ самъ не въ состояніи даже ѣсть. Такой штуки не выдумаетъ сразу ни муравей, ни человѣкъ. Впослѣдствіи это нововведеніе также не могло появиться вдругъ, потому что всякій нелѣпый обычай вводится только нечувствительно, такъ, что къ нему присматриваются и привыкаютъ понемногу. Обычай устанавливается самъ собою, а не выдумывается. Стало быть, каждое новое поколѣніе господъ и рабовъ медленно и незамѣтно измѣняло что-нибудь въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Дни шли за днями, недѣли за недѣлями, и одинъ день былъ не похожъ на другой, и одна недѣля еще менѣе была похожа на другую. Молодые рабы перенимали привычки старыхъ, но потомъ, во время своей жизни, измѣняли эти привычки и въ этомъ измѣненномъ видѣ передавали ихъ новому поколѣнію, которое въ свою очередь производило въ нихъ перемѣны.

Мудреное, очень мудреное животное этотъ муравей! Личный умъ, индивидуальная изобрѣтательность, разнообразіе характеровъ и наклонностей, цѣлесообразное воспитаніе, смѣна поко-

лѣній, ведущая за собою смѣну обычаевъ, развитая общественная жизнь съ ошибками и уклоненіями, умѣнье пользоваться обстоятельствами, способность участвовать сознательными усиліями ума въ прогрессѣ собственной породы — все это мы находимъ у муравья и все это вмѣстѣ несомнѣнно обезпечиваетъ за нимъ первое мѣсто въ громадномъ отдѣлѣ членистыхъ или суставчатыхъ животныхъ. Но для насъ должны быть еще гораздо важнѣе тѣ общія мысли, на которыя наводитъ насъ весь этотъ длинный и между тѣмъ чрезвычайно отрывочный и неполный очеркъ муравьинаго житья-бытья. Прочитавши эти страницы, читатель быть-можетъ убѣдится въ томъ, что прогрессъ дѣйствительно существуетъ въ мірѣ животныхъ и растеній.

Въ заключеніе я представлю бѣглый очеркъ геологическихъ, географическихъ, эмбріологическихъ и анатомическихъ доказательствъ теоріи Дарвина.

Геологические документы.

I.

Если вы имѣете нѣкоторое понятіе о геологіи, но если понятіе это довольно поверхностно, то вы, читатель мой, по всей вѣроятности думаете, что геологія можетъ и должна рѣшить безапелляціонно вопросъ о достоинствѣ теоріи Дарвина. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ формы животныхъ и растеній измѣнялись постепенно и чрезвычайно медленно, то въ различныхъ пластахъ земной коры должны находиться несомнѣнные слѣды и очевидныя доказательства этихъ послѣдовательныхъ измѣненій. Если напримѣръ волкъ, шакалъ и лисица произошли отъ одного вида, послужившаго родоначальникомъ всему собачьему семейству, то геологи и палеонтологи, то есть историки нашей планеты и ея органической жизни, должны показать намъ скелетъ этого родоначальника и кромѣ того скелеты его потомковъ, постепенно принимающихъ на себя фигуру волка, шакала и лисицы. Требованіе это повидимому очень естественно и законно; кость можетъ сохраняться очень долго, а лишь бы только найти двѣ-три кости животнаго — и палеонтологи тотчасъ опредѣлятъ, къ какому виду оно принадлежало и какова была его внѣшняя фигура. Уже Кювье по одной кости животнаго умѣлъ возстановлять весь портретъ исчезнувшей породы, а послѣ Кювье палеонтологія и сравнительная анатомія сдѣлали много новыхъ успѣховъ. Поэтому я повторяю, что требованіе на счетъ родоначальника собачьей породы и насчетъ его видоизмѣняющихъ потомковъ можетъ показаться вполнѣ справедливымъ не только какому-нибудь профану, вродѣ меня или моего читателя, но даже и натуралисту, не успѣвшему вглядѣться въ дѣйствительныя затрудненія такого запроса. Очень дѣльные люди до сихъ поръ пристаютъ къ Дарвину съ такими требованіями и возраженіями. Если, говорятъ они, различныя породы животныхъ развиваются одна изъ другой, то покажите намъ скелеты или по крайней мѣрѣ кости всѣхъ переходныхъ формъ. А если не покажете, то, значитъ, породы не измѣняются, значитъ, исчезнувшія животныя и растенія не находятся въ родственной связи съ теперешними органическими формами, и, значитъ, вся ваша теорія есть не что иное, какъ произведеніе блестящей, но безполезной фантазіи.

Все это приставаніе и весь этотъ процессъ доказательствъ очень неосновательны. *Во-первыхъ*, только Европа и Соединенные Штаты изслѣдованы до сихъ поръ въ геологическомъ отношеніи хоть сколько-нибудь удовлетворительно. Азія, Африка, Южная Америка и Австралія, то есть слишкомъ четыре пятыхъ всего существующаго материка, совершенно не тронуты. *Во-вторыхъ*, даже изслѣдованныя части чуть не каждый годъ изумляютъ геологовъ новыми фактами, которые производятъ радикальные перевороты въ постановкѣ и въ разрѣшеніи самыхъ важныхъ и самыхъ интересныхъ вопросовъ. *Въ-третьихъ*, кости, раковины и вообще всѣ твердыя части животныхъ и растительныхъ организмовъ, несмотря на свою твердость, все-таки разлагаются и могутъ быть сохранены въ цѣлости только благодаря стеченію особенно благопріятныхъ и чисто исключительныхъ обстоятельствъ. Такимъ образомъ оказывается, что современная геологія знаетъ только ничтожную частицу изъ всей массы существующихъ органическихъ остатковъ; а эти существующіе остатки въ свою очередь составляютъ также очень ничтожную частицу изъ всей массы существовавшихъ организмовъ. Пройдутъ десятки вѣковъ прежде, чѣмъ геологи отроютъ всѣ окаменѣлости, лежащія въ различныхъ пластахъ земной коры, подъ различными географическими широтами и долготами. Легко можетъ быть, что *всѣ* существующія окаменѣлости никогда не будутъ отрыты и собраны, но еслибы даже это и случилось, то и тогда было-бы совершенно неосновательно воображать себѣ, что музеумъ, обладающій всѣми этими палеонтологическими сокровищами, можетъ дать мыслящему натуралисту полное и отчетливое понятіе обо всемъ историческомъ развитіи органической жизни. О теперешнемъ же положеніи нашихъ палеонтологическихъ коллекцій нечего и говорить. Ученые, занимающіеся геологіей, обнаруживаютъ изумительную проницательность и довели точность своихъ научныхъ пріемовъ и строгость своихъ наблюденій и умозаключеній до невѣроятной степени совершенства, но, несмотря на это обстоятельство, геологія и палеонтологія, по недостаточному количеству наличныхъ матеріаловъ, находятся еще въ полномъ младенчествѣ и, какъ подростающія дѣти, постоянно измѣняютъ свою физіономію.

Сто лѣтъ тому назадъ геологія и палеонтологія не существовали. Вольтеръ былъ человѣкъ очень неглупый, но когда онъ начинаетъ разсуждать объ исторіи нашей планеты, то вамъ кажется, будто вы слышите судью Ляпкина-Тяпкина или Кифу Мокіевича. Ему говорятъ напримѣръ, что въ альпійскихъ горахъ найдены окаменѣлыя раковины такихъ животныхъ, которыя въ настоящее время живутъ въ Средиземномъ морѣ, у береговъ Сиріи; а онъ по этому поводу представляетъ соображенія, что эти раковины занесены туда какими-нибудь пилигримами, которые сначала посѣтили Палестину, а потомъ отправились въ Римъ изъ Германіи или изъ Франціи. Шли они черезъ Альпы, ну, и обронили раковину, взятую съ сирійскихъ береговъ Средиземнаго моря. Такое легкое и живое объясненіе предлагалось Вольтеромъ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія; Вольтеръ не былъ спеціалистомъ, но его нельзя назвать профаномъ; онъ очень хорошо понималъ великое значеніе естественныхъ наукъ и слѣдилъ за ихъ успѣхами съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ; поэтому ясно, что во второй половинѣ XVIII вѣка самые образованные люди не имѣли понятія объ исторіи земного шара и даже не подозрѣвали возможности возсоздать основныя черты этой исторіи по различнымъ пластамъ земной коры и по различнымъ окаменѣлостямъ, заключеннымъ въ этихъ пластахъ. Выводя на сцену своихъ пилигримовъ, обронившихъ раковину, Вольтеръ даже не задаетъ себѣ вопроса о томъ, на какой глубинѣ открыта эта раковина, въ какой почвѣ она лежала, какіе слѣды оставила на ней эта почва. Всѣ эти вопросы для него не существуютъ, и онъ даже сомнѣвается въ томъ, чтобы можно было отличить морскую раковину отъ прѣсноводной или сухопутной. Когда-же нѣкоторые ученые осмѣливаются высказать потихоньку скромное предположеніе, что можетъ быть Альпы были въ доисторическія времена покрыты моремъ, тогда Вольтеръ схватываетъ себя за бока и начинаетъ хохотать самымъ искреннимъ и неумолимымъ смѣхомъ.

Такимъ образомъ можно сказать, что геологія родилась послѣ Вольтера, послѣ Бюффона, послѣ французской революціи, то есть въ началѣ нынѣшняго столѣтія. У этого новорожденнаго ребенка явилось тотчасъ множество дѣтскихъ болѣзней: первые геологи, и во главѣ ихъ великій Кювье, стали толковать о катаклизмахъ и переворотахъ и начали изъ отрытыхъ костей и раковинъ строить хитрѣйшіе планы и системы мірозданія. Тридцать лѣтъ тому назадъ Кювье говорилъ, что нѣтъ и не можетъ быть ни ископаемыхъ обезьянъ, ни ископаемыхъ людей, и приводилъ въ пользу этого мнѣнія даже теоретическія основанія. Эти основанія очень хороши и убѣдительны, но къ сожалѣнію нашлись ископаемыя обезьяны и даже ископаемые люди.

«Только двадцать лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Карлъ Фохтъ въ своихъ лекціяхъ о человѣкѣ,—учился я у Агассиза слѣдующимъ истинамъ: первичныя образованія, палеозойскія формаціи=царство рыбъ; въ это время нѣтъ пресмыкающихся и не могло ихъ быть, потому что это было-бы противно плану мірозданія;—вторичныя образованія (тріасъ, юра, мѣлъ)=царство пресмыкающихся; нѣтъ млекопитающихъ и не могло ихъ быть по той-же самой причинѣ;—третичные пласты=царство млекопитающихъ; нѣтъ людей и не можетъ ихъ быть;—нынѣшнее твореніе = царство человѣка. Куда дѣвалась теперь эта теорія со всѣми своими исключительностями? Пресмыкающіяся въ девонскихъ пластахъ, пресмыкающіяся въ каменномъ углѣ, пресмыкающіяся въ діасѣ—прощай, царство рыбъ!—Млекопитающія въ юрѣ, млекопитающія въ пурбекскомъ известнякѣ, который причисляется нѣкоторыми учеными къ нижнимъ слоямъ мѣловой формаціи — до свиданія, царство пресмыкающихся! — Люди въ верхнихъ третичныхъ пластахъ, люди въ намывныхъ слояхъ—приходи въ другой разъ, царство млекопитающихъ!»

Открытіе ископаемыхъ людей было особенно жестокимъ ударомъ для заносчивости ревностныхъ систематиковъ, и ударъ этотъ нанесенъ имъ очень недавно, всего лѣтъ пять тому назадъ. Особенно сокрушительно для нихъ то обстоятельство, что открытіе это сдѣлано не въ Австраліи, не въ Африкѣ, даже не въ Азіи, а именно въ Европѣ, да еще во Франціи и въ Англіи, то есть какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были изслѣдованы тщательнѣе, чѣмъ всѣ остальныя мѣстности земного шара. Если въ такихъ извѣстныхъ странахъ возможны до настоящей минуты новыя открытія колоссальной важности, то повидимому систематикамъ остается только замолчать или публично признаться въ томъ, что бѣдность матеріаловъ еще не позволяетъ геологамъ и палеонтологамъ заниматься сооруженіемъ системъ и произносить какіе-бы то ни было приговоры на счетъ различныхъ особенностей органической жизни въ отдаленномъ прошедшемъ. Даровитѣйшіе изъ современныхъ геологовъ, и во главѣ ихъ знаменитый Чарльзъ Ляйелль, истребитель катаклизмовъ и переворотовъ, вполнѣ сознаютъ безсиліе своей науки и никакъ не рѣшаются поражать теорію Дарвина тѣмъ возраженіемъ, что наши палеонтологическія коллекціи не представляютъ безчисленнаго множества переходныхъ формъ. Они очень хорошо понимаютъ, что въ геологіи отрицательныя доказательства не имѣютъ ни малѣйшей силы. Геологъ говоритъ: «такое-то животное существовало въ такую-то эпоху, потому что въ такой-то формаціи находятся его кости», — это дѣло. Но геологъ не можетъ сказать: «такое-то животное не существовало въ такую-то эпоху, потому что въ такой-то формаціи *нѣтъ* его ко-

стей»,—это была-бы чепуха. *Нѣтъ* на языкѣ геологовъ значитъ: *мы не нашли.* Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Не нашли сегодня, можете найти завтра. А если даже и совсѣмъ не найдете, то и это еще ничего не доказываетъ. Животное могло существовать, а кости его могли не сохраниться. Кости, раковины и другіе органическіе остатки сохраняются втеченіи цѣлыхъ геологическихъ эпохъ только тогда, когда они покрываются очень толстымъ наносомъ минеральныхъ частицъ,—такимъ наносомъ, который можетъ ихъ защищать отъ разрушительнаго дѣйствія воздуха, воды, различныхъ кислотъ. Гдѣ нѣтъ такого наноса, тамъ самая твердая кость разлагается и уничтожается безъ слѣда, хоть конечно на такое уничтоженіе требуется нѣсколько столѣтій. Но такіе предохранительные наносы образуются преимущественно изъ тѣхъ минеральныхъ частицъ, которыя осаждаются на дно морей, озеръ и рѣкъ. Чтобы кость сохранилась, она должна попасть въ одно изъ такихъ водовмѣстилищъ и покрыться минеральнымъ осадкомъ, прежде нежели ее истребитъ разрушительное дѣйствіе воды и водяныхъ животныхъ. Поэтому не трудно понять, что во всѣхъ пластахъ земной коры остатки морскихъ и прѣсноводныхъ животныхъ встрѣчаются въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ кости млекопитающихъ и птицъ, то есть такихъ животныхъ, которыя живутъ и умираютъ на сушѣ. Кость какого-нибудь мамонта или медвѣдя можетъ сохраниться только тогда, когда она *случайно* попадетъ, уже послѣ смерти животнаго, въ ложе рѣки или озера, или-же тогда, когда она такъ или иначе будетъ занесена въ такую пещеру, въ которой известковая вода, просачиваясь черезъ разныя щели, образуетъ на полу и на стѣнахъ твердую кору сталагмитовъ и сталактитовъ. Эта кора понемногу покроетъ занесенную кость и предохранитъ ее отъ разложенія. Нѣкоторыя породы исчезнувшихъ животныхъ извѣстны намъ исключительно по тѣмъ костямъ, которыя сохранились въ такихъ пещерахъ; эти животныя такъ и называются *пещерными*, напримѣръ пещерный медвѣдь (Ursus Spelaeus), пещерная гіена (Hyaena Spelaea). Понятно, что только очень незначительное количество костей могло сохраниться такимъ путемъ. Огромное-же большинство погибло безъ остатка, то-есть пошло опять въ общій круговоротъ жизни и превратилось въ составныя части новыхъ растеній и новыхъ животныхъ. Иначе и быть не можетъ, и только Кифа Мокіевичъ способенъ былъ-бы вообразить себѣ, что кости всѣхъ животныхъ, существовавшихъ съ самаго начала органической жизни, могутъ сохраниться въ цѣлости. На земномъ шарѣ втеченіи неизмѣримаго ряда тысячелѣтій жили и умирали неисчислимые милліоны и милліарды животныхъ; ихъ кости въ общей сложности составляютъ такую груду, которая навѣрное въ нѣсколько тысячъ разъ превышаетъ объемъ всей нашей планеты. Ясно стало быть, что кости умершихъ поколѣній постоянно идутъ на сооруженіе костей живущихъ организмовъ. Недавно въ Англіи случился очень извѣстный примѣръ такого употребленія костей. Замѣчено было, что честерскій сыръ начинаетъ терять свои превосходныя качества. Стали изслѣдовать причину: оказалось, что въ молокѣ тамошнихъ коровъ не достаетъ нѣкоторыхъ составныхъ частей; эти составныя части получаются изъ пищи; стали анализировать пищу и нашли наконецъ, что вся бѣда происходитъ отъ истощенія почвы тѣхъ луговъ, на которыхъ пасутся честерскія коровы. Разыскали, чего именно не достаетъ въ почвѣ, и пополнили этотъ недостатокъ слѣдующимъ образомъ. Разрыли ватерлооское поле, привезли на нѣсколькихъ корабляхъ кучи человѣческихъ и лошадиныхъ костей, смололи все это на паровыхъ мельницахъ, и этимъ костянымъ порошкомъ усыпали истощившіеся луга. Честерскій сыръ немедлено исправился, но сама природа съ незапамятныхъ временъ дѣлаетъ то, чему наши химики выучились только въ нынѣшнемъ столѣтіи.

«Кажется, — говоритъ Ляйелль, — въ планъ природы не входитъ сохранять продолжительное свидѣтельство о значительномъ количествѣ растеній и животныхъ, которыя жили на поверхности земли. Напротивъ, повидимому ея главная забота состоитъ въ доставленіи средствъ избавить удобную для жительства поверхность земли, покрытую или непокрытую водою, отъ этихъ миріадъ плотныхъ скелетовъ и огромныхъ стволовъ, которые безъ этого вскорѣ-бы запрудили рѣки и засыпали долины. Чтобы избѣгнуть этого неудобства, она прибѣгаетъ къ теплотѣ солнца, къ влажности атмосферы, къ растворяющей силѣ угольной и другихъ кислотъ, къ зубамъ хищныхъ, къ желудку четвероногихъ, птицъ, пресмыкающихся и рыбъ, и къ дѣйствію множества безпозвоночныхъ животныхъ.» (*Ляйелль.* «Древность человѣка». Русскій переводъ Ковалевскаго).

Къ немалому огорченію геологовъ и палеонтологовъ, всѣ эти разрушители, крупные и мелкіе, неодушевленные и одушевленные, исполняютъ свою обязанность превосходно и уничтожаютъ все, что только можетъ быть уничтожено. Осушеніе Гаарлемскаго озера, произведенное голландскимъ правительствомъ въ 1853 году, обнаружило въ полномъ блескѣ изумительную силу всѣхъ этихъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ враговъ геологіи и палеонтологіи. Озеро это покрывало поверхность въ 45,000 квадратныхъ акровъ; на его водахъ произошло много кораблекрушеній и много морскихъ битвъ, въ которыхъ погибли сотни голландскихъ и испанскихъ матросовъ; антикваріи нашли въ ложѣ этого озера обломки судовъ и оружіе шестнадцатаго вѣка,

но во всемъ озерѣ не нашлось ни одной человѣческой кости. Неправда-ли, какъ остроумно было-бы придавать этому отрицательному доказательству значеніе серьезнаго аргумента? А геологъ, приводящій какое-бы то ни было отрицательное доказательство, никогда не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ не попадаетъ въ такой же точно просакъ. Въ Сѣверной Франціи, въ долинѣ Соммы, въ дилювіальныхъ или намывныхъ пластахъ рядомъ съ костями мамонтовъ и другихъ угасшихъ животныхъ найдено множество кремневыхъ орудій самой грубой работы. Кто дѣлалъ эти топоры и ножи? — Люди, современные мамонту. А гдѣ кости этихъ людей? — Костей нѣтъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Да ровно ничего не слѣдуетъ. Надо ждать, пока найдутся кости. Подождали. И дѣйствительно, въ той же самой формаціи отыскалась человѣческая челюсть. Ну, а еслибы эта челюсть не нашлась, тогда что? — И тогда ничего-бы не воспослѣдовало. Все-таки топоры и ножи не могли обтесаться сами собою, и мамонты также ихъ не могли обтесать, значитъ, присутствіе или отсутствіе человѣческихъ костей нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Очень пріятно, если человѣческія кости найдутся, потому что тогда можно будетъ сдѣлать кое-какія заключенія объ анатомическомъ строеніи этого первобытнаго племени, но, хоть бы не осталось ни одной человѣческой кости, все-таки существованіе человѣка въ эпоху мамонтовъ оказывается несомнѣннымъ и неопровержимымъ фактомъ.

«Между тѣмъ, — говоритъ Ляйелль, — отсутствіе всякаго слѣда костей, принадлежащихъ народонаселенію, оставившему столько готовыхъ и неоконченныхъ орудій, представляетъ поразительный урокъ относительно того значенія, которое мы должны придавать этимъ отрицательнымъ доказательствамъ, приводимымъ въ пользу несуществованія нѣкоторыхъ классовъ земныхъ животныхъ въ данную эпоху прошедшаго. Это — новое и замѣчательное доказательство крайняго несовершенства нашихъ геологическихъ данныхъ, — несовершенства, о которомъ даже тѣ, которые постоянно работаютъ на этомъ поприщѣ, съ трудомъ могутъ составить себѣ вѣрное понятіе.»

«По нашему незнанію геологіи иныхъ странъ, кромѣ Европы и Соединенныхъ Штатовъ, — говоритъ Дарвинъ, — и по тѣмъ переворотамъ въ нашихъ геологическихъ воззрѣніяхъ, которые произошли отъ открытій послѣднихъ двѣнадцати годовъ, мнѣ кажется, что мы имѣемъ столько-же права дѣлать общіе выводы о послѣдовательномъ появленіи организмовъ на земномъ шарѣ, сколько имѣлъ-бы натуралистъ, посѣтившій на пять минутъ пустынный берегъ Австраліи, право разсуждать о количествѣ и свойствѣ ея естественныхъ произведеній.»

«Развивая метафору Чарльза Ляйелля, — говоритъ Дарвинъ въ другомъ мѣстѣ, — я считаю нашу геологическую лѣтопись за исторію міра, веденную непостоянно и написанную на измѣнчивомъ нарѣчіи. Изъ этой исторіи намъ доступенъ лишь послѣдній томъ, относящійся къ двумъ-тремъ странамъ. Изъ этого тома лишь тамъ и сямъ сохранилась краткая глава и изъ каждой страницы — лишь нѣсколько безсвязныхъ строкъ.»

Такимъ образомъ для насъ становится ясной та истина, что геологія не имѣетъ никакого права и ни малѣйшей возможности произносить надъ теоріей Дарвина въ ту или въ другую сторону окончательный приговоръ. Мы должны только разсмотрѣть вопросъ, примиряются-ли съ теоріей Дарвина тѣ немногіе *положительные* факты, которые составляютъ прочное и неотъемлемое достояніе современной геологіи.

II.

Рыбы появляются въ первый разъ въ девонскихъ пластахъ, принадлежащихъ къ первичной, то есть къ древнѣйшей формаціи. Прежде всѣхъ другихъ рыбъ появляются такъ-называемыя *ганоидныя* рыбы, которыхъ число и разнообразіе постоянно увеличиваются и наконецъ достигаютъ высшей степени развитія въ юрскихъ пластахъ, составляющихъ средину вторичной формаціи. Затѣмъ въ мѣловыхъ слояхъ, лежащихъ надъ юрской почвой, ганоиды начинаютъ слабѣть и исчезать; этотъ постепенный упадокъ возрастаетъ въ третичныхъ пластахъ и наконецъ въ настоящее время порядокъ ганоидныхъ рыбъ, наполнявшій своими разнообразными представителями всѣ воды юрскаго періода, заключаетъ въ себѣ всего семь родовъ, живущихъ только въ немногихъ рѣкахъ, гдѣ борьба за существованіе не такъ сильна, какъ въ морѣ. Такая строгая постепенность въ появленіи, въ размноженіи и въ вымираніи породъ находится въ полномъ согласіи съ теоретическими требованіями Дарвина. Но рыбы другого порядка, *костистыя*, въ этомъ отношеніи ведутъ себя совершенно неприлично. Онѣ появляются внезапно, цѣлой группой видовъ и родовъ въ нижнихъ ярусахъ мѣловой эпохи. Вотъ видите, говорятъ Агассизъ, Пикте, Седжвикъ и другіе палеонтологи, видите: онѣ появляются внезапно. Гдѣ-же ихъ постепенное развитіе? Значитъ, онѣ *всѣ вдругъ* были созданы въ началѣ мѣлового періода. И совсѣмъ не «значитъ». Тутъ опять пущено въ ходъ отрицательное доказательство, и мы должны строго разграничить область дѣйствительныхъ фактовъ отъ области произвольныхъ толкованій и предположеній. Въ чемъ состоитъ голый фактъ? Въ томъ, что многія породы костистыхъ рыбъ жили во время мѣлового періода и оставили свои кости и слѣды въ мѣловой формаціи. Затѣмъ начинаются предположенія, противъ которыхъ Дарвинъ, съ своей точки зрѣнія, можетъ выставить много

другихъ предположеній, гораздо болѣе естественныхъ и правдоподобныхъ. *Во-первыхъ*, костистыя рыбы могли жить задолго до начала мѣловой эпохи въ моряхъ и рѣкахъ тѣхъ странъ, которыя до сихъ поръ не изслѣдованы въ геологическомъ отношеніи. Такихъ морей и рѣкъ слишкомъ достаточно, потому что геологи до сихъ поръ не знаютъ почти ни одной ископаемой рыбы, жившей въ южномъ полушаріи. Стало быть, въ этихъ неизслѣдованныхъ мѣстностяхъ порядокъ костистыхъ рыбъ могъ преспокойно возникнуть, усилиться и раздѣлиться на множество ясно обозначенныхъ семействъ, родовъ и видовъ; потомъ, проживши такимъ образомъ въ южныхъ водахъ сотни тысячелѣтій, онъ могъ наконецъ во время мѣлового періода проникнуть и въ тѣ моря, которыя омывали тогдашніе берега Европы. *Во-вторыхъ*, намъ необходимо помнить, что отдѣльныя геологическія формаціи ложились другъ на друга не иначе, какъ съ громадными антрактами. Если сегодня кончилось накопленіе юрскихъ слоевъ, то съ завтрашняго дня никакъ не можетъ начаться напластованіе слѣдующей мѣловой формаціи. Еслибы дѣло происходило такимъ образомъ, то не было-бы никакой возможности отличить мѣлъ отъ юры. Различныя геологическія эпохи отличаются одна отъ другой особенностями тѣхъ органическихъ остатковъ, которые заключены въ ихъ пластахъ. Стало быть, конецъ одной геологической эпохи и начало другой наступаютъ тогда, когда появляются слѣды новой флоры и новой фауны *), то есть, когда во всей совокупности растеній и животныхъ обнаруживается рѣзкое и сильное измѣненіе, а такія измѣненія производятся только многими сотнями тысячелѣтій.

Вотъ примѣръ изъ книги Ляйелля «Древность человѣка»: «Мы уже видѣли, — говоритъ Ляйелль,—что всѣ растенія и прѣсноводныя и морскія раковины «лѣсного слоя» и рѣчно-морскихъ пластовъ Норфолька совершенно тождественны съ видами нынѣшней европейской фауны и флоры, такъ что, если на подобнаго рода слой отложилась-бы морская или прѣсноводная формація настоящаго періода, она-бы расположилась соотвѣтственными слоями и содержала-бы какъ ту же фауну безпозвоночныхъ, такъ и ту-же флору. Расположенные такимъ образомъ пласты назывались-бы одновременными въ обыкновенной геологической номенклатурѣ, не только какъ принадлежащіе къ той-же эпохѣ, но и какъ относящіеся къ тому-же подраздѣленію части одной и той же эпохи, хотя на самомъ дѣлѣ они и были-бы раздѣлены промежуткомъ времени въ нѣсколько сотенъ тысячъ лѣтъ».

Въ геологическомъ отношеніи лордъ Пальмерстонъ и самъ сэръ Чарльзъ Ляйелль могутъ быть названы современниками мамонтовъ и пещерныхъ медвѣдей, но животныя юрской эпохи не могутъ быть названы современниками животныхъ мѣлового періода. Стало быть, антрактъ между юрой и мѣломъ, то есть между двумя пластами, лежащими непосредственно одинъ на другомъ, несравненно длиннѣе, чѣмъ тотъ промежутокъ времени, который отдѣляетъ XIX столѣтіе отъ эпохи мамонтовъ. Какъ великъ антрактъ между двумя геологическими формаціями, этого никто не можетъ сказать даже приблизительно. Что происходило въ этомъ антрактѣ — этого также никто не знаетъ. Костистыя рыбы въ это время могли возникнуть и развиться, или онѣ могли переселиться въ сѣверныя моря изъ южныхъ, а потомъ, когда началось напластованіе мѣловой формаціи, эти рыбы оказались уже многочисленными и разнообразными. *Въ-третьихъ*, вопросъ о костистыхъ рыбахъ, благодаря новымъ открытіямъ, начинаетъ подвергаться той участи, которую уже испыталъ въ наше время вопросъ объ ископаемыхъ обезьянахъ и объ ископаемыхъ людяхъ. Пикте открылъ недавно, что костистыя рыбы существовали *даже въ Европѣ* раньше мѣловой эпохи. Кромѣ того есть какія-то рыбы, гораздо болѣе древнія, о которыхъ между палеонтологами идетъ споръ, неразрѣшенный еще до настоящей минуты. Одни говорятъ, что эти рыбы — костистыя, другіе находятъ, что это — ганоиды или хрящевыя рыбы. А для теоріи Дарвина очень благопріятно именно то обстоятельство, что характеръ этихъ спорныхъ рыбъ оказывается неясно обозначеннымъ. Вотъ она и есть — переходная форма, отошедшая прочь отъ одного порядка и еще не возвысившаяся до другого. Но, разумѣется, натуралисты, абсолютно не желающіе признавать никакихъ переходовъ, всегда съумѣютъ обойти это непріятное слово. Если переходная форма слабо уклонилась отъ первобытной, они скажутъ, что это разновидность—varietas. А уклонилась посильнѣе—ну, значитъ — это новый видъ — species, возникшій совершенно самостоятельно. Перехода нѣтъ, но его нѣтъ въ словахъ, а на дѣлѣ-то онъ все-таки существуетъ. Оттого и происходитъ напримѣръ такая исторія: въ верхнихъ пластахъ третичной формаціи находится множество раковинъ, почти совершенно сходныхъ съ тѣми раковинами, которыя живутъ въ прѣсныхъ и морскихъ водахъ нашего періода. Большинство натуралистовъ говоритъ, что это однѣ и тѣ-же раковины; но другіе первоклассные авторитеты, напримѣръ Пикте и Агассизъ, утверждаютъ, что между третичными и нынѣшними раковинами существуетъ видовое различіе. И тѣ, и другіе правы: различіе дѣйствительно существуетъ, а раковины, то есть породы моллюсковъ,—тѣ-же самыя; потомокъ не вполнѣ похожъ на своего предка, точно такъ-же, какъ англійская лошадь не вполнѣ похожа на

*) Не знаю, есть-ли надобность пояснять, что фауной называется совокупность животныхъ, а флорой совокупность растеній. На всякій случай поясняю.

арабскую, какъ теперешняя груша не вполнѣ похожа на грушу временъ Плинія, или какъ курносый турманъ не вполнѣ похожъ на дикаго голубя. Моллюски понемногу переродились, но сотни тысячелѣтій произвели въ нихъ меньше перемѣны, чѣмъ десятки лѣтъ производятъ въ домашнихъ животныхъ. Только такимъ медленнымъ перерожденіемъ моллюсковъ и можно объяснить то странное несогласіе, которое возникаетъ по поводу ихъ раковинъ между опытными спеціалистами. Еслибы была возможность опредѣлить совершенно точно различіе между разновидностью и видомъ, то натуралисты давнымъ-давно установили-бы незыблемую границу между этими двумя понятіями. Но нельзя установить эту границу, потому что она не существуетъ въ живой природѣ, а признать ея несуществованіе—значитъ принять теорію Дарвина со всѣми ея неизбѣжными выводами. Многіе порядки животныхъ появляются въ геологическихъ формаціяхъ такъ-же внезапно, какъ костистыя рыбы, но во всѣхъ этихъ случаяхъ внезапность появленія не даетъ намъ права заключать, что эти порядки внезапно возникли. Полное недовѣріе къ отрицательнымъ доказательствамъ должно служить намъ необходимой защитой противъ всякихъ геологическихъ иллюзій.

III.

По теоріи Дарвина, всѣ положительные факты, добытые современной геологіей, объясняются совершенно удовлетворительно. При всякомъ другомъ взглядѣ на органическую жизнь значеніе и общая связь этихъ положительныхъ фактовъ остаются совершенно непонятными. Если мы посмотримъ на царство животныхъ въ его теперешнемъ положеніи, то замѣтимъ, что нѣкоторыя группы рѣзко отдѣляются другъ отъ друга, но пробѣлъ, существующій между этими группами, пополняется въ значительной степени или даже совершенно исчезаетъ, когда мы начинаемъ изучать живыя формы въ связи съ ископаемыми организмами. Семейство травоядныхъ китовъ (Sirenia) очень ясно отдѣляется отъ толстокожихъ животныхъ (Pachidermata), то есть отъ слоновъ, тапировъ, носороговъ, бегемотовъ и свиней; но вымершія породы *динотеріевъ* и *токсодонтовъ* становятся какъ разъ посерединѣ между китами и слонами. По формѣ тѣла и заднихъ оконечностей динотерій былъ китомъ, а по устройству зубовъ и хобота онъ оказывается близкимъ родственникомъ слона. Толстокожія рѣзко отличаются отъ жвачныхъ. Какое сходство въ самомъ дѣлѣ можно найдти между свиньей и овцой, между слономъ и оленемъ, между носорогомъ и верблюдомъ? Но исчезнувшее семейство *аноплотеридовъ* составляетъ переходъ отъ толстокожихъ къ жвачнымъ, и классификаторы не знаютъ навѣрное, къ какому порядку должно быть отнесено это семейство.

Такимъ образомъ китъ, слонъ и баранъ оказываются дальними родственниками, и родство ихъ можетъ быть доказано даже тѣми скудными средствами, которыми располагаетъ современная палеонтологія. Ящерицы рѣзко отдѣляются отъ птицъ, но въ юрскомъ періодѣ жили крылатыя ящерицы (pterodactylia), и въ соленгофенскихъ пластахъ найдена даже ящерица, покрытая перьями. По словамъ Дарвина, можно было-бы наполнить цѣлыя страницы доказательствами, что «вымершія животныя занимаютъ середину между нынѣ живущими группами». И особенно интересно то обстоятельство, что всѣ эти доводы можно цѣликомъ заимствовать изъ сочиненій великаго палеонтолога Оуэна, который на теорію Дарвина смотритъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. Другой первоклассный ученый, Баррандъ, также горячій противникъ дарвиновскаго легкомыслія, говоритъ, что безпозвоночныя животныя прошедшихъ геологическихъ періодовъ «принадлежатъ къ однимъ порядкамъ, семействамъ и родамъ съ нынѣ живущими, но не были въ тѣ времена разграничены на такія рѣзкія группы, какъ нынѣ».

Если всѣ видовыя формы были сначала мелкими разновидностями, и если каждая разновидность возникла и развилась изъ незамѣтной индивидуальной особенности, то причина этого явленія, подмѣченнаго Оуэномъ, Баррандомъ и всѣми другими палеонтологами, совершенно понятна. Но если каждый видъ возникъ отдѣльно и остается неизмѣннымъ вплоть до своего исчезновенія, то невозможно объяснить себѣ, почему животныя древнихъ формацій вообще не такъ рѣзко раздѣлены на видовыя, родовыя и семейныя группы, какъ животныя текущаго періода. Такъ случилось конечно; но почему же случилось именно такъ, а не иначе, въ теченіи неизмѣримаго ряда тысячелѣтій и въ каждой изъ тридцати шести извѣстныхъ намъ громадныхъ геологическихъ эпохъ? На этотъ вопросъ противники Дарвина не могутъ дать никакого отвѣта, а Дарвинъ даетъ отвѣтъ совершенно правдоподобный, и, что всего важнѣе, этотъ правдоподобный отвѣтъ разрѣшаетъ совершенно удовлетворительно множество другихъ вопросовъ, поставленныхъ положительными фактами геологіи и многихъ другихъ отраслей естествознанія. Такой отвѣтъ, приложимый ко множеству самостоятельныхъ вопросовъ и согласный со всей совокупностью различныхъ фактовъ, независимыхъ другъ отъ друга,—такой отвѣтъ, говоря, по своему всеобъемлющему значенію, уже теряетъ характеръ простой гипотезы.

Если мы будемъ сравнивать между собою фауны и флоры различныхъ геологическихъ эпохъ, то увидимъ, что чѣмъ дальше одна эпоха отстоитъ по времени отъ другой, тѣмъ

сильнѣе отличаются другъ отъ друга ихъ флоры и фауны. Напримѣръ животныя и растенія третичныхъ формацій ближе подходятъ къ теперешнимъ породамъ, чѣмъ животныя и растенія вторичныхъ пластовъ, а вторичныя, въ свою очередь, представляютъ съ теперешними больше сходства, чѣмъ первичныя. Чѣмъ древнѣе пластъ, тѣмъ страннѣе и непривычнѣе для нашихъ глазъ формы животныхъ и растеній; чѣмъ новѣе пластъ, тѣмъ знакомѣе кажутся намъ фигуры ископаемыхъ организмовъ. Если мы возьмемъ три формаціи, лежащія одна на другой, напримѣръ силурскую, девонскую и каменноугольную, то мы увидимъ, что органическія формы средней эпохи, девонской, составляютъ нѣкоторымъ образомъ переходъ отъ древнѣйшихъ, силурскихъ, формъ къ болѣе новымъ, каменноугольнымъ. Это обстоятельство также можетъ быть объяснено только по идеямъ Дарвина. Если всѣ органическія формы медленно и постепенно развивались изъ общаго начала, если каждая новѣйшая форма оказывается въ буквальномъ смыслѣ слова дочерью другой формы, болѣе древней, если такимъ образомъ каждая геологическая эпоха составляетъ только отдѣльную сцену одной общей громадной драмы, не перерывавшейся ни разу съ самаго своего начала,—тогда понятно, почему эти сцены находятся въ связи между собою, и почему напримѣръ вторая сцена служитъ переходомъ отъ первой къ третьей. Но если каждый видъ возникъ самъ по себѣ, безъ всякаго отношенія къ тѣмъ формамъ, которыя жили раньше его появленія, и если такимъ образомъ каждая геологическая эпоха оказывается совершенно законченной пьесой, съ своей особенной завязкой и развязкой,—тогда для насъ становится необъяснимой причина той несомнѣнной связи, которую мы замѣчаемъ между органическими произведеніями отдѣльныхъ геологическихъ эпохъ.

Противники Дарвина представляютъ себѣ исторію органической жизни въ слѣдующемъ видѣ: сначала созданы животныя и растенія силурской эпохи; потомъ они уничтожаются и создаются животныя и растенія девонскаго періода; потомъ эти уничтожаются въ свою очередь и создаются животныя и растенія каменноугольной формаціи, и такъ далѣе вплоть до нашихъ временъ. Спрашивается, почему же организмы девонскихъ слоевъ болѣе похожи на силурскія формы, чѣмъ напримѣръ на теперешніе виды животныхъ и растеній? Потому что девонская эпоха слѣдуетъ непосредственно за силурской? Но какая же связь существуетъ между простой хронологической послѣдовательностью и типическими особенностями организмовъ? Если силурская эпоха отдѣлена отъ девонской непроходимой бездной, то не все-ли равно, одна-ли такая бездна лежитъ между ними, или двадцать безднъ? Еслибы девонскія организмы возникли совершенно независимо отъ силурскихъ, то имъ не было никакой надобности и никакой причины представлять съ послѣдними какое-бы то ни было родственное сходство.

Клифтъ доказалъ, что ископаемыя млекопитающія, находящіяся въ австралійскихъ пещерахъ, обнаруживаютъ тѣсную, родственную связь съ сумчатыми животными, населяющими Австралію въ настоящее время. Оуэнъ доказалъ, что ископаемыя млекопитающія, отысканныя въ Ла-Платѣ и въ Бразиліи, сродны съ южно-американскими животными нашего времени. Оуэнъ подмѣтилъ кромѣ того родственное сходство между ископаемыми и живущими птицами Новой Зеландіи. И наконецъ тотъ же Оуэнъ «распространилъ то-же обобщеніе и на млекопитающихъ Стараго Свѣта». Вотъ сколько незабвенныхъ услугъ этотъ драгоцѣнный Оуэнъ, самъ того не желая, оказалъ своими великими учеными трудами той теоріи, которую онъ ненавидитъ! Всѣ эти открытія очевидно идутъ въ пользу Дарвина.

Почему же въ самомъ дѣлѣ вымершія породы извѣстной страны представляютъ сходство съ тѣми органическими формами, которыя живутъ именно въ той же самой странѣ? Почему напримѣръ ископаемыя животныя Австраліи похожи на живыхъ обитателей той же Австраліи, а не на жителей Европы, или Азіи, или Америки? Отвѣтъ напрашивается самъ собою. Австралійскія животныя похожи на австралійскихъ, новозеландскія—на ново-зеландскихъ, южно-американскія— на южно-американскихъ, и такъ далѣе,—потому что живыя формы этихъ мѣстностей составляютъ прямое, нисходящее потомство ископаемыхъ организмовъ. Это потомство перародилось сообразно съ измѣняющимися требованіями вѣчной борьбы за существованіе; но основныя черты общаго типа еще не успѣли изгладиться. Другого отвѣта тутъ и быть не можетъ, и такимъ образомъ даже геологія, при всей недостаточности своихъ матеріаловъ, выдвигаетъ въ пользу Дарвина три ряда многознаменательныхъ фактовъ.

Географическія доказательства.

I.

Почему слоны и носороги живутъ въ Азіи и въ Африкѣ и не живутъ въ тропическихъ частяхъ Америки и Австраліи? Почему бенгальскій тигръ замѣняется въ Америкѣ ягуаромъ? Почему въ Южной Америкѣ живетъ лама, а не верблюдъ? Почему обезьяны Стараго Свѣта принадлежатъ къ семейству узконосыхъ и короткохвостыхъ, а обезьяны Новаго Свѣта, напротивъ того, отличаются широкими носами и длинными хвостами? Можно поставить тысячи подобныхъ вопросовъ, и на всѣ эти вопросы натуралистъ постоянно будетъ отвѣчать: «не знаю». Клима-

тическія условія въ этомъ случаѣ не объясняютъ ровно ничего. Экваторъ проходитъ черезъ Африку, Азію и Южную Америку; въ этихъ трехъ частяхъ свѣта можно отыскать множество такихъ мѣстностей, въ которыхъ солнце жжетъ съ одинаковой силой, и воздухъ въ одинаковой степени насыщенъ водяными парами. Сходство въ климатическихъ условіяхъ будетъ полное, а между тѣмъ различіе растеній и животныхъ будетъ чрезвычайно значительно. Австралія также лежитъ въ жаркомъ поясѣ, но тропическій климатъ конечно не объясняетъ намъ, почему въ Австраліи живутъ утконосы и двуутробки, и почему черепъ австралійскаго человѣка похожъ на рѣдьку съ хвостомъ кверху.

Великобританское королевство есть група островов, лежащихъ въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, и Японская имперія есть также група островов, лежащихъ въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, но жизнь англичанина не похожа на жизнь японца, и никому не приходитъ въ голову находить это послѣднее обстоятельство удивительнымъ. Говорятъ, что исторія выработала въ Великобританіи habeas corpus, а въ Японіи манеру лишать себя жизни посредствомъ взрѣзыванія живота. Ну да, исторія, и та-же самая исторія выработала цѣпкій хвостъ широконосаго американскаго сапажу и безхвостость узконосаго азіятскаго орангутанга. Та исторія, которая сформировала государственныя учрежденія Англіи и Японіи, составляетъ только новѣйшій и очень короткій періодъ той всемірной исторіи, которая создала и постоянно продолжаетъ создавать всѣ существующія формы растеній и животныхъ нашей планеты. Въ исторіи человѣчества только тѣ народы могутъ дѣйствовать другъ на друга, которые имѣютъ между собою какія-нибудь сношенія; точно также въ исторіи органической жизни только тѣ растенія и животныя дѣйствуютъ другъ на друга, которыя такъ или иначе находятся между собою въ соприкосновеніи. Азіятскіе народы развивались особнякомъ отъ европейскихъ; африканскіе— особнякомъ отъ тѣхъ и отъ другихъ; а народы Америки и Австраліи до конца XV-го вѣка еще гораздо рѣзче были отчуждены отъ народовъ Стараго Свѣта. То-же самое явленіе *«особничества»* въ еще болѣе сильной степени обнаруживается въ историческомъ развитіи органическихъ формъ. Жизнь возникла и развилась самостоятельно на различныхъ точкахъ земной поверхности. Всѣ животныя и всѣ растенія каждой обширной географической области, окаймленной естественными границами, составляютъ одно органическое цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части связаны между собою перепутанными сѣтями самыхъ сложныхъ взаимныхъ отношеній. Внутри этого цѣлаго совершается историческое развитіе всѣхъ отдѣльныхъ частей, т. е. всѣхъ видовъ растительнаго и животнаго царства. Каждая отдѣльная часть, т. е. каждый видъ, стремится къ тому, чтобы какъ можно плотнѣе приладиться къ этому цѣлому; каждый видъ борется съ другими видами *данной области* и шлифуется посредствомъ этой борьбы, т. е. пріобрѣтаетъ тѣ особенности въ тѣлосложеніи, которыхъ требуютъ *мѣстныя условія.* Колоритъ и направленіе борьбы зависятъ отъ этихъ мѣстныхъ условій, т. е. всей совокупности тѣхъ органическихъ формъ, которыя населяютъ данную мѣстность. Сообщая борьбѣ то или другое направленіе, эти мѣстныя условія вырабатываютъ типическія особенности каждаго отдѣльнаго вида, который такимъ образомъ оказывается непремѣнно продуктомъ извѣстной географической области. Эти готовые продукты различныхъ географическихъ областей изъ своего отечества распространяются въ разныя стороны и наконецъ останавливаются въ своемъ распространеніи на тѣхъ естественныхъ границахъ, через которыя не можетъ перейдти ни животное, ни растеніе. Самыми непроходимыми границами оказываются океаны, и поэтому три материка: Старый Свѣтъ, Америка и Австралія, чрезвычайно рѣзко отдѣляются другъ отъ друга по характеру своихъ туземныхъ организмовъ. Африканскій слонъ конечно могъ-бы найдти себѣ въ тропической Бразиліи удобный климатъ и обильную пищу; бенгальскій тигръ, попавши въ Бразилію, не превратился-бы тамъ въ ягуара; потомство узконосаго и безхвостаго орангутанга, перевезеннаго въ Южную Америку, по всей вѣроятности не пріобрѣло-бы себѣ тамъ широкой носовой перегородки и длиннаго хвоста. Но такъ какъ всѣ эти животныя не имѣютъ никакой возможности перебраться черезъ океанъ, то всѣ они и остаются исключительными обитателями Стараго Свѣта.

Но развѣ не могла порода тигровъ, слоновъ и орангутанговъ возникнуть одновременно и въ Старомъ Свѣтѣ, и въ Новомъ?—На этотъ вопросъ можно отвѣчать рѣшительно: нѣтъ, не могла. Для этого было-бы необходимо, чтобы втеченіи многихъ сотенъ тысячелѣтій на двухъ различныхъ точкахъ земной поверхности борьба за существованіе совершалась при одинаковыхъ условіяхъ. Такое требованіе совершенно неосуществимо, и поэтому каждый натуралистъ, принимающій видовыя формы за продукты борьбы и естественнаго развитія, непремѣнно приходитъ къ тому заключенію, что каждая видовая форма могла возникнуть *только въ одной* географической области. Факты подтверждаютъ это теоретическое предположеніе. Натуралисты не знаютъ ни одного примѣра, чтобы какое-нибудь дикое млекопитающее водилось на двухъ совершенно отдѣльныхъ материкахъ. На океаническихъ островахъ, лежащихъ далеко отъ материка, нѣтъ ни дикихъ млекопитающихъ, ни лягушекъ, ни жабъ, ни ящерицъ. Почему?— Потому,

что всѣ эти животныя не могутъ переселяться за море. Лягушки, жабы и ящерицы сами погибаютъ отъ морской воды, и даже ихъ икра не выдерживаетъ прикосновенія этой стихіи. Стало быть, лягушка, жаба или ящерица могутъ попасть на островъ только при помощи человѣка. Человѣкъ нечаянно помогъ лягушкамъ пробраться на Мадеру, на Азорскія острова и на островъ св. Маврикія, и лягушки такъ отлично приноровились къ мѣстнымъ условіямъ и размножились такъ успѣшно, что ихъ многочисленность становится для жителей этихъ острововъ тягостнымъ наказаніемъ. На тѣхъ океаническихъ островахъ, на которыхъ нѣтъ земныхъ млекопитающихъ, живутъ однако летучія мыши, т. е. именно такія млекопитающія, которыя, подобно птицамъ, могутъ переправляться черезъ морскіе проливы. Эти факты доказываютъ намъ, что каждый океаническій островъ населялся тѣми растеніями и животными, которыя такъ или иначе могли пробраться на него съ сосѣдняго материка. Поэтому населеніе этихъ острововъ большей частью очень бѣдно, т. е. на нихъ живетъ сравнительно съ ихъ пространствомъ очень незначительное количество видовыхъ формъ. Присутствіе летучихъ мышей на океаническихъ островахъ не должно насъ изумлять; извѣстно, что двѣ породы изъ этого семейства перелетаютъ нѣсколько разъ въ годъ съ береговъ Сѣверной Америки на Бермудскіе острова, находящіеся въ шести стахъ миляхъ отъ материка. Путешественники видали иногда, какъ летучія мыши носятся днемъ надъ Атлантическимъ океаномъ въ очень далекомъ разстояніи отъ береговъ. Поэтому вовсе не трудно предположить, что какая-нибудь континентальная порода летучихъ мышей залетѣла на островъ, осталась на немъ, размножилась и потомъ видоизмѣнилась, такъ что образовалась новая порода, свойственная исключительно данному острову. Съ точки зрѣнія Дарвина этотъ фактъ понятенъ. Но если мы отвергнемъ теорію преемственности видовъ, то намъ останется только изумляться, почему же это въ самомъ дѣлѣ для Новой Зеландіи полагаются двѣ породы летучихъ мышей, и совсѣмъ не полагается ни крысъ, ни зайцевъ, ни собакъ, ни кошекъ. И почему же мать-природа не помѣстила лягушекъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всѣ условія жизни оказываются для этихъ животныхъ въ высшей степени благопріятными?

II.

Во многихъ случаяхъ бываетъ очень трудно объяснить, какимъ образомъ совершилось переселеніе животнаго или растенія съ одной точки земной поверхности на другую. Вѣтры, морскія теченія, птицы, рыбы въ очень значительной степени помогаютъ переселеніямъ растеній и даже нѣкоторыхъ животныхъ. Дарвинъ сообщаетъ много любопытнѣйшихъ наблюденій на счетъ этихъ случайныхъ способовъ переселенія. Но до сихъ поръ предметъ этотъ разработанъ очень недостаточно. Ботаники не знаютъ даже, долго ли сѣмена различныхъ растеній могутъ противиться вредному дѣйствію морской воды. Между тѣмъ вѣтеръ каждый годъ ломаетъ вѣтки и уноситъ ихъ въ море; тамъ онѣ попадаютъ въ теченіе и плывутъ въ даль, и потомъ выбрасываются на какой-нибудь берегъ. Послѣ такого плаванія могутъ ли зрѣлыя сѣмена, находившіяся на этихъ вѣткахъ, пустить корень и произвести здоровое растеніе? Понятно, что этотъ вопросъ имѣетъ важное значеніе. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ растеній, Дарвинъ бралъ вѣтки съ зрѣлыми сѣменами, клалъ ихъ въ морскую воду на нѣсколько сутокъ и даже недѣль, а потомъ сѣялъ ихъ, и отмѣчалъ результаты этихъ опытовъ. Многія вѣтки тотчасъ отправлялись ко дну; другія держались на водѣ очень долго, но потомъ сѣмена ихъ оказывались негодными; третьи выдерживали испытаніе вполнѣ. Погруженіе, продолжавшееся 28, 42 и даже для нѣкоторыхъ 137 дней, нисколько не вредило ихъ сѣменамъ, которыя при первой возможности тотчасъ пускали корень и производили здоровыя растенія. Зеленыя вѣтки отправлялись ко дну очень быстро; но тѣ-же самыя вѣтки, высушенныя на солнцѣ, держались на водѣ очень долго. Напримѣръ сухая вѣтка орѣшника продержалась на водѣ 90 дней, и потомъ орѣхи этой вѣтки, положенныя въ землю, пустили корень. Сухая вѣтка спаржи съ зрѣлыми ягодами плавала 85 дней, и сѣмена пустили корень. Изъ всѣхъ своихъ опытовъ Дарвинъ выводитъ то заключеніе, что изъ 100 растеній десять могутъ плавать по морю около четырехъ недѣль, не теряя жизненной силы своихъ сѣмянъ. По физическому атласу Джонстона, средняя быстрота атлантическихъ теченій равняется 33 милямъ въ сутки.— $33 \times 28 = 924$. Это значитъ, что нѣкоторыя растенія могутъ переплыть въ 28 сутокъ морской рукавъ шириною 924 мили; потомъ, если волна выброситъ ихъ на берегъ, и если морской вѣтеръ занесетъ ихъ въ удобное мѣсто, сѣмена этихъ растеній могутъ пустить корень и основать такимъ образомъ новую колонію вдали отъ прежняго отечества.

Море часто выбрасываетъ на берегъ океаническихъ острововъ цѣлыя деревья, и на коралловыхъ островахъ Тихаго Океана туземцы приготовляютъ инструменты и оружіе исключительно изъ тѣхъ камней, которые попадаются между корнями этихъ деревьевъ. Камни эти получаются въ такомъ значительномъ количествѣ, что начальники этихъ островитянъ сочли удобнымъ превратить эту статью мѣстной торговли въ свою регалію. Эти камни часто держатся такъ плотно между корнями, что частицы земли, ле-

жащія иногда за камнями или между ними, совершенно защищены, отъ воды и не могутъ быть размыты несмотря на значительную продолжительность плаванія. Въ этихъ частицахъ земли заключаются иногда сѣмена различныхъ растеній, которыя такимъ образомъ могутъ переселяться на чрезвычайно далекія разстоянія. Дарвинъ видѣлъ между корнями пятидесятилѣтняго дуба кусокъ земли, совершенно обросшій деревомъ; изъ этого куска появились ростки трехъ сѣмянъ, пробывшихъ пятьдесятъ лѣтъ въ такомъ тѣсномъ заключеніи.

Тѣла мертвыхъ птицъ помогаютъ иногда переселеніямъ растеній, потому что многія сѣмена долго сохраняютъ свою жизненность въ зобу этихъ птицъ. Живыя птицы въ этомъ отношеніи оказываютъ самыя значительныя услуги. Косточки многихъ ягодъ и плодовъ проходятъ черезъ кишечный каналъ птицы совершенно нетронутыми. Кромѣ того, такъ какъ зобъ птицы не выдѣляетъ желудочнаго сока, то всѣ зерна, находящіяся въ ея зобу и не попавшія еще въ желудокъ, совершенно способны пустить корень. Пища птицы остается въ зобу отъ пятнадцати до восемнадцати часовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда птица наѣлась досыта. Предположимъ теперь, что птица наглоталась различныхъ зеренъ и полетѣла. Ее подхватываетъ вѣтеръ, не даетъ ей справиться и уноситъ ее въ открытое море; птица поневолѣ летитъ по вѣтру, и, по словамъ Дарвина, скорость ея полета при такихъ условіяхъ можетъ доходить до 35 миль въ часъ, такъ что она легко можетъ пролетѣть миль пятьсотъ прежде, чѣмъ съѣденныя ею зерна перейдутъ изъ ея зоба въ желудокъ. Наконецъ она видитъ берегъ и опускается въ совершенномъ изнеможеніи, но соколы и ястребы имѣютъ непозволительную привычку подстерегать утомленныхъ птицъ; одинъ изъ такихъ хищниковъ бросается на нашего странника и раздираетъ его; часть сѣмянъ вываливается изъ разорваннаго зоба и можетъ немедленно пустить корень. Далѣе, многія хищныя птицы глотаютъ цѣликомъ свою добычу и потомъ, по прошествіи двѣнадцати и даже двадцати часовъ, выбрасываютъ черезъ клювъ комки разныхъ непереваренныхъ веществъ. Въ этихъ комкахъ часто находятся сѣмена, способныя пустить корень. Нѣкоторыя зерна овса, пшеницы, проса, конопли, клевера и свекловицы пустили корень, пробывши отъ 12 до 20 часовъ въ желудкѣ разныхъ хищныхъ птицъ. Два сѣмечка свекловицы пробыли въ желудкѣ хищной птицы двое сутокъ и четырнадцать часовъ (всего 62 часа) и все-таки пустили корень. Эта хищная птица могла въ это время залетѣть Богъ знаетъ куда, а хищныхъ птицъ много, и онѣ каждый день истребляютъ зерноядныхъ птицъ и каждый день выбрасываютъ комки непереваренныхъ веществъ. Вліяніе этихъ птицъ на судьбу растеній должно быть очень значительно. Хищныя птицы, питающіяся рѣчной рыбой, такъ-же точно дѣйствуютъ на распространеніе водяныхъ растеній, потому что рыба глотаетъ сѣмена, а птица глотаетъ рыбу. Къ лапамъ птицъ пристаютъ иногда частицы глины и ила, въ этихъ частицахъ часто заключаются мелкія сѣмена. Цапли, кулики и другія болотныя птицы особенно сильно должны содѣйствовать этимъ способомъ распространенію прѣсноводныхъ растеній. Эти птицы постоянно бродятъ по вязкому грунту и перелетаютъ часто на чрезвычайно значительныя разстоянія. Съ береговъ каждаго пруда онѣ непремѣнно уносятъ частицу мѣстной грязи, а эта грязь заключаетъ въ себѣ обыкновенно громадныя количества сѣмянъ. «Я въ февралѣ,—говоритъ Дарвинъ—взялъ три столовыя ложки ила изъ трехъ разныхъ подводныхъ точекъ на краю маленькаго пруда. Этотъ илъ, высушенный, вѣсилъ всего $6^3/_4$ унціи; я держалъ его прикрытымъ въ моемъ кабинетѣ втеченіи шести мѣсяцевъ, вырывая и считая всѣ всходящія растенія; растенія эти принадлежали къ разнымъ видамъ, и всѣхъ ихъ было 537; однако вязкій илъ весь помѣщался въ чайной чашкѣ—.» Дикія утки и другія птицы, плавающія по рѣкамъ и перелетающія съ одной рѣки на другую, могутъ переносить съ собой прѣсноводныхъ моллюсковъ. Возможность такихъ перенесеній доказана прямымъ опытомъ. Дарвинъ повѣсилъ въ акваріумъ утиную лапу въ томъ положеніи, въ какомъ держитъ ее утка, плавая по водѣ; къ этой лапѣ присосалось множество молодыхъ моллюсковъ, только что вылупившихся изъ яицъ. Дарвинъ вынулъ лапу и началъ ее отряхать; моллюски не пошевельнулись; послѣ этого лапа пролежала внѣ воды больше двѣнадцати часовъ и моллюски остались въ живыхъ. Стало быть, утка очень легко могла-бы перелетѣть вмѣстѣ съ ними за нѣсколько десятковъ миль и потомъ опустить ихъ въ какой-нибудь другой прудъ, отстоящій очень далеко отъ мѣста ихъ рожденія. Этими и многими другими причинами, еще недостаточно изслѣдованными, объясняется то обстоятельство, что одни и тѣ-же виды прѣсноводныхъ моллюсковъ попадаются въ различныхъ рѣкахъ, не имѣющихъ между собой никакого водянаго сообщенія. Сами собой моллюски, живущіе исключительно и постоянно въ водѣ, очевидно не могутъ перебраться сухимъ путемъ изъ одной рѣки въ другую. Кромѣ птицъ, моллюскамъ помогаютъ въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыя насѣкомыя «Сэръ Чарльзъ Ляйелль,—говоритъ Дарвинъ,—извѣщаетъ меня, что однажды былъ пойманъ Dytiscus (плавунецъ—водяной жукъ) съ прѣсноводной раковиной Ancylus, крѣпко присосавшейся къ нему; а водяной жукъ Colymbetes, принадлежащій къ тому же семейству, однажды залетѣлъ на корабль «Бигль», когда этотъ корабль находился въ 45 миляхъ отъ ближайшаго бе-

рега».—Очень можетъ быть, что этотъ Colymbetes при попутномъ вѣтрѣ пролетѣлъ-бы еще дальше, а съ нимъ вмѣстѣ путешествовалъ-бы и тотъ моллюскъ, который присосался-бы къ его тѣлу.—Въ природѣ существуютъ вѣроятно многіе другіе способы переселенія, и будущіе натуралисты конечно сдѣлаютъ по этому предмету много неожиданныхъ открытій.

III.

Въ Великобританіи и въ Ирландіи водятся тѣ-же дикія млекопитающія, которыя живутъ во Франціи, въ Германіи и въ Швеціи. Это обстоятельство было-бы необъяснимо, если бы мы не обратили вниманія на тѣ значительныя измѣненія морского уровня, которыя совершились во время новѣйшихъ геологическихъ эпохъ. Западныя и сѣверозападныя части Европы то подымались, то опускались во время всего послѣ-плiоценоваго періода, примыкающаго непосредственно къ этой эпохѣ, къ которой относится все историческое существованіе человѣческихъ обществъ. Во время поднятія почвы всѣ британскіе острова соединялись въ одну массу и сростались съ европейскимъ материкомъ; Ламаншъ исчезалъ совершенно и можетъ-быть даже все Нѣмецкое море превращалось въ сушу, такъ что Великобританія на югѣ сливалась съ Франціей, а на востокѣ—съ Норвегіей и Даніей. Темза въ это время становилась притокомъ Рейна. Потомъ, когда почва опускалась, Великобританія, оторванная отъ материка, разрывалась кромѣ того на множество мелкихъ острововъ. Всѣ эти колебанія уровня совершаются чрезвычайно медленно, такъ что Великобританія была соединена съ материкомъ втеченіи многихъ тысячелѣтій, и всѣ континентальныя животныя имѣли полную возможность населить эту землю и размножиться въ ней во время періода поднятія. Такъ какъ во время послѣ-плiоценовой эпохи теперешнія породы животныхъ были уже сформированы, то эти колебанія уровня объясняютъ намъ совершенно удовлетворительно, почему однѣ и тѣ-же породы млекопитающихъ населяютъ и материкъ Европы, и Британскіе острова. Несмотря на эти послѣдовательныя повышенія и пониженія, главныя массы твердой земли постоянно оставались на тѣхъ-же мѣстахъ, на которыхъ онѣ находятся въ настоящее время. Подробности въ очертаніяхъ материковъ измѣнялись значительно, но при всемъ томъ Старый Свѣтъ былъ постоянно отдѣленъ отъ Америки обширными океанами. Среднія и южныя части этихъ двухъ материковъ лежали очень далеко другъ отъ друга, а сѣверныя части, напротивъ того, находились почти въ непосредственномъ соприкосновеніи; словомъ, въ главныхъ чертахъ, эти двѣ громадныя массы твердой земли занимали постоянно то-же положеніе, въ какомъ мы ихъ видимъ теперь. Прямыя переселенія животныхъ и растеній изъ Франціи въ Соединенные Штаты или съ мыса Доброй Надежды въ Ла-Плату были невозможны во время всѣхъ геологическихъ эпохъ, о которыхъ мы имѣемъ какія-нибудь свѣдѣнія. Двѣ послѣднія геологическія эпохи, плiоценовая и послѣ-плiоценовая, дѣйствовали на разселеніе животныхъ и растеній не только колебаніями уровня, но еще кромѣ того значительными колебаніями климатическихъ условій. Въ плiоценовой эпохѣ былъ одинъ періодъ гораздо теплѣе теперешняго; потомъ началось медленное охлажденіе, и во время послѣ-плiоценовой эпохи холодъ, достигши своего крайняго развитія, сдѣлался до такой степени силенъ, что наступилъ такъ называемый *ледовой* или *ледниковый* періодъ; въ это время климатъ былъ гораздо холоднѣе, чѣмъ теперь; потомъ температура опять начала повышаться и наконецъ, послѣ различныхъ, менѣе значительныхъ колебаній, достигла до своего теперешняго положенія.

Посмотримъ, какимъ образомъ эти климатическія измѣненія должны были дѣйствовать на разселеніе животныхъ и растеній. Возьмемъ сначала теплый періодъ плiоценовой эпохи и постоянно будемъ имѣть въ виду то обстоятельство, что главныя очертанія великихъ материковъ во все это время не испытывали никакихъ существенныхъ видоизмѣненій. Когда климатъ былъ гораздо теплѣе теперешняго, тогда жители сѣвернаго умѣреннаго пояса могли жить за полярнымъ кругомъ, а организмы, свойственные холодному поясу, жили въ тѣхъ земляхъ, которыя лежатъ возлѣ самаго полюса, подъ сплошной корой вѣчнаго льда, подавляющаго въ настоящее время всякое проявленіе органической жизни. Въ настоящее время сѣверныя оконечности Стараго Свѣта и Америки населены совершенно одинаково именно потому, что эти оконечности находятся въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ. Но теперь въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ одинаковы только чисто полярныя формы, напримѣръ сѣверный олень, бѣлый медвѣдь, песцы, морскіе бобры, киты, и тому подобныя животныя, свойственныя исключительно холодному поясу. Во время теплаго періода плiоценовой эпохи на обоихъ материкахъ были одинаковы, *во-первыхъ*, полярныя формы, жившія въ то время въ тѣхъ странахъ вѣчнаго льда, которыя теперь совершенно лишены обитателей и даже недоступны самымъ любознательнымъ и неустрашимымъ изслѣдователямъ; и, *во-вторыхъ*,—тѣ животныя и растенія умѣреннаго пояса, которыя въ то время жили въ теперешней области сѣверныхъ оленей, бѣлыхъ медвѣдей и морскихъ бобровъ. Беринговъ проливъ по всей вѣроятности исчезалъ иногда подобно Ламаншу, и тогда всякія переселенія изъ сѣверной Азіи въ сѣверную Америку становились очень удобными. Началось охлажденіе. Вѣчные льды обложили полюсъ и

медленно потѣснили къ югу полярную фауну и полярную флору. Полярныя животныя и растенія, подвигаясь къ югу, прогнали въ умѣренный поясъ тотъ комплектъ растеній и животныхъ, который во время теплаго пліоцена жилъ за полярнымъ кругомъ. Эти послѣднія въ свою очередь стали напирать на тѣхъ, которыя жили южнѣе, и этотъ напоръ различныхъ органическихъ существъ вмѣстѣ съ постепеннымъ пониженіемъ температуры далъ себя почувствовать всему міру животныхъ и растеній вплоть до самаго экватора. Все живое двигалось отъ обоихъ полюсовъ къ жаркому поясу. Но растеніямъ и животнымъ, населявшимъ тропическія земли, отступать было некуда. Во-первыхъ, они были стиснуты съ двухъ сторонъ, и во-вторыхъ, имъ уже негдѣ было искать еще болѣе теплаго климата. Они должны были столпиться на самомъ экваторѣ, забиться въ самыя жаркія долины и наконецъ погибнуть, если холодъ и пришельцы изъ умѣренныхъ поясовъ продолжали преслѣдовать ихъ въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ. Наступаетъ ледовой періодъ. Вѣчные льды занимаютъ оба холодные пояса и значительную часть обоихъ умѣренныхъ. На всѣхъ горахъ земного шара лежатъ громадные ледники спускающіеся очень далеко въ окрестныя долины; по морямъ плаваютъ ледяныя горы, которыя заходятъ даже въ жаркій поясъ и тамъ, поддаваясь дѣйствію теплоты, таютъ и уничтожаются, роняя на дно моря, на отмели или на берега каменныя глыбы, принесенныя изъ далекихъ полярныхъ или умѣренныхъ земель. Растенія и животныя, свойственныя въ наше время исключительно холодному поясу, наполняютъ всю среднюю Европу, доходятъ до Альповъ и до Пиренеевъ, и даже проникаютъ въ Испанію. Тѣ-же самыя полярныя формы живутъ во время ледового періода во всей умѣренной территоріи Американскихъ штатовъ. Къ югу отъ этихъ полярныхъ жителей происходитъ самая ожесточенная борьба. Холодъ согналъ къ тропикамъ самое разнокалиберное населеніе, т. е. все, кромѣ полярныхъ формъ, все, что во время теплаго періода пліоценовой эпохи жило отъ береговъ Баффинова моря до крайней оконечности Огненной Земли. Тутъ, около тропиковъ, на протяженіи какихъ-нибудь пятидесяти или шестидесяти градусовъ, толпятся, вопервыхъ, жители теперешнихъ умѣренныхъ поясовъ, во-вторыхъ,—жители теперешняго жаркаго пояса, и наконецъ, въ третьихъ,—жители того жаркаго пояса, который во время теплаго пліоцена былъ гораздо жарче теперешняго. Можно себѣ представить, какая тутъ происходитъ давка, и какъ плохо приходится въ этой давкѣ тѣмъ жителямъ *прежняго* жаркаго пояса, которые больше всѣхъ другихъ страдаютъ отъ холода и поэтому меньше всѣхъ другихъ способны давать отпоръ многочисленнымъ конкурентамъ. Большая часть этихъ прежнихъ жителей погибаетъ, и жаркій поясъ во время крайняго развитія холода представляетъ намъ слѣдующій составъ населенія: по горамъ и по плоскимъ возвышенностямъ—животныя и растенія умѣреннаго пояса, а въ самыхъ жаркихъ долинахъ—фауна и флора теперешняго жаркаго пояса. Холодъ начинаетъ убывать, и вмѣстѣ съ постепеннымъ возвышеніемъ температуры начинается обратное движеніе всего живого отъ экватора къ обоимъ полюсамъ. Ледники таютъ; вершины невысокихъ горъ совершенно освобождаются отъ ледяныхъ громадъ, а на высокихъ горахъ ледники отодвигаются къ самымъ вершинамъ, позволяя растеніямъ проникать въ долины, ущелья и на склоны горныхъ хребтовъ. Растеніямъ и животнымъ холоднаго пояса въ средней Европѣ становится слишкомъ тепло; они отступаютъ туда, гдѣ похолоднѣе, то есть съ юга на сѣверъ и кромѣ того снизу вверхъ, изъ долины на гору. Растеніямъ и животнымъ умѣреннаго пояса между тропиками становится также неудобно; во-первыхъ жарко, а во-вторыхъ тропическія формы не даютъ имъ пощады; они выходятъ изъ знойныхъ долинъ, побѣждаютъ пришельцевъ и заставляютъ ихъ бѣжать; куда-же бѣгутъ растенія и животныя умѣреннаго пояса?—Туда, гдѣ прохладнѣе. Если растеніе не перешло черезъ экваторъ, то оно уходитъ въ сѣверный умѣренный поясъ; если-же оно во время крайняго развитія холода успѣло перешагнуть черезъ экваторъ, то оно уже не поворачиваетъ назадъ, а идетъ дальше къ югу, переходитъ за тропикъ Козерога и утверждается въ южномъ умѣренномъ поясѣ. Наконецъ если растеніе живетъ у подошвы горы, то оно взлѣзаетъ на гору; если эта гора слишкомъ низка, то растеніе погибаетъ, когда теплота усиливается; если-же гора достаточно высока, то растеніе по мѣрѣ усиленія теплоты лѣзетъ все выше и выше и наконецъ успокоивается на той высотѣ, на которой оно находитъ себѣ умѣренный климатъ, неблагопріятный для его тропическихъ конкурентовъ. Такимъ образомъ высокія горы жаркаго пояса населяются растеніями умѣренной полосы, а высокія горы умѣреннаго пояса — растеніями полярныхъ мѣстностей. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. На Шотландскихъ горахъ, на Альпахъ и на Пиренеяхъ живутъ одинаковыя растенія, родственныя съ тѣми формами, которыя находятся на сѣверѣ Скандинавіи. На Бѣлыхъ горахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, живутъ растенія, родственныя съ растеніями Лабрадора. То-же самое родство замѣчается между растеніями южныхъ Сибирскихъ горъ и растеніями сѣверной Сибири. Кромѣ того всѣ эти горныя растенія, находящіяся на такихъ различныхъ точкахъ земной поверхности, не только сходны и родственны между собою, но часто бываютъ даже совершенно тождественны, такъ что ботанику случается иногда встрѣтить ту-же самую

породу въ Испаніи и въ Сѣверной Америкѣ, несмотря на то, что растительность долинъ въ этихъ мѣстностяхъ вовсе не одинакова и вовсе непохожа на растительность горныхъ хребтовъ. Натуралисты прошлаго столѣтія думали, что эти горныя растенія возникли разомъ на нѣсколькихъ точкахъ земного шара, но теперь, благодаря успѣхамъ новѣйшей геологіи, дѣло объясняется гораздо проще. На высокихъ горахъ тропической Бразиліи живутъ нѣкоторыя чисто-европейскія растенія. На Абиссинскихъ горахъ встрѣчаются также растенія, родственныя отчасти съ европейскими, отчасти съ такими, которыя живутъ на мысѣ Доброй Надежды. Нѣкоторыя растенія, незавезенныя на мысъ Доброй Надежды человѣкомъ, также родственны съ европейскими. На Гималайскихъ горахъ, на нѣкоторыхъ другихъ горныхъ цѣпяхъ Остъ-Индіи, на высокихъ горахъ острова Цейлона и на вулканическихъ вершинахъ Явы водятся также растенія, принадлежащія къ европейскимъ родамъ. Всѣ эти факты объясняются очень легко, какъ необходимыя послѣдствія ледового періода. Одни растенія сѣвернаго умѣреннаго пояса перебрались черезъ экваторъ и ушли на югъ, на мысъ Доброй Надежды, а другія утвердились на высокихъ горахъ, когда усилившаяся теплота выгнала ихъ изъ тропическихъ долинъ.—Растенія и животныя Соединенныхъ Штатовъ представляютъ признаки кровнаго родства съ растеніями и животными средней Европы; и это понятно; во время теплаго пліоцена эти органическія формы жили въ сплошныхъ земляхъ, составляющихъ теперь сѣверныя оконечности обоихъ великихъ материковъ; потомъ, когда началось охлажденіе, эти формы пошли къ югу и разошлись; одни вступили въ борьбу съ фаунами и флорами Стараго Свѣта, другія—съ фаунами и флорами средней и тропической Америки. Одни видоизмѣнились въ одну сторону, другія—въ другую; образовалось между ними значительное различіе, но признаки кровнаго родства еще сохранились. Чѣмъ дальше мы подвигаемся на югъ, тѣмъ эти признаки становятся слабѣе, такъ что тропическая природа Америки уже нисколько не похожа на тропическую природу Азіи или Африки. Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ главные факты въ распредѣленіи организмовъ по лицу земли находятся въ полномъ согласіи съ идеями Дарвина. Многія второстепенныя подробности представляютъ до сихъ поръ неразъяснимыя затрудненія, но мы должны помнить, что наука наша не закончена, что кругъ нашихъ знаній расширяется ежедневно, и что открытія и наблюденія будущихъ натуралистовъ должны пополнить то, чего не успѣютъ сдѣлать наши современники. Тогда устранятся и тѣ неизбѣжныя затрудненія, которыя каждая новая и плодотворная идея всегда встрѣчаетъ на своемъ пути.

Эмбріологія и сравнительная анатомія.

I.

Различныя части тѣла у зародышей представляютъ между собою гораздо больше сходства, чѣмъ у взрослыхъ животныхъ. Напримѣръ у человѣческаго зародыша нога похожа на руку, у зародыша летучей мыши задняя оконечность похожа на переднюю, которая впослѣдствіи должна превратиться въ крыло. Кромѣ того зародыши различныхъ животныхъ, принадлежащихъ къ одному классу или отдѣлу, въ раннія фазы своего развитія бываютъ очень похожи другъ на друга. Въ началѣ своего существованія зародыши птицъ, млекопитающихъ, ящерицъ, змѣй рѣшительно ничѣмъ не отличаются одинъ отъ другого. Видно только, что это—зародышъ позвоночнаго животнаго, но какого класса—это неизвѣстно. Потомъ, въ болѣе поздній періодъ развитія, видно, что это млекопитающее, или птица, или ящерица, но еще нельзя опредѣлить, къ какому порядку или семейству относится это возникающее существо. Потомъ обозначаются признаки семейства, рода и вида. Новорожденный жеребенокъ уже отличается отъ новорожденнаго ослепка, но тѣ подробности тѣлосложенія, которыя характеризуютъ ломовую и скаковую лошадь, англійскую и донскую, рысака и вятку, обозначаются уже черезъ нѣсколько времени послѣ рожденія животнаго. Въ младенчествѣ у многихъ животныхъ проявляются такія особенности, которыя свойственны цѣлой группѣ родственныхъ формъ и которыя потомъ исчезаютъ замѣняясь чисто видовыми качествами. Напримѣръ у молодыхъ птицъ изъ семейства дроздовъ первое опереніе испещрено крапинками, хотя впослѣдствіи цвѣтъ перьевъ у различныхъ видовъ этой группы отличается значительнымъ разнообразіемъ. Въ семействѣ кошекъ большая часть породъ носитъ полосатую или пятнистую шкуру; левъ и пума, принадлежащіе также къ группѣ кошекъ, отличаются отъ своихъ родственниковъ одноцвѣтностью мѣха, но новорожденные львы и пумы очень часто бываютъ испещрены полосками и пятнами, которыя потомъ сглаживаются.

Сходство между зародышами различныхъ позвоночныхъ животныхъ существуетъ совершенно независимо отъ тѣхъ условій, при которыхъ эти зародыши развиваются. Млекопитающее развивается въ утробѣ матери;—птица подъ скорлупою яйца; лягушка, въ видѣ головастика, ведетъ самостоятельную жизнь въ водѣ, и, несмотря на то, у всѣхъ этихъ животныхъ во время ихъ зачаточнаго состоянія артеріи изгибаются совершенно одинаковымъ образомъ вокругъ жаберныхъ скважинъ, которыя впослѣдствіи исчезаютъ безъ слѣда. Головастику жабры необходимы, потому что онъ живетъ въ водѣ и дышетъ этими

жабрами; но зародышу птицы, млекопитающаго, змѣи или черепахи жабры ни на что не нужны ни въ какое время, а между тѣмъ жаберныя скважины все-таки существуютъ и возникаютъ у всѣхъ этихъ животныхъ единственно для того, чтобы потомъ исчезнуть, не доставивъ организму ни малѣйшей пользы; чѣмъ объяснить такой капризъ природы? Намъ приходится поставить два вопроса: во-первыхъ, почему зародыши болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ взрослыя животныя? И во-вторыхъ, почему у зародыша существуютъ нѣкоторые органы, совершенно безполезные для самаго зародыша и не имѣющіе ни малѣйшаго отношенія къ образу жизни взрослаго животнаго? По идеямъ Дарвина эти вопросы разрѣшаются очень удовлетворительно. Родители передаютъ дѣтямъ по наслѣдству, во-первыхъ, тѣ черты тѣлосложенія, которыя родители сами приняли отъ своихъ предковъ и во-вторыхъ, тѣ особенности, которыя родители выработали себѣ втеченіи своей жизни. Можно сказать, что родители передаютъ дѣтямъ родовое и благопріобрѣтенное имущество своего организма. Особенность, проявившаяся у родителя въ извѣстномъ возрастѣ, большей частью проявляется и у сына въ томъ же самомъ возрастѣ. Извѣстно напримѣръ, что многія наслѣдственныя болѣзни, эпилепсія, сумасшествіе, и такъ далѣе, обнаруживаются у нѣсколькихъ нисходящихъ поколѣній аккуратно въ томъ же самомъ возрастѣ. Положимъ теперь, что какое-нибудь животное, совершенно приспособленное къ водяной жизни, понемногу пріучается къ преслѣдованію такой добычи, которая живетъ на сушѣ. Такіе примѣры извѣстны въ живой природѣ. Угорь часто выходитъ изъ воды и отправляется въ хлѣбныя поля иногда на нѣсколько дней. Ракъ Birgus latro по ночамъ выходитъ на берегъ, взлѣзаетъ на кокосовыя деревья и своими огромными клешнями раскалываетъ кокосовые орѣхи для своего продовольствія. Рыба Anabas scandens ползаетъ по землѣ и взбирается на деревья, опираясь при этомъ на твердые костяные лучи своихъ нижнихъ плавниковъ.

Если подобныя явленія возможны теперь при существованіи огромнаго количества ящерицъ, змѣй, млекопитающихъ, птицъ, и другихъ опасныхъ конкурентовъ, то, разумѣется, эти явленія должны были встрѣчаться очень часто во время оно, въ тѣ геологическія эпохи, когда на земномъ шарѣ не было никакихъ позвоночныхъ животныхъ, кромѣ рыбъ. Итакъ, мы можемъ предположить, что въ одну изъ этихъ отдаленныхъ геологическихъ эпохъ какое-нибудь рыбообразное животное A повадилось вылѣзать изъ воды и питаться растеніями и насѣкомыми, живущими по берегамъ моря и рѣки. Каждое животное изъ породы A начинало эти упражненія только тогда, когда силы его были уже достаточно развиты, слѣдовательно не тотчасъ послѣ своего выхода изъ яйца, а напримѣръ черезъ годъ или черезъ полтора. Прогулки по землѣ развивали въ тѣлѣ этого животнаго извѣстные мускулы, направляли теченіе питательныхъ соковъ преимущественно въ тѣ части тѣла, которыя подвергались усиленному напряженію, и кромѣ того прогулки эти дѣйствовали измѣняющимъ образомъ на систему дыхательныхъ органовъ. Тѣ отдѣльныя животныя породы A, у которыхъ эти медленныя измѣненія совершались особенно успѣшно, имѣли надъ своими сверстниками преимущество и въ силу этого преимущества оставляли послѣ себя болѣе многочисленное потомство. Это потомство получало отъ нихъ видоизмѣненное и усовершенствованное тѣлосложеніе, но эти выгодныя измѣненія проявлялись у дѣтей въ томъ возрастѣ, въ которомъ они проявились у отцовъ. Рядъ выгодныхъ измѣненій привелъ къ тому результату, что животное B,—прямой потомокъ животнаго A,— получилъ наконецъ одну пару оконечностей или лапъ. Этотъ рядъ видоизмѣненій въ жизни породы происходилъ чрезвычайно медленно: A, доживши до полутора года, началъ ползать по землѣ и измѣнилъ свою организацію самымъ незамѣтнымъ образомъ; дѣти A въ полуторагодовомъ возрастѣ наслѣдовали это измѣненіе и увеличили свое наслѣдство собственными упражненіями; внуки въ томъ же возрастѣ получили это увеличенное наслѣдство, и увеличили его еще больше. Такъ точно поступили и правнуки, и праправнуки, и всѣ остальныя поколѣнія. Но еслибы напримѣръ двадцатое поколѣніе начало рядъ своихъ видоизмѣненій въ полтора года, и еслибы эти видоизмѣненія происходили въ немъ такъ-же послѣдовательно и медленно, какъ они совершались во всѣхъ девятнадцати предыдущихъ поколѣніяхъ, то на весь этотъ процессъ можетъ-быть не хватило-бы жизни этихъ животныхъ. Тѣ потомки, которые получаютъ особенности своихъ дѣдовъ и отцовъ въ болѣе раннемъ возрастѣ, будутъ имѣть очевидное преимущество надъ тѣми потомками, у которыхъ эти особенности проявляются какъ разъ въ томъ возрастѣ, въ которомъ онѣ проявились у предковъ. Вслѣдствіе этого преимущества въ потомствѣ животнаго A установится слѣдующій процессъ развитія. Молодыя животныя выходятъ изъ яицъ въ первобытной рыбообразной формѣ; проживаютъ въ такомъ видѣ нѣсколько мѣсяцевъ, и потомъ, получивъ пару оконечностей, превращаются въ животное B и начинаютъ ползать по сушѣ. Это ползаніе продолжаетъ дѣйствовать на ихъ тѣлосложеніе такъ, что отдаленные потомки B имѣютъ уже двѣ пары оконечностей и вслѣдствіе этого получаютъ отъ натуралистовъ отдѣльное видовое названіе C. Тутъ и процессъ развитія усложняется. Изъ яйца выходитъ A; потомъ у него выростаетъ одна пара оконечностей—оказывается B; потомъ—другая пара и животное C

готово. Не останавливайтесь на точкѣ C, идите дальше, и вы получите развитіе лягушки. Сначала головастикъ или рыбообразное животное A, потомъ одна пара оконечностей—B; потомъ другая—C; потомъ толстый рыбій хвостъ пропадаетъ и жабры замѣняются легкими—вотъ вамъ и лягушка готова.

Развитіе лягушки представляетъ намъ просто портретную галлерею тѣхъ предковъ, отъ которыхъ это животное ведетъ свой родъ. Родоначальникъ лягушечьей породы былъ рыбой—оттого и происходитъ рыбообразная фигура головастика. Тутъ дѣйствуютъ законы наслѣдственности. Всѣ превращенія, которыя совершились въ породахъ птицъ, млекопитающихъ и другихъ животныхъ, съ той минуты, когда эти животныя уклонились отъ чистаго рыбьяго типа, всѣ эти превращенія мало по малу стѣснились въ одну кучку и уложились цѣликомъ въ непродолжительную жизнь зародыша. Многія черты этихъ превращеній при этомъ конечно изгладились и исказились, но, несмотря на то, даже и теперь жизнь зародыша представляется наблюдательному натуралисту въ видѣ краткой исторіи и родословной таблицы всей породы. Даже тѣ естествоиспытатели, которые твердо убѣждены въ неизмѣнности видовыхъ формъ, даже они, говорю я, сами подмѣчаютъ и признаютъ изумительное сходство, во-первыхъ, между зародышами высшихъ животныхъ и взрослыми фигурами низшихъ, и во-вторыхъ между зародышами теперешнихъ животныхъ и взрослыми фигурами исчезнувшихъ организмовъ.

Дарвинъ объясняетъ дѣло просто и понятно. Птица и млекопитающее организованы выше рыбы; эти высшія формы припаровлены къ особеннымъ условіямъ жизни; эти припоровленія до нѣкоторой степени изгладили черты основного типа, но въ зародышѣ эти черты остались въ большой неприкосновенности, потому что всякія припаровленія полезны и необходимы только взрослому животному, которое добываетъ себѣ пищу и защищается отъ враговъ собственными силами. Пока кондоръ сидитъ въ яйцѣ, ему не нужны сильныя крылья и острое зрѣніе; пока тигренокъ находится въ утробѣ матери, ему безполезны зубы и когти. Поэтому естественный выборъ совершенствуетъ только взрослыхъ и касается зародыша настолько, насколько этотъ послѣдній долженъ измѣниться по своей связи съ будущей формой взрослаго животнаго. Рыбы и птицы, и млекопитающія произошли по прямой линіи отъ рыбъ древнѣйшихъ геологическихъ эпохъ, силурской и девонской. Рыбы меньше удалились отъ этого первобытнаго типа; птицы и млекопитающія удалились отъ него гораздо больше, и при этомъ разошлись въ разныя стороны. Но зародышъ птицъ и млекопитающихъ, не имѣя надобности припаровляться къ различнымъ условіямъ жизни, сохранилъ черты своего девонскаго или силурскаго предка, а такъ какъ этотъ предокъ до нѣкоторой степени похожъ на теперешнюю рыбу, то и зародышъ высшихъ, позвоночныхъ формъ также похожъ на эту низшую форму. По той-же самой причинѣ зародыши различныхъ животныхъ одного отдѣла похожи одинъ на другого. Только долговременное упражненіе многихъ поколѣній и постоянное дѣйствіе естественнаго выбора втеченіи многихъ тысячелѣтій создали у различныхъ животныхъ ноги, крылья и разные другіе сложные органы. У предковъ всѣ эти подробности и утонченныя затѣи вовсе не существовали, а когда онѣ возникли, то возникли въ самой грубой и элементарной формѣ, такъ что можно было поворотить эти куски органическаго вещества куда угодно, и на крыло, и на плавникъ, и на ногу. Въ породѣ эти куски шлифовались и обтачивались втеченіи цѣлыхъ геологическихъ эпохъ, а въ отдѣльномъ животномъ, то есть въ зародышѣ, они шлифуются втеченіи нѣсколькихъ недѣль. Крапчатое перо молодыхъ дроздовъ достается имъ по наслѣдству отъ общаго родоначальника дроздоваго семейства. Такъ-же точно объясняются полоски или пятна на шкурѣ новорожденнаго льва и пумы.

Большая часть насѣкомыхъ выходитъ изъ яичка въ видѣ личинки или червяка; различныя личинки очень сильно отличаются одна отъ другой, потому что многія изъ нихъ сами должны добывать себѣ пищу и слѣдовательно должны быть приспособлены къ различнымъ условіямъ жизни. Но, несмотря на то, форма червяка ясно обозначена у всѣхъ личинокъ. Это доказываетъ, что черви были родоначальниками насѣкомыхъ, подобно тому, какъ рыбы были родоначальниками пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ. Нѣкоторыя животныя поставлены въ такія условія жизни, при которыхъ сложное и утонченное устройство организма становится для нихъ безполезнымъ, обременительнымъ и даже вреднымъ. Кроту, копающемуся въ землѣ, червяку, живущему въ кишечномъ каналѣ другого животнаго, или чужеядному раку, присосавшемуся на всю жизнь къ тѣлу рыбы, совершенно безполезны органы зрѣнія. Такіе безполезные органы утрачиваются; взрослое животное приспособляется къ условіямъ жизни, но эти перемѣны по обыкновенію не относятся къ зародышу. Поэтому зародышъ сохраняетъ черты прежняго типа, и вслѣдствіе этого организація его оказывается выше и совершеннѣе, чѣмъ тѣлосложеніе взрослаго животнаго, испытавшаго регрессивную перемѣну. Семейство усоногихъ раковъ (Cerrhipedia) очень замѣчательно по этимъ своеобразнымъ отношеніямъ между зародышами и взрослыми формами. «Ихъ личинки,—говоритъ Дарвинъ,—въ первой степени своего развитія имѣютъ три пары ногъ, одинъ очень простой глазъ и ротъ въ видѣ хобота, посредствомъ ко-

тораго онѣ обильно питаются, потому что растутъ быстро. Во второмъ, соотвѣтствующему кукольной стадіи бабочекъ, они имѣютъ шесть паръ ногъ самаго изящнаго устройства, два великолѣпныхъ сложныхъ глаза и чрезвычайно сложные усики: но ротъ закрытъ и такъ устроенъ, что онѣ не могутъ питаться. Ихъ отправленіе въ этой стадіи состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ высокоразвитыхъ органовъ чувства отыскать удобное мѣсто для дальнѣйшихъ превращеній и чтобы доплыть до этого мѣста при помощи своего высоко-развитого плавательнаго аппарата. По совершеніи окончательнаго метаморфоза они прикрѣплены на всю жизнь. Ихъ ноги превращаются въ хватательные органы; они снова пріобрѣтаютъ хорошо устроенный ротъ, но усики пропадаютъ, а ихъ два глаза снова замѣняются однимъ мелкимъ, весьма простымъ глазнымъ пятнышкомъ. Нѣкоторыя личинки усоногихъ раковъ при последнемъ метаморфозѣ понижаются еще сильнѣе: онѣ превращаются въ такое существо, которое Дарвинъ называетъ «дополнительнымъ самцомъ»; это — простой мѣшокъ, у него нѣтъ ни рта, ни желудка, ни органовъ чувства; онъ живетъ очень недолго, совсѣмъ не принимаетъ пищи и занимается исключительно оплодотвореніемъ того болѣе развитого существа, къ которому онъ прикрѣпленъ. Усоногіе раки до такой степени измѣнились подъ вліяніемъ своей сидячей жизни, что Кювье, знавшій только взрослыхъ животныхъ этой группы, относилъ ихъ къ классу моллюсковъ. Но настоящій типъ, указывающій на дѣйствительное происхожденіе этихъ животныхъ, сохранился въ личинкахъ или зародышахъ, и когда различныя фазы ихъ развитія были открыты и прослѣжены, тогда натуралисты немедленно причислили усоногихъ къ классу раковъ. Этому открытію въ значительной степени содѣйствовалъ самъ Дарвинъ, написавшій объ усоногихъ ракахъ великолѣпную монографію въ двухъ томахъ.

II.

У очень многихъ животныхъ существуютъ неразвитые органы, которые не приносятъ имъ ни малѣйшей пользы, подобно тому, какъ окно, нарисованное на стѣнѣ зданія, не даетъ ни одного луча свѣта обитателямъ этого зданія. Въ классѣ млекопитающихъ почти всѣ самцы носятъ на груди или на животѣ зачаточные сосцы. У птицъ кости крыла заканчиваются небольшой косточкой, которая называется крылушкомъ (alula alа spuria) и составляетъ зачаточный палецъ. Эта косточка совершенно закрыта перьями крыла и нисколько не помогаетъ полету птицы. У многихъ змѣй развито и приспособлено для дыханія только одно лѣвое легкое, правое совершенно безполезно и находится всегда въ полномъ бездѣйствіи, однако оно существуетъ въ зачаточномъ состояніи, и змѣя, втеченіи всей своей жизни, таскаетъ въ своемъ тѣлѣ этотъ негодный мѣшочекъ. У другихъ змѣй есть зачатки тазовыхъ костей и заднихъ оконечностей. Чѣмъ вы объясните существованіе этихъ безполезныхъ органовъ? Зачѣмъ природа приставила къ тѣлу животныхъ эти негодныя и безсмысленныя брелоки? Въ военныхъ мундирахъ всѣхъ европейскихъ державъ есть очень много безполезныхъ висюлекъ и разводовъ, но если вы только справитесь объ историческомъ происхожденіи этихъ штучекъ, то увидите, что почти всѣ онѣ въ свое время имѣли нѣкоторый смыслъ и опредѣленное, утилитарное назначеніе. Эполеты, аксельбанты, темляки, шнурки — все это возникло изъ походныхъ или боевыхъ потребностей солдата и только впослѣдствіи превратилось въ безполезное украшеніе. Но вѣдь извѣстное дѣло, что человѣкъ иногда дѣйствуетъ по внушеніямъ свободной фантазіи, и что, напротивъ того, въ природѣ все производится по неизмѣннымъ законамъ, такъ что каждая ничтожная мелочь обусловливается какой нибудь необходимой причиной. Если человѣкъ въ самыхъ произвольныхъ своихъ созданіяхъ, въ покроѣ и украшеніи своего платья, руководствуется реальными побужденіями, стремленіями къ удобству и безопасности, то смѣшно и дико было-бы думать, что цѣлыя породы живыхъ организмовъ *постоянно* носятъ на своемъ тѣлѣ приставки и привѣски, не имѣющія достаточной причины существованія. Причина, разумѣется, есть, и читатель ее знаетъ; она одинакова, какъ для украшеній военнаго мундира, такъ и для неразвитыхъ органовъ живого тѣла. Эта причина — наслѣдственность. Эполеты были сначала придуманы для того, чтобы защищать плечо отъ сабельнаго удара; теперь они ровно ничего не защищаютъ, но ихъ носятъ по старой привычкѣ. Въ природѣ роль старой привычки играетъ сила наслѣдственности, и органы, существующіе въ настоящее время въ зачаточномъ или неразвитомъ состояніи, были прежде развитыми и дѣятельными и приносили предкамъ теперешнихъ животныхъ существенную практическую пользу. Зачаточные сосцы самцовъ по всей вѣроятности указываютъ намъ на то обстоятельство, что самецъ и самка сформированы по одному общему типу, и самецъ вслѣдствіе этого сохранилъ сосцы, потерявшіе въ его организмѣ всякое практическое значеніе. Я долженъ признаться читателю, что это предположеніе принадлежитъ лично мнѣ. Дарвинъ приводитъ фактъ, но не даетъ ему отдѣльнаго объясненія; онъ объясняетъ вообще значеніе зачаточныхъ органовъ; въ каждомъ изъ этихъ органовъ онъ видитъ или остатокъ прошедшаго, или зарожденіе будущаго, то есть или этотъ органъ былъ дѣятельнымъ и потомъ утратилъ свою силу, или же онъ формируется вновь и понемногу увеличивается дѣйствіемъ естественнаго выбора. Зачаточный палецъ птицъ, заглохшее

легкое, тазовая кость и заднія оконечности змѣй объясняются очень просто. Предокъ птицы пользовался своимъ пальцемъ вполнѣ, а предокъ змѣи дышалъ обоими легкими и быть-можетъ былъ похожъ на ящерицу по устройству таза и заднихъ лапъ. У кита, когда онъ находится въ утробѣ матери, выростаетъ въ каждой челюсти около сотни зубовъ, которые впослѣдствіи выпадаютъ, и замѣняются въ верхней челюсти роговыми пластинками, извѣстными подъ названіемъ китоваго уса. Киту зубы совершенно безполезны, но предку этого животнаго они по всей вѣроятности были необходимы. У нѣкоторыхъ жуковъ жесткія надкрылья спаяны наглухо, такъ что летаніе невозможно; однако, подъ сросшимися щитками все-таки лежатъ крылья, которымъ никогда не приходится выглянуть на свѣтъ и развернуться. Ясное дѣло, что предки этихъ жуковъ летали, и что органъ еще уцѣлѣлъ, когда отправленіе уже прекратилось. То-же самое можно сказать о неразвитыхъ глазахъ нѣкоторыхъ кротовъ и слѣпыхъ обитателей темныхъ пещеръ. Иногда бываетъ, что ослабѣвшій органъ примѣняется къ какому-нибудь новому назначенію. Напримѣръ плавательный пузырь рыбы обыкновенно употребляется на то, чтобы рыба, сжимая или расширяя его, могла подниматься или опускаться въ водѣ. Но у нѣкоторыхъ рыбъ этотъ пузырь сдѣлался такъ малъ, что пересталъ помогать имъ во время плаванія; зато онъ сдѣлался дыхательнымъ органомъ, такъ что на него можно смотрѣть, какъ на возникающее легкое. Крыло пингвина слишкомъ слабо, чтобы поддерживать тѣло этой птицы на воздухѣ, и теперь оно служитъ пингвину весломъ во время плаванія и ныряния. Если каждый видъ переродился сообразно съ условіями жизни и борьбы, тогда всѣ зачаточные, возникающіе, заглохшіе или искаженные органы становятся понятными, какъ необходимые продукты великаго закона наслѣдственности. «Зачаточные органы, говоритъ— Дарвинъ,—могутъ быть сравнены съ тѣми буквами слова, которыя, сохранившись въ письмѣ, но утратившись въ произношеніи, служатъ намъ намеками на этимологію этого слова». Это сравненіе отличается чрезвычайной мѣткостью и въ высшей степени удачно характеризуетъ значеніе зачаточныхъ органовъ для мыслящаго натуралиста.

Мы видѣли, что зародыши различныхъ животныхъ одного класса очень похожи одинъ на другого; сходство это ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ животное зрѣетъ и складывается; но любопытно замѣтить, что даже въ зрѣломъ возрастѣ животныя одного класса оказываются построенными по одному общему плану. Это единство общаго плана уже давно подмѣчено натуралистами, и оно никакъ не можетъ быть объяснено сходствомъ въ условіяхъ жизни. Можно-ли найти какое-нибудь сходство между жизнью крота, лошади, моржа и летучей мыши? Всѣ эти животныя превосходно приспособлены къ самымъ различнымъ положеніямъ и занятіямъ, всѣ они одарены тѣми органами, которые необходимы для ихъ продовольствія и для обезпеченія ихъ существованія, всѣ ихъ органы чрезвычайно различны, и между тѣмъ эти органы все-таки построены по общему плану. Рука обезьяны приспособлена къ хватанію и ощупыванію предметовъ; лапа крота — къ раскапыванію земли; передняя нога лошади — къ простой ходьбѣ; ластъ моржа—къ плаванію; крыло летучей мыши — къ летанію; и между тѣмъ всѣ эти оконечности состоятъ изъ подобныхъ костей, расположенныхъ въ одинаковомъ, относительномъ порядкѣ; во всѣхъ этихъ оконечностяхъ мы видимъ одинаковое число главныхъ сочлененій или суставовъ, и во всѣхъ ихъ мы различаемъ совершенно ясно плечевую кость, локтевую, запястье и пясть. Относительная величина и форма этихъ отдѣльныхъ составныхъ частей измѣняется до безконечности, но всегда самыя части остаются расположенными въ томъ-же порядкѣ. Оуэнъ и другіе первоклассные анатомы утверждаютъ единогласно, что это единство плана, сохраняющееся, несмотря на различныя условія жизни, рѣшительно не можетъ быть объяснено какими-нибудь особенными цѣлями природы.

Если мы возьмемъ одно отдѣльное животное и будемъ внимательно изучать различныя части или органы его тѣла, то мы и здѣсь замѣтимъ также очень любопытное явленіе. Мы увидимъ, что нѣкоторыя части, непохожія другъ на друга по своей фигурѣ и приспособленныя къ различнымъ отправленіямъ, построены также по одному общему плану. Напримѣръ переднія и заднія оконечности состоятъ изъ одинаковыхъ костей, расположенныхъ въ одинаковомъ порядкѣ, несмотря на то, что по своимъ отправленіямъ рука не похожа на ногу и крыло летучей мыши не похоже на ея лапу. Черепъ позвоночныхъ животныхъ состоитъ изъ большого количества различныхъ костей, которыя сростаются вполнѣ только въ зрѣломъ возрастѣ и притомъ сростаются такъ, что швы остаются замѣтными. Кажется, для крѣпости черепа и для большей сохранности головного мозга было-бы удобнѣе, чтобы черепъ состоялъ изъ одной цѣльной кости или по крайней мѣрѣ изъ наименьшаго количества составныхъ частей. На это разсужденіе можно возразить, что черепъ млекопитающаго, благодаря многочисленности своихъ составныхъ частей, не сросшихся въ плотную массу, можетъ сжиматься въ минуту рожденія, и что это сжатіе облегчаетъ выходъ животнаго изъ утробы матери. Это разсужденіе справедливо, но оно не можетъ относиться ни къ птицамъ, ни къ ящерицамъ, ни къ черепахамъ, ни вообще ко всѣмъ тѣмъ позвоночнымъ, которыя вылупливаются изъ яйца. Здѣсь сжатіе черепа ни на что

не нужно, а между тѣмъ у всѣхъ этихъ животныхъ костяная коробка, вмѣщающая головной мозгъ, состоитъ изъ множества соотвѣтственныхъ или *гомологичныхъ* частей самой странной формы. Вглядываясь въ эти части черепа, сравнивая ихъ съ частями спинного хребта и изучая положеніе этихъ частей у различныхъ зародышей, натуралисты пришли къ тому убѣжденію, что черепъ составленъ изъ видоизмѣненныхъ позвонковъ спинного хребта. Гёксли при этомъ замѣчаетъ, что было-бы точнѣе выразиться такъ: не позвонки превратились въ кости черепа, а кости и позвонки выработались параллельно изъ какого-нибудь общаго элемента. Такой процессъ совершается дѣйствительно у зародыша. У многихъ раковъ переднія пары ногъ превращены въ челюсти и называются жевательными ногами. Тутъ опять та-же исторія. У первобытнаго типа этого класса не было ни настоящихъ ногъ, ни настоящихъ челюстей; его тѣло было раздѣлено на рядъ члениковъ, снабженныхъ наружными придатками; одни изъ этихъ придатковъ приспособились къ передвиженію тѣла съ мѣста на мѣсто, другіе къ измельченію пищи, третьи превратились въ жабры или органы дыханія. Все это понятно, но, чтобы понять всѣ эти факты, необходимо утвердиться въ томъ убѣжденіи, что видовыя формы способны измѣняться, и что онѣ съ начала органической жизни уже испытали множество превращеній.

Заключеніе.

Работа моя окончена, и я могу сказать по чистой совѣсти, что она стоила мнѣ очень много труда и что, несмотря на то, она все-таки очень неудовлетворительна. Еслибы я обладалъ литературнымъ талантомъ Вольтера и знаніями Александра Гумбольдта, то эти громадныя средства были-бы только что достаточными для того, чтобы вполнѣ удовлетворительно изложить теорію Дарвина для русской публики, не имѣющей никакого понятія о естественныхъ наукахъ. Но развѣ-же у насъ на Руси есть люди съ талантами Вольтера, съ знаніями Гумбольдта и съ добросовѣстнымъ стремленіемъ посвящать всѣ свои силы на умственную пользу во тьмѣ ходящихъ согражданъ? А если нѣтъ такихъ образцовыхъ популяризаторовъ, то, стало-быть, идеи европейскихъ геніевъ должны оставаться для нашей публики тарабарской грамотой? Такъ, что-ли? Или можетъ-быть слѣдуетъ ѣсть не деревянной ложкой, когда не на что купить серебряную? Мнѣ кажется, что благоразумнѣе обратиться къ деревянной, чѣмъ голодать въ тщетномъ ожиданіи серебряной. Поэтому я и рѣшился изобразить своей особой такую деревянную ложку, которую немедленно можно и даже должно бросить подъ столъ, когда на этотъ столъ явится благородный металлъ. Въ моей статьѣ о Дарвинѣ есть по всей вѣроятности недомолвки, неясности, неудачныя выраженія, можетъ-быть есть даже и фактическіе промахи. Что-же дѣлать? Я не спеціалистъ, и читалъ я до сихъ поръ очень мало по естественнымъ наукамъ. Стараясь выразиться яснѣе, я можетъ-быть впадалъ въ ошибки. Но я все-таки повторяю: что-же дѣлать? Вы посмотрите, какъ поступаютъ съ нашей публикой наши спеціалисты. Такого невниманія къ потребностямъ публики, такого неуваженія къ самымъ скромнымъ, законнымъ и неизбѣжнымъ желаніямъ читателей вы не встрѣтите нигдѣ за предѣлами любезнаго нашего отечества. Подумаешь, что спеціалистъ живетъ гдѣ-нибудь на звѣздѣ Оріона и оттуда ведетъ свою рѣчь въ пространство эѳира, вовсе не заботясь о томъ, услышитъ-ли его кто нибудь, или пойметъ-ли его тотъ несчастный слушатель, до котораго случайно долетятъ эти блуждающіе звуки. По моему мнѣнію, полезнѣе прочитать статью вполнѣ понятную, хотя и съ нѣкоторыми ошибками, чѣмъ набивать себѣ голову совершенно безукоризненными диссертаціями, недоступными человѣческому пониманію.

Чтобы получить понятіе о подвигахъ нашихъ спеціалистовъ, намъ не надо далеко ходить за примѣрами. Достаточно взглянуть на то, въ какомъ видѣ книга Дарвина явилась передъ русской публикой. Эту книгу «перевелъ съ англійскаго профессоръ Московскаго университета С. А. Рачинскій». Значитъ, спеціалистъ! Раскрываете книгу — ни одного слова отъ переводчика. Дарвинъ вводится безъ рекомендаціи. Зачѣмъ переведена эта книга, какое значеніе она имѣетъ въ наукѣ, какъ смотритъ на нее «профессоръ Московскаго университета» — все это остается для русскаго читателя глубокой тайной. Читаете далѣе, ни одного пояснительнаго примѣчанія: должно полагать, что мы, русскіе читатели, отлично знаемъ ботанику и зоологію, такъ что можемъ налету ловить и понимать всѣ мимоходныя указанія, которыми переполнена книга Дарвина. При этомъ г. профессоръ выражается такимъ языкомъ, который можетъ показаться русскимъ только истинному спеціалисту. Далѣе, переводъ наполненъ такими плоскими ошибками, которыя непростительны профессору университета. Приведу три примѣра. На стр. 178 говорится о рабовладѣльческомъ инстинктѣ муравьевъ: «рабы черны и на половину мельче своихъ красныхъ господъ», а на стр. 180 уже оказывается, что эти черные рабы сдѣлались бурыми. Эта нелѣпость создана русскимъ переводчикомъ. У Дарвина говорится, что рыжеватый муравей (Formica rufescens) захватываетъ въ плѣнъ бураго (F. fusca), а кровавый (F. sanguinea) — чернаго. Рачинскій все это заблагоразсудилъ перепутать. На стр. 228 Дарвинъ разсказываетъ, будто онъ «извлекъ изъ лапы куропатки *двадцать два зернышка* сухоглинистой земли». Что за неслыханная чепуха! Кто же это

измѣряетъ глину зернышками? Загадка объясняется просто: въ подлинникѣ стояло слово grain, и надо было перевести *двадцать два грана*; тогда всякій аптекарскій ученикъ пойметъ, что̀ это значитъ. А г. профессоръ хватилъ *двадцать два зернышка* и вложилъ свое остроумное изобрѣтеніе въ уста несчастнаго Дарвина.— На стр. 290 говорится, что «горы Шотландіи и Уэльса съ ихъ исчерченными склонами, отполированными поверхностями и шатающимися валунами свидѣтельствуютъ о ледяныхъ потокахъ, нѣкогда наполнявшихъ ихъ долины». Въ двухъ строкахъ двѣ нелѣпости. Что это за *шатающіеся* валуны? *Шатающіеся*—это, видите-ли, переводъ слова *эрратическіе*. Errare значитъ бродить, шататься; ну, и чудесно! Пускай валуны *шатаются!—А ледяные потоки*—это что такое? Это красивое выраженіе, замѣняющее, по мнѣнію г. спеціалиста, слово *ледники*. Но послѣдній курьезъ въ русскомъ переводѣ Дарвина лучше всѣхъ остальныхъ. Въ этой книгѣ много опечатокъ, и притомъ такихъ, которыя искажаютъ смыслъ, напримѣръ: «метафорическихъ» вмѣсто «метаморфическихъ» (стр. 284), «Стараго Свѣта» вмѣсто «Новаго Свѣта» (стр. 275), и другія въ томъ-же родѣ. Но это еще ничего. Опечатки вездѣ бываютъ, а любопытно вотъ что. Къ книгѣ приложенъ списокъ опечатокъ. Въ этомъ спискѣ я не нашелъ *ни одной* изъ тѣхъ опечатокъ, которыя бросались мнѣ въ глаза во время чтенія. Тогда я полюбопытствовалъ посмотрѣть, есть-ли въ книгѣ тѣ опечатки, которыя изобличаетъ списокъ. Оказалось, что нѣтъ, и притомъ ни одной. Къ книгѣ приложенъ интересный списокъ опечатокъ, заключающихся въ какой-то другой книгѣ. И даже нельзя сослаться на ошибку переплетчика. Списокъ напечатанъ на одномъ печатномъ листѣ съ текстомъ и съ алфавитнымъ указателемъ. Вотъ у насъ какія чудеса дѣлаются, и вотъ въ какомъ нарядѣ появляется предъ русской публикой великое твореніе геніальнѣйшаго изъ современныхъ мыслителей.

Послѣ этого, любезные соотечественники, вы, ей богу, даже къ *деревянной ложкѣ* должны отнестись съ снисходительною нѣжностью. А впрочемъ мнѣ совсѣмъ не нужна ваша снисходительность. Я совсѣмъ не хочу, чтобы вы по моимъ статьямъ учились естествознанію, я хочу только, чтобы мои статьи шевелили вашу любознательность, доводили до вашего свѣдѣнія слабый отголосокъ великихъ движеній европейской мысли и разгоняли хоть немного вашу умственную дремоту. А теперь довольно говорить о деревянной ложкѣ. Обратимся еще разъ къ Дарвину и скажемъ нѣсколько словъ о томъ впечатлѣніи, которое произвели его идеи на Европу. Впечатлѣніе сильное, и вѣроятно оно еще долго будетъ усиливаться, по мѣрѣ того, какъ защитники различныхъ оттѣнковъ мысли будутъ пристальнѣе вглядываться въ громадное мировое значеніе этихъ идей. Нѣмецкіе филистеры уже пустили въ ходъ слово *«Дарвинисты»*, придали этому слову ругательное значеніе и усиливаются доказать, что теорія Дарвина, во-первыхъ,—пустая мечта, а во вторыхъ,—самая безнравственная штука. Главные доводы этихъ милашекъ давно извѣстны, и ихъ могли-бы высказать съ нарочитымъ успѣхомъ Пульхерія Ивановна и купчиха Кабанова. Иногда тенденціи этихъ почтенныхъ русскихъ женщинъ, проходя черезъ уста нѣмецкихъ филистеровъ, прикрываются благообразной мантіей: мы, дескать, ратуемъ за строгую точность науки и требуемъ отъ нея, чтобы она не пускалась въ обаятельныя мечтанія и красивыя гипотезы. Такими филистерскими тенденціями пропитана рѣчь доктора Шнпса, читанная въ прошломъ году въ какомъ-то Зипкенберговскомъ обществѣ естествоиспытателей. Эта рѣчь, напечатанная отдѣльной брошюрой, называется «о границахъ естествознанія». Такихъ рѣчей будетъ говорено много, и такихъ брошюръ будетъ писано по поводу Дарвина еще больше, и все это будетъ читаться и слушаться съ удовольствіемъ такими людьми, которые пресерьезно считаютъ себя мыслителями и естествоиспытателями. Я думаю даже, что и у насъ, въ Россіи, великій естествоиспытатель Страховъ прочтетъ эти творенія съ наслажденіемъ, и самъ произведетъ нѣчто въ такомъ-же родѣ. Но въ Западной Европѣ есть люди и другого закала. Въ Англіи творецъ новѣйшей геологіи, Чарльзъ Ляйелль, склонился къ теоріи Дарвина, Гёксли работаетъ въ томъ же направленіи. Гукеръ, Уэллесъ, Батетъ пришли къ тѣмъ-же результатамъ. Изъ нѣмцевъ Карлъ Фохтъ, бывшій прежде приверженцемъ Агассиза, перешелъ рѣшительно на сторону Дарвина. Фохтъ—пожилой человѣкъ, извѣстный ученый—отказывается отъ всего своего прошедшаго и прямо сознается, что аргументы Дарвина переубѣдили его. Во второмъ томѣ своихъ лекцій о человѣкѣ, вышедшихъ въ концѣ прошлаго года, онъ отводитъ слишкомъ тридцать страницъ на разсмотрѣніе идей Дарвина и высказываетъ на этихъ страницахъ много дѣльныхъ фактическихъ замѣчаній, которыя могутъ служить превосходнымъ подтвержденіемъ новой теоріи. Въ введеніи ко второму тому Фохтъ замѣчаетъ между прочимъ, что два первоклассные ботаника, Альфонсъ Де-Кандоль и Ноденъ, въ послѣднее время двумя совершенно самостоятельными путями пришли къ одинаковымъ выводамъ, чрезвычайно благопріятнымъ для идей Дарвина. Де-Кандоль изучалъ различные виды дуба, а Ноденъ занимался скрещиваніями видовъ и разновидностей растительнаго царства. Оба убѣдились въ томъ, что различные виды возникли и до сихъ поръ возникаютъ одинъ изъ другого посредствомъ медленныхъ измѣненій.

Фохтъ совершенно согласенъ съ той мыслью Дарвина, что геологія при теперешней бѣдности своихъ наличныхъ матеріаловъ не имѣетъ ни малѣйшей возможности произносить окончательный приговоръ надъ теоріей перерожденія видовъ. Фохтъ самъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ, доказывающихъ, какъ преждевременны были попытки геологовъ построить систему мірозданія изъ немногихъ собранныхъ ими обломковъ. Теорія Дарвина сильна именно тѣмъ, что она можетъ существовать помимо геологическихъ доказательствъ, опираясь на факты *живой* природы.

Въ 1863 году извѣстный филологъ Шлейхеръ издалъ небольшую брошюру подъ заглавіемъ: «Теорія Дарвина и языкознаніе». Онъ доказываетъ, что идеи Дарвина могутъ быть примѣнены къ историческому изученію языковъ. Языки также расходятся въ различныя стороны отъ немногихъ коренныхъ родоначальниковъ; они также дробятся на нарѣчія или говоры, соотвѣтствующіе разновидностямъ органическаго міра эти говоры обособляются и превращаются въ отдѣльные языки—это виды органическаго міра. Языки опять дробятся и порождаютъ новые языки, причемъ многіе изъ старыхъ говоровъ и языковъ вымираютъ, какъ вымерли напримѣръ санскритскій, греческій, латинскій и древнееврейскій. Для насъ брошюра Шлейхера особенно любопытна, какъ разумное слово посторонняго человѣка, не имѣющаго личнаго пристрастія ни къ одному изъ двухъ лагерей современныхъ натуралистовъ. Глубокое уваженіе Шлейхера къ естественнымъ наукамъ заслуживаетъ полнаго вниманія: «Я горячо желаю,—говоритъ онъ,—чтобы метода естественныхъ наукъ постоянно болѣе и болѣе прививалась къ изслѣдованію языковъ. Быть-можетъ слѣдующія строки убѣдятъ кого нибудь изъ начинающихъ филологовъ пойти въ ученіе къ дѣльнымъ ботаникамъ и зоологамъ для усвоенія надлежащей методы. Даю ему слово, что онъ въ этомъ не раскается. Я по крайней мѣрѣ знаю очень хорошо, чѣмъ я обязанъ изученію такихъ произведеній, какъ научная ботаника Шлейдена, физіологическія письма Карла Фохта, и др. Я знаю, какъ они помогли мнѣ понять сущность и жизнь языка. Вѣдь изъ этихъ книгъ я узналъ впервые, что̀ такое *исторія развитія* (Entwickelungsgeschichte)».

Далѣе Шлейхеръ съ замѣчательной вѣрностью взгляда опредѣляетъ настоящій смыслъ той неразрывной связи, въ которой идеи Дарвина находятся съ общимъ движеніемъ человѣческой мысли нашего времени. «Наблюденіе,—говоритъ онъ,—составляетъ фундаментъ современнаго знанія. Кромѣ наблюденія допускается только неизбѣжный выводъ, основанный на томъ же наблюденіи. Все, что̀ построено на однихъ гадательныхъ соображеніяхъ, все, что̀ создано мыслью въ пустомъ пространствѣ, считается въ лучшемъ случаѣ остроумной забавой, но для науки все это — безполезный хламъ. Наблюденіе учитъ насъ, что всѣ живые организмы, вообще входящіе въ кругъ удовлетворительнаго изслѣдованія, измѣняются по опредѣленнымъ законамъ. Эти измѣненія ихъ, эта жизнь составляютъ ихъ настоящую сущность. Мы знаемъ ихъ только тогда, когда знаемъ сумму этихъ измѣненій, когда знаемъ всю ихъ сущность. Другими словами: если мы не знаемъ, какъ вещь образовалась, то мы совсѣмъ не знаемъ этой вещи. Положивши наблюденіе въ основу нашего знанія, мы тѣмъ самымъ упрочили за исторіей развятія и за научнымъ изслѣдованіемъ жизни организмовъ то важное значеніе, которое они имѣютъ теперь для современнаго естествознанія. — Важность исторіи развитія (эмбріологіи) для изученія индивидуальнаго организма не подлежитъ уже возраженіямъ. Сначала исторія развитія проникла въ зоологію и въ ботанику. Ляйелль, какъ извѣстно, изобразилъ также жизнь нашей планеты. какъ рядъ постепенно совершавшихся видоизмѣненій; онъ доказалъ, что и здѣсь, какъ въ жизни другихъ естественныхъ организмовъ, не существуетъ скачковъ. И Ляйелль также ссылается прежде всего на наблюденіе. Такъ какъ наблюденіе новѣйшаго періода земной жизни,—періода. правда, очень короткаго, показываетъ только постепенныя измѣненія, то мы и не имѣемъ рѣшительно никакого права предполагать для прошедшаго другой порядокъ жизненныхъ явленій. Той же точки зрѣнія держался и я при изслѣдованіи жизни языковъ, которая также доступна непосредственному наблюденію только въ своихъ послѣднихъ, новѣйшихъ, и сравнительно очень короткихъ періодахъ. Этотъ короткій періодъ въ нѣсколько тысячелѣтій доказываетъ намъ съ неопровержимой достовѣрностью, что жизнь словесныхъ организмовъ идетъ вообще по опредѣленнымъ законамъ, подвергаясь постепеннымъ измѣненіямъ, и что мы не имѣемъ ни малѣйшаго права предполагать, чтобы когда-нибудь это дѣло совершалось иначе. Дарвинъ и его предшественники *) сдѣлали шагъ впередъ въ сравненіи съ другими ботаниками и зоологами; нетолько недѣлимыя имѣютъ жизнь, но и виды, и роды; и они также образовались постепенно, и они также подвергаются постояннымъ видоизмѣненіямъ по опредѣленнымъ законамъ. Подобно всѣмъ современнымъ изслѣдователямъ, Дарвинъ также опирается на наблюденіе, хотя оно, по самой сущности дѣла, распространяется только на короткій періодъ времени, также какъ и наблюденіе надъ жизнью земли и надъ жизнью языковъ. Такъ какъ мы дѣйствительно можемъ замѣтить, что виды не совсѣмъ неизмѣнны, то измѣняемость ихъ, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, мо-

*) Окенъ, Гёте, Ламаркъ, Эгьеннъ и Жоффруа-Сентъ-Илеръ.

жетъ считаться доказанной. Обстоятельство, само по себѣ случайное, именно краткость періода, подлежавшаго достовѣрнымъ наблюденіямъ, составляетъ причину, почему измѣненія видовъ вообще представляются незначительными. Надо только, согласно съ результатами другихъ наблюденій, допустить, что живыя существа населяли нашу планету втеченіи очень многихъ тысячелѣтій, и тогда мы успѣемъ постигнуть, какимъ образомъ постоянныя медленныя видоизмѣненія, подобныя тѣмъ, которыя дѣйствительно подлежатъ наблюденію, — привели за собою существованіе теперешнихъ видовъ и родовъ. Вслѣдствіе этого ученіе Дарвина дѣйствительно представляется мнѣ, какъ необходимый результатъ тѣхъ основныхъ положеній, которыя признаны современнымъ естествознаніемъ. Это ученіе основано на наблюденіи и составляетъ попытку изобразить исторію развитія. Что Ляйелль сдѣлалъ для исторіи земли, то выполнилъ Дарвинъ для исторіи обитателей земного шара. Слѣдовательно, ученіе Дарвина—не случайное явленіе, не порожденіе прихотливаго личнаго ума, а напротивъ того, это законное и естественное дитя нашего столѣтія. Теорія Дарвина была настоятельной потребностью времени».

Вотъ какими глазами смотрятъ на произведеніе Дарвина люди умные и совершенно безпристрастные.

1864 г.

Историческое развитіе европейской мысли.

I.

Лѣтъ за восемьсотъ до Рождества Христова полудикій греческій народъ съ напряженнымъ вниманіемъ и съ ребяческой довѣрчивостью слушалъ пѣсни странствующихъ пѣвцовъ о подвигахъ Геркулеса и Тезея, о путешествіи аргонавтовъ въ Колхиду за золотымъ руномъ, о быстроногомъ Ахиллесѣ, о хитроумномъ Одиссеѣ, о паденіи Иліона, о несчастіяхъ и преступленіяхъ Атридовъ и потомковъ Кадма. Въ этихъ пѣсняхъ заключалась вся мудрость тогдашняго грека. Тутъ была и религіозная догматика, и нравственная философія, и исторія, и физика, и астрономія; все это было смѣшано въ одну пеструю кучу и все вмѣстѣ считалось святой и неприкосновенной истиной. Много было чудесъ въ томъ мірѣ, который представлялся греческому воображенію, но міръ этотъ былъ узокъ и бѣденъ, и чудеса въ немъ были маленькія и игрушечныя. Въ центрѣ всего мірозданія лежитъ земля, плоская, какъ блинъ, и опоясанная кругомъ водами океана; надъ землей раскинутъ въ видѣ балдахина хрустальный сводъ голубого неба; по этому своду ходятъ солнце, луна и звѣзды; пониже этихъ ходячихъ лампадокъ носятся тучи, постоянно измѣняя форму и цвѣтъ. На лицевой сторонѣ земли живутъ растенія, животныя и люди, а подъ землей или можетъ-быть на ея изнанкѣ находится царство Плутона, или область ночи и смерти. Туда отправляются души умершихъ; тамъ ихъ судятъ; злыхъ сажаютъ въ Тартаръ на вѣчное мученіе, добрыхъ пускаютъ въ Елисейскія поля для пріятныхъ прогулокъ и удовольствій. На землѣ вмѣстѣ съ простыми людьми живутъ разныя чудовища, великаны и совсѣмъ особенные люди, не похожіе на обыкновенныхъ. На сѣверѣ — счастливые гипербореи; на югѣ—безгрѣшные эѳіопы; на берегахъ Италіи — сирены, завлекающія путешественниковъ пѣснями; рядомъ съ ними, въ Мессинскомъ проливѣ,—чудовища Сцилла и Харибда, поглощающія корабли; въ Сициліи—одноглазые циклопы и кровожадные людоѣды Лестригоны. Выше хрустальнаго небеснаго свода находится Олимпъ,— жилище безсмертныхъ боговъ. Боги эти ѣдятъ и пьютъ, спятъ и любезничаютъ, женятся и плодятся, ругаются и дерутся, но, несмотря на всю эту разнообразную дѣятельность, они повидимому скучаютъ и для развлеченія вмѣшиваются ежеминутно въ дѣла людей, требуютъ отъ нихъ жертвоприношеній, посылаютъ имъ сновидѣнія и болѣзни, соблазняютъ ихъ женъ и дочерей, участвуютъ въ человѣческихъ войнахъ, и вообще, по мѣрѣ силъ и капризовъ своихъ, производятъ всякую путаницу въ мірѣ стихій и въ душѣ человѣка.—Прислушиваясь къ пѣнію своихъ пѣвцовъ, полудикій грекъ не дѣлалъ ни малѣйшаго различія между существеннымъ и несущественнымъ, между идеей и формой, между основнымъ догматомъ и случайнымъ украшеніемъ. Еслибы вы ему сказали, что въ Сициліи нѣтъ одноглазыхъ циклоповъ, то онъ за такое безбожіе окрысился-бы на васъ такъ-же сильно, какъ если-бы вы стали отвергать сплошь все подземное царство Плутона. Сила всего миѳологическаго зданія заключалась именно въ томъ, что критика совсѣмъ не допускалась; ничего не трогай: ни основныхъ началъ, ни подробностей; но эта сила могла продолжаться только до поры до времени; грекамъ стоило только покороче познакомиться съ Сициліей, чтобы немедленно уничтожить ци-

клоповъ; а стоило только одинъ разъ уличить миѳологію въ очевидной лжи для того, чтобы критика тотчасъ начала свою работу; если нѣтъ на свѣтѣ циклоповъ, то можетъ-быть нѣтъ и безгрѣшныхъ эѳіоповъ; вопросы пойдутъ за вопросами, и вѣковая привычка принимать все миѳологическое зданіе за одно неразрывное цѣлое приведетъ за собой тотъ результатъ, что все зданіе развалится, когда нѣкоторыя подробности окажутся ложными.

Въ 670 году до Р. Х. Египетъ въ первый разъ открылъ свои гавани для иностранцевъ; полудикіе, но даровитые и воспріимчивые греки увидѣли себя лицомъ къ лицу съ одной изъ самыхъ древнихъ цивилизацій земного шара. Все, что они видѣли въ Египтѣ, возбуждало въ нихъ изумленіе и шевелило ихъ мозгъ. Періодическія разлитія Нила, сложная система каналовъ для орошенія полей, астрономическія наблюденія жрецовъ, ихъ геометрическія познанія, необходимыя для размежеванія полей послѣ наводненія, ихъ таинственные символы и іероглифы, колоссальныя произведенія египетской архитектуры, пирамиды, лабиринтъ, сфинксы, обелиски — все это вмѣстѣ было гораздо болѣе поразительно, чѣмъ самыя затѣйливыя сказки греческой миѳологіи. Греки узнали, что у египтянъ есть свои собственные боги, не имѣющіе ничего общаго съ греческими богами; а въ могуществѣ этихъ боговъ греки не могли сомнѣваться, потому что видѣли собственными глазами древность, силу и процвѣтаніе того государства, которое находилось подъ покровительствомъ этихъ верховныхъ существъ. Греческій Олимпъ получилъ такимъ образомъ первый ударъ, отъ котораго онъ уже никогда не могъ оправиться.

Въ 572 году до Р. Х. ассирійскій царь Навуходоносоръ разрушилъ финикійскій городъ Тиръ, державшій въ своихъ рукахъ всю торговлю Средиземнаго моря. Малоазійскіе греки и жители Архипелага, пользуясь этимъ событіемъ, быстро развернули свои морскія силы и овладѣли тѣми торговыми путями и сношеніями, которыя составляли безраздѣльную собственность сильныхъ и богатыхъ тирійцевъ. Развитіе греческой торговли повело за собой два ряда послѣдствій. Во-первыхъ, явилось накопленіе и неравномѣрное распредѣленіе богатства; а во-вторыхъ, даже простые матросы, плававшіе по Средиземному морю и посѣщавшіе берега Сициліи, Италіи, Сѣверной Африки, Испаніи и южной Франціи, перестали вѣрить въ существованіе сиренъ, циклоповъ и многихъ другихъ чудесъ гомеровской географіи. Но матросу, какъ рабочему человѣку, некогда было углубляться въ критику и обобщать результаты своихъ ежедневныхъ опытовъ и наблюденій. Этой умственной работой начали заниматься люди тѣхъ достаточныхъ классовъ, которые понемногу образовались вслѣдствіе торговаго движенія въ приморскихъ городахъ малоазійской и европейской Греціи. Изъ этихъ достаточныхъ классовъ стали выдвигаться впередъ поэты, историки, философы. Какъ только индивидуальная мысль начала шевелиться, такъ она тотчасъ почувствовала, что ей тѣсно и душно въ тѣхъ готовыхъ рамкахъ міросозерцанія, которыя были установлены народными преданіями для всѣхъ и навсегда. Поэты повидимому меньше всѣхъ остальныхъ умственныхъ работниковъ враждовали съ миѳологіей, но и поэтамъ невозможно было ужиться съ ней въ добромъ согласіи. Они брали миѳологическіе сюжеты для своихъ эпическихъ и драматическихъ произведеній, но они перерабатывали эти сюжеты совершенно по своему, и очень часто случалось, что сочувствіе поэта ложилось совсѣмъ не на ту сторону, на которой ему слѣдовало лежать по понятіямъ немыслящаго большинства. Эсхилъ написалъ на примѣръ трагедію «Скованный Прометей» и возвеличилъ въ ней геніальнаго Титана, который желая облагодѣтельствовать людей, навлекъ на себя жестокое мщеніе завистливаго и несправедливаго громовержца Зевеса. Разумѣется, въ такой трагедіи Зевесъ, великій отецъ боговъ и людей, игралъ очень некрасивую роль; Прометей высказывалъ ему очень сильными словами очень горькія истины, а зрители понимали какъ нельзя лучше, что за фигурой Прометея скрывается самъ Эсхилъ, подрывающій его дерзкими рѣчами вѣру въ величіе, а пожалуй даже и въ существованіе безсмертныхъ олимпійцевъ.

Историки старались разсказывать событія такъ, чтобы видна была естественная связь между причинами и слѣдствіями; люди боролись между собою, люди побѣждали другъ друга; ихъ поступками управляли простыя человѣческія страсти; никакого вмѣшательства высшихъ силъ не замѣчалось, и писатель, а вслѣдъ за нимъ и его читатели приходили понемногу къ тому размышленію, что можетъ-быть и всегда событія слагались такъ же просто, что можетъ-быть и священная Троя была разрушена безъ малѣйшаго содѣйствія Паллады-Аѳины и волоокой Геры. Еще необузданнѣе была дерзость философовъ. Эти съ перваго шага отодвинули прочь весь Олимпъ и на мѣсто живыхъ и человѣкообразныхъ боговъ поставили неодушевленныя стихіи и слѣпыя силы природы. Одни изъ этихъ философовъ пришли путемъ своихъ размышленій къ единобожію; другіе — къ пантеизму, то есть къ тому выводу, что Богъ и вселенная — одно и то-же; третьи — къ совершенному отрицанію божества. Все они наговорили и написали ужасно много чепухи по физикѣ, по астрономіи и по психологіи; всѣ они, за исключеніемъ Аристотеля, старались что-то отгадать, вмѣсто того чтобы смотрѣть и изучать міръ видимыхъ явленій; но всѣ они боролись противъ миѳологіи, всѣ они, собирая вокругъ себя школы усердныхъ слушателей и поклонниковъ, содѣйствовали разру-

нію греческаго многобожія, и эта отрицательная сторона ихъ дѣятельности имѣетъ важное и прочное историческое значеніе. Положительные же выводы всѣхъ этихъ мыслителей, начиная отъ Фалеса и кончая Платономъ, до такой степени ничтожны и наивны, что на нихъ не стоитъ останавливаться ни на одну минуту. Умнѣйшіе изъ греческихъ философовъ сами поняли очень хорошо, что всѣ ихъ умозрѣнія никуда не годятся. «Ничто не можетъ быть познано,— говоритъ Анаксагоръ,—ничто не можетъ быть изучено, ничто не можетъ сдѣлаться достовѣрнымъ; чувства ограничены; умъ слабъ; жизнь коротка.» На этой мысли скептики построили всю свою философію и пришли къ отрицанію всего видимаго міра и наконецъ къ отрицанію самаго отрицанія. Софисты превратили философію въ діалектическое орудіе, которымъ можно было доказывать все, что̀ угодно, въ ту или въ другую сторону. Въ концѣ концовъ греческая мысль, не поддержанная опытомъ и наблюденіемъ, пришла такимъ образомъ къ полному и очевидному банкротству.

Подчиняясь вліянію философіи, исторіи и поэзіи, видя вблизи и держа въ собственныхъ рукахъ чисто человѣческія пружины текущихъ политическихъ событій, высшіе классы греческаго народа очень скоро совершенно отложились отъ національной религіи. Но масса продолжала, несмотря ни на что, держаться за своихъ ненаглядныхъ олимпійцевъ съ тѣмъ тупымъ и непостижимымъ упорствомъ, которымъ отличаются вообще народныя массы и которое побѣждается не аргументами, а только медленнымъ, неотразимымъ и нечувствительнымъ дѣйствіемъ всеразлагающаго времени. Такія натянутыя отношенія между образованными людьми и массой продолжались безъ малаго тысяча лѣтъ, то-есть со времени открытія египетскихъ гаваней вплоть до окончательной побѣды христіанства надъ язычествомъ.

II.

Жрецы пользовались очень безцеремонно довѣрчивостью народа; однако надо отдать справедливость и жрецамъ; ихъ дѣятельность не осталась совершенно безплодной: въ храмахъ Эскулапа родилась современная медицина, которая до сихъ поръ признаетъ своимъ отцомъ великаго и честнаго человѣка Гиппократа, жившаго во время пелопонезской войны. Въ то время каждая болѣзнь приписывалась обыкновенно гнѣву какого-нибудь оскорбленнаго божества; больныхъ приносили въ храмъ, преимущественно къ Эскулапу, и жрецы лечили ихъ тамъ заклинаніями и наконецъ кое-какими лекарствами. Больныхъ собиралось въ этихъ храмахъ довольно много, и любознательный человѣкъ могъ наблюдать признаки и постепенное развитіе различныхъ болѣзней. Выздоровѣвшіе больные приносили Эскулапу разныя пожертвованія и между прочимъ оставляли въ храмѣ табличку, на которыхъ былъ описанъ въ общихъ чертахъ весь ходъ пережитой болѣзни. Эти таблички, хранившіяся въ храмѣ для прославленія Эскулапа, могли подъ руками мыслящаго человѣка превратиться въ драгоцѣнный матеріалъ для изученія болѣзней. Такой мыслящій человѣкъ нашелся въ лицѣ Гиппократа. Опираясь на свои собственныя многолѣтнія наблюденія и на критическое изученіе эскулаповскихъ табличекъ, Гиппократъ въ своихъ сочиненіяхъ высказалъ и послѣдовательно выдержалъ до конца ту мысль, что каждая болѣзнь происходитъ отъ вліянія чисто физическихъ причинъ и излечивается чисто физическими средствами. Для основанія разумной медицины эта простая мысль была безусловно необходима, но жрецовъ такая мысль поражала въ самое чувствительное мѣсто. Чѣмъ больше народъ будетъ довѣряться искусству врача, тѣмъ меньше онъ будетъ обращать вниманія на манипуляціи и заклинанія жреца. Больницы наполнятся, а храмы Эскулапа опустѣютъ. Понятно, какую бурю негодованія долженъ былъ поднять противъ себя трезвый мыслитель Гиппократъ. Надо было обладать непоколебимымъ мужествомъ, чтобы пойдти на встрѣчу этой бури, и надо было принести народу очень много совершенно осязательной пользы, чтобы устоять противъ разыгравшихся страстей, то-есть, чтобы не погибнуть такъ, какъ погибъ напримѣръ Сократъ. Гиппократъ былъ гораздо опаснѣе Сократа для языческаго благочинія. Сократъ только говорилъ противъ предразсудковъ и то робко и двусмысленно; а Гиппократъ дѣйствовалъ, и притомъ самымъ разрушительнымъ образомъ: исцѣляя больныхъ своимъ искусствомъ, онъ доказывалъ имъ и всѣмъ ихъ знакомымъ какъ нельзя нагляднѣе, что наука сильнѣе и полезнѣе заклинаній. Но Сократъ погибъ, потому что народъ видѣлъ въ немъ только говоруна, а на Гиппократа не поднялась ни одна рука, потому что Гиппократъ защищалъ свои научныя положенія не только дѣльными доказательствами, но еще и фактическими благодѣяніями. О Гиппократѣ сохранился между прочимъ одинъ анекдотъ, доказывающій намъ, что этотъ великій человѣкъ никогда не льстилъ народнымъ страстямъ и любилъ говорить своимъ неразвитымъ соотечественникамъ голую правду. Можетъ-быть этотъ анекдотъ и вымышленъ впослѣдствіи, но во всякомъ случаѣ онъ показываетъ, какимъ образомъ греки понимали характеръ Гиппократа. Въ городѣ Абдерѣ жилъ философъ Демокритъ, постоянно смѣявшійся надъ различными глупостями всѣхъ людей вообще и своихъ согражданъ въ особенности; онъ не щадилъ своими насмѣшками ни жрецовъ, ни философовъ, ни даже самого себя; его неугомонный смѣхъ упрочилъ за нимъ прозваніе смѣ-

мѣсто было выбрано такъ умно и такъ удачно, что новый городъ разросся съ невѣроятной быстротой и совершенно убилъ въ самое короткое время умственное значеніе Аѳинъ. Въ Александрію потянулись со всѣхъ сторонъ предпріимчивые капиталисты, даровитые художники и глубокіе мыслители. Политика Птоломеевъ, ближайшихъ преемниковъ Александра, довела александрійскую торговлю и александрійскую науку до высочайшей степени процвѣтанія. Здѣсь, въ Александріи, развернулись всѣ силы греческаго ума. Александръ основалъ тотъ городъ, въ которомъ греческая мысль совершила свои величайшіе подвиги, а учитель Александра, Аристотель, одинъ изъ геніальнѣйшихъ людей древняго міра, основалъ тотъ методъ, по которому развилась александрійская наука и по которому всегда будутъ развиваться всѣ отрасли положительнаго, не мечтательнаго и не умозрительнаго знанія. Въ этомъ отношеніи Аристотель составляетъ совершенную противоположность со всѣми своими предшественниками и въ особенности со своимъ учителемъ, Платономъ. Платонъ признаетъ дѣйствительное существованіе какихъ-то общихъ идей; по его мнѣнію, философъ долженъ углубиться въ самого себя, погрузиться въ созерцаніе общихъ идей и потомъ уже изъ этихъ идей вывести частности и подробности видимыхъ явленій. Аристотель, напротивъ того, говоритъ, что общія идеи составляются только посредствомъ отвлеченія общихъ признаковъ отъ частныхъ явленій, и что, стало быть, философъ долженъ наблюдать и изучать живую дѣйствительность, чтобы потомъ, сравнивая между собою отдѣльныя впечатлѣнія, возвышаться до пониманія общихъ законовъ. Методъ Аристотеля безукоризненно вѣренъ; но на практикѣ Аристотель очень часто измѣняетъ своему методу; въ то время фактическихъ знаній было собрано еще такъ мало, что не было ни малѣйшей возможности дѣлать какія-нибудь основательныя философскія заключенія о мірозданіи, о жизни, о человѣческой душѣ и о разныхъ другихъ вопросахъ, надъ которыми любятъ задумываться мыслители. Чтобы оставаться совершенно послѣдовательнымъ, Аристотелю надо было совсѣмъ отказаться отъ философіи и приняться за собираніе фактическихъ наблюденій. Но тогдашніе люди, въ томъ числѣ и самъ Аристотель, думали, что каждому мыслящему человѣку необходимо дать отвѣты на всѣ вопросы, и если неоткуда взять дѣльныхъ отвѣтовъ, то надо непремѣнно пуститься въ догадки и въ умозрѣнія. Увлекаясь печальнымъ пристрастіемъ своего вѣка къ философствованіямъ, Аристотель уклоняется отъ того метода, который онъ признаетъ истиннымъ въ теоріи, и пишетъ чрезвычайно много вздора о физикѣ, о метафизикѣ, о физіологіи и о политикѣ. Аристотель остается вѣренъ своему собственному методу только въ ющагося мудреца изъ Абдеры, а жителямъ этого города доставилъ на вѣчныя времена репутацію непроходимой тупости. Наконецъ почтеннымъ абдеритамъ стало уже слишкомъ тяжело отъ этого постояннаго зубоскальства; они распустили слухъ, что ихъ мудрецъ помѣшался, и пригласили знаменитаго врача Гиппократа полечить рехнувшагося философа. Гиппократ пріѣхалъ въ Абдеру съ искреннимъ соболѣзнованіемъ; оно и въ самомъ дѣлѣ жалко: во всемъ городѣ одинъ умный человѣкъ былъ, да и тотъ съ ума сошелъ. Гиппократъ освидѣтельствовалъ заподозрѣннаго Демокрита самымъ добросовѣстнымъ образомъ, поговорилъ съ нимъ съ глазу на глазъ очень долго и вышелъ изъ его дома, проникнутый глубочайшимъ уваженіемъ къ его великому и гибкому уму.—«Сами вы,—сказалъ онъ, обращаясь къ собравшимся абдеритамъ,—гораздо больше его нуждаетесь въ медицинскихъ пособіяхъ!»—сказалъ и уѣхалъ. Изъ этого любопытнаго разсказа мы можемъ вывести то поучительное заключеніе, что комедія «Горе отъ ума» разыгрывалась въ дѣйствительной жизни слишкомъ за двѣ тысячи лѣтъ до рожденія нашего Грибоѣдова.

III.

Завоеванія Александра Македонскаго составляютъ рѣшительный поворотный пунктъ въ исторіи греческаго ума и всего греческаго народа. Вслѣдствіе этихъ завоеваній греческая національность разлилась по Египту и по всей Азіи. Когда Александръ основалъ свою огромную имперію на развалинахъ персидской монархіи, тогда потянулось на востокъ изъ европейской Греціи все, что было молодо, сильно и предпріимчиво. Та-же самая исторія продолжалась при ближайшихъ преемникахъ Александра. Полководцы македонскаго завоевателя во время своихъ продолжительныхъ междоусобій постоянно тянули къ себѣ изъ Греціи молодыхъ, сильныхъ и храбрыхъ солдатъ; такимъ образомъ цвѣтъ греческаго населенія погибъ въ безплодныхъ сраженіяхъ, а кто уцѣлѣлъ, тотъ пристроился въ Азіи или въ Египтѣ, обзавелся тамъ женой и хозяйствомъ и смѣшалъ такимъ образомъ кровь эллиновъ съ кровью персовъ, сиріянъ или египтянъ. Европейская Греція опустѣла и ослабѣла съ этого времени. Греческая національность потонула въ другихъ національностяхъ, какъ тонетъ стаканъ вина въ бочкѣ воды. Греческія мысли и греческій языкъ были привиты къ умственнымъ способностямъ азіатовъ и африканцевъ, но чистая греческая раса, эллинская кровь утратились навсегда, породивши изъ себя множество разнообразныхъ помѣсей.

Въ Нижнемъ Египтѣ, на берегу Средиземнаго моря, Александръ основалъ городъ Александрію.

своей «Естественной исторіи» и въ своихъ сочиненіяхъ по сравнительной анатоміи. Здѣсь онъ описываетъ то, что видѣлъ собственными глазами. Чтобы заниматься этими предметами, онъ имѣлъ болѣе средства, чѣмъ кто-либо другой изъ его предшественниковъ или современниковъ; ученикъ его, Александръ Македонскій, былъ самъ человѣкомъ очень любознательнымъ; онъ съ большимъ участіемъ слѣдилъ за работами Аристотеля и постоянно присылалъ ему изъ Азіи цѣлыя коллекціи животныхъ и растеній, неизвѣстныхъ европейскимъ грекамъ.

Когда междоусобныя войны между полководцами Александра прекратились, когда Египетъ сдѣлался неоспоримой собственностью династіи Птоломеевъ, тогда Александрія сдѣлалась центромъ греческой торговли и всей умственной жизни тогдашняго образованнаго міра. Первые Птоломеи были люди умные и просвѣщенные. Они приняли науку подъ свое покровительство и основали въ Александріи музеумъ,—такое учрежденіе, которое было въ одно и то же время университетомъ и академіей и которое своими громадными размѣрами далеко превышало всѣ подобныя учрежденія прежнихъ и даже позднѣйшихъ временъ. Александрійскій музеумъ сдѣлался чѣмъ-то вродѣ ученаго города; въ немъ бывало иногда до четырнадцати тысячъ различныхъ работниковъ мысли. При музеумѣ находился роскошный ботаническій садъ для изученія растеній, звѣринецъ для зоологическихъ наблюденій, астрономическая обсерваторія со всѣми извѣстными въ то время инструментами и пособіями, химическая лабораторія, въ которой самъ Птоломей Филадельфъ, одержимый на старости лѣтъ страхомъ смерти, отыскивалъ не совсѣмъ успѣшно жизненный эликсиръ, анатомическій театръ, въ которомъ ученые изслѣдователи, несмотря на предразсудки египетскаго народа, смѣло рѣзали подъ покровительствомъ просвѣщеннаго правительства не только тѣло животныхъ, но даже и человѣческіе трупы.

Богатство александрійскихъ библіотекъ извѣстно каждому школьнику. Птоломеи хотѣли собрать въ музеумъ всѣ книги, какія когда либо были написаны людьми; этого имъ не удалось сдѣлать, но до 700,000 томовъ они дѣйствительно пріобрѣли; цифра эта чрезвычайно значительна и даже почти невѣроятна для того времени, когда книгопечатаніе еще не существовало и когда книга была роскошью, понятной и доступной только для очень богатыхъ и просвѣщенныхъ людей. Еще важнѣе всѣхъ этихъ превосходныхъ учрежденій была для процвѣтанія александрійской учености полная терпимость Птоломеевъ ко всѣмъ оттѣнкамъ философскихъ и религіозныхъ убѣжденій. Въ Александрію шли, какъ въ совершенно безопасную пристань, безъ различія религіи и національности, всѣ умные люди, преслѣдуемые глупостью своихъ согражданъ или современниковъ. И Птоломеи пристраивали въ своемъ музеумѣ всякаго, кто, по ихъ мнѣнію, обнаруживалъ литературный талантъ или обладалъ научными познаніями. На развитіе литературы, философіи, исторіи и политическихъ наукъ всякое покровительство дѣйствуетъ конечно развращающимъ образомъ; всѣ эти отрасли умственной дѣятельности тотчасъ проникаются духомъ лести и превращаются въ пріятное увеселеніе покровительствующихъ особъ. Такъ случилось, разумѣется, и въ Александріи. Но, кромѣ этихъ развращающихъ проявленій человѣческой мысли, есть еще строгія, точныя науки, которыя не гнутся ни въ право, ни въ лѣво и которыя вслѣдствіе этой естественной непоколебимости могутъ, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, принимать покровительство отъ кого угодно. Именно эти совершенно безстрастныя науки,—геометрія, астрономія, механика, физика, анатомія,—развились въ александрійскомъ музеумѣ. Многія открытія александрійскихъ ученыхъ по этимъ предметамъ составляютъ до сихъ поръ и будутъ составлять навсегда драгоцѣнную и необходимую часть въ общей совокупности человѣческихъ знаній. Геометрія Эвклида до сихъ поръ преподается во всѣхъ европейскихъ школахъ. Архимедъ, жившій въ Сиракузахъ, но учившійся въ Александріи, сдѣлалъ множество открытій въ геометріи, основалъ гидростатику, изучилъ свойства рычага, изобрѣлъ тотъ винтъ, который до сихъ поръ называется архимедовымъ, и кромѣ того придумалъ около сорока различныхъ менѣе важныхъ машинъ. Эратосфенъ, Гиппархъ и Птоломей довели астрономію и математическую географію до той степени развитія, на которой она находилась до временъ Коперника, Кеплера, Галилея, Ньютона. Александрійскіе астрономы совершенно отбросили мысль о томъ, что земля—плоскій кружокъ, опоясанный океаномъ; они убѣдились въ томъ, что земля есть шарообразное тѣло; они объяснили себѣ настоящія причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній и нашли возможность вычислять и предсказывать ихъ заранѣе; они пробовали строго научнымъ путемъ опредѣлить величину земного шара и разстояніе, отдѣляющее его отъ солнца и луны. Географическія и астрономическія сочиненія Птоломея, переведенныя спачала на арабскій языкъ, а потомъ уже на латинскій, втеченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ пользовались непоколебимымъ авторитетомъ у магометанъ и у христіанъ. Птоломей предполагаетъ, что земля стоитъ неподвижно въ пространствѣ, и что солнце, луна и планеты обращаются вокругъ нея. Эта теорія прожила почти полторы тысячи лѣтъ, и первымъ послѣдователямъ Коперника побѣда надъ укоренившимися идеями Птоломея досталась цѣной тяжкой и опасной борьбы.

Медицина развилась въ александрійскомъ музеѣ самымъ раціональнымъ образомъ, опираясь

на анатомическія изслѣдованія. Основатель музеума, Птоломей Филадельфъ, зашелъ такъ далеко въ своемъ усердіи къ развитію науки, что позволилъ медикамъ, приставленнымъ къ музеуму, производить физіологическіе опыты надъ живыми преступниками, осужденными на смерть. Изъ александрійскихъ медиковъ замѣчательны Герофилъ и Эразистратъ. Каждый изъ этихъ двухъ ученыхъ основалъ свою отдѣльную школу, и медики втеченіи нѣсколькихъ столѣтій раздѣлялись на *эразистротистовъ* и *герофилистовъ*. Однако позволеніе рѣзать живыхъ преступниковъ не пошло впрокъ александрійской медицинѣ; несмотря на это позволеніе, Герофилъ и Эразистратъ утверждаютъ единогласно, что въ артеріяхъ заключается не кровь, а воздухъ; о кровообращеніи они оба не имѣли ни малѣйшаго понятія. Если принять въ разсчетъ, что эти люди располагали совершенно исключительными пособіями, то надо сознаться, что наблюдательность ихъ была не особенно велика.

IV.

Когда Египетъ былъ обращенъ въ римскую провинцію, александрійская наука медленно начала клониться къ упадку. Музеумъ существовалъ попрежнему; попрежнему въ немъ жили и трудились ученые; но не было въ ихъ трудахъ той свѣжей и сильной оригинальности мысли, которой отличаются умственные подвиги Эвклида, Архимеда, Эратосфена и Гиппарха. Началось компилированіе и комментированіе старыхъ авторитетовъ. Самостоятельныя изслѣдованія прекратились. Причину этого упадка мысли можно приписать отчасти подавляющему вліянію римскаго господства. Въ такое время мыслящему человѣку совершенно надоѣдаетъ жизнь; а когда не хочется жить, тогда не зачѣмъ и трудиться надъ разрѣшеніями мудреныхъ научныхъ вопросовъ. Но еслибы даже Египетъ оставался попрежнему подъ господствомъ умныхъ и просвѣщенныхъ Птоломеевъ, то и въ такомъ случаѣ александрійская наука непремѣнно должна была измельчать и одряхлѣть. У нея не было будущаго. Представляя собой самое блестящее проявленіе классической цивилизаціи, она вполнѣ раздѣляла съ этой цивилизаціей ея радикальную и роковую недолговѣчность.

Дреперъ въ своей «Исторіи умственнаго развитія въ Европѣ» («History of the intellectual developement of Europe») объясняетъ упадокъ александрійской науки тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время греческій умъ, переживши уже фазы дѣтства, отрочества, юности и мужества, вступилъ въ печальный, но неизбѣжный періодъ старческой дряхлости. Дреперъ думаетъ, что историческая жизнь народовъ совершается по тѣмъ же законамъ, по которымъ располагается жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка. Я считаю книгу Дрепера очень замѣчательной книгой; я даже положилъ ее въ основаніе моей теперешней статьи, но я долженъ оговориться, что мысли Дрепера о различныхъ неизбѣжныхъ фазахъ въ исторической жизни народовъ рѣшительно не выдерживаютъ серьезной критики. Мы дѣйствительно знаемъ изъ исторіи, что нѣкоторыя народности вымерли, нѣкоторыя цивилизаціи одряхлѣли, уничтожились. Но число этихъ извѣстныхъ намъ примѣровъ до сихъ поръ еще совсѣмъ не такъ значительно, чтобы мы *только по одному числу* случаевъ могли составить себѣ то убѣжденіе, что существуетъ въ природѣ общій законъ, на основаніи котораго каждая народность и каждая цивилизація непремѣнно должны рано или поздно одряхлѣть и умереть. Если-же мы обратимъ вниманіе не на гуртовую цифру извѣстныхъ намъ историческихъ примѣровъ, а на внутренній смыслъ каждаго отдѣльнаго случая, то мы придемъ совсѣмъ не къ тому результату, къ которому приходитъ Дреперъ. Внимательное изученіе покажетъ намъ, что каждая умершая національность или цивилизація умерла отъ какого-нибудь неизлечимаго органическаго порока, таившагося въ ней съ самаго начала ея существованія, или же, что она убита внѣшнимъ насиліемъ, котораго она не могла и не умѣла отразить. То, что Дреперъ принимаетъ за неизбѣжную старость, оказывается болѣзненнымъ разстройствомъ. Поэтому, если двадцать цивилизацій умерли отъ различныхъ болѣзней, то изъ этого никакъ нельзя выводить заключенія, что двадцать первая цивилизація также непремѣнно умретъ отъ какой-нибудь болѣзни. Можетъ-быть умретъ, а можетъ-быть и не умретъ. Болѣзнь совсѣмъ не то, что старческая дряхлость. Отъ болѣзни можно и уберечься, и вылечиться. Мнѣ кажется, что классическая цивилизація умерла не отъ старости, или, вѣрнѣе, она одряхлѣла не потому, что таковъ законъ природы, а потому, что она заключала въ себѣ неизлечимый органическій порокъ, отъ котораго совершенно свободна новѣйшая европейская цивилизація. Основаніе классической цивилизаціи было очень узко и очень мелко, т. е. эта цивилизація не могла распространяться ни въ ширину, ни въ глубину. Распространенію ея въ ширину, т. е. отъ одного народа къ другому, мѣшала національная вражда. Грекъ считалъ и называлъ варваромъ всякаго не-грека. Распространенію ея въ глубину, т. е. отъ высшихъ классовъ общества къ низшимъ, мѣшало рабство. Общество, построенное на рабствѣ, всегда будетъ смотрѣть на науку, какъ на аристократическую забаву, недоступную и даже вредную для трудящагося большинства. Въ такомъ обществѣ на всякую умственную дѣятельность смотрятъ не какъ на средство осмыслить и усовершенствовать жизнь, а какъ на средство забыть дрязги и пошлости. Въ такомъ обществѣ

люди очень любятъ умозрительную философію, на томъ основаніи, что

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Низкія истины дѣйствительной жизни такъ и остаются навсегда низкими въ такомъ обществѣ, въ которомъ мыслящіе люди боятся къ нимъ прикоснуться и предпочитаютъ упиваться *возвышающими обманами.* Въ такомъ обществѣ даже строго-реальная наука скоро превращается въ *возвышающій обманъ.* Добытыя истины не находятъ себѣ приложенія; онѣ остаются въ библіотекахъ; онѣ не входятъ ни въ народное міросозерцаніе, ни въ народный трудъ. Ученые чувствуютъ себя одинокими, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не связанными, никому и ни на что не нужными; они трудятся для собственнаго удовольствія и теряютъ такимъ образомъ всякое желаніе и всякую возможность отличать полезный трудъ отъ мартышкина труда. Всякій трудъ полезенъ, потому что онъ доставляетъ ученому удовольствіе, и всякій трудъ есть мартышкинъ трудъ, потому что общество не получаетъ отъ него ровно ничего. При такихъ условіяхъ наука непремѣнно должна измельчать и зачахнуть. Уже великій Архимедъ даетъ намъ любопытный примѣръ того, какимъ образомъ ученые, оторванные отъ жизни, тратятъ свои силы на дѣтскія забавы. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій онъ доказываетъ серьезно и пространно, что можно сосчитать не только всѣ песчинки морскихъ береговъ, но даже всѣ песчинки, которыя можно было бы умѣстить между землей и неподвижными звѣздами. И дѣйствительно онъ производитъ это вычисленіе. «Такая книга,—замѣчаетъ Дреперъ,—есть игра математическаго гиганта, безпечно забавляющагося своей собственной силой». Такая книга, прибавлю я отъ себя, указываетъ самымъ выразительнымъ образомъ на печальное и почти безнадежное положеніе того общества, среди котораго она возникла. Плохо, очень плохо идетъ жизнь того народа, въ которомъ гиганты, подобные Архимеду, забавляются, вмѣсто того чтобы работать.

Какой-то латинскій писатель въ какомъ-то сочиненіи употребилъ замѣчательное выраженіе: «homo homini lupus» (человѣкъ человѣку волкъ), то есть человѣкъ обращается съ человѣкомъ, какъ волкъ или какъ съ волкомъ. Эти три слова: «homo homini lupus» превосходно характеризуютъ ту болѣзнь, отъ которой погибла классическая цивилизація. Грекъ на варвара, аристократъ на чернорабочаго, богачъ на бѣдняка, свободный на раба, аѳинянинъ на спартанца, философъ на неуча, мужчина на женщину, отецъ на сына—всѣ народности, всѣ классы общества, всѣ люди, различные между собою по полу, по возрасту или по образованію, смотрѣли другъ на друга съ недовѣріемъ, съ недоброжелательствомъ, съ пренебреженіемъ и съ худо скрытымъ намѣреніемъ скрутить, осѣдлать, взять въ ежовыя рукавицы и обратить въ вьючное животное. Какъ велись напримѣръ тогдашнія войны? — Александръ Македонскій, образованный человѣкъ, ученикъ Аристотеля, любитель философіи и естествознанія, въ самое цвѣтущее время эллинизма распялъ на крестахъ двѣ тысячи тирійцевъ за то великое преступленіе, что они съ большимъ мужествомъ и самоотверженіемъ защищали противъ него свой родной городъ. Какъ смотрѣли другъ на друга отдѣльные греческіе города? — Аѳины такъ озлились за что-то на Мегару, что въ мирное время установили законъ, по которому каждый мегарянинъ, очутившійся въ Аѳинахъ, немедленно долженъ подвергаться смертной казни. — Какъ относились философы къ народу?—Всѣ они были убѣждены, что народъ никогда не можетъ и не долженъ просвѣщаться; всѣ они считали суевѣріе необходимымъ для массъ, и многіе изъ нихъ имѣли по двѣ доктрины: одну—*экзотерическую*—для всѣхъ желающихъ, другую—*эзотерическую*—для немногихъ посвященныхъ. Когда философы пускались разсуждать о политикѣ, то они всегда сочиняли такое общественное устройство, при которомъ всѣ работаютъ, а философы постоянно кушаютъ и постоянно размышляютъ о суетности всего земного и тлѣннаго.

Что-же наконецъ должно было выдти изъ этого homo homini lupus? — Различныя національности, не умѣющія жить между собою въ добромъ согласіи и неспособныя обогащать другъ друга мирнымъ и плодотворнымъ обмѣномъ продуктовъ физическаго и умственнаго труда, должны были постоянно ссориться, драться, разорять и поглощать другъ друга. Такъ это и было. Потомъ, когда всѣ народности, облегающія бассейнъ Средиземнаго моря, оказались достаточно истрепанными, всѣ онѣ должны были попасть подъ господство какой-нибудь одной народности, разумѣется той, которая была затаскана менѣе всѣхъ остальныхъ. Такъ оно и случилось. Римъ положилъ насильственный конецъ всѣмъ международнымъ дракамъ по берегамъ Средиземнаго моря. Общее порабощеніе привело за собою общее спокойствіе. Религіи, національности поневолѣ перемѣшались. Шероховатости сгладились отъ ежедневныхъ соприкосновеній. Не находя себѣ удовлетворенія и питанія въ войнѣ, международныя антипатіи притупились и заглохли. Но въ этомъ вынужденномъ спокойствіи было мало отраднаго. Это было спокойствіе безсилія и обморока. Административныя и финансовыя распоряженія Рима поддерживали этотъ обморокъ самымъ тщательнымъ образомъ. Римляне обращались съ завоеванными землями такъ, какъ англичане обращаются съ Остъ-Индіей. Они тянули изъ провинцій все, что можно было вытянуть. Покоренныя населенія были задавлены налогами и кромѣ того римскіе чинов-

ники постоянно наживали себѣ на ихъ счетъ громадныя состоянія. Римское правительство никогда не заботилось о народномъ благосостояніи; величайшіе политики и администраторы древняго Рима смотрѣли на народъ только съ стратегической, или съ финансовой, или вообще съ отвлеченной государственной точки зрѣнія. Имъ надо было только, чтобы народъ не бунтовалъ, чтобъ онъ платилъ большіе налоги и чтобы границы государства были защищены отъ вторженій варваровъ кордономъ укрѣпленныхъ лагерей и военныхъ поселеній. Римляне сооружали въ провинціяхъ превосходныя военныя дороги, водопроводы, мосты, общественныя зданія, театры, цирки; къ обременительнымъ налогамъ присоединялись такимъ образомъ еще натуральныя повинности; люди и рабочій скотъ надрывались въ безплодныхъ усиліяхъ; крестьянскія хозяйства разорялись; поля оставались необработанными; мелкіе собственники за неплатежъ податей продавались въ рабство съ женами и дѣтьми; пахатныя земли, сосредоточиваясь въ рукахъ капиталистовъ, превращались въ пастбища. Живые источники свободнаго народнаго труда быстро изсякали; рабы работали дурно и небрежно; голодъ свирѣпствовалъ постоянно то въ одномъ, то въ другомъ концѣ обширнаго государства; за голодомъ шли повальныя болѣзни; люди умирали тысячами, и земли, составлявшія древній историческій міръ, понемногу превращались въ пустыни, среди которыхъ возвышались, въ видѣ жестокой насмѣшки надъ политической мудростью римлянъ, обширные и великолѣпные города, переполненные голодной чернью и одурѣвшими отъ разврата милліонерами.

При такихъ условіяхъ существованіе цивилизаціи сдѣлалось невозможнымъ; не оставалось даже и послѣдняго исхода: не могло быть такого переворота, который положилъ-бы конецъ системѣ финансовой и административной эксплуатаціи; некому было сдѣлать такой переворотъ; деревенское населеніе было такъ задавлено, а городская чернь такъ развращена даровыми зрѣлищами и раздачами дарового хлѣба, что неоткуда было ждать ни малѣйшаго сознательнаго протеста. Исторія Гракховъ достаточно поучительна въ этомъ отношеніи, а со временъ Гракховъ до основанія имперіи и съ основанія имперіи до ея паденія дѣла шли все хуже да хуже; и каждое слѣдующее поколѣніе оказывалось постоянно глупѣе и подлѣе предыдущаго. Отъ людей, задавленныхъ и развращенныхъ до мозга костей римской администраціей, отъ рабовъ и рабовладѣльцевъ, отъ патроновъ и кліентовъ, отъ гладіаторовъ и праздныхъ любителей цирка, отъ всей этой сволочи, сытой до одурѣнія или доведенной голодомъ до собачьей угодливости и до собачьяго безстыдства, отъ всего, что̀ носило на себѣ клеймо римскаго вліянія, ждать было рѣшительно нечего.

Римъ, основавшій и поддерживавшій свое господство силой оружія, довелъ себя наконецъ системой государственнаго хозяйства до такого полнаго разслабленія, что оказался несостоятельнымъ даже въ своей нарочитой спеціальности. Желѣзные легіоны Рима стали терпѣть позорнѣйшія пораженія отъ презрѣнныхъ варваровъ; потомъ пришлось пополнять желѣзные легіоны презрѣнными варварами и довѣрять наемникамъ защиту Римской имперіи; пришлось уступать варварамъ пограничныя области и откупаться деньгами отъ ихъ набѣговъ. Римское государство умерло и сгнило такимъ образомъ задолго до того времени, когда Одоакръ свергнулъ съ престола послѣдняго императора, Ромула-Августула. Варвары, захватившіе одну провинцію за другой, могли разорять въ нихъ различныя великолѣпныя строенія, могли сжигать рукописи и картины, но задавить живое начало классической цивилизаціи они были не въ состояніи, потому что это начало уже давно перестало быть живымъ. Кое-какія знанія, выработанныя греками, могли пригодиться людямъ во всякое время; но эти знанія были уже для послѣднихъ вѣковъ Римской имперіи обломками далекой и невозвратимой старины, окаменѣлыми остатками такого умственнаго движенія, которое уже давно прекратилось и потеряло всякую способность дѣйствовать живительнымъ образомъ на настоящее. Варвары быть можетъ круто оборвали такую агонію, которая безъ ихъ вмѣшательства протянулась-бы еще нѣсколько столѣтій, какъ тянулось напримѣръ жалкое прозябаніе Византійской имперіи; но во всякомъ случаѣ варвары только ускорили, а не нарушили естественный и необходимый ходъ историческихъ событій. Надежды на выздоровленіе и обновленіе не оставалось; значитъ, надо было для пользы всего человѣчества поскорѣе убрать съ дороги гнилое тѣло и начать съ самаго начала, свѣжими силами, работу новой цивилизаціи. Если Атилла дѣйствительно называлъ себя *бичомъ божіимъ*, то надо полагать, что этотъ дикарь былъ очень умнымъ человѣкомъ и понималъ чрезвычайно вѣрно глубокое историческое значеніе своей разрушительной дѣятельности. Зданіе классической цивилизаціи, цѣликомъ построенное на рабствѣ, надо было срыть до основанія, и кто ломалъ это зданіе, сознательно или безсознательно, тотъ оказывалъ человѣчеству существенную услугу. Съ этой точки зрѣнія гунны и вандалы могутъ быть названы прогрессистами.

V.

Безжизненность греко-римскихъ идей и учрежденій выражается особенно наглядно въ борьбѣ между язычествомъ и христіанствомъ. Многіе императоры, смотря на христіанъ, какъ на опасную политическую партію, старались запугать

ихъ преслѣдованіями. Преслѣдованія эти не достигали своей цѣли; они давали только христіанамъ возможность обнаруживать торжественно и публично то высокое и непоколебимое мужество, которое всегда одушевляетъ человѣка, идущаго на мученія и на смерть за святыню своего глубокаго и искренняго убѣжденія. Эти поразительные примѣры стойкости и терпѣнія дѣйствовали потрясающимъ образомъ на массу; въ людяхъ, задавленныхъ, загрязненныхъ и изувѣченныхъ свинцовымъ гнетомъ римской жизни, эти примѣры будили лучшія человѣческія чувства,—такія чувства, которыхъ самъ человѣкъ никогда не подозрѣвалъ въ себѣ, которыя дремали въ немъ съ самаго его рожденія и которыя, выплывая на верхъ изъ темной глубины его души, изумляли его самого своей свѣтлой, невиданной и между тѣмъ знакомой и родственной красотой. Зато, чтобы разъ въ жизни почувствовать себя человѣкомъ, чтобы разъ въ жизни не струсить передъ преторомъ, передъ ликторами и палачами, забитый рабъ или грязный бродяга могъ съ гордой радостью пойдти на смерть, когда онъ видѣлъ, что такую смерть встрѣчали спокойно тѣ загадочные люди, которые называли себя христіанами. Такимъ образомъ казни плодили мучениковъ и содѣйствовали распространенію гонимой религіи. Бывали примѣры, что христіанинъ, сидящій въ тюрьмѣ и уже осужденный на смерть, въ послѣднія минуты своей жизни обращалъ въ христіанство своего тюремщика, велъ и его вмѣстѣ съ собою на мѣсто казни.

Во время Діоклетіана христіане составляли уже дѣйствительно такую политическую силу, съ которой надо было обращаться очень осторожно; они были многочисленны не только въ государствѣ, но уже и въ арміи; у нихъ были ревностные агенты во всѣхъ классахъ общества, даже въ императорскомъ дворцѣ, потому что жена, и дочь Діоклетіана исповѣдали новую религію. Послѣ смерти Діоклетіана Константинъ одержалъ рѣшительную побѣду въ междоусобныхъ войнахъ, именно потому, что съумѣлъ привлечь на свою сторону христіанъ всей имперіи. При Константинѣ христіанство сдѣлалось господствующей религіей, и теперь пришло для язычества время расплачиваться за преслѣдованія прежнихъ правительствъ. Христіанство объявило истребительную войну всему, что было связано такъ или иначе съ языческими воспоминаніями. Вся классическая цивилизація, философія, наука, искусство, все безъ разбору было занесено въ рубрику язычества, и все должно было исчезнуть, какъ суета и прелесть грѣховнаго міра. И по результатамъ своимъ эти гоненія были совсѣмъ не похожи на тѣ преслѣдованія, которымъ подвергалось христіанство. Здѣсь гонимыя идеи, формы и учрежденія дѣйствительно прятались и исчезали безъ остатка и почти безъ борьбы. Жрецы, философы, ученые, художники классическаго міра не дали народу ровно ничего, кромѣ бѣдности, невѣжества, распутства и страданія. Народу не за что было любить этихъ людей, и, когда явились новые вожди, тогда народъ сталъ ломать статуи боговъ, разрушать ихъ жертвенники, рвать и жечь сочиненія философовъ, ученыхъ и поэтовъ. И новые вожди дѣйствительно держали себя иногда съ такимъ мужествомъ и съ такимъ достоинствомъ, что неотразимое вліяніе ихъ на умы народа становится совершенно понятнымъ. Случилось однажды, что императоръ Ѳеодосій Великій изъ личнаго мщенія избилъ въ Ѳессалоникѣ семь тысячъ гражданъ, находившихся въ циркѣ, за что епископъ Амвросій медіоланскій не далъ ему причастія, не пустилъ его въ церковь и заставилъ его принести публичное покаяніе. Если принять въ соображеніе энергическій характеръ Ѳеодосія, проявившійся съ достаточной очевидностью въ его ѳессалоникскомъ подвигѣ, и если припомнить кромѣ того, что церковь и духовенство были обязаны этому императору очень важными льготами, то надо будетъ сознаться, что поступокъ Амвросія представляетъ очень яркій примѣръ непоколебимаго мужества, неподкупной гражданской честности. Разумѣется, молва объ этомъ поступкѣ разнеслась во всѣ концы имперіи, и по всей вѣроятности многіе приверженцы старой религіи съ глубокимъ огорченіемъ провели параллель между стойкостью христіанскаго епископа и угодливостью тѣхъ языческихъ жрецовъ, которые совершали жертвоприношенія передъ живымъ богомъ Калигулой или передъ статуей Антиноя, красиваго мальчика, пользовавшагося страстной любовью императора Адріана. Народъ не имѣлъ понятія о томъ, что есть возможность напоминать цезарямъ о требованіяхъ справедливости; и вдругъ эта возможность явилась; понятно, на какую высоту должно было подняться въ глазахъ народа то учрежденіе, отъ лица котораго можно было давать свѣтской власти такіе выразительные уроки.

Царствованіе Ѳеодосія нанесло смертельный ударъ древней религіи и древней философіи; языческія гаданія по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ были объявлены уголовными преступленіями; вслѣдъ затѣмъ, въ 394 году, запрещено приносить жертвы богамъ и входить въ ихъ храмы; доходы и владѣнія храмовъ взяты въ государственную казну; зданія многихъ храмовъ разрушены. Для того, чтобы охранить христіанскую церковь отъ ересей, Ѳеодосій учредилъ особыхъ инквизиторовъ, соединявшихъ въ своемъ лицѣ обязанности доносчиковъ и судей. Любопытно при этомъ замѣтить, что Ѳеодосій былъ родомъ изъ Испаніи,—изъ той самой страны, которая много вѣковъ спустя съ особенной любовью пригрѣла на своей груди судилище инквизиціи въ исправленномъ и дополненномъ видѣ. Далѣе тотъ-же Ѳеодосій объявилъ

указомъ, что подвергаются лишенію гражданскихъ правъ и ссылкѣ всѣ тѣ люди, которые въ чемъ бы то ни было окажутся несогласными съ религіозными убѣжденіями Дамаза, епископа римскаго, и Петра, епископа александрійскаго. Въ этомъ указѣ Ѳеодосія проглядываетъ первый намекъ на будущій догматъ римской церкви о непогрѣшимости папы. Этимъ же указомъ объявляется смертная казнь тѣмъ христіанамъ, которые будутъ праздновать Пасху въ одинъ день съ евреями.

Видя такое усердіе въ императорѣ, христіане воспользовались всѣми выгодами своего положенія и стали дѣятельно разрушать все, что казалось имъ связаннымъ такъ или иначе съ отжившей религіей. При этомъ въ Александріи произошла кровопролитная стычка между христіанами и язычниками, которые, несмотря на свое сопротивленіе, были, разумѣется, окончательно побѣждены. Александрія можетъ служить превосходнымъ образчикомъ тогдашняго историческаго міра; въ ней были перемѣшаны и доведены до высшей степени напряженія всѣ боровшіяся между собою историческія силы. Въ этомъ городѣ было до сорока тысячъ евреевъ, предпріимчивыхъ, образованныхъ и державшихъ въ своей власти большую часть обширной александрійской торговли. Язычество было очень сильно въ Александріи, потому что именно въ этомъ мѣстѣ греко-римскія идеи слились съ сѣдой древностью египетскаго символизма. Жрецы Сераписа и Изиды считались постоянно самыми учеными, самыми строгими и самыми опытными хранителями всѣхъ таинствъ языческой святыни. Многіе изъ мистиковъ и піэтистовъ древняго міра были сами родомъ изъ Александріи, другіе ѣздили въ этотъ городъ нарочно за тѣмъ, чтобы поучиться у тамошнихъ жрецовъ ихъ таинственной мудрости. Философскій скептицизмъ и древняя наука держались еще въ высшихъ слояхъ александрійскаго общества; въ древнемъ музеумѣ, переведенномъ послѣ Юлія Цезаря въ роскошное зданіе храма Сераписа, хранилось еще огромное количество разнообразныхъ рукописей и ученыхъ инструментовъ; этими сокровищами еще пользовались запоздалые преемники Эвклида, Гиппарха и Эрастосфена. Наконецъ христіанство также пустило очень глубокіе корни въ Александріи и во всемъ Египтѣ. Епископъ александрійскій, по своему вліянію на дѣла вселенской церкви, стоялъ въ четвертомъ вѣкѣ наравнѣ съ епископами римскимъ и константинопольскимъ и постоянно оспаривалъ у нихъ первенство надъ всѣмъ христіанскимъ міромъ. Александрія была центромъ самыхъ горячихъ богословскихъ споровъ; въ Александріи возникла важнѣйшая изъ христіанскихъ ересей, знаменитая въ исторіи подъ именемъ аріанства. А усерднѣйшимъ противникомъ аріанства и неутомимѣйшимъ врагомъ самого Арія былъ епископъ александрійскій, Аѳанасій. Кромѣ того отшельничество и монашество возникли въ верхнемъ Египтѣ, и въ четвертомъ вѣкѣ вся Сѣверная Африка была уже усѣяна кельями пустынниковъ и многолюдными монастырями.

Изъ всѣхъ этихъ замѣчаній не трудно вывести то общее заключеніе, что въ Александріи были собраны всѣ матеріалы для драматическаго столкновенія между самыми ревностными христіанами и самыми упорными защитниками языческой старины. Епископъ александрійскій Ѳеофилъ, получивъ отъ правительства позволеніе построить христіанскую церковь на томъ мѣстѣ, которое занято было прежде храмомъ Озириса, сталъ рыть фундаментъ для новаго зданія и нашелъ въ землѣ символическія изображенія, употреблявшіяся при таинствахъ египетскаго бога. Такъ какъ Озирисъ представляетъ собою оплодотворяющую силу природы, то изображенія оказались очень неприличнаго свойства, и епископъ, для посрамленія язычества, приказалъ выставить ихъ на базарную площадь. Такое оскорбленіе показалось невыносимымъ для старой египетской партіи. Люди этой партіи собрались въ храмъ Сераписа съ оружіемъ въ рукахъ; потомъ, сдѣлавъ изъ своей крѣпкой позиціи удачную вылазку, захватили на улицахъ нѣсколько человѣкъ христіанъ, затащили ихъ въ храмъ, заставили ихъ принести тамъ языческую жертву и зарѣзали ихъ самихъ на тѣхъ-же самыхъ жертвенникахъ. Епископъ тотчасъ отправилъ донесеніе къ императору Ѳеодосію, который немедленно положилъ резолюцію—разрушить храмъ Сераписа до основанія, а за исполненіемъ этого приказанія наблюдать самому Ѳеофилу. Языческая партія совершенно упала духомъ, положила оружіе и разсѣялась безъ сопротивленія, а исполнители Ѳеодосіева приказанія сожгли библіотеку, изломали математическіе инструменты, изрубили въ куски статую Сераписа, изъ подъ которой, къ великому удовольствію всѣхъ присутствующихъ, выбѣжала цѣлая колонія перепуганныхъ крысъ, отобрали въ пользу церкви все золото и серебро, заключавшееся въ храмѣ, и дѣйствительно сравняли съ землей громадное зданіе, составлявшее одно изъ превосходнѣйшихъ произведеній греческой архитектуры.

Вслѣдъ за временами Ѳеодосія Великаго свободная дѣятельность мысли превращается на Западѣ въ самое ужасное изъ всѣхъ возможныхъ преступленій. Воровъ и разбойниковъ просто вѣшаютъ, а иногда даже и не вѣшаютъ, но мыслителей жгутъ живьемъ, потому что всѣ мыслители и всѣ ученые изслѣдователи оказываются колдунами или еретиками. Клерикальные писатели четвертаго и пятаго вѣковъ совершенно систематически выражаютъ свое полное презрѣніе ко всему, что выработала древняя наука. «Не по незнанію тѣхъ вещей,—пишетъ Евсевій,—которыми восхищаются философы, но по презрѣ-

нію къ столь безполезному труду мы такъ мало занимаемся этими предметами, обращая нашъ духъ на болѣе возвышенные подвиги.» Къ сожалѣнію, многіе изъ писателей этого времени при всемъ своемъ презрѣніи къ земной мудрости все-таки разсуждали о многихъ чисто-земныхъ и строго-научныхъ вопросахъ, напримѣръ о фигурѣ нашей планеты, о ея положеніи въ пространствѣ, объ антиподахъ. Изъ всѣхъ этихъ разсужденій составился цѣлый космографическій кодексъ, который средневѣковые схоластики вызубрили наизусть, и которымъ они съ замѣчательной храбростью поражали то Колумба, то Магеллана, то Галилея. А вотъ образчикъ этихъ разсужденій, взятый изъ сочиненій Лактанція:

«Неужели есть люди, достаточно глупые для того, чтобы предполагать, будто на другой сторонѣ земли жатвы и деревья висятъ верхушками книзу и будто у тамошнихъ людей ноги находятся выше головы? Если вы спросите у нихъ, какимъ образомъ они защищаютъ подобныя нелѣпости и какимъ образомъ предметы нашей стороны не отваливаются прочь отъ земли, то они намъ отвѣтятъ, что такъ устроена природа вещей, что тяжелыя тѣла стремятся къ центру, какъ спицы колеса, а легкія тѣла, напримѣръ облака, дымъ, огонь, стремятся отъ центра къ небу на всѣхъ сторонахъ земли. Тутъ ужъ я рѣшительно становлюсь втупикъ и не знаю, что сказать такимъ людямъ, которые, сдѣлавъ въ своемъ разсужденіи ошибку, постоянно упорствуютъ въ своемъ безуміи и защищаютъ одно нелѣпое мнѣніе другимъ, еще болѣе нелѣпымъ.»

Августинъ также отрицаетъ существованіе антиподовъ и подкрѣпляетъ свое мнѣніе аргументами и цитатами, еще болѣе неотразимыми. Человѣчество старалось такимъ образомъ забыть все, что было выработано классическимъ періодомъ его исторической жизни. Причина этого чрезвычайно замѣчательнаго явленія заключается, по моему крайнему разумѣнію, именно въ томъ, что классическая наука всегда и вездѣ держала себя совершенно «пассивной», никогда не старалась проникнуть въ народную жизнь и пріобрѣсти себѣ вліяніе надъ ея отправленіями, никогда и ничѣмъ не облегчала участи задавленной массы, и поэтому упрочила за собой въ ея глазахъ репутацію пустой прихоти и презрѣнной забавы.

VI.

Въ самыя мрачныя времена всемірной исторіи человѣческій умъ все-таки съ неотразимой силой требуетъ себѣ пищи и дѣятельности. Когда мірская философія и мірская наука впали въ немилость, тогда самые живые и подвижные умы обратились на размышленія о догматахъ вѣры. Въ этихъ размышленіяхъ не было никакихъ скептическихъ тенденцій; каждый вѣровалъ горячо и чистосердечно, но каждый хотѣлъ созерцать догматы своей религіи во всей ихъ непосредственной чистотѣ и подлинности; каждый отдѣльный человѣкъ, у котораго было время, желаніе и возможность заниматься размышленіями, старался уберечь догматъ отъ ошибочныхъ дополненій и толкованій, вносимыхъ въ него другими людьми. Чѣмъ искреннѣе было религіозное чувство, тѣмъ неизбѣжнѣе было разногласіе и тѣмъ ожесточеннѣе должны были быть столкновенія между несходными понятіями. Оттѣсненный отъ области безстрастнаго научнаго изслѣдованія, человѣческій умъ бросился стремглавъ на арену раздражающихъ богословскихъ преній; ереси были неизбѣжны, и дѣйствительно аріане, несторіане, македоніане, евтихіане, пелагіане, полупелагіане, монофизиты, монофелиты втеченіи нѣсколькихъ столѣтій волновали весь христіанскій міръ своими безконечными и безъисходными преніями и раздорами. Религіозныя разногласія могли возникать изъ субъективныхъ настроеній; люди могли бороться между собой на смерть изъ-за такихъ идей, которыя они дѣйствительно считали своимъ драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ. Но само собой разумѣется, что въ такую борьбу вмѣшивались постоянно въ большей или меньшей степени побужденія, вовсе не возвышенныя и совсѣмъ не похвальныя: то честолюбіе, то корыстолюбіе, то политическій разсчетъ, то стремленіе угодить сильному лицу, то желаніе подставить ногу личному врагу.

Что религіозное усердіе дѣйствительно прикрывало собою разсчеты и побужденія, не имѣющіе ничего общаго съ религіей и ея догматами,— это доказывается очень убѣдительно крупными историческими фактами. Достаточно взглянуть на отношенія римскихъ епископовъ къ восточной церкви. Когда папамъ выгодно было балансировать между византійскимъ императоромъ и французскими королями, тогда они балансировали; когда надо было приблизиться къ византійскому двору, они приближались; когда оказалась возможность занять совершенно самостоятельное положеніе, они круто разорвали всякую связь съ восточной церковью, и для всѣхъ этихъ маккіавелевскихъ эволюцій отыскивался и подтасовывался всегда чисто догматическій предлогъ; все это повидимому дѣлалось ad majorem Dei gloriam, а совсѣмъ не по разсчетамъ земной политики. Но иногда историческія обстоятельства слагались такъ неожиданно круто, что маска безкорыстнаго усердія не могла удержаться на своемъ мѣстѣ, и папство выпутывалось изъ своего неловкаго положенія безъ громкаго скандала, только благодаря тому обстоятельству, что невѣжество тогдашняго общества было дѣйствительно выше всякаго описанія.—Въ началѣ восьмого вѣка византійскій императоръ, Левъ Исавріецъ, задумалъ искоренить въ своихъ владѣніяхъ почитаніе иконъ; началась жестокая борьба между гражданской властью съ одной стороны и мас-

сами народа, бѣлымъ духовенствомъ и многочисленнымъ греческимъ монашествомъ съ другой стороны. Несмотря на всѣ волненія, императоръ настоялъ на своемъ; сынъ и наслѣдникъ его, Константинъ Копронимъ, дѣйствовалъ въ томъ же направленіи; сынъ Константина, Левъ, былъ также иконоборцемъ; такимъ образомъ преслѣдованіе иконъ продолжалось въ византійской имперіи слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ. Во все это время папы на-отрѣзъ отказывались признавать надъ собою господство императоровъ на томъ основаніи, что императоры запятнали себя ересью. А настоящая причина заключалась въ томъ, что императоры были заняты опасными войнами съ аравитянами и болгарами, и что имъ, стало быть, некогда было думать о покореніи Италіи и объ усмиреніи задорныхъ папъ.

Въ половинѣ VIII-го столѣтія папы сблизились съ франкскими королями. Папа Захарій своимъ духовнымъ вліяніемъ помогъ Пипину Короткому сѣсть на престолъ Меровинговъ и запереть въ монастырь законнаго короля; а Пипинъ за эту дружескую услугу поколотилъ лонгобардовъ, притѣснявшихъ папу; сынъ Пипина, Карлъ Великій, совершенно разрушилъ Лонгобардское царство и завоеваніями своими усилился до такой степени, что папа безусловно подчинился его могучей волѣ. Но на бѣду случилось такъ, что Карлу пришла въ голову та самая фантазія, которая надѣлала столько шуму въ Византійской имперіи: Карлъ объявилъ себя противникомъ иконопочитанія и приказалъ даже одному изъ своихъ придворныхъ ученыхъ написать въ этомъ направленіи цѣлый богословскій трактатъ. А въ это время иконоборчество уже не существовало въ Византійской имперіи. Папа былъ поставленъ въ самое двусмысленное положеніе. Догматическая послѣдовательность требовала отъ него, чтобы онъ уличилъ Карла въ ереси и чтобы онъ возстановилъ съ византійскимъ дворомъ тѣ отношенія, которыя были прерваны иконоборческой дѣятельностью трехъ императоровъ. Но Карлъ былъ очень силенъ, Византія была очень слаба, а папа былъ очень сообразителенъ... Богословскія доктрины Карла не встрѣтили себѣ со стороны папы ни малѣйшаго противорѣчія; папа остался попрежнему подъ покровительствомъ Карла, несмотря на его еретическія мнѣнія,—и не сдѣлалъ ни шагу для сближенія съ Византіей, несмотря на ея безукоризненную ортодоксію.

Такимъ же чисто дипломатическимъ характеромъ отличаются тѣ раздоры между папой Николаемъ I и константинопольскимъ патріархомъ Фотіемъ, которые привели за собою окончательное отдѣленіе западной церкви отъ восточной. И тѣ-же самые житейскіе разсчеты играютъ главную роль въ исторіи всѣхъ ересей, волновавшихъ церковь и гражданское общество во все время смутнаго средневѣковаго броженія европейской мысли. Были тутъ и чистыя личности, фанатически преданныя своей идеѣ: были преслѣдователи, глубоко убѣжденные въ необходимости преслѣдованія; но эти безхитростные люди всегда были орудіями въ рукахъ искусныхъ механиковъ, не вѣрившихъ ни во что, или политическихъ партій, совершенно равнодушныхъ къ догматическому и нравственному достоинству употребляемыхъ средствъ.

Въ 622 году пятидесятилѣтній мечтатель, аравитянинъ Магометъ, сынъ Абдаллы, принужденъ былъ бѣжать тайкомъ изъ Мекки въ Медину и скрываться отъ своихъ преслѣдователей во время этого путешествія въ различныхъ трущобахъ и горахъ. А *черезъ двадцать лѣтъ* послѣ этого событія ученики этого бѣглеца-мечтателя владѣли всѣми землями отъ Триполи въ Африкѣ до Индіи и отъ Индѣйскаго океана до Кавказа. Такой сказочный переворотъ былъ-бы для насъ необъяснимымъ чудомъ, еслибы мы не обратили вниманія на то, что большая часть областей, завоеванныхъ аравитянами, была оторвана ими отъ Византійской имперіи, и что всѣ эти области были переполнены разными еретиками. Нѣкоторыя завоеванія первостепенной важности были пріятнымъ сюрпризомъ для самихъ аравитянъ. Такимъ неожиданнымъ образомъ былъ завоеванъ Египетъ. Въ 639 году халифъ Омаръ послалъ туда изъ Сиріи своего полководца Амру съ войскомъ въ *четыре тысячи* человѣкъ. Эта компанія въ глазахъ Омара была просто военной диверсіей или опустошительнымъ набѣгомъ. Амру получилъ отъ него приказаніе не забираться въ глубину страны и поворотить назадъ. Но Амру не послушался, завелъ сношенія съ жителями Египта, разбилъ греческія войска въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и, получивъ подкрѣпленіе отъ халифа, навсегда оторвалъ Египетъ отъ христіанскаго міра; лучшія области Византійской имперіи, Сирія, Египетъ, вся сѣверная Африка,—земля, игравшая самую важную роль въ древнѣйшей исторіи христіанства, отдались магометанамъ безъ сопротивленія. Іерусалимъ, Антіохія, Александрія, Карѳагенъ,—города, въ которыхъ христіанство выросло и укрѣпилось, одерживая свои первыя побѣды надъ язычествомъ и іудействомъ, увидѣли въ своихъ собственныхъ стѣнахъ торжество дерзкихъ людей, снимавшихъ съ церквей кресты, отмѣнявшихъ колокольный звонъ. Значитъ, вѣра азіятскихъ и африканскихъ христіанъ покачнулась очень сильно, когда такъ легко увидѣли, что побѣда осталась за аравитянами. Многія тысячи людей обратились къ магометанству потому, что тѣ изъ христіанъ, которые пожелали-бы сохранить свою религію, были обложены поголовной податью, которая не распространялась на поклонниковъ Аллаха и его пророка. Покоряя византійскія провинціи, Омаръ въ то-же время велъ войну съ персидскимъ царствомъ, которое также сдѣлалось добычей ара-

витянъ. Но персы сопротивлялись очень упорно: цѣлыя области Персидскаго царства, уже покоренныя магометанами, поднимались снова, такъ что ихъ приходилось завоевывать во второй разъ. Раздраженіе персовъ противъ чужеземныхъ завоевателей было такъ сильно, что самъ Омаръ поплатился жизнью за побѣды своихъ армій; персъ Фирусъ, фанатикъ изъ простонародья, зарѣзалъ этого халифа, какъ виновника тѣхъ бѣдствій, которыя обрушились на Персидское государство и на религію огнепоклонниковъ. Ничего подобнаго не было въ византійскихъ провинціяхъ: онѣ покорились сразу и послѣ этого уже не пошевельнулись.

VII.

Въ Азіи аравитяне пришли въ соприкосновеніе съ христіанской сектой несторіанъ, а въ Африкѣ они испытали на себѣ умственное вліяніе тамошнихъ евреевъ. Несторіанская секта была основана въ началѣ пятаго вѣка константинопольскимъ патріархомъ Несторіемъ, который за свои еретическія мнѣнія о Пресвятой Дѣвѣ былъ лишенъ святительскаго сана, преданъ на вселенскомъ соборѣ церковному проклятію и сосланъ въ отдаленный египетскій оазисъ, въ которомъ онъ и умеръ. Послѣ паденія своего учителя многочисленные послѣдователи бывшаго патріарха выселились на берегъ Евфрата и основали тамъ такъ называемую халдейскую церковь. Многіе изъ этихъ еретиковъ любили древнюю науку; они открыли въ Эдессѣ коллегіумъ и завели нѣсколько школъ; въ этихъ школахъ были переведены на сирійскій языкъ нѣкоторыя греческія и латинскія рукописи, и въ томъ числѣ сочиненія Аристотеля и естественная исторія Плинія старшаго. Несмотря на всѣ старанія византійскаго правительства подавить всякое самостоятельное проявленіе мысли, несторіанскія общины продолжали потихоньку заниматься чтеніемъ, переписываніемъ и переводомъ старинныхъ книгъ, выбирая преимущественно все то, что относилось къ изученію природы. Особенно старательно собирали они сочиненія греческихъ врачей: Гиппократъ, Книдская школа, Герафилъ, Эразистратъ и многочисленные ихъ послѣдователи сдѣлались для несторіанъ предметомъ самаго тщательнаго изученія. Само собою разумѣется, что ихъ дѣятельность не ограничивалась однимъ пассивнымъ собираніемъ и чтеніемъ рукописей. Медицина — дѣло такое живое, такое необходимое въ каждую данную минуту, что при ея изученіи свѣдѣнія, добываемыя изъ книгъ, постоянно прикладываются къ практикѣ, постоянно провѣряются вседневнымъ опытомъ и такимъ образомъ на каждомъ шагу видоизмѣняются и дополняются личными наблюденіями учащагося субъекта.— Умственная дѣятельность африканскихъ евреевъ направлялась также преимущественно на изученіе медицины: у нихъ были свои самостоятельные изслѣдователи, и одинъ изъ нихъ, Рабъ, занимавшійся анатоміей и описавшій подробно устройство человѣческаго тѣла, пріобрѣлъ себѣ своими трудами такую знаменитость, что послѣ его смерти простой народъ употреблялъ вмѣсто лекарства землю съ его могилы. Эта черта обрисовываетъ наглядно характеръ времени и народа. Ученаго уважаютъ, но уважаютъ, какъ могучаго волшебника. Въ трудахъ самихъ ученыхъ, какъ несторіанъ, такъ и евреевъ, можно замѣтить такое же сильное уваженіе къ наукѣ, перемѣшанное съ такимъ же сильнымъ стремленіемъ къ чудесному, таинственному и сверхъестественному.

Религіозный фанатизмъ, воодушевлявшій аравитянъ во время ихъ завоевательныхъ подвиговъ, не долго мѣшалъ ихъ сближенію съ учеными евреями и греками. Какъ только халифатъ принялъ размѣры огромной имперіи, такъ правительство тотчасъ почувствовало необходимость образованныхъ спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ административной и промышленной техники. Уже въ половинѣ седьмого столѣтія между аравитянами появились скептики, критиковавшіе Коранъ; ученые иновѣрцы сдѣлались лейбъ-медиками и довѣренными лицами халифовъ; а Гарунъ-аль-Рашидъ, царствовавшій въ концѣ VIII столѣтія, назначилъ даже несторіанскаго ученаго, Мазуэ, главнымъ начальникомъ всѣхъ публичныхъ школъ, т. е., по нашему,—министромъ народнаго просвѣщенія. Такой примѣръ терпимости былъ бы замѣчателенъ даже въ Европѣ XIX вѣка; толки о вступленіи евреевъ въ англійскій парламентъ и о правахъ этого народа въ разныхъ другихъ государствахъ Европы хорошо знакомы каждому изъ насъ.—Подъ вліяніемъ образованныхъ халифовъ высшія училища возникли во всѣхъ концахъ магометанскаго государства; въ Багдадѣ, въ Бассорѣ, въ Испагани, въ Самаркандѣ, въ Фецѣ, въ Марокко, въ Кордовѣ, въ Севильѣ, въ Гренадѣ появились разсадники строго-научнаго образованія; всѣ эти города, погруженные теперь въ глубокое невѣжество, были наполнены учеными и литераторами въ то время, когда Англія, Франція и Германія были покрыты лѣсами и скудно населены грубыми и звѣрообразными дикарями.

Движеніе, возбужденное въ передней Азіи аравійскими завоеваніями, перемѣшало между собою всѣ элементы тамошней умственной жизни. Аравитяне сблизили астрономію и медицину грековъ съ астрономіей и магіей персовъ. По складу своего національнаго ума, аравитяне любили все, что возбуждало фантазію; персидское чернокнижіе не пропало для нихъ даромъ; они съ радостью повѣрили тому, что небесныя тѣла дѣйствуютъ на жизнь людей; что существуетъ таинственная связь между металлами и планетами; что въ каждомъ кускѣ одушевленнаго или не-

одушевленнаго вещества заключается частица общей міровой души, и что на эту частицу можно дѣйствовать различными заклинаніями и таинственными операціями. Въ связи съ этой доктриной о міровой душѣ находилась та обаятельная идея, что природа различными неизвѣданными процессами превращаетъ одно вещество въ другое, что напримѣръ свинецъ и мѣдь перерождаются въ нѣдрахъ земли, подъ вліяніемъ небесныхъ тѣлъ, въ золото и въ серебро. Человѣкъ, всегда гонявшійся за богатствомъ и всегда видѣвшій по своей глупости богатство въ красивыхъ камушкахъ или въ кускахъ блестящаго металла, — непремѣнно долженъ былъ соблазниться этой доктриной и сдѣлать изъ нея практическое приложеніе. Задача человѣка, желающаго пріобрѣсти могущество и богатство, состояла въ томъ, чтобы подмѣтить или, вѣрнѣе, ощупью отыскать таинственные процессы, посредствомъ которыхъ природа творитъ драгоцѣнные металлы изъ низкаго и ничтожнаго матеріала. За это исканіе аравитяне принялись очень горячо, и ихъ подвиги на этомъ поприщѣ имѣютъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи обще-человѣческой мысли. Во-первыхъ, они старались добыть такое вещество, которое, въ соединеніи съ силой огня, очищало бы всѣ низкія тѣла природы отъ грубыхъ и грязныхъ примѣсей и оставляло бы въ результатѣ драгоцѣнный металлъ. Это вещество называлось философскимъ камнемъ. Потомъ, придавая золоту множество фантастическихъ достоинствъ, алхимики убѣдили себя въ томъ, что если-бы удалось превратить золото въ такую жидкость, которую человѣкъ могъ бы пить, то это золотое питье навсегда сохранило бы въ человѣкѣ жизнь и силу молодости. Такимъ образомъ возродилось то исканіе жизненнаго элексира, которому предавался старикъ Птоломей Филадельфъ въ александрійской лабораторіи. Гоняясь за призраками безконечнаго богатства и безконечной жизни, аравійскіе алхимики втеченіи многихъ столѣтій толкли, варили, смѣшивали, пережигали, переплавляли, просѣивали и процѣживали, и всячески перерабатывали въ своихъ таинственныхъ мастерскихъ всевозможныя вещества, твердыя и жидкія, органическія и неорганическія, благоухающія и вонючія. Иной разъ алхимикъ взлеталъ на воздухъ со всей своей лабораторіей; въ народѣ распространялся слухъ, что черти унесли въ преисподнюю проклятаго колдуна; но эти случаи не смущали другихъ алхимиковъ, и они съ неутомимымъ упорствомъ продолжали заниматься тѣмъ, что̀ они называли *великимъ дѣломъ*. И дѣло ихъ было дѣйствительно *великое*. Философскаго камня они не нашли; жизненнаго элексира не добыли; но ихъ многовѣковыя изслѣдованія положили прочное основаніе новѣйшей химіи. Алхимики напоминаютъ мнѣ извѣстную басню о томъ человѣкѣ, который передъ смертью сказалъ своимъ дѣтямъ, что въ его полѣ зарытъ кладъ. Клада не нашлось, но поле, изрытое по всѣмъ направленіямъ, стало давать богатые урожаи. Еслибъ не было фантазій о философскомъ камнѣ и о жизненномъ элексирѣ, то не было бы и тѣхъ неутомимыхъ работъ, которыя познакомили насъ съ химическими свойствами многихъ тѣлъ и проложили дорогу къ болѣе раціональнымъ изслѣдованіямъ.

VIII.

Въ 410 году готы, подъ предводительствомъ Алариха, взяли и ограбили Римъ; въ 455 году вандалы, подъ начальствомъ Гензериха, переправились изъ Африки въ Италію: втеченіи двухъ недѣль они хозяйничали въ Римѣ по своему, а потомъ уѣхали къ себѣ домой, нагрузивъ свои корабли разными драгоцѣнностями и множествомъ плѣнниковъ. Въ 476 году, начальникъ геруловъ, Одоакръ, прекратилъ существованіе Западной Римской имперіи и объявилъ себя королемъ Италіи; въ 490 году въ Италію пришли остготы и послѣ трехлѣтней войны разрушили царство геруловъ. Въ 556 году сильное войско византійскаго императора Юстиніана, подъ начальствомъ Велисарія, проникло въ Италію, чтобы выгнать остготовъ. Жестокая война продолжалась нѣсколько лѣтъ; Римъ нѣсколько разъ брали приступомъ то греки, то остготы; стѣны этого города были срыты, и запустѣніе его было такъ велико, что уцѣлѣвшіе въ немъ жители хотѣли переселиться изъ него въ какое-нибудь другое мѣсто. Наконецъ, въ 568 году явились лонгобарды и завоевали всю сѣверную Италію. Но въ какомъ положеніи должна была находиться страна, выдержавшая втеченіи полутораста лѣтъ шесть варварскихъ нашествій? На этотъ вопросъ отвѣчать очень трудно; люди шестого столѣтія не занимались статистикой, а мы въ настоящее время врядъ-ли можемъ составить себѣ ясное понятіе о томъ, что̀ такое нашествіе варваровъ, и до какихъ размѣровъ могутъ доходить та голая нищета, та безнадежная забитость и подавленность, та одичалость людей и земли, которыя являются естественными и неизбѣжными слѣдствіями подобныхъ событій. Современники Юстиніана говорятъ, что Италія превратилась въ пустыню, и что война, голодъ и моровая язва погубили въ ней при этомъ императорѣ до пятнадцати милліоновъ жителей. Цифра показана, разумѣется, на угадъ; считать было некому, некогда и не зачѣмъ; но видно во всякомъ случаѣ, что тогдашніе люди были сильно поражены кровавой безалаберщиной своей эпохи, и что они, пуская въ ходъ крупную цифру, хотѣли выразить какъ можно нагляднѣе всю глубину испытанныхъ ими общественныхъ страданій.

Въ такое мрачное и безтолковое время чело-

вѣкъ естественнымъ образомъ тупѣетъ и безотчетно боится всего, что его окружаетъ. Разорительныя войны, голодъ и повальныя болѣзни составляютъ тотъ историческій фундаментъ, на которомъ утвердилось прочное зданіе папской власти. Такъ какъ во всей остальной Европѣ огромное большинство людей находилось также въ самомъ бѣдственномъ положеніи, то папство, родившееся въ Италіи, легко проложило себѣ дорогу во Францію, въ Германію, въ Англію и въ земли далекаго скандинавскаго сѣвера. Въ 590 году римскимъ епископомъ или папой сдѣлался человѣкъ умный, энергическій и опытный, Григорій I. Многосторонняя дѣятельность этой крупной исторической личности намѣтила по всѣмъ направленіямъ тѣ пути, которые должны были впослѣдствіи привести римскаго епископа къ полновластному господству надъ умами и кошельками средневѣковыхъ европейцевъ. Во-первыхъ, Григорій обратилъ серьезное вниманіе на тѣхъ варваровъ, на которыхъ его предшественники смотрѣли съ тупымъ страхомъ и съ близорукимъ презрѣніемъ. Онъ отправилъ въ Британію миссіонеровъ и такимъ образомъ подчинилъ своему вліянію тамошнихъ полудикихъ язычниковъ; онъ вмѣшался въ дѣла галльской церкви и запретилъ тамъ продажу церковныхъ должностей; онъ принялъ въ нѣдра католической церкви Испанію, отказавшуюся въ это время отъ аріанской ереси; онъ искоренилъ язычество.

Такая дѣятельность была, разумѣется, несравненно полезнѣе для будущаго могущества папъ, чѣмъ безплодныя состязанія съ патріархами александрійскимъ и константинопольскимъ. Эти духовныя лица ни подъ какимъ видомъ не уступили бы римскому епископу господства надъ вселенской церковью; отуманить ихъ историческими аргументами было невозможно; они сами знали исторію церкви не хуже папы и могли забросать его доказательствами, совершенно отклоняющими всякую мысль о законности римскихъ притязаній. А кромѣ того — и это самое главное — препирательство съ восточными патріархами непремѣнно приводило папу въ столкновеніе съ византійскимъ императоромъ, который все-таки считалъ папу своимъ подданнымъ и не разъ напоминалъ ему этотъ печальный фактъ очень жесткимъ и чувствительнымъ образомъ. Поэтому сближаться съ греческимъ востокомъ — значило для папы отказываться отъ своей исторической будущности. Выгоды папъ требовали положительно, чтобы они исподволь, безъ скандала, прекратили всякія сношенія съ восточными церквями и поворотили-бы всю свою дѣятельность на сѣверъ и на западъ, гдѣ они могли открыть и завоевать своимъ духовнымъ оружіемъ цѣлыя обширныя государства. А духовное оружіе Рима было тогда очень сильно. Утомительные и опасные подвиги миссіонерства соотвѣтствовали, какъ нельзя лучше, всему характеру той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ Григорій I. Люди цѣнили въ это время свою жизнь очень дешево по той простой причинѣ, что она вездѣ давала имъ много страданій и вездѣ была очень мало обезпечена противъ разнообразнаго насилія. Монастырей было очень много, и въ каждомъ монастырѣ можно было найти много настоящихъ монаховъ, глубоко и чистосердечно ненавидѣвшихъ собственное тѣло и постоянно старавшихся причинять этому лютому врагу всевозможныя непріятности. Такому монаху епископъ могъ сказать преспокойно: «Сынъ мой, ступай въ такую-то землю. Что ты тамъ найдешь и что съ тобою тамъ сдѣлаютъ, этого я не знаю. Но я даю тебѣ мое благословеніе и буду поминать тебя въ моихъ грѣшныхъ молитвахъ.» И этого было довольно. Монахъ пускался въ путь и старался исполнить въ точности все, что ему было приказано. Если онъ по дорогѣ проваливался въ трясину, если онъ умиралъ отъ голода или отъ лихорадки на снѣжномъ сугробѣ или въ непроходимомъ лѣсу, если его заѣдалъ медвѣдь, если его заколачивали до смерти изъ пустого озорства дикіе предки Либиха и Александра Гумбольдта, словомъ, если онъ пропадалъ безъ вѣсти по той или по другой причинѣ, то Римъ не терялъ ровно ничего. Однимъ монахомъ меньше — однимъ мученикомъ больше; церковь вносила въ свои поминанія новое имя, а на мѣсто погибшаго брата находились, по первому востребованію, сотни новыхъ охотниковъ. Если же по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Римъ приходилъ одичавшій человѣкъ, весь заросшій волосами и бородой, одѣтый въ звѣриныя кожи, и если этотъ человѣкъ, съ чисто монашескимъ смиреніемъ, падалъ на колѣни передъ епископомъ и докладывалъ ему, что онъ, недостойный грѣшникъ такой-то, благодаря святымъ молитвамъ епископа и церкви, сподобился основать новую христіанскую общину въ землѣ такого-то племени, — то выгода для Рима была очевидная. Вѣдь не станутъ-же новообращенные варвары задавать себѣ лукавые вопросы на счетъ духовнаго первенства римскаго престола. Не станутъ они разузнавать, дѣйствительно-ли папа есть прямой и законный преемникъ апостола Петра? И дѣйствительно-ли преемникъ св. Петра выше всѣхъ другихъ епископовъ? И не долженъ-ли самъ папа подчиняться рѣшеніямъ вселенскаго собора? И что думаютъ о папѣ въ Константинополѣ и въ Александріи? — Константинополь, Александрія, вселенскій соборъ — все это непонятные звуки для простодушныхъ дикарей, обработанныхъ такимъ-же простодушнымъ монахомъ. Имъ сказано, что папа — глава церкви, самый великій и самый святой человѣкъ во всемъ мірѣ, — они это и затвердили. Только одного папу они и знаютъ. И дѣти, и внуки ихъ выростаютъ въ тѣхъ-же самыхъ понятіяхъ. А между тѣмъ новая

церковь раздвигаетъ свои предѣлы, и цѣнность завоеванія, сдѣланнаго смѣлымъ миссіонеромъ, увеличивается съ каждымъ десятилѣтіемъ. Вмѣстѣ съ важностью всѣхъ сдѣланныхъ завоеваній растетъ и міровое значеніе папства.

Высшая степень папскаго могущества относится къ тому времени, когда всѣ обращенные варвары достигли той степени умственнаго развитія, которая даетъ народу возможность выработать себѣ такъ или иначе опредѣленный государственный механизмъ. А потомъ, когда сознаніе варваровъ не остановилось на этой точкѣ и когда оно стало понемногу приниматься за критику существующихъ идей и учрежденій, тогда, разумѣется, могущество римскаго престола начало клониться къ упадку.

Вся историческая роль папства связана совершенно неразрывно съ общественной и умственной жизнью тѣхъ варваровъ, на которыхъ Григорій въ первый разъ обратилъ серьезное вниманіе. Обращая въ христіанство людей совершенно необразованныхъ, Григорій зналъ, какими средствами слѣдуетъ на нихъ дѣйствовать. Онъ понималъ, сознательно или инстинктивно, что этихъ господъ не проймешь логической аргументаціей; имъ, какъ малолѣтнимъ ребятамъ, доступно только то, что бросается въ глаза, поражаетъ чувства, затрогиваетъ воображеніе. Имъ подавай блеску, пестроты, театральной пышности, картинности, музыкальности, величественной таинственности, эффектовъ, освѣщенія и перспективы. Для нихъ истина, добро и красота понятны только въ самыхъ вычурныхъ проявленіяхъ. Строгая разумность и безъискуственно-изящная простота для нихъ недоступны. Понимая эти свойства неразвитой человѣческой природы, и понимая ихъ тѣмъ глубже, что самъ онъ въ этомъ отношеніи недалеко ушелъ отъ своихъ духовныхъ дѣтей, папа Григорій заботился очень усердно о пышности и торжественности церковнаго церемоніала. Празднества, процессіи, облаченіе священниковъ и причетниковъ, убранство храмовъ — все это было расположено такъ, чтобы поражать чувство и воображеніе поклонниковъ. Съ этой цѣлью Григорій сталъ поощрять искусства. Скульптура, живопись и музыка были приняты имъ подъ особенное покровительство церкви. Храмы наполнились статуями и картинами; церковное пѣніе было усовершенствовано самимъ Григоріемъ. Преемники этого папы постоянно подражали его примѣру; они ввели въ церковь органъ, возвысили пѣніе до небывалой виртуозности, сформировали такихъ архитекторовъ, какъ Браманте, Брунеллески и Миколь-Анджело; такихъ живописцевъ, какъ Рафаэль и Леонардо-де-Винчи; такихъ музыкантовъ, какъ Палестрина, и наконецъ превратили католическую обѣдню въ концертъ и въ театральное представленіе. Они-же создали и настоящій театръ, который, какъ извѣстно, выработался изъ духовныхъ мистерій, разыгрывавшихся съ большими эффектами во всѣхъ католическихъ церквахъ.

Кромѣ пышнаго церемоніала, есть еще одна сторона, дѣйствующая съ неотразимой силой на чувство и воображеніе простыхъ людей. Я говорю о мнимо сверхъестественныхъ событіяхъ, о сношеніяхъ человѣка съ невидимыми существами, о видѣніяхъ и чудесахъ, играющихъ такую важную роль въ безчисленныхъ средневѣковыхъ легендахъ, которыя изобрѣтались на счетъ истинныхъ чудесъ и которыя для нашей православной церкви не имѣютъ никакого каноническаго значенія. Въ началѣ среднихъ вѣковъ всякія чудеса и видѣнія были особенно многочисленны; они творились на каждомъ шагу, единственно потому, что всѣ были необразованы, всѣ были расположены принимать за чудо каждое естественное событіе въ природѣ и въ человѣческой жизни, всѣ разсказывали свои сны и галлюцинаціи, — всѣ съ жадностью слушали эти разсказы и, украсивъ ихъ цвѣтами собственной фантазіи, пускали ихъ дальше въ общее обращеніе. Легенды составлялись тогда точно такимъ-же образомъ, какимъ въ наше прозаическое время вырабатываются въ уѣздныхъ городахъ чудовищныя сплетни. Легенда — та-же сплетня, только окрашенная въ тотъ своеобразный фантастическій колоритъ, который соотвѣтствовалъ умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ тогдашняго времени. Папа Григорій всѣми своими силами содѣйствовалъ процвѣтанію всякихъ легендъ, во-первыхъ потому, что человѣческое легковѣріе было выгодно для могущества римской іерархіи, а во-вторыхъ и потому, что онъ самъ, какъ человѣкъ своего времени, обладалъ достаточной пылкостью воображенія и слишкомъ достаточной неразвитостью ума.

Въ какомъ направленіи производилась фабрикація легендъ — это не трудно будетъ увидѣть и понять изъ двухъ отдѣльныхъ примѣровъ. Остготскій король Теодорихъ Великій, царствовавшій въ Италіи въ началѣ VI вѣка, былъ приверженцемъ аріанской ереси. За это его ненавидѣло итальянское духовенство, которому поганый еретикъ не дѣлалъ однако-же никакихъ притѣсненій. Въ своихъ переговорахъ съ византійскимъ императоромъ Юстиномъ Теодорихъ выражалъ между прочимъ слѣдующія мысли: «Стремиться къ господству надъ человѣческой совѣстью, — значитъ похищать то, что принадлежитъ одному Богу. По самой природѣ вещей, власть государей должна проявляться только въ политическомъ управленіи. Они имѣютъ право наказывать только тѣхъ, которые нарушаютъ общественное спокойствіе. Самая опасная ересь состоитъ въ томъ, когда государь отдѣляется отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ за то, что ихъ вѣра не сходится съ его собственными религіозными понятіями.»

Если взять во вниманіе, что слишкомъ черезъ тысячу лѣтъ послѣ Теодориха Филиппъ II испан-

скій довелъ своихъ нидерландскихъ подданныхъ до вооруженнаго возстанія, что Филиппъ III выгналъ изъ Испаніи полезныхъ и покорныхъ мавровъ, и что Людовикъ XIV еще позднѣе распорядился такимъ-же образомъ съ французскими протестантами, если припомнить, что всѣ эти и многія другія штуки дѣлались въ Европѣ по религіозной враждѣ, то не трудно будетъ понять и оцѣнить умъ и характеръ остготскаго короля, писавшаго свое посланіе къ Юстину въ VI вѣкѣ. Однако итальянское духовенство сочло необходимымъ составить противъ Теодориха заговоръ и завести тайныя сношенія съ византійскимъ правительствомъ. Теодорихъ узналъ всѣ эти продѣлки. Начались аресты, допросы, пытки и казни. Преслѣдованіе было направлено не противъ религіи, а противъ политическаго преступленія. Въ заговорѣ былъ замѣшанъ папа. Теодорихъ посадилъ его въ тюрьму и продержалъ его въ заключеніи до его смерти. Вс орѣ послѣ этихъ событій Теодорихъ умеръ, и тотчасъ послѣ его кончины духовенство пустило въ ходъ легенду, что черти утащили его душу въ кратеръ вулкана Липари, считавшійся въ то время отверстіемъ геенны огненной. Кто-же это видѣлъ?—Видѣлъ нѣкій отшельникъ.—А не солгалъ-ли сей отшельникъ? И находился-ли онъ въ здравомъ умѣ и въ полной памяти?—Этихъ вопросовъ никто себѣ не задавалъ, потому что поставить такіе вопросы,—значило-бы обнаружить неумѣстную и предосудительную пытливость гордаго ума. Легенда была очевидно выгодна для духовенства. Духовенство приняло разсказъ отшельника благосклонно, а можетъ-быть даже выдумало этотъ разсказъ собственными силами, впустивъ въ него особу отшельника, какъ подставное лицо. Духовенство сообщило этому разсказу обязательный авторитетъ, и черезъ два-три десятилѣтія эта игривая выдумка сдѣлалась твердой истиной, назидательной для вѣрующихъ и неприкосновенной для скептиковъ, еслибы скептики осмѣлились только появиться и возвысить голосъ въ VI или въ VII столѣтіи.

Другая легенда, составленная позднѣе, еще откровеннѣе носитъ на себѣ печать фабриканта. Французскіе короли, постоянно страдавшіе безденежьемъ, очень часто обращали свои тоскливые взоры на богатыя помѣстья духовенства, не платившаго рѣшительно никакихъ повинностей. Они много разъ заводили рѣчь о бѣдственномъ положеніи государственной казны и о громадности церковныхъ имуществъ, но духовенство ко всякому подобному разговору относилось чрезвычайно неодобрительн о и пересыпало свои отвѣты такими ужасами, которые навсегда должны были отвадить свѣтскую власть отъ нескромныхъ поползновеній. Въ одномъ изъ суровыхъ отвѣтовъ духовенства встрѣчается между прочимъ слѣдующее мѣсто: «Принцъ Карлъ первый изъ всѣхъ франкскихъ королей и князей расхитилъ и раздробилъ имущества церкви, и единственно по этой причинѣ онъ осужденъ на вѣчное мученіе. Мы знаемъ дѣйствительно, что св. Эвхерій, епископъ орлеанскій, находясь на молитвѣ, былъ перенесенъ въ міръ духовъ, и что, въ числѣ другихъ предметовъ, показанныхъ ему Господомъ, онъ увидѣлъ Карла, терзаемаго въ самыхъ глубокихъ безднахъ ада. Ангелъ, служившій ему проводникомъ, на вопросъ его объ этомъ предметѣ отвѣчалъ ему, что на будущемъ судѣ тѣло и душа человѣка, взявшаго или раздѣлившаго имущества церкви, будутъ преданы, даже раньше кончины міра, на вѣчное мученіе по приговору святыхъ, засѣдающихъ въ судилищѣ вмѣстѣ съ Госод омъ Это святотатственное дѣло прибавитъ къ его собственнымъ грѣхамъ всѣ грѣхи всѣхъ тѣхъ людей, которые думали, что купили себѣ прощеніе своими пожертвованіями, сдѣланными изъ любви къ Богу въ пользу святыхъ обителей, на освѣщеніе храмовъ при богослуженіи и на пропитаніе служителей христовыхъ.»

Чтобы оцѣнить всю красоту этой легенды, надо замѣтить, что принцъ Карлъ, подвергаемый такому строгому наказанію, есть тотъ самый великій воинъ и защитникъ христіанства, Карлъ Мартеллъ, который разбилъ испанскихъ аравитянъ при Пуатье, въ рѣшительномъ сраженіи, положившемъ предѣлъ успѣхамъ магометанскаго оружія въ западной Европѣ. Непростительное *расхищеніе* было сдѣлано именно для того, чтобы собрать и прокормить сильную армію, необходимую для отраженія опаснаго врага, котораго по всей вѣроятности самыя раздирательныя легенды не убѣдили-бы въ неприкосновенности церковныхъ имуществъ. Интересно также то обстоятельство, что видѣнія епископа Эвхерія употребляются какъ серьезныя и полновѣсныя доказательства въ обсужденіи финансоваго вопроса, имѣвшаго громадную важность для всего государственнаго хозяйства Франціи.

Чтобы поддерживать авторитетъ легендъ, надо было систематически давить всякое проявленіе научной дѣятельности; и съ этой стороны энергія и послѣдовательность папства оказались также очень замѣчательными. Папы поняли очень хорошо, что наука и искусство—двѣ вещи совершенно различныя, хотя эти два слова обыкновенно ставятся рядомъ, когда заходитъ рѣчь о какомъ-нибудь золотомъ вѣкѣ, вродѣ вѣка Перикла или Августа. Папы поняли, что искусство—ихъ лучшій другъ, потому что скульпторы, музыканты, живописцы могутъ быть простодушны и довѣрчивы, какъ грудные младенцы; а наука, напротивъ того,—ихъ непримиримый врагъ, потому что ученость и безграничное простодушіе взаимно исключаютъ другъ друга. Григорій I особенно любилъ повторять, что «невѣжество есть мать истиннаго благочестія», и такъ какъ онъ подъ словомъ «истинное благочестіе» понималъ способность вѣрить слѣпо росказнямъ каждаго монаха, то его любимое изрѣченіе оказывается неопровержимой аксіомой. Любимое изрѣченіе Григорія не оста-

валось для него мертвой буквой: онъ выгналъ изъ Рима всѣхъ учителей математики, сжегъ Палатинскую библіотеку, основанную Августомъ, запретилъ чтеніе латинскихъ классиковъ, изломалъ всѣ древнія статуи, находившіяся въ его власти, и старательно уничтожалъ всѣ рукописи, попадавшіяся ему на глаза. Онъ самъ, потомокъ римскихъ патриціевъ, не зналъ правилъ латинскаго языка и гордился тѣмъ, что его собственныя сочиненія были переполнены грамматическими ошибками. Одному священнику, осмѣлившемуся преподавать латинскую грамматику, Григорій сдѣлалъ строжайшій выговоръ.

Такимъ образомъ политика папства характеризуется тремя главными стремленіями: 1) сближаться съ варварами; 2) дѣйствовать на воображеніе массъ театральными эффектами и фантастическими разсказами; 3) истреблять всякую научную дѣятельность.

IX.

Папская политика и папское могущество составляютъ естественный продуктъ мрачной и мутной исторической эпохи. Приписывать вліянію папства всѣ гадости, которыя дѣлались въ средневѣковое время въ Италіи и въ самомъ Римѣ, въ церкви и въ обществѣ, въ частной жизни и въ политикѣ,—было бы несправедливо. Папство дѣйствовало неразумно и дурно, и сами папы были часто дурными и безчестными людьми, потому что весь характеръ ихъ времени былъ звѣрообразенъ до крайности. Люди ежеминутно грызлись между собою за каждую пеструю тряпку и за каждую обглоданную кость. Кто не былъ воромъ, разбойникомъ и убійцей, тотъ навѣрное дѣлался самъ жертвой неотразимаго насилія. Самые великіе люди этого времени замараны грязью и кровью, потому что, принимая дѣятельное участіе въ тогдашней исторической жизни, не было ни малѣйшей возможности уберечься отъ такихъ пятенъ. Италія, наводненная варварами всевозможныхъ племенъ, была развращена и измучена болѣе всѣхъ другихъ европейскихъ земель, ее грабили и раздирали на части мелкіе тираны, ничѣмъ не отличавшіеся отъ разбойничьихъ атамановъ; такіе-же разбойники, называвшіе себя римскими патриціями, буянили въ самомъ Римѣ и ежедневно поливали кровью римскія улицы, ведя между собой мелкія и безконечныя войны, въ которыя вмѣшивались безпрестанно и духовенство, и простой народъ. Всѣ эти люди—аристократы, духовенство и народъ—участвовали въ назначеніи папъ; можно себѣ легко представить, какими странными сценами сопровождались выборы, и какія дикія фигуры появлялись иногда, вслѣдствіе этихъ сценъ, на папскомъ престолѣ. Въ VIII, въ IX и въ X столѣтіяхъ исторія папства переполнена скандалами и преступленіями. По смерти папы Павла I, вступившаго на престолъ въ 757 году, герцогъ Непійскій заставилъ епископовъ посвятить въ папы Константина. Въ 768 году выборы эти объявлены незаконными. Папой сдѣлался Стефанъ IV. Константину выкололи глаза. Одному изъ его приверженцевъ, епископу Ѳедору, отрѣзали языкъ. Затѣмъ Ѳедора заперли въ тюрьму, въ которой онъ и умеръ—отъ жажды. Въ 795 году племянники умершаго папы Адріана схватили на улицѣ преемника его, Льва III, втащили его въ сосѣднюю церковь и собирались выколоть ему глаза и отрѣзать языкъ, но во время самой ожесточенной свалки прибѣжали приверженцы папы и отбили его отъ свирѣпыхъ враговъ. Преемника Льва, Стефана V, съ позоромъ выгнали изъ города въ 816 году. Слѣдующаго папу, Пасхалиса I, обвинили въ томъ, что онъ ослѣпилъ и зарѣзалъ въ латеранскомъ дворцѣ двухъ священниковъ; дѣло было отдано на разсмотрѣніе императорскимъ коммиссарамъ, потому что въ это время Западная Римская имперія была уже возстановлена и императоръ былъ Людовикъ Благочестивый, сынъ Карла Великаго. Но раньше окончанія слѣдствія и суда папа умеръ, очистивъ свою совѣсть клятвой въ невинности, данной торжественно въ присутствіи тридцати епископовъ. Исторія объ ослѣпленіи и зарѣзаніи осталась такимъ образомъ неразъясненной. Въ 872 году папа Іоаннъ VIII былъ принужденъ платить дань магометанамъ, утвердившимся въ нѣкоторыхъ приморскихъ пунктахъ Италіи. Епископъ неаполитанскій находился въ тайномъ союзѣ съ этими врагами христіанства и получалъ отъ нихъ, какъ лазутчикъ, часть добычи, достававшейся имъ отъ папы. За эти продѣлки папа отлучилъ его отъ церкви и соглашался дать ему прощеніе только съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ заманилъ магометанъ въ западню и собственноручно зарѣзалъ бы ихъ главныхъ начальниковъ. Сношенія съ магометанами вовсе не составляли въ то время рѣдкаго и исключительнаго явленія. При томъ же самомъ Іоаннѣ VIII римское духовенство составило заговоръ; положено было убить папу, захватить церковныя сокровища, отворить поддѣльными ключами ворота Св. Панкратія и впустить въ городъ магометанъ. Папа, имѣвшій повидимому достаточное число искусныхъ шпіоновъ, открылъ и разстроилъ этотъ заговоръ. Въ 891 году папой сдѣлался Формозъ, участвовавшій въ этомъ заговорѣ и отлученный отъ церкви. Въ 896 году ему наслѣдовалъ Бонифацій VI, котораго два раза лишали духовнаго сана за непомѣрную безнравственность и негодность. Преемникъ этого папы, Стефанъ VII, приказалъ вырыть изъ могилы трупъ Формоза, нарядилъ его въ новое святительское облаченіе, посадилъ его на кресло и сталъ производить надъ нимъ судъ. По суду безотвѣтный Формозъ оказался виновнымъ во многихъ преступленіяхъ; тогда трупъ его былъ брошенъ въ Тибръ. Стефана вскорѣ послѣ этого посадили въ тюрьму, а потомъ задушили. Втеченіи пяти лѣтъ, отъ 896

до 900 года, перемѣнилось пять папъ. Въ 904 году папу Льва V посадилъ въ тюрьму одинъ изъ его капеллановъ, Христофоръ, котораго въ слѣдующемъ же году выгналъ изъ Рима Сергій III, овладѣвшій папскимъ престоломъ съ оружіемъ въ рукахъ. Съ этого времени начинается въ Римѣ дѣятельность трехъ женщинъ, Теодоры-старшей и двухъ ея дочерей, Марозіи и Теодоры-младшей. Красота, безнравственность, богатство и неукротимая отвага этихъ женщинъ доставляли имъ впродолженіи тридцати лѣтъ полновластное господство надъ Римомъ и даже надъ всей средней Италіей. Особенно сильна была Марозія, вышедшая замужъ за Альбериха, маркграфа камеринскаго, самаго богатаго и могущественнаго изъ тогдашнихъ мелкихъ тирановъ средней Италіи. Марозія владѣла въ Римѣ крѣпостью Св. Ангела и вслѣдствіе этого держала въ повиновеніи весь городъ. Теодора-старшая сдѣлала одного изъ своихъ многочисленныхъ любовниковъ епископомъ равенскимъ; а потомъ, въ 915 году, она же доставила ему папскій престолъ, на который онъ вступилъ подъ именемъ Іоанна X. Впродолженіи четырнадцати лѣтъ любовь Теодоры поддерживала его на папскомъ престолѣ; но его ненавидѣла Марозія, и въ 926 году эта ненависть рѣшила его участь. Марозія захватила его въ латеранскомъ дворцѣ, убила его брата Петра, а самого папу посадила въ тюрьму, гдѣ его задушили подушками. Въ 931 году Марозія сдѣлала папой своего собственнаго сына, Іоанна XI. Отецъ этого юноши былъ доподлинно неизвѣстенъ; многіе полагали, что Іоаннъ XI — сынъ папы Сергія III, но сама Марозія думала, что она родила его отъ Альбериха; впрочемъ Марозіи въ этомъ отношеніи, при многосложности ея занятій, очень легко было спутаться въ генеалогическихъ и хронологическихъ соображеніяхъ. Другой сынъ Марозіи, Альберихъ, посадилъ въ тюрьму свою мать и своего брата, папу Іоанна XI. Въ 956 году девятнадцатилѣтній сынъ этого второго Альбериха сдѣлался папой подъ именемъ Іоанна XII. Поступки этого молодого человѣка были уже до такой степени неприличны, что возбудили противъ себя негодованіе всей католической Европы и дали поводъ императору Оттону Великому созвать соборъ для изслѣдованія преступленій рѣзваго юноши. Оказалось, что папа бралъ взятки за посвященіе епископовъ, что онъ сдѣлалъ епископомъ десятилѣтняго мальчика, что онъ совершилъ однажды обрядъ посвященія въ конюшнѣ, что онъ выкололъ глаза одному священнику, что онъ оскопилъ другого, что оба эти человѣка умерли вслѣдствіе этого увѣчья, что латеранскій дворецъ наполненъ безнравственными женщинами, что папа постоянно пьетъ, играетъ и даже вѣруетъ въ Юпитера и въ Венеру. За все это безобразіе Іоанна низложили; папой сдѣлался въ 963 году Левъ VIII; но Іоаннъ не упалъ духомъ,—произвелъ въ Римѣ возмущеніе, одолѣлъ своихъ противниковъ и поступилъ съ ними такъ, какъ этого можно было ожидать отъ его характера: иныхъ замучилъ до смерти; инымъ выкололъ глаза; многимъ отрѣзалъ пальцы, руки, уши, носы и языки. Кончилъ онъ свою бурную жизнь тѣмъ, что его убилъ одинъ римлянинъ, у котораго онъ соблазнилъ жену.

Долго еще продолжались въ Римѣ грязныя трагедіи, подобныя тѣмъ, которыя описаны въ предыдущихъ строкахъ. Іоанна XIII задушили въ темницѣ; Бенедикта VII, по приказанію Бонифація VII, уморили въ тюрьмѣ голодной смертью; Іоанна XIV посадили въ крѣпость Св. Ангела и убили; по смерти Бонифація VII римская чернь разорвала на части его трупъ и протащила его по улицамъ города. Въ 996 году императоръ Оттонъ III назначилъ папой своего родственника Бруно, который принялъ имя Григорія V. Сынъ Теодоры-младшей, Кресценцій, владѣвшій въ это время крѣпостью Св. Ангела, выгналъ изъ Рима Григорія и посадилъ на папскій престолъ Іоанна XVI. Но въ 997 году Оттонъ опять пришелъ въ Римъ съ войскомъ, взялъ крѣпость Св. Ангела, захватилъ самого Кресценція и отрубилъ ему голову. А Іоанну XVI, по приказанію императора, выкололи глаза и отрѣзали носъ и языкъ; потомъ этого изувѣченнаго человѣка посадили на осла лицомъ къ хвосту и провели въ такомъ видѣ по улицамъ города; наконецъ его представили въ полное распоряженіе римской черни, которая всегда готова была потѣшиться надъ тѣмъ, кто не могъ защищаться. Въ 1033 году папой сдѣлался одиннадцатилѣтній мальчикъ, Бенедиктъ XI. По своему образу жизни онъ былъ еще грязнѣе Іоанна XII. Римляне два раза выгоняли его, и онъ два раза возвращался, по милости всѣхъ сильныхъ родственниковъ и друзей, которые разбойничали съ нимъ вмѣстѣ въ Римѣ и его окрестностяхъ. Захвативши папскую тіару во второй разъ и не надѣясь удержать ее за собою, Бенедиктъ назначилъ на нее аукціонный торгъ, и въ 1045 году папское достоинство было куплено Григоріемъ VI.

Прочитавши этотъ утомительный перечень невѣроятныхъ скандаловъ, читатель, мало знакомый съ исторіей среднихъ вѣковъ, подумаетъ можетъ-быть, что папство сдѣлалось совершенно безсильнымъ и потеряло въ глазахъ европейскихъ народовъ всякій нравственный авторитетъ. Читатель сильно ошибется. Папство, обезчестившее себя всѣми пороками и преступленіями, достигло въ это время высшей точки своего могущества. Въ 1045 году папство продавалось съ аукціоннаго торга, а въ 1073 году на папскомъ престолѣ сидѣлъ уже Гильдебрандъ, тотъ самый Григорій VII, который заставилъ нѣмецкаго императора Генриха IV стоять три дня на дворѣ замка Каноссы въ одной рубашкѣ, съ голыми ногами, въ положеніи кающагося грѣшника, вымаливающаго себѣ прощеніе. А въ концѣ

того же одиннадцатаго столѣтія папа Урбанъ II поднимаетъ всю Европу противъ магометанъ, удержавшихъ въ своей власти святыя мѣста. А въ XIII столѣтіи Иннокентій III превращаетъ южную Францію въ окровавленную и обожженную пустыню и учреждаетъ ордены нищенствующихъ монаховъ; преемникъ его, Григорій IX, основываетъ судилище инквизиціи.

Какъ же объяснить себѣ это странное противорѣчіе? Папъ бьютъ, уродуютъ, сажаютъ въ темницы и убиваютъ, какъ самыхъ низкихъ преступниковъ, а въ то-же время папство растетъ, усиливается и захватываетъ въ свои руки, на нѣсколько столѣтій всю историческую жизнь европейскаго міра. Это явленіе объясняется довольно легко и совершенно удовлетворительно. Историческая судьба папства зависѣла не отъ него самого, а отъ совершенно постороннихъ причинъ. Папство было вообще пассивнымъ идоломъ, передъ которымъ европейцы лежали ницъ до тѣхъ поръ, пока вообще историческая жизнь не расшевелила ихъ умовъ и не навела ихъ на мысль подняться на ноги. Средневѣковымъ европейцамъ идолъ казался необходимымъ; безъ него они, по своей тогдашней неразвитости, не могли существовать. Это стремленіе къ идолу не изъ ничего было создано папствомъ, оно составляло коренную особенность младенчествующаго ума; папство съумѣло только конфисковать это стремленіе въ свою пользу; ему помогли въ этомъ дѣлѣ отчасти миссіонерскія подвиги монаховъ, отчасти же — и притомъ гораздо сильнѣе — военные подвиги Карла Великаго, окрестившаго насильно почти всю внутреннюю Германію. А окрестить въ то время— значило обратить не ко Христу, а къ папѣ. Сдѣлавшись идоломъ, папство могло уже творить все, что̀ ему было угодно. Ни глупости, ни подлости, ни преступленія, ничто не могло разрушить его авторитета; человѣкъ обожаетъ идола не за его достоинства, а за то, что онъ предполагаетъ въ немъ совершенно особенную, сверхъестественную силу. Тунгузы иногда бьютъ своихъ идоловъ кнутомъ, и все-таки поклоняются имъ. Такъ это дѣлалось и съ папами. Императоръ могъ ошельмовать папу, какъ послѣдняго каторжника; но если этотъ самый ошельмованный папа успѣвалъ пустить противъ императора проклятіе, то это проклятіе сильно дѣйствовало на умы, и противъ него надо было употребить совсѣмъ особенный пріемъ; надо было выбрать, съ соблюденіемъ законныхъ формальностей, новаго папу — и приказать этому новому, чтобы онъ проклялъ стараго. Тогда равновѣсіе возстановлялось, умы массъ успокоивались, и успѣхъ того или другого папы зависѣлъ уже только отъ числа и храбрости ихъ вооруженныхъ приверженцевъ. Пока на папскомъ престолѣ сидѣлъ глупый или дрянной человѣкъ, до тѣхъ поръ идолъ спокойно стоялъ на мѣстѣ, и европейцы преклонялись передъ нимъ по пассивной привычкѣ, еще не вытѣсненной образованіемъ и размышленіемъ. Если же папой становился человѣкъ честный, умный и энергическій, то идолъ мгновенно оживлялся и начиналъ ворочать историческими событіями. Индивидуальная сила сама по себѣ ничего не могла сдѣлать, но въ соединеніи съ привилегированнымъ положеніемъ эта сила дѣлала чудеса. А привилегированное положеніе все-таки было создано исключительно той фазой умственнаго развитія, въ которой находилась тогда европейская мысль. Папству могли повредить не преступленія его представителей и не ошибки его общей политики, а только успѣхи образованія. Поэтому опаснѣйшими врагами папства были испанскіе магометане. Они подорвали силу папства не оружіемъ, а неотразимымъ вліяніемъ утонченной роскоши, блестящей поэзіи, смѣлой философіи и точной науки.

X.

Въ 711 году аравитяне перешли изъ Африки въ Европу и быстро завоевали почти весь Пиренейскій полуостровъ. Въ 759 году разорвалась политическая связь между магометанской Испаніей и азіатскимъ халифатомъ. Новое государство, несмотря на внутреннія волненія и постоянныя войны съ испанскими христіанами, стало быстро развиваться по всѣмъ направленіямъ. Уже въ концѣ VIII вѣка Испанія вела обширную морскую торговлю съ сѣверной Африкой, съ Византіей и съ магометанскимъ Востокомъ; ея военный флотъ господствовалъ на Средиземномъ морѣ и держалъ въ постоянномъ страхѣ Италію, Сицилію, Корсику, Сардинію и южную Францію. Испанскіе пираты по своей предпріимчивости и ловкости могли поспорить съ норманнами. Береговымъ жителямъ всей тогдашней Европы житья не было отъ этихъ двухъ хищныхъ породъ; да и внутри страны не всегда можно было разсчитывать на безопасность, потому что и норманны, и сарацины имѣли дурную привычку подниматься на лодкахъ вверхъ по теченію рѣкъ и грабить всѣ города и села, стоявшіе по обоимъ берегамъ рѣки.

Въ десятомъ столѣтіи, въ царствованіе Абд-Эррахмана III и сына его Гакема, магометанская Испанія стала на такую высокую степень могущества и благосостоянія, какой она не достигала никогда, ни прежде, ни послѣ этого времени. Въ составъ магометанскаго государства входили нынѣшнія провинціи: Арагонія, Валенсія, Новая-Кастилія, Мурсія, Эстремадура, Андалузія, Гранада и южная половина Португаліи. Въ настоящее время въ этихъ областяхъ считается около девяти милліоновъ жителей; а при Абд-Эррахманѣ ихъ было отъ 25 до 30 милліоновъ,— значитъ, втрое больше. Эта цифра основана не на пустыхъ догадкахъ, а на точныхъ статистическихъ данныхъ. Для магометанъ статистика была необходима, потому что они имѣли обыкновеніе облагать поголовной податью всѣхъ жи-

телей не мусульманской религіи. Во владѣніяхъ Абд-Эррахмана процвѣтала торговля, а земледѣліе, горная промышленность и фабрики находились въ такомъ блестящемъ положеніи, какого они послѣ того никогда не достигали въ Испаніи. Для орошенія полей были устроены резервуары и очень сложныя системы плотинъ, шлюзъ, трубъ и насосовъ. Законъ тщательно опредѣлялъ правила, съ которыми слѣдовало соображаться при пользованіи этой водой; въ противномъ случаѣ, при безпорядочномъ хозяйствѣ, наличная масса воды, драгоцѣнной въ сухомъ климатѣ Испаніи, могла бы оказаться недостаточной для орошенія полей. Аравитяне внесли въ Испанію рисъ, сахарный тростникъ и хлопчатую бумагу; они же насадили въ Испаніи превосходные фруктовые сады, состоящіе изъ такихъ деревьевъ, которыя до того времени еще не появлялись въ Европѣ. Ихъ же стараніями разведены тутовыя деревья и шелковичные черви. Въ окрестностяхъ Хереса и Малаги возникли, несмотря на строгія запрещенія Корана, роскошные виноградники, и винодѣліе было доведено до того совершенства, которое сохранилось до нашихъ временъ и разнесло по всему міру славное имя двухъ испанскихъ городовъ. Производство различныхъ тканей, гончарное дѣло, фабрикація металлическихъ вещей занимали тысячи искусныхъ рукъ и раскупались съ жадностью домашними и чужеземными потребителями. Клинки толедскихъ фабрикъ славились втеченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ наравнѣ съ саблями сирійскаго города Дамаска, въ которомъ надъ обработкой стали трудились также магометане. Кожевенное дѣло находилось также въ блестящемъ положеніи; въ Испаніи выдѣлывался превосходный сафьянъ; когда, въ началѣ XVII вѣка, слабоумный Филиппъ III выгналъ изъ Испаніи всѣхъ мавровъ, тогда они перенесли съ собою фабрикацію сафьяна въ Марокко, и сафьянъ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ сталъ называться мароканской кожей (по-французски — maroquin; по-нѣмецки — Marokin; по-англійски — Marocco leather). Скотоводствомъ испанскіе арабы занимались съ особенной любовью и съ большимъ знаніемъ дѣла; они сформировали знаменитую породу испанскихъ тонкорунныхъ барановъ или мериносовъ. О лошадяхъ и говорить нечего; извѣстно, что каждый арабъ любитъ свою лошадь, какъ лучшаго друга, страстной и восторженной любовью; съ нею онъ дѣлитъ въ пустынѣ послѣднюю горсть ячменя и послѣдній глотокъ воды; въ ея честь онъ сочиняетъ дифирамбы и эпопеи; каждая арабская лошадь имѣетъ свою генеалогію, и осквернить чистую арабскую кровь неблагородной примѣсью, — значитъ, по мнѣнію араба, сдѣлать непростительное преступленіе. Въ цвѣтущее время магометанской культуры арабскіе историки писали біографіи калифовъ и въ то-же время добросовѣстно описывали, для назиданія потомства, поучительную жизнь прославившихся лошадей и знаменитыхъ верблюдовъ.

Эта конюшенная исторія и эта берейторская поэзія, разумѣется, покажутся намъ уродливыми и смѣшными крайностями, но мы очень сильно ошибемся, если рѣшимся сказать, что та основная страсть, изъ которой развились эти крайности, сама по себѣ неблагоразумна и безплодна. Она благоразумна, потому что для кочевого араба лошадь составляетъ дѣйствительно незамѣнимую драгоцѣнность. Она (т. е. страсть, а не лошадь) полезна потому, что, благодаря своей страсти, арабы развели въ Испаніи превосходную породу андалузскихъ лошадей, а всякій здравомыслящій и практическій человѣкъ знаетъ конечно какъ нельзя лучше, какое значеніе имѣетъ хорошая лошадь для самыхъ важныхъ отраслей народнаго труда. Во всякомъ случаѣ страсть къ лошадямъ неизмѣримо полезнѣе, чѣмъ страсть къ безпредметному искусству, а между тѣмъ никто не смѣется надъ поклонниками этого искусства, и очень многіе смѣются надъ обожателями скачекъ и рысистыхъ бѣговъ.

Изъ всего, что я говорялъ выше, видно, что испанскіе арабы производили и могли производить множество разнообразныхъ предметовъ. Торговля ихъ была чрезвычайно обширна, тѣмъ болѣе, что въ тогдашней Испаніи было очень много евреевъ, которые вездѣ, всегда и при всякихъ обстоятельствахъ обнаруживаютъ во всякихъ коммерческихъ оборотахъ изумительную сметливость, подвижность и предпріимчивость. Арабы съ евреями сдружились очень скоро. Ихъ сблизили единство семитическаго происхожденія и общій религіозный догматъ строгаго монотеизма. Обширныя торговыя предпріятія велись ими сообща, компаніями, въ которыя, безъ различія вѣроисповѣданій, входили капиталисты обѣихъ національностей. У нихъ были факторіи и консулы на берегахъ Азовскаго моря и Дона; черезъ внутреннюю Азію они поддерживали постоянныя сношенія съ Индіей и съ Китаемъ; по восточному берегу Африки они спускались на югъ, далеко за экваторъ, до острова Мадагаскара. Успѣхи торговаго дѣла обращали на себя вниманіе мыслящихъ теоретиковъ, и уже въ половинѣ X столѣтія просвѣщенные арабы, подобные Абуль-Кассему, писали научные трактаты о разумныхъ основаніяхъ коммерческихъ оборотовъ.

При такомъ положеніи страны не мудрено, что ея повелитель, Абд-Эррахманъ III, получалъ до пяти съ половиной милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. до 37 милліоновъ рублей серебромъ годового дохода. Не трудно также согласиться съ замѣчаніемъ Шлоссера, который говоритъ, что «въ то время испанскій халифъ былъ самымъ богатымъ и могущественнымъ правителемъ въ свѣтѣ.» Столица магометанской Испаніи, Кордова, заключала въ

себѣ двѣсти двѣнадцать тысячъ зданій, не считая лавокъ и караванъ-сараевъ (постоялыхъ дворовъ), число которыхъ доходило до восьмидесяти пяти тысячъ. Въ числѣ городскихъ зданій Кордовы было шестьсотъ мечетей. «Трудно повѣрить всѣмъ этимъ даннымъ,—замѣчаетъ Шлоссеръ,—но, сравнивая старую Кордову съ большими европейскими городами нашего времени, не должно упускать изъ виду, что въ ней не было, какъ напримѣръ въ Парижѣ, шести и семиэтажныхъ домовъ.» Жителей въ Кордовѣ считалось болѣе милліона. Улицы этого города были вымощены камнемъ и освѣщались фонарями. Втеченіи многихъ столѣтій послѣ временъ Абд-Эррахмана III обитатели Лондона и Парижа тонули въ непроходимой грязи и боролись по вечерамъ съ непроницаемой темнотой, доставлявшей огромныя выгоды всѣмъ художникамъ по части кражи и грабежа.

Дворецъ халифа, составлявшій цѣлую часть города, отличался сказочнымъ великолѣпіемъ,—не той грубой роскошью, которая безъ толку громоздитъ груды золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, а тѣмъ утонченнымъ и глубокообдуманнымъ изяществомъ комфорта, которое дѣйствительно ласкаетъ и нѣжитъ чувства и до безконечности разнообразитъ наслажденія жизни. Балконы изъ полированнаго мрамора тонули въ тѣни апельсинныхъ деревьевъ; каскады и фонтаны освѣжали воздухъ въ садахъ и въ комнатахъ, въ которыя проходилъ пріятный и таинственный полусвѣтъ сквозь разноцвѣтныя стекла высокихъ остроконечныхъ оконъ; въ нѣкоторыхъ комнатахъ свѣтъ падалъ сверху, пробиваясь черезъ водяную струю, текущую подъ стеклянымъ потолкомъ; стѣны и полы были украшены тонкой мозаичной работой. Лѣтомъ искусно устроенные вентиляторы вливали въ комнаты, изъ обширныхъ цвѣтниковъ, волны свѣжаго воздуха, пропитаннаго ароматомъ рѣдкихъ и дорогихъ растеній. А зимой цѣлая система трубъ, вложенныхъ въ стѣны, проводила въ комнаты нагрѣтый и ароматическій воздухъ изъ подземныхъ сводовъ, въ которыхъ топились печи и сжигались разныя благовонныя вещества. Мебель дворца, отличавшаяся еще болѣе удобствомъ, чѣмъ красотой, была сдѣлана изъ сандальнаго и лимоннаго дерева, съ инкрустаціями изъ перламутра, слоновой кости, серебра и золота; диваны и кушетки были обиты шелковыми матеріями; вазы изъ горнаго хрусталя, этажерки, уставленныя китайскимъ фарфоромъ, и столы изъ превосходной мозаики были разставлены по комнатамъ въ изящномъ безпорядкѣ, между многочисленными мраморными колоннами, на которыя опирались своды потолка, расписаннаго блестящими и пестрыми арабесками. Въ зимнихъ покояхъ полы и стѣны были обиты мягкими персидскими коврами. Цвѣтущія растенія, привезенныя изъ далекихъ земель, дополняли своей свѣжей красотой убранство комнатъ. Горячая и холодная вода была проведена, посредствомъ металлическихъ трубъ, изъ особыхъ резервуаровъ въ мраморныя купальни; кромѣ того купающіеся могли окачивать себя сверху искусственнымъ дождемъ различной температуры. Въ садахъ, расположенныхъ между различными строеніями дворца, цвѣты были посажены по всѣмъ правиламъ искусства, такъ чтобы ихъ краски и ароматы не мѣшали другъ другу, а напротивъ того, сливаясь между собою въ надлежащихъ пропорціяхъ, производили на гуляющихъ самое гармоническое впечатлѣніе. Между клумбами деревъ, кустарниковъ и цвѣтовъ, между бесѣдками изъ розъ, между скамейками, вырубленными въ скалѣ, между свѣжими гротами, сложенными изъ дикаго камня, били по разнымъ направленіямъ крупные и мелкіе фонтаны или разстилались искусственныя озера, въ которыхъ кормилась рыба для халифскаго стола. Были тутъ и звѣринцы для чужеземныхъ животныхъ, и птичные дворы для рѣдкихъ птицъ.

Въ одеждѣ испанскихъ арабовъ господствовало то же утонченное изящество, которымъ отличались у нихъ жилища всѣхъ достаточныхъ людей. Ихъ верхнее платье дѣлалось большей частью изъ шелковой ткани, расшивалось пестрыми шнурками и золотомъ и украшалось часто драгоцѣнными камнями. Яркія краски, богатыя матеріи, золото, хризолиты, геацинты, изумруды и сапфиры составляли страсть арабскихъ женщинъ, и какой-то любезный поэтъ ихъ націи сказалъ совершенно справедливо, что комната, въ которой собираются дамы въ своихъ блестящихъ нарядахъ, становится похожа на цвѣтущій лугъ, вспрыснутый весеннимъ дождемъ.

На всю эту необузданную роскошь въ жилищахъ, въ одеждѣ, во всемъ образѣ жизни мыслящій человѣкъ не можетъ смотрѣть безъ пуританскаго негодованія. Конечно высшіе классы общества здѣсь, какъ и вездѣ, брали себѣ львиную часть изъ общей массы продуктовъ народнаго труда; но народъ не бѣдствовалъ, не голодалъ, не былъ задавленъ непосильнымъ трудомъ и непомѣрными налогами. Если Абд-Эррахманъ былъ самымъ богатымъ и могущественнымъ правителемъ въ тогдашнемъ мірѣ, то можно утверждать съ другой стороны, что и народъ его былъ самымъ счастливымъ изъ всѣхъ тогдашнихъ народовъ. Для жителей Франціи, Англіи и Германіи было мало пользы отъ того, что ихъ правители жили въ какихъ-то деревянныхъ сараяхъ, безъ печей, безъ оконъ и съ простымъ отверстіемъ въ крышѣ для дыма; грязь, копоть, сырость и сквозной вѣтеръ, господствовавшіе въ этихъ первобытныхъ дворцахъ, ни сколько не мѣшали жителямъ быть такими жалкими, ограбленными и замученными существами, о какихъ мы теперь съ трудомъ можемъ составить себѣ приблизительное понятіе, несмотря даже на то,

что современный европейскій пауперизмъ можетъ доставить нашему воображенію превосходные матеріалы. Въ тогдашней Европѣ всѣмъ было скверно жить: мужикъ выбивался изъ силъ за работой и все-таки вырабатывалъ мало; воинъ отнималъ у мужика послѣдній кусокъ хлѣба и все-таки былъ одѣтъ въ вонючія тряпки, покрытъ чесоткой и насѣкомыми, подверженъ всякимъ болѣзнямъ, лишенъ врачебной помощи и совершенно неспособенъ доставить себѣ то, что всякій, даже самый грубый человѣкъ, называетъ наслажденіемъ. Съѣсть цѣлый окорокъ ветчины, выпить чуть не полведра какой-нибудь хмельной бурды,—вотъ все, что могъ сдѣлать тогдашній богатый и сильный воинъ, когда ему хотѣлось повеселить свою душу. Это *все* —чрезвычайно немного; ему становилось невыносимо скучно и досадно; «хоть-бы поколотить кого нибудь», приходило ему въ голову,—и онъ колотилъ своихъ сосѣдей, топталъ крестьянскія жатвы, жегъ ихъ хижины, получалъ за всѣ эти подвиги порядочныя затрещины отъ другихъ скучающихъ рыцарей, и жизнь такимъ образомъ кое-какъ наполнялась впечатлѣніями. Роскоши не было, но это отсутствіе роскоши не доставляло рѣшительно никому ни пользы, ни удовольствія. Роскоши не было, но зато было очень большое озорство и безобразіе, которое было убыточнѣе самыхъ утонченныхъ затѣй Абд-Эррахмана и его придворныхъ. Арабскіе халифы кутили въ Испаніи слишкомъ семьсотъ лѣтъ, и тѣмъ не менѣе при взятіи Гранады, въ 1492 году, арабы были богаты, дѣятельны и предпріимчивы,—значитъ, основной капиталъ народа не былъ истраченъ; умъ, характеръ и сильное тѣлосложеніе людей остались неприкосновенными; производительныя силы страны также не истощались. А испанскіе короли распорядились совсѣмъ иначе: они ограбили арабовъ, ограбили мексиканцевъ, ограбили перуанцевъ, всѣми награбленными сокровищами не доставили себѣ тѣхъ удобствъ жизни, которыми пользовались халифы, и при всемъ томъ уже въ семнадцатомъ столѣтіи довели свое государство до совершенной нищеты, а народъ до замѣчательной степени отупѣнія.

Эта поучительная параллель доказываетъ намъ, что не роскошь высшихъ классовъ общества губитъ и разоряетъ народъ, а умственная неподвижность, узкость понятій и односторонность стремленій. Когда въ обществѣ кипитъ живая дѣятельность мысли, и когда силы народа поддерживаются и развиваются разнообразіемъ труда, тогда являются неизбѣжно неравномѣрное распредѣленіе богатствъ, накопленіе большихъ капиталовъ и вслѣдствіе этого неумѣренная роскошь въ высшихъ слояхъ денежной аристократіи. Эти явленія вредны для благосостоянія народа, но они составляютъ зло переходное и поправимое. Болѣзнь сама приноситъ съ собою лекарство. Высшіе классы разоряются и уступаютъ мѣсто среднему сословію, болѣе образованному и трудолюбивому; изъ этого сословія выходятъ люди, обогащающіе народъ открытіями и задумывающіеся серьезно надъ положеніемъ трудящагося большинства. Эти люди поддерживаютъ и направляютъ дѣятельность народнаго ума, и, благодаря ихъ усиліямъ, обиженное большинство понемногу начинаетъ вступать въ свои естественныя права.

XI.

Для испанскихъ арабовъ было-бы, разумѣется, лучше, еслибы Абд-Эррахманъ и его преемники строили себѣ менѣе великолѣпные дворцы. Но для европейской цивилизаціи вообще роскошь испанскихъ халифовъ была незамѣнимымъ благодѣяніемъ. Надо было, чтобы просвѣщеніе являлось передъ дикарями въ самомъ блестящемъ и неотразимо обаятельномъ видѣ; надо было, чтобы оно шевелило дикаря со всѣхъ сторонъ, чтобы каждая фибра грубой нервной системы дрожала въ немъ отъ зависти при видѣ недоступныхъ ему наслажденій или отъ удовольствія въ томъ случаѣ, когда ему удавалось подышать нѣсколько времени разнѣживающей атмосферой цивилизованной жизни. Надо было, чтобы основная мысль цивилизаціи являлась передъ дикаремъ въ самой популярной формѣ; а, разумѣется, матеріальныя удобства жизни составляютъ самое наглядное и популярное изложеніе тѣхъ преимуществъ, которыя достаются на долю образованнаго человѣка. Доказать дикарю, что наука — вещь хорошая, что она расширяетъ умъ человѣка, облагораживаетъ его стремленія, *доказать* все это дикарю совершенно невозможно. Ему надо *показать*. Вотъ, молъ, любезный, посмотри, пощупай, понюхай, отвѣдай, да и соображай.

Весело было жить на свѣтѣ проклятымъ басурманамъ, и ихъ веселость нашла себѣ выраженіе въ легкой и игривой поэзіи, воспѣвавшей и красоту женщинъ, и сладость запрещеннаго вина, и всѣ радости беззаботной молодости. Эта поэзія, сама по себѣ пустая и ничтожная, и безполезная для того народа, среди котораго она возникла, была замѣчательна, какъ новая приманка для европейцевъ, какъ новое и совершенно понятное изложеніе такой житейской мудрости. Веселая поэзія, какъ зараза, разлилась изъ Испаніи въ сосѣднія христіанскія земли. И въ южной Франціи, и въ сѣверной Франціи, и въ Сициліи, и въ Италіи, а потомъ и въ Германіи, и въ Англіи, вездѣ зазвучали лиры и полились пѣсни любви и грѣховныхъ помысловъ о разныхъ мірскихъ наслажденіяхъ. «Въ монастыряхъ,—говоритъ Дреперъ,—голоса, произнесшіе обѣтъ цѣломудрія, запѣли тайкомъ такіе романсы, которые врядъ-ли были бы одобрены Св. Іеронимомъ; много было здоровыхъ аббатовъ, которые, подобно веселымъ грѣшникамъ Хереса и Малаги, умѣли восхвалять игривыми куплетами прелести женщинъ и вина, несмотря на то, что одинъ изъ этихъ предметовъ составлялъ запре-

щенный плодъ для магометанина, а другой—для монаха. Солидныя сѣдыя бороды Кордовы уже давно просили главнаго судью запретить пѣсни испанскаго еврея Абраама Ибнъ-Сагала, потому что не было въ городѣ юноши, женщины или ребенка, которые не могли бы повторить ихъ наизусть. Ихъ безнравственныя тенденціи составляли публичный скандалъ. Легкая веселость Испаніи отразилась и въ болѣе грубыхъ привычкахъ сѣверныхъ странъ. Уже въ десятомъ столѣтіи люди, имѣвшіе наклонность къ книжному ученію или къ блестящимъ общественнымъ удовольствіямъ, находили себѣ дорогу въ Испанію изъ всѣхъ сосѣднихъ земель.»

Вся эта поэзія трубадуровъ, труверовъ, миннезенгеровъ, разумѣется, плавала очень мелко, но, несмотря на ея совершенную безобидность, историческое значеніе этой поэзіи, родившейся на басурманской почвѣ, чрезвычайно важно въ двухъ отношеніяхъ. Въ этой поэзіи въ первый разъ со временъ классической древности выразилась свѣжая, могучая и неистребимая любовь человѣка къ жизни. Голосомъ своихъ простодушныхъ пѣвцовъ несчастный средневѣковой человѣкъ въ первый разъ заявилъ громко и ясно, что ему все-таки хочется жить, несмотря на то, что его бьютъ и грабятъ. И дѣйствительно, наслажденіе облагородилось, какъ только оно перестало прятаться въ темныхъ углахъ. Грубое пьянство превращается понемногу въ веселое пированіе, оживленное остроумными шутками и застольными пѣснями, а животная чувственность, оскорблявшая и даже тиранившая женщину, уступаетъ мѣсто рыцарской страстности, сладкой, болтливой и пѣвучей, очень смѣшной въ своихъ проклятіяхъ, но по крайней мѣрѣ уже относившейся совершенно неодобрительно къ стеганію любимаго предмета плетью или къ трепанью его по щекамъ. А тогда и за это надо было говорить спасибо.

Въ наше время пѣсни о винѣ и поцѣлуяхъ ни на что не нужны. Когда всѣ образованные люди вѣруютъ въ прогрессъ, то есть въ неистощимую творческую силу жизни, тогда нѣтъ никакой надобности будить въ обществѣ любовь къ жизни. Вся наша наука и вся наша практическая дѣятельность цѣликомъ основаны на этой любви. Намъ не зачѣмъ говорить другъ другу: «я хочу жить», потому что это и безъ того видно и всякому извѣстно, и само собою разумѣется. Но въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ было совсѣмъ не то. Свѣтлая и естественная вѣра въ жизнь была подорвана страданіями и завѣшана черным крепомъ суевѣрія. Люди X-го вѣка были серьезно убѣждены въ томъ, что въ 1000 году произойдетъ свѣто-преставленіе. Въ то самое время, когда Абд-Эррахманъ III и Гакемъ II пили полной чашей всѣ наслажденія, доступныя смертному, сосѣди ихъ, предки нынѣшнихъ французовъ, собирались хоронить заживо себя и все человѣчество, и весь грѣховный міръ. Не было у тогдашнихъ людей надежды впереди, не было и бодрости, не было, стало быть, и возможности дѣйствовать благоразумно и цѣлесообразно. Но 1000-ый годъ прошелъ безовсякаго особеннаго переворота, и въ это время, когда люди увидѣли необходимость жить и работать обыкновеннымъ порядкомъ,—были особенно полезно произнести громко и смѣло, пропѣть весело и увлекательно на разные голоса и съ безчисленными варіаціями великія но простыя слова: «я хочу жить». Эта мысль, засѣвши въ народную память и проникнувъ глубоко въ народное сознаніе, составила ту необходимую канву, по которой было вышит о впослѣдствіи много блестящихъ и превосходныхъ узоровъ. Я хочу жить... Мое желаніе совершенно естественно и нисколько не предосудительно... Я имѣю право жить... Я имѣю право украшать и разнообразить жизнь удовольствіями... Я имѣю право устраивать ее удобно и пріятно... Я имѣю право считать удобнымъ и пріятнымъ то, что *мнѣ самому* нравится... Я имѣю право размышлять о томъ, что̀ можетъ доставить мнѣ удобства и пріятности... Я имѣю право размышлять обо всемъ... Вотъ какіе узорчики вышила понемногу человѣческая мысль на простой канвѣ, данной ей наивнымъ выраженіемъ того животнаго инстинкта, который называется чувствомъ самосохраненія.

Поэзія трубадуровъ была первымъ проблескомъ того умственнаго движенія, которое породило Лютера, а потомъ, разгораясь съ каждымъ десятилѣтіемъ сильнѣе и сильнѣе, проникло во всѣ сферы науки и жизни. Не трубадуры выдумали ту мысль, которая составляетъ основу ихъ поэзіи, но они прокричали, прозвонили эту мысль на всѣхъ перекресткахъ, а это—важная услуга. Началось же это веселое пробужденіе средневѣкового человѣчества въ южной Франціи, потому что она лежитъ рядомъ съ Испаніей и потому что прелести поганаго басурманства оказались ужъ черезчуръ соблазнительными. Веселый и легкомысленный тонъ пѣсенъ трубадуровъ не понравился безчисленнымъ представителямъ и агентамъ римскаго двора. Обскурантамъ было невыгодно, чтобы народъ веселился, потому что человѣкъ, подавленный горемъ и страхомъ, подчиняется суевѣрію гораздо полнѣе, чѣмъ человѣкъ, способный балагурить и смѣяться. Обскуранты стали тѣснить странствующихъ пѣвцовъ; стали гнѣваться; пѣвцы стали исподтишка мстить имъ насмѣшками. Народу пришлось такимъ образомъ колебаться между тѣмъ, чего онъ привыкъ бояться, и тѣмъ, что̀ доставляло ему непосредственное удовольствіе. Такая борьба можетъ длиться цѣлыя столѣтія, но она всегда оканчивается побѣдой живого инстинкта надъ искусственной привычкой: рано или поздно люди непремѣнно идутъ не туда, куда имъ велѣно идти, а туда, куда ихъ тянетъ собственное желаніе. На легкія сатиры трубадуровъ и труве-

ровъ обскуранты отвѣчали часто палочными ударами и уголовными наказаніями; борьба повидимому была невыгодна для пѣвцовъ, но ихъ пѣсни, какъ дождевыя капли, медленно размягчали ту сухую кору, подъ которой долго были затаены живыя силы народнаго ума, и силы эти подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ наконецъ начали развертываться. Сатира, робкая и слабая въ своемъ младенчествѣ, побѣдила своихъ сильныхъ и суровыхъ враговъ, хотя, разумѣется, ни трубадуры, ни тогдашніе агенты римскаго двора, ни тогдашній народъ не могли даже представить себѣ, что такая побѣда возможна.

Сатирическій характеръ, вкравшійся въ поэзію труверовъ и трубадуровъ, составляетъ такимъ образомъ вторую важную сторону ихъ историческаго значенія. Сначала трубадуръ говорилъ просто: «я хочу жить», но потомъ ему пришлось прибавить: «а вы, книжники и фарисеи, не мѣшайте мнѣ жить». Народъ слушалъ эти пѣсни, и его естественный здравый смыслъ подсказывалъ ему сначала робко, а потомъ смѣлѣе и смѣлѣе, что въ желаніяхъ трубадура нѣтъ ничего предосудительнаго, хотя бы даже точно такія же желанія высказывались, по ту сторону Пиренейскихъ горъ, смуглыми пѣвцами, принадлежащими къ европейской или къ арабской національности. Веселая поэзія простодушно и безсознательно стремилась сглаживать и смягчать тѣ международныя антипатіи, изъ которыхъ папскій обскурантизмъ старался, напротивъ того, выковать себѣ надежное оружіе для истребленія всѣхъ иновѣрцевъ, еретиковъ и индифферентистовъ.

XII.

Всѣ чудеса арабской роскоши были построены на прочномъ фундаментѣ глубокаго и многосторонняго знанія. Въ X и XI столѣтіи умственная дѣятельность кипѣла на всемъ пространствѣ тогдашняго магометанскаго міра. «Отъ предѣловъ Индіи и Татаріи,—говоритъ Шлоссеръ,—до внутренней Африки, Сициліи и Испаніи появился цѣлый рядъ разсадниковъ высшей образованности. Благодаря легкости сообщенія, они находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ и связи между собою. У аравитянъ ужевъ самую славную эпоху Аббасидовъ (въ IX столѣтіи) были хорошія дороги съ *каравансараями* или гостинницами; въ пустыняхъ поддерживались источники, и еще со временъ халифа Муавіи (661—680) были учреждены почты. Кромѣ того, правительство содержало пѣшихъ казенныхъ курьеровъ, которые отправлялись черезъ каждые восемь или десять дней и проходили до десяти нѣмецкихъ миль въ сутки (по семидесяти верстъ). Частныя лица учились или преподавали по очереди въ главныхъ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ династій, и, не взирая на вражду между владѣтелями, великіе ученые находили повсюду почетъ и покровительство. Во всѣхъ значительныхъ городахъ были устроены библіотеки, которыя своимъ богатствомъ могли поспорить съ новѣйшими. Повсюду проявлявшееся уваженіе къ образованію и учености содѣйствовало распространенію поразительной у магометанъ вѣротерпимости. Такъ напримѣръ, почти всѣ придворные врачи были огнепоклонники, и той же религіи принадлежалъ и секретарь двухъ первыхъ эмировъ изъ фамиліи Буидовъ, не только писавшій всѣ ихъ декреты, но и завѣдывавшій ихъ частной корреспонденціей». «Высшія училища и обсерваторіи Бухары и Самарканда,—*говоритъ далѣе тотъ-же историкъ*,—вошли въ сношенія съ учеными учрежденіями Александріи и Дамаска, и на основаніи ихъ наблюденій и вычисленій были составлены персидскія таблицы, оставшіяся краеугольнымъ камнемъ магометанской астрономіи до самаго пятнадцатаго вѣка.» «Багдадскій халифъ Аль-Мамунъ (813—833), —говоритъ Дреперъ,—въ письмѣ къ византійскому императору Өеофилу выражалъ свое желаніе посѣтить Константинополь, если не встрѣтитъ препятствій со стороны своихъ общественныхъ обязанностей. Онъ просилъ его позволить греческому математику Льву пріѣхать въ Багдадъ, для того чтобы подѣлиться съ нимъ, Аль-Мамуномъ, своими познаніями; халифъ обязывается притомъ своимъ честнымъ словомъ доставить ученаго обратно въ совершенной сохранности. «Пусть различіе религіи или національности,— пишетъ онъ,—не заставляетъ васъ отвергнуть мою просьбу. Сдѣлайте то, въ чемъ дружба не отказала бы другу. Взамѣнъ того, я предлагаю вамъ сто фунтовъ золота, вѣчный союзъ и миръ.» Өеофилъ угрюмо и дерзко отклонилъ эту просьбу, говоря, что ученость, прославившая римское имя никогда не сдѣлается достояніемъ варвара.» Однако *варвары* при томъ-же самомъ Мамунѣ опередили грековъ въ астрономіи и геометріи, какъ это видно изъ ихъ тогдашнихъ стараній опредѣлить математически величину земного шара. «Удивительное измѣреніе,—говоритъ Шлоссеръ,—градуса широты въ Санджарской пустынѣ было произведено въ присутствіи Мамуна извѣстными математиками, сыновьями Музы, Мухаммедомъ, Хосаиномъ и Ахмедомъ, и для точности повторено еще разъ. Мамунъ собралъ мастеровъ для изготовленія астрономическихъ инструментовъ и устроилъ въ Шемасіи, близъ Багдада, обсерваторію. Здѣсь было положено начало наблюденіямъ и вычисленіямъ, которыя впослѣдствіи провѣрялись и пополнялись во всѣхъ частяхъ средневѣковой имперіи аравитянъ. Они послужили для составленія тѣхъ таблицъ движенія небесныхъ тѣлъ, безъ которыхъ Кеплеръ и Ньютонъ не могли-бы основать новѣйшей астрономіи.» «Въ то время, когда въ Римѣ,—говоритъ Дреперъ,—господствовало, во всей своей нелѣпости, мнѣніе о плоской

формѣ земли, испанскіе арабы въ своихъ элементарныхъ школахъ преподавали географію *по глобусамъ*. Въ Африкѣ, въ каирской библіотекѣ, магометане берегли почти съ религіознымъ уваженіемъ одинъ бронзовый глобусъ, который, какъ они думали, принадлежалъ нѣкогда великому астроному Птоломею.» «Въ то время, — говоритъ Шлоссеръ, — когда народы латинскаго племени не имѣли еще ни одной порядочной библіотеки, и всего два университета, заслуживавшіе это имя, въ Испаніи считалось до семидесяти большихъ библіотекъ со многими тысячами томовъ и до шестнадцати высшихъ учебныхъ заведеній.» «При каждой мечети, — говоритъ Дреперъ,—была устроена публичная школа, въ которыхъ *дѣти бѣдныхъ людей* учились читать и писать и знакомились съ предписаніями Корана. Для болѣе достаточныхъ классовъ существовали академіи, вмѣщавшія въ себѣ обыкновенно 25 или 30 отдѣленій, причемъ каждое отдѣленіе было устроено для четырехъ студентовъ; вся академія находилась подъ управленіемъ ректора. Въ Кордовѣ, въ Гранадѣ и въ другихъ большихъ городахъ существовали университеты, которыми часто управляли евреи; магометане держались того правила, что дѣльная ученость человѣка имѣетъ болѣе важное значеніе для успѣхозананій, чѣмъ его личныя религіозныя мнѣнія... Въ университетахъ профессоры изящной словесности читали лекціи о классическихъ арабскихъ произведеніяхъ; другіе преподавали риторику или піитику, или математику, или астрономію, или другія науки. Отъ этихъ учрежденій заимствованы многіе обычаи, существующіе до сихъ поръ въ нашихъ коллегіяхъ. Въ началѣ учебнаго года они, подобно намъ, устраивали торжественныя собранія, на которыхъ въ присутствіи публики читались поэмы и произносились рѣчи. Кромѣ этихъ общеобразовательныхъ училищъ, у нихъ были еще спеціальныя школы, въ особенности для изученія медицины.» «Многіе ученые посвящали себя основательному изученію языковъ; они составляли лексиконы арабскіе, греческіе, латинскіе, еврейскіе; одинъ арабскій лексиконъ заключаетъ въ себѣ шестьдесятъ томовъ, потому что каждое слово поясняется цитатами изъ классическихъ арабскихъ писателей. Словарь Аль-Фараби, составленный въ началѣ одиннадцатаго вѣка, до сихъ поръ считается у европейскихъ оріенталистовъ важнымъ пособіемъ при изученіи арабскаго языка, замѣчательнаго по своему богатству и по своей трудности.

Въ магометанской Испаніи образованіе распространялось и на женщинъ. «Замѣчательнымъ и неслыханнымъ явленіемъ у восточныхъ народовъ,—говоритъ Шлоссеръ,—было то, что у испанскихъ аравитянъ женщины также получали образованіе *въ учебныхъ заведеніяхъ*. Нѣкоторыя изъ нихъ писали даже стихи, по которымъ учились въ школахъ и которые надписывались на стѣнахъ большого дворца Абд-Эррахмана.» Келамъ, любимая султанша Гакема II, извѣстна своими историческими и поэтическими сочиненіями; кромѣ того намъ извѣстенъ цѣлый рядъ знаменитыхъ испанско-арабскихъ писательницъ.» Дреперъ изъ числа этихъ писательницъ называетъ Веладу, Аліешу, Лабану и Алгасанію; онъ прибавляетъ къ этому замѣчаніе, что нѣкоторыя изъ нихъ были дочери халифовъ. Еще любопытнѣе то обстоятельство, что въ Испаніи были женщины, занимавшіяся медициной и хирургіей; эти медики женскаго пола дѣлали надъ женщинами тѣ операціи, при которыхъ страдаетъ стыдливость паціентки. Объ этомъ говоритъ Дреперъ на стр. 38 второго тома, ссылаясь при этомъ на свидѣтельство арабскаго врача Альбукази, жившаго въ Кордовѣ.

По обширности своего распространенія и по своей энергіи, умственное движеніе, господствовавшее во всемъ магометанскомъ мірѣ отъ IX до XIII столѣтія, далеко превосходитъ все, что̀ представляетъ намъ въ этомъ отношеніи классическая древность. У арабовъ не было можетъ-быть такихъ титановъ, какъ Аристотель и Архимедъ, но зато числомъ своихъ замѣчательныхъ ученыхъ, разносторонностью ихъ трудовъ, практическимъ значеніемъ ихъ дѣятельности, обиліемъ ихъ открытій—арабы далеко оставили за собою древнихъ грековъ. Геніальный человѣкъ есть все-таки счастливая случайность. Рожденіе Аристотеля или Архимеда вовсе не зависѣло отъ тѣхъ общихъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ выработались типическія особенности греческой цивилизаціи. Отецъ Архимеда могъ умереть въ молодыхъ лѣтахъ или жениться на какой нибудь дурѣ, и тогда легко могло-бы случиться, что многія открытія, сдѣланныя Архимедомъ, были бы сдѣланы гораздо позднѣе усиліями многихъ обыкновенныхъ работниковъ. Тогда не было бы того ослѣпительнаго блеска, который сосредоточивается вокругъ одного великаго имени; если мы такимъ образомъ размѣняемъ на мелкую монету всѣхъ великихъ людей древней Греціи, если мы оставимъ совершенно въ сторонѣ обаятельную красоту блестящихъ *личностей* и обратимъ все наше вниманіе исключительно на число вѣковъ и на массу сдѣланной *работы*,—словомъ, если мы скажемъ: греческій міръ прожилъ столько-то временъ и принесъ столько-то прочной пользы, арабскій міръ прожилъ столько-то и принесъ столько-то,—то окажется въ результатѣ, что арабы прожили меньше, а сдѣлали больше.

Этотъ результатъ и показываетъ намъ, что энергія умственнаго движенія, находящаяся въ прямой связи съ обширностью его распространенія, въ арабскомъ мірѣ была гораздо значительнѣе, чѣмъ въ греческомъ. У грековъ была всего только одна яркая свѣтящаяся точка— александрійскій музеумъ; у арабовъ такія точки считаются десятками, и онѣ были разсыпаны

на всемъ громадномъ пространствѣ, лежащемъ между Татаріей и Атлантическимъ океаномъ. Каждая изъ этихъ точекъ была поменьше александрійскаго музеума; но всѣ онѣ въ общей сложности были гораздо больше. Кромѣ того десять небольшихъ ученыхъ обществъ гораздо лучше чѣмъ одно большое. *Одно* общество, совершенно изолированное отъ другихъ, неизбѣжно погружается въ филистерство и превращается въ муравейникъ, въ которомъ отдѣльные муравьи славятъ и превозносятъ другъ друга. Является кумовство. «Кукушка хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку.» При существованіи многихъ отдѣльныхъ обществъ, является, напротивъ того, живой обмѣнъ мыслей, бдительный контроль другъ надъ другомъ и сильное соперничество. Ученымъ некогда заснуть, потому что въ такомъ случаѣ они отстанутъ отъ общаго движенія идей, и ихъ закритикуютъ не на животъ, а на смерть болѣе дѣятельные ученые, принадлежащіе къ другимъ обществамъ и, стало-быть, не связанные съ лежебоками узами служебнаго кумовства. Наконецъ для арабскихъ ученыхъ было чрезвычайно полезно то, что они принуждены были много путешествовать, чтобы учиться у знаменитыхъ профессоровъ, жившихъ въ различныхъ пунктахъ магометанскаго міра. Для умнаго, наблюдательнаго человѣка путешествіе полезнѣе многихъ десятковъ хорошихъ книгъ; путешествіе составляетъ превосходный противовѣсъ тому исключительно книжному и теоретическому направленію, въ которое очень легко и охотно вдаются ученые всѣхъ вѣковъ и народовъ. Во время своихъ путешествій, арабскіе ученые сталкивались съ людьми всякаго разбора, съ политиками, съ чиновниками, съ военными авантюристами, съ сельскими хозяевами; они приглядывались къ ихъ образу мыслей, къ ихъ нуждамъ, къ ихъ дѣловой смѣтливости, къ ихъ ремесленнымъ знаніямъ, и всѣ эти разнородныя впечатлѣнія, всѣ эти соприкосновенія съ текущей жизнью вливали въ арабскую науку тотъ здоровый, практическій и прикладной характеръ, который рѣзко отличаетъ ее отъ науки древнихъ грековъ. Арабы писали много по статистикѣ, по топографіи, по агрономіи, по фармакологіи, по акушерству. Арабскіе ученые пользовались уваженіемъ не только со стороны правительства, но и со стороны народа.

Между магометами всѣхъ сословій были въ ходу нѣкоторыя поговорки, ясно показывающія взглядъ народа на ученую дѣятельность. Напримѣръ: «чернила ученаго такъ-же драгоцѣнны, какъ кровь мученика.» — «Рай принадлежитъ одинаково тому, кто честно дѣйствовалъ перомъ, и тому, кто убитъ непріятельскимъ мечомъ.» — «Весь міръ держится на четырехъ вещахъ: на учености мудраго, на справедливости сильнаго, на молитвѣ добраго и на мужествѣ храбраго.» — Всѣмъ подобнымъ изрѣченіямъ арабы приписывали очень почтенное и даже полурелигіозное происхожденіе; они говорили, что такія слова произнесъ или какой-нибудь великій халифъ, или какой-нибудь личный другъ и товарищъ пророка. Зятю Магомета, халифу Али, приписывается много нравственныхъ сентенцій, и нѣкоторыя изъ нихъ также относятся къ дѣятельности ученыхъ съ величайшимъ уваженіемъ. Напримѣръ: «Ученая знаменитость выше всѣхъ почестей.» — «Тотъ не умираетъ, кто отдаетъ жизнь наукѣ». — «Величайшее украшеніе человѣка есть ученость».

Арабскій народъ не осуждалъ своихъ Анаксагоровъ на смерть, не называлъ своихъ Демокритовъ съумасшедшими, не собирался побивать своихъ Эсхиловъ камнями и не подносилъ своимъ Сократамъ чаши съ ядомъ. Это обстоятельство дѣлаетъ одинаковую честь, какъ умному народу, такъ и практически-дѣльнымъ ученымъ. Связь между наукой и жизнью была у арабовъ гораздо тѣснѣе, чѣмъ у грековъ, и этимъ объясняется значительная плодотворность арабской науки. Конечно политическая жизнь арабовъ была совершенно неразвита и наука нисколько не успѣла подчинить ее своему вліянію. Но спрашивается, гдѣ же и когда же она успѣла это сдѣлать? До сихъ поръ политика вездѣ шла ощупью и валила черезъ пень колоду. Ужъ не знаменитое-ли англійское равновѣсіе трехъ властей составляетъ торжество науки? Такими торжествами лучше было-бы и не хвастаться.

Еще въ одномъ отношеніи арабская цивилизація была счастливѣе греческой. У арабовъ гораздо меньше умственныхъ силъ превращалось въ пустоцвѣтъ. Живопись и скульптура для арабовъ были совершенно закрыты, потому что Коранъ строго запретилъ своимъ поклонникамъ изображать людей и животныхъ. Передовые люди очень скоро переросли Коранъ, но такъ какъ художнику необходима публика и такъ какъ публика продолжала уважать книгу Магомета, то живописцамъ и скульпторамъ невозможно было распустить крылья. Для украшенія стѣнъ и потолковъ употреблялись разныя фестоны, каемки и завитушки, извѣстные подъ названіемъ *арабесковъ*. Эта уцѣлѣвшая частица живописи была очевидно такъ узка и бѣдна, что сильные таланты никакъ не могли посвящать себя этой отрасли дѣятельности. Поэтому тѣ прекрасныя силы, которыя у грековъ уходили въ пластическое искусство, у арабовъ цѣликомъ сохранились для науки. Если же мнѣ кто-нибудь замѣтитъ, что великій художникъ, по самому складу своего ума и темперамента, не можетъ сдѣлаться великимъ ученымъ, то я въ отвѣтъ на это неосновательное возраженіе назову только два имени: Леонардо-де-Винчи и Микель-Анджело. Оба они принадлежатъ къ числу величайшихъ живописцевъ въ мірѣ, но первый былъ кромѣ того величайшимъ механикомъ и инженеромъ, а второй — величайшимъ архитекторомъ своего времени. А въ архитектурѣ одной

силой фантазіи немного возьмешь. Дѣйствовать въ ней ощупью тоже невозможно. Тутъ надо все заранѣе вычислить, размѣрить и предусмотрѣть. Стало быть, если Микель-Анджело могъ быть великимъ въ архитектурѣ, то онъ могъ быть такимъ же великимъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ прикладной математики. О Леонардо-де-Винчи и говорить нечего. Дреперъ ставитъ его рядомъ съ Архимедомъ. Слѣдовательно, Леонардо-де-Винчи и Микель-Анджело совершили-бы много великихъ подвиговъ въ наукѣ, еслибы они не тратили своего драгоцѣннаго времени на картины и статуи. Запрещеніе Корана неразумно, въ этомъ никто не сомнѣвается, но въ данномъ случаѣ оно принесло арабамъ пользу.

Въ заключеніе этой длинной главы объ арабской наукѣ постараюсь представить короткій списокъ тѣхъ услугъ, которыя оказаны арабами европейской цивилизаціи. Само собою разумѣется, что въ этотъ списокъ войдутъ только такіе предметы, которыхъ значеніе будетъ совершенно понятно для читателя.

По математикѣ. Они ввели въ общее употребленіе тѣ цифры, которыя до сихъ поръ называются *арабскими*: самое слово «цифра» принадлежитъ арабскому языку. По-арабски *цифра* значитъ пробѣлъ, пустое мѣсто. Этимъ именемъ арабы называли *нуль*, и у англичанъ слово «cipher» до сихъ поръ употребляется въ этомъ смыслѣ. Не самые арабы выдумали эту нумерацію, но они заимствовали ее у индѣйцевъ и принесли ее въ Европу. Если хотите оцѣнить всю важность этой услуги, попробуйте сдѣлать *римскими* цифрами самое простое умноженіе или дѣленіе, тогда сами увидите и восчувствуете. Арабы создали *алгебру*, которая своимъ именемъ до сихъ поръ обнаруживаетъ свое арабское происхожденіе. Въ наше время открыта, правда, книга грека Діофанта, доказывающая, что алгебра родилась у грековъ, но очевидно, что на труды греческихъ математиковъ эта наука имѣла очень мало вліянія; стало быть, если арабы не сами создали первую мысль объ алгебрѣ, то во всякомъ случаѣ они дали этой мысли полное и стройное научное развитіе.

По астрономіи. Мы уже видѣли выше, что астрономическія таблицы, составленныя арабскими учеными по вычисленіямъ и наблюденіямъ, производившимся на арабскихъ обсерваторіяхъ, послужили основаніемъ для великихъ открытій Кеплера и Ньютона.

По механикѣ. Арабскій ученый Ибнъ-Юнисъ первый приложилъ маятникъ къ измѣренію времени.

По физикѣ. Аль-Газенъ положилъ основаніе современной оптики. Греки думали, что лучи свѣта выходятъ изъ нашего глаза и направляются къ тѣмъ предметамъ, на которые мы смотримъ. Аль-Газенъ, жившій въ началѣ XII вѣка, доказалъ, что, напротивъ того, лучи идутъ отъ свѣтящагося предмета къ глазу, что изображеніе предмета отпечатывается на сѣтчатой оболочкѣ, и оттуда, черезъ оптическій нервъ, впечатлѣніе передается мозгу. Тотъ же Аль-Газенъ знаетъ, что лучъ свѣта преломляется въ воздухѣ; онъ знаетъ далѣе, что плотность атмосферы возлѣ самой поверхности земли значительнѣе, чѣмъ въ отдаленіи отъ земли; онъ знаетъ, что плотность эта уменьшается по мѣрѣ того, какъ разстояніе отъ земли увеличивается, и что вслѣдствіе этого лучъ свѣта, проходящій черезъ атмосферу, описываетъ кривую линію. Онъ измѣряетъ математически высоту атмосферы и находитъ, что она равняется 58½ милямъ. Одинъ изъ величайшихъ средневѣковыхъ ученыхъ, Рожеръ Беконъ, жившій въ XIII вѣкѣ, заимствовалъ всѣ свои оптическія открытія у Аль-Газена, а тамъ, гдѣ онъ расходится съ арабомъ, тамъ онъ начинаетъ врать.

По химіи. Джафаръ, жившій въ концѣ VIII столѣтія, открылъ селитряную кислоту и царскую водку. До него люди не знали болѣе сильной кислоты, чѣмъ крѣпкій уксусъ. «Его имя,—говоритъ Дреперъ,—незабвенно въ химіи, потому что оно означаетъ собою въ развитіи этой науки эпоху одинаковой важности съ эпохой Пристли и Лавуазье... Для насъ существованіе химіи безъ кислотъ совершенно немыслимо.» Разесъ въ IX столѣтіи приготовилъ сѣрную кислоту. Бечиль добылъ фосфоръ.

По медицинѣ и хирургіи. Множество лекарственныхъ составовъ было впервые приготовлено арабскими аптекарями. Фармакологія до сихъ поръ употребляетъ много арабскихъ словъ, напримѣръ сиропъ, ялапъ, элексиръ. Многія важныя операціи по хирургіи и по акушерству введены въ употребленіе арабами. Ножомъ и каленымъ желѣзомъ арабы дѣйствовали очень рѣшительно и искусно.

Наконецъ надо назвать еще три открытія, имѣющія чрезвычайну важность для практической жизни: во-первыхъ — огнестрѣльное оружіе; во-вторыхъ — компасъ; въ-третьихъ — бѣлье. Мы привыкли думать, что порохъ выдуманъ нѣмцемъ, Бертольдомъ Шварцомъ, и что свойства намагниченной стрѣлки открыты въ итальянскомъ городѣ Амальфи, но Дреперъ утверждаетъ положительно, что и порохъ, и компасъ созданы арабами Употребленіе бѣлья было неизвѣстно древнему міру. Полудикіе германцы также не имѣли о немъ понятія; они носили звѣриныя шкуры, а потомъ стали шить себѣ платье изъ выдѣланной кожи. Отсутствіе бѣлья производило, разумѣется, значительную нечистоплотность, которая, въ свою очередь, вела за собою множество мучительныхъ накожныхъ болѣзней и между прочимъ знаменитую средневѣковую *проказу*. Выучивъ европейцевъ употреблять бѣлье, арабы оказали имъ неоцѣненную услугу. Въ европейскихъ языкахъ сохранились слѣды этого историческаго

факта. Французскія слова «chemise» (рубашка) и «coton» (хлопчатая бумага) взяты изъ арабскаго языка.

XIII.

Въ интеллектуальномъ отношеніи вся исторія среднихъ вѣковъ представляетъ собою продолжительную, упорную, многосложную и разнообразную въ своихъ проявленіяхъ борьбу между римскимъ обскурантизмомъ и наукой. Я брошу теперь бѣглый взглядъ на нѣкоторые эпизоды этой интересной и чрезвычайно драматической борьбы.

Въ первой половинѣ X вѣка одинъ юноша, воспитывавшійся въ орильякскомъ аббатствѣ, въ провинціи Оверни, обратилъ на себя вниманіе Бореля, графа барселонскаго. Отправляясь изъ Франціи въ сѣверную Испанію, принадлежавшую въ то время наслѣдникамъ Карла Великаго, Борель взялъ съ собою молодого орильякскаго монаха, котораго звали Гербертомъ. Гербертъ сталъ учиться математикѣ, астрономіи и медицинѣ. Онъ отправился путешествовать по всей Испаніи, жилъ нѣсколько времени въ Кордовѣ, гдѣ царствовалъ тогда знаменитый халифъ Абд-Эррахманъ III, выучился арабскому языку, слушалъ лучшихъ тамошнихъ профессоровъ и на всю жизнь привязался всѣми силами своей страстной и даровитой природы къ той великой цивилизаціи, которая такъ великодушно приняла, обласкала и надѣлила полезными знаніями его, иностранца и иновѣрца. Изъ Испаніи онъ вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, Борелемъ, поѣхалъ въ Римъ, гдѣ находился въ то время императоръ Оттонъ Великій; Гербертъ понравился Оттону, умѣвшему цѣнить въ людяхъ умственныя способности и основательныя знанія. Оттонъ сталъ давать Герберту нѣкоторыя порученія, требовавшія большого искусства. Гербертъ исполнялъ ихъ безукоризненно и, въ награду за свою расторопность, былъ назначенъ аббатомъ въ Боббіо. Итальянскіе монахи не взлюбили его отчасти за то, что его назначилъ на это мѣсто нѣмецъ Оттонъ, отчасти оттого, что онъ самъ былъ родомъ французъ, водилъ хлѣбъ-соль съ магометанами и обладалъ такими знаніями, о которыхъ монахи его боялись даже подумать. Разными ежедневными непріятностями почтенные иноки Боббіо такъ съумѣли насолить своему аббату, что тотъ бросилъ все и опрометью бѣжалъ изъ своего аббатства, сначала въ Римъ, а потомъ во Францію, въ городъ Реймсъ. Въ Реймсѣ существовало училище, основанное вѣроятно при Карлѣ Великомъ; тутъ преподавались не только богословіе и то, что̀ называлось тогда философіей, но и коекакія лохмотья реальныхъ наукъ. Гербертъ съ удовольствіемъ пристроился къ этому училищу, тѣмъ болѣе, что въ числѣ наставниковъ были честные и неглупые люди, которые добросовѣстно оцѣнили умъ, знаніе и усердіе скитающагося аббата. Архіепископъ реймскій, Адельберонъ, бывшій въ то время канцлеромъ французскаго короля, также полюбилъ Герберта и скоро назначилъ его директоромъ реймскаго училища. Гербертъ съ большой энергіей принялся за свое любимое дѣло,—за распространеніе и оживленіе любви къ научнымъ занятіямъ. Онъ старался подѣлиться съ своими учениками всѣмъ, что онъ пріобрѣлъ въ Испаніи. Онъ преподавалъ музыку, ариѳметику, геометрію, медицину, высшую грамматику, написалъ популярный учебникъ риторики, собиралъ вѣрные списки произведеній древнихъ писателей и распространялъ ихъ во множествѣ копій. Онъ ввелъ въ своемъ училищѣ употребленіе арабскихъ цифръ и сталъ преподавать географію по глобусу, вывезенному имъ изъ его возлюбленной Кордовы. Глобусъ возбуждалъ всеобщее удивленіе, но ни свѣтское, ни духовное начальство не мѣшало Герберту употреблять его при своемъ преподаваніи. Франція въ этомъ отношеніи была не такъ разборчива, какъ Италія. Въ Италіи глобусъ былъ бы непремѣнно запрещенъ, какъ басурманское нововведеніе, совершенно несогласное съ мыслями Августина и Лактанція о видѣ земли и о невозможности антиподовъ. Но и въ Реймсѣ на Герберта смотрѣли съ какимъ-то суевѣрнымъ уваженіемъ, похожимъ на страхъ. О немъ сохранились слухи, что онъ смотрѣлъ на звѣзды черезъ какія-то особенныя трубы, что онъ соорудилъ часы, что онъ придумалъ органъ, приводившійся въ движеніе посредствомъ пара.

Всѣмъ средневѣковымъ ученымъ приписывалось обыкновенно такое множество изумительныхъ изобрѣтеній, у каждаго изъ этихъ людей ихъ современники видѣли столько небывалыхъ и даже невозможныхъ снарядовъ, инструментовъ и машинъ, что, читая подобные разсказы, историкъ рѣшительно не знаетъ, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается игра воображенія. Иное, пожалуй, и возможно, но было ли такъ въ самомъ дѣлѣ, это рѣшить очень мудрено. На счетъ Герберта достовѣрно во всякомъ случаѣ то, что, живя въ Реймсѣ, онъ сильно подѣйствовалъ на умы своихъ современниковъ.

При вступленіи на престолъ Гуго Капета французское духовенство, начинавшее уже сознавать свою національную самостоятельность, повздорило съ папой, желавшимъ по обыкновенію вмѣшиваться въ дѣла всѣхъ католическихъ государствъ. Епископъ орлеанскій произнесъ очень смѣлую рѣчь на соборѣ французскаго духовенства въ Реймсѣ. Рѣчь эта была написана Гербертомъ, скромнымъ и ученымъ директоромъ реймскаго училища. Въ этой рѣчи заключались сильные упреки противъ римскаго невѣжества: «Нѣтъ въ Римѣ ни одного человѣка,—говорилъ епископъ, — это извѣстно, — который-бы обладалъ достаточными свѣдѣніями, чтобы быть порядочнымъ привратникомъ. Съ какого-же права осмѣливается учить другихъ тотъ, кто самъ ничему не учился?» Словомъ *тотъ* обозначается здѣсь ни болѣе, ни менѣе, какъ самъ папа; отъ

папы требуютъ отчета въ его знаніяхъ; о папѣ говорятъ, что онъ не годится въ дворники; что-же это такое? Реформація, что-ли, совершилась въ X столѣтіи? ничуть не бывало. Эту еретическую хулу, за которую втеченіи многихъ последующихъ столѣтій перевѣшали, перерѣзали и изжарили тысячи простодушныхъ и откровенныхъ людей, эту самую хулу, говорю я, произноситъ публично, въ торжественномъ собраніи католическаго духовенства, католическій прелатъ, единственно потому, что того требовали въ данную минуту политическіе интересы. А Гербертъ разумѣется, съ величайшей радостью, становится адвокатомъ этихъ минутныхъ интересовъ, потому что онъ находитъ здѣсь удобный случай высказать вслухъ всему католическому міру такія истины, которыя во всякое другое время непремѣнно подвели-бы неосторожнаго обличителя подъ уголовный судъ, въ тюрьму и можетъ-быть на костеръ. Далѣе слѣдуютъ истины, еще менѣе способныя доставить папѣ удовольствіе: «Еслибы посланники короля Гуго могли дать взятку папѣ и Кресценцію, то дѣло короля приняло-бы совершенно другой оборотъ». Потомъ говорится подробно о томъ, какъ папы взаимно другъ друга истребляли. «И неужели такимъ людямъ,—спрашиваетъ епископъ,—наполненнымъ всякою скверною и лишеннымъ всякихъ познаній человѣческихъ и божественныхъ, неужели имъ должны подчиняться всѣ служители церкви,—люди, извѣстные всему міру обширностью своей учености и святостью своей жизни? Первосвященникъ, который такимъ образомъ грѣшитъ противъ своего брата и при увѣщаніи не хочетъ слушать голоса совѣта,—становится мытаремъ и грѣшникомъ.» Далѣе на счетъ папы предлагается вопросъ: «не есть-ли онъ антихристъ?» Папу называютъ «человѣкомъ грѣха» и «пучиной беззаконія». — Епископъ бросаетъ общій взглядъ на положеніе всего историческаго міра и бьетъ папство по самымъ больнымъ его мѣстамъ. «Римъ,—говоритъ онъ,—уже давно потерялъ всякое вліяніе на Востокѣ. Александрія и Антіохія, Африка и Азія оторваны отъ него; Константинополь прервалъ съ нимъ сношенія; средина Испаніи понятія не имѣетъ о папѣ.»

Злѣйшій врагъ католичества не могъ-бы нанести ему болѣе чувствительныхъ ударовъ, чѣмъ тѣ, которые наноситъ ему здѣсь епископъ орлеанскій; что Гербертъ написалъ такую рѣчь, это вовсе не удивительно; но что ее рѣшился произнести на соборѣ прелатъ, не жившій никогда въ магометанской Испаніи и не вынесшій оттуда непримиримой ненависти къ невѣжеству и обскурантизму, — это въ высшей степени замѣчательный фактъ, объясняющійся только тѣмъ общеизвѣстнымъ явленіемъ, что при всѣхъ семейныхъ раздорахъ именно самые близкіе родственники выкапываютъ обыкновенно самыя позорныя кучи домашней грязи,—такія кучи, которыхъ посторонніе люди быть-можетъ и не съумѣли-бы отыскать. Всѣ знали, кѣмъ была написана рѣчь, произнесенная епископомъ орлеанскимъ; это обстоятельство такъ сильно выдвинуло Герберта впередъ, что онъ почти тотчасъ послѣ собора получилъ санъ архіепископа реймскаго. Но въ тоже время онъ естественнымъ образомъ навлекъ на себя непримиримую ненависть папы и всѣхъ его корыстныхъ и безкорыстныхъ обожателей. Вслѣдствіе этого положеніе Герберта, какъ архіепископа реймскаго, было очень шатко и двусмысленно. Строгіе католики смотрѣли на него, какъ на еретика и узурпатора. Гербертъ старался пріобрѣсти себѣ любовь и довѣріе подчиненнаго ему духовенства, относясь кротко и снисходительно къ тѣмъ естественнымъ стремленіямъ человѣческой природы, съ которыми постоянно боролись фанатики и противъ которыхъ декламировали лицемѣры. «Я не запрещаю брака,—говорилъ онъ.—Я не осуждаю вторичныхъ браковъ. Я не порицаю тѣхъ, которые ѣдятъ мясо.»

Эта политика Герберта была очень искусна, и для католической церкви спокойное обсужденіе вопроса о бракѣ духовныхъ лицъ было въ то время особенно необходимо, потому что до временъ Григорія VII, занимавшаго папскій престолъ въ концѣ XI вѣка, этотъ вопросъ былъ еще не рѣшенъ. Было-бы вѣроятно гораздо лучше для всего католическаго міра, еслибы этотъ важный вопросъ рѣшился въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималъ его Гербертъ. Но не въ эту сторону направлялось общее теченіе тогдашнихъ идей и событій. Благоразуміе было ненавистно тогдашнимъ людямъ именно потому, что оно — благоразуміе и что вслѣдствіе этого оно противоположно съ одной стороны всѣмъ безпорядочнымъ взрывамъ чувства, страсти и фантазіи, а съ другой стороны—финансовымъ интересамъ тѣхъ ловкихъ людей, которые умѣютъ обращать эти взрывы въ источники не малыхъ доходовъ. Герберту не помогла никакая политическая мудрость. Папа торжественно запретилъ ему отправлять архіепископскія обязанности. Папскій легатъ, Левъ, произнесъ по этому случаю любопытную рѣчь, которая должна была служить противоядіемъ знаменитой рѣчи епископа орлеанскаго.

«Викаріи Петра и ихъ ученики,—говорилъ онъ между прочимъ,—не хотятъ имѣть своими учителями Платона, Виргилія, Теренція и все остальное стадо философовъ, которые носятся въ высотѣ, подобно птицамъ воздушнымъ, и погружаются въ глубину, подобно рыбамъ морскимъ; и вслѣдствіе этого вы говорите, что они недостойны быть привратниками, потому что не обладаютъ искусствомъ писать стихи. Петръ — дѣйствительно привратникъ, но привратникъ неба.» Что папа беретъ взятки, этого легатъ нисколько не отрицаетъ, но онъ доказываетъ, что тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. «Развѣ,—спрашиваетъ онъ,— Спаситель не принялъ приношенія волхвовъ?» Онъ также нисколько не сомнѣвается въ дѣйстви-

тельности преступленій, совершенныхъ папами; онъ не хочетъ только, чтобы эти преступленія выводились на свѣтъ. «Хамъ, — говоритъ онъ, — былъ проклятъ за то, что открылъ наготу отца своего.»

Разсужденія краснорѣчиваго легата Льва до такой степени понравились его слушателямъ, что Гербертъ не нашелъ себѣ въ нихъ никакой поддержки. Онъ сложилъ съ себя санъ архіепископа и удалился въ Германію, ко двору малолѣтнаго короля Оттона III. Тамъ онъ сдѣлался наставникомъ Оттона, сталъ заниматься научными опытами и наблюденіями и далъ своему воспитаннику образованіе, блистательное для тогдашняго времени. Въ 996 году шестнадцатилѣтній король Оттонъ, пылкій, честолюбивый и образованный, пошелъ съ войскомъ въ Италію, чтобы утвердиться въ Римѣ и уничтожить тамошнюю кровавую неурядицу. Гербертъ находился въ свитѣ Оттона и, въ качествѣ его бывшаго наставника, пользовался особеннымъ уваженіемъ и дружбой молодого короля. Въ 998 году Оттонъ сдѣлалъ Герберта архіепископомъ равенскимъ, а на слѣдующій годъ, по смерти папы Григорія V, Гербертъ, по приказанію своего бывшаго воспитанника, вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Сильвестра II.

Это явленіе было въ высшей степени оригинально. Папой сдѣлался тотъ самый человѣкъ, котораго вся Европа знала, какъ умнѣйшаго и опаснѣйшаго противника папства и клерикальной политики. Всѣ свои духовныя должности Гербертъ занималъ постоянно независимо отъ духовенства и наперекоръ его желаніямъ. Аббатомъ въ Боббіо его назначилъ Оттонъ I; архіепископомъ реймскимъ — Гуго Капетъ; архіепископомъ равенскимъ — Оттонъ III; наконецъ на папскій престолъ его посадилъ тотъ же Оттонъ III. Но изъ Боббіо и изъ Реймса его вытѣснили интриги клерикаловъ; изъ Равенны его не успѣли вытѣснить отчасти потому, что онъ пробылъ тамъ недолго, а отчасти потому, что Оттонъ былъ въ это время въ Италіи и не любилъ шутить съ тѣми людьми, которые не хотѣли ему повиноваться. Наконецъ Гербертъ сдѣлался главой католическаго міра, а Оттонъ все-таки продолжалъ жить въ Италіи, такъ что каждое слово новаго папы почерпало себѣ силу и обязательный авторитетъ изъ присутствія нѣмецкой арміи.

Можно было ожидать важныхъ преобразованій въ управленіи церкви и во всемъ строѣ тогдашняго общества. Оттонъ былъ молодъ, уменъ, полонъ энергіи; замыслы его были очень широки, и чрезмѣрная крутость его характера, проявившаяся въ его поступкахъ съ возмутившимися римлянами, начинала смягчаться по мѣрѣ того, какъ онъ становился опытнѣе и разсудительнѣе. Папа и императоръ были воодушевлены одинаковыми стремленіями: оба ненавидѣли невѣжество и презирали испорченность тогдашняго духовенства; ихъ соединенныя усилія могли повидимому сдѣлать много добра. А между тѣмъ всѣ ихъ прогрессивныя желанія пропали даромъ. Итальянцы ненавидѣли ихъ обоихъ, какъ иностранцевъ, а нѣмцы обижались тѣмъ, что ихъ король Оттонъ живетъ въ Италіи, а не въ Германіи. Оттону надо было постоянно то ублажать своимъ присутствіемъ ревнивыхъ и любящихъ нѣмцевъ, то укрощать, также своимъ присутствіемъ, шаловливыхъ и ненавидящихъ итальянцевъ. Такъ онъ мыкался постоянно между Италіей и Германіей, не успѣвая принести существенной пользы ни той, ни другой странѣ. А совершенно отказаться отъ Италіи было невозможно, не говоря уже о томъ, что честолюбіе молодого короля не позволяло ему поступить такимъ образомъ. Отказаться отъ Италіи значило отдать папство въ руки всякихъ негодяевъ, вродѣ Альбериха, Кресценція, Марозіи, Теодоры и разныхъ другихъ продуктовъ тогдашней итальянской жизни. Опять пошла-бы та же исторія: этого задушили, другого изуродовали, третьяго уморили голодомъ, и такъ далѣе. А такія событія, совершающіяся надъ главой церкви, производили болѣзненное потрясеніе въ самыхъ отдаленныхъ углахъ тогдашней Европы, и потому было не все равно, кто сидитъ на папскомъ престолѣ и кто управляетъ дѣйствіями папы. Папа, находящійся въ рукахъ какого-нибудь Кресценція, могъ своей подкупностью и своими недобросовѣстными дѣйствіями возбуждать смуты и междоусобныя войны и въ Германіи, и въ Англіи, и во Франціи. Стало быть, Оттона и его преемниковъ невозможно осуждать за то, что они всѣ непремѣнно лѣзутъ въ Римъ за императорской короной и стараются, во что-бы то ни стало, утвердиться въ Римѣ силой оружія. Они ни подъ какимъ видомъ не могли разойтись съ папствомъ полюбовно; надо было или подчинить папство, или покориться ему. А когда человѣку приходится такимъ образомъ быть непремѣнно или наковальней, или молоткомъ, тогда отъ него невозможно требовать, чтобы онъ добровольно выбралъ себѣ пассивную роль наковальни. Такая травоядная кротость составляетъ очень жалкую добродѣтель, какъ въ частномъ человѣкѣ, такъ тѣмъ болѣе въ историческомъ дѣятелѣ.

Пока Оттонъ мыкался между Италіей и Германіей, Сильвестръ II держался кое-какъ въ Римѣ, благодаря тому страху, который чувствовали римляне передъ именемъ молодого и энергическаго императора. Но производить какія-нибудь рѣшительныя преобразованія, какія-нибудь значительныя передвиженія въ личномъ составѣ высшаго итальянскаго духовенства — объ этомъ до поры до времени нечего было и думать. Дѣйствовать на проломъ было неудобно. Во-первыхъ, результаты такихъ дѣйствій обыкновенно бываютъ очень непрочны и не окупаютъ собою сдѣланныхъ усилій. А во-вторыхъ, внима-

ніе Оттона и силы его монархіи не могли постоянно сосредоточиваться на римскихъ дѣлахъ. Поэтому Сильвестръ рѣшился сначала осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи, узнать характеръ окружающихъ людей и разъяснить себѣ игру тѣхъ многосложныхъ страстей и интересовъ, которые опутывали со всѣхъ сторонъ папское могущество. Но итальянцы не долго позволили Сильвестру предаваться этимъ предварительнымъ изслѣдованіямъ. Въ 1002 году умеръ Оттонъ III, а вслѣдъ за нимъ скончался и папа. Оба умерли въ Италіи, и есть сильныя основанія думать, что оба умерли отъ яда. Клерикальная партія, то есть почти все духовенство, черное и бѣлое, продолжала ненавидѣть Герберта и въ то время, когда онъ былъ уже Сильвестромъ II. Клерикалы очень хорошо умѣютъ сами различать въ папѣ человѣка, и человѣкъ никакъ не становится для нихъ священнымъ съ той минуты, какъ онъ надѣваетъ тіару, несмотря на то, что тѣ-же клерикалы требуютъ отъ всѣхъ другихъ людей безусловнаго уваженія къ папѣ, совершенно независимо отъ его личныхъ достоинствъ. Тѣ-же самые клерикалы, которые, голосомъ легата Льва, указывали на поступокъ Хама и на послѣдствія этого поступка, тѣ-же самые клерикалы очень усердно стали открывать наготу отца своего, когда отцомъ ихъ сдѣлался человѣкъ, ненавистный имъ по своимъ познаніямъ и по своему взгляду на вещи. Духовенство постаралось распустить о папѣ Сильвестрѣ по всей Европѣ самые нелѣпые слухи, разсчитанные на то, чтобы возбудить въ народѣ недовѣріе и ненависть къ главѣ католической церкви. Тутъ пошла въ ходъ даже клевета, а не только раскрываніе наготы. Простодушнымъ горожанамъ и поселянамъ тогдашней Европы стало доподлинно извѣстно, что въ самой затаенной комнатѣ римскаго дворца запрятанъ у папы карликъ, видомъ безобразный, и что сидитъ въ томъ карликѣ нечистая сила; и что носитъ тотъ карликъ сарацинскую чалму; и что есть у него кольцо, которое дѣлаетъ его невидимымъ; а другіе на это возражали, что это неправда, и что кольцо у него на то, чтобы являться разомъ въ двухъ мѣстахъ въ одно и то-же время; потомъ разсказывали, что въ глухую полночь слышались часто странные звуки изъ тѣхъ комнатъ, въ которыхъ никого, кромѣ папы, не было. И соображали доморощенные мыслители, что мудренаго тутъ ничего нѣтъ, и что этого всегда слѣдовало ожидать, потому что не даромъ же папа жилъ въ Испаніи съ погаными нехристями; тамъ онъ запродалъ сатанѣ свою душу съ тѣмъ условіемъ, чтобы сатана сдѣлалъ его главой христіанской церкви; теперь условіе выполнено и пришла пора окончательнаго разсчета. Поэтому вѣроятно папа и воетъ по ночамъ, стараясь отбиться отъ нечистой силы. Да, говорили съ таинственнымъ видомъ глубокомысленные монахи: «homagium diabolo fecit et male finivit» (покорился дьяволу и пришелъ къ худому концу).

Такъ жилъ, такъ умеръ и такъ поминался своими современниками одинъ изъ самыхъ раннихъ предвѣстниковъ нашей цивилизаціи. Извѣстное дѣло: ласточка еще не приводитъ съ собою весную, но настоящая ласточка, птица, и не прилетаетъ въ наши края тогда, когда весна еще не установилась. Въ мірѣ людей дѣло другое: тутъ случается очень часто, что неосторожная ласточка прилетаетъ слишкомъ рано изъ теплаго климата и терпитъ холодъ и голодъ въ той негостепріимной странѣ, гдѣ ей приходится жить. Зато въ мірѣ людей такія ласточки своимъ раннимъ появленіемъ и своими страданіями дѣйствительно ускоряютъ наступленіе той весны, которая должна пригрѣть и накормить ихъ отдаленныхъ потомковъ.

XIV.

Начавшись въ X вѣкѣ, вліяніе арабской цивилизаціи на Европу постоянно и быстро усиливалось втеченіи трехъ послѣдующихъ столѣтій. Арабская философія незамѣтно разливалась во всѣ стороны по тѣмъ неуловимо тонкимъ каналамъ, по которымъ всегда проходитъ успѣшно всякая идея, заключающая въ себѣ зародышъ новой исторической жизни. Европейская мысль начинала шевелиться, и ея первое пробужденіе выразилось въ разсужденіяхъ о религіозной догматикѣ.

Нетрудно понять, почему умственныя силы мыслящихъ людей направились прежде всего именно въ ту область, въ которой умъ всегда оказывается безсильнымъ. Во-первыхъ, всѣ люди, имѣвшіе возможность и желаніе заниматься размышленіями, принадлежали въ то время къ духовному сословію. Во-вторыхъ, теологія поглощала въ то время всѣ науки; ни о солнцѣ, ни о лунѣ, ни о землѣ, ни о водѣ, ни о животныхъ, ни о людяхъ, рѣшительно ни о чемъ нельзя было размышлять серьезно, не сталкиваясь такъ или иначе съ теологіей и не чувствуя надъ собою ея вліянія. Вопросы, которые теперь рѣшаются посредствомъ телескопа, микроскопа, химическаго анализа или анатомическаго ножа, рѣшались въ то время безусловно и безапелляціонно приговоромъ папы или собора. Мыслящіе люди занялись теологіей просто потому, что, кромѣ теологіи, въ умственной жизни тогдашней Европы не было рѣшительно никакого содержанія. А какъ только начались серьезныя размышленія о догматикѣ, такъ начались немедленно и тѣ разногласія, которыя на языкѣ клерикаловъ называются ересями.

Теоретическія мнѣнія средневѣковыхъ еретиковъ и возраженія ихъ противниковъ для насъ нисколько не интересны, но появленіе ересей очень важно, какъ барометрическое указаніе на положеніе умственной погоды; исторія нѣкоторыхъ ересей также очень интересна, потому что

въ нихъ можно разглядѣть, каковы были характеры, умы, страсти и взаимныя отношенія тогдашнихъ людей, корпорацій и народныхъ массъ. Еретикомъ назывался въ средневѣковой Европѣ такой человѣкъ, который имѣлъ противъ себя матеріальную силу, а за себя—свое личное убѣжденіе, неспособное избавить его ни отъ тюрьмы, ни отъ плетей, ни отъ костра. Личное убѣжденіе, противоположное мнѣніямъ сильныхъ людей и большинства, можетъ возникнуть только путемъ размышленія; а такое размышленіе, которое заставляетъ человѣка идти въ тюрьму или на смерть, возможно только тамъ и тогда, гдѣ и когда существуетъ уже сильное умственное движеніе. Вотъ это я и называю барометрическимъ указаніемъ. Какъ держитъ себя одинокая личность, вооруженная только силой индивидуальнаго убѣжденія, какъ смотритъ на эту личность общество, какъ ведутъ себя въ отношеніи къ ней представители матеріальной силы—все это очень интересно для характеристики данной эпохи.

Въ половинѣ XI столѣтія Беренгаръ Турскій началъ разсуждать о таинствѣ пресуществленія. Его разсужденія очень не понравились духовенству. На нѣсколькихъ соборахъ они были объявлены еретическими, и наконецъ второй латеранскій соборъ, при папѣ Николаѣ II, предложилъ Беренгару выбрать одно изъ двухъ: или смерть, или отреченіе. Беренгаръ доказалъ своимъ выборомъ, что онъ—человѣкъ очень неглупый. Онъ отрекся отъ своей ереси, но какъ только гроза прошла мимо, онъ тотчасъ снова сталъ разсуждать и учить попрежнему. На него опять посыпались благонамѣренные доносы, и дѣло его на этотъ разъ могло придти къ очень дурному концу, потому что онъ оказался уже нераскаяннымъ и неисправимымъ еретикомъ. Во второй разъ ему врядъ-ли предложили-бы выборъ. Но къ счастью его на папскомъ престолѣ сидѣлъ въ то время Григорій VII, и—о ужасъ!—этотъ знаменитѣйшій изъ папъ самъ сочувствовалъ еретическимъ мнѣніямъ Беренгара. Григорій взялъ еретика подъ свое покровительство. Для большей убѣдительности Григорій выдумалъ даже, будто онъ видѣлъ видѣніе, и будто сама Пресвятая Дѣва являлась ему, чтобы засвидѣтельствовать справедливость мнѣній Беренгара. Клерикалы сами очень часто опирались на видѣнія, какъ на уважительное и надежное доказательство. Они обязаны были вѣровать въ подлинность видѣнія, и теперь тѣмъ болѣе, что о видѣніи говорилъ самъ папа, и притомъ папа Григорій VII, лучшій и непоколебимѣйшій защитникъ папства. Однако вышло иначе. Клерикалы оказались скептиками, и, когда разгорѣлась борьба между Григоріемъ VII и германскимъ королемъ Генрихомъ IV, соборъ нѣмецкихъ епископовъ проклялъ папу, какъ приверженца беренгаровской ереси и какъ колдуна.

Оказывается такимъ образомъ, что непогрѣшимость папы никогда не была серьезнымъ дѣломъ для самихъ клерикаловъ. Какъ только папа дѣлалъ не то, чего имъ хотѣлось, такъ сейчасъ являлась критика его поступковъ, и вслѣдъ за критикой—клевета, къ которой клерикалы обращались всегда съ особеннымъ удовольствіемъ. Но Беренгара имъ такъ и не удалось изжарить. Въ XII столѣтіи имъ пришлось испытать еще болѣе жестокія огорченія. Число училищъ быстро увеличивалось. «Изъ этихъ заведеній XI и XII вѣка,—говоритъ Шлоссеръ,—особенно часто упоминаются школы въ Реймсѣ, Канѣ, Ланѣ, Турнэ, Камбрэ, Суассонѣ, Шалонѣ-на-Марнѣ, Амьенѣ и Аррасѣ, но самыми знаменитыми изъ нихъ были школы въ Люттихѣ, Безансонѣ, Шартрѣ, Орлеанѣ и Парижѣ. Кромѣ того называютъ школы въ Мецѣ, Турѣ, Верденѣ, Санѣ, Буржѣ, Пуатье и Анжерѣ. Въ Германіи въ то-же время славились училища въ Кёльнѣ, Майнцѣ, Падерборнѣ и Брауншвейгѣ.»

Но вся премудрость всѣхъ этихъ училищъ не удовлетворяла горячей любознательности тогдашнихъ передовыхъ умовъ. Неодолимая сила тянула ихъ на самый далекій западъ, въ университеты магометанской Испаніи, и эта притягательная сила съ каждымъ годомъ становилась значительнѣе и дѣйствовала успѣшнѣе. То, что во время Герберта было единичнымъ случаемъ, обратилось понемногу почти въ общее правило. Петръ Достопочтенный, аббатъ монастыря Клюньи, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Кордовѣ и не только выучился превосходно говорить по арабски, но даже перевелъ Коранъ на латинскій языкъ.

На этотъ послѣдній фактъ стоитъ обратить вниманіе. Духовное лицо, пользовавшееся важнымъ значеніемъ, безукоризненной репутаціей и глубокимъ уваженіемъ всѣхъ своихъ современниковъ, переводитъ ту ужасную книгу, на которой основана вся религія поганыхъ басурмановъ, самыхъ опасныхъ враговъ христіанства. Значитъ, уже въ XII столѣтіи были въ Европѣ люди, способные смотрѣть на чужую религію безъ фанатической ярости и способные изучать каноническія книги этой религіи просто и спокойно, какъ важный историческій фактъ, имѣвшій огромное вліяніе на судьбу многихъ милліоновъ людей.—Этотъ Петръ Достопочтенный говоритъ, что во время пребыванія его въ Испаніи тамошніе университеты были наполнены духовными лицами, пріѣхавшими изъ разныхъ государствъ Европы, чтобы понабраться всякой премудрости отъ магометанскихъ ученыхъ. Между прочимъ было много англичанъ, прилежно изучавшихъ астрономію. Въ XII вѣкѣ умственныя занятія становятся уже для многихъ европейцевъ насущной потребностью. Появляются уже такіе люди, которые блѣднѣютъ, сохнутъ, сходятъ съ ума надъ книгами и за книжныя идеи безъ страха и безъ сожалѣнія отдаютъ свою жизнь. Безплодны и неумѣстны были многія усилія этихъ людей, мечтательны

и неосуществимы ихъ стремленія, узокъ горизонтъ ихъ мысли, но велика и безкорыстна была ихъ любовь къ истинѣ, тревожно и неутомимо ихъ исканіе, неукротима и непоколебима ихъ желѣзная воля. Это были въ самомъ дѣлѣ мученики: они втеченіи всей своей жизни сжигали въ упорномъ и безплодномъ трудѣ свои великія умственныя силы, и все для того, чтобы рано или поздно столкнуться съ римскимъ обскурантизмомъ и разлетѣться въ дребезги отъ этого столкновенія.

Для насъ, для людей, уже имѣющихъ возможность трудиться и бороться за истину совершенно сознательно, для насъ должны быть дороги и священны всѣ ошибки и всѣ мучительныя разочарованія, всѣ безплодныя усилія, всѣ умственныя, нравственныя и физическія томленія, даже всѣ непроходимыя глупости честныхъ, великихъ и уже забытыхъ работниковъ мысли, изнывавшихъ среди безсмыслицъ средневѣковой Европы. Мы должны всегда помнить, что жизнь, по выраженію Некрасова, «жертвъ искупительныхъ проситъ». Для того чтобы одинъ человѣкъ открылъ плодотворную истину, надо, чтобы сто человѣкъ испепелили свою жизнь въ неудачныхъ поискахъ и печальныхъ ошибкахъ. Еслибы средневѣковые философы не бродили ощупью, то европейцамъ XIX столѣтія приходилось бы и бродить, и витать, и пробовать надъ каменной стѣной крѣпость человѣческаго черепа. А что любовь къ истинѣ и жажда знанія не угасли среди неудачъ и насмѣшекъ, подъ гнетомъ невыносимой скуки тогдашнихъ философствованій и подъ ударами разъяреннаго невѣжества, что эта любовь и эта жажда, напротивъ того, разгорались сильнѣе послѣ каждаго новаго пораженія, — это можетъ служить намъ самымъ вѣрнымъ ручательствомъ за несокрушимую живучесть и блестящую будущность европейской [illegible].

Однимъ изъ самыхъ неутомимыхъ двигателей просвѣщенія въ XII вѣкѣ былъ Петръ Абеляръ, знаменитый и несчастный любовникъ знаменитой и несчастной Элоизы. У этихъ двухъ людей любовь къ умственной дѣятельности и желаніе разливать вокругъ себя знанія доходили не до страсти — это выраженіе слишкомъ слабо — а до изступленія, до бѣшенства, до неизлечимой мономаніи. И эта нервная болѣзнь дѣйствовала заразительно на тѣхъ людей, которые приходили съ ними въ близкое соприкосновеніе. Конечная цѣль умственной дѣятельности была для нихъ неясна, но зато пылъ ихъ страсти былъ неукротимъ. Они учились сами и вовлекли въ ученіе другихъ, потому что безъ этой работы они не могли жить. Элоиза получила образованіе въ Аржантельскомъ монастырѣ. «Она познакомилась тамъ, — говоритъ Шлоссеръ, — не только съ священнымъ писаніемъ и сочиненіями отцовъ церкви, музыкой и церковнымъ пѣніемъ, но изучала также хирургію и медицину, потому что въ то время женщины часто должны были замѣнять недостатокъ врачей.»

Въ магометанской Испаніи, какъ я говорилъ выше, женщины также занимались медициной и хирургіей; мы видимъ такимъ образомъ, что уже очень давно затаился въ человѣчествѣ зародышъ того разумнаго взгляда на образованіе и трудъ женщины, за который принуждены бороться до сихъ поръ всѣ здравомыслящіе люди обоего пола. И гдѣ же мы находимъ этотъ зародышъ? Съ одной стороны у магометанъ, которыхъ мы привыкли осуждать свысока за ихъ гаремы; съ другой стороны — у европейцевъ XII вѣка, надъ которыми мы привыкли смѣяться за ихъ безчисленные предразсудки. Кажется, именно имъ, магометанамъ и средневѣковымъ католикамъ, слѣдовало-бы возставать съ особеннымъ неистовствомъ противъ женскаго труда и противъ всякаго соприкосновенія женщинъ съ областью реальнаго знанія. А выходитъ совсѣмъ напротивъ, такъ что многіе изъ нашихъ домашнихъ мыслителей могли-бы позаимствовать себѣ болѣе разумный взглядъ на женщинъ у аржантельскихъ монахинь и кордовскихъ многоженцевъ.

«Она (т. е. Элоиза), — продолжаетъ Шлоссеръ, — возвратилась въ Парижъ, въ домъ своего дяди Фульберта, цвѣтущей восемнадцатилѣтней красавицей. Въ то время Абеляръ съ большимъ успѣхомъ занимался преподаваніемъ въ Парижѣ и, какъ самъ говоритъ, получалъ много денегъ. Элоиза также желала слушать его уроки, и Фульбертъ, прельстившись деньгами, принялъ его къ себѣ на житье и совершенно предоставилъ ему воспитаніе племянницы. Элоиза выучилась у него греческому и еврейскому языкамъ, но особенно первому, которымъ, какъ положительно извѣстно, Абеляръ обладалъ вполнѣ. Старый подлецъ Фульбертъ съ самаго начала подготовилъ весь романъ, разыгравшійся между несчастными молодыми людьми, а потомъ, какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, сталъ имъ же мстить за то, что было единственнымъ послѣдствіемъ его собственной гнусности и глупости. Такая молодая дѣвушка, которая на двадцатомъ году своей жизни учится и выучивается читать въ подлинникѣ Аристотеля, разумѣется, должна влюбиться до безумія въ такого слѣпаго, пылкаго и блестящаго мыслителя, въ такого страстнаго и неутомимаго работника, какъ Абеляръ. А Абеляръ былъ бы деревяннымъ чурбаномъ, еслибы онъ не отдался всѣми силами своего существа такой дѣвушкѣ, у которой съ красотой и молодостью соединяются страстная любовь къ знанію и желѣзная сила воли, заставляющая ее преодолѣвать всю неисчерпаемую скуку азбуки и грамматики. Кого-же и любить, какъ не такую дѣвушку? — Читая и философствуя вдвоемъ, внося въ серьезныя и сухія занятія весь пылъ своей молодой и еще несознанной любви, Абеляръ и Элоиза еще сильнѣе разогрѣвали другъ въ другѣ

страсть къ знанію и наконецъ довели себя въ этомъ отношеніи до той неизлечимой мономаніи, которая наложила свою печать на всю ихъ послѣдующую жизнь. Но этимъ не могли ограничиться ихъ взаимныя отношенія. Такіе энергическіе и даровитые люди ни въ чемъ и никогда не останавливаются на половинѣ дороги. Они неизбѣжно должны были привести свой романъ къ естественной развязкѣ. Элоиза родила сына и дала ему имя: *Астролябія*. Это имя показываетъ ясно, до какихъ колоссальныхъ размѣровъ дошла ея мономанія. Кому въ самомъ дѣлѣ, кромѣ неистовствующей Элоизы, могло придти въ голову наградить несчастнаго ребенка такой нелѣпой ученой кличкой? Назвать сына въ честь математическаго инструмента, кажется, — это единственный случай во всей исторіи человѣчества. — Рожденіе Астролябіи Петровича надѣлало его родителямъ много непріятностей. Фульбертъ вломился въ амбицію и, слишкомъ поздно вздумавши охранять честь своей племянницы, сталъ требовать отъ Абеляра, чтобы онъ женился на Элоизѣ. Абеляръ и не думалъ отказываться, но тутъ встрѣтилось непреодолимое затрудненіе. Во второй половинѣ XI столѣтія безбрачіе сдѣлалось обязательнымъ для всего католическаго духовенства. Только духовныя лица имѣли право преподавать теологію. Еслибы Абеляръ женился, то онъ былъ-бы принужденъ выйдти изъ духовнаго сословія и отказаться отъ преподованія теологіи. Стало быть, ему надо было принести въ жертву или свою общественную дѣятельность, или честь любимой женщины. Не знаю, на что-бы онъ самъ рѣшился, но Элоиза сразу положила конецъ всякимъ колебаніямъ. Она объявила наотрѣзъ, что слышать не хочетъ о бракѣ, что она никогда не согласится сдѣлаться женой Абеляра и отнять такимъ образомъ у общества и у науки величайшаго учителя. Фульберту удалось однако уладить между молодыми людьми тайный бракъ, но эта полумѣра никого не могла удовлетворить. Фульберту хотѣлось доказать своимъ знакомымъ, что его племянница замужемъ и, стало-быть, имѣетъ законныя основанія рожать дѣтей. Но для этого надо было огласить бракъ, а на это Элоиза ни подъ какимъ видомъ не соглашалась, потому что тогда враги и завистники Абеляра тотчасъ согнали-бы его съ каѳедры. Когда Фульбертъ намекалъ кому нибудь на существованіе тайнаго брака, тогда Элоиза возражала тотчасъ, что все это чистый вздоръ, и что она совсѣмъ не жена, а любовница Абеляра. За эти неистовыя рѣчи Фульбертъ очень сильно гнѣвался и, при случаѣ, билъ свою неукротимую племянницу. Молодые люди рѣшили покончить все это безобразіе. Абеляръ отвезъ Элоизу въ Аржантельскій монастырь, и она поступила тамъ въ монашество. А Фульбертъ подослалъ къ Абеляру наемныхъ людей, которые его оскопили. Вылечившись отъ своихъ тяжелыхъ ранъ, Абеляръ поступилъ въ монастырь Сенъ-Дени. Съ Элоизой онъ поддерживалъ постоянную переписку. Свѣжесть и энергія его ума нисколько не поколебались отъ поразившаго его несчастія. Напротивъ того, видя, что личное счастье сдѣлалось для него невозможнымъ, онъ весь безраздѣльно отдался своей общественной дѣятельности, и преподаваніе его съ этого времени сдѣлалось еще болѣе увлекательнымъ. Въ монастырѣ Сенъ-Дени Абеляръ не могъ ужиться, аббатъ и монахи были слишкомъ грубы и развратны. Абеляръ убѣжалъ во владѣнія графа Шампанскаго и поселился близъ города Провена, въ уединенной мѣстности, уступленной ему монахами города Труа. Здѣсь онъ опять взялся за преподаваніе и немедленно собралъ вокругъ себя множество восторженныхъ слушателей. Стеченіе учащихся въ пустынѣ Абеляра сдѣлалось до такой степени значительно, что профессора всѣхъ высшихъ училищъ центральной Франціи пришли въ ужасъ и въ негодованіе. Ихъ, почтенныхъ профессоровъ, не слушаютъ, а къ негодному развратнику и скопцу Абеляру бѣгутъ студенты со всѣхъ сторонъ. Этому безчинству надо было положить конецъ. Всего удобнѣе было состроить противъ Абеляра искусный и ученый доносъ; такъ и сдѣлали два почтенные профессора реймскаго училища. Они подняли суматоху, распустили слухъ, что Абеляръ извращаетъ догматъ о Святой Троицѣ, собрали въ Суассонѣ соборъ подъ предсѣдательствомъ архіепископа реймскаго, засудили на смерть еретическую философію и заставили Абеляра собственноручно сжечь ту книгу, въ которой были изложены преступныя мнѣнія. Кромѣ того Абеляра посадили для наказанія въ монастырь Св. Медара, а потомъ, когда кончился опредѣленный срокъ тюремнаго заключенія, его отослали въ Сенъ-Дени съ строжайшимъ приказаніемъ непремѣнно ужиться съ тамошними монахами. Профессора торжествовали. Сирена, отвлекавшая ихъ слушателей, была взята въ ежевыя рукавицы и принуждена прекратить свое соблазнительное пѣніе. Въ Сенъ-Дени на Абеляра посыпались новыя несчастія. Въ простотѣ души своей, онъ высказалъ однажды замѣчаніе, что Діонисій Ареопагитъ совсѣмъ не тотъ Діонисій, который утвердилъ христіанскую религію во Франціи, что эти два Діонисія были двумя совершенно различными лицами. Аббатъ придрался къ этому замѣчанію и усмотрѣлъ въ немъ государственное преступленіе. Аббату, разумѣется, не было никакого дѣла до историческихъ доказательствъ; онъ просто хотѣлъ погубить человѣка, и погубилъ-бы его навѣрное, еслибы Абеляру не удалось еще разъ убѣжать во владѣнія графа Шампанскаго. Пока его разыскивали, аббатъ умеръ, а монастырскій капитулъ былъ такъ великодушенъ, что простилъ Абеляру его великое преступленіе и позволилъ несчастному грѣшнику жить, гдѣ ему заблагоразсудится. Абеляръ поселился въ одномъ уединенномъ мѣстѣ

около Ножана на Сенѣ, въ епархіи города Труа: здѣсь онъ, при помощи друзей, построилъ себѣ домикъ, превратилъ его, съ разрѣшенія епископа, въ часовню и опять началъ читать лекціи. Сирена опять запѣла, а профессора сосѣднихъ городовъ опять заскрежетали зубами въ своихъ опустошенныхъ аудиторіяхъ. «Около его дома,—говоритъ Шлоссеръ,—образовалась вскорѣ настоящая колонія. Число его учениковъ въ короткое время возрасло до шестисотъ; они выстроили себѣ хижины, поселились вокругъ часовни и построили возлѣ нея изъ дерева и камня новый домъ, такъ что образовался настоящій монастырь; Абелярь назвалъ его *Параклетомъ*, то есть духомъ-утѣшителемъ въ пустынѣ, посвятивъ это зданіе вмѣстѣ съ часовней, Святому Духу.»

Но профессора не дремали; они подняли противъ Абеляра такое ржаніе и мычаніе, что Абелярь, во избѣжаніе новаго осужденія за какую нибудь воображаемую ересь, принужденъ былъ прекратить свои лекціи и удалиться въ Бретань, гдѣ онъ сдѣлался аббатомъ въ монастырѣ Рюи. Черезъ нѣсколько времени его вызвали оттуда жалобы Элоизы, которая была уже въ это время настоятельницей аржантельскихъ монахинь; Элоиза писала къ своему другу, что она со всѣми своими монахинями осталась совершенно безъ пріюта, потому что аббатъ Сенъ-Дени выгналъ ихъ вонъ изъ аржантельскаго монастыря. Абелярь тотчасъ пріѣхалъ къ нимъ на помощь и уступилъ имъ весь Параклетъ; здѣсь онѣ устроили себѣ монастырь, и аббатиссой этого монастыря сдѣлалась Элоиза.

«Элоиза, — говоритъ Шлоссеръ, — считала своей нравственной обязанностью учить сестеръ латинскому, греческому и еврейскому языкамъ, но главнымъ предметомъ ея изученія было священное писаніе. Встрѣчая затрудненія, которыхъ не могла рѣшить сама, она обращалась къ Абеляру, который имѣлъ родъ высшаго надзора надъ монастыремъ. Абелярь написалъ для параклетскихъ монахинь «Гексаэмеронъ» или сочиненіе о сотвореніи міра и его шести дняхъ. По словамъ Бейля, въ воспоминаніе объ учености Элоизы, въ монастырѣ Параклетѣ ежегодно на Троицынъ день совершалась служба на греческомъ языкѣ.»

Изъ этихъ фактовъ читатель видитъ, что мономанія Элоизы нисколько не укротилась съ того времени, какъ она родила на свѣтъ Астролябію. Неутомимая жажда знанія и умственной дѣятельности осталась въ ней на всю жизнь преобладающей страстью. Абелярь также не измѣнилъ себѣ до конца. Пристроивъ Элоизу въ Параклетѣ, онъ отправился въ Парижъ и своимъ преподаваніемъ еще разъ поднялъ противъ себя жесточайшую бурю профессорскихъ, учительскихъ и пастырскихъ страстей. На этотъ разъ враги рѣшились стереть его съ лица земли. Они извлекли изъ сочиненій Абеляра множество еретическихъ тезисовъ, созвали въ Санѣ соборъ, на которомъ присутствовалъ самъ французскій король Людовикъ VII, и — что всего важнѣе — натравили на Абеляра знаменитаго Бернара изъ Клерво, неистоваго фанатика, уже извѣстнаго во всей Европѣ неотразимой силой своего пламеннаго красорѣчія, — того самаго Бернара, который вскорѣ послѣ санскаго собора поднялъ на ноги всю Европу для второго крестоваго похода. Бернаръ принадлежалъ къ числу тѣхъ честныхъ и страстныхъ людей, на которыхъ всегда ѣздятъ верхомъ отъявленные мошенники и которые всегда дѣлаютъ по глубокому и чистосердечному убѣжденію то, чего желаютъ негодяи по своимъ мелкимъ и корыстнымъ разсчетамъ. Бернаръ, нападая на Абеляра, былъ убѣжденъ въ томъ, что ратуетъ во славу и величіе религіи и церкви; на самомъ же дѣлѣ онъ воевалъ только во славу бездарныхъ и завистливыхъ педантовъ, которымъ ни до церкви, ни до религіи, ни до Бога не было рѣшительно никакого дѣла. Бернаръ погубилъ Абеляра не столько силой своего красорѣчія, сколько громадной тяжестью своего авторитета. Всѣ знали, что — Бернаръ въ самомъ дѣлѣ честный человѣкъ, и поэтому мелкимъ и криводушнымъ врагамъ Абеляра было особенно выгодно выдвинуть впередъ такого неподкупнаго бойца. Санскій соборъ осудилъ Абеляра и представилъ папѣ ужаснѣйшій докладъ о дерзкомъ вольнодумцѣ, подкапывающемъ основанія религіи.

«Онъ опустошаетъ,—говорилось въ этомъ памятникѣ клерикальнаго озлобленія—всю христіанскую вѣру, пытаясь постигнуть человѣческимъ разумомъ природу божества. Онъ восходитъ на небо, онъ нисходитъ въ адъ. Ничто не остается для него неприкосновеннымъ ни въ высочайшей высотѣ, ни въ глубочайшей глубинѣ. Его вѣтви простираются надъ всей землей. Онъ хвастаетъ, что у него есть послѣдователи въ самомъ Римѣ, даже въ коллегіи кардиналовъ. Онъ увлекаетъ всю землю за собою. Поэтому пора обуздать его языкъ апостольской властью.»

Папа Иннокентій II, склоняясь передъ неотразимымъ авторитетомъ, исполнилъ всѣ требованія гонителей Абеляра; онъ велѣлъ сжечь всѣ его книги, а его самого посадить на всю жизнь въ темницу и отнять у него всѣ средства распространять свое ученіе.

Побѣда обскурантовъ оказалась однако безплодной. У Абеляра нашелся сильный, вѣрный и мужественный другъ, который рѣшился и съумѣлъ защитить его противъ всѣхъ властей католическаго міра. Не обращая вниманія ни на санскій соборъ, ни на короля Людовика VII, ни на Бернара, ни на Иннокентія II, аббатъ могущественнаго и богатаго монастыря Клюньи, тотъ самый Петръ Достопочтенный, который учился въ Кордовѣ и перевелъ Коранъ, взялъ къ себѣ въ аббатство гонимаго Абеляра, не выдалъ его никому и сталъ покоить и ласкать его, какъ больного и замученнаго ребенка. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ умный, честный, твердый и всѣми

уважаемый человѣкъ сталъ ходатайствовать за осужденнаго въ самыхъ высшихъ инстанціяхъ церковной іерархіи; ему удалось успокоить безтолковаго, но честнаго Бернара, а какъ только Бернаръ помирился съ Абеляромъ, такъ и папа, не имѣвшій противъ знаменитаго преподавателя никакой личной ненависти, согласился предать все дѣло забвенію и волѣ божіей. Однако Абеляръ прожилъ не долго. Санскій соборъ происходилъ въ 1140 г., а въ 1142 г. утомленный, но непоколебимый боецъ кончилъ свою трудовую, бурную и нерадостную жизнь. Тѣло его было передано его Элоизѣ и погребено въ монастырѣ Параклетѣ.

При своемъ колоссальномъ умѣ Абеляръ могъ бы дойдти до степеней очень извѣстныхъ, еслибы только онъ согласился насиловать естественное теченіе своихъ мыслей и пригонять ихъ искуственнымъ образомъ къ заранѣе установленному результату. Но именно этого фокуса онъ никогда не умѣлъ и не хотѣлъ дѣлать. Онъ никогда не управлялъ своей мыслью; онъ самъ, всѣмъ существомъ своимъ, отдавался ея свободному и неудержимому теченію. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается тайна того обаятельнаго вліянія, которое онъ имѣлъ на своихъ многочисленныхъ слушателей. Какъ бы ни были недостаточны его фактическія знанія о природѣ и о человѣкѣ, какъ бы ни было узко его матеріальное міросозерцаніе, какъ бы ни были безплодны его усилія,—онъ все-таки былъ всегда искреннимъ мыслителемъ, неподкупнымъ и неустрашимымъ искателемъ истины. Вся его жизнь была полуинстинктивной, полусознательной, но всегда честной и мужественной борьбой за самостоятельность и полноправность человѣческаго мышленія. Много разъ его сшибали съ ногъ доносы, обвиненія и приговоры; всякій разъ, избитый и измученный, онъ опять поднимался на ноги и все-таки пускался въ путь, и все-таки шелъ дальше, совсѣмъ не по тому направленію, которое могло довести его до степеней извѣстныхъ; и шелъ, и боролся этотъ человѣкъ до тѣхъ поръ, пока упалъ и умеръ на дорогѣ. Такіе цѣльные характеры, такія «сердца изъ золота и стали» навсегда упрочиваютъ за собою глубокое и страстное уваженіе всѣхъ людей, имѣющихъ малѣйшее понятіе о томъ, что значитъ съ наслажденіемъ трудиться, страдать и бороться за любимую идею.

Есть основаніе думать, что доктрины Абеляра хватали очень далеко и что въ нихъ заключались зародыши такихъ преобразованій, которыя нѣсколько столѣтій спустя дѣйствительно стали прокладывать себѣ дорогу въ церковь и въ общество. Въ числѣ учениковъ и страстныхъ поклонниковъ Абеляра находился одинъ молодой человѣкъ, Арнольдъ, уроженецъ итальянскаго города Бреши (Brescia), извѣстный въ исторіи подъ именемъ Арнольда Брешіанскаго. Этотъ молодой человѣкъ хотѣлъ сдѣлать въ XII вѣкѣ то, о чемъ до сихъ поръ хлопочутъ напрасно государственные люди западной Европы. Онъ хотѣлъ совершенно отдѣлить церковь отъ государства. «Онъ явился въ Римъ,—говоритъ Шлоссеръ,—и съ большимъ успѣхомъ сталъ проповѣдывать въ народѣ, что духовенство обязано заниматься только тѣмъ, къ чему призвано, и не должно ни принимать участія въ земныхъ дѣлахъ, ни пользоваться свѣтской властью. Арнольдъ сдѣлался совершеннымъ оракуломъ римлянъ.» Проповѣдь Арнольда началась около 1140 года. На нѣсколько времени онъ принужденъ былъ удалиться изъ Рима въ Швейцарію, но въ 1145 году онъ опять вернулся въ Римъ съ толпой прозелитовъ, пріобрѣтенныхъ въ Швейцаріи, и на этотъ разъ сталъ дѣйствовать такъ успѣшно, что римляне выгнали вонъ папу Евгенія III, учредили по примѣру своихъ предковъ сенатъ и возстановили всѣ формы древней республики. Пированіе это продолжалось до 1154 года; римляне XII вѣка не были однако похожи на древнихъ республиканцевъ; они постоянно чувствовали свою слабость и постоянно искали себѣ покровительства у германскаго императора, Конрада III, къ которому они очень важно и величественно писали письма отъ имени сената и народа римскаго (Senatus populusque romanus). Любопытно замѣтить, что Конрадъ, которому по всей вѣроятности крѣпко надоѣли претензіи духовенства, питалъ грѣховное сочувствіе къ еретическимъ мыслямъ Арнольда, стоявшаго тогда во главѣ римской республики. «Онъ соглашался,—говоритъ Шлоссеръ,—что духовные не должны были ни вести войнъ, ни возбуждать кровопролитій, и что ихъ призваніе ограничивается только проповѣдями и богослуженіемъ, хотя провести эту мысль въ Германіи ему было гораздо труднѣе, чѣмъ новому римскому сенату въ Римѣ.» Однако изъ этого сочувствія Конрада ровно ничего не вышло. Конрадъ умеръ въ 1152 году; римляне призвали къ себѣ назадъ папу Андріана IV, а въ концѣ того же самаго года преемникъ Конрада, Фридрихъ Барбаросса, вступая въ Римъ для коронованія, обѣщалъ папѣ уничтожить римскую республику, схватить Арнольда и выдать его клерикаламъ. Все это было исполнено, и папа приказалъ немедленно сжечь дерзкаго еретика.

Такимъ образомъ погибали въ средневѣковой Европѣ всѣ люди, искренно преданные благу человѣчества и возлагавшіе свои надежды на стойкость и благоразуміе народныхъ массъ. Массы въ то время были изъ рукъ вонъ плохи. Онѣ могли придти въ неистовый восторгъ и двинуться цѣлыми ордами въ Азію, послушавшись жалобныхъ восклицаній какого нибудь Петра Пустынника или Бернара, но спокойно и твердо стоять за сознательно понятое право онѣ были рѣшительно неспособны. Впрочемъ въ природѣ не пропадаетъ ни одна частица матеріи. А въ исторіи человѣчества ни одна мысль, ни одна попытка, ни одна неудача и ни одна ошибка

не остаются безъ послѣдствій. Все это западаетъ въ умы людей, зрѣетъ и развивается въ нихъ незамѣтно и потомъ вдругъ воплощается въ новомъ переворотѣ или въ новой бытовой формѣ.

XVI.

Театромъ первой серьезной борьбы между папствомъ и самостоятельнымъ человѣческимъ мышленіемъ сдѣлалась та самая земля, въ которой вліяніе магометанской Испаніи породило поэзію трубадуровъ. Южная Франція въ XII вѣкѣ была богатой, промышленной и образованной страной. Большіе города ея пользовались самоуправленіемъ и вели обширную торговлю; въ каждомъ изъ такихъ городовъ, въ Монпелье, въ Арлѣ, въ Тулузѣ, въ Нарбоннѣ, въ Безье, находились высшія училища, въ которыхъ превосходные еврейскіе ученые съ большимъ успѣхомъ преподавали медицину, несмотря на протесты и угрозы епископовъ и монаховъ. Рыцари и благородныя дамы занимались стихоплетствомъ, оказывали покровительство странствующимъ пѣвцамъ и вовсе не были расположены преслѣдовать фанатической ненавистью ученыхъ еврейскихъ врачей или смотрѣть на испанскихъ арабовъ, какъ на гнусное отродье сатаны. Достаточные горожане умѣли читать и писать и обнаруживали наклонность къ умственнымъ занятіямъ. Многіе изъ нихъ читали Библію и углублялись въ серьезныя размышленія о несовершенствахъ церковной іерархіи и о противорѣчіи, существующемъ между образомъ жизни духовныхъ лицъ и точнымъ смысломъ евангелическаго ученія. Агенты папства ловили и сжигали тѣхъ людей, которые высказывали громко свои нескромныя замѣчанія; но всѣхъ было невозможно перехватать и зажарить. Движеніе мысли распространилось, и число еретиковъ быстро увеличилось. Они поражали римскую іерархію и серьезными аргументами, и остроумными сатирами. Они увлекали за собой дворянство и даже часть духовенства. Они говорили, что святость священника заключается не въ его званіи, а въ нравственной чистотѣ его жизни; что богатство духовенства есть слѣдствіе и источникъ многихъ злоупотребленій; что епископы не должны вмѣшиваться въ войны и участвовать въ кровопролитіяхъ. Они отрицали чистилище и продажу индульгенцій. Они требовали, чтобы священное писаніе было переведено на народный языкъ, и чтобы на этомъ же языкѣ совершалось богослуженіе. Словомъ, реформа Лютера по своей идеѣ была уже готова въ XII столѣтіи. Но остальная Европа въ это время была непохожа на южную Францію, и папѣ Иннокентію III, вступившему на престолъ въ 1198 году, безъ особеннаго труда удалось двинуть цѣлую орду рыцарей, монаховъ и разбойниковъ въ цвѣтущія земли провансальскихъ вольнодумцевъ. Въ 1209 году начался знаменитый крестовый походъ противъ альбигойцевъ; такъ называли еретиковъ южной Франціи по имени города Альби; крестоносцы сдѣлали свое дѣло, какъ слѣдуетъ; богатство, промышленность, поэзія, медицина, ересь—все потонуло въ крови. Римская іерархія перепахала всю страну заново и посѣяла въ ней свое сѣмя такъ основательно, что въ настоящее время южная Франція можетъ смѣло похвастаться своимъ безукоризненнымъ клерикализмомъ, своей яростной ненавистью къ протестантамъ и своимъ глубокимъ невѣжествомъ. Во время революціи прошлаго столѣтія католическая реакція была особенно сильна въ тѣхъ самыхъ большихъ городахъ южной Франціи, въ которыхъ до крестоваго похода противъ альбигойцевъ развивалось реальное знаніе и выростала свободная мысль.—Клерикалы серьезно задумались надъ событіями XII вѣка; смѣлое философствованіе отдѣльныхъ личностей, быстрое распространеніе ересей въ народныхъ массахъ — все это было для нихъ совершенно ново. Они сообразили, что пришла пора перемѣнить тактику: держаться чисто-отрицательныхъ мѣръ, то-есть давить безъ разбору всѣ проблески образованія—это было очень удобно въ VI и въ VII вѣкѣ; но въ XII и въ XIII такая работа становилась уже затруднительной. Можно было задать страху еретикамъ посредствомъ поголовнаго истребленія; но часто прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ и одерживать такія блестящія побѣды — было опасно: нѣтъ той системы, которая могла бы постоянно поддерживать себя конвульсивными потрясеніями. Надо было измыслить какую-нибудь машину,— такую, которая давила и извращала бы человѣческій умъ ровно, спокойно, постоянно, безъ открытой войны, безъ опустошенія цѣлыхъ областей. Машина эта дѣйствительно была изобрѣтена и пущена въ ходъ въ началѣ XIII вѣка. Она состояла изъ трехъ главныхъ частей, которыя однако были очень тѣсно связаны между собою. Во-первыхъ—нищенствующіе ордена, во-вторыхъ — церковная схоластика и въ-третьихъ—инквизиція.—Два фанатика, Францискъ и Доминикъ, основали въ началѣ XIII вѣка два монашескіе ордена, францисканцевъ и доминиканцевъ; люди, поступающіе въ эти ордена, обязывались жить милостыней, отказываться отъ всякой роскоши, ходить по городамъ и селамъ и при каждомъ удобномъ случаѣ говорить народу проповѣди на народномъ языкѣ. Посредствомъ этихъ орденовъ, разросшихся съ изумительной быстротой, римская іерархія пріобрѣтала постоянное и очень сильное вліяніе на низшіе классы народа. Обязательная бѣдность францисканцевъ и доминиканцевъ зажимала ротъ тѣмъ еретикамъ, которые обращали вниманіе народа на богатство и изнѣженность римскаго духовенства. Къ словамъ аббатовъ или епископовъ, одѣтыхъ въ бархатъ и заплывшихъ жиромъ, народъ могъ относиться съ предубѣжденіемъ; онъ могъ смотрѣть на этихъ людей, какъ на чиновниковъ, получающихъ огромное жалованье за свою службу. Но когда тѣ-же самыя мысли высказывались человѣкомъ, перенося-

щимъ добровольно всякія лишенія, тогда эти мысли должны были получить въ глазахъ массы значительный вѣсъ. Тутъ вся наружность оратора говорила ясно, что онъ никѣмъ и ничѣмъ не можетъ быть подкупленъ. Но надо было устроить такъ, чтобы воодушевленіе этихъ нищихъ-ораторовъ постоянно поддерживалось и подогрѣвалось. Кромѣ того надо было строго наблюдать за тѣмъ, чтобы они не сбивались въ сторону, чтобы они говорили дѣйствительно все то и только то, что, по соображеніямъ римской іерархіи, слѣдовало говорить. Въ противномъ случаѣ, все ихъ вліяніе на простой народъ могло бы обратиться противъ папства, и, вмѣсто того чтобы быть полезнѣйшими защитниками папскихъ принциповъ, они могли сдѣлаться ихъ опаснѣйшими врагами. Чтобы застраховать нищенствующихъ монаховъ отъ ереси, римская іерархія ухитрилась направить всѣ ихъ умственныя силы къ безконечнымъ діалектическимъ турнирамъ схоластическаго богословія. Вся философія и все богословіе средневѣковой Европы называется въ настоящее время схоластикой. Самое слово *схоластика* не заключаетъ въ себѣ никакого порицательнаго значенія. Оно происходитъ отъ латинскаго слова «schola» — что значитъ *школа*. Философія и богословіе тѣхъ временъ называются *школьными* по той простой причинѣ, что они господствовали въ тогдашнихъ школахъ. Но та схоластика, которую старался развивать Римъ, носитъ на себѣ совершенно особенную печать. Ея типическое свойство заключается въ томъ, что результатъ, къ которому обязанъ придти мыслитель, всегда извѣстенъ заранѣе. Напримѣръ Абеляръ, не имѣвшій ничего общаго съ той спеціальной схоластикой, которую взлелѣяли клерикалы,—написалъ очень непріятную для Рима книгу, подъ заглавіемъ: «Sic et non» («Да и нѣтъ»). Въ этой книгѣ онъ доказываетъ, что сочиненія многихъ церковныхъ писателей, считавшихся непогрѣшимыми, заключаютъ въ себѣ огромное количество внутреннихъ противорѣчій, что эти писатели противорѣчатъ другъ другу на каждомъ шагу, что объ одномъ и томъ же вопросѣ они говорятъ и *да*, и *нѣтъ*. Ясное дѣло, что такая книга составляетъ результатъ критическаго изслѣдованія, не направленнаго къ предвзятой цѣли. Абеляръ читалъ, изучалъ, сравнивалъ писателей, нашелъ въ нихъ непримиримыя противорѣчія и откровенно высказалъ свои умозаключенія. Настоящій схоластикъ долженъ былъ взяться за дѣло совершенно иначе. Еще не раскрывая ни одной книги, онъ уже зналъ твердо, что въ такихъ-то писателяхъ никакихъ противорѣчій быть не можетъ. Этотъ выводъ стоялъ непоколебимо, и къ нему онъ долженъ былъ непремѣнно придти въ концѣ своего изслѣдованія. Значитъ, все дѣло его состояло въ томъ, чтобы посредствомъ діалектическихъ маневровъ примирить всѣ крайности, даже и такія, которыя никакъ не могутъ примириться. Если одинъ авторитетъ говоритъ: «да», а другой: «нѣтъ», то схоластикъ долженъ доказать, что оба правы и что оба между собою согласны. Чтобы устроить такой фокусъ, схоластикъ, разумѣется, долженъ напустить такого тумана, который отнялъ-бы у слушателей и учителей всякую возможность понимать различіе между *да* и *нѣтъ*. Такъ схоластики и поступали дѣйствительно. У доминиканцевъ величайшимъ искусникомъ по части напусканія тумана считался Фома Аквинскій, жившій въ XIII вѣкѣ и наполнившій своими діалектическими хитросплетеніями двадцать три фоліанта. У францисканцевъ нашелся свой искусникъ, Дунсъ Скотъ (то есть шотландецъ), жившій въ одно время съ Фомою, но написавшій только двадцать фоліантовъ. Нищенствующіе монахи такъ возлюбили своихъ мудрецовъ, что дальше ихъ уже не пошли; францисканцы называли себя *скотистами*, а доминиканцы—*фомистами*. Скотисты съ фомистами очень горячо спорили, причемъ спорящія стороны съ замѣчательнымъ искусствомъ прикидывались, будто понимаютъ другъ друга. Иногда споръ переходилъ въ драку, и тогда взаимное пониманіе становилось уже непритворнымъ. Цѣль римской іерархіи достигалась; умственныя силы горячихъ фанатиковъ вертѣлись въ заколдованномъ кругу, воспламенялись въ безвыходныхъ спорахъ, отвлекались отъ опаснаго вольнодумства и устремлялись противъ всѣхъ не-фомистовъ или не-скотистовъ со всей энергіей безтолково-полемическаго задора. Доминиканцы утверждали совершенно серьезно, что прочитать книги Фомы Аквинскаго,—значитъ проглотить всю человѣческую мудрость. Доминиканцы были самымъ надежнымъ воинствомъ папы, гораздо надежнѣе францисканцевъ. Поэтому папа Григорій IX поручилъ имъ хватать, судить, пытать и жечь всѣхъ еретиковъ. Инквизиція была изобрѣтена самимъ Доминикомъ, и духовныя дѣти этого великаго палача сдѣлались инквизиторами.

Опираясь на нищенствующихъ монаховъ, на усовершенствованную схоластику, на шпіоновъ и палачей священной инквизиціи, папство смѣло и бодро вступило въ борьбу съ пробуждающимся самосознаніемъ средневѣковаго человѣка, у котораго не было никакихъ орудій, кромѣ мысли и воли. Въ XIII вѣкѣ папство, раздавившее альбигойцевъ, было всесильно. Долго-ли продолжалось это могущество и какимъ образомъ европейская мысль старалась завоевать себѣ самостоятельность, объ этомъ я поговорю довольно подробно въ отдѣльной статьѣ, подъ особымъ заглавіемъ («Умственный переломъ въ жизни средневѣковой Европы». Томъ IV, стр. 377.

фія, и что было-бы желательно напечатать въ ней эту статейку. Въ другое время Писаревъ можетъ быть и отклонилъ-бы подобное предложеніе мало знакомаго человѣка, но, какъ мы говорили, онъ былъ въ такомъ настроеніи духа, въ которомъ человѣкъ не дорожитъ собою и бываетъ даже радъ всякому сильному нервному потрясенію. И вотъ онъ обѣщался Баллоду написать другой разборъ брошюры Шедоферотти, болѣе соотвѣтственный подпольной печати, что онъ и исполнилъ. Разборъ былъ напечатанъ; но вскорѣ затѣмъ Баллодъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ своей типографіей, а 3-го іюля былъ арестованъ и Писаревъ. Отсидѣвъ по приговору суда въ крѣпости 4 года, Писаревъ по освобожденіи былъ оставленъ въ Петербургѣ, какъ человѣкъ въ политическомъ отношеніи совершенно безвредный, и дѣйствительно онъ по прежнему углубился въ свою литературную работу и остатокъ своей недолгой жизни провелъ въ мирномъ трудѣ, не только чуждаясь какихъ-либо конспиративныхъ революціонныхъ кружковъ, но и категорически отрицая въ бесѣдахъ съ друзьями всякую пользу дѣятельности этихъ кружковъ.

Если мы обратимся къ его сочиненіямъ и взглянемъ на нихъ безпристрастными глазами, то еще болѣе убѣдимся въ томъ, что, непричастный къ революціонному движенію, Писаревъ и въ сочиненіяхъ своихъ не только не возбуждалъ молодежь въ этомъ направленіи и не толкалъ ее на какой-либо гибельный путь, а напротивъ того отклонялъ ее отъ всякихъ революціонныхъ стремленій и поэтому, еще разъ повторяемъ, возбуждалъ въ людяхъ пропитанныхъ революціоннымъ духомъ, негодованіе.

Сочиненія Писарева раздѣляются на двѣ категоріи. Одни изъ нихъ носятъ характеръ естественно-научныхъ компиляцій, вродѣ напримѣръ изложенія философской системы Огюста-Конта или-же научнаго спора французскихъ ученыхъ по поводу теоріи самозарожденія. Въ такихъ очеркахъ, не имѣющихъ въ виду ничего другого, кромѣ распространенія полезныхъ знаній въ обществѣ, смѣшно и предполагать какія бы то ни было вредныя идеи, могущія поколебать общественныя основы.

Къ другой категоріи относятся критическія статьи. Вліяніе критика обусловливается, конечно, тѣми идеалами, которые онъ проводитъ въ своихъ статьяхъ. Посмотрите же, какіе идеалы проводилъ Писаревъ.

Когда вышла повѣсть Помяловскаго «Мѣщанское счастье», радикальная критика не могла иначе взглянуть на героя этой повѣсти, Молотова, какъ на узкаго эгоиста, заботящагося только о личной наживѣ и въ своемъ преслѣдованіи буржуазнаго счастья чуждаго всякихъ высшихъ общественныхъ стремленій; одинъ только Писаревъ взялъ Молотова подъ свою защиту и вотъ какъ онъ къ нему отнесся:

«Никакіе массовые дѣятели будущаго времени, никакіе титаны въ мірѣ не имѣютъ возможности смотрѣть съ презрѣніемъ на того обыкновеннаго человѣка, который, подобно Молотову, скромно сознавая свою обыкновенность и понимая невозможность передѣлать обстоятельства обыкновенными и изолированными силами, сосредоточилъ все свое вниманіе на той простой задачѣ, чтобы совершенно честно прокормить свою собственную личность. Если-бы Штольцъ былъ возможенъ, то онъ былъ-бы смѣшонъ и гадокъ. Ему надо было-бы дать щелчокъ въ носъ, чтобы онъ слетѣлъ съ пьедестала, на который его суконное рыло не даетъ ему ни малѣйшаго права. Молотовъ, напротивъ того, совершенно возможенъ и очень симпатиченъ своею свѣтлою и тихою грустью. Причина его грусти очень понятна. Онъ сознаетъ, что трудъ его безполезенъ для общества. Онъ чувствуетъ, что при другихъ условіяхъ онъ могъ-бы приносить людямъ дѣйствительную пользу. Но создать эти условія онъ не въ состояніи. Для этого нужно, чтобы общество, глубоко проникнутое инстинктивнымъ стремленіемъ къ новой жизни, воплотило эти стремленія въ геніальной личности, чтобы эта личность своею дѣятельностью сгруппировала и осмыслила разрозненныя силы многихъ честныхъ и не глупыхъ людей, подобныхъ Молотову, чтобы эти соединенныя силы дружно взялись за работу и превратили инстинктивное стремленіе общества въ разумный планъ и въ живое дѣло. Тогда Молотовъ былъ-бы веселъ и счастливъ. Онъ, быть можетъ, все-таки остался-бы чернорабочимъ; но какое счастье быть чернорабочимъ въ томъ дѣлѣ, которое любишь, уважаешь и понимаешь во всѣхъ его подробностяхъ и послѣдствіяхъ!»

Точно также и позже, когда вышли «Отцы и дѣти» Тургенева, и когда радикальные критики взглянули на Базарова, какъ на каррикатуру на молодое поколѣніе, опять-таки одинъ Писаревъ взялъ Базарова подъ свою защиту и возвелъ его въ олицетвореніе идеала новыхъ людей.—Въ чемъ же заключается этотъ идеалъ и какими полагаетъ онъ людей, которыхъ считаетъ «новыми»?..

Просматривая рядъ критическихъ статей, въ томъ числѣ и характеристику Базарова, мы видимъ, что эти «новые люди» подъ перомъ Писарева вовсе не являются какими-либудь революціонерами, мечтающими о какихъ-либо общественныхъ переворотахъ, а напротивъ того, они ни о чемъ не заботятся, какъ лишь о личномъ самосовершенствованіи въ духѣ реализма и распространеніи въ обществѣ полезныхъ, естественно-научныхъ знаній.—Болѣе всего уважаетъ Писаревъ Базарова за то, что тотъ живетъ совершенно независимо, весь уходитъ въ свои научные интересы, и ставитъ ему даже въ заслугу, что онъ не только не мечтаетъ объ увеличеніи благосостоянія народа, а напротивъ того смѣется надъ Аркадіемъ за подобныя мечты, и прямо объявляетъ ему, что онъ ненавидитъ всѣхъ этихъ Филипповъ и Сидоровъ, для которыхъ онъ долженъ изъ кожи лѣзть и которые ему даже спасибо не скажутъ.

Передовому человѣку, по мнѣнію Писарева, вовсе не для чего на стѣну лѣзть, заботясь о какихъ-бы то ни было реформахъ и переворотахъ.

«Умная и развитая личность, говоритъ онъ, *сама того не замѣчая*, дѣйствуетъ на все, что къ ней прикасается; ея мысли, ея занятія, ея гуманное обращеніе, ея спокойная твердость—все это шевелитъ вокругъ нея стоячую воду человѣческой рутины; кто уже не въ силахъ развиваться, тотъ по крайней мѣрѣ уважаетъ въ умной и развитой личности хорошаго человѣка, а людямъ очень полезно уважать то, что дѣйствительно заслуживаетъ уваженія; но кто молодъ, кто способенъ любить идею, кто ищетъ возможности развернуть силы своего свѣжаго ума, тотъ, сблизившись съ умною и развитою личностью, можетъ-быть начнетъ новую жизнь, полную обаятельнаго труда и неистощимаго наслажденія. Если предполагаемая свѣтлая личность дастъ такимъ образомъ обществу двухъ-трехъ молодыхъ работниковъ, если она внушитъ двумъ-тремъ старикамъ невольное уваженіе къ тому, что они прежде осмѣивали и притѣсняли, то неужели вы скажете, что такая личность ровно ничего не сдѣлала для облегченія перехода къ лучшимъ идеямъ и къ болѣе сноснымъ условіямъ жизни? Мнѣ кажется, что она сдѣлала въ малыхъ размѣрахъ то, что дѣлаютъ въ большихъ размѣрахъ величайшія историческія личности».

Такимъ образомъ Писаревъ является вполнѣ моралистомъ-индивидуалистомъ, раздѣляя со всѣми моралистами свойственную имъ характеристическую черту: именно, ставя на первый планъ самосовершенствованіе личности, они затѣмъ и общественный прогрессъ выводятъ прямо изъ этого личнаго самосовершенствованія, такъ что общественный прогрессъ сводится у нихъ къ простому количественному размноженію носителей ихъ идеала. Подобно тому, какъ Гоголь полагалъ, что крѣпостное право само собою парализуется, когда всѣ помѣщики проникнутся духомъ благочестія, такъ и Писаревъ былъ убѣжденъ, что на землѣ не замедлитъ наступить рай, какъ только все человѣчество обратится въ трезвыхъ реалистовъ базаровскаго типа.

«Если естествознаніе обогатитъ наше общество мыслящими людьми, говоритъ онъ въ заключеніи статьи «Цвѣты невиннаго юмора», если наши агрономы, фабриканты и всякаго рода капиталисты выучатся мыслить, то эти люди вмѣстѣ съ тѣмъ выучатся понимать какъ свою собственную пользу, такъ и потребности того міра, который ихъ окружаетъ. Тогда они поймутъ, что эта польза и эти потребности совершенно сливаются между собою; поймутъ, что выгоднѣе и пріятнѣе увеличивать общее богатство страны, чѣмъ выманивать или выдавливать послѣдніе гроши изъ худыхъ кармановъ производителей и потребителей... Это будетъ дѣлаться такъ потому, что капиталисты, во-первыхъ, будутъ правильно понимать свою выгоду, а, во-вторыхъ, будутъ находить наслажденіе въ полезной работѣ. Это предположеніе можетъ показаться идиллическимъ, но утверждать, что оно не осуществимо, значитъ утверждать, что капиталистъ не человѣкъ и даже никогда не можетъ сдѣлаться человѣкомъ... Для того, чтобы подобныя превращенія были возможны и даже обыкновенны, необходимо только, чтобы въ нашемъ обществѣ постоянно поддерживалась та свѣтлая струя живой мысли, которую вноситъ къ намъ зарождающееся естествознаніе».

Однимъ словомъ, въ распространеніи естественно-научныхъ знаній Писаревъ видѣлъ панацею отъ всѣхъ общественныхъ недуговъ и бѣдствій и все сводилъ къ этой панацеѣ. Такъ напримѣръ, главнымъ образомъ ставятъ ему въ вину отрицаніе искусства и значенія Пушкина въ нашей литературѣ. Но не говоря уже о томъ, что весьма сомнительно, чтобы теперь кого-бы то ни было могли смутить эти юношескія увлеченія Писарева, платившаго ими дань своему давно минувшему времени, особенно въ наши дни, когда сочиненія Пушкина распространились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, обратите вниманіе, во имя чего отрицалъ Писаревъ искусство и Пушкина.

Вы скажете—съ тою цѣлью, чтобъ молодежь, вмѣсто поклоненія искусству, занималась революціей? Ничуть не бывало: на мѣсто отрицаемаго искусства Писаревъ ставилъ все то-же свое излюбленное имъ естествознаніе, требуя, чтобы беллетристы и поэты, въ томъ числѣ и Салтыковъ, бросили-бы всѣ свои пѣснопѣнія и занялись-бы писаніемъ популярныхъ статей по естествознанію. Подобные совѣты врядъ-ли кого нибудь способны увлечь на какой-бы то ни было «гибельный» путь.

В. И. Писарева.

P. S. Съ 1868 года, послѣ распродажи 1-го изданія «Сочиненій Писарева», они оставались какъ-бы погребенными втеченіи цѣлой четверти вѣка и Писаревъ фактически самъ собою какъ-бы вычеркивался изъ исторіи русской литературы. Мнѣніе публики, что переизданію сочиненій Писарева препятствуютъ цензурныя условія нашего времени, не выдерживаетъ никакой критики, такъ какъ 10 томовъ этихъ сочиненій никогда не стояли въ спискѣ книгъ, «запрещенныхъ къ обращенію и перепечаткѣ». Тоже самое доказываетъ и безпрепятственное обращеніе вышедшихъ за послѣднее время многихъ изданій, гдѣ собраны лучшія и характернѣйшія статьи наиболѣе выдающихся представителей журналистики 60-хъ годовъ, не только писавшихъ въ одномъ духѣ съ Писаревымъ, но и такихъ, по отношенію къ которымъ Писаревъ можетъ считаться не болѣе, какъ ихъ талантливымъ *ученикомъ*.

Допускать при такихъ обстоятельствахъ, что новое изданіе сочиненій Писарева не появлялось у насъ до сихъ поръ вслѣдствіе цензурныхъ препятствій, значило-бы предположить возможность со стороны цензурнаго вѣдомства явной непослѣдовательности и чисто личнаго, субъективнаго отношенія къ даровитѣйшему изъ критиковъ давно пережитой нами эпохи. Но такъ могутъ думать только люди, получающіе свои свѣдѣнія о петербургской цензурѣ «отъ вѣрнаго человѣка въ корридорѣ». Настоящія причины 25-лѣтней подспудности сочиненій Писарева имѣютъ вполнѣ *частный* характеръ и не представляютъ собой никакого общественнаго интереса. Въ прошломъ году они были устранены, и сестра покойнаго критика тотчасъ-же вошла со мной въ соглашеніе относительно новаго изданія «Сочиненій Писарева», причемъ мы оба находимся въ полной увѣренности, что съ выходомъ этого изданія всѣ нелѣпые толки о «независящихъ отъ насъ» препятствіяхъ къ появленію «Сочиненій Писарева» черезъ ¼ вѣка послѣ его смерти разомъ прекратятся.

Ф. Павленковъ.